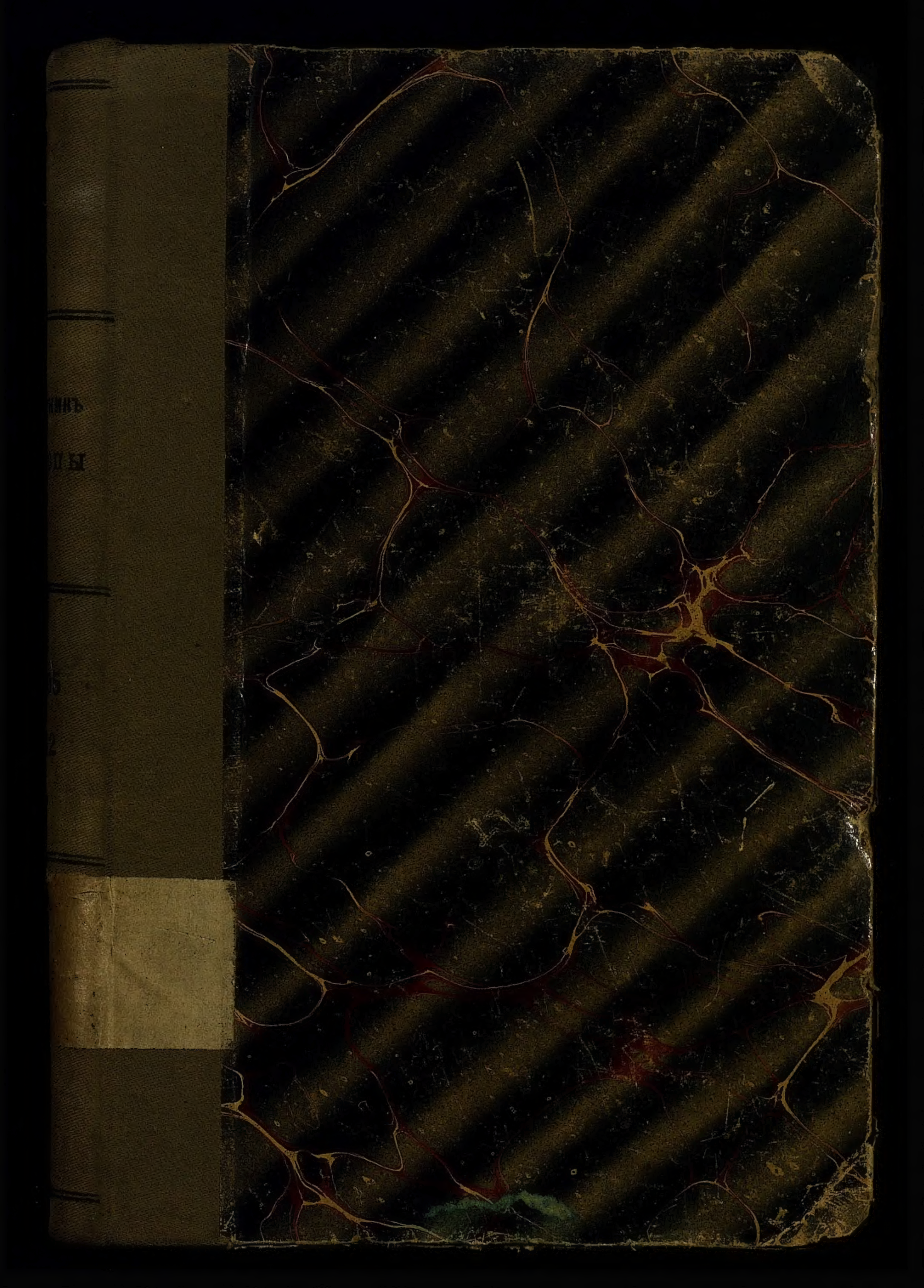

114

...ить присутствіе духа. Мож...
...овъ былъ его испугъ, когда сов...
...о онъ дошелъ до конца корридор...
...ся песчаною стѣною: выхода изъ не...
...ръ прекращался внезапно. Наши чит...
...то эта стѣна была стѣлана наскоро...
Они неусыпно стерегли катакомбы...
...вивъ груды песку, и какъ скоро ув...
...пускавшихся подъ...

...оказалось, что...
...орквать былъ правъ, прося взять однѣ...
...пертаго сырого воздуха подземелья факел...
...и осыпали идущихъ искрами, между тѣмъ...
...й, ѣдкій дымъ смолистаго дерева, изъ ко...
...ыли сдѣланы, стлался по низкому потолк...
...валъ дыханіе солдатъ, ѣлъ имъ глаза и...
...самый свѣтъ огня. Торкватъ шелъ впереди...
...я съ напряженнымъ вниманіемъ число бо...
...доровъ, которые замѣтилъ, когда посѣща...
...бы съ Панкратіемъ. Будучи не въ со...
...ать ни одной мѣтки своей, ни одного сво...
...еннаго тогда значка, онъ сильно смущался...

Вестник Европы

1905 г.

т. 6

№ 12 - декабрь.

Спб, 1905

ФИЛИППЪ ИВАНОВИЧЪ КАСАТКИНЪ

ПОВѢСТЬ.

I.

Съ нѣкоторыхъ поръ Филиппъ Ивановичъ Касаткинъ сталъ слышать какіе-то странные крики. Сначала это были даже не крики, а тонкій, тонкій пискъ, похожій не то на жужжаніе комара, не то—на предсмертные стоны мухи, умирающей въ лапахъ паука. Случалось это обыкновенно тогда, когда кругомъ была тишина, и Филиппъ Ивановичъ оставался одинъ; поэтому странный пискъ его не особенно безпокоилъ. Ну, что же такое: муха такъ муха, комаръ такъ комаръ... можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ комаръ или муха, и ничего въ этомъ удивительнаго нѣтъ, и пусть себѣ пищатъ, если это имъ нравится. Но мало-по-малу звуки стали крѣпнуть, расширяться, перешли въ визгъ поросенка, котораго рѣжутъ, потомъ въ завываніе голоднаго волка, одиноко бродящаго по степи, и Филиппъ Ивановичъ началъ уже слышать ихъ на улицѣ, сквозь грохотъ колесъ, людской говоръ, крики разносчиковъ, звонки конки. Однако Филиппъ Ивановичъ и тогда еще не понялъ, откуда идутъ эти звуки, и отнесся къ нимъ ранодушно.

Когда же, наконецъ, мухи, комары, поросята и волки перестали визжать и выть, когда начались уже настоящіе, человѣческіе крики,—Филиппъ Ивановичъ испугался и сталъ прислушиваться... Кто кричалъ?

Неизвѣстно... Но кричалъ такъ отчаянно, съ такимъ надрывомъ, съ такою безысходною тоской, не находящей участія, что вся душа Филиппа Ивановича холодѣла и свертывалась въ клу-

бокъ, а по тѣлу, съ ногъ до головы, проступала гусиная кожа. Онъ даже началъ явственно различать слова... Сначала: „Ой-ой, ба-а-атюшки!“... потомъ: „Караулъ, помоги-ите!“... и все ближе-ближе, все громче-громче и, наконецъ, такъ, какъ будто бы кричали не извнѣ гдѣ-нибудь, а въ самомъ Филиппѣ Ивановичѣ.

II.

Въ первый разъ это произошло ночью. Какъ всегда, Филиппъ Ивановичъ вернулся изъ казенной палаты съ вечернихъ занятій, поужиналъ съ Катериной Ивановной, завелъ на ночь часы и легъ спать.

Отъ усталости онъ скоро заснулъ и проспалъ крѣпко, безъ всякихъ сновъ, часа два. И вдругъ надъ самымъ ухомъ вопль: „Ой, ой, батюшки!.. Караулъ, помогите!“... Филиппъ Ивановичъ вскочилъ и въ ужасѣ началъ будить жену.

— Катерина Ивановна! Катерина! Катя!.. Катя!..

Катерина Ивановна проснулась и поднялась, ничего не понимая спросонья.

— Слышишь? слышишь? — говорилъ Филиппъ Ивановичъ, весь колотясь въ припадкѣ нервной дрожи.—Слышишь,—„караулъ“ кричатъ?

— Гдѣ?

— Да тутъ гдѣ-то... не знаю... Около насъ... На улицѣ, что-ли...

Катерина Ивановна послушала, потомъ шумно почесалась, зѣвнула и начала ругаться.

— Что̀ ужъ это, Господи, и ночью покою нѣту! Какой тамъ черный кричитъ? Никто не кричитъ... Самъ ты кричишь на весь домъ, вотъ тебѣ и чудится бо-знать что̀! Ложись, спи... нечего съ ума-то сходить.

Въ самомъ дѣлѣ, никто нигдѣ не кричалъ, все было тихо, и Филиппу Ивановичу стало стыдно и въ то же время легко и пріятно.

Должно быть, и вправду во снѣ приснилось; это бываетъ, особенно когда на ночь плотно поѣшь. Онъ хотѣлъ-было побесѣдовать на эту тему съ Катериной Ивановной, но она опять прикрикнула на него и, повернувшись къ стѣнѣ, тотчасъ же заснула.

Жизнь ея тоже была нелегкая: въ хозяйствѣ приходилось все дѣлать самой, она уставала до смерти и, дорвавшись до

постели, крѣпко спала по ночамъ. И когда она заснула, Филиппу Ивановичу снова стало и страшно, и обидно... обидно, что онъ такъ одинокъ въ своей жизни, что нѣтъ у него близкаго друга и что даже дома не съ кѣмъ ему поговорить по душѣ. Ахъ, какъ скверно онъ устроилъ свою жизнь!..

III.

Въ ту же минуту раздирающіе крики пронзили сонную тишину:

— Ой-ой, батюшки, помогите!..

Филиппъ Ивановичъ уже не сталъ будить жену. Онъ поднялся, поспѣшно подбѣжалъ къ окну и распахнулъ его настежь. Яркая, мѣсячная, безстыдно-обнаженная ночь вошла въ темную, душную комнату и наполнила свѣтомъ всѣ потаенные углы спальни, обнаруживъ ея бѣдность и тѣсноту. Но Филиппъ Ивановичъ ничего не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть; онъ высунулся въ окно и всей грудью тянулъ въ себя свѣжій ночной воздухъ. На улицѣ было странно и необычно-красиво... мостовая блестѣла подъ лунными лучами, и каждый камешекъ на ней, каждое стеклышко сверкали, точно алмазы. Невдалекѣ бѣлѣла стройная колокольня Богоявленской церкви, и прорѣзы оконъ ея зіяли, какъ большіе черные глаза привидѣнія. Невысокіе тополи и кусты акацій въ тѣни домовъ казались молчаливыми, неуклюжими, притаившимися чудовищами... и жуткая тишина стояла надъ спящимъ городомъ. Вотъ гдѣ-то далеко прогремѣла пролетка ночного извозчика, — словно горохъ просыпался въ рѣшето... На желѣзной дорогѣ нерѣшительно гукнулъ паровозный свистокъ... и затѣмъ опять тишина, тишина, тишина...

— Господи мой, Боже мой!..—прошепталъ Филиппъ Ивановичъ, прислушиваясь и тяжело дыша.—Чтò же это? Гдѣ? Кто кричалъ? Вѣдь не я же кричалъ? А, можетъ, и я... Можетъ... я съ ума схожу... Можетъ быть, я уже давно сумасшедшій!

Онъ вспомнилъ слова Катерины Ивановны: „Чтò ты съ ума-то сходишь!“—и снова его всего обсыпало противной, холодной дрожью. „Замѣчаетъ! — подумалъ Касаткинъ съ тупымъ отчаяніемъ.—Вотъ уже и жена замѣчаетъ!.. А потомъ и другіе замѣтятъ. Можетъ быть, уже и замѣтили... и пожалуйте вонъ изъ палаты... и въ больницу... и смирительную рубашку... За чтò? За то, что двадцать лѣтъ служилъ вѣрой-правдой... всю жизнь свою въ службу положилъ... честно, благородно... и за это, какъ щенка, на улицу... въ канаву, пинкомъ, безъ куска хлѣба“...

IV.

Филиппъ Ивановичъ заплакалъ, вытирая слезы подоломъ ночной рубахи, обнажая грудь, которую обвѣвало ночнымъ, прохладнымъ вѣтеркомъ, врывавшимся въ окно. Это нѣжное и освѣжающее прикосновеніе успокоило его и возвратило къ дѣйствительности. Что̀ такое случилось? Ничего не случилось. Вотъ онъ стоитъ у окна и все видитъ, все понимаетъ, и голова его работаетъ, какъ всегда, и память ясна, и нигдѣ ничего не болитъ. Развѣ такіе бываютъ сумасшедшіе? Онъ даже отлично помнитъ содержаніе послѣдней бумаги, которую онъ вносилъ въ реестръ, и нумеръ ея помнитъ, и подпись подъ ней,—все, все...

— Нумеръ двѣ-тысячи-пятнадцатый!—громко произнесъ онъ. —„О взысканіи гербоваго штрафа съ крестьянъ села Неумытова, Ѳаддея Долгихъ и Петра Будякина, по долговой росписке на проданную лошадь“...

Филиппъ Ивановичъ тихонько хихикнулъ, потирая руки. Нѣтъ, это ужъ извините, онъ совсѣмъ не сумасшедшій! Вѣдь можетъ же придти въ голову такая глупѣйшая мысль! Такъ просто люди съ ума не сходятъ...

„Др-раммъ!.. Да-аммъ!“—прозвонили на колокольнѣ, и воздухъ долго дрожалъ отъ звона, какъ туго натянутая струна. Два часа! Филиппъ Ивановичъ съ облегченіемъ вздохнулъ и повеселѣлъ отъ этихъ живыхъ, привычныхъ звуковъ, въ которыхъ не было ничего сверхъестественнаго, непонятнаго и потому страшнаго. Еслибы въ эту минуту на улицѣ дѣйствительно кто-нибудь закричалъ „караулъ“, еслибы, вотъ сейчасъ, подъ окномъ произошла драка и кого-нибудь били, даже убили,—Филиппу Ивановичу стало бы еще веселѣе отъ этого. Все-таки, это была бы настоящая жизнь, были бы настоящіе крики, а не *то*... изъ какого-то другого міра... страшное, чужое, отвратительное... „А, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ кричали?—продолжалъ думать Филиппъ Ивановичъ.—Мало ли тутъ народу ходитъ. Вонъ тамъ, за церковью, въ грязномъ переулкѣ, живетъ мастеровщина, народъ дикій, необразованный, пьяный... Кстати, и монополія на углу. Года два тому назадъ, въ этомъ же переулкѣ мороженщика убили. Возвращался ночью изъ городского сада, а его молоткомъ по головѣ—и концы въ воду. До сихъ поръ неизвѣстно, кто убилъ. Конечно, и сегодня тамъ кричали. Полиція ничего не дѣлаетъ, ночные сторожа дрыхнутъ, а тутъ, подъ окнами, всякая хулиганщина безобразничаетъ“. Филиппу Ивановичу вдругъ

вспомнилось, какъ одинъ городовой, къ которому онъ обратился съ какой-то просьбой, отвѣчалъ съ достоинствомъ: „Это не въ моемъ правительствѣ; ступайте къ слѣдующему постовому!“ Это воспоминанiе его разсмѣшило. „Вѣдь скажетъ же: „не въ моемъ правительствѣ“! Правительство какое, подумаешь!“ Потомъ его мысли перешли почему-то къ ихъ начальнику отдѣленiя, который тоже любилъ говорить: „*мы*, правительство... и, уже совершенно успокоенный этими житейскими, мелочными воспоминанiями, Филиппъ Ивановичъ затворилъ окно и легъ въ постель. Но какъ только свѣтлая, безстыжая ночь ушла изъ комнаты, онъ снова почувствовалъ свое одиночество, и сердце его стѣснилось. „Вотъ вѣдь, никого у меня нѣтъ, съ кѣмъ бы поговорить по душѣ,—рѣшительно никого! Ну, разскажи я кому-нибудь нынѣшнiй случай, да вѣдь меня сейчасъ же за сумасшедшаго сочтутъ, пальцами будутъ показывать, это ужъ такъ... А жена? Ей и говорить нечего... перепугается, ничего не пойметъ, къ сосѣдкамъ побѣжитъ... И на другой же день всѣ знакомые будутъ говорить:—А слышали: Филиппъ-то Иванычъ?..—Что̀ такое?..—Да того... свихнулся!.. Неужели?..—Брр... Но нѣтъ, лучше объ этомъ не думать, зачѣмъ, не надо. Спать нужно“. Филиппъ Ивановичъ закрылся одѣяломъ съ головой, голову втиснулъ поглубже въ подушку и закрылъ глаза, стараясь ни о чемъ не думать. Послѣ ночной свѣжести прiятная теплота обволокла его тѣло; легкiй туманъ вступилъ въ усталый мозгъ, онъ сталъ засыпать...

...И вдругъ откуда-то издалека, потомъ все ближе, ближе, донесся рыдающiй вопль: „Ой-ой-ой, помогите... Погибаю, помо-ги-те“...

V.

Филиппъ Ивановичъ понялъ. Онъ понялъ, что это не мастеровщина безобразничаетъ, что не безстыдная, свѣтлая ночь кричитъ, а кричитъ что-то въ немъ самомъ, въ тѣлѣ его, въ его жилахъ, въ мозгу, и что ни уйти, ни спрятаться отъ этого никуда нельзя, потому что отъ самого себя не уйдешь. И когда онъ это понялъ, онъ сейчасъ же пересталъ бояться, потому что всѣ усилiя своей воли направилъ на то, чтобы скрыть это отъ всѣхъ. Онъ удвоилъ свою старательность на службѣ и, какъ всегда, молчаливый, корректный, съ дѣловито-вѣжливой улыбкой являлся въ казенную палату, садился на свое регистраторское мѣсто, тщательно вписывалъ въ реестръ всякiя входящiя и ис-

полненія по нимъ, занумеровывалъ, подшивалъ и дѣлалъ видъ, что онъ такой же, какъ и прежде, что ничего особеннаго съ нимъ не случилось. Когда входилъ начальникъ отдѣленія, Филиппъ Ивановичъ такъ же, какъ и всѣ, почтительно подымался ему навстрѣчу; такъ же, какъ и всѣ, обмѣнивался разными пустыми замѣчаніями съ своими сослуживцами; одѣваясь, снисходительно шутилъ со сторожемъ, возвращался домой, обѣдалъ, ложился отдыхать, по вечерамъ кое-чѣмъ занимался,—однимъ словомъ, велъ себя, какъ всякій порядочный чиновникъ, на хорошемъ счету у начальства. И только оставаясь одинъ, онъ сбрасывалъ съ себя этотъ показной чиновничій чехолъ, и все лицо его искажалось мучительной тоской, когда изъ нѣдръ его души доносились къ нему призывные вопли невѣдомаго, погибавшаго *нѣкто*.

VI.

Впрочемъ, иногда бывали минуты замѣшательства, доставлявшія Филиппу Ивановичу немало хлопотъ и безпокойства. Чаще всего его тревожила мысль: а что̀, не проговорился ли онъ когда-нибудь и кому-нибудь раньше о своей тайнѣ? Онъ начиналъ вспоминать и дѣйствительно вспоминалъ, какъ однажды жаловался помощнику столоначальника, Агаѳонику Петровичу, что у него въ ушахъ точно мухи жужжатъ. Тогда еще Агаѳоникъ Петровичъ, почтенный старичокъ съ огромной шишкой на лбу, сочувственно къ этому отнесся и сказалъ, что это ничего, просто сѣра кипитъ въ ушахъ къ перемѣнѣ погоды, а впрочемъ посовѣтовалъ взять на всякій случай ватки отъ Митрофанія, завернуть въ нее кусочекъ камфоры и на ночь закладывать въ уши. Помнится, Филиппъ Ивановичъ все это сдѣлалъ, но такъ какъ ни ватка, ни камфора не помогли, то онъ скоро ихъ оставилъ, а потомъ, вскорѣ, вмѣсто мухъ, начали визжать поросята, и онъ уже никому объ этомъ не говорилъ. Но теперь Агаѳоникъ Петровичъ его безпокоилъ: хорошо, если онъ уже забылъ про мухъ, ну, а если нѣтъ? И Филиппъ Ивановичъ подозрительно поглядывалъ на помощника столоначальника, когда тотъ съ старомодной вѣжливостью освѣдомлялся о его здоровьи.

Потомъ былъ еще одинъ случай. Обыкновенно, Филиппъ Ивановичъ на службѣ никакихъ звуковъ не слышалъ,—не до того было,—но разъ, какъ-то, онъ забылся, задумался... и тотчасъ же знакомый вопль зазвенѣлъ въ его ушахъ. И тутъ произошло нѣчто странное, что̀ сильно поразило тогда всѣхъ присутствую-

щихъ и получило объясненіе только долго спустя послѣ того. Филиппъ Ивановичъ Касаткинъ, этотъ молчаливый, застѣнчивый, робкій регистраторъ, этотъ крошечный чиновничекъ съ смиреннымъ, незначительнымъ лицомъ и почтительно-склоненною спиной, ходившій всегда на-цыпочкахъ, говорившій шепоткомъ, съ придыханіями и уродливыми тѣлодвиженіями,—этотъ самый Филиппъ Ивановичъ вдругъ шумно вскочилъ съ своего просиженнаго стула, выпрямилъ согнутую спину и съ преобразившимся, странно просвѣтлѣвшимъ лицомъ закричалъ:

— Господа, что же это мы дѣлаемъ? Почему молчимъ? Вѣдь нельзя же такъ... вѣдь *онъ* кричитъ, кричитъ... Надо же *ему* помочь...

Всѣ перья сразу перестали скрипѣть, всѣ глаза съ испугомъ устремились на Филиппа Ивановича, а начальникъ отдѣленія, который только-что вынулъ платокъ, чтобы высморкаться, нахмурился и спросилъ:

— Что такое?.. Какъ?

Но Филиппъ Ивановичъ былъ уже опять Филиппомъ Ивановичемъ и, сконфуженно изгибая спину, держась за щеку, отвѣчалъ едва слышно:

— Извините, Викторъ Павловичъ... ужасно зубъ болитъ... то-есть, такъ ноетъ, такъ ноетъ... хоть на стѣну...

Перья опять заскрипѣли, глаза уткнулись въ бумаги, а Викторъ Павловичъ высморкался и успокоительно сказалъ:

— А-а... какъ же это вы такъ... запустили?.. Надо того... что-нибудь, дѣйствительно... Зубная боль—это адски-непріятная вещь. А?

А помощникъ столоначальника послѣ занятій подошелъ къ Филиппу Ивановичу и опять посовѣтовалъ взять, съ позволенія сказать, гусинаго помету, потомъ немножко роснаго ладана, потомъ сѣры и еще чего-то, настоять все это на спирту и на водкѣ—въ дупло...—Помогаетъ! Удивительно помогаетъ!—таинственно говорилъ онъ, держа Филиппа Ивановича за пуговицу. —У меня въ свое время тоже зубы болѣли,—только этимъ и спасался.

И въ доказательство онъ показывалъ Филиппу Ивановичу свои беззубыя десны, изъ которыхъ давно уже выкрошились остатки корней.

Филиппъ Ивановичъ поблагодарилъ за совѣтъ и обѣщалъ попробовать.

VII.

Съ этого дня Касаткинъ началъ еще бдительнѣе слѣдить за собою и сдѣлался удивительно хитеръ и изворотливъ. Онъ сталъ какъ будто еще ниже ростомъ, спина его пріобрѣла еще болѣе крутой изгибъ, въ голосѣ, когда онъ говорилъ съ начальствомъ, прибавились новыя, нѣжно-почтительныя ноты, и, глядя на него, никто не подозрѣвалъ, что этотъ исполнительный, аккуратный чиновникъ, съ точностью машины дѣлавшій свое незамѣтное, но необходимое дѣло, переживаетъ какія-нибудь необыкновенныя, сверхъестественныя впечатлѣнія въ тиши безсонныхъ ночей или въ минуты одиночества.

Даже Катерина Ивановна ничего не замѣчала, и только удивлялась, что Филиппъ Ивановичъ сталъ мало ѣсть и отказывался ходить въ гости. Прежде послѣ каждаго „20-го числа", а изрѣдка и по праздникамъ, у нихъ или у сослуживцевъ собирались выпить, закусить, поиграть въ карты, попѣть, а теперь ни онъ ни къ кому, ни къ себѣ никого не приглашаетъ. Это было немножко странно.

— Послушай, Филиппъ Ивановичъ,—говорила она.—Да что̀ это съ тобою, право? А? Боленъ ты что-ли?

— А что?

— Какъ что? Смотри, пожалуйста, всѣ пуговицы я тебѣ на кальсонахъ перешила,—такъ похудѣлъ. Развѣ это можно? Ты хоть бы къ доктору сходилъ что-ли!

Филиппъ Ивановичъ блѣднѣлъ, но выдавливалъ на лицѣ безпечную улыбку и возражалъ:

— Это зачѣмъ? Выдумаетъ тоже! Причемъ тутъ докторъ, когда я совершенно здоровъ.

— Здоровъ, а ничего не ѣшь. Вчера твой любимый пирогъ съ морковью пекла, а ты хоть бы дотронулся. А потомъ никуда не ходишь, все дома сидишь, все молчишь...

— А о чемъ намъ съ тобой говорить-то?—язвительно спрашивалъ Филиппъ Ивановичъ.

— Какъ о чемъ? Вѣдь говорили же прежде!

— Да о чемъ? О чемъ говорили-то?

— Мало ли о чемъ! Все, бывало, придешь, разскажешь, что̀ у васъ въ палатѣ, анекдотъ какой-нибудь про чиновниковъ или про начальника отдѣленія, то-сё... Интересно!

Филиппъ Ивановичъ смотрѣлъ на жену съ невыразимымъ презрѣніемъ и махалъ рукой.

— Дрова—сѣно, сѣно—дрова...—бормоталъ онъ и уходилъ къ себѣ въ комнату. Тамъ онъ ложился на диванъ, поворачивался лицомъ къ стѣнѣ и начиналъ слушать голосъ изъ того невѣдомаго міра, гдѣ не было ни входящихъ, ни исходящихъ, ни начальника отдѣленія, ни 20-го числа, гдѣ кто-то, не страшась за свою участь, не стѣсняемый никакими циркулярами и предписаніями, свободно кричалъ о своемъ страданіи.

VIII.

А потомъ появился и *онъ*.

Сначала *онъ* вошелъ чрезвычайно робко и былъ весь какой-то мутно-сѣрый, почти безцвѣтный, какъ будто пустой внутри, съ неопредѣленнымъ обликомъ, похожимъ на стертый пятіалтынный, давно уже потерявшій всякую цѣнность. Онъ вошелъ безшумно, осторожно, точно боясь распасться, усѣлся на краишкѣ дивана въ ногахъ у Филиппа Ивановича и сталъ глядѣть на него своими тусклыми глазами испуганно и жалостно, растягивая дряблый ротъ свой до ушей въ жалкую улыбку, какъ бы просящую снисхожденія за этотъ неожиданный визитъ. Но Филиппъ Ивановичъ не разсердился и даже не удивился; напротивъ, онъ почувствовалъ какъ бы нѣкоторое удовольствіе оттого, что этотъ сѣрый господинъ пришелъ, наконецъ.

— Ну вотъ!—сказалъ онъ спокойно. Вотъ, вѣдь, я такъ и зналъ, что это будетъ. И зачѣмъ было такъ долго прятаться?

И Филиппъ Ивановичъ строго обратился къ пришедшему:

— Это вы кричите постоянно у меня надъ ушами?

Онъ оттянулъ ротъ еще больше и беззвучно зашевелилъ дряблыми губами, потомъ исчезъ такъ же внезапно, какъ и появился.

— Ну вотъ, ну вотъ!—повторилъ Филиппъ Ивановичъ.— Конечно, это онъ кричалъ „караулъ“ и прочее.

Это открытіе его успокоило и развеселило. Въ этотъ день онъ даже много ѣлъ за ужиномъ, выпилъ три рюмки водки и долго разсматривалъ жену, какъ будто давно ее не видѣлъ. Съ грустнымъ удивленіемъ онъ смотрѣлъ на ея сѣрое съ красными пятнами лицо, выцвѣтшіе глаза въ припухлыхъ вѣкахъ, жидкіе волосики, небрежно свернутые узелкомъ на макушкѣ, отвислыя, какъ у лягавой собаки, щеки... Катерина Ивановна замѣтила его пристальный взглядъ и спросила:

— Что ты на меня смотришь, Филиппъ Ивановичъ?

— Такъ...—отвѣчалъ Касаткинъ и, помолчавъ немного, сказалъ:—А сколько уже лѣтъ, какъ мы съ тобой поженились?

— Сколько?—съ недоумѣніемъ переспросила Катерина Ивановна.—Постой... Да... пятнадцать лѣтъ ужъ, кажется.

— Пятнадцать лѣтъ!—повторилъ Филиппъ Ивановичъ, самъ съ удивленіемъ прислушиваясь къ этимъ словамъ.—Уже пятнадцать лѣтъ... а въ палатѣ, значитъ, восемнадцать... Поступилъ двадцати лѣтъ,—значитъ, ужъ тридцать-восемь лѣтъ мнѣ. Хо-хо... порядочно! А какъ прошли эти тридцать-восемь лѣтъ? Какъ одинъ день... и вспомнить даже нечѣмъ. Здорово!

Онъ сидѣлъ, нахмурившись, и что-то вспоминалъ.

IX.

— А помнишь...—началъ онъ снова, медленно, какъ бы съ усиліемъ.—Помнишь, какъ мы съ тобой познакомились въ первый разъ?

Катерина Ивановна оживилась.

— Конечно, помню!—смѣясь, отвѣчала она.—Вы съ Гребенкинымъ тогда рядомъ квартировали, у Голубинскихъ, и къ намъ въ садъ вишни воровать лазали. А папаша васъ тогда обоихъ поймалъ и чай пить пригласилъ. А вы сидѣли за столомъ ни живы, ни мертвы, красные, какъ раки, и еще у тебя панталоны были изорваны, и ты боялся повернуться. Ужасно смѣшно было!

Она смѣялась, показывая рѣдкіе, испорченные зубы, и Филиппъ Ивановичъ искалъ въ ея дрябломъ лицѣ той свѣжести и тѣхъ яркихъ красокъ здоровой молодости, которыя когда-то увлекли его въ ней. Въ памяти Филиппа Ивановича смутно воскресалъ какой-то умершій образъ... образъ хорошенькой, розовой дѣвушки, съ вкусными ямочками на круглыхъ щекахъ, съ пышными волосами и быстрымъ взглядомъ карихъ глазъ. Какая проказница была и хохотушка... гдѣ она теперь? Куда ушла? Куда исчезло все... молодость, веселье, беззаботный смѣхъ?.. Да и были ли они когда-нибудь? Должно быть, нѣтъ... и ярко вспоминались только голыя стѣны палаты, шкафы съ „дѣлами", продавленный регистраторскій стулъ, сѣрыя лица, сѣрые разговоры, книга для записи бумагъ — и больше ничего. И это одно было, и есть, и будетъ... будетъ и завтра, и послѣ-завтра, и всегда... до самой смерти.

Филиппъ Ивановичъ вдругъ разсмѣялся рѣзко, сухо, почти

злобно, и всталъ. Катерина Ивановна, оживленная воспоминаніями юности, остановилась на полусловѣ и съ удивленіемъ посмотрѣла на мужа.

— Ты чего?—спросила она.

— Ничего...

Онъ потянулся и гнусливо пропѣлъ: „Все это было когда-то... да только не помню, когда!"

Катерина Ивановна замолчала, и съ обиженнымъ видомъ стала собирать со стола. Филиппъ Ивановичъ глядѣлъ на ея расплывшуюся фигуру въ неуклюжемъ капотѣ, и что-то ѣдкое подымалось въ его душѣ.

„А что, еслибы я сейчасъ сказалъ ей про *него*?—подумалъ онъ.—Не поняла бы... ничегошенько бы не поняла... а пятнадцать лѣтъ живемъ вмѣстѣ! Разорванные штаны,—это она помнитъ, это ей интересно, а вотъ что меня мучитъ, отчего я тоскую, — объ этомъ съ ней нельзя говорить. Пойду лучше къ *нему*"...

И тяжело шаркая ногами, Филиппъ Ивановичъ пошелъ на свой диванъ.

X.

Онъ пришелъ опять и на этотъ разъ былъ гораздо смѣлѣе и развязнѣе. Появившись, онъ помѣстился на томъ же мѣстѣ, въ ногахъ, и, потирая руки, дружелюбно, какъ старому знакомому, подмигнулъ Филиппу Ивановичу.

— Ну, вотъ и я!—шепоткомъ сказалъ онъ и хихикнулъ.

Филиппъ Ивановичъ долго смотрѣлъ на него съ презрительнымъ любопытствомъ, и черты его лица казались ему странно-знакомыми. Гдѣ онъ его видѣлъ?

— Ну, что же, вы все кричите?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Нельзя-съ... — прошепталъ *онъ*. — Знаете, надоѣло уже молчать...

— Надоѣло?

— Помилуйте!—отвѣчалъ *онъ* и опять хихикнулъ, растягивая ротъ до ушей.—Невозможно-съ!.. Я двадцать лѣтъ молчу, а, между прочимъ, человѣкъ созданъ для того, чтобы говорить, выражать, такъ сказать, свои мысли, не правда ли-съ? Помните, мы съ вами еще въ гимназіи учили: „человѣкъ отличается отъ животныхъ тѣмъ, что обладаетъ даромъ слова"...

— Учили...—задумчиво согласился Филиппъ Ивановичъ.

— Ну, вотъ-съ! — радостно сказалъ *онъ*, кивая головою.—

Даръ слова, — вѣдь это что̀ такое? Вы только подумайте-съ... Вѣдь это сила, это рычагъ жизни... а между тѣмъ, мы съ вами молчимъ-съ... Двадцать лѣтъ молчимъ... и даже, если правду говорить, совсѣмъ разучились человѣческія слова употреблять...

— Ну, какъ это отвыкли?—возразилъ Филиппъ Ивановичъ. —Что̀ вы такое говорите? Каждый день встрѣчаемся съ людьми, разныя дѣла ведемъ,—что же мы хрюкаемъ, что-ли, или по-коровьи мычимъ? Это уже даже странно... ерунда какая-то! Разговариваемъ, какъ всѣ, и слова у насъ самыя обыкновенныя.

— Помилуйте! — хихикнулъ *онъ* весело. — Какія же это слова-съ! Рыбьи слова, а не человѣческія!

Это наглое хихиканье разсердило Филиппа Ивановича, и онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе къ своему собесѣднику. Но тотъ уже исчезъ, и Филиппъ Ивановичъ остался одинъ, недоумѣвающій, разстроенный и оскорбленный. „Чортъ знаетъ что̀ такое!—думалъ онъ.—Какія „рыбьи слова"? И чего онъ ко мнѣ лѣзетъ, этотъ господинъ? Ну, хочетъ кричать, и кричалъ бы себѣ тамъ гдѣ-нибудь, а зачѣмъ же непремѣнно лѣзть къ другимъ? Я, можетъ быть, вовсе не желаю слушать его разговоры. Скажите, умникъ какой нашелся! Пришелъ неизвѣстно откуда, разсѣлся тутъ и туда же... критиковать"...

XI.

Однако, несмотря на свою досаду, Филиппъ Ивановичъ уже съ нетерпѣніемъ началъ ожидать посѣщеній таинственнаго незнакомца, и каждый разъ, послѣ бесѣды съ нимъ, голова его была полна новыхъ мыслей и лихорадочно работала надъ множествомъ вопросовъ, которые возбуждалъ въ немъ его собесѣдникъ. Онъ сердился, кипѣлъ, горѣлъ, придумывалъ разныя возраженія и замѣчанія и, найдя какое-нибудь особенно удачное, остроумное словцо, весело потиралъ руки и хихикалъ совершенно такъ же, какъ и незнакомецъ.

„Рыбьи слова!—думалъ онъ.—Какъ-такъ „рыбьи слова"? Нѣтъ, погоди, я тебѣ докажу, что мы не одни рыбьи слова умѣемъ говорить! Ты думаешь, что кричишь, стало быть, и правъ? Нѣтъ, извините, тутъ дѣло вовсе не въ крикѣ. Кричать-то всякій сумѣетъ, а я вотъ хоть и не кричу, а все понимаю и свои мысли какими-угодно словами выразить могу. Пожалуйте, сдѣлайте ваше одолженіе, я вамъ покажу, какія-такія у насъ „рыбьи" слова!

Но когда *онъ* приходилъ и начиналъ свои хихикающія, ядо-

витыя рѣчи, Филиппъ Ивановичъ терялся, забывалъ нужныя слова и чувствовалъ, къ ужасу своему, что дѣйствительно разучился говорить. Съ ненавистью смотрѣлъ онъ на своего собесѣдника, а тотъ сидѣлъ себѣ по обыкновенію на краишкѣ дивана и, потирая руки, говорилъ:

— Нѣтъ-съ, Филиппъ Ивановичъ, это ужъ позвольте-съ! Это вы напрасно горячитесь, а извольте хорошенько на себя поглядѣть, вотъ и увидите, что ничего, кромѣ рыбьихъ словъ, у васъ не осталось. Нельзя-съ, многоуважаемый мой, двадцать лѣтъ сидѣть на одномъ стулѣ и молчать! Мозги высохнутъ!

— Какъ высохнутъ!?

— А такъ и высохнутъ! Вы загляните-ка въ себя, что у васъ тамъ? Пусто, многоуважаемый, хе-хе-хе... Ничего нѣтъ-съ, вѣрьте слову! А вѣдь было, было-съ! Вспомните-ка хорошенько! Вѣдь вы въ гимназіи учились, книжки разныя читали, Шиллера наизусть знали, мечтали, тоже, небось, героемъ себя воображали—хе-хе-хе!.. Вѣдь правда-съ? А теперь какъ? Много ли вы книгъ-то прочли въ эти двадцать лѣтъ, а? Да и Шиллера-то, поди, ужъ давно позабыли?

— Забылъ... Постойте, вспомню!.. „Если грудь виномъ согрѣта, и въ устахъ вино кипитъ“... Нѣтъ, не то... „На Посидоновъ пиръ веселый, куда стекались чада Гелы“... И это не то... Чортъ знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, забылъ...

Отвратительный сѣрый человѣчекъ заливался смѣхомъ.

— То-то и оно-то!—шипѣлъ онъ, подпрыгивая и кривляясь.— Выдохлось! Умерло-съ, и поросло травой забвенья! Ахъ, Филиппъ Ивановичъ, Филиппъ Ивановичъ! А помните, бывало, на чердачкѣ-то, на чердачкѣ-то? Ась? Лунныя ночи, сердце горитъ, голова кружится... мечты-то, мечты-то какія! И вдругъ—шлёпъ! Прямо въ болото... Продавленный стулъ, тишина и молчаніе, исходящія и входящія, рыбьи мысли, рыбьи слова-съ...

— Да постойте вы... чортъ!..—стоналъ Филиппъ Ивановичъ.— Дайте же и мнѣ сказать, наконецъ... Ну, что же, по вашему, мнѣ нужно было дѣлать? Вѣдь гимназію я не могъ кончить, чортъ васъ возьми, вѣдь у меня мать больная была на рукахъ, двѣ сестренки,—нужно же было чѣмъ-нибудь кормиться? Ну, и того... поступилъ въ палату на десять рублей жалованья сначала... Потомъ прибавили... а потомъ, черезъ два года, женился... Какой ужъ тутъ Шиллеръ!

— Вотъ именно, именно-съ, какой ужъ тутъ Шиллеръ!— чему-то радуясь, хихикалъ *онъ*.—Про это-то я и говорю-съ... Вѣдь я и не упрекаю... я вѣдь ни-ни... ни Боже мой, за-

чѣмъ же-съ! Я только говорю: былъ человѣкъ—и нѣтъ человѣка... только-съ, только и всего-съ!

— То-есть, позвольте... Какъ это нѣтъ человѣка?

— Да такъ и нѣтъ-съ! Вы поглядите-ка себѣ во внутрь-то, въ самая внутренняя своя,—что̀ тамъ у васъ? Труха, гнилье-съ... а человѣка давно нѣтъ,—онъ умеръ, разложился, распался въ прахъ... А вы все еще думаете, что вы человѣкъ? Хе-хе-хе... иллюзія-съ! Не болѣе, какъ сладкая иллюзія!..

— Ну, а кто же я по вашему?

— Вы-съ?—съ злобной радостью повторилъ человѣчекъ.— Вы-съ — ходячая мумія, манекенъ въ мундирѣ, канцелярская шкура безъ потроховъ, — вотъ-съ! Снаружи оно какъ будто и ничего-съ, все приличненько, все въ порядкѣ, кокардочка на фуражечкѣ, пуговочки всѣ на мѣстѣ, ходите, говорите, что-то какъ-будто дѣлаете, но это только одна видимость, больше ничего-съ! Человѣка нѣтъ-съ!

— Но однако же, послушайте... Вѣдь я служу, жалованье получаю, значитъ, нуженъ же я кому-нибудь?

— Кому-съ?

— Ну, какъ это кому? Учрежденію, гдѣ я служу, государству, которое мнѣ жалованье платитъ... народу, наконецъ...

Человѣчекъ начиналъ такъ корчиться отъ беззвучнаго смѣха, что, казалось, онъ вотъ-вотъ разсыплется въ прахъ.

— Народу-съ?.. Хе-хе-хе... Это вы нужны народу? А вы спрашивали его объ этомъ? Онъ васъ знаетъ-съ? Кто-нибудь вамъ говорилъ это? Нѣтъ-съ! Вы лжете, Филиппъ Ивановичъ, самого себя обманываете, я вамъ это говорю-съ! Такихъ, какъ мы съ вами, народъ называетъ „крапивное сѣмя"... А что̀ такое—крапива-съ? Сорная трава, паразитъ, больше ничего-съ... И никому мы съ вами не нужны-съ! И давно пора выдернуть насъ изъ жизни, какъ крапиву изъ огорода, и выбросить въ помойную яму-съ... Вотъ-съ!

— Но я не хочу... я не хочу этого!—раздраженно кричалъ Филиппъ Ивановичъ.

— Да вѣдь и я не хочу... Отчего же я кричу-то? Отъ отчаянія кричу, отъ боли-съ, оттого что въ мертвомъ тѣлѣ своемъ ощутилъ живого человѣка, и человѣкъ этотъ не хочетъ влачить за собою гнилой трупъ, онъ хочетъ освободиться отъ него; онъ хочетъ жить, жить, жить...

— Такъ что же, и мнѣ что-ли кричать по вашему?—насмѣшливо спрашивалъ Филиппъ Ивановичъ.

Но, къ ужасу Филиппа Ивановича, сѣрый человѣчекъ вдругъ

вытягивался, выросталъ до потолка и съ искаженнымъ лицомъ, съ перекошеннымъ ртомъ, изъ котораго, казалось, сейчасъ вывалятся наружу всѣ внутренности, начиналъ неистово кричать...

XII.

Въ дверь просовывалась испуганная физіономія Катерины Ивановны.

— Филиппъ Ивановичъ! Филиппъ Ивановичъ! —дрожащимъ голосомъ говорила она.—Ты чего это кричишь?

Филиппъ Ивановичъ вскакивалъ съ дивана и дико смотрѣлъ на жену.

— Что? Развѣ я кричу?

— Да какъ же, прямо на весь домъ сейчасъ крикнулъ: „Караулъ, помогите!"... Я ужъ думала, бо-знать что... Не лежи ты на лѣвомъ боку, Филиппъ Ивановичъ, это у тебя кошмаръ...

— А въ самомъ дѣлѣ, должно быть, кошмаръ,—соглашался Касаткинъ и хитро прибавлялъ:—То-то, я, знаешь, тяжесть въ желудкѣ чувствую. Дай-ко мнѣ кваску.

Катерина Ивановна, шлепая туфлями, уходила за квасомъ, а Филиппъ Ивановичъ ложился опять на диванъ и думалъ: „Чортъ знаетъ что... стало-быть, и я уже кричать началъ? Непріятно... А, можетъ, у меня и вправду кошмаръ? Вѣдь нѣтъ же „его" въ самомъ дѣлѣ, вѣдь кажется мнѣ это только... а вотъ вѣдь ходитъ, разговариваетъ, смѣется... Этакая противная рожа, и чего „онъ" ко мнѣ привязался? Гм... Надо бы къ доктору сходить, посовѣтоваться. Такъ и такъ, молъ, нервы разстроены, безсонница, кошмары... А ну, какъ вдругъ докторъ возьметъ, да въ желтый домъ засадитъ? Хе-хе-хе... нѣтъ, это ужъ извините-съ, ни за что! Не хочу въ желтый домъ...

Онъ произносилъ эти слова такъ похоже на своего таинственнаго посѣтителя, что самъ пугался и оглядывался робко по угламъ,—кто это говоритъ, онъ или *тотъ*? Но въ углахъ таилось молчаніе, и успокоенный Филиппъ Ивановичъ продолжалъ думать свою одинокую думу: „Нѣтъ, никому не надо говорить, ни слова, ни намека! Скрывать надо, скрывать"...

И онъ скрывалъ.

А въ палатѣ все шло попрежнему: скрипѣли перья, шуршали подшиваемые листы бумаги, слышались обычные разговоры, въ которыхъ Филиппъ Ивановичъ принималъ участіе. Онъ только сталъ немного разсѣяннѣе и иногда не сразу отвѣчалъ на обра-

щенные къ нему вопросы, но по привычкѣ дѣло свое исполнялъ такъ же аккуратно и точно.

Кромѣ него, въ ихъ столѣ сидѣло пять человѣкъ: столоначальникъ, Митрофанъ Гаврилычъ, толстый, молчаливый господинъ, котораго почему-то всѣ недолюбливали и боялись; помощникъ его, Агаѳоникъ Петровичъ; чиновникъ, завѣдующій гербовымъ дѣломъ, и два писца. Столоначальникъ держался въ сторонѣ отъ всѣхъ и ни съ кѣмъ особенно не сходился, ограничиваясь одними служебными отношеніями, но всѣ остальные находились между собою въ тѣсномъ знакомствѣ и знали другъ про друга всю подноготную. Встрѣчаясь каждый день за однимъ и тѣмъ же столомъ, у одного и того же дѣла, они, несмотря на разницу лѣтъ и положенія, чувствовали себя какъ бы членами одной семьи и разсказывали другъ другу всѣ свои маленькія домашнія радости и горести. Ихъ личная жизнь до того переплелась съ жизнью палаты, что они не знали, гдѣ кончается одна и гдѣ начинается другая. Весь міръ заключался для нихъ въ стѣнахъ палаты, и то, что происходило за этими сѣрыми стѣнами, интересовало ихъ настолько, насколько имѣло отношеніе не къ учрежденію даже, а къ ихъ столу. Чины, кресты, награды, жалованье, повышенія, перемѣщенія,—вотъ былъ кругъ, въ которомъ вращались всѣ ихъ помыслы, надежды и разочарованія. Наиболѣе типичнымъ представителемъ этого тѣснаго мірка былъ Агаѳоникъ Петровичъ. Сынъ и внукъ цѣлаго поколѣнія чиновниковъ, самъ чиновникъ чуть не съ пятнадцати лѣтъ, онъ вспоилъ и вскормилъ казеннымъ жалованьемъ огромное семейство, члены котораго сдѣлались тоже чиновниками или женами чиновниковъ. Поэтому казенная служба была для него альфой и омегой человѣческаго существованія, и онъ зналъ рѣшительно все, что дѣлалось и дѣлается въ казенной палатѣ. Онъ зналъ, когда, кто и на какое жалованье поступилъ, кому какой чинъ предстоитъ получить въ текущемъ году, какіе сроки полагаются для выслуги пенсіи, какая награда какому чину соотвѣтствуетъ, и если нужно было что-нибудь узнать, обращались къ Агаѳонику Петровичу. Это былъ живой архивъ, и его голова, кромѣ рецептовъ отъ разныхъ болѣзней, хранила въ себѣ множество другихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ чиновничьемъ быту.

XIII.

Изъ двухъ писцовъ, служившихъ въ ихъ столѣ, одинъ былъ уже старикъ, немного моложе Агаѳоника Петровича; другой—среднихъ лѣтъ. Оба они не получили никакого образованія и потому не имѣли въ будущемъ никакой надежды подняться на высшую іерархическую ступень. Старика звали просто Еремѣевымъ и относились къ нему съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, потому что онъ былъ человѣкъ пьяный, грязный, неаккуратный и терпѣлся на службѣ только изъ снисхожденія къ его бѣдности. Въ трезвомъ видѣ Еремѣевъ былъ исполнителенъ, тихъ и искателенъ, но когда напивался, то дѣлался положительно невыносимъ. Являлся на службу весь растерзанный, грубилъ, дерзилъ, разсказывалъ невѣроятно сальные анекдоты и ко всѣмъ приставалъ, требуя денегъ на выпивку. Чтобы отвязаться, ему давали пятаки, и онъ исчезалъ на день, на два, потомъ приходилъ снова, весь оборванный, въ грязи, со слѣдами изверженій на платьѣ, съ синяками подъ глазами, пропахнувшій насквозь перегорѣлой водкой. Такъ продолжалось недѣлю, двѣ, иногда мѣсяцъ; затѣмъ запой проходилъ, и Еремѣевъ возвращался къ своему столу, тихій, умытый и причесанный. Только огромный красный носъ съ синими жилками свидѣтельствовалъ о бурно проведенномъ времени, да руки долго дрожали при перепискѣ бумагъ.

Другой писецъ, Иванъ Евлампіевичъ, былъ въ другомъ родѣ. Толстенькій, коротенькій, съ большой головой и плоскимъ, какъ блинъ, лицомъ, на которомъ удивленно таращились круглые, рачьи глаза, онъ, несмотря на свое ничтожное положеніе въ палатѣ, былъ преисполненъ необычайнаго величія и сознанія собственнаго достоинства. Говорилъ онъ всегда авторитетно, носилъ фуражку съ кокардой, голову держалъ кверху, чтобы казаться выше ростомъ, и чрезвычайно гордился тѣмъ, что онъ дворянинъ. Втайнѣ онъ лелѣялъ завѣтную мечту дослужиться когда-нибудь до становаго пристава и два раза держалъ экзаменъ на первый чинъ, но по неспособности проваливался и, къ огорченію своему, продолжалъ корпѣть въ званіи писца. Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему среди своихъ знакомыхъ разыгрывать важную птицу и пускать имъ пыль въ глаза разсказами о томъ, какъ онъ любимъ начальствомъ и какія широкія перспективы ожидаютъ его въ будущемъ.

Совершенно особнякомъ въ этомъ міркѣ стоялъ чиновникъ, завѣдующій гербовымъ дѣломъ. Это былъ еще совсѣмъ молодой

человѣкъ, поступившій на службу всего два года тому назадъ по особой протекціи управляющаго палатой. Въ свое время его назначеніе вызвало большую смуту въ умахъ, и до сихъ поръ еще многіе недоброжелательно косились на „выскочку“ и „любимчика“, незаслуженно занявшаго неподобающее ему мѣсто. Даже добродушный Агаѳоникъ Петровичъ становился сухъ и холоденъ, когда ему приходилось обращаться къ новому сослуживцу; у Ивана же Евлампіевича просто сердце обливалось кровью отъ зависти и оскорбленнаго самолюбія. Фамилія молодого человѣка была Ругинскій, но такъ какъ онъ постоянно говорилъ о живописи, о картинахъ и выставкахъ, то его прозвали „художникомъ“, и это прозвище такъ и осталось за нимъ навсегда. Онъ, дѣйствительно, былъ художникъ, собирался поступить въ академію, но почему-то это ему не удалось, и вмѣсто живописи онъ принужденъ былъ корпѣть надъ гербовымъ уставомъ, къ которому чувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Къ службѣ Ругинскій относился болѣе, чѣмъ равнодушно, постоянно путалъ бумаги, палату, къ ужасу Агаѳоника Петровича, называлъ „помойной ямой“ и такимъ образомъ дѣйствій еще болѣе возбуждалъ противъ себя своихъ сослуживцевъ. Наружность онъ тоже имѣлъ исключительную, носилъ длинные волосы и шляпу съ огромными полями и былъ похожъ больше на итальянца, чѣмъ на чиновника. „Ну, ужъ и послалъ намъ Господь-Богъ этакое дитятко!“ ворчалъ Агаѳоникъ Петровичъ, исподлобья посматривая на художника, когда тотъ вмѣсто дѣловой бумаги безпечно рисовалъ какую-нибудь головку. „Сколько лѣтъ служу въ палатѣ, сроду у насъ такого разврата не было... Ему бы не бумаги писать, а съ шарманкой по улицѣ ходить,—вотъ самое подходящее дѣло. И этакаго-то, прости Господи, молодца приставили къ гербовому уставу! Какое позорище!“...

XIV.

Занятія въ палатѣ начинались съ десяти часовъ. Раньше всѣхъ приходилъ Агаѳоникъ Петровичъ и тихонько, какъ крыса, принимался рыться въ бумагахъ. По его собственнымъ словамъ, дома онъ скучалъ, а въ праздники такъ просто даже не зналъ, что ему дѣлать. „Служба—это моя жизнь!“—говорилъ онъ. Потомъ мало-по-малу собирались всѣ, кромѣ начальника отдѣленія, который являлся часамъ къ двѣнадцати. До его прихода чиновники держали себя свободно, между дѣломъ разговаривали,

передавали разные слухи и сплетни, дѣлились впечатлѣніями вчерашняго дня. Еремѣевъ, если былъ выпивши, сквернословилъ, ко всѣмъ придирался и, поощряемый общимъ смѣхомъ, становился очень остроуменъ. Особенно доставалось отъ него Ивану Евлампіевичу, который третировалъ Еремѣева, когда тотъ былъ трезвъ, и, напротивъ, побаивался его въ пьяномъ видѣ. Въ этихъ случаяхъ Еремѣевъ, положительно, не давалъ ему сказать слова.

— Вчера я гулялъ съ губернаторскимъ чиновникомъ,—говорилъ Иванъ Евлампіевичъ.—Вотъ, идемъ мы съ нимъ по Дворянской, онъ мнѣ и говоритъ...

— Вретъ! все вретъ!—перебивалъ его Еремѣевъ,—Ей Богу, врешь, Иванъ Евлампіевичъ! Ну, какой тамъ губернаторскій чиновникъ? Никакого чиновника у тебя нѣтъ! Можетъ, губернаторскій дворникъ? Это тебѣ по рылу! А еще вѣрнѣе—губернаторская кухарка...

— Какая кухарка? — съ обиженнымъ лицомъ спрашивалъ Иванъ Евлампіевичъ.

— Ну, какая,—самая обыкновенная! Мало ихъ у тебя перебывало? Вѣдь ты ухажёръ, наружность у тебя пронзительная! Не то что губернаторская кухарка, а, пожалуй, и горничная съ тобой по Дворянской пройдется.

Всѣ смѣялись, а Иванъ Евлампіевичъ, весь красный отъ досады, умолкалъ и дѣлалъ видъ, что ему страшно некогда. Но, улучивъ минуту, когда Еремѣевъ куда-то исчезалъ, онъ поднималъ голову отъ бумагъ, и снова его авторитетный голосъ раздавался по палатѣ:

— Я, знаете, теперь чаю совсѣмъ не пью, бросилъ,—говорилъ онъ.—Представьте, какая исторія: отъ чаю клопы заводятся!

— Да что вы?

— Ей Богу! Теперь я по утрамъ вмѣсто чаю пью водку, и, можете себѣ представить,—ни одного клопа! Всѣ перевелись.

— Это удивительно!—глубокомысленно говорилъ собесѣдникъ.—Стало быть, водка имъ во вредъ? А у меня клоповъ до пропасти, никакія средства не дѣйствуютъ. Попробую тоже водку пить, а чай брошу!

Иногда и столоначальникъ снисходилъ съ высоты своего величія и медленно, съ одышкой, разсказывалъ Агаѳонику Петровичу, что вчера у губернатора былъ балъ, что у управляющаго контрольной палатой больна жена, и что полиціймейстеръ выѣзжаетъ теперь не на вороныхъ, а на сѣрыхъ лошадяхъ. Агаѳоникъ Петровичъ при этомъ сочувственно поддакивалъ и съ большимъ интересомъ разспрашивалъ, много ли было народу на

губернаторскомъ балу, чѣмъ больна жена управляющаго контрольной палатой и кто ее лечитъ, и почему полиціймейстеръ перемѣнилъ вороныхъ лошадей на сѣрыхъ. Было время, когда все это интересовало и Филиппа Ивановича, но теперь онъ съ страннымъ удивленіемъ прислушивался къ разговорамъ своихъ сослуживцевъ и думалъ:

„А вѣдь и вправду „рыбьи слова"... Какъ это я прежде не замѣчалъ? Вѣрно, вѣрно... „рыбьи слова", „рыбьи мысли", „рыбьи чувства"... Зачѣмъ же тогда Шиллеръ? Для кого онъ жилъ, для кого писалъ? Странно, нелѣпо, непонятно"...—И вдругъ у него являлось непреодолимое желаніе встать... и закричать на всю палату, на всю улицу, на весь городъ: „Караулъ, помогите!"...

Но, взглянувъ на жирное, безмятежное лицо столоначальника, на аккуратнаго и исполнительнаго Агаѳоника Петровича, онъ пугался, душилъ въ себѣ безумное желаніе и еще глубже погружался въ работу. А потомъ приходилъ начальникъ отдѣленія, и все вокругъ затихало, какъ въ гробу,—только скрипѣли перья и шуршала бумага.

XV.

Когда въ три часа занятія кончались, и чиновники оживленною гурьбой выходили на улицу, Филиппъ Ивановичъ старался отстать отъ всѣхъ и съ туманомъ въ головѣ удивленно осматривался. Послѣ сѣрыхъ палатскихъ стѣнъ ему казались дики, чужды и непонятны голоса улицы, трескъ экипажей, говоръ людей, запахъ деревьевъ, свѣжій вѣтеръ, гнавшій по мостовой вихри пыли. Медленно шелъ онъ по троттуару и думалъ, что вотъ есть же какая-то совсѣмъ другая жизнь, текущая мимо него, жизнь, которой нѣтъ никакого дѣла до входящихъ и исходящихъ, которая идетъ сама по себѣ и сама себѣ довлѣетъ. Куда и зачѣмъ идутъ и ѣдутъ всѣ эти люди, — рабочіе, модистки, дамы, торговцы, солдаты? Зачѣмъ вѣтеръ бѣшено носится по городу и пылитъ въ глаза? Почему такъ весело скачетъ мальчуганъ въ изорванной рубашонкѣ и звонко кричитъ что-то другому мальчугану на той сторонѣ улицы? Вотъ прошли навстрѣчу плотники, грубые, загорѣлые, дюжіе, съ топорами и пилами за спиной. Они о чемъ-то говорятъ и хохочутъ громко, грубо, открывая большіе рты съ бѣлыми зубами; запахъ пота, чернаго хлѣба, свѣжаго дерева, несется отъ нихъ,—здоровый запахъ труда, силы и земли. Чего они хохочутъ, какъ смѣютъ хохотать, когда *они* тамъ, въ палатѣ, сидятъ, согнувшись, и

шепчутся потихоньку надъ своими бумагами, точно издыхающіе въ рѣшетѣ раки? Филиппъ Ивановичъ съ жаднымъ любопытствомъ всматривается въ кирпичныя лица плотниковъ, какъ бы ища въ этихъ лицахъ отвѣта на свои вопросы, но плотники уже прошли, и на смѣну имъ идутъ другіе... Это мастеровые идутъ. Оборванные, грязные, подвыпившіе, съ гармошкой, они тоже хохочутъ, перекидываются скверными словами и поютъ безсмысленную пѣсню:

Продай, миленькій, жилетку,
Купи Машенькѣ конфетку!..

Хохочетъ и мечется дикая пѣсня, хохочетъ гармоника, хохочутъ пьяные мастеровые, и этотъ разгульный, безшабашный хохотъ волнуетъ кровь и зажигаетъ въ ней странныя желанія. У Филиппа Ивановича кружится голова, и ему хочется вотъ такъ же, какъ и эти мастеровые, идти по улицѣ съ гармоникой, пѣть, ругаться, хохотать, открывая ротъ во всю ширь. Или уйти бы въ степь, мчаться куда-нибудь вмѣстѣ съ буйнымъ вѣтромъ, кричать, скакать, валяться по землѣ, вдыхать въ себя ея горячій, сытный запахъ,—запахъ труда, силы и здоровья.

Отъ этихъ мыслей Филиппъ Ивановичъ останавливался и съ испугомъ глядѣлъ на своихъ спутниковъ. Ему казалось, что онъ уже кричалъ, и что всѣ слышали его крики. Но чиновники шли мимо него, не оборачиваясь, и вели какой-то тягучій разговоръ о палатскихъ дѣлахъ, и ихъ сѣрыя лица были, какъ всегда, спокойно-дѣловиты, и фуражки съ кокардами дѣлали ихъ похожими другъ на друга, какъ лѣсные орѣхи похожи между собою.

— Нѣтъ, представьте себѣ, какая у насъ вышла сегодня исторія,—говорилъ одинъ изъ нихъ. — Получается въ нашемъ столѣ отъ Управленія Государственными Имуществами за № 4015...

„Все то же, все то же... отношенія, предписанія, рапорты, доклады, а жизнь идетъ мимо“... И Филиппъ Ивановичъ думалъ, что вотъ онъ уже двадцать лѣтъ просидѣлъ надъ этими отношеніями и предписаніями, что теперь ему тридцать-восемь лѣтъ, что осталось прожить, можетъ быть, еще лѣтъ двадцать, а онъ все такъ же будетъ сидѣть въ палатѣ, на продавленномъ стулѣ, и такъ же будутъ идти дни, и такъ же онъ будетъ ходить изъ палаты домой, обѣдать, пить чай, разъ въ годъ справлять именины, на Пасху печь куличи и красить яйца, на Рождество ждать награды „на гуся“, играть въ карты, слушать одни и тѣ же разговоры... А когда же жить?“

— „Поздно, поздно“... — шепталъ ему въ уши знакомый насмѣшливый голосъ.

— Да неужели поздно? — воскликнулъ Филиппъ Ивановичъ вслухъ.

XVI.

— Что вы сказали?—проговорилъ кто-то около него.

Филиппъ Ивановичъ съ ужасомъ оглянулся, думая, что это *онъ*. Но передъ нимъ стоялъ „художникъ“ въ своей широкополой шляпѣ, изъ-подъ которой крупными кольцами падали длинные волосы, и смѣющимися глазами смотрѣлъ на Касаткина.

— Вы что-то сказали сейчасъ,—повторилъ онъ.—Я думалъ, вы мнѣ.

— Нѣтъ, я ничего не говорилъ,—угрюмо отвѣчалъ Филиппъ Ивановичъ, подозрительно косясь на художника.

— А, ну такъ это мнѣ показалось! — безпечно согласился художникъ, шагая рядомъ съ нимъ. — Чортъ знаетъ, скучища ужасная! Сидишь-сидишь въ этой помойной ямѣ, и голова сдѣлается, точно котелъ.

— Котелъ? Какой котелъ? — враждебно спросилъ Филиппъ Ивановичъ.

— Ну, какой, самый обыкновенный, чугунный, въ которомъ кашу варятъ! — смѣясь, сказалъ художникъ. — И тамъ гудитъ что-то—гу-у! гу-у! Чертовщина! Съ вами этого не бываетъ?

— Нѣтъ-съ, не бываетъ! — сухо отвѣтилъ Филиппъ Ивановичъ.

— Стало быть, вы привыкли. А я, знаете, никакъ не могу привыкнуть. Вѣдь мнѣ только двадцать-три года, я еще жить хочу, я люблю живопись, литературу, музыку, мнѣ нужно общество интересныхъ, живыхъ людей, а вмѣсто всего этого—помойная яма! Скука! Даже поговорить не съ кѣмъ. Вотъ я на дняхъ прочелъ Ницше—о Заратустрѣ. Хочется поговорить, подѣлиться впечатлѣніями—и не съ кѣмъ! Вѣдь это пытка...

— Надо зарабатывать свой хлѣбъ-съ!

— Хлѣбъ? Да... надо!—съ грустью сказалъ молодой человѣкъ. — Но развѣ нельзя такъ, чтобы трудъ былъ не пыткой, а удовольствіемъ? Вѣдь можно же это, какъ вы думаете? Вотъ, напримѣръ, я,—по призванію я художникъ. Заставьте меня расписать стѣны нашей палаты,—я день и ночь буду работать, я не оторвусь отъ кисти, я... не знаю, что я сдѣлаю, но сдѣлаю все съ жаромъ, съ восторгомъ, съ наслажденіемъ! И вдругъ

меня посадили за гербовый уставъ... брр!.. Ненавижу его! Проклинаю!

— Гербовый уставъ,—тоже дѣло необходимое-съ! — возразилъ Филиппъ Ивановичъ.

— Кому необходимое? Зачѣмъ? Для чего?

— Для государства.

— Для государства! А что такое государство? Вѣдь это я, вы, мы, всѣ... А насъ спрашивали, нуженъ ли намъ гербовый уставъ? Вамъ онъ нуженъ? Мнѣ нуженъ? Кто-нибудь говорилъ вамъ, что онъ не можетъ жить безъ гербоваго устава? Вздоръ все это, безсмыслица, никому не нуженъ гербовый уставъ, а стало быть, и моя работа не нужна, и ваша, и всѣ мы корпимъ зря... Только такой трудъ и пріятенъ, который нуженъ, а нашъ трудъ никому не нуженъ, поэтому онъ отвратителенъ. Къ чорту гербовый уставъ!

— Если вы такъ смотрите, лучше бросить и уйти,—возразилъ Филиппъ Ивановичъ снова.

— И уйду! Чортъ съ вами, со всѣми... Пойду дрова рубить, навозъ копать, тѣсто мѣсить... А впрочемъ... можетъ, и не уйду! Эхъ, проклятая жизнь! Проклятая палата! Скука! Скука!..—закричалъ художникъ, простирая впередъ руки, и его молодое, свѣжее лицо, обросшее пушистой бородкой, исказилось отъ злобы и отчаянія.

Филиппъ Ивановичъ дико на него смотрѣлъ, не зная, шутитъ ли онъ, или серьезно говоритъ. Но художникъ вдругъ оборвалъ свой крикъ, засмѣялся и протянулъ Касаткину руку.

— Ну, мнѣ надо сюда. Прощайте. Что это у васъ такое лицо? Я, кажется, васъ напугалъ? Вы такой тихій всегда... Но я не знаю, въ меня точно бѣсъ какой-то вдругъ вошелъ,—такъ бы и перевернулъ вверхъ дномъ всю эту помойную яму. Извините... А насчетъ того, что уйду, это не безпокойтесь. Никуда я не уйду, потому что мамаша будетъ плакать...

И онъ свернулъ въ переулокъ, развѣвая по вѣтру полами своей крылатки.

„Что это съ нимъ?—думалъ Филиппъ Ивановичъ.—Никогда онъ со мной не разговаривалъ... Не нарочно ли? Можетъ быть, замѣтили что-нибудь и научили,—дескать, выпытай у него, какъ онъ... Надо принять мѣры. Можетъ быть, у меня уже на лицѣ отражается? Недаромъ онъ сказалъ: вы, говоритъ, такой тихій“... Легкій ознобъ прошелъ по тѣлу Филиппа Ивановича, и вдругъ его осѣнила новая мысль.—„А что, если ничего этого не было и никто со мною не говорилъ, и художникъ былъ не художникъ,

а *тотъ*? Вѣдь это уже, значитъ, *онъ* вездѣ будетъ со мною ходить, во всякихъ образахъ и при всякихъ обстоятельствахъ? Не можетъ быть, не можетъ быть"...

XVII.

На другой день, придя въ палату и со всѣми поздоровавшись, Филиппъ Ивановичъ съ особымъ вниманіемъ, хотя и исподтишка, посмотрѣлъ на художника. Тотъ замѣтилъ его взглядъ и отвѣчалъ дружелюбною усмѣшкой, — у Касаткина отлегло на душѣ. Значитъ, то, что было вчера—дѣйствительно было, и не *тотъ*, изъ невѣдомаго міра, а живой, настоящій человѣкъ говорилъ съ нимъ.

Послѣ занятій, въ прихожей, художникъ подошелъ къ Филиппу Ивановичу.

— А я, должно быть, здорово вамъ вчера наболталъ!—сказалъ онъ весело, помахивая тросточкой.—Ужасно глупо... Но, видите ли, какая исторія, — хочется поговорить иногда, а никого нѣтъ.

— А развѣ у васъ нѣтъ товарищей-сверстниковъ?

— То-то и есть, что нѣтъ! Товарищи мои всѣ разъѣхались, — кто въ университетъ, кто въ академію,—одинъ я отсталъ.

— Почему же?—осторожно спросилъ Филиппъ Ивановичъ.

— Вы сами вчера сказали: надо зарабатывать хлѣбъ. Вотъ я и зарабатываю... съ натугой, съ отвращеніемъ, но зарабатываю. Душа рвется на просторъ, въ „гущу жизни", а мамаша говоритъ: „служи, работай, я тебя кормила, теперь ты меня корми!"... Правильно?

— Совершенно-съ!—подтвердилъ Филиппъ Ивановичъ, но въ душѣ его шевельнулось что-то вродѣ жалости къ этому юношѣ, въ которомъ ему чудился давно умершій образъ другого юноши, вотъ такъ же рвавшагося душой на просторъ и волю жизни.

— Стало быть, и говорить нечего,—продолжалъ художникъ.— Буду корпѣть въ палатѣ. Но иногда что-то подымается тамъ, внутри, и кричитъ: „не хочу!".. Въ такія минуты мнѣ все дѣлается противно до безконечности. Этотъ самодовольный шутъ, начальникъ отдѣленія, воображающій, что безъ него весь міръ развалится, эта жирная скотина, столоначальникъ, священнодѣйствующій старецъ-Агаѳоникъ, пьяный Еремѣевъ, пошлый Евлампіевичъ... всѣхъ бы ихъ я истолокъ въ порошокъ и развѣ-

ялъ по вѣтру! Вотъ и вчера было... Вижу, вы идете одинъ и сами съ собой разговариваете...

— Я не разговаривалъ...

— Ну, все равно! Но мнѣ это понравилось, и я къ вамъ подошелъ. Вы все-таки какъ будто не такой, какъ всѣ. Я часто на васъ смотрѣлъ... у васъ даже лицо особенное...

Филиппъ Ивановичъ подобрался, и готовая открыться душа его снова замкнулась на всѣ замки.

— Какое лицо?—холодно спросилъ онъ.

— Да такъ... что-то такое странное... Вы тамъ сидите, пишете, а душа ваша какъ будто гуляетъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. И потомъ иногда у васъ такая ядовитая улыбка является...

— Очень пріятно-съ! — язвительно перебилъ его Филиппъ Ивановичъ.—Я и не подозрѣвалъ, что за мною такъ хорошо шпіонятъ!

— Что? — съ изумленіемъ воскликнулъ художникъ. — Кто шпіонитъ? Послушайте, что вы говорите?

— Ничего-съ! Прощайте!..—отрывисто прошипѣлъ Филиппъ Ивановичъ и зашагалъ въ сторону.—Художникъ закричалъ ему вслѣдъ что-то вродѣ „болванъ" или „идіотъ", но Касаткинъ не оборачивался и шелъ впередъ, очень довольный, что отдѣлался отъ молодого человѣка. „Подослали! подослали!"—думалъ онъ на ходу.—„Высмотрѣть, вывѣдать—и потомъ въ шею! Это все проклятая лисица, начальникъ отдѣленія! Онъ давно уже имѣетъ противъ меня зубъ, я это вижу. Но вамъ не удастся меня спихнуть, будьте спокойны. Я перехитрю... Теперь уже ни съ кѣмъ ни гу-гу, ни-ни,—ни съ художникомъ, ни съ чортомъ, ни съ дьяволомъ! Вотъ сижу на своемъ мѣстѣ и буду сидѣть и никуда не уйду и умру въ палатѣ"...

Какое-то слабое дуновеніе коснулось его уха, и Филиппъ Ивановичъ явственно уловилъ въ немъ отзвуки знакомаго хихиканья. „А жить-то когда же"?

— Жить? Еще успѣю!

„Поздно, поздно!"—отвѣчалъ хихикающій голосъ.

XVIII.

— Такъ вы думаете, что уже поздно? — сердито спросилъ Филиппъ Ивановичъ, когда *онъ*, по обыкновенію, явился къ нему сумерничать.

Вмѣсто отвѣта, отвратительный человѣчекъ беззвучно захо-

хоталъ и началъ корчиться въ припадкѣ неистовой веселости. Вообще *онъ* становился съ каждымъ днемъ все нахальнѣе и нахальнѣе, садился уже не на краишкѣ дивана, а во всю ширину его, держалъ себя вызывающе, фамильярно подмигивалъ, говорилъ дерзости и совершенно измѣнилъ свой прежній тусклый видъ. Теперь онъ былъ уже не сѣрый и пустой внутри, а темный, разбухшій и какъ будто налитой густой, черной кровью. И Филиппъ Ивановичъ начиналъ бояться этого выходца изъ невѣдомаго міра, который все болѣе и болѣе внѣдрялся въ его жизнь и заставлялъ его мыслить своими мыслями, чувствовать своими чувствами, говорить своими словами.

— Что вы смѣетесь? — снова заговорилъ Филиппъ Ивановичъ.—Я васъ спрашиваю: вы серьезно думаете, что уже поздно?

— А вы еще думаете,—нѣтъ? — отвѣчалъ человѣчекъ, не переставая смѣяться.—Хе-хе-хе, какой же вы наивный!.. Да вы поглядите на себя, куда же вы теперь годитесь? Вѣдь у васъ и геморрой, и печенка не въ порядкѣ, лысина во всю голову, а зубовъ, поди, половины уже нѣту... Хе-хе-хе! Но главное, нѣтъ у васъ души, души нѣту, пусто здѣсь, пусто!.. Развѣ можно начинать новую жизнь безъ души?

Онъ постучалъ пальцемъ въ грудь Филиппа Ивановича и извлекъ оттуда такой странный, пустой звукъ, какъ будто бы тамъ, дѣйствительно, ничего не было. Филиппъ Ивановичъ вздрогнулъ.

— Пустите...—хрипло прошепталъ онъ. — Оставьте меня! Это вы высосали изъ меня душу...

Онъ съ отвращеніемъ оттолкнулъ отъ себя насмѣшливое чудовище и подошелъ къ зеркалу. Оттуда выглянуло на него сѣрое лицо съ тусклыми глазами и морщинами на щекахъ; во рту не хватало многихъ зубовъ; на головѣ бѣлѣла малокровная, голая кожа. Было что-то жалкое и гадкое въ этомъ дрябломъ лицѣ, и Филиппъ Ивановичъ съ ужасомъ замѣтилъ въ немъ странное сходство съ его таинственнымъ посѣтителемъ. Онъ яростно обернулся назадъ,—*тотъ* стоялъ у него за спиною и корчился отъ смѣха.

— Ну что? Видѣли? Хорошъ?—шепталъ *онъ*.

— Замолчите вы! — крикнулъ Филиппъ Ивановичъ, сжимая кулаки. — Нечего смѣяться... Подождите еще отпѣвать. Вотъ возьму и, вамъ на зло, завтра же...

Онъ умолкъ, самъ не зная, что̀ такое сдѣлаетъ завтра. А *тотъ* злорадно подхватилъ:

— Что̀? Что̀ завтра?

И такъ какъ Филиппъ Ивановичъ молчалъ, *онъ* продолжалъ:

— И завтра, и послѣ-завтра, и всегда вы будете сидѣть на своемъ продавленномъ стулѣ въ палатѣ, возвращаться въ три часа домой, обѣдать, чай пить, лежать на диванѣ—и только... Мало-по-малу волосы у васъ выпадутъ всѣ, зубы тоже выпадутъ; потомъ начнутся боли, усталость, одряхлѣніе; пропадетъ память, ослабѣетъ зрѣніе и, наконецъ, наступитъ „кранкенъ", какъ говоритъ Еремѣевъ... Оттащатъ васъ на кладбище съ кутьей, жена справитъ поминки, товарищи выпьютъ за упокой вашей души, а на вашемъ мѣстѣ сядетъ другой Филиппъ Ивановичъ, и черезъ годъ-другой никто во всемъ мірѣ не будетъ помнить о васъ...

Онъ говорилъ, говорилъ, говорилъ, и вмѣстѣ съ его словами передъ Филиппомъ Ивановичемъ нарисовалась такая яркая картина его будущей жизни, потомъ смерти, похоронъ, поминокъ и забвенія, что онъ не выдержалъ и закричалъ на весь домъ: „Караулъ, помогите!"...

XIX.

— Послушай, Филиппъ Ивановичъ, да ты серьезно боленъ!— сказала Катерина Ивановна, стоя передъ диваномъ со свѣчой въ рукахъ.—Худѣешь, во снѣ кричишь, самъ съ собою разговариваешь, глаза какіе-то дикіе...

Филиппъ Ивановичъ притаился и молчалъ. Но когда Катерина Ивановна опять упомянула о томъ, что надо бы посовѣтоваться съ докторомъ, онъ не вытерпѣлъ, вскочилъ и, ударивъ кулакомъ по столу, закричалъ:

— Убирайся ты съ докторомъ!.. Къ чорту! Что ты ко мнѣ лѣзешь? Дура!.. Я знаю, ты рада меня упечь... Я знаю, знаю, знаю!..

Катерина Ивановна горестно всплеснула руками и заплакала.

Филиппъ Ивановичъ притихъ, дрожащими руками надѣлъ на себя пальто и фуражку и ушелъ изъ дома.

„Господи, что же это?—думалъ онъ, шагая по пустыннымъ улицамъ.—Вѣдь жилъ же я, жилъ до сихъ поръ, какъ всѣ люди живутъ, и ничего, и хорошо было,—что же такое случилось со мной теперь? Откуда это? Кому понадобилось испортить мнѣ жизнь?"

Кто-то тихо засмѣялся въ отвѣтъ на его мысли, и, оглянувшись, Филиппъ Ивановичъ увидѣлъ, что *онъ* уже идетъ рядомъ съ нимъ. Этого еще никогда не бывало, чтобы *онъ* появлялся на

улицѣ, но Филиппъ Ивановичъ не удивился, не испугался и не разсердился,—теперь ему было все равно...

— Ахъ, это вы? — усталымъ голосомъ сказалъ онъ.—Ну, что же вы мнѣ теперь скажете? И долго вы еще будете меня мучить?

— А вы мучаетесь? Мучаетесь?—весело спросилъ спутникъ, заглядывая Филиппу Ивановичу въ лицо любопытными глазами.

— Ахъ, ужасно! — простоналъ Филиппъ Ивановичъ. — Да развѣ вы не видите? Я не сплю по ночамъ... я худѣю, я кричать уже началъ... у меня въ головѣ все путается. Я скоро перестану заниматься. Что вы со мной дѣлаете? Когда васъ не было,—я жилъ спокойно, я работалъ, я былъ счастливъ...

— Вы были счастливы?—повторилъ спутникъ, извиваясь и подпрыгивая отъ смѣха.

— Ну, да... счастливъ!—со злостью сказалъ Филиппъ Ивановичъ.—Я ни о чемъ не думалъ и ничего мнѣ не нужно было, а вы пришли, нашептали тутъ что-то, разворочали мнѣ всю душу... Да, да, это все вы надѣлали, проклятый дьяволъ, вы, вы!

Онъ весь расплылся въ отвратительную гримасу и подмигнулъ Филиппу Ивановичу.

— Но вѣдь это хорошо... Это хорошо!—шепталъ *онъ*, потирая руки.

— Хорошо?

— Великолѣпно!.. Вы мучаетесь,—значитъ, вы еще живы, ваша душа жива,—она борется, она кричитъ!.. И мучайтесь! И кричите! Это хорошо! Это возвышенно! Вы не трупъ, вы не рабъ,—вы живой, свободный человѣкъ... Вы — *человѣкъ*, понимаете? Что можетъ быть выше?

— Но вѣдь мнѣ больно... больно! Я страдаю...

— Страдаете? Вамъ больно? О, да вѣдь это и есть жизнь!.. „Чѣмъ больше скорбь, тѣмъ выше человѣкъ"... Помните? Вы это помните?

— Постойте... Кто это сказалъ? Это, кажется, Мюссé сказалъ...

— Мюссé? Ха-ха-ха... Вотъ видите, вы даже Мюссé вспомнили... Значитъ, вы и Мюссé читали, а? Вспомните-ка, вспомните хорошенько. Давно это было, но было... Тогда у васъ не было ни лысины, ни геморроя, и вы еще не знали, что такое 20-е число, и счастье міра вамъ представлялось не въ видѣ регистраторскаго мѣста на просиженномъ стулѣ, не въ видѣ праздничныхъ наградныхъ, а какъ-то иначе, да? Вспомните это, Филиппъ Ивановичъ!

— Да, я вспоминаю...—медленно проговорилъ Касаткинъ.— Это было... это было, кажется, въ шестомъ классѣ гимназіи... Да! Мы держали экзаменъ по физикѣ, а потомъ я ѣздилъ съ Давыдовымъ на лодкѣ. И Давыдовъ тогда читалъ эти стихи, а послѣ мы пѣли... Что мы пѣли? Дайте вспомнить... Ахъ, да, да... „Выпьемъ мы за того, кто „Что дѣлать“ писалъ, за героевъ его, за его идеалъ“!.. И мы поклялись всю свою жизнь отдать за счастье народа... Какая яркая заря была тогда!

— Яркая? Ха-ха-ха... Да, Филиппъ Ивановичъ, вы уже больше никогда не видали такой зари!

— Никогда!—согласился Филиппъ Ивановичъ, растроганный воспоминаніями.—И не пѣлъ уже этой пѣсни. Все пошло какъ-то не такъ...

— А ваша клятва? А „счастье народа“-то какъ же?

— Я уже не думалъ объ этомъ... Когда же мнѣ было думать?

— Да, да... „входящія“ и „исходящія“? Хе-хе-хе... Ну, а Давыдовъ? Гдѣ же вашъ другъ Давыдовъ?

— Давыдовъ? Да вѣдь онъ вскорѣ вышелъ изъ гимназіи, попался въ чемъ-то и былъ сосланъ въ Сибирь. А теперь... Теперь не знаю, гдѣ.

— Вы врете! Онъ вамъ писалъ, а вы ему не отвѣчали. Потомъ, когда онъ вернулся изъ Сибири и пришелъ къ вамъ, къ своему старому другу, вы его не приняли и спрятались отъ него въ чуланъ. Вы боялись потерять мѣсто. Вы помните, это а?

Филиппъ Ивановичъ помнилъ... Краска стыда залила его лицо, и онъ съ бѣшенствомъ обернулся къ своему ужасному спутнику.

— Уйди! Уйди ты отъ меня, проклятый мучитель!—крикнулъ онъ, сжимая кулаки.

XX.

Но на улицѣ никого не было, и только электрическій фонарь покачивался на проволокѣ, отбрасывая на мостовую огромный свѣтлый кругъ. Какіе-то длинные заборы тянулись по обѣ стороны улицы, и въ ихъ густой тѣни мелькали живыя тѣни, вспыхивалъ и угасалъ огонекъ папиросы. По временамъ оттуда доносились хриплые голоса, хриплый смѣхъ, хриплыя ругательства.

„Куда это я зашелъ?“—подумалъ Филиппъ Ивановичъ.

Въ ту же минуту на него надвинулась черная, мрачная тѣнь.

— Господинъ, пойдемте со мной!—услышалъ онъ жуткій шопотъ, и запахъ водки и табаку ударилъ ему въ носъ.

Филиппъ Ивановичъ остановился и тупо поглядѣлъ на су-

мрачную тѣнь. Это была женщина, высокая, толстая, въ платочкѣ; она вызывающе смотрѣла ему въ глаза. При голубоватомъ свѣтѣ электричества ея грубо накрашенныя щеки казались окровавленными; большіе глаза сверкали жаднымъ блескомъ; завитая чолка дыбомъ стояла надъ низкимъ лбомъ. И дикое желаніе погрузиться въ самую глубь грязи, откуда вышла эта женщина съ окровавленными щеками, пѣть, орать и ругаться, напиться, какъ тѣ мастеровые, которымъ онъ завидовалъ, охватило вдругъ Филиппа Ивановича...

— Пойдемъ!—сказалъ онъ.

Женщина подхватила его подъ-руку, и они пошли. Противный запахъ пота, водки, сырой, затхлой квартиры, неопрятнаго бѣлья шелъ отъ женщины, и Филиппъ Ивановичъ брезгливо отвернулъ-было отъ нея лицо. Но тутъ же ему пришла въ голову мысль, что она можетъ обидѣться, и, преодолѣвая свое отвращеніе, Касаткинъ снова повернулся къ ней. Она крѣпко прижималась къ нему всѣмъ своимъ теплымъ, мягкимъ тѣломъ, и Филиппъ Ивановичъ почувствовалъ къ ней нѣжную жалость, какъ къ безпомощному, ничего не понимающему животному, которое выбросило на улицу ночью, въ стужу и ужасъ одиночества.

— Какъ васъ зовутъ?—ласково спросилъ онъ.

— Меня-то? Маруськой.

— Ма-ру-ся... — повторилъ Филиппъ Ивановичъ. — Какое славное имя! А сколько же вамъ лѣтъ?

Женщина не отвѣчала, и, пройдя нѣсколько шаговъ, спросила нетерпѣливо:

— Ну, что-жъ, мы въ номера что-ли пойдемъ?

— Въ номера?—съ удивленіемъ сказалъ Филиппъ Ивановичъ, но сейчасъ же вспомнилъ, зачѣмъ онъ идетъ, и прибавилъ поспѣшно:—Да, да... Въ номера... Конечно!

— Тутъ недалеко есть. Вотъ пройтить сады, а тамъ за уголъ—и номера. Угостите папиросой!

Филиппъ Ивановичъ торопливо досталъ портсигаръ. Женщина съ наслажденіемъ закурила, и при свѣтѣ спички лицо ея показалось Касаткину усталымъ и больнымъ, несмотря на раскрашенныя щеки.

— И давно ужъ это... вы?—спросилъ онъ, когда они опять пошли.

— Что? Курю-то?

— Нѣтъ, не то... По номерамъ-то ходите?

Женщина рванулась отъ него, и когда заговорила, то въ голосѣ ея слышалась досада.

— Да вамъ-то что? Сколько лѣтъ, да то, да сё... что вы пристали? Совсѣмъ это ни къ чему. Получите свое, такъ незачѣмъ и спрашивать. Терпѣть этого не люблю!

— Да я васъ вовсе не хотѣлъ обидѣть,—кротко вымолвилъ Филиппъ Ивановичъ.—Я только потому, что... мнѣ васъ жаль. Очень жаль!

— А на кой чортъ мнѣ ваша жалость!—грубо крикнула женщина.—Вотъ еще какой... Жалѣльщикъ тоже! Идешь въ номера, и иди, и разговаривать нечего.

— Но вѣдь, послушайте, Маруся...—растерянно забормоталъ Филиппъ Ивановичъ, снимая фуражку и вытирая выступившій на лбу потъ.—Что же вы ругаетесь? Я вѣдь того... я вовсе не затѣмъ въ номера иду. Я...

— Какъ не затѣмъ?—захохотала женщина.—А зачѣмъ же еще? Нешто въ номера-то акаѳисты читать ходятъ? Эхъ, ты!..—съ презрѣніемъ прибавила она, разсматривая Филиппа Ивановича.—Старый, лысый, а глупости болтаешь... Ну, идемъ, что-ли!

— Я не пойду...—сказалъ Филиппъ Ивановичъ, силясь выдернуть у нея свою руку.—Пустите меня, пожалуйста, мнѣ это непріятно...

Но женщина вцѣпилась въ него обѣими руками и закричала:

— Какъ не пойдешь? Что же это ты насмѣшки надо мной строишь? Я, можетъ, изъ-за тебя, лысаго чорта, сколько кавалеровъ упустила, а ты хочешь увильнуть... Ахъ! ты, дьяволъ!..

— Пустите меня...—шепталъ Филиппъ Ивановичъ.—Я вамъ заплачу, только пустите...

— Караулъ!—завизжала вдругъ женщина пронзительнымъ голосомъ.—Митька!.. Караулъ!..

Сзади послышался торопливый топотъ, потомъ черный мракъ выбросилъ изъ себя что-то черное, огромное, сипло дышащее, и страшный ударъ въ лицо оглушилъ и ослѣпилъ Филиппа Ивановича.

— Что вы дѣлаете?—крикнулъ онъ, но другой ударъ свалилъ его съ ногъ, и Филиппъ Ивановичъ погрузился въ тьму небытія.

XXI.

Когда онъ очнулся, кругомъ было темно и тихо, и гдѣ-то высоко деревья шептали глухо и жалобно. Филиппъ Ивановичъ приподнялся и сталъ шарить вокругъ себя. Онъ лежалъ въ глубокой канавѣ, и сухіе листья шуршали у него подъ руками. Онъ ощупалъ себѣ голову и лицо: фуражки не было, но что-то

клейкое и вязкое, какъ деготь, облѣпило ему пальцы. Противная, тупая боль мозжила гдѣ-то глубоко подъ черепомъ, и Филиппу Ивановичу показалось, что голова у него стала огромная и тяжелая, какъ гиря. Съ трудомъ онъ всталъ на ноги, поискалъ фуражку, не нашелъ и, шатаясь, выбрался изъ канавы. Сознаніе еще не совсѣмъ вернулось къ нему, и мысли, смутныя и разрозненныя, какъ клочья осенняго тумана, метались безпорядочно въ его мозгу. Что̀ такое произошло? Зачѣмъ онъ здѣсь? Отчего такъ темно и глухо? Но мало-по-малу онъ вспомнилъ все, и ему стало больно и стыдно, и деревья глухого сада за канавой жалобно шептали надъ нимъ какія-то ласковыя слова: „Жалкій! жалкій и несчастный“...

Садъ кончился, зачернѣли строенія, яркій свѣтъ электрическаго фонаря блеснулъ среди мрака. Филиппъ Ивановичъ пошелъ на фонарь, и когда очутился въ голубомъ кругѣ, колыхавшемся на мостовой, то машинально полѣзъ въ карманъ, чтобы посмотрѣть на часы. Но часовъ не было,—они исчезли вмѣстѣ съ цѣпочкой. Онъ поискалъ кошелька,—его тоже не было. „Обокрали!“—подумалъ Филиппъ Ивановичъ и засмѣялся.—„Избили и обокрали“...

— Дуракъ!—сказалъ кто-то сзади рѣзко и насмѣшливо.

Филиппъ Ивановичъ оглянулся,—онъ былъ одинъ. А между тѣмъ, тутъ близко, за его спиной, или даже какъ будто въ немъ самомъ, слышался раскатистый, оглушительный хохотъ, и густая ночная тьма повторяла его. Филиппъ Ивановичъ поднялъ руку, чтобы по привычкѣ поправить фуражку, но вспомнилъ, что фуражку украли, и, выйдя изъ свѣтлаго круга, поспѣшно зашагалъ впередъ. Хохочущая тьма провожала его, кидая ему вслѣдъ взрывы злого смѣха, которые стегали его, точно удары кнута. Это было нестерпимо, и Филиппъ Ивановичъ пустился бѣжать, чтобы скорѣе выйти въ людное мѣсто, но на бѣгу грудь съ грудью столкнулся съ какимъ-то прохожимъ, и оба чуть-чуть не упали...

— Эй вы! Полегче, господинъ!—сердито закричалъ прохожій.—Чортъ знаетъ... Претъ! Насосался...—презрительно крикнулъ онъ, исчезая во тьмѣ.

Катерина Ивановна еще не спала, встревоженная долгимъ отсутствіемъ мужа, и отперла ему сама. Она было-заворчала, но, увидѣвъ Филиппа Ивановича безъ фуражки, съ блѣднымъ, странно улыбающимся лицомъ, на которомъ чернѣла запекшаяся кровь, испугалась и ахнула.

— Батюшки мои, Филиппъ Ивановичъ, да что̀ это съ тобой?

— Обокрали!..—отвѣчалъ Филиппъ Ивановичъ, все такъ же нелѣпо улыбаясь.—Избили... и обокрали...

Катерина Ивановна дико на него смотрѣла. Она подумала, ужъ не пьянъ ли онъ, но, удостовѣрившись, что отъ него и не пахнетъ водкой, подняла крикъ на весь домъ.

XXII.

На утро Филиппъ Ивановичъ съ опухшимъ лицомъ и съ громаднымъ кровоподтекомъ надъ переносицей, но съ какимъ-то умиротвореннымъ выраженіемъ въ глазахъ, явился въ палату. Швейцаръ, снимая пальто, поглядѣлъ на Филиппа Ивановича пристально, но ничего не сказалъ, предполагая, что наканунѣ онъ, должно быть, зашибъ „здоровую муху“. Но Филиппъ Ивановичъ сдѣлалъ страдальческое лицо и сказалъ:

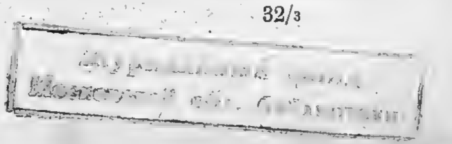
— Обокрали... чуть не убили! Вчера около сквера напали двое... и часы вытащили... и деньги... Всю ночь безъ памяти пролежалъ...

— Да что вы? То-то, я смотрю... Ахъ, подлецы, что дѣлаютъ!—воскликнулъ швейцаръ съ негодованіемъ.

Филиппъ Ивановичъ болѣзненно улыбнулся, хотя ему вовсе не было больно, и прошелъ въ свое отдѣленіе. Уловивъ изумленные взгляды сослуживцевъ, онъ и тамъ повторилъ:

— Обокрали!.. Чуть не убили...

Всѣ побросали свои дѣла и сочувственной толпой собрались вокругъ Филиппа Ивановича. Ахали, негодовали, ругали полицію, разсматривали кровоподтеки, и Филиппъ Ивановичъ, болѣзненно морщась, всѣмъ разсказывалъ свое приключеніе, умалчивая о его первоначальной причинѣ. Агаѳоникъ Петровичъ при этомъ вспомнилъ подходящій случай изъ своего далекаго прошлаго и посовѣтовалъ Филиппу Ивановичу прикладывать къ синяку мѣдный пятакъ; Иванъ Евлампіевичъ рекомендовалъ подать заявленіе въ полицію и обѣщалъ дать записку какому-то своему знакомому околоточному, „знаменитому сыщику“; даже начальникъ отдѣленія снизшелъ съ своего Олимпа и благосклонно выслушалъ разсказъ Филиппа Ивановича. Филиппъ Ивановичъ положительно сдѣлался героемъ дня: въ палатѣ только и разговору было, что о немъ; изъ другихъ отдѣленій, изъ пробирной палатки приходили на него посмотрѣть; всюду проникъ какой-то бѣсъ смятенія и безпорядка; дѣла были забыты, обычный строй дня нарушился, точно шумная улица, съ ея подонками, съ ея

грязью, развратомъ и нищетой, ворвалась вдругъ въ это капище бумажнаго бога, кощунственно разметала и ниспровергла всѣ его святыни, зажгла безуміе въ умахъ его жрецовъ... Многія бумаги въ этотъ день не были переписаны и отправлены по назначенію; самъ Филиппъ Ивановичъ перепуталъ въ реестрѣ нумера, а Агаѳоникъ Петровичъ, аккуратнѣйшій, исполнительнѣйшій Агаѳоникъ Петровичъ, въ важной бумагѣ губернатору, вмѣсто слова „донесеніе", къ ужасу своему, написалъ: „предложеніе", и вспомнилъ объ этомъ только тогда, когда бумага была уже отправлена...

— Затменіе нашло!—жаловался онъ послѣ всѣмъ и каждому. Истинно скажу, навожденіе дьявольское! Сорокъ лѣтъ служу,—и въ первый разъ въ жизни этакую пулю отлилъ! Ну-ка-сь, самому его превосходительству „предложеніе" закатилъ! А? Да за это нашего брата колѣнкой въ задъ напутствуютъ—и то мало! И ей Богу мало...

XXIII.

Въ то время, какъ вся палата волновалась, обсуждая на разные лады Филиппъ-Иванычево приключеніе, „художникъ" сидѣлъ съ своимъ обычнымъ равнодушно-скучающимъ видомъ и, не принимая участія въ общемъ разговорѣ, чертилъ на бумагѣ причудливыя фигурки и головки. Изрѣдка онъ поднималъ голову, всматривался то въ одного, то въ другого чиновника, и тогда его красивые глаза чуть-чуть улыбались. Филиппъ Ивановичъ подмѣтилъ этотъ улыбающійся взглядъ и принялъ его на свой счетъ.

— Странно!—сказалъ онъ обиженнымъ голосомъ.—Человѣка обокрали, чуть не убили, и находятся люди, которымъ это кажется смѣшно. Не понимаю, чему тутъ смѣяться?

— Кто смѣется?—спросилъ Иванъ Евлампіевичъ, поводя носомъ во всѣ стороны.

— Да вонъ господинъ художникъ! Человѣкъ, можно сказать, только чудомъ отъ смерти спасся, деньги послѣднія вытащили, часы серебряные вытащили, а они изволятъ улыбаться!

Художникъ съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на Филиппа Ивановича, и лицо его стало серьезнымъ.

— Развѣ я улыбаюсь?—спросилъ онъ.

Филиппъ Ивановичъ не удостоилъ его отвѣта и, сохраняя на лицѣ обиженное и удрученное выраженіе, началъ перебирать бумаги.

— Это нехорошо, молодой человѣкъ! — вступился Агаѳоникъ Петровичъ.—Несчастію ближнихъ надо сочувствовать, а не смѣяться надъ нимъ!

Тутъ уже художникъ, дѣйствительно, улыбнулся.

— Да, ей Богу, я не смѣюсь, Агаѳоникъ Петровичъ!—возражалъ онъ.—Хотя, по правдѣ сказать, не особенно и сочувствую. Чему тутъ сочувствовать, скажите, пожалуйста?

— Какъ чему? Человѣка ограбили, избили, могли даже совсѣмъ убить, а вы говорите, чему сочувствовать?

— Да вѣдь такіе случаи каждый день бываютъ. Почитайте газеты: въ „хроникѣ происшествій" объ этомъ постоянно пишутъ. Грабежи, убійства, нападенія, кражи,—и не пересчитаешь, сколько ихъ! Почему же это васъ не волнуетъ, а случай съ Филиппомъ Иванычемъ взволновалъ?

— Какъ почему? Странно вы разсуждаете, молодой человѣкъ! Тамъ, въ газетахъ вашихъ, Богъ знаетъ, про кого пишутъ, мы ихъ не знаемъ, кто, гдѣ, кого убили,—это не наше дѣло! А здѣсь вѣдь нашъ сослуживецъ пострадалъ, чиновникъ, это намъ близко, это насъ всѣхъ касается! Помилуйте, до чего дошла дерзость? Начали уже на чиновниковъ нападать! Этакъ завтра меня ограбятъ, послѣ завтра—Виктора Павлыча, а тамъ, страшно сказать, и... еще кого-нибудь повыше. Какъ же не волноваться?

— Конечно! — сказалъ художникъ съ усмѣшкой. — Всякому свою шкуру жалко.

— Что-съ? Какъ вы сказали? шкуру?

— Ну да, шкуру!

— А вы, молодой человѣкъ, поосторожнѣе!—внушительно сказалъ Агаѳоникъ Петровичъ.—Нельзя ли безъ выраженій?

— Да что же тутъ особеннаго, Агаѳоникъ Петровичъ? Я сказалъ то, что есть. Вонъ, на дняхъ я читалъ, въ донецкихъ шахтахъ сорокъ человѣкъ углемъ задавило, и никто здѣсь объ этомъ ни слова не сказалъ, будто это такъ и надо. А у Филиппа Иваныча часы украли и фонарь подъ глазомъ посадили,—батюшки, какой шумъ! А отчего? Оттого, что это, вы сами сейчасъ сказали, можетъ съ каждымъ изъ насъ случиться. Причемъ же тутъ сочувствіе? Просто, шкура заговорила, а сочувствія никакого нѣтъ!

Агаѳоникъ Петровичъ ничего не отвѣчалъ и сердито сопѣлъ; за столомъ водворилось неловкое молчаніе. Но черезъ нѣсколько минутъ, покончивъ какую-то бумагу и похлопывая по ней пресс-папиромъ, онъ снова обратился къ Филиппу Ивановичу.

— А вы все-таки заявите въ полицію,—этого дѣла никоимъ

образомъ нельзя оставлять безъ законнаго возмездія. Конечно, ныньче, какъ слышно по газетамъ, это въ модѣ поощрять всякихъ воровъ и проходимцевъ,—ну, а мы ужъ будемъ дѣйствовать не по модному, а по старинному, т.-е. ежели воръ, такъ онъ воръ и есть, и тащи его въ кутузку, а не сажай рядомъ съ собой за столъ. Такъ-то!

— Я, Агаѳоникъ Петровичъ, обращусь! — съ покорно-удрученнымъ видомъ сказалъ Филиппъ Ивановичъ и злорадно посмотрѣлъ на художника.—Часы-то они хоть и старые, а все-таки на худой конецъ двѣнадцать съ полтиною заплачены,—мнѣ ихъ терять не разсчетъ, а главное—голову мнѣ повредили. Такой шумъ въ ушахъ, словно тамъ паровикъ работаетъ. Это тоже не очень пріятно!

— Обязательно вы къ моему околоточному ступайте!—выскочилъ Иванъ Евлампіевичъ.—Онъ найдетъ! Иголку бросьте въ воду—найдетъ! Это, я вамъ доложу, такая голова знаменитая,—геній по сыскной части, ей Богу! Да вотъ я вамъ разскажу такой случай...

И пошли опять разговоры о сыщикахъ, ворахъ, убійствахъ, грабежахъ...

XXIV.

Такое повышенное настроеніе длилось въ палатѣ цѣлую недѣлю. Филиппъ Ивановичъ заявилъ о своемъ приключеніи въ полицію и ходилъ именинникомъ: всѣ интересовались его дѣломъ, соболѣзновали, разспрашивали, а онъ не уставалъ разсказывать, дополняя старую исторію все новыми и новыми подробностями. Теперь уже выходило такъ, что его давно преслѣдовали какіе-то таинственные незнакомцы, что онъ получилъ анонимное письмо съ угрозами убить его, и что украсть у него хотѣли вовсе не часы и деньги, а нѣчто болѣе важное... Здѣсь онъ умолкалъ и дѣлалъ загадочное лицо, которому багровый синякъ надъ переносьемъ придавалъ какую-то зловѣщую значительность. Ему вѣрили, и онъ самъ себѣ вѣрилъ, и отъ этого его сѣрая, тусклая жизнь пріобрѣла вдругъ особенную яркость, сдѣлалась интересной и полной. Филиппъ Ивановичъ какъ будто даже помолодѣлъ и повеселѣлъ, пересталъ слышать крики, и *онъ* ни разу не приходилъ къ нему въ эти дни.

Но время шло; синякъ надъ переносицей изъ багроваго перешелъ въ фіолетовый, потомъ въ оранжевый цвѣтъ и наконецъ совсѣмъ исчезъ; лицо Филиппа Ивановича снова приняло

свой обычный, будничный видъ; „знаменитый сыщикъ" до сихъ поръ не нашелъ никакихъ слѣдовъ таинственныхъ грабителей, и интересъ къ этому дѣлу началъ ослабѣвать. Всѣ почувствовали усталость и уже неохотно выслушивали разсказы Филиппа Ивановича. Часто его прерывали на полусловѣ и уходили къ своему дѣлу или начинали какой-нибудь другой разговоръ; однажды Филиппъ Ивановичъ явственно слышалъ, какъ Еремѣевъ при его входѣ сказалъ Ивану Евлампіевичу: „ну, теперь опять начнетъ брехать!"—и наконецъ, что было обиднѣе всего, начальникъ отдѣленія при всѣхъ сдѣлалъ ему строгое замѣчаніе, что реестръ у него запущенъ и что на государственной службѣ надо заниматься дѣломъ, а не уголовными романами. Все было кончено... Филиппъ Ивановичъ понялъ, что роль его сыграна, что ему пора сойти со сцены, и въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что медленно-медленно погружается въ глубокую, вязкую тину,—она забивается ему въ ротъ, въ носъ, мѣшаетъ дышать, ослѣпляетъ глаза... и отчаянный вопль „помогите!" снова донесся до него.

Филиппъ Ивановичъ оглянулся кругомъ. Скрипѣли перья, шуршала бумага, у всѣхъ лица были тупыя, сонныя, покорныя, похожія другъ на друга, какъ стертые пятіалтынные. Агаѳоникъ Петровичъ священнодѣйствовалъ; столоначальникъ автоматически подписывалъ бумаги; Еремѣевъ, склонивъ надъ столомъ тяжелый, багровый носъ, тщательно выводилъ буквы, а Иванъ Евлампіевичъ, перегнувшись черезъ столъ, шепталъ ему на ухо:

— Послушай, „земскій начальникъ" съ большой буквы надо писать или съ маленькой? Я забылъ...

Глубокая, вязкая тина сомкнулась надъ головой Филиппа Ивановича и поглотила его.

XXV.

А вечеромъ пришелъ *онъ*.

Онъ пришелъ, весь сотрясаясь отъ неистоваго смѣха, и тысячи торжествующихъ гримасъ, какъ молніи, бороздили его лицо. Сѣлъ передъ Филиппомъ Ивановичемъ, фамильярно похлопалъ его по плечу и вонзилъ въ него свои острые глаза.

— Опять?—угрюмо спросилъ Филиппъ Ивановичъ, отталкивая отъ себя *его* руку, холодное прикосновеніе которой было нестерпимо.

— Опять!... опять, милѣйшій мой!—отвѣчалъ *онъ*, гри-

масничая.—А вы что же... думали, конецъ? Хотѣли отдѣлаться отъ меня... часиками откупиться? Ахъ, вы... шалунъ! Часы отдалъ,—да и не самъ отдалъ, а отняли... и воображаетъ—подвигъ совершилъ. Шуму-то, шуму-то сколько, ха-ха-ха!.. Самъ Викторъ Павловичъ, начальникъ отдѣленія, изволили милостиво разговаривать,—вонъ оно куда пошло! Подумаешь, человѣкъ жизнь свою отдалъ за правду, а оно только и всего, что благородная физіономія немножко пострадала. Какое событіе! Какая величественная драма!..

Но тутъ *онъ* вдругъ пересталъ смѣяться, острый взглядъ его налился злобой и презрѣніемъ, и, близко наклонившись къ Филиппу Ивановичу, *онъ* прошипѣлъ ядовито:

— И въ полицію заявляли?

— Заявлялъ...

— Все-таки, стало быть, часовъ было жалко? Двѣнадцать съ полтиной хотѣли вернуть?

Филиппъ Ивановичъ молчалъ.

— То-то!—съ торжествомъ продолжалъ *онъ*, впиваясь все глубже и глубже къ нему въ душу своими всевидящими глазами. —А Марусю, небось, не жалко? Маруся-то вѣдь, все-таки, *тамъ* осталась? Да и не одна Маруся... *тамъ* ихъ тысячи... сотни тысячъ... а вы что сдѣлали? Въ полицію побѣжали, хныкали, синяками своими хвастались... Эхъ, вы! Ничтожество, слякоть, бумажная душа! Вѣдь передъ вами бездна жизни открывалась, а вы струсили, за свою жалкую шкуру испугались, въ полицейскомъ участкѣ отъ нея спрятались...

— Знаю!.. будетъ! Не надо...—простоналъ Филиппъ Ивановичъ и, отвернувшись къ стѣнѣ, закрылъ глаза, чтобы ничего не видѣть и не слышать. Но назойливый голосъ продолжалъ жужжать ему въ уши:

— Отворачиваешься? Убѣжать хочешь? Нѣтъ, братъ, отъ меня не уйдешь! Тутъ ужъ никакіе околоточные, никакіе сыщики не помогутъ! Я вездѣ тебя найду, въ кости залѣзу, въ мозгъ проползу, буду кричать, вопить, выть...

Филиппъ Ивановичъ вскочилъ и хотѣлъ бѣжать... но въ ту же минуту почувствовалъ, что его существо слилось съ существомъ страшнаго гостя, и неистовый вопль пронзилъ вечернюю тишину.

XXVI.

Филиппъ Ивановичъ пришелъ въ себя уже ночью, и прежде всего увидѣлъ надъ собою блѣдное лицо Катерины Ивановны, странно освѣщенное желтымъ свѣтомъ лампы. Этотъ свѣтъ и это блѣдное лицо были ему непріятны; онъ хотѣлъ подняться, но почувствовалъ сильную слабость и что-то тяжелое, холодное на головѣ.

— Что такое?—спросилъ онъ съ удивленіемъ и неудовольствіемъ.

— Лежи, лежи!..—торопливо зашептала Катерина Ивановна.—Тебѣ очень дурно было... я за докторомъ посылала. Онъ чего-то впрыскивалъ, сказалъ, что сильное нервное разстройство... лекарство прописалъ.

— Это еще зачѣмъ! Кто тебя просилъ? Никакого разстройства нѣтъ, и лекарства твоего я принимать не буду.

— Ну, что ты, Филиппъ Иванычъ, вѣдь съ тобой Бо-знать что было! Я перепугалась до смерти!

— И пугаться было нечего. Глупая бабья привычка! А *онъ* ушелъ?

— Кто? Докторъ? Давно ушелъ.

— Какой докторъ? Не докторъ... этотъ... который кричитъ!

— Господи, опять бредитъ!—съ отчаяніемъ прошептала Катерина Ивановна, и на глазахъ ея выступили слезы.

Но Филиппъ Ивановичъ уже сообразилъ свое положеніе и всталъ, сердито сбросивъ съ головы мокрые компрессы.

— Глупо! Какъ это глупо!—ворчалъ онъ.—Человѣкъ здоровъ, а ему доктора навязываютъ. Удивительное дѣло!

Но хотя онъ и храбрился, ноги у него дрожали, голова кружилась и во всемъ тѣлѣ ощущалась страшная усталость. Сдѣлавъ два-три шага по комнатѣ, онъ опять легъ.

— Ужасно спать хочу,—объявилъ онъ женѣ.—Унеси лампу.

И сейчасъ же заснулъ, какъ убитый.

XXVII.

Всталъ онъ совершенно здоровый, бодрый, и съ удовольствіемъ почувствовалъ, что голова его ясна, а въ душѣ ощущается необычайная легкость, какъ, бывало, въ ранней молодости, когда каждый день встрѣчался съ радостнымъ трепетомъ

ожиданія, что онъ принесетъ съ собою нѣчто новое, неизвѣданное и прекрасное. Филиппъ Ивановичъ отворилъ окно и съ наслажденіемъ втянулъ въ себя свѣжій воздухъ ранняго августовскаго утра, пропитаннаго ароматомъ увядающихъ листьевъ. Воробьи задорно скакали по вѣтвямъ еще зеленыхъ тополей и перекликались—„чивикъ, чивикъ!“—Мужикъ съ чернымъ лицомъ проѣхалъ мимо, крича уныло: „Углявъ, углявъ!“—Куча маленькихъ гимназистиковъ, съ тяжелыми ранцами за спиной, спѣша, протопотала по улицѣ. Филиппъ Ивановичъ смотрѣлъ на этихъ пискливыхъ, вертлявыхъ человѣчковъ въ форменныхъ фуражкахъ и вспомнилъ, какъ и онъ когда-то вотъ такъ же каждое утро спѣшилъ въ гимназію и трепеталъ передъ грознымъ чехомъ. Это воспоминаніе немножко кольнуло его и возбудило въ душѣ непріятное чувство. „Вѣчная боязнь и трепетъ!.. Въ дѣтствѣ—чехъ, латынь и единицы; теперь—начальникъ отдѣленія, выговоры, потеря мѣста... Погодите, милашки мои, вотъ вы скачете и чирикаете, какъ воробьи, а когда-нибудь тоже будете прикованы къ просиженному стулу, и вашимъ удѣломъ будетъ молчаливое исполненіе приказаній и предписаній начальства. Неужели только?“...

Вошла Катерина Ивановна и съ безпокойствомъ поглядѣла на мужа. Но, увидѣвъ его лицо, она просіяла.

— Ну, что, Филиппъ Иванычъ? Какъ ты себя чувствуешь?

— Да ничего, какъ всегда. Охота изъ мухи слона дѣлать!

— Ну, Филиппъ Иванычъ, какая же муха? Я просто не знала, что дѣлать, какъ съ тобой это случилось! До сихъ поръ вся трясусь.

— А что со мной было?—настораживаясь, спросилъ Филиппъ Иванычъ.

— И вспомнить страшно! Вдругъ закричалъ не своимъ голосомъ,—я прибѣжала, смотрю, а ты, весь, какъ мертвецъ, бѣлый, посередь комнаты стоишь и руками кого-то отъ себя отпихиваешь. Потомъ грохнулся на полъ и замлѣлъ... Я ужъ думала, померъ.

— Угорѣлъ, должно быть, за чаемъ. У тебя вѣчно самоваръ съ угаромъ!

— И что ты, Филиппъ Ивановичъ, выдумываешь, никогда съ угаромъ не подаю! Докторъ говоритъ,—утомленіе нервовъ.

— Дуракъ твой докторъ! Ему только бы за визитъ получить,—онъ еще и не то скажетъ. Небось, цѣлковый отвалила?

— Два, — созналась Катерина Ивановна. — Нельзя: онъ больше часу съ тобой возился,—какъ же ему меньше дать.

— Ну вотъ,—два цѣлковыхъ! Много у насъ капиталовъ-то, чтобы на пустяки деньги бросать?

— Здоровье дороже денегъ, Филиппъ Ивановичъ. Ну, иди кофе пить...

XXVIII.

Они мирно напились кофе, и Филиппъ Ивановичъ разговаривалъ съ женой о самыхъ обыденныхъ вещахъ. Вспомнили, что давно бы пора заборчикъ въ саду поправить, а то сосѣдскіе мальчишки всѣ яблоки обтрусили; потомъ долго толковали о томъ,—шить ли Филиппу Ивановичу новое осеннее пальто, или передѣлать старое. Рѣшили передѣлать, и, покончивъ съ этими домашними дѣлами, Филиппъ Ивановичъ все съ тою же легкостью и ясностью въ душѣ и въ мысляхъ отправился на службу. Только когда вдали показалось знакомое сѣрое зданіе казенной палаты, что-то холодное и липкое снова вползло въ грудь Филиппа Ивановича и вызвало приступъ знакомаго отвращенія. Но онъ подавилъ его и вошелъ въ палату съ видомъ человѣка, дѣлающаго серьезное дѣло и не желающаго опоздать.

Было еще рано, но Агаѳоникъ Петровичъ и оба писца были уже на своихъ мѣстахъ. Они почему-то покосились на Филиппа Ивановича, но ничего не сказали ему и продолжали разговаривать. Еремѣевъ вотъ уже цѣлую недѣлю не пилъ и разсказывалъ о томъ, что его лечитъ отъ запоя священникъ Троицкой церкви, который уже многихъ вылечилъ и направилъ на путь истинный. Агаѳоникъ Петровичъ очень сочувствовалъ этому и интересовался знать, какими средствами лечитъ священникъ.

— А средствами очень простыми, — говорилъ Еремѣевъ.— Надо къ нему каждый день ходить послѣ вечерень и вмѣстѣ съ нимъ читать молитву Господню до трехъ разъ. Потомъ онъ пишетъ на бумажкѣ какія-то слова, жжетъ ихъ на свѣчкѣ и пепелъ даетъ выпить на отварной водѣ. Чудесно помогаетъ! Я уже и теперь духу водочнаго слышать не могу,—честнѣйшее слово!

— А какія слова пишетъ? — любопытствовалъ Агаѳоникъ Петровичъ.

— Ужъ это онъ не сказываетъ, въ потайности держитъ. По вѣрѣ, говоритъ, дается, а не по знанію.

— Правильныя слова!—вздохнулъ Агаѳоникъ Петровичъ.— А сколько взимаетъ?

— Кто сколько можетъ,—таксы не полагается. Святой человѣкъ!—умиленно сказалъ Еремѣевъ.—По окончаніи леченія, я

обязательно у Митрофанія молебенъ съ акаѳистомъ отслужу и просфору за здравіе батюшки выну.

— Прекрасное дѣло!—согласился Агаѳоникъ Петровичъ.— Это я, пожалуй, своего зятя къ нему свожу. Онъ хоть и не запоемъ пьетъ, а каждое двадцатое число аккуратъ половину жалованья въ ресторанѣ оставляетъ. Молодой человѣкъ,—долго ли этакъ карьеру испортить?

— А какой интересный анекдотъ мнѣ вчера въ „Баваріи“ разсказывали!—смѣясь, сказалъ Иванъ Евлампіевичъ. — Знаете, за что̀ о. Мастодонтовъ камилавку получилъ? Крестилъ онъ жида...

И близко наклонившись къ собесѣдникамъ, онъ началъ вполголоса разсказывать невѣроятно грязную и неприличную исторію, въ которой фигурировали и попъ, и жидъ, и какая-то Маргаритка съ коннаго рынка... При этомъ всѣ трое смѣялись каждый по своему: Агаѳоникъ Петровичъ—дробнымъ, гаденькимъ смѣшкомъ, какимъ смѣются старички-любители фривольныхъ анекдотовъ, Иванъ Евлампіевичъ — сдержаннымъ хихиканьемъ, а Еремѣевъ — заливистымъ, хриплымъ ржаньемъ, кашляя и отхаркиваясь, отчего его багровый носъ до того наливался кровью, что, кажется, вотъ-вотъ, готовъ былъ лопнуть. И отъ этого смѣха, отъ этихъ всегдашнихъ разговоровъ и анекдотовъ становилось нестерпимо душно, и какой-то могильный запахъ плѣсени и тлѣнія разливался въ воздухѣ, и было трудно дышать и думать...

XXIX.

Пришелъ „художникъ“ и, молча кивнувъ всѣмъ головою, сѣлъ на свое мѣсто. Онъ былъ блѣденъ и угрюмъ, и его красивое лицо было искажено какой-то внутренней болью, которую онъ не могъ скрыть. Агаѳоникъ Петровичъ пересталъ смѣяться и, пристально посмотрѣлъ на художника, принявъ строго-дѣловитый видъ.

— Поздненько являетесь, г. Ругинскій!—сказалъ онъ оффиціальнымъ тономъ.—Двѣнадцатый часъ, а вы только удостоили прибыть!

— А вамъ какое дѣло? — неожиданно грубо возразилъ художникъ.—Когда хочу, тогда и прихожу!

— Невозможно-съ! На всякое хотѣніе есть терпѣніе! Викторъ Павловичъ сердятся... Службой пренебрегать нельзя-съ: ежели этакъ всѣ мы будемъ манкировать, что̀ же произойдетъ?

— А что произойдетъ?—насмѣшливо спросилъ художникъ.— Земной шаръ что-ли отъ этого треснетъ?

— Не знаю-съ, треснетъ или не треснетъ, мнѣ до земного шара никакого интереса нѣтъ. А вотъ что у насъ въ столѣ завелись непорядки,—это мой прямой интересъ, потому что отъ этого ущербъ казнѣ и государству, коимъ мы съ вами, молодой человѣкъ, служимъ! Примите это на будущее время во вниманіе!

Художникъ хотѣлъ-было что-то возразить, но раздумалъ, и лицо его исказилось еще болѣе отъ мучительной внутренней боли.

Появленіе столоначальника и начальника отдѣленія сразу прекратило всѣ пререканія и разговоры. Чиновники разсыпались по своимъ столамъ; заскрипѣли перья; казенная машина пошла полнымъ ходомъ, и стало еще душнѣе и мертвеннѣе. Но Филиппу Ивановичу плохо работалось, и онъ никакъ не могъ сосредоточиться надъ своимъ дѣломъ. Цифры, нумера бумагъ, заголовки— все это ускользало изъ его глазъ, и онъ съ страннымъ вниманіемъ слѣдилъ не за тѣмъ, что ему надо было дѣлать, а за тѣмъ, что происходило вокругъ него. И странныя мысли возникали въ его головѣ... Ему чудилось, что онъ сидитъ въ громадной черной ямѣ, откуда нѣтъ выхода, и вокругъ него копошатся давно сгнившіе мертвецы съ пустыми черепами, и эти мертвецы дѣлаютъ какое-то мертвое дѣло. А тамъ, наверху, далеко, шумитъ и несется яркая жизнь, ходятъ живые люди, звучатъ живые голоса, и никому нѣтъ дѣла до этихъ мертвецовъ съ пустыми черепами, какъ и мертвецамъ нѣтъ дѣла до того, что кипитъ, поетъ, рыдаетъ высоко, наверху...

— Филиппъ Иванычъ! Филиппъ Иванычъ! — кричалъ ему кто-то на ухо.—Что вы, спите что-ли?

Филиппъ Ивановичъ поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою круглую физіономію Ивана Евлампіевича, который что-то ему говорилъ съ крайне возбужденнымъ и испуганнымъ видомъ.

— Идите, васъ управляющій требуетъ...— разслышалъ наконецъ Филиппъ Ивановичъ.

Управляющій требовалъ къ себѣ маленькихъ чиновниковъ только въ особо важныхъ случаяхъ, и потому Филиппъ Ивановичъ сразу овладѣлъ всѣми своими чувствами. Онъ растерянно поглядѣлъ на своихъ сослуживцевъ и, встрѣтивъ со всѣхъ сторонъ любопытное или испуганные взгляды, понялъ, что произошло нѣчто необычайное. Криво улыбнувшись, онъ положилъ перо, вытеръ зачѣмъ-то руки носовымъ платкомъ и особеннымъ, скользящимъ шагомъ, усвоеннымъ всѣми маленькими чиновниками для появленія передъ большими, пошелъ въ кабинетъ управляющаго.

Всѣ провожали его тѣми же любопытными и испуганными взглядами, а Еремѣевъ, ни къ кому особенно не обращаясь, пробормоталъ: „Гонка будетъ!“

И представивъ себѣ, что бы было съ ними, еслибы они очутились на мѣстѣ Филиппа Ивановича, всѣ почувствовали священный трепетъ и съ удвоеннымъ усердіемъ погрузились въ работу.

Войдя на цыпочкахъ въ кабинетъ управляющаго, Филиппъ Ивановичъ сейчасъ же сообразилъ, что у его превосходительства, по выраженію чиновниковъ, „лопнула струна“. Обыкновенно корректный и величаво-важный, онъ теперь быстро носился по комнатѣ, заложивъ большіе пальцы рукъ въ жилетные карманы, и брови его были высоко подняты въ знакъ недоумѣнія и досады. Филиппъ Ивановичъ остановился у двери и ждалъ, стараясь наскоро сообразить, въ чемъ онъ провинился. Управляющій раза два промчался мимо него, не замѣчая или не желая замѣчать, потомъ вдругъ сразу остановился и вперилъ ему въ лицо свои большіе, выпуклые, близорукіе глаза.

— Касаткинъ?—спросилъ онъ отрывисто.

Филиппъ Ивановичъ почтительно склонился.

— Послушайте...—продолжалъ его превосходительство.—На васъ тамъ жалуются... Вы реестры запустили... многія важныя бумаги не внесены... все перепутано... Такъ нельзя-съ!

Филиппъ Ивановичъ молчалъ, не поднимая головы и потрагивая себя за галстухъ, который его душилъ. Ему казалось, что онъ попалъ въ какой-то вихрь, и этотъ вихрь бурно несетъ его все выше-выше, дальше-дальше отъ привычныхъ нормъ жизни.

— Что это такое, я васъ спрашиваю?—гремѣлъ управляющій.—Что-съ? Преступная небрежность или... какъ это назвать? Вы двадцать лѣтъ служите, а поступаете, какъ мальчишка... Понимаете, какъ маль-чиш-ка! Такъ невозможно! Здѣсь не въ бирюльки играютъ; здѣсь надо дѣло дѣлать, а не мечтать,—слышите? Дѣло! Дѣло! А мечтать вы можете въ другомъ мѣстѣ. Стыдитесь, г. Касаткинъ... Надѣюсь, это въ послѣдній разъ. Идите!

И, повернувшись на каблукахъ, онъ снова забѣгалъ по кабинету, самъ, видимо, подавленный тяжкимъ бременемъ того „важнаго дѣла“, которому онъ служилъ.

Филиппъ Ивановичъ съ блѣдной улыбкой, все такъ же трогая себя за галстухъ и присѣдая, вышелъ.

———

XXX.

Въ отдѣленіи была тишина, всѣ съ особеннымъ усердіемъ занимались своимъ дѣломъ и, взглянувъ искоса на Филиппа Ивановича, поспѣшили снова углубиться въ бумаги, оробѣвъ подъ дуновеніемъ отдаленной грозы, разразившейся въ кабинетѣ начальства. Филиппъ Ивановичъ, продолжая блѣдно улыбаться, на цыпочкахъ прокрался къ своему стулу и сѣлъ. Безпорядочные обрывки мыслей крутились у него въ головѣ, какъ пыль, поднятая вѣтромъ, и онъ никакъ не могъ ихъ собрать и оформить. „Кто на него нажаловался?.. Должно быть, Агаѳоникъ Петровичъ... Вотъ тебѣ и благообразный старичокъ! Онъ давно уже подъ него подкапывается,—у него одинъ зять безъ мѣста... А можетъ быть, столоначальникъ... Онъ все молчитъ, а ужъ извѣстно, кто молчитъ, тотъ Каину родной братъ. Шиллеръ сказалъ... что̀ сказалъ Шиллеръ? „Братья, пощада злодѣя раскаянью, цѣпи долой навсегда“... Развѣ это Шиллеръ?.. Давно, давно было, все забылъ, а это помню... Но къ чему? зачѣмъ это? Да, да. „Цѣпи долой навсегда!“...

Филиппъ Ивановичъ поднялъ глаза и пристально поглядѣлъ на своихъ сосѣдей. Съ какимъ-то особенно-острымъ вниманіемъ онъ остановился на широкой, гладкой плѣши Агаѳоника Петровича, потомъ перевелъ взглядъ на багровый носъ Еремѣева, на серьезно-оттопыренную нижнюю губу столоначальника, на бѣлый проборъ Ивана Евлампіевича, — и вдругъ ему стало необыкновенно смѣшно. Онъ ощутилъ въ себѣ давешнюю ясность и легкость, и неожиданно для самого себя громко разсмѣялся.

— А меня обокрали!—сказалъ онъ вслухъ и обвелъ всѣхъ смѣющимися глазами.

За столомъ произошло движеніе. Столоначальникъ посмотрѣлъ на Филиппа Ивановича строго и неодобрительно; писцы сдержанно фыркнули, а Агаѳоникъ Петровичъ заложилъ за ухо перо и, доставая изъ кармана платокъ, сказалъ съ скучающимъ видомъ:

— Ну, ужъ это старо, Филиппъ Ивановичъ! Пора бы что-нибудь новенькое выдумать.

Но, къ общему удивленію, Филиппъ Ивановичъ засмѣялся еще громче и продолжалъ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ:

— Да-съ, обокрали! Вы думаете, я про часы? Фю-ю! Не часы, — часы что̀, чортъ съ ними, съ часами,—жизнь у меня украли, вотъ что̀-съ! Самую настоящую жизнь, ни болѣе и ни

менѣе. Вы думаете, мы всѣ здѣсь люди,—живые люди съ живой кровью, съ нервами, съ душой? Нѣтъ-съ, голубчики мои, мы мертвецы! Что вы смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ? Не удивляйтесь,—мертвые срама не имутъ! Викторъ Павлычъ, не дѣлайте грознаго лица,—вы тоже мертвецъ! И вы, Митрофанъ Гаврилычъ, и Агаѳоникъ Петровичъ, и художникъ, и ты, Еремѣевъ, — всѣ мы давно умерли и сгнили, и черепа наши пустые, какъ горшки, и вмѣсто сердца—червоточина, вмѣсто души—бумажная жвачка! Ха-ха-ха!.. И вотъ мы сидимъ въ гнилой ямѣ и жуемъ свою жвачку, а жизнь-то идетъ, идетъ, и для нея мы—дрянь, плѣсень, пшикъ, тьфу!—больше ничего...

Столоначальникъ обмѣнялся тревожнымъ взглядомъ съ начальникомъ отдѣленія и весь красный привсталъ.

— Э-э... но послушайте...—съ достоинствомъ началъ онъ.

Филиппъ Ивановичъ ничего не слышалъ. Онъ уже не говорилъ, а кричалъ, и голосъ его гремѣлъ, какъ труба, и самъ онъ сталъ какъ будто выше ростомъ, и лицо его преобразилось, исчезла мертвенная, тупая и жалкая улыбка, глаза горѣли острымъ огнемъ, движенія пріобрѣли твердость и самоувѣренность. Столоначальникъ снова переглянулся съ Викторомъ Павловичемъ, и на лицѣ его разлился безмолвный ужасъ; писцы перестали хихикать и, раскрывъ рты, смотрѣли на Филиппа Ивановича; Агаѳоникъ Петровичъ такъ и застылъ съ перомъ за ухомъ и съ платкомъ въ растопыренныхъ пальцахъ, а художникъ какъ впился глазами въ Филиппа Ивановича, такъ уже и не отрывался больше, и въ его красивыхъ глазахъ вспыхивали и разгорались странные огоньки.

XXXI.

— Двадцать лѣтъ я задыхаюсь здѣсь на этомъ стулѣ!—гремѣлъ между тѣмъ Филиппъ Ивановичъ.—Двадцать лѣтъ, лучшихъ лѣтъ моей жизни, похоронены въ этой смрадной, мертвой могилѣ! А вѣдь я тоже человѣкъ былъ когда-то... я Шиллера читалъ, Гёте, Мюссе, Чернышевскаго, Писарева... я народу хотѣлъ служить, понимаете, народу, а не безсмысленному, бездушному болвану, которому мы всѣ служимъ! Куда же все это дѣлось? Гдѣ человѣкъ? Вы, мертвые люди съ пустыми черепами, отдайте мнѣ мою жизнь, мою живую душу!.. Не можете? О, нѣтъ, вы не можете, никто не можетъ, даже вы, великолѣпный Викторъ Павлычъ, несмотря на все ваше величіе. Вы—куклы... вы—рабы, вы—ядовитые паразиты на тѣлѣ народа! Мы про-

дали душу за чечевичную похлебку двадцатаго числа; мы испугались голода и за кусокъ обезпеченнаго хлѣба превратились въ подлыхъ, льстивыхъ собакъ, прикованныхъ къ хозяйской конурѣ... Трусы! Жалкіе, презрѣнные трусы!..

Дверь кабинета пріотворилась, и оттуда показалась разгнѣванная и недоумѣвающая физіономія его превосходительства. Изъ корридора и изъ другихъ отдѣленій тоже выглядывали испуганныя и любопытныя лица.

— Что̀ такое? Что̀ это за шумъ?—спросилъ его превосходительство.

Съ заискивающимъ лицомъ къ нему подскочилъ столоначальникъ и попытался что-то объяснить. Но его объясненія затерялись въ потокѣ словъ, которыя бурно неслись изъ устъ Филиппа Ивановича, прорвавъ плотину долгаго молчанія.

— Вотъ я уже старъ, лысъ и боленъ, я двадцать лѣтъ, какъ цѣпной песъ, служилъ своему хозяину, а вотъ сейчасъ, за всю мою службу, меня назвали „мальчишкой“ и пригрозили выгнать на улицу—за что̀? За то, что я никому не нужную, можетъ быть, даже вредную бумагу записалъ не на ту страницу или совсѣмъ не записалъ,—только за это!.. И я смолчалъ... я низко кланялся и дрожалъ, какъ жалкая собачонка,—почему? Потому что я забылъ, что я человѣкъ... потому что бездушный и безсмысленный болванъ вытравилъ изъ меня все мое человѣческое достоинство, превратилъ меня въ пресмыкающуюся гадину, заставилъ меня лгать, дѣлать никому не нужное дѣло, холопски охранять его покой и безопасность... Но я не могу больше! Я не хочу... Я двадцать лѣтъ молчалъ и пресмыкался, а теперь кричу во весь голосъ вмѣстѣ съ божественнымъ, свободнымъ Шиллеромъ: „Цѣпи долой! Цѣпи долой навсегда!“...

— Послушайте, да уведите его, наконецъ! — вскрикнулъ начальникъ отдѣленія, вставая.—Гдѣ сторожа? Позовите сторожей... Онъ съ ума сошелъ!

По комнатѣ пронесся сдержанный гулъ, но никто не тронулся съ мѣста. Филиппъ Ивановичъ горящимъ взглядомъ впился въ начальника отдѣленія, выпрямился и торжествующе захохоталъ.

— Ага, вы думаете, я сошелъ съ ума? Это теперь, когда я ожилъ и заговорилъ человѣческимъ языкомъ? Жалкіе мертвецы! Это не я, это вы—сумасшедшіе! Кому вы служите? Гдѣ ваши дѣла? Кто помянетъ васъ словомъ любви и благодарности? Никто! никто! Ибо вы—плѣсень, вы—гной, вы—болѣзнь! Проклятіе и ненависть будутъ вашимъ удѣломъ!

Явились сторожа и, оробѣвшіе, стали за спиной Филиппа

Ивановича. Столоначальникъ суетливо дѣлалъ имъ знаки,—они не рѣшались, топчась на мѣстѣ, но при послѣднемъ возгласѣ Филиппа Ивановича вдругъ всѣ разомъ ринулись на него, подхватили подъ руки и повели. Филиппъ Ивановичъ не сопротивлялся, но на порогѣ еще разъ обернулся, и лицо его озарилось восторгомъ.

— Цѣпи долой!—закричалъ онъ.—Я ухожу, но погодите, придутъ другіе и разрушатъ до основанія вашу гнилую храмину, гдѣ вы служите своему мертвому богу... А вы, молодые и старые, въ комъ еще не угасла искра жизни,—бѣгите, бѣгите отсюда, идите въ жизнь, дѣлайте жизнь,—часъ насталъ, цѣпи долой навсегда... Будьте гражданами вселенной,—вы...

Сторожа толкнули его колѣнкой въ спину, произошла короткая борьба, и звукъ его голоса замеръ въ корридорѣ. Нѣкоторое время была тишина... Потомъ всѣ пришли въ себя, и смущенное жужжаніе наполнило корридоры, отдѣленія, кабинеты, точно въ мирный пчелиный улей вдругъ влетѣлъ рогатый жукъ и нарушилъ обычный трудовой порядокъ. Начальникъ отдѣленія скрылся въ кабинетѣ его превосходительства; столоначальникъ пилъ воду, и стаканъ трясся въ его рукѣ; Агаѳоникъ Петровичъ, наконецъ, высморкался, и всѣ разомъ заговорили.

— Сошелъ съ ума... Я давно замѣчалъ странности!.. Помните, какъ онъ закричалъ однажды?.. Да, да... это видно было... Жаль, жаль... несчастный человѣкъ... Такой исполнительный, аккуратный... И отчего это случилось? Не пьяница, не кутила...

— Глаза-то у него, положимъ, всегда были дикіе,—сказалъ Иванъ Евлампіевичъ.—Какъ посмотритъ, бывало, невзначай, даже жутко станетъ. Что-то такое, знаете, спиритическое...

— Совершенно такой же случай былъ тридцать лѣтъ тому назадъ...—началъ Агаѳоникъ Петровичъ.—Пріятель у меня былъ,—смирный такой человѣкъ, трезвый, серьезный, и, представьте, вдругъ вообразилъ себѣ, что онъ—левъ! Станетъ, бывало, на четвереньки и реветъ, на всѣхъ бросается, потомъ живыхъ голубей сталъ ѣсть. Такъ львомъ и померъ... а былъ надворный совѣтникъ, Станислава имѣлъ въ петлицѣ...

XXXII.

Мало-по-малу волненіе улеглось, всѣ разбрелись по своимъ мѣстамъ, но что-то еще осталось въ воздухѣ и нашептывало въ уши вольнодумныя, дерзкія слова. Дѣло какъ-то не налажива-

лось; на всѣхъ лицахъ замѣчалось оживленіе; глаза блестѣли, слышались разговоры вполголоса; повторялись отдѣльныя выраженія Филиппа Ивановича. „Художникъ“ молчалъ, но по лицу его видно было, что онъ весь взвинченъ и о чемъ-то глубоко и серьезно думаетъ. Только Агаѳоникъ Петровичъ сохранялъ свой спокойно-благодушный видъ и подъ шумокъ писалъ прошеніе о принятіи на вакантное мѣсто Филиппа Ивановича своего зятя.

Вернулся начальникъ отдѣленія, очень долго пробывшій въ кабинетѣ его превосходительства, и, замѣтивъ безпорядокъ, сказалъ озабоченно и строго:

— Ну, господа, довольно, довольно... Пора за дѣло! Агаѳоникъ Петровичъ, готово у васъ постановленіе о взысканіи гербоваго штрафа съ дёминскихъ крестьянъ?

Захваченный врасплохъ, Агаѳоникъ Петровичъ засуетился, спряталъ черновикъ прошенія подъ бумаги и обратился къ художнику:

— Господинъ Ругинскій, это у васъ... О дёминскихъ крестьянахъ... Потрудитесь передать! Вы уже написали?

Художникъ поднялъ голову и долго смотрѣлъ на Агаѳоника Петровича, какъ бы не понимая, о чемъ у него спрашиваютъ.

— Написали вы постановленіе о дёминскихъ крестьянахъ?— повторилъ Агаѳоникъ Петровичъ.

— Нѣтъ, не написалъ, — отвѣтилъ наконецъ художникъ.

— Какъ же такъ? Викторъ Павлычъ спрашиваютъ. Вы ужъ того... потрудитесь поскорѣе составить.

Но, къ ужасу Агаѳоника Петровича, художникъ отодвинулъ отъ себя бумаги и съ видомъ человѣка, рѣшившагося на все, заявилъ:

— Потрудитесь ужъ сами составить, Агаѳоникъ Петровичъ! Я сегодня же подаю въ отставку. Будьте здоровы!

И съ этими словами онъ вышелъ.

— Что это раненько уходить изволите?—сказалъ швейцаръ, подавая ему пальто.

— Совсѣмъ, братъ, ухожу!—весело отвѣтилъ художникъ.— Сегодня подаю въ отставку.

— Да что вы? Напрасно изволите! Посидѣли бы еще годика три-четыре,—дослужились бы до большихъ чиновъ!

— Нѣтъ ужъ, довольно!.. Вонъ одинъ дослужился. Въ сумасшедшій домъ повезли. А поглядѣть хорошенько, — сумасшедшій-то не онъ, а мы, — это онъ давеча вѣрно сказалъ... Ну, прощай!

Онъ вышелъ на подъѣздъ и всей грудью вдохнулъ въ себя бодрящую свѣжесть осенняго дня. „Ну, вотъ и конецъ!“ —думалъ онъ, шагая по улицѣ, которая казалась ему сегодня особенно широкой и просторной. „Всѣ пути отрѣзаны, и какъ это все просто и легко! Завтра же поѣду въ Питеръ, поступлю въ академію, буду картины писать... Авось не издохну съ голоду! А мамаша поплачетъ-поплачетъ и перестанетъ. Главное сдѣлано,—я свободенъ!“

Угрюмое сѣрое зданіе мутно смотрѣло ему вслѣдъ всѣми своими наглухо закрытыми окнами, и мертвое молчаніе окружало его старыя, облупленныя стѣны. А тамъ, внутри, все такъ же скрипѣли перья, шуршала бумага, склоненные за столами люди серьезно дѣлали свое обычное дѣло, и Еремѣевъ угрюмо шепталъ Ивану Евлампіевичу:

— Нѣтъ, ну его къ чорту!.. Не пойду я нынче къ своему попу! Не все равно нѣшто,—пить—умереть, и не пить—умереть? А меня и заживо давно ужъ черви съѣли... Эхъ, скучно что-то!.. Ужъ и напьюсь я нынче... какъ сапожникъ!..

В. І. Дмитріева.

КРЕСТЬЯНСКІЙ БАНКЪ
И
ЕГО НАЧАЛО

Изъ личныхъ воспоминаній.

I.

Возникновеніе земельнаго вопроса.

Въ концѣ 1882 года я перешелъ изъ министерства путей сообщенія въ министерство финансовъ, гдѣ занялъ должность члена совѣта вновь учрежденнаго крестьянскаго поземельнаго банка, какъ объ этомъ упомянуто было мною въ статьѣ: „Моя петербургская служба“ [1]).

Крестьянскій банкъ былъ учрежденіе совсѣмъ новое и по формѣ, и по цѣлямъ, и по духу. Возникло оно благодаря появленію въ ту пору новыхъ правительственныхъ „вѣяній“, направленныхъ, между прочимъ, въ пользу крестьянства и продержавшихся довольно короткое время, послѣ чего опять начались разные виды подтягиванія, введеніе земскихъ начальниковъ и т. д. Цѣлью этого банка было ослабленіе крестьянскаго малоземелья и безземелья, хотя въ этомъ отношеніи онъ являлся только слабымъ палліативомъ уже потому, что могъ приходить на помощь

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1904 г., ноябрь.

не вездѣ, гдѣ нужно, а только тамъ, гдѣ оказывались подходящія продажныя земли; да и въ этихъ случаяхъ самая выгодность для крестьянъ земельныхъ покупокъ много зависѣла отъ условій, ставимыхъ продавцами, почти всегда очень требовательными.

Тѣ же вѣянія подвинули еще три крупныхъ крестьянскихъ вопроса—объ отмѣнѣ старинной подушной подати, о пониженіи выкупныхъ платежей и о крестьянскихъ переселеніяхъ, хотя судьба этихъ послѣднихъ вопросовъ вышла неодинаковою. Такъ, эпоха рожденія крестьянскаго банка обозначилась въ качествѣ эпохи активной участливости правительства къ положенію крестьянъ, трудность котораго выражалась уже довольно внушительными симптомами. Исторія новаго банка, между прочимъ, замѣчательна въ томъ отношеніи, что представила одинъ изъ нерѣдкихъ образцовъ того, какъ у насъ начинанія, проникнутыя сперва лучшими цѣлями, обезцвѣчиваются или извращаются подъ вліяніемъ послѣдующихъ реакціонныхъ вѣяній, воскресанія мотивовъ давняго прошлаго и вторженія рутины. Но если любопытна судьба крестьянскаго банка во время его существованія, то характеренъ былъ и процессъ подготовленія этого новаго учрежденія. Даже слабый палліативъ—и тотъ зарождался среди массы различныхъ препонъ и попытокъ или отвратить его появленіе, или —если это не удастся—по крайней мѣрѣ обставить его дѣйствія такими условіями, какія затруднятъ достиженіе истинныхъ его цѣлей.

Этой-то подготовки надо коснуться прежде, чѣмъ дѣятельности самаго банка.

Иниціатива въ дѣлѣ обнаруженія крестьянскаго малоземелья и возбужденія вопроса о способахъ ослабленія этого зла принадлежала, главнымъ образомъ, нашей печати. Здѣсь этотъ вопросъ возникъ, здѣсь разрабатывался, отсюда и въ дѣло пошелъ. Мнѣ лично пришлось принимать въ немъ немалое участіе съ самаго начала, и много лѣтъ онъ занималъ меня настолько сильно, что я старался отзываться на всѣ потребности его выясненія и проведенія въ жизнь. Поэтому, въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ, я долженъ, волею-неволею, нѣсколько распространиться о своей собственной дѣятельности, говоря преимущественно о томъ, какъ дѣло шло около меня.

Малоземелье стало обрисовываться при завершеніи главной массы работъ по земельному устройству крестьянъ, когда получилась возможность подведенія приблизительныхъ итоговъ этого устройства по отдѣльнымъ мѣстностямъ и болѣе широкимъ районамъ. Частью малоземелье образовывалось вслѣдствіе неудовле-

творительности самыхъ „Положеній", опредѣлявшихъ размѣры надѣловъ, частью же—вслѣдствіе односторонности примѣненія „Положеній", доходившей нерѣдко до прямыхъ злоупотребленій. При такихъ условіяхъ широко практиковались отрѣзки отъ прежняго крестьянскаго пользованія, распространялись уменьшенные и противъ „Положеній" надѣлы и много крестьянъ оставалось при даровой четверти надѣла. Пока шелъ самый процессъ поземельнаго устройства, обращали на себя вниманіе только случайно выдававшіеся примѣры подобныхъ ненормальностей, но трудно было еще заключать, насколько крупное значеніе получитъ ихъ совокупность въ общей массѣ создававшагося крестьянскаго устройства. А при первыхъ опытахъ подведенія итоговъ стало уже ясно обнаруживаться, что рождается крупный экономическій вопросъ. Тутъ и заговорила о немъ печать, а потомъ стали затрогивать его земства, тогда какъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ долго онъ не пользовался никакимъ вниманіемъ.

Помню, какъ мнѣ пришлось почувствовать этотъ вопросъ еще при моемъ участіи въ веденіи крестьянскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ. Какъ ни старались мировые съѣзды этого края въ шестидесятыхъ годахъ отстаивать крестьянскія права на земли, все же было видно, что одно укрѣпленіе, на основаніи мѣстнаго „Положенія", за крестьянами того ихъ земельнаго пользованія, какое было въ 1847 году, т.-е. за двадцать лѣтъ раньше, далеко не соотвѣтствовало потребности наличнаго, значительно увеличившагося сельскаго населенія; а разнообразіе величины надѣловъ по деревнямъ мѣстами еще обостряло эту нужду въ землѣ. Во многихъ селеніяхъ крестьянамъ досталось ея очень мало; существовала масса владѣвшихъ однѣми усадьбами безъ полей и встрѣчалось уже значительное число безземельныхъ. Вдобавокъ, новымъ закономъ обезземелено было въ краѣ больше половины цѣлаго земледѣльческаго сословія — однодворцевъ (чиншевники). Все это, при продолжавшемся ростѣ населенія, показывало, что образовался уже и возрастаетъ крупный элементъ сельскаго люда, которому нуженъ какой-нибудь серьезный выходъ, которому надо придти на помощь, чтобы его устроить и вмѣстѣ предотвратить какія-либо опасныя стихійныя движенія. А такъ какъ не представлялось шансовъ ни быстраго успѣха агрономическихъ улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ, ни такого же роста видовъ обработывающей промышленности, то и способы выхода могли видѣться въ одномъ расширеніи площади крестьянскаго землевладѣнія. Поэтому мысль невольно обращалась къ пріобрѣтенію крестьянами сосѣднихъ земель и къ переселеніямъ изъ густонасе-

ленныхъ въ болѣе просторныя мѣстности, гдѣ крестьяне могли бы еще покупать землю дешево и находить лучшую оплату своего труда. Въ такомъ смыслѣ, будучи еще въ юго-западномъ краѣ и пользуясь ограниченнымъ полемъ наблюденія, помѣщалъ я статьи въ газетѣ „Кіевлянинъ“ и въ Аксаковской газетѣ „День“ (при концѣ ея изданія).

Съ переѣздомъ моимъ въ Петербургъ (въ 1872 году) и полученіемъ возможности болѣе широкаго наблюденія при помощи новыхъ источниковъ данныхъ, мнѣ пришлось убѣждаться, что вопросъ о малоземельи имѣетъ не какое-либо мѣстное, а очень обширное значеніе. Результаты погрѣшностей примѣненія крестьянскихъ „Положеній“ оказывались крупными во многихъ губерніяхъ. Свѣдѣнія о выкупной операціи, раскладки государственнаго поземельнаго налога, земскіе сборники, данныя „Трудовъ“ Валуевской коммиссіи о состояніи сельскаго хозяйства, масса сообщавшихся текущею печатью свѣдѣній изъ губерній, устныя сообщенія провинціальныхъ наблюдателей, собственныя личныя наблюденія при поѣздкахъ внутрь Россіи и т. п.—все это показывало, что крестьянское малоземелье распространилось всюду и что центральныя губерніи въ этомъ отношеніи находятся вовсе не въ лучшемъ состояніи, чѣмъ какія-либо окраинныя. Особенно оттѣнялось положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, надѣленныхъ хуже и обложенныхъ высшими платежами, чѣмъ государственные, считавшіеся при своемъ устройствѣ не съ помѣщичьимъ классомъ, а съ казною. Подобное положеніе, въ связи съ тягостнѣйшею податною системою и чрезмѣрною оцѣнкою надѣловъ, угнетало сельское населеніе, порождая рядъ ненормальныхъ явленій, напримѣръ—обременительныя для крестьянъ условія съема сосѣднихъ земель, запродажу будущаго труда за безцѣнокъ и т. п. Подъ впечатлѣніемъ такихъ явленій, я считалъ необходимымъ выдвигать въ печати рождавшійся вопросъ о малоземельи и крестьянскихъ переселеніяхъ, насколько позволяли имѣвшіяся подъ рукою неполныя данныя. Статьи по этому предмету еще въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ я помѣщалъ въ московскомъ журналѣ „Бесѣда“ и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (Коршевской редакціи), а когда эта послѣдняя газета была министерствами отнята отъ Корша — въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, издававшихся В. А. Полетикою. Но въ ту пору голоса объ этомъ вопросѣ звучали еще одиноко и требовалось немало усилій для привлеченія къ нему сколько-нибудь достаточнаго правительственнаго и общественнаго вниманія. Администрація и цензура относились къ нему неблагово-

лительно, а въ литературной сферѣ этотъ вопросъ былъ еще очень новъ.

Разъ, В. Ѳ. Коршъ передавалъ мнѣ, какъ послѣ одной моей статьи о малоземельи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ ему пришлось объясняться съ тогдашнимъ начальникомъ цензуры М. Н. Лонгиновымъ.—„Къ чему вы занимаетесь такимъ вопросомъ?—внушалъ ему Лонгиновъ;—вѣдь это совсѣмъ безплодное дѣло. Будьте увѣрены, что никто изъ правительственныхъ лицъ ни о чемъ подобномъ не думаетъ. Крестьяне получили свои надѣлы; этимъ правительство разъ навсегда все покончило и, разумѣется, возвращаться къ крестьянскому устройству ужъ не станетъ; значитъ, всѣ разговоры о какомъ-то недостаткѣ земли—одно праздное умствованіе, изъ котораго ничего не выйдетъ и которое вредно уже тѣмъ, что отвлекаетъ мысли, куда не слѣдуетъ“.—И этотъ Лонгиновскій отзывъ былъ въ дѣйствительности отраженіемъ тогдашнихъ административно-законодательныхъ сферъ. Что же касается общественно-литературной сферы, то въ ней хотя и начинало чувствоваться, что въ сельскомъ устройствѣ обстоитъ неладно и есть крупныя прорѣхи, но до установленія яснаго представленія о существѣ дѣла и размѣрѣ этихъ прорѣхъ было еще не совсѣмъ близко, такъ какъ многія фактическія данныя требовали еще собранія и внимательнаго анализа. По этому поводу приведу одинъ эпизодъ, относящійся къ осени 1875 года.

Въ „Сборникѣ Государственныхъ Знаній“, издававшемся академикомъ В. П. Безобразовымъ, появилась статья одного изъ нашихъ экономическихъ изслѣдователей, В. И. Чаславскаго, о крестьянскихъ земледѣльческихъ отхожихъ промыслахъ. Статья эта представляла интересныя свѣдѣнія о движеніяхъ крестьянъ въ отдаленныя и мало населенныя мѣстности (на Донъ, Кубань, въ Новороссію, на востокъ), для отысканія заработковъ при уборкѣ тамошнихъ покосовъ, хлѣбныхъ полей и т. под. Тутъ неизбѣжно рѣчь касалась и причинъ усиленнаго исканія заработковъ, т.-е. сельской бѣдности, недостатковъ земельнаго устройства, обремененія платежами, а попутно приводились примѣры фактическихъ попытокъ крестьянъ къ выходу изъ подобнаго положенія, между прочимъ—путемъ разрѣшеннаго и самовольнаго переселенія съ родины на новыя мѣста; но главное содержаніе статьи все-таки состояло въ изображеніи дѣла отхожаго земледѣльческаго промысла. Разбирая эту статью въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, я, между прочимъ, указалъ на нѣкоторыя ея неполноты: неосвѣщеніе положенія мѣстностей, находящихся не въ лучшемъ поло-

женіи, чѣмъ указанныя Чаславскимъ, преувеличенность представленія о заводскихъ заработкахъ въ юго-западномъ краѣ, упущеніе изъ виду обезземеленія тамошнихъ однодворцевъ и т. под. Все это касалось только опредѣленія фактическихъ данныхъ, но при этомъ я высказывалъ, что какъ ни важно для крестьянъ подспорье отхожихъ промысловъ, однако сами по себѣ они не выручатъ, а болѣе коренной способъ исхода представляется въ переселеніяхъ изъ густо населенныхъ мѣстностей въ просторныя.

Чаславскій отвѣтилъ на мои замѣчанія; я снова возразилъ ему, но тутъ онъ обидѣлся однимъ мѣстомъ моей статьи, гдѣ заподозрилъ предположеніе въ немъ несимпатичной односторонности. Будучи человѣкомъ очень щекотливымъ, онъ, узнавъ въ редакціи мой адресъ, однажды вечеромъ явился ко мнѣ, взволнованный, и началъ горячо объясняться. Наши объясненія затянулись на нѣсколько часовъ; успокоить Чаславскаго однимъ указаніемъ на возможность разъясненія спорныхъ пунктовъ въ печати было нельзя, и онъ предложилъ мнѣ нѣчто въ родѣ товарищескаго суда. Я говорилъ ему, что судъ пригоденъ только въ вопросахъ чести, когда отъ сторонъ требуются тѣ или другія внѣшнія дѣйствія, но совсѣмъ нецѣлесообразенъ въ дѣлѣ опредѣленія экономическихъ данныхъ, потому что къ какимъ бы заключеніямъ судъ ни пришелъ, ни я, ни Чаславскій не можемъ отказаться отъ тѣхъ свѣдѣній, которыя намъ извѣстны и останутся неопровергнутыми; для опроверженія же фактовъ нужны не чужіе взгляды, а надежные источники; вѣдь нашъ споръ возникъ главнымъ образомъ изъ-за вопросовъ — какія мѣстности нуждаются больше и какія—меньше, а мнѣній объ этомъ, безъ новыхъ фактовъ, никакой судъ диктовать не можетъ. Толковали мы долго, но кончилось тѣмъ, что согласились допустить устное участіе въ нашемъ спорѣ избранныхъ постороннихъ лицъ, которыя, какъ говорилъ Чаславскій, помогутъ намъ разобраться въ нашемъ разномысліи. По обоюдному соглашенію мы избрали: профессора Янсона, Д. Л. Мордовцева и бывшаго директора Лѣсного института, Синявскаго. Собрались мы потомъ въ квартирѣ Синявскаго, поспорили еще, но тутъ наконецъ выяснилось, что никакихъ принципіальныхъ разномыслій у насъ нѣтъ, и оба мы одинаково относимся какъ къ крестьянскому вопросу вообще, такъ и къ необходимости помощи крестьянамъ всѣхъ тѣхъ мѣстностей, на которыя оба мы указывали. Согласились всѣ и съ необходимостью широкихъ переселеній въ просторныя мѣстности. По общему соглашенію, полемика наша завершилась обоюднымъ заявленіемъ въ той же газетѣ, и мы съ Чаславскимъ окончательно

примирились, послѣ чего много разъ дружно бесѣдовали объ интересовавшихъ насъ вопросахъ.

Споръ этотъ былъ, въ сущности, разъясненіемъ второстепенныхъ недоразумѣній, но представилъ интересъ въ томъ отношеніи, что при немъ очень почувствовалась недостаточность общедоступныхъ статистическихъ свѣдѣній. При всемъ нашемъ интересѣ къ дѣлу, мы были затрудняемы чисто фактическими неясностями. Намъ приходилось ссылаться на такіе источники, какіе добывались личными усиліями, болѣе или менѣе случайно. Напримѣръ, объ обезземеленныхъ западныхъ однодворцахъ я могъ говорить по своему личному знакомству съ краемъ и на основаніи сохранившихся у меня отрывочныхъ свѣдѣній, тогда какъ прочіе участники бесѣды у Синявскаго не имѣли объ этомъ никакого представленія. Съ другой стороны, и Чаславскій могъ добыть нѣкоторыя свѣдѣнія по своей службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, изъ его дѣлъ. Существенные пробѣлы чувствовались въ отношеніи къ разнымъ частямъ вопроса. Это привело къ разговору о необходимости новыхъ, спеціальныхъ усилій къ систематическому освѣщенію крестьянскаго устройства точными данными и къ выясненію зарождавшихся въ этой области серьезныхъ вопросовъ, путемъ печати. При этомъ я обращался къ Янсону:—Вотъ, вы—дѣятель статистическаго отдѣленія „Географическаго Общества"; отчего бы вамъ не заняться собраніемъ статистическихъ свѣдѣній о крестьянскихъ надѣлахъ? Каждый изъ насъ, дѣйствуя лично, безсиленъ добывать многое, и на свои просьбы о свѣдѣніяхъ часто будетъ встрѣчать отказы или невниманіе, тогда какъ при авторитетѣ „Общества" вы получите изъ разныхъ губерній много цѣннаго матеріала, который останется только систематизировать. А то, что же теперь выходитъ? Придешь къ вамъ въ засѣданіе „Географическаго Общества" и слышишь сообщенія то о Средней Азіи, то о какомъ-нибудь горномъ хребтѣ въ Сибири, между тѣмъ какъ крайне важныя свѣдѣнія о положеніи главной массы русскаго населенія остаются въ пренебреженіи. Крупная работа крестьянскаго поземельнаго устройства заканчивается, большой матеріалъ уже готовъ,—пора же привести въ ясность, какой именно экономическій порядокъ складывается у насъ въ сельской жизни. Неужели предпочитать интересы Средней Азіи огромному интересу Европейской Россіи?

Не могу сказать навѣрное, послужила ли эта бесѣда какимъ-либо толчкомъ для Янсона, но только вслѣдъ затѣмъ онъ, дѣйствительно, принялся за матеріалы о крестьянскомъ землевладѣ-

ніи, и въ 1877 году издалъ свой „Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ". Хотя этотъ „опытъ", какъ первый, неизбѣжно оставлялъ еще желать немалаго въ смыслѣ полноты, но онъ былъ уже серьезнымъ шагомъ въ систематизированіи свѣдѣній о фактическомъ крестьянскомъ устройствѣ и пролилъ на послѣднее немало свѣта, вызвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ ожесточенныя обвиненія со стороны противниковъ крестьянской экономической самостоятельности. Я же, во время описаннаго спора, написалъ статью „Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ", которая была помѣщена въ первой книжкѣ „Вѣстника Европы" 1876 года. Статья эта—сколько помню—была первою журнальною статьею, вводившею въ нашу публицистику переселенческій вопросъ, какъ рѣшительно сложившійся въ жизни и неотложный, безучастіе къ которому вредно и опасно. Въ ней массою цифръ и другихъ фактическихъ данныхъ, заимствованныхъ изъ разныхъ источниковъ, выяснялись земельная тѣснота въ однѣхъ мѣстностяхъ и значительность малонаселенныхъ пространствъ въ другихъ краяхъ Россіи, съ вытекающими изъ такого различія экономическими послѣдствіями. Крестьянское поземельное устройство представлялось установившимся на самыхъ разнообразныхъ основаніяхъ, причемъ, въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, одна часть крестьянства—бывшіе государственные—оказывалась получившею довольно значительные надѣлы, тогда какъ другая—бывшіе крѣпостные—осталась при гораздо меньшихъ и, въ огромномъ числѣ случаевъ, при ничтожныхъ клочкахъ или даже совсѣмъ безъ земли. Отъ такой неравномѣрности въ однихъ мѣстахъ сельское населеніе испытывало большую нужду, не находя достаточнаго спроса на трудъ, а въ другихъ—широкія площади не находили рукъ для своей обработки, масса земель оставалась въ запустѣніи, страдала производительность страны, и уровень рабочей платы отличался крайнимъ непостоянствомъ, то падая до невозможности прокормить приходившихъ наугадъ рабочихъ, то поднимаясь до непомѣрной высоты. Тамъ страдали рабочіе, а здѣсь несли потери хозяева. Выходъ изъ подобныхъ ненормальностей представлялся частью въ дополненіи надѣловъ покупкою крестьянами сосѣднихъ земель, а главнымъ образомъ—въ широкихъ переселеніяхъ изъ тѣсныхъ районовъ въ малонаселенныя губерніи и области; но этому препятствовали многочисленныя законодательныя и административныя препоны, дѣлавшія переселеніе доступнымъ не тѣмъ, кто больше въ немъ нуждался, а только наиболѣе зажиточнымъ или богатымъ крестьянамъ, которымъ недурно

жилось и на родинѣ. Не входя въ подробныя проектированія и лишь слегка еще касаясь помощи для крестьянъ кредитомъ, означенная статья главнымъ образомъ выставляла на видъ крайнюю необходимость замѣны дѣйствовавшей въ отношеніи къ переселеніямъ запретительной системы—другою: облегчительною и содѣйствующею.

Спустя около года, интересъ къ крестьянскому земельному устройству получилъ новый толчокъ. Появилось объемистое, двухтомное сочиненіе кн. А. И. Васильчикова: „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ“. Почтенный авторъ, пріобрѣвшій уже извѣстность своимъ прежнимъ сочиненіемъ о самоуправленіи, собралъ въ этой новой книгѣ много данныхъ по исторіи образованія землевладѣнія у насъ и на Западѣ, а также—объ установившейся въ различныхъ странахъ физіономіи землевладѣнія и о тѣхъ разнообразныхъ условіяхъ, въ какія тамъ и здѣсь поставлены земледѣліе и земледѣльческое населеніе. Кн. Васильчиковъ старался освѣтить возникавшіе изъ существующаго положенія вопросы и высказывалъ по нимъ свои сентенціи. Книга обратила на себя большое вниманіе. Выступили рецензіи, причемъ одни критики сосредоточивались главнымъ образомъ на исторіи западнаго землевладѣнія, а другіе — на изображеніи судебъ и наличнаго положенія земельнаго дѣла въ Россіи; но при этомъ сразу посыпались указанія на серьезныя ошибки и особенно—невѣрность взгляда на русское положеніе.

Дѣйствительно, кн. Васильчиковъ давалъ большіе поводы къ подобнымъ укорамъ. Не могъ онъ не коснуться уже начинавшаго тогда сознаваться крестьянскаго малоземелья, но, при всей добросовѣстности своего отношенія къ дѣлу, недостаточно заботливо разобрался въ данныхъ именно о Россіи, довѣрился ненадежнымъ источникамъ и, въ результатѣ, выставилъ нѣсколько ошибочныхъ, сбивчивыхъ и взаимно-противорѣчивыхъ заключеній очень серьезнаго характера, что, въ свою очередь, показывало, какъ слабо еще распространены были у насъ положительныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ даже между людьми, спеціально интересовавшимися земельнымъ дѣломъ. Въ дѣлѣ достаточности или недостаточности крестьянскаго владѣнія первый вопросъ—какой же именно размѣръ его необходимъ? Поставивъ этотъ вопросъ о *необходимомъ*, кн. Васильчиковъ принялъ въ основу его положеніе, по которому для крестьянской семьи нужно не то количество земли, какое обезпечиваетъ ея содержаніе, а то, какое она можетъ обработать своими собственными силами. Отсюда дѣ-

лался выводъ, что гдѣ земля *лучше*, т.-е. требуетъ меньше труда, и гдѣ нужный для земледѣлія лѣтній періодъ длиннѣе, тамъ мужику надо имѣть земли *больше*, потому что онъ успѣетъ справиться съ большимъ ея количествомъ; а гдѣ земля *хуже* и лѣтній періодъ короче—тамъ мужику нужно ея *меньше*, потому что иначе онъ справиться со своимъ владѣніемъ будетъ не въ состояніи. Съ перваго взгляда, основное положеніе кн. Васильчикова какъ будто предъявляло, относительно надѣловъ, даже болѣе высокія требованія, чѣмъ обращавшіяся въ тогдашней публицистикѣ,—такъ какъ, конечно, крестьянская семья всегда можетъ обработать больше, чѣмъ нужно на ея содержаніе;—однако практическіе выводы у него получились какъ-разъ обратные.

Перейдя къ болѣе конкретному опредѣленію необходимаго крестьянскаго землевладѣнія, кн. Васильчиковъ высказалъ, что на Западѣ опытомъ уже выработаны для этого извѣстныя нормы, съ которыми можно сообразоваться и намъ. Эти нормы составляютъ въ Германіи отъ $7^1/_2$ до 15 десятинъ на дворъ, въ Англіи—около 11 десятинъ, въ нашемъ Остзейскомъ краѣ—отъ 15 до 20 десятинъ и т. д.; а такъ какъ лѣто у насъ вообще короче западнаго, то намъ можно довольствоваться и нѣсколько меньшимъ противъ западнаго крестьянскимъ подворнымъ владѣніемъ, причемъ ограниченіе послѣдняго послужитъ даже побужденіемъ для крестьянъ къ переходу отъ экстенсивнаго земледѣлія къ интенсивному. Но удовлетворяетъ ли наличный русскій крестьянскій надѣлъ и указаннымъ выше нормамъ? Кн. Васильчиковъ, руководствуясь *средними* по губерніямъ выводами (по которымъ у него выходило, будто лишь въ шести губерніяхъ на дворъ приходилось меньше 11 десятинъ и даже въ самыхъ многолюдныхъ, какъ курская и орловская, 10 и 11 десятинъ), а также какими-то еще другими неясными свѣдѣніями, пришелъ къ неожиданному заключенію, что малоземелье у насъ—не болѣе какъ рѣдкое *исключеніе*, не способное имѣть вреднаго вліянія на общее благосостояніе крестьянскаго сословія. Напротивъ, для массы нашего земледѣльческаго класса существующій надѣлъ слѣдуетъ признать „совершенно достаточнымъ", и распространяющееся мнѣніе о его недостаточности—*ошибочно*. „Наше крестьянство,—высказалъ онъ,—надѣлено такимъ пространствомъ угодій, какое вполнѣ соотвѣтствуетъ рабочей силѣ этого сословія и *едва ли ея не превышаетъ*".

Столь благопріятный для современнаго положенія выводъ слишкомъ ужъ расходился съ дѣйствительностью, хотя и тутъ кн. Васильчиковъ все-таки высказывался за необходимость пере-

селеній и особой попечительности о правильномъ ихъ ходѣ. Заключенія его, конечно, вызвали большія недоумѣнія и цѣлый рядъ возраженій. Обзоръ ихъ потребовалъ бы слишкомъ много мѣста, и потому ограничусь здѣсь лишь нѣкоторыми изъ тѣхъ, какія пришлось мнѣ самому высказать въ „Недѣлѣ" противъ фактической основы отрицанія малоземелья. Кн. Васильчиковъ утверждалъ, что нормы необходимаго владѣнія земледѣльческаго двора уже выработаны на Западѣ, и приводилъ относящіяся къ этому цифровыя данныя; но что же слѣдуетъ изъ этихъ данныхъ? Если размѣръ означеннаго владѣнія до того разнообразенъ, что составляетъ и $7^1/_2$, и 11, и 15, и 20 десятинъ, то самое это разнообразіе показываетъ, что, въ сущности, никакой общей нормы не выработалось, и каждая мѣстность—на свой образецъ. Чѣмъ же тутъ намъ воспользоваться, какой авторитетъ для насъ можетъ имѣть примѣръ подобной розни? Въ душевомъ выводѣ, кн. Васильчиковъ высказывался за надѣлъ около 5 десятинъ на душу; однако, такого надѣла, даже въ среднемъ выводѣ, не имѣетъ ни одна губернія во всей южной, болѣе плодородной и населенной половинѣ Россіи; все бывшее крѣпостное населеніе Россіи не имѣетъ и 4 десятинъ на душу. Наконецъ—главное—развѣ можно строить столь рѣшительныя заключенія на *среднихъ* губернскихъ выводахъ, когда по степени надѣленія одна половина крестьянъ (бывшіе государственные) рѣзко отличается отъ другой (бывшіе помѣщичьи), такъ какъ первой даны довольно значительные, а послѣдней—гораздо меньшіе надѣлы? Вѣдь надѣлы одной части населенія могутъ только подкрашивать средніе выводы, но нисколько не поднимаютъ благосостоянія и не измѣняютъ нуждъ другой. Напротивъ, именно бывшіе помѣщичьи и составляютъ главную массу страдающаго отъ малоземелья крестьянства, и изъ ея среды уже выдѣляется сельскій пролетаріатъ безземельныхъ и бездомныхъ. Какимъ же образомъ подобные крестьяне, въ одно и то же время, и не имѣютъ необходимаго, по мнѣнію самого кн. Васильчикова, количества земли, и надѣлены, по его же мнѣнію, „совершенно достаточно"? Лишена основанія и своеобразная теорія, по которой мужику нужно лучшей земли больше, а худшей—меньше; вся она выведена изъ соображеній о посильности для крестьянъ обработки того или другого количества десятинъ, но посильность тутъ совсѣмъ ни при чемъ. Вѣдь въ лучшихъ, плодородныхъ мѣстностяхъ мужикъ обрабатываетъ *всю* свою землю, а въ худшихъ—далеко не всю, такъ какъ здѣсь значительная часть земли подобной затраты труда не требуетъ, идя подъ пастбище, размѣръ котораго не зависитъ

ни отъ рабочей силы семьи, ни отъ продолжительности лѣтняго періода. Напротивъ, тутъ выходитъ такая цѣпь условій: гдѣ почва плоха, тамъ ей нужно удобреніе; для полученія удобренія нуженъ скотъ; чтобы содержать скотъ, надо имѣть пастбище; а чтобы было пастбище—нуженъ бо̀льшій надѣлъ. Стало быть, какъ ни мудрить, а худшей земли надо не меньше, а больше, чѣмъ лучшей, какъ принято было и „Положеніями“ о крестьянахъ.

Кн. Васильчиковъ отвѣчалъ на первыя замѣчанія своихъ критиковъ, но его мнѣнія о надѣлахъ рѣшительно не имѣли успѣха, продолжая встрѣчать отрицанія интересовавшихся дѣломъ и опроверженія со стороны новыхъ входившихъ въ печать свѣдѣній. Пришло наконецъ къ тому, что и самъ кн. Васильчиковъ добросовѣстно призналъ ошибочность своихъ представленій. Въ слѣдующемъ изданіи своего „Землевладѣнія и Земледѣлія“ онъ уже прямо выразилъ, что былъ введенъ въ заблужденіе заимствованіемъ свѣдѣній изъ сбивчивыхъ и неполныхъ источниковъ, относившихся еще къ шестидесятымъ годамъ, главнымъ образомъ—изъ трудовъ податной коммиссіи. „Мы должны откровенно сознаться,—высказалъ онъ,—что и самое наше мнѣніе о крестьянскихъ надѣлахъ измѣнилось по существу, въ силу новыхъ данныхъ, изданныхъ правительственными учрежденіями, земствомъ и частными лицами.... Теперь мы убѣдились, что такое воззрѣніе (достаточность надѣловъ и отсутствіе вліянія ихъ размѣра на благосостояніе)—ошибочно. Малоземелье нельзя теперь признать исключеніемъ: съ приращеніемъ народонаселенія оно принимаетъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры. Нельзя также не признать, что недостатокъ земли въ большей части черноземныхъ центральныхъ губерній вліяетъ вредно на благосостояніе многихъ крестьянъ въ этой полосѣ; поэтому мы должны были измѣнить нашъ взглядъ на значеніе и объемъ малоземелья и признать справедливость возраженій, сдѣланныхъ намъ нашими критиками“.

Такъ, существенныя ошибки, пущенныя въ обращеніе солиднымъ авторомъ, вызвавъ полемику, содѣйствовали большему выясненію важной стороны экономической жизни и укрѣпленію мнѣнія о злѣ малоземелья.

Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ крестьянскій земельный вопросъ завоевывалъ себѣ большее и большее мѣсто въ нашей публицистикѣ, двигались въ ней и тѣсно связанные съ нимъ вопросы о пониженіи выкупныхъ платежей и объ отмѣнѣ подушной подати. Обременительность выкупныхъ платежей была слѣдствіемъ

преувеличенной оцѣнки надѣловъ при совершеніи крестьянской реформы (когда въ увеличеніи оброковъ и выкупныхъ суммъ искали вознагражденія помѣщиковъ и за утрату права на крестьянскую личность), и потому представлялась вопросомъ сравнительно новымъ; а подушная система податей была даже оффиціально осуждена правительствомъ, только отмѣна ея нисколько не подвигалась на дѣлѣ. Еще во время той же самой крестьянской реформы, преобразованіе податной системы было поставлено на очередь; но коммиссіи сочиняли безплодные проекты, одинъ за другимъ, и эти проекты главнымъ образомъ выражали одну и ту же тенденцію: взыскивать такія же суммы и съ той же части населенія, лишь въ слегка измѣненной формѣ. Такъ тянулось слишкомъ двадцать лѣтъ. Правительственное творчество по народнымъ и общественнымъ вопросамъ въ семидесятыхъ годахъ совсѣмъ заснуло; духъ недавнихъ реформъ отлетѣлъ, болѣе и болѣе вытѣсняясь противоположнымъ, а потому новые проекты являлись чѣмъ-то въ родѣ канцелярской отписки отъ требованій наличныхъ существенныхъ нуждъ и жизненные вопросы монотонно переваливались изъ одного года въ другой. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ сочиненъ былъ проектъ замѣны подушной подати—подворною, т.-е. немного измѣнявшій лишь распредѣленіе податной тягости между крестьянами. Этотъ проектъ переданъ былъ даже въ 1871 году на обсужденіе земствъ, бо̀льшая часть которыхъ высказалась за болѣе глубокую реформу, но изъ всего этого опять ничего не вышло, и дѣло заснуло еще на нѣсколько лѣтъ. Потомъ придумали по̀дать поразрядную, заглядѣвшись на прусскій образецъ,—только и тутъ выходило „тѣхъ же щей, да пожиже влей", и въ результатѣ получилась прежняя безплодность. Между тѣмъ, пока мудрили коммиссіи, подушная подать продолжала угнетать населеніе какъ своею массою,—болѣе пятидесяти милліоновъ рублей въ годъ,—такъ еще больше самыми способами взысканія, часто доходившими до положительно варварскихъ пріемовъ—истязаній, продажи самой необходимой движимости, строеній, даже воро̀тъ у дворовъ и т. под. Жестокость вынуждала крестьянъ, ради податей, продавать за безцѣнокъ будущій трудъ, и вслѣдствіе того часто мужикъ терялъ втрое больше, чѣмъ получала отъ него казна. Преувеличенный размѣръ выкупныхъ платежей составлялъ добавочную тягость, вызывавшую такія же послѣдствія. Особенно страдали малоземельные, у которыхъ на ничтожные участки земли падало столько же подушной подати, сколько у другихъ на болѣе значительную площадь.

Разумѣется, печать занималась податнымъ вопросомъ на-

стойчиво, отзываясь на всѣ фазисы его хода и высказываясь за необходимость безусловно покончить съ подушною системою. Дѣло видимо тормазилось не только правительственною вялостью, но и тѣмъ, что для исключенія изъ государственнаго бюджета слишкомъ пятидесяти милліоновъ даваемаго податью годового дохода требовалась замѣна его другими равносильными источниками, а такихъ источниковъ правительство все не отыскивало. Если находились менѣе значительные источники, то ихъ на полную податную реформу не хватало и они уходили на что-нибудь другое; стало быть, при задачѣ порѣшить подушную систему вдругъ, приходилось, въ тщетномъ ожиданіи появленія разомъ большихъ финансовыхъ средствъ, оставаться при затяжкѣ дѣла на самое неопредѣленное время. Нужно было скорѣе *начать* дѣло, и потому практичнѣе представлялось рѣшать податной вопросъ хоть по частямъ, утилизируя каждый появляющійся большой и малый рессурсъ, т.-е. дѣйствуя по такому плану: по мѣрѣ отысканія источниковъ, сперва освобождать отъ подушной подати одну группу населенія, потомъ другую, третью и т. д., начиная, разумѣется, съ самыхъ обездоленныхъ — безземельныхъ и малоземельныхъ—и переходя послѣдовательно къ устроеннымъ сравнительно лучше — полнонадѣльнымъ, бывшимъ государственнымъ крестьянамъ и колонистамъ. Подобный способъ обѣщалъ скорѣйшій реальный результатъ. Статью именно въ этомъ смыслѣ помѣстилъ я весною 1879 года въ журналѣ „Слово". Пріемъ отмѣны подушной подати по частямъ и былъ впослѣдствіи примѣненъ, но это произошло уже въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда министромъ финансовъ былъ Н. X. Бунге, а директоромъ департамента, завѣдывавшаго податьми, А. А. Рихтеръ. Тогда крестьянъ раздѣлили на группы по степенямъ ихъ нужды, освобождали одну группу за другою, и дѣло, казавшееся прежде неодолимымъ, покончено было въ три пріема на протяженіи четырехъ лѣтъ. Словомъ, нужны были только серьезная правительственная рѣшимость и соотвѣтствующіе люди, а ихъ-то въ семидесятыхъ годахъ и недоставало, отчего, какъ сказано было выше, самые существенные вопросы русской жизни не шли дальше переписки.

Наиболѣе полное освѣщеніе крестьянское поземельное устройство получило уже въ самомъ концѣ семидесятыхъ годовъ. Центральный статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, предпринявъ обслѣдованіе состоянія землевладѣнія въ различныхъ полосахъ Россіи, собралъ съ мѣстъ огромную массу цифрового матеріала и издалъ „Статистику поземельной соб-

ственности" по восьми внутреннимъ губерніямъ (за этимъ послѣдовали выпуски такой же статистики и по другимъ районамъ). Тутъ картина получилась уже цѣльная и тѣмъ болѣе интересная, что данныя были разработаны подробно, разгруппированы по сословіямъ, по отдѣламъ крестьянъ различныхъ наименованій, съ распредѣленіемъ по самымъ размѣрамъ владѣнія и съ приведеніемъ сравнительной численности населенія во время послѣдней народной переписи (1857 — 1858 гг.) и во время собиранія свѣдѣній для означенной статистики. Стало видно, сколько въ каждомъ уѣздѣ крестьянъ, имѣющихъ то или другое количество десятинъ на душу, и каковъ былъ приростъ населенія со времени народной переписи въ каждой группѣ. На такомъ краснорѣчивомъ матеріалѣ можно уже было строить наиболѣе твердыя и полныя заключенія.

Малоземелье обрисовалось вполнѣ ясными, рѣзкими чертами. У бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ среднемъ выводѣ по семи губерніямъ оказывалось около $2^1/_2$ десятинъ на душу и только въ одной, худшей, немножко больше трехъ десятинъ, но по отдѣльнымъ губерніямъ и уѣздамъ выходило значительно меньше. Въ трехъ изъ восьми губерній третья часть крестьянъ имѣла меньше двухъ десятинъ на душу, а въ нѣсколькихъ уѣздахъ процентъ крестьянъ, имѣвшихъ даже меньше, чѣмъ по одной десятинѣ, колебался отъ 35% до 39%. Но и статистика поземельной собственности могла учитывать владѣвшихъ хоть какими-нибудь клочками земли, тогда какъ еще значительное число крестьянъ оставалось совсѣмъ безъ земли, и они въ эту статистику не попали.—Подробный разборъ этой статистики съ надлежащими выводами помѣщенъ былъ мною осенью 1880 года въ журналѣ „Слово" („Наше землевладѣніе").

Означенная статистика представила еще одно замѣчательное явленіе, рельефно обрисовывавшее вліяніе земельнаго владѣнія на крестьянское благосостояніе. Во всѣхъ мѣстностяхъ,—при мелкомъ размѣрѣ надѣла самый приростъ населенія со времени переписи, т.-е. за двадцать лѣтъ, оказывался гораздо меньше, чѣмъ при болѣе значительныхъ надѣлахъ. Почти каждый оттѣнокъ въ уменьшеніи и увеличеніи надѣла совпадалъ съ такимъ же оттѣнкомъ прироста крестьянскаго населенія. Напримѣръ, при надѣлѣ меньше одной десятины на душу, среднiй приростъ по восьми губерніямъ составлялъ 16 процентовъ, при двухъ-трехъ десятинахъ уже 19, при четырехъ - пяти десятинахъ $25^1/_2$, а при высшихъ надѣлахъ доходилъ и до 30-ти процентовъ. Явленіе это вездѣ выступало съ такимъ постоян-

ствомъ и правильностью, что ясно указывало на глубокую связь между земельнымъ обезпеченіемъ и ростомъ населенія. Тутъ неизбѣжно возникалъ вопросъ, — какимъ же именно способомъ уменьшеніе этого обезпеченія, т.-е. степени зажиточности, сокращаетъ населеніе: пониженіемъ ли у малоземельныхъ числа браковъ, и слѣдовательно рождаемости, или увеличеніемъ смертности? И сопоставленіе со статистическими свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ приводило къ заключенію, что браки и рождаемость тутъ ни при чемъ, а дѣйствуетъ именно возрастаніе смертности, легко объясняемое у малоземельныхъ, не имѣющихъ „необходимаго“, худшимъ питаніемъ, происходящею оттуда хилостью организмовъ и большею трудностью поддерживанія здороваго роста дѣтей. Статья объ этомъ была мною помѣщена въ „Вѣстникѣ Европы“ (ноябрь, 1880 г.).

Между тѣмъ, въ печати, въ обществѣ и земствѣ болѣе и болѣе усиливались сужденія о помощи крестьянамъ кредитомъ. Сперва идея кредита примѣнялась къ образованію мелкихъ учрежденій для выдачи крестьянамъ краткосрочныхъ ссудъ на ихъ текущія, хозяйственныя надобности, причемъ пошли въ ходъ извѣстныя ссудо-сберегательныя товарищества; но потомъ идея помощи кредитомъ стала сливаться съ мыслью о помощи землею въ проектахъ крестьянскаго земельнаго кредита. Пошли рѣчи о выдачѣ крестьянамъ ссудъ на земельныя покупки. Въ газетахъ и журналахъ появлялось немало статей по этому предмету. Обратила на себя вниманіе спеціальная брошюра кн. Васильчикова и Яковлева „Мелкій земельный кредитъ“, гдѣ предлагалась общественная организація кредита подъ руководствомъ комитета ссудо-сберегательныхъ товариществъ; а далѣе выступилъ проектъ этого самаго комитета, предлагавшій устройство по губерніямъ, на принципѣ взаимнаго кредита, товариществъ, выдающихъ мелкимъ покупщикамъ земли ссуды, размѣромъ до полуторы тысячи рублей на сроки до двадцати лѣтъ и не выше трехъ четвертей стоимости покупаемыхъ участковъ; но кредитъ этотъ выходилъ очень дорогимъ, обставленнымъ неудобствами, и обѣщалъ небольшой размѣръ операцій. Было ясно, что требуется нѣчто другое, болѣе сильное и широкое.

Земства стали откликаться по этому вопросу тоже со второй половины семидесятыхъ годовъ. Первымъ выступило тверское, которое ассигновало десять тысячъ рублей на выдачу крестьянамъ ссудъ для дополнительной прикупки земли къ ихъ надѣламъ. Таврическое—высказалось за отпускъ пятидесяти тысячъ и сверхъ того за земскую гарантію уплатъ покупщиковъ до ста пятидесяти

тысячъ рублей; харьковское проектировало свой уставъ земельнаго кредита, ярославское—„выкупной банкъ"; заговорили также земцы московскіе, черниговскіе, псковскіе, новгородскіе, тамбовскіе, полтавскіе, херсонскіе, костромскіе, воронежскіе, смоленскіе; одни обсуждали вопросъ въ принципѣ, другіе выступали съ обработанными предложеніями, а кое-гдѣ собранія ассигновали даже болѣе или менѣе значительныя суммы; выступили еще съ своими проектами московское общество сельскаго хозяйства и одесскій сельскохозяйственный съѣздъ.

Общественное движеніе показывало, что идея земельной помощи крестьянству распространялась очень успѣшно и сочувствіе ей росло, но въ то же время инициаторы мѣстами встрѣчали еще сильную оппозицію представителей противоположныхъ тенденцій, которые кое-гдѣ и проваливали возникавшія предложенія. Особенно замѣчательны были проявленія оппозиціи въ Москвѣ и Тамбовѣ. „Не первая, не вторая и даже не третья" въ крестьянскомъ дѣлѣ, московская губернія отличилась тѣмъ, что въ губернскомъ земскомъ собраніи оппозиція, подъ руководствомъ Д. Ѳ. Самарина (братъ извѣстнаго почтеннаго дѣятеля крестьянской реформы, Юрія Ѳедоровича), называя вопросъ о земельной помощи крестьянамъ „вздорнымъ", „раздутымъ литературою",—добилась обращенія земскаго рѣшенія въ другую сторону: вмѣсто земельныхъ добавокъ, заняться неопредѣленными агрономическими опытами на нѣсколькихъ крестьянскихъ надѣлахъ—авось они, дескать, наведутъ на какой-нибудь новый выходъ! Разумѣется, изъ этихъ опытовъ ничего не вышло, но вѣдь оппозиціи только и нужно было отдѣлаться отъ опасности принятія собраніемъ рѣшенія, сколько-нибудь практически полезнаго для крестьянства. Тотъ же Д. Ѳ. Самаринъ разразился еще эффектною статьею въ новой Аксаковской газетѣ „Русь" (1880 г.), гдѣ высокомѣрно травилъ признававшихъ малоземелье, особенно нападая на упоминавшійся выше трудъ проф. Янсона, какъ на лживое и вредное умствованіе (я отвѣтилъ на это въ „Вѣстникѣ Европы" статьею: „Теорія достаточности крестьянскихъ надѣловъ", февраль, 1881 г.). Въ Тамбовѣ же, руководителемъ проваливанія крестьянскаго земельнаго вопроса явился бывшій профессоръ Б. Чичеринъ.

Вообще, дѣло впередъ подвигалось, но предвидѣлось еще немало борьбы, а съ другой стороны также было ясно, что разрозненныя усилія отдѣльныхъ земствъ, при финансовой слабости послѣднихъ, слишкомъ недостаточны для удовлетворенія такой

общей и крупной нужды, какъ пополненіе крестьянскаго землевладѣнія въ государствѣ. Надо было выступить самому государству.

Выходитъ, что вопросъ о кредитѣ для покупки земли крестьянами, вмѣстѣ съ переселенческимъ и податнымъ, выдвигался и разрабатывался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, включительно до 1880 года, одною общественною иниціативою. Безучастно же или неблагопріятно относились къ этимъ вопросамъ высшія правительственныя сферы, гдѣ въ ту пору господствовали люди или вилявшіе, или равнодушные къ крестьянскому положенію, или ретроградные, или просто ничтожные,—Валуевъ, Тимашевъ, Рейтернъ, гр. Д. А. Толстой, Грейгъ, Маковъ и т. п. Живо отнестись къ народной нуждѣ было некому. Земскія начинанія по этимъ вопросамъ не находили поддержки, а печать подавлялась цензурою. Переселенческій вопросъ одно время считался почти запретнымъ. Долго ли бы такъ протянулось безъ участія чрезвычайныхъ вліяній—сказать трудно, но дѣло подвинулось именно наступленіемъ новыхъ, исключительныхъ обстоятельствъ, создавшихъ на непродолжительное время нѣкоторый благопріятный поворотъ въ нашей внутренней политикѣ.

II.

Законодательный исходъ.

Поворотъ этотъ пришелъ весною 1880 года, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тягостнѣйшаго политическаго состоянія страны, начавшагося около средины семидесятыхъ годовъ. Періодъ этотъ памятенъ безпрерывными политическими преслѣдованіями, многочисленными уголовными политическими процессами, множествомъ административныхъ ссылокъ, арестовъ и обысковъ, волненіями въ различныхъ общественныхъ и народныхъ сферахъ, убійствами высшихъ административныхъ лицъ и покушеніями на нихъ, смертными казнями и т. д. Вниманіе высшей администраціи тогда совсѣмъ отвлеклось отъ упорядоченія полнаго настоятельными вопросами внутренняго быта, сосредоточившись на всякаго рода репрессіяхъ, всюду удручавшихъ ежедневную жизнь. Ограничивалось самоуправленіе, подавлялась печать, возрасталъ гнетъ администраторовъ, сильно чувствовалось отсутствіе личной безопасности, подвергались преслѣдованіямъ или не выходили изъ опасенія ихъ даже вполнѣ спокойные люди, а приволье было однимъ дѣятелямъ доноса и политической травли, въ томъ числѣ

рептильнымъ изданіямъ. Но цѣль напряженной репрессіи все-таки не достигалась. Вмѣсто искомаго прекращенія смуты или хотя бы наружнаго замиренія, увеличивалась питавшая эту самую смуту численность недовольныхъ, а разнузданность административнаго произвола порождала и развивала въ разныхъ сферахъ злоупотребленія, доходившія до большой смѣлости. Волненія и покушенія не прекращались, указывая на ошибочность и безсиліе безоглядочной репрессивной политики, и дошло до того, что въ февралѣ 1880 года произведенъ былъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Тогда вверху начала складываться мысль о необходимости измѣнить политику, ослабить безграничную репрессію, обезпечить положеніе спокойныхъ общественныхъ элементовъ и искать общаго замиренія въ энергическомъ улучшеніи внутреннихъ жизненныхъ условій, въ удовлетвореніи назрѣвшихъ нуждъ и устраненіи административныхъ злоупотребленій, чтобы этимъ подѣйствовать на главный источникъ смуты—распространеніе недовольства. Пришла жуткая пора—и вспомнились народные и общественные интересы, также какъ и достоинства либеральной политики. Понадобилось дать обществу почувствовать благопріятную перемѣну, а для этого нужны были энергическія дѣйствія въ новомъ направленіи. Такъ сложилось рѣшеніе—вернуться на покинутый путь прогресса, т.-е. къ началамъ первыхъ Александровскихъ реформъ. Для руководства новою политикою призванъ былъ кавказскій генералъ гр. Лорисъ-Меликовъ, выступившій сначала въ роли предсѣдателя спеціальной верховной коммиссіи, а потомъ—министра внутреннихъ дѣлъ.

Эти новыя вѣянія, какъ извѣстно, продержались не долго, смѣнившись новою реакціею, но и за наступленіемъ послѣдней часть ихъ, какъ бы по инерціи, продолжала еще нѣкоторое время отражаться на русской жизни и совсѣмъ стушевалась уже въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Эпоху этихъ вѣяній теперь часто называютъ эпохою „диктатуры сердца“, а въ то время иные называли ее также „бабьимъ лѣтомъ“, примѣняя къ ней народное названіе случающейся иногда осенью кратковременной жаркой поры: будто и лѣто, однако не настоящее, а „бабье“, за которымъ надвигается зима. Дѣло въ томъ, что современники неодинаково довѣряли прочности измѣнившагося положенія; если были въ обществѣ надѣявшіеся на рѣшительность и искренность возврата къ духу прежнихъ реформъ, то немало встрѣчалось и очень сомнѣвавшихся въ томъ, частью въ виду случайнаго характера причины перемѣны, частью по недостатку

историческихъ примѣровъ установленія твердой прогрессивной политики въ концѣ царствованія и послѣ пережитія уже въ немъ тяжелаго реакціоннаго періода.

Однако, какъ бы то ни было, во время Лорисъ-Меликовской гегемоніи порывы къ движенію впередъ были значительны. Измѣнился министерскій составъ, причемъ въ обществѣ особенно привѣтствовалось удаленіе гр. Д. А. Толстого отъ управленія вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія; въ интересахъ устраненія недостатковъ и злоупотребленій мѣстной администраціи назначены были для нѣсколькихъ губерній сенаторскія ревизіи; начались работы по улучшенію положенія печати, получилъ движеніе вопросъ о реформѣ вообще мѣстнаго управленія, двинулись народные экономическіе вопросы и т. д., и т. д. Но такъ какъ рѣчь идетъ здѣсь не объ исторіи упоминаемой эпохи, то приходится касаться тогдашней политики лишь въ мѣру связи ея съ дѣломъ улучшенія экономическаго быта крестьянъ и, въ частности, съ поземельнымъ вопросомъ.

Экономическихъ народныхъ вопросовъ разомъ выдвинуто было нѣсколько. Прежде всего поспѣла отмѣна тягостнаго налога на соль, состоявшаяся даже безъ обычнаго процесса законодательнаго порядка. Затѣмъ выступили на очередь: вопросъ переселенческій, пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной подати и устройство спеціальнаго государственнаго кредита для помощи крестьянамъ въ покупкѣ земель, т.-е. для ослабленія малоземелья. Но четыре послѣднихъ вопроса въ своемъ разрѣшеніи не поспѣли въ періодъ „бабьяго лѣта", которое было прервано катастрофою 1 марта 1881 года. Главную разработку эти вопросы получили уже въ новое царствованіе, послѣ паденія Лорисъ-Меликова, когда, несмотря на появленіе симптомовъ возврата къ реакціи, движеніе предшествовавшей поры отчасти еще сохранялось.

Въ принципѣ, пониженіе выкупныхъ платежей, помощь переселеніямъ и устройство крестьянскаго кредита предрѣшены были Высочайшимъ повелѣніемъ 20-го мая 1881 года. Оставалось перейти къ практическому осуществленію.

Для совѣщанія о самыхъ способахъ пониженія выкупныхъ платежей созвано было въ Петербургѣ нѣсколько такъ называемыхъ „свѣдущихъ людей", взятыхъ изъ разныхъ губерній по административному выбору, и вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ въ два пріема, причемъ первый относился къ самому концу 1881 года. Переселенческій вопросъ расшевелилъ въ томъ же 1881 году даже мертвенное министерство государственныхъ

имуществъ, и въ послѣднемъ составленъ былъ проектъ отвода части казенныхъ земель подъ устройство переселенцевъ. Запретительная система смѣнилась снисходительною, увеличилось движеніе крестьянъ въ восточныя губерніи и въ Сибирь, а кромѣ того министерство предоставило крестьянамъ нѣкоторыя льготы по арендованію казенныхъ земель. Для совѣщанія о дальнѣйшемъ направленіи дѣла созвана была другая партія „свѣдущихъ людей". Весною 1882 года совершился первый актъ отмѣны подушной подати, причемъ освобождены были отъ нея крестьяне безземельные и получившіе даровую четверть надѣла. И къ тому же времени разрѣшился вопросъ о государственномъ кредитѣ для покупки крестьянами земель.

Однако этотъ послѣдній вопросъ прошелъ не безъ затрудненій, и проектамъ, прежде окончательнаго исхода, пришлось испытать немало пертурбацій и противодѣйствія. Дѣло въ томъ, что въ верхнихъ сферахъ, по причинѣ тогдашнихъ особенностей ихъ воззрѣній, пугала мысль, — какъ бы земельная помощь крестьянамъ не вызвала опасныхъ толковъ и движеній. Въ этомъ смыслѣ, кромѣ словесныхъ разсужденій, выступали и записки разныхъ оффиціальныхъ лицъ.

Сначала кредитъ для крестьянъ предположено было устроить при „Главномъ Выкупномъ Учрежденіи", — что обѣщало сразу установленіе господства бумажнаго формализма въ живомъ дѣлѣ, требовавшемъ наиболѣе осмысленной участливости; но потомъ этотъ проектъ былъ оставленъ и рѣшено образовать отдѣльное учрежденіе подъ названіемъ „Крестьянскаго Поземельнаго Банка". Конечно, такая перемѣна была обращеніемъ къ лучшему, но замѣчательно, что главнымъ поводомъ къ ней явилось не столько предпочтеніе по существу, сколько боязнь, чтобы не возникло у крестьянъ надеждъ на новое обязательное надѣленіе ихъ землею изъ частной собственности или не укрѣплялись мечты о даровой раздачѣ земли. Разсуждали, что вѣдь Выкупное Учрежденіе утверждало за крестьянами надѣлы по „Положеніямъ" 19-го февраля, значитъ—если отдать ему же и новое дѣло, то мужики подумаютъ, что и теперь предстоитъ примѣненіе того же принципа 19-го февраля! И вотъ въ силу такихъ опасеній рѣшили, что ужъ лучше образовать новое, спеціальное учрежденіе.

Предполагали вначалѣ, при оцѣнкѣ покупаемыхъ крестьянами земель, выдавать въ ссуду четыре-пятыхъ этой оцѣнки, но потомъ предпочли давать только три-четверти, чтобы новыя ссуды не были похожи на выдававшіяся при выкупѣ надѣловъ, которыя тоже составляли четыре-пятыхъ. Правда, это сокращеніе

являлось стѣсненіемъ для покупщиковъ, но зато достигалось наружное отличіе отъ прежней выкупной операціи!—Задумано было поставить кредитную помощь въ зависимость отъ наличнаго землевладѣнія покупающихъ крестьянъ, такъ чтобы самымъ малоземельнымъ помогать больше, другимъ—меньше, а сытымъ землею вовсе ссудъ не давать,—идя такимъ образомъ прямо къ цѣли ослабленія малоземелья,—но и эта мысль была покинута изъ опасенія, чтобы крестьяне, видя принятіе въ разсчетъ величины надѣловъ, не приписали правительству намѣренія доводить всѣ надѣлы до опредѣленной нормы, т.-е. опять не сочли себя „въ правѣ“ на добавку земли. И въ результатѣ рѣшено не вводить въ правила никакого различія между малоземельными и многоземельными, а допускать ссуды тѣмъ и другимъ, т.-е. какъ для удовлетворенія дѣйствительной земельной нужды, такъ и для расширенія существующаго избытка владѣній. Основаніемъ права на кредитную помощь принималось такимъ образомъ одно званіе крестьянина, кто бы его ни носилъ—бѣдный ли мужикъ или значительный землевладѣлецъ, т.-е. кредитъ обращался въ формальную сословную принадлежность.—Далѣе, выступило соображеніе, что новый банкъ не долженъ вмѣшиваться и въ разборъ условій между крестьянами-покупщиками и продавцами-землевладѣльцами, ограничиваясь только вопросомъ о размѣрѣ ссуды, тогда какъ отъ этихъ условій часто зависятъ не однѣ выгоды и невыгоды крестьянъ, но и самая состоятельность сдѣлокъ и даже интересъ банка, потому что—какъ показалъ впослѣдствіи и опытъ—иныя условія бываютъ до того обременительны, что, вмѣсто какой-нибудь пользы отъ покупки, только запутываютъ крестьянъ въ разорительное дѣло. Наваливая на нихъ тяжелыя обязательства, эти условія истощаютъ ихъ платежныя силы, а дѣлая крестьянъ неисправными въ платежахъ банку—лишаютъ ихъ тѣмъ возможности удержать купленную землю, такъ какъ банкъ вынуждается продавать послѣднюю за недоимки, съ рискомъ недовыручки выданной ссуды. То-есть, при полномъ устраненіи банка отъ критики продажныхъ условій, многія сдѣлки грозили обратиться въ новый способъ эксплоатаціи крестьянства, а кстати—и банка.

Словомъ, опасеній было — море, и изъ-за всѣхъ ихъ мѣнялись и ломались предположенія. Во всѣхъ этихъ страхахъ предъ призраками народныхъ требованій и другими подобными сказывался большой недостатокъ знакомства съ народомъ, потому что дѣйствительное удовлетвореніе нуждъ способно только успокаивать населеніе, тогда какъ наружныя, бумажныя отличія но-

выхъ мѣропріятій отъ „Положеній“ 19 февраля не только ровно никого ни въ чемъ не убѣждали, но остались даже незамѣченными народомъ, какъ не примѣтилъ бы онъ и сходства съ означенными „Положеніями“. Если же въ народѣ имѣются своеобразные взгляды относительно правъ на землю вообще, то подобные взгляды и инстинкты, разумѣется, коренятся настолько глубоко, что до нихъ не достанутъ самые хитроумные редакціонные и иные пріемы законопроектовъ; и уступить эти инстинкты могутъ развѣ культурнымъ измѣненіямъ, требующимъ большого времени. Между тѣмъ, съ подобными произвольными фикціями проектамъ, волею-неволею, приходилось считаться и изъ-за нихъ жертвовали даже сущностью дѣла, впадая въ заботливость объ очевидныхъ мелочахъ.

Послѣ соображенія съ разными личными записками (Стояновскаго, Неболсина, Мансурова, Бреверна), послѣ ряда передѣлокъ, проекту придавался такой наружный видъ, какъ будто дѣло идетъ вовсе не о поправкѣ крестьянскаго поземельнаго устройства, но — о помощи всякимъ крестьянскимъ покупкамъ, безразличной къ положенію покупщиковъ, словно содѣйствіе одному передвиженію земельной собственности — хотя бы въ руки людей, носящихъ крестьянское званіе—могло представлять какой-нибудь государственный интересъ, а не являться задачею безцѣльною, напрасною тратою силы кредита, соединенною притомъ съ значительнымъ рискомъ. И хорошо еще, что излишне пугливыя соображенія, оставаясь въ журналахъ оффиціальныхъ засѣданій, не проникли въ самый текстъ банковаго „Положенія“, т.-е. не приняли императивнаго характера, мѣшающаго практическому успѣху дѣла. Вотъ до чего велика была въ верхней административной сферѣ опасливость вреднаго дѣйствія на крестьянъ отъ полезной для нихъ мѣры!

Когда измѣненный уже проектъ крестьянскаго банка поступилъ наконецъ въ государственный совѣтъ — здѣсь дана была ему еще послѣдняя битва. Противъ этого проекта рѣшительно выступили два члена государственнаго совѣта — графъ Шуваловъ и Мансуровъ, которые, не ограничиваясь одностороннею критикою, ставили дѣло еще на политическую почву и опять раздували страхи, стремясь доказывать, что предположенный банкъ и не нуженъ, и строится на неудачныхъ основаніяхъ, и очень опасенъ.

По словамъ графа Шувалова и Мансурова, малоземелье въ различной степени ощущала едва пятая доля крестьянъ, да и изъ этой доли не больше пятой части могли нуждаться въ по-

мощи скорой; а для столь ограниченной потребности не стòитъ создавать государственнаго кредитнаго учрежденія и достаточны частныя мѣры меньшаго значенія. Между тѣмъ, созданіе банка для цѣлой Россіи, при наличной трудности финансоваго положенія, идя дальше дѣйствительной нужды, грозитъ казнѣ новыми убытками и способно породить еще бòльшія опасности другого рода. Въ массѣ населенія появятся злоумышленныя толкованія; крестьяне предадутся преувеличеннымъ надеждамъ; недовольство ихъ тѣми помѣщиками, которые не расположены продавать свои земли, явится для этихъ помѣщиковъ косвеннымъ принужденіемъ къ продажѣ во что бы то ни стало, и, такимъ образомъ, банкъ окажется для всей Россіи средствомъ къ превращенію крупной земельной собственности въ мелкую. По подлиннымъ выраженіямъ этихъ оппонентовъ, развитіе операцій крестьянскаго банка равносильно „принципіальному разрѣшенію государственнаго вопроса о ненадобности существованія въ Россіи всякой крупной собственности" и вообще дѣло идетъ о томъ— „быть или не быть въ Россіи крупной поземельной не-крестьянской собственности"! Въ итогѣ — государственная опасность, Patria in periculo! Caveant consules, ne quid respublica detrimenti capiat! Цицероновскій духъ обширнаго мнѣнія гр. Шувалова и Мансурова сводился къ тому, что нòвые Patres Patriae предлагали—не приступать къ окончательному разсмотрѣнію проекта, а вмѣсто того передать не только его, но и весь вопросъ о поземельномъ кредитѣ для крестьянъ—на новое обсужденіе земскихъ учрежденій, причемъ сами они склонялись къ тому, что если даже допустить подобный кредитъ, то онъ долженъ устраиваться отдѣльными земствами, въ зависимости отъ ихъ желаній, по губерніямъ, лишь съ финансовою помощью государства. Въ такой перспективѣ ясно сквозила надежда если не похоронить дѣло сразу, то затянуть его ad calendas graecas. Теперь со смѣхомъ читаются приведенныя мрачныя пророчества, а тогда они были своего рода силою.

Большинство государственнаго совѣта, однако, не поддалось пущеннымъ въ дѣло страхамъ и, отразивъ, одинъ за другимъ, аргументы гр. Шувалова и Мансурова, разбило мысль о передачѣ дѣла земствамъ тѣмъ соображеніемъ, что нельзя ставить столь важное и общее дѣло въ зависимость отъ измѣнчиваго состава и направленія отдѣльныхъ земскихъ учрежденій. Въ качествѣ убѣдительнаго примѣра приведенъ былъ фактъ отклоненія самаго принципа крестьянскаго кредита тамбовскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, которое тутъ разошлось съ желаніями

другихъ земствъ. Неужели возможно было бы, на основаніи подобнаго факта, лишить населеніе цѣлой тамбовской губерніи возможности пользоваться тѣмъ, что дается прочимъ губерніямъ Россіи?—Проектъ былъ государственнымъ совѣтомъ принятъ.

Окончательное утвержденіе „Положенія“ о крестьянскомъ банкѣ состоялось 18 мая 1882 года. Это былъ коротенькій законодательный актъ въ 32 статьи, намѣчавшій дѣятельность новаго учрежденія общими, поверхностными чертами и лишенный такихъ дѣловыхъ частей, безъ которыхъ новое дѣло не могло даже начаться на практикѣ. По этому „Положенію“, для содѣйствія крестьянскимъ земельнымъ покупкамъ, банку предоставлялось выдавать ссуды сельскимъ обществамъ, товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ, въ размѣрѣ не свыше 125 рублей на душу при общинномъ владѣніи и 500 рублей на домохозяйство при подворномъ владѣніи. При покупкѣ особенно цѣнныхъ земель требовалась специальная оцѣнка ихъ, съ допущеніемъ ссудъ въ размѣрѣ трехъ-четвертей этой оцѣнки, каждый разъ съ особаго разрѣшенія министра финансовъ. Сроки ссудъ назначались въ 24½ и 34½ года; для полученія средствъ на ссуды устанавливался выпускъ специальныхъ процентныхъ бумагъ, а для оплаты полученныхъ ссудъ крестьяне обязывались вносить ежегодно 7½ или 8½ процентовъ, въ зависимости отъ избранныхъ ими сроковъ. Общій размѣръ операцій ограничивался пятью милліонами рублей въ годъ, съ тѣмъ, что если потребуется больше, то на увеличеніе означенной суммы должно быть испрашиваемо каждый разъ законодательное разрѣшеніе. Управленіе банкомъ возлагалось на совѣтъ, состоящій изъ управляющаго и трехъ членовъ. Для дѣятельности же на мѣстахъ, въ губерніяхъ (принятія просьбъ о ссудахъ, собиранія необходимыхъ документовъ и свѣдѣній, представленій въ совѣтъ о разрѣшеніи ссудъ, самой выдачи разрѣшенныхъ уже ссудъ и т. под.), учреждались мѣстныя отдѣленія банка, состоящія каждое изъ управляющаго, двухъ членовъ отъ земства и одного по назначенію губернатора. Отдѣленія эти разрѣшалось учреждать или при учрежденіяхъ государственнаго банка, или при казенныхъ палатахъ.

Совокупность этихъ чертъ ясно показывала, какъ многаго еще недоставало для введенія новаго кредита въ жизнь и съ формальной стороны, и для сколько-нибудь дѣйствительнаго успѣха по существу его задачи. Для осуществленія земельныхъ покупокъ, кромѣ назначенія ссудъ, нуженъ былъ еще особый порядокъ совершенія крѣпостныхъ актовъ на пріобрѣтаемыя земли, такъ какъ существующій общій порядокъ оказывался непримѣнимымъ

уже потому, что при немъ деньги за землю уплачиваются продавцамъ одновременно съ совершеніемъ купчихъ крѣпостей, а ссудныя деньги изъ банка могли выдаваться не иначе, какъ уже *послѣ* совершенія купчихъ, служившихъ удостовѣреніемъ, что покупки дѣйствительно состоялись, а не разстроились со времени разрѣшенія ссудъ. При обыкновенныхъ случаяхъ продажи имѣній, цѣна послѣднихъ передается покупщиками продавцамъ непосредственно, изъ рукъ въ руки, тогда какъ при сдѣлкахъ съ помощью банка ссуды хотя разрѣшались на имя крестьянъ, по имъ въ руки не давались, а подлежали выдачѣ изъ отдѣленій банка прямо продавцамъ или тѣмъ ихъ кредиторамъ, у которыхъ проданная земля состояла въ залогѣ. Надо было также обезпечивать выданныя банкомъ ссуды наложеніемъ запрещеній на ту же землю. Сверхъ того, требовалась выработка правилъ о способахъ взысканія ссудъ въ случаѣ платежной неисправности крестьянъ-заемщиковъ, т.-е. правилъ о продажѣ купленной ими земли за недоимки, выходящія изъ предѣловъ допускаемыхъ льготъ. Словомъ, съ формальной стороны необходимы были добавочные законы, соглашенные съ судебными и нотаріальными порядками, что неизбѣжно вызывало значительную отсрочку для начатія дѣла.

Но изданіе такихъ законовъ требовало только времени, а гораздо болѣе важную сторону дѣла представляло установленіе опредѣленной системы дѣйствій банка, иначе сказать—его внутренняя политика, для которой короткое „Положеніе“ составляло только наружную рамку. Эту рамку можно было наполнить самымъ различнымъ содержаніемъ, полезнымъ или вреднымъ, подходящимъ къ цѣли и не подходящимъ, вообще—способнымъ придать новому учрежденію ту или другую физіономію, тотъ или другой духъ, ту или другую степень жизненности. Содержаніе же это зависѣло главнымъ образомъ отъ личнаго состава банка и руководящаго имъ министра, почему новое учрежденіе предъявляло значительный спросъ на человѣческую участливость къ интересамъ крестьянства, знаніе положенія послѣдняго и соотвѣтствующую нуждамъ дѣла иниціативу. Мудрено было обойтись тутъ рядовымъ, безличнымъ чиновничествомъ.

Не лишними будутъ нѣсколько объясненій. Вѣдь въ прошломъ для дѣятельности крестьянскаго банка не встрѣчалось рѣшительно никакихъ подходящихъ прецедентовъ. Чиновникъ дѣйствовавшаго при крѣпостномъ правѣ опекунскаго совѣта, какъ „дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый“, спокойно зрѣлъ на судьбы дѣльныхъ и разорявшихся помѣщиковъ, зная только

формальность, считаясь исключительно съ бумагами и имѣя на все руководствомъ готовыя, установленныя нормы. Онъ соображалъ лишь—сколько въ имѣніи просящаго ссуды помѣщика ревизскихъ душъ крестьянъ, сколько рублей полагается на душу въ данной мѣстности и достаточно ли исправны представленные документы; а что выйдетъ въ результатѣ выдачи ссуды—исправный ли платежъ или аукціонная продажа имѣнія за недоимки съ разореніемъ владѣльца—въ этомъ для него не было ни малѣйшаго интереса. Ничему не поучалъ и опытъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ, потому что у нихъ главною цѣлью была получка возможно бо̀льшаго дивиденда, т.-е. нажива, а не какія-либо судьбы землевладѣнія. Эти банки выдавали не больше 60-ти процентовъ оцѣнки, и правильный разсчетъ ихъ состоялъ лишь въ томъ, чтобы не зарываться въ оцѣнкахъ для избѣжанія такихъ преувеличенныхъ ссудъ, которыя не могли быть выручены на торгахъ, въ случаѣ продажи заложенныхъ имѣній за недоимки. Не доцѣнить или перецѣнить имѣніе на 10—20 процентовъ акціонерному банку было не важно, коль скоро въ ссуду дается не больше трехъ-пятыхъ оцѣнки. Дѣла имѣли эти банки съ единичными владѣльцами болѣе или менѣе значительной собственности, и къ переходу ея путемъ торговъ отъ одного владѣльца къ другому такой банкъ могъ быть совершенно равнодушнымъ, зная, что самъ онъ одинаково получитъ свое отъ того или другого, а больше ему ничего не нужно. Но совсѣмъ въ иномъ положеніи оказывался крестьянскій банкъ, имѣвшій задачею не наживу и не формализмъ, а по основной цѣли своей—устраненіе или ослабленіе крестьянскаго малоземелья, и потому заинтересованный, чтобы земля попадала именно въ надлежащія руки, насколько можно удерживалась въ этихъ рукахъ и содѣйствовала укрѣпленію хозяйственности и благосостоянію крестьянъ.

Такая задача выходила гораздо сложнѣе прежнихъ. Если, гоняясь за усиленіемъ обезпеченности ссудъ, сокращать ихъ размѣръ, на манеръ акціонерныхъ банковъ, то многія покупки окажутся фактически невозможными, а другія потребуютъ отъ крестьянъ большихъ приплатъ къ ссудамъ, которыя или посильны наименѣе нуждающимся, или заставятъ многихъ прибѣгать къ постороннимъ обременительнымъ займамъ, способнымъ запутать ихъ сильнѣе прежняго; при постороннихъ долгахъ, не будучи въ состояніи исправно платить банку, крестьяне потеряютъ и купленную землю. Съ другой стороны, допуская излишне широкія ссуды, пришлось бы рисковать превышеніемъ ими дѣйствительной

стоимости земли, значитъ—превышеніемъ платежами ея доходности, а слѣдовательно—парализованіемъ въ крестьянахъ интереса къ ея удержанію и лишеніемъ ихъ выгодности покупокъ. Сверхъ того, возникала здѣсь еще опасность особыхъ злоупотребленій; напримѣръ, владѣлецъ, желающій сбыть свою землю дороже ея стоимости, могъ подбирать для покупки ея такія крестьянскія „товарищества", которыя вовсе и не думаютъ объ удержаніи земли за собою, а только помогаютъ его затѣѣ; они испросили бы преувеличенную ссуду, продавецъ воспользовался бы высокою цѣною, а затѣмъ покупщики, повладѣвъ землею годъ безъ всякаго платежа, вынудили бы банкъ продавать эту землю съ чувствительнымъ убыткомъ. То-есть, вышла бы эксплоатація банковой снисходительности.

Такъ банку предстояло одновременно и достигать ссудами наибольшей доступности покупокъ нуждающимся, и избѣгать преувеличенности ссудъ, и по возможности устранять обременительныя для покупщиковъ условія, и остерегаться злоупотребленій. Наконецъ, существовала еще потребность отличенія нуждающихся покупщиковъ отъ такихъ, которые, будучи сыты землею, покупаютъ для увеличенія своего избытка, а тутъ одно ношеніе крестьянскаго званія было далеко не достаточнымъ признакомъ. Полученныя же банкомъ тридцать-двѣ статьи „Положенія" составляли такую безразличную рамку, въ которую легко могло вмѣститься какое угодно отношеніе къ объясненной задачѣ. Можно было ввести и чрезмѣрно скупыя ссуды, и достаточныя, и неосторожныя. Можно было открыть помощь только самымъ богатымъ крестьянамъ, и—обратить ее преимущественно въ пользу наиболѣе нуждающихся; можно было дѣйствовать чисто формально, по шаблону, съ существенными и опасными недоглядками жизненной сути дѣла, и можно было также оживлять дѣло участливѣйшею заботливостью о достиженіи лучшихъ цѣлей на самой практикѣ. Ни тому, ни другому, ни третьему „Положеніе" формально не препятствовало. Однако, въ этомъ безразличіи была и хорошая сторона: оно въ значительной степени развязывало руки, тогда какъ—войди „Положеніе" въ болѣе подробное регламентированіе—навѣрное, возникли бы вредныя стѣсненія при тѣхъ условіяхъ, какія окружали выработку этого „Положенія". Оставалось, значитъ, искать болѣе подходящихъ къ настоящей цѣли способовъ дѣйствія и нужны были люди.

Счастливымъ для крестьянскаго банка условіемъ было то, что при открытіи его дѣятельности постъ министра финансовъ занималъ Николай Христіановичъ Бунге. Это былъ человѣкъ и

по своимъ стремленіямъ, и по своему прошлому, и по личнымъ свойствамъ значительно отличавшійся отъ большинства того персонала, изъ котораго обыкновенно пополняется составъ нашихъ высшихъ администраторовъ. Не имѣя связей въ высшихъ сферахъ и чуждый карьернымъ искательствамъ, онъ, за три года предъ тѣмъ, призванъ былъ къ должности товарища министра со скромнаго поста ректора кіевскаго университета, одновременно съ занятіемъ котораго управлялъ кіевскою конторою государственнаго банка. Наибольшую часть жизни провелъ онъ въ Кіевѣ какъ профессоръ и мѣстный общественный дѣятель. Принимавшій участіе еще въ выработкѣ „Положеній" 19-го февраля, преданный интересамъ науки, искренно отзывчивый нуждамъ государства, общества и народа, при широкомъ и просвѣщенномъ пониманіи этихъ нуждъ, Н. Х. Бунге вполнѣ сознавалъ, что и благосостояніе государства, и финансовая его состоятельность, зависятъ отъ хорошаго экономическаго положенія крестьянской массы населенія, которая вызывала въ немъ живое сочувствіе и сама по себѣ, независимо отъ государственнаго интереса.

По своимъ личнымъ качествамъ Бунге былъ глубоко симпатичный человѣкъ. Истинно добрый, скромный, участливый къ людямъ, абсолютно честный, равнодушный къ своимъ личнымъ выгодамъ и чуждый всякимъ интригамъ или властолюбію, онъ и въ личныхъ отношеніяхъ привлекалъ своею любезностью и деликатностью. Ставъ министромъ, онъ и этимъ постомъ дорожилъ, главнымъ образомъ, какъ возможностью сдѣлать что-нибудь полезное въ общихъ интересахъ страны, хотя, разумѣется, понималъ, что при окружающихъ условіяхъ очень многаго добиться ему нельзя, особенно тамъ, гдѣ приходится сталкиваться со стремленіями вліятельныхъ людей иного типа, съ пріемами интриги, подсиживанія, наговоровъ и т. под. Можно сказать, что это вообще былъ исключительный министръ, находившійся въ исключительномъ положеніи. Ему было ясно, что при отсутствіи солидныхъ связей вверху и при его направленіи онъ не можетъ быть прочнымъ на министерскомъ посту и удобнымъ для другихъ, а потому онъ постоянно пребывалъ въ готовности покинуть этотъ постъ, что и высказывалъ, не смущаясь такимъ положеніемъ. Видимымъ же недостаткомъ Н. Х. Бунге представлялось неимѣніе твердой воли, выражаемой настойчивостью дѣйствій, почему, даже обладая значительною инціативою, онъ иногда не могъ усиленно отстаивать свои намѣренія. Впрочемъ, и это въ значительной степени объяснялось сознаніемъ недо-

статка силы, такъ какъ гораздо легче было достигать настойчивостью успѣха въ томъ, что проводили его реакціонные сотоварищи и противники, чѣмъ въ тѣхъ добрыхъ намѣреніяхъ, какія желалъ проводить самъ Бунге.

Изъ объясненныхъ свойствъ Н. Х. Бунге исходила особенная участливость его къ крестьянскому банку. Видя въ послѣднемъ одно изъ серьезныхъ средствъ помощи крестьянству, онъ хотѣлъ обставить его дѣятельность какъ можно лучше, чтобы придать банку наиболѣе живой характеръ, и самъ внимательно слѣдилъ за ходомъ его организаціи и за дальнѣйшимъ движеніемъ его жизни. Заботясь объ образованіи подходящаго личнаго состава банка, Бунге не торопился замѣщеніемъ новыхъ должностей, желая подбирать на эти должности людей съ извѣстнымъ отношеніемъ къ крестьянскимъ интересамъ и о пригодности которыхъ для такого дѣла самъ онъ могъ имѣть болѣе или менѣе ясное представленіе. Да и впослѣдствіи, когда банкъ уже дѣйствовалъ, Бунге вникалъ въ его частные вопросы, нерѣдко разсматривалъ отдѣльныя дѣла и вообще относился къ банку, какъ къ любимой отрасли своего управленія.

Совсѣмъ иного рода ауспиціи выступали со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, съ которымъ банку, какъ области, касающейся крестьянъ, неизбѣжно предстояло считаться. Одновременно съ учрежденіемъ крестьянскаго банка, на постъ министра внутреннихъ дѣлъ вступилъ гр. Д. А. Толстой, всего два года назадъ эффектно удаленный изъ высшаго государственнаго управленія, а теперь возвращенный въ него съ новою силою, которую давало ему вновь обозначавшееся въ правительственной сферѣ реакціонное направленіе. Гр. Толстого Россія знала, какъ создателя губительной мнимо-классической системы образованія, которую страна оплатила многими человѣческими жертвами, и обезжизненіемъ вообще дѣла русскаго просвѣщенія, вызывавшими всюду общія жалобы. Извѣстенъ онъ былъ также стойкою приверженностью къ ультра-дворянскимъ интересамъ и враждебною односторонностью отношенія къ крестьянскому дѣлу, причемъ въ обществѣ распространены были сказанія объ обидномъ устройствѣ крестьянъ, во время реформы, въ собственныхъ рязанскихъ имѣніяхъ Толстого и о бѣдственномъ положеніи этихъ крестьянъ. А такъ какъ къ тому же Толстой, во время своего долгаго управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія, успѣлъ пріобрѣсти репутацію человѣка настойчиваго до упрямства въ проведеніи своихъ желаній, то въ его вторичномъ восходѣ на министерскій горизонтъ многіе увидѣли восходъ большой ретро-

градной силы, способной вызывать сочувствіе развѣ въ крѣпостникахъ и вообще приверженцахъ самовластія и стремленія назадъ, къ старымъ порядкамъ. Особенно неблагопріятнымъ было это знаменіе для крестьянства и всего, касавшагося его пользъ, такъ какъ Толстой получилъ въ свои руки именно то самое вѣдомство, которое завѣдываетъ крестьянами и начальствуетъ надъ оказывающею ближайшее вліяніе на ихъ судьбы мѣстною администраціею. Можно ли было крестьянскому банку возлагать добрыя надежды на вліяніе съ этой стороны, когда придется съ нимъ встрѣчаться?

Вышло, что идеѣ кредитной помощи крестьянамъ, зародившейся въ общественной средѣ при правительственномъ неблаговоленіи и получившей потомъ въ правительственныхъ сферахъ серьезное движеніе въ короткій періодъ разсвѣта, созданный исключительными обстоятельствами, пришлось осуществляться при новомъ поворотѣ назадъ, среди смѣшенія различныхъ вѣяній и ожиданій. Съ одной стороны надвигались ретроградныя тучи, а съ другой—продолжалось еще слабѣвшее недавнее движеніе къ улучшеніямъ въ народной жизни. И въ самой правительственной средѣ одновременно дѣйствовали разнородные элементы, благопріятствовавшіе и неблагопріятствовавшіе крестьянскимъ интересамъ. Будущность крестьянскаго банка, при такомъ положеніи, представлялась неясною. Что возьметъ верхъ? Хорошо ли наладится новое дѣло и принесетъ ожидаемую пользу, или станетъ затрудняться и извращаться новѣйшими вѣяніями, да если и пойдетъ сначала успѣшно, то надолго ли этого хватитъ? Обо всемъ этомъ можно было гадать, руководствуясь примѣрами прошлой правительственной дѣятельности. Однако, несмотря на подобныя сомнѣнія, новое дѣло, во всякомъ случаѣ, представляло большой интересъ, вызывая мысль о необходимости извлечь изъ открывшагося источника помощи всю ту пользу, какая возможна.

III.

Организація крестьянскаго банка.

Когда „Положеніе" о крестьянскомъ банкѣ появилось въ печати, я сначала отнесся къ нему только съ интересомъ участливаго къ крестьянскому дѣлу читателя и, притомъ, довольно скептически. Новая мѣра помощи крестьянству показалась очень палліативною. Много ли можно сдѣлать на 5 милліоновъ рублей

въ годъ, когда итогъ операціи по выкупу надѣловъ доходилъ уже до нѣсколькихъ сотъ милліоновъ? Да и земельныя цѣны стали гораздо выше старыхъ выкупныхъ оцѣнокъ, почему за эти 5 милліоновъ можно накупить значительно меньше земли, чѣмъ на ту же сумму выкупалось прежде при помощи „Главнаго Выкупного Учрежденія“. Поэтому не окажутся ли предполагаемыя земельныя покупки прибавкою только небольшой капли къ общей массѣ крестьянскаго надѣльнаго владѣнія и въ состояніи ли подобная капля сколько-нибудь чувствительно поправить положеніе даже въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ? При такихъ разсчетахъ, смущали еще современныя правительственныя вѣянія, возбуждавшія вопросъ: какъ еще поведется дѣло, въ ту ли сторону его направятъ, въ какую нужно? Подъ дѣйствіемъ такихъ сомнѣній, у меня въ первое время не возникало относительно банка никакихъ личныхъ намѣреній.

Но чѣмъ больше я вдумывался въ дѣло, тѣмъ больше увеличивался интересъ къ нему и у меня появлялось расположеніе стать къ нему поближе. Пусть банкъ—думалъ я—поможетъ даже только ограниченной группѣ крестьянъ, пусть эта помощь получитъ даже случайный характеръ, завися отъ появленія тамъ или здѣсь продажныхъ земель, но вѣдь и къ этому можно не безъ пользы приложить свою руку. Въ другихъ мѣстахъ и того не сдѣлаешь, что возможно здѣсь. Притомъ, занимавшее меня крестьянское дѣло такъ долго пренебрегалось, что нельзя было не дорожить открывшеюся возможностью внести въ него хотя какое-нибудь улучшеніе. И неужели мнѣ, почти всю жизнь интересовавшемуся судьбами крестьянства, надо оставаться въ сторонѣ отъ этой возможности, продолжая заниматься менѣе симпатичнымъ служебнымъ дѣломъ?

Въ результатѣ такого раздумья стала у меня складываться мысль, не попытаться ли мнѣ самому войти въ составъ центральнаго управленія банка. Конечно, предвидѣлись существенныя затрудненія. Прежде всего, среди вліятельныхъ чиновъ министерства финансовъ у меня почти не было тогда никакихъ знакомствъ, а самого Н. Х. Бунге я даже никогда лично не встрѣчалъ. Съ другой стороны, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что на вновь открывшіяся должности выступило уже много искателей, почему приходилось думать, что избранные кандидаты давно намѣчены и ждутъ только приказовъ о своемъ назначеніи. Однако, появлявшіеся приказы этого не подтверждали. Состоялось назначеніе только управляющаго банкомъ, да и оно нѣсколько удивило своею особенностью: на это „генеральское“

мѣсто назначенъ былъ Е. Картавцовъ, человѣкъ совсѣмъ молодой и по чину—только коллежскій ассесоръ, значитъ—въ изъятіе изъ общаго закона и вопреки существующимъ іерархическимъ обычаямъ. Это показывало, что Н. Х. Бунге выбираетъ людей по-своему, и объяснялось тѣмъ, что онъ хорошо зналъ Картавцова и довѣрялъ ему. Вакансіи же членовъ совѣта банка долго оставались незамѣщенными. Это послѣднее обстоятельство побудило меня наконецъ къ дѣйствію на удачу. Проживая въ то время на дачѣ въ Царскомъ-Селѣ, я въ половинѣ іюля послалъ оттуда Бунге по почтѣ частное письмо, въ которомъ, сказавъ о своей восьмилѣтней дѣятельности по крестьянскому дѣлу въ юго-западномъ краѣ, выразилъ готовность занять въ крестьянскомъ банкѣ должность члена совѣта, а въ видѣ добавочной рекомендаціи сослался на рядъ журнальныхъ и газетныхъ статей своихъ по крестьянскому дѣлу и др. экономическимъ вопросамъ. Разумѣется, я больше всего могъ ожидать, что письмо это потонетъ въ массѣ другихъ обращеній со стороны извѣстныхъ и неизвѣстныхъ министру людей, почему очень немного разсчитывалъ на успѣхъ письма, но вышло не такъ.

Дня черезъ три послѣ отсылки письма, заѣхавъ съ дачи на свою городскую квартиру, я нашелъ тамъ записку отъ секретаря министра финансовъ, извѣщавшую, что министръ приглашаетъ меня въ такой-то день и часъ въ министерство для личныхъ объясненій. Назначенное для пріема время приходилось всего черезъ часъ или полтора послѣ моего пріѣзда, и потому я, наскоро переодѣвшись, поспѣшилъ отправиться согласно приглашенію. Въ министерской пріемной обратился я къ секретарю министра, который сейчасъ пошелъ доложить обо мнѣ въ кабинетъ и, вернувшись, попросилъ немного подождать, такъ какъ у министра происходилъ чей-то докладъ. Пришлось нѣкоторое время посвятить разсматриванію развѣшанныхъ по стѣнамъ пріемной портретовъ всѣхъ прежнихъ министровъ финансовъ, отъ гр. Васильева до Грейга. Наконецъ, докладчикъ вышелъ изъ кабинета, и вслѣдъ затѣмъ курьеръ пригласилъ туда меня.

Бунге встрѣтилъ меня очень привѣтливо, усадилъ противъ себя, и мы начали разговаривать. Предо мною былъ человѣкъ небольшого роста, на видъ лѣтъ около шестидесяти, сѣдой, нѣсколько сутуловатый и говорившій очень тихимъ голосомъ. Онъ началъ съ того, что радъ моему предложенію, такъ какъ, хотя мы никогда не встрѣчались, но онъ знаетъ меня по моимъ литературнымъ работамъ, помнитъ даже мое участіе въ „Кіевлянинѣ", а кромѣ того у насъ были общіе знакомые: покойный

кіевскій профессоръ и редакторъ „Кіевлянина“ Шульгинъ и тамошній же дѣятель по крестьянскому дѣлу Воронинъ (о немъ сообщалось въ моихъ воспоминаніяхъ о крестьянскомъ дѣлѣ юго-западнаго края, „Вѣстн. Европы“ 1900—1902 гг.). Бунге высказалъ, что на основаніи составившагося у него представленія онъ находитъ меня желательнымъ кандидатомъ и съ удовольствіемъ готовъ предоставить мнѣ должность члена совѣта, только и тутъ есть своего рода „но“. Дѣло въ томъ, что, въ силу сложившихся гдѣ-то требованій, для замѣщенія подобной должности нуженъ еще отзывъ административнаго вѣдомства объ отсутствіи къ тому препятствій съ точки зрѣнія политической. Положимъ, я уже давно состоялъ на государственной службѣ, но относительно дѣятельности въ учрежденіи, касающемся крестьянства, какъ оказывалось, существуютъ особые взгляды, по которымъ аттестація требуется не отъ наличнаго мѣста службы, а именно отъ вѣдомства, имѣющаго дѣло съ политикою, и избѣжать этого невозможно. Бунге почему-то предполагалъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ выскажется противъ меня, и вслѣдствіе того рѣшилъ обратиться не къ нему, а къ кіевскому генералъ-губернатору Дрентельну, имѣя въ виду, что послѣдній — тоже представитель высшей администраціи, а моя дѣятельность по крестьянскому дѣлу происходила въ районѣ его управленія. Такой обходъ, конечно, выражалъ извѣстную участливость ко мнѣ, хотя на дѣлѣ привелъ только къ напрасной затяжкѣ. Моя аудіенція закончилась такими словами Бунге:—Какъ видите, вамъ приходится нѣкоторое время обождать; вѣроятно, изъ Кіева скоро получится удовлетворительный отвѣтъ, я васъ объ этомъ извѣщу, и тогда все окончательно рѣшится.

Вышелъ я удовлетвореннымъ, но досадовалъ на встрѣчу совсѣмъ неожиданнаго осложненія. Немедленно написалъ я въ Кіевъ Воронину, прося поторопить генералъ-губернаторскій отвѣтъ, и сталъ ждать. Однако прошелъ мѣсяцъ и другой, а отъ Бунге— никакихъ вѣстей, да и Воронинъ не отвѣчаетъ. Въ концѣ сентября навѣдался я еще разъ къ Бунге и услышалъ отъ него, что Дрентельнъ все не присылаетъ отвѣта, а между тѣмъ оставлять дольше вакансію члена совѣта незамѣщенною невозможно. Тогда я совсѣмъ махнулъ рукою на это дѣло, сочтя свою попытку провалившеюся. Около того же времени, путемъ переписки, удалось мнѣ выяснить, что всему причиною была ординарнѣйшая канцелярская волокита. Запросъ Бунге полежалъ въ Кіевѣ у генералъ-губернатора, потомъ послѣдній обратился за свѣдѣніями къ подольскому губернатору (такъ какъ я прежде

служилъ въ подольской губерніи), а этотъ, по истеченіи тоже изряднаго времени, отвѣтилъ, что такъ какъ въ губерніи не отыскалось моихъ „современниковъ“, то онъ не можетъ сообщить обо мнѣ ничего опредѣленнаго. Тогда отзывъ въ такомъ же смыслѣ Дрентельнъ далъ и Бунге. Цѣлыхъ три мѣсяца понадобилось только для того, чтобы сказать „ни да, ни нѣтъ“. Письмо же мое къ Воронину пролежало напрасно въ Кіевѣ, потому что Воронинъ жилъ лѣто въ имѣніи и могъ отвѣтить мнѣ уже осенью.

Пришелъ уже конецъ ноября. Я начиналъ забывать о неудачѣ, какъ вдругъ, однажды вечеромъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ управляющій крестьянскимъ банкомъ и, по порученію Бунге, задаетъ вопросъ: не измѣнились ли мои желанія относительно поступленія въ крестьянскій банкъ? Когда я отвѣтилъ, что не измѣнились, онъ сказалъ:—Въ такомъ случаѣ все улажено; сегодня была сдѣлана справка въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ,—оно ничего не имѣетъ противъ вашего назначенія, и завтра будетъ полученъ объ этомъ отъ него формальный отвѣтъ. Теперь вамъ надо явиться къ Николаю Христіановичу, а затѣмъ приступайте къ ознакомленію съ наличнымъ положеніемъ дѣлъ, потому что процедура назначенія возьметъ не больше нѣсколькихъ дней. Потребуется только сношеніе съ вашимъ министерствомъ путей сообщенія о неимѣніи съ его стороны препятствій къ переводу, а объ ускореніи его отвѣта вы, конечно, уже сами позаботитесь.

При новомъ моемъ представленіи, Н. X. Бунге разсказалъ мнѣ о состоявшейся перемѣнѣ такъ: — Когда изъ сношенія съ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ ничего не вышло, я рѣшился обратиться прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ и приберегъ для васъ послѣднюю вакансію, но не сообщалъ вамъ объ этомъ ничего на случай неудачи, чтобы васъ не тревожить напрасно. Теперь же поздравляю васъ съ успѣшнымъ окончаніемъ дѣла.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, я уже обратился изъ путейскаго чиновника опять въ работника по устройству крестьянъ, т.-е. вернулся въ свою стихію. Надо было знакомиться съ положеніемъ дѣла въ банкѣ и съ обстановкою его дѣятельности. Положеніе было еще вполнѣ подготовительное. Ссудная дѣятельность еще не открывалась и не могла открыться, потому что законопроекты о порядкѣ совершенія крѣпостныхъ актовъ на покупаемыя крестьянами земли и о продажѣ этихъ земель въ случаѣ платежной неисправности заемщиковъ хотя были подготовлены, но должны были еще ожидать разрѣшенія въ государственномъ совѣтѣ. Въ ожиданіи же этого, приходилось главнымъ образомъ составлять земельныя оцѣнки по губерніямъ,

раздѣляя послѣднія на мѣстности, и подготовлять „Правила дѣйствій“ банка, опредѣляющія частности пріемовъ этихъ дѣйствій, въ дополненіе къ „Положенію“, имѣвшему, какъ объяснено было выше, слишкомъ общій, поверхностный характеръ. Эти правила подлежали утвержденію по соглашенію министерствъ: финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. На первую очередь, дѣятельность банка предположено было открыть въ 11-ти губерніяхъ, избранныхъ въ различныхъ краяхъ Россіи: тверской, могилевской, уфимской, саратовской, кіевской, волынской, подольской, черниговской, полтавской, херсонской и екатеринославской, съ тѣмъ чтобы потомъ постепенно распространять ту же дѣятельность на группы другихъ губерній, одну за другою. По этому безотлагательнымъ дѣломъ являлась организація отдѣленій банка въ означенныхъ 11-ти губерніяхъ. Вообще, подготовительныхъ работъ требовалось такъ много, что заниматься ими приходилось ежедневно не только въ казенномъ зданіи, но и по домамъ, вечерами.

Внѣшняя обстановка крестьянскаго банка была самая скромная. Намъ отведено было въ зданіи министерства всего четыре или пять комнатъ небольшого размѣра: одна управляющему, другая, побольше, членамъ совѣта, а остальныя—канцеляріи, бухгалтеріи и кассѣ. Личный составъ тоже былъ очень невеликъ. Члены совѣта назначены были уже всѣ три, но дѣлопроизводителей пока было только два съ небольшою группою писцовъ, а затѣмъ — бухгалтеръ и кассиръ. Съ такими силами начинали мы большое дѣло. Но этотъ численный недостатокъ возмѣщался интенсивностью работоспособности, внутреннею иниціативою и искреннею заботливостью объ интересахъ самаго „дѣла“. Особенно благопріятное впечатлѣніе произвелъ на меня подобранный Н. Х. Бунге составъ совѣта, являвшагося правящею коллегіею банка. Кромѣ управляющаго Картавцова, засталъ я въ этомъ составѣ К. Н. Пасхалова и П. П. Храповицкаго. Картавцовъ хотя былъ еще молодъ и до того времени съ крестьянскимъ дѣломъ не соприкасался на практикѣ, но зналъ его теоретически и, при своей живости и административныхъ способностяхъ, очень сочувственно относился къ крестьянству. Пасхаловъ давно уже служилъ въ министерствѣ, знакомъ былъ съ кредитнымъ и промышленнымъ дѣломъ и, не подходя къ чиновничьему шаблону, имѣлъ самостоятельные взгляды на дѣло крестьянскаго банка. А Храповицкій, будучи новгородскимъ помѣщикомъ, еще въ эпоху крестьянской реформы былъ однимъ изъ мѣстныхъ ея дѣятелей въ своей губерніи, потомъ работалъ по земству, а въ послѣднее

время принималъ участіе въ трудахъ сенаторской ревизіи Ковалевскаго, дѣйствовавшей въ казанской и уфимской губерніяхъ.

Объединяющимъ всѣхъ элементомъ было живое стремленіе оказать крестьянству наибольшую помощь, направляя ее такъ, чтобы она возможно удачнѣе попадала въ настоящую цѣль и взвѣшивая для этого всѣ практическія условія крестьянской жизни и обстановки. Если не во всемъ мы были людьми одинаковыхъ взглядовъ, то всѣ одинаково желали сдѣлать изъ банка наиболѣе дѣйствительное орудіе существенной поправки крестьянскаго хозяйственнаго устройства для возможно большей массы населенія. Въ составѣ совѣта сразу установились не только хорошія взаимныя отношенія, но и вполнѣ дружная, солидарная работа, много отличавшаяся отъ обычной чиновничьей, такъ какъ формализмъ, вмѣсто господства, отведенъ былъ въ предѣлы крайней необходимости и постороннихъ служебныхъ мотивовъ въ нашей дѣятельности не чувствовалось. Всякій частный вопросъ и каждую третьестепенную подробность мы обсуждали сообща. Это, конечно, не значило, чтобы между нами не случалось разнорѣчій. Напротивъ, при общемъ горячемъ отношеніи къ интересамъ дѣла, у насъ не разъ возникали и велись по цѣлымъ часамъ яростные споры, причемъ особенно часто и горячо приходилось спорить мнѣ съ Храповицкимъ, а это отчасти происходило потому, что наша предыдущая дѣятельность и наблюденія по крестьянскому дѣлу имѣли мѣсто въ различныхъ областяхъ съ неодинаковыми хозяйственными условіями и этнографическими особенностями: его—на сѣверѣ, а мои—на югѣ Россіи. Но подобные споры не оставляли ни тѣни взаимнаго неудовольствія, такъ какъ каждый чувствовалъ, что цѣль у всѣхъ—одна, ни у кого не было побужденій упрямства непремѣнно поставить на своемъ, и все разномысліе происходило изъ-за того—какъ лучше, какъ удобнѣе подойти къ этой общей цѣли. Споры приводили къ тому или другому соглашенію, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше мы цѣнили другъ друга. Сколько я помню, ни прежде, ни послѣ не приходилось мнѣ дѣйствовать на службѣ въ такомъ дружномъ, ободряющемъ обществѣ, и когда потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, Храповицкій умеръ, а прочіе должны были оставить дѣятельность въ банкѣ и разойтись въ разныя стороны, у насъ сохранились къ бывшимъ товарищамъ или добрыя отношенія, или добрая память.

При такихъ условіяхъ и при сознаніи, что въ рукахъ у насъ серьезное, симпатичное дѣло, служба ощущалась не столько службою, сколько пріятнымъ и интереснымъ занятіемъ. Засиживаясь подолгу въ казенномъ зданіи, казалось, будто сидишь у себя

дома, въ кабинетѣ, занимаясь не обязательнымъ, а добровольно избраннымъ увлекательнымъ дѣломъ; по этому поводу разъ у меня вырвалось такое обращеніе къ одному изъ товарищей, на образецъ евангельскаго сказанія о Преображеніи:—Добро намъ здѣ быти, сотворимъ себѣ по сѣни и будемъ пребывать тутъ съ утра до ночи!—Посидимъ, бывало, сначала каждый порознь за кучею матеріаловъ и за внимательною работою, потомъ потолкуемъ и поспоримъ въ общемъ совѣщаніи, а расходясь, каждый беретъ себѣ бумаги еще на домъ, гдѣ тоже засиживается до глубокой ночи, съ интересомъ ожидая завтрашняго возобновленія труда. Почти всякую мало-мальски существенную работу управляющій и члены совѣта брали на себя, рѣдко предоставляя проектированіе дѣлопроизводителямъ, такъ что послѣднимъ приходилось заниматься лишь въ тѣсномъ смыслѣ канцелярскимъ трудомъ. Только впослѣдствіи, когда дѣла стало прибывать ужъ слишкомъ много, дѣлопроизводители умножались и хорошо вырабатывались, да притомъ главные пріемы дѣла установились—стала увеличиваться и роль этихъ дѣлопроизводителей.

Надобно сказать, что и Н. Х. Бунге, при всей участливости къ нашей работѣ, воздерживался отъ оказыванія на нее начальственнаго давленія. Стремясь къ той же цѣли наилучшей помощи крестьянству, онъ во все вникалъ, обо всемъ разспрашивалъ, но у него было такое соединеніе заботливости о дѣлѣ съ деликатностью и тактомъ, что въ его руководствѣ мы вовсе не чувствовали какого-либо стѣсненія. Довѣряя банковому управленію, онъ давалъ его мнѣніямъ достаточный просторъ, да и въ тѣхъ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда доходили до него наши разнорѣчія, онъ высказывался въ томъ смыслѣ, что этимъ разнорѣчіямъ слѣдовало бы разрѣшиться нашимъ же дальнѣйшимъ соглашеніемъ. Поэтому, въ лицѣ Бунге, приходилось чувствовать скорѣе попечительнаго и авторитетнаго наставника, чѣмъ высшаго начальника, имѣющаго власть рѣшать все повелительно.

Водворявшійся въ банкѣ духъ отражался и въ составѣ прочихъ служащихъ. Обыкновенно, когда возникаетъ въ министерствѣ новое учрежденіе, то для образованія его канцелярской силы переводятся туда разные чиновники изъ другихъ департаментовъ, причемъ начальства послѣднихъ стараются сбывать отъ себя людей поплоше; но у насъ на дѣлопроизводительскія должности брали людей по выбору, на основаніи личнаго знанія ихъ или по чьей-либо надежной рекомендаціи и даже преимущественно со стороны. Ихъ набирали не вдругъ, а постепенно, по мѣрѣ роста дѣла, по одному и по два, что значительно облег-

чало удачный подборъ. Большею частью принимались молодые люди съ образованіемъ, причемъ нѣкоторые въ банкѣ только начинали свою государственную службу. Отыскивать подходящихъ людей особенно удавалось Картавцову и Храповицкому, и дѣлопроизводители, за немногими исключеніями, представляли свѣжій элементъ, не успѣвшій проникнуться канцелярскими преданіями, а взамѣнъ того проявлявшій больше иниціативы. Такъ и въ этой средѣ стали преобладать люди съ искренними симпатіями къ крестьянскому дѣлу, дорожившіе успѣхомъ банковой дѣятельности и настолько способные, что изъ нихъ потомъ вырабатывались хорошіе предсѣдатели или члены мѣстныхъ отдѣленій банка. На такихъ, разумѣется, больше можно было полагаться. Физіономія центральнаго управленія вообще скоро начала обозначаться довольно опредѣленно.

Больше трудностей представляло замѣщеніе должностей предсѣдателей мѣстныхъ отдѣленій банка, тогда какъ требованія отъ нихъ были довольно велики. Такъ какъ члены отдѣленій назначались помимо центральнаго управленія, земствомъ или губернаторами, то предсѣдатель въ отдѣленіи являлся не только главною его силою, но и единственнымъ представителемъ центральнаго управленія, которому предстояли очень сложныя обязанности и довольно самостоятельное положеніе. Руководя дѣломъ въ губерніи, онъ долженъ былъ давать указанія крестьянамъ, объясняться съ продавцами земель, собирать и провѣрять много документовъ, входить въ критику сущности и выгодности совершаемыхъ сдѣлокъ, добывать возможно удовлетворительнѣйшія оцѣночныя данныя, разъѣзжая въ случаѣ надобности по губерніи для осмотра покупаемыхъ земель на мѣстѣ, чтобы вѣрнѣе судить объ ихъ цѣнности, выяснять также составъ самихъ покупщиковъ для опредѣленія степени ихъ нужды, и вообще своими условіями достигать возможности представлять дѣла совѣту въ такомъ ясномъ видѣ, при которомъ устранялись бы сомнѣнія— слѣдуетъ ли разрѣшать ссуды и въ какомъ именно размѣрѣ. И послѣ совершенія купчей крѣпости отдѣленію необходимо было еще провѣрять, вполнѣ ли она согласна съ условіями предварительной сдѣлки и разрѣшенія ссуды, не вкинуто ли что-нибудь новое, правильно ли оформленъ порядокъ взноса доплатъ, производить разсчеты и т. под. Кромѣ того, черезъ руки предсѣдателя неизбѣжно должны были проходить большія деньги, такъ какъ ссудныя суммы по цѣлой губерніи подлежали поступленію въ распоряженіе отдѣленія, которое затѣмъ должно было выдавать изъ нихъ что слѣдуетъ—продавцамъ, что слѣдуетъ—ихъ

кредиторамъ, для освобожденія купленныхъ земель отъ прежнихъ залоговъ и запрещеній и т. д. Вообще, предсѣдатель отдѣленія являлся до извѣстной степени хозяиномъ дѣла крестьянскаго банка въ губерніи и ему оказывалось большое довѣріе, а отсюда исходили требованія какъ на участливость къ крестьянскому положенію, такъ и на хорошее пониманіе задачъ банка, на личную дѣловитость и большую аккуратность. Трудность подысканія людей, удовлетворяющихъ совокупности подобныхъ требованій, особенно при ограниченности размѣра жалованья, еще не такъ сильно давала себя чувствовать въ первое время, когда надо было открыть всего одиннадцать отдѣленій; но впослѣдствіи, при распространеніи дѣятельности банка на новыя и новыя группы губерній, она болѣе и болѣе увеличивалась; доля пригодныхъ видимо сокращалась въ общей массѣ искателей, и оттого поневолѣ приходилось допускать менѣе строгую разборчивость въ выборѣ, а это усиливало необходимость надзора совѣта за дѣятельностью отдѣленій.

Однако и образованіе первыхъ одиннадцати отдѣленій, при новизнѣ дѣла, производилось не безъ особыхъ заботъ и сомнѣній. Въ предсѣдатели ихъ избирались лица или извѣстныя банковому управленію, или по указаніямъ самого Бунге, или на основаніи вѣскихъ внѣшнихъ аттестацій. При всемъ томъ, сначала предпочтено было образовать пять отдѣленій, т.-е. почти половину, (Кіевъ, Подолія, Волынь, Херсонъ и Саратовъ), при мѣстныхъ учрежденіяхъ государственнаго банка, и только шесть—самостоятельно (въ Твери, Уфѣ, Могилевѣ, Полтавѣ, Черниговѣ и Екатеринославѣ). Конечно, присоединеніе въ пяти губерніяхъ отдѣленій крестьянскаго банка къ отдѣленіямъ государственнаго представляло большія неудобства, такъ какъ оно взваливало предсѣдательскія обязанности на наличнаго представителя государственнаго банка, уже имѣющаго свое прямое дѣло и потому видящаго въ своихъ добавочныхъ обязанностяхъ предметъ побочнаго, второстепеннаго интереса; такому предсѣдателю трудно было отрываться изъ губернскаго города на мѣста сдѣлокъ и относиться къ крестьянскому дѣлу не съ формальной только точки зрѣнія; да притомъ и характеръ дѣятельности обоихъ банковъ настолько различенъ, что требуетъ разнаго рода людей. Однако, соединеніе это предполагалось только на первое время, чтобы сразу меньше искать новыхъ людей, т.-е. являлось отчасти слѣдствіемъ большей строгости перваго выбора. Впослѣдствіи же, согласно первоначальной мысли и по указаніямъ опыта, самостоятельныя отдѣленія вытѣсняли соединенныя. Что же касается

степени удачности назначенія предсѣдателей самостоятельныхъ отдѣленій, то она въ свою очередь не вездѣ была одинакова. Хотя участливость къ крестьянскимъ интересамъ была у нихъ общею чертою, но не всѣ одинаково умѣло справлялись со сложностью дѣла или обнаруживали достаточную находчивость среди встрѣчавшихся практическихъ обстоятельствъ. Въ лучшемъ смыслѣ выдѣлялись между ними двое: полтавскій предсѣдатель Квитка, отличавшійся необыкновенною энергіею при большой умѣлости, и могилевскій предсѣдатель Эйлеръ, старый членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, хорошо знавшій свою губернію и относившійся къ дѣлу, особенно къ оцѣночной части, съ большою и благоразумною осторожностью. Это были, такъ сказать, орлы нашего дѣла на мѣстахъ. Не могу не помянуть добромъ и екатеринославскаго предсѣдателя Метлицкаго, работавшаго прежде по устройству государственныхъ крестьянъ, который съ особенною искренностью заботился о крестьянахъ, только по старости нерѣдко впадалъ въ недоглядки и недоумѣнія, вызывая необходимость частыхъ указаній сверху и поправокъ; впрочемъ, послѣднее отчасти происходило и оттого, что дѣло въ его губерніи сразу стало разростаться выше ожиданій. Однако все это было уже впослѣдствіи, а въ описываемую пору дѣло не шло дальше подбора людей и ихъ подготовки.

Вотъ въ какомъ видѣ представлялось дѣло въ первое время послѣ моего поступленія въ банкъ. Все находилось въ ожиданіи, все готовилось къ будущему, вся работа сосредоточивалась въ министерскомъ зданіи на Мойкѣ, между тѣмъ какъ въ провинціи не только ничего еще не начиналось, но тамъ не видѣли пока ни одного представителя крестьянскаго банка, такъ какъ избранные на предсѣдательскія должности кандидаты занимались въ Петербургѣ, въ томъ же зданіи, изучая дѣло, знакомясь съ руководящими соображеніями или исполняя тѣ или другія отдѣльныя работы. Провинція доставляла только массу затребованныхъ мѣстныхъ свѣдѣній, которыя присылались и земскими управами, и губернаторами, и казенными палатами, и учрежденіями государственнаго банка, и т. д., и т. д.

А пока центральное управленіе озабочивалось предотвращеніемъ возможныхъ промаховъ организаціи,—въ публикѣ, столичной и провинціальной, возникало немало очень своеобразныхъ понятій о будущности и самомъ назначеніи крестьянскаго банка, что̀ и выражалось въ разговорахъ. Иные говорили: „Да, раздавать деньги на покупку мужикамъ земли будетъ легко, а что̀ выйдетъ потомъ? Платить они не захотятъ и взять отъ нихъ

землю назадъ вамъ не удастся; мужику надо разъ только завладѣть землею—ужъ у него не вырвете!“ Отъ другихъ слышалось: „Раздавайте, раздавайте ссуды пошире, это будетъ намъ кстати; мы постараемся всякую земельную дрянь сбывать за хорошую цѣну“. Нѣкоторые съ видимою убѣжденностью высказывали, что крестьянскій банкъ учреждается для оказанія помощи не крестьянству, а дворянству, именно—чтобы дворяне могли находить бо̀льшее число покупателей и продавать свои земли дороже прежняго. Даже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ открытія дѣятельности банка, мнѣ иногда, при объясненіяхъ съ продавцами относительно высокости требуемыхъ ими цѣнъ, случалось слышать: „Да вѣдь банкъ—это милость дворянству, какъ же вы можете ограничивать эту милость!“ И то же мѣстами выслушивали предсѣдатели отдѣленій банка. Пусть высказывались такъ простоватые продавцы, однако и между менѣе откровенными, болѣе понятливыми и умѣвшими говорить иначе, встрѣчалось много надѣявшихся фактически поставить дѣло именно такъ, какъ говорили ихъ экспансивные сотоварищи.—Нетрудно было предвидѣть, съ чѣмъ придется считаться на практикѣ.

IV.

Подготовка и открытіе ссудъ.

Подготовительныя работы шли въ банкѣ всю зиму и бо̀льшую часть весны 1883 года. Нелишнимъ будетъ остановиться нѣсколько подробнѣе на томъ, чѣмъ занимались мы сами.

Особенно занимали насъ работы оцѣночныя и составленіе инструкціи (правилъ) о порядкѣ дѣйствій банка и его отдѣленій по разрѣшенію и выдачѣ ссудъ, по документальной части, наблюденію за платежами и т. п. Изъ одиннадцати губерній первой очереди, по девяти оцѣнку земель приняли на себя лично члены совѣта, и только по двумъ эта оцѣнка предоставлена была дѣлопроизводителю подъ нашимъ же наблюденіемъ. А работа эта, при тогдашней новизнѣ дѣла, отличалась немалою сложностью и трудностью.

Составлять нормальныя оцѣнки, доискиваясь возможно бо̀льшаго приближенія къ дѣйствительнымъ цѣнамъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, помимо формальныхъ требованій, надо было особенно потому, что намъ вначалѣ неясно было, въ состояніи ли окажутся мѣстныя отдѣленія получать удовлетворительныя свѣдѣ-

нія о цѣнности земель въ каждомъ углу губерній уже въ самое время совершенія покупокъ, или—смогутъ ли они даже часто осматривать на мѣстѣ покупаемыя крестьянами имѣнія. При затрудненіяхъ же въ этомъ отношеніи, опорою для соображеній о возможномъ размѣрѣ ссудъ могли быть только заранѣе подготовленныя оцѣнки по мѣстностямъ. Полагаться на оцѣнки самихъ продавцовъ и крестьянъ, по ихъ сдѣлкамъ, было явно опасно, въ виду требовательности землевладѣльцевъ и общеизвѣстной готовности крестьянъ соглашаться на самыя высокія продажныя цѣны, лишь бы только пріобрѣсти землю. Крестьянская уступчивость при покупкахъ за банковыя суммы была еще вѣроятнѣе, чѣмъ при покупкахъ за собственныя деньги. Если въ особыхъ случаяхъ,—напримѣръ, пріобрѣтенія земель исключительной цѣнности,—можно было разсчитывать на установленныя закономъ спеціальныя оцѣнки, производимыя земскими управами, то во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, за отсутствіемъ подобной опоры, обойтись безъ нормальныхъ подесятинныхъ оцѣнокъ представлялось невозможнымъ.

Но составленіе ихъ требовало особой предусмотрительности. Тутъ, съ одной стороны, выступали опасенія, какъ бы не преувеличить размѣра ссудъ до превышенія ими дѣйствительной стоимости земель, а съ другой—какъ бы не ограничить ихъ до вызова необходимости для крестьянъ дѣлать обременительныя доплаты къ ссудамъ изъ своихъ собственныхъ или занятыхъ на сторонѣ денегъ, что ослабляло бы фактическую помощь банка. Дѣленіе губернскихъ территорій на оцѣночныя мѣстности требовалось возможно точное, какъ для устраненія недоразумѣній, такъ и потому, что губерніи наши, за немногими исключеніями, отличаются крайнимъ разнообразіемъ достоинства земли, причемъ часто не только въ одной и той же губерніи, но даже въ одномъ уѣздѣ встрѣчаются площади и очень дорогой, и очень мало стоящей земли. Въ этомъ отношеніи, между губерніями первой очереди особенно выдавались—кіевская, черниговская, волынская и тверская. Однако, преобладающею заботою въ первое время было у насъ соблюденіе усиленной осторожности, чтобы не распустить цѣнъ, высота которыхъ способна парализовать всю выгодность покупочныхъ сдѣлокъ.

Говоря о стремленіи къ объясненнымъ цѣлямъ, нельзя не вспомнить о томъ хаотическомъ состояніи земельно-оцѣночнаго дѣла, съ какимъ приходилось тогда считаться. Если это дѣло и теперь еще очень далеко отъ удовлетворительности и постоянно запутывается, то въ описываемую пору оно, можно сказать, едва

начинало выходить изъ полной темноты. Оцѣнки „Положеній" 19-го февраля, будучи не очень удачными и вначалѣ, слишкомъ ужъ устарѣли, а въ протекшія со времени крестьянской реформы два десятилѣтія на улучшеніе этого дѣла не предъявлялось даже достаточно серьезнаго спроса. Для раскладки земскихъ сборовъ цѣны земель грубо преуменьшались и, въ лучшемъ случаѣ, годились только для опредѣленія относительной стоимости земель внутри губерній, а не абсолютной. Правда, новыя и подробныя земскія изслѣдованія уже производились въ разныхъ губерніяхъ, но эта работа была еще въ ходу и хотя давала большой матеріалъ, но, помнится, нигдѣ еще не завершилась установленіемъ окончательныхъ цѣнъ для мѣстностей. Государственный же поземельный налогъ былъ такъ невеликъ, что къ правильности распредѣленія его тоже относились довольно беззаботно. Былъ, конечно, интересъ къ оцѣнкамъ у частныхъ земельныхъ банковъ,— однако, при той ограниченности ссудъ, о которой сказано было выше, и при взаимной конкурренціи банковъ—не очень большой. Между тѣмъ, извѣстно было, что на практикѣ во весь періодъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ какъ арендныя, такъ и продажныя земельныя цѣны быстро возвышались, причемъ особенный толчокъ этому дало удешевленіе денегъ, произведенное неумѣренными выпусками кредитныхъ билетовъ изъ-за турецкой войны 1877 года. Кромѣ общаго повышенія, шло еще неравномѣрное измѣненіе мѣстныхъ цѣнъ подъ вліяніемъ такихъ причинъ, какъ, напримѣръ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ. Такъ всѣ существовавшія формальныя оцѣнки потеряли почти всякую связь съ дѣйствительными цѣнами, и руководствоваться ими въ сколько-нибудь серьезномъ дѣлѣ стало рѣшительно невозможно.

При такомъ положеніи, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ вдругъ выросъ крупный спросъ на правильный оцѣночный матеріалъ. Для поправки финансовъ, рѣшено было преобразовать нѣсколько важныхъ налоговъ. Крѣпостныя пошлины съ купли-продажи имѣній, вычислявшіяся прежде въ процентномъ отношеніи съ фиктивныхъ, преуменьшенныхъ суммъ, произвольно выставляемыхъ участниками сдѣлокъ, потребовалось вычислять уже съ настоящей стоимости имѣній, а для этого нужны стали законныя подесятинныя оцѣнки, согласованныя съ дѣйствительными современными цѣнами. Въ связи съ этимъ находилось и опредѣленіе размѣра гербовыхъ сборовъ, тоже поставленныхъ въ зависимость отъ стоимости сдѣлокъ. Вводился налогъ съ наслѣдствъ, требовавшій въ свою очередь соразмѣренія съ дѣйствительною, а не мнимою цѣнностью наслѣдственныхъ имѣній. Той же болѣе

вѣрной оцѣнки земель требовалъ и начавшійся ходъ податной реформы, такъ какъ при отмѣнѣ подушной подати часть доставлявшейся ею суммы подлежала обращенію въ общій поземельный налогъ. Наконецъ, подобныя же оцѣнки понадобились и для крестьянскаго банка. Словомъ, выросшая разомъ острая нужда въ вѣрныхъ земельно-оцѣночныхъ данныхъ потребовала пробивки новаго пути среди господствовавшаго хаоса, чтобы важные интересы не рѣшались попрежнему зря.

Въ министерствѣ финансовъ стали собираться всѣ имѣвшіеся пригодные къ оцѣнкѣ матеріалы и затребованы были новые отъ разныхъ мѣстныхъ учрежденій. Скоро набралась ихъ большая масса, и, на этомъ основаніи, оцѣнки стали вырабатываться параллельно въ двухъ мѣстахъ: въ департаментѣ окладныхъ сборовъ, подъ руководствомъ директора А. А. Рихтера, и у насъ въ крестьянскомъ банкѣ. Трудясь надъ этою задачею, мы имѣли подъ рукою: подробныя карты губерній и отдѣльныхъ мѣстностей; почвенную карту; свѣдѣнія о густотѣ населенности; періодическіе выпуски сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній вѣдомства государственныхъ имуществъ, гдѣ приводились, между прочимъ, примѣры арендныхъ цѣнъ по мѣстностямъ; сводъ свѣдѣній о ссудахъ, выданныхъ подъ залогъ имѣній „Обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита"; отзывы о существующихъ цѣнахъ, полученные отъ земскихъ управъ, губернаторовъ, казенныхъ палатъ и отдѣленій государственнаго банка; добывавшіяся нами частнымъ образомъ, по личному знакомству, свѣдѣнія изъ разныхъ губерній и наконецъ случайные источники. По всему этому матеріалу надо было различать территоріи разной цѣнности земель и, сообразно тому, дѣлить губерніи на мѣстности, образовывая ихъ нерѣдко по нѣскольку въ одномъ уѣздѣ, обозначая границы рѣчками, дорогами и т. п., и назначать для каждой мѣстности опредѣленную подесятинную цѣну. А такъ какъ оцѣнки подлежали утвержденію по соглашенію трехъ министерствъ, то приходилось и составлять по каждой губерніи объяснительную записку. Неудивительно поэтому, что оцѣнка одной губерніи требовала около трехъ недѣль внимательнаго труда.

По внѣшнему объему нашего оцѣночнаго матеріала могло казаться, что тутъ—„embarras de richesse" искомыхъ свѣдѣній; однако, при разборѣ его по качеству, нерѣдко оказывалось совсѣмъ другого рода „embarras", соединенное съ недостаткомъ самаго необходимаго. Это особенно чувствовалось въ мѣстныхъ отзывахъ, часто отличавшихся характеромъ обычной у насъ „отписки". Показанія о цѣнахъ бывали сбивчивы и взаимно

противорѣчивы, и дѣленія на мѣстности предлагались несходныя. Губернаторскія сообщенія состояли преимущественно изъ поверхностныхъ замѣчаній, показывавшихъ, что они основаны на какихъ-либо случайныхъ отзывахъ, а казенныя палаты и отдѣленія государственнаго банка давали хотя и болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, но тоже часто не согласовавшіяся между собою и, видимо, не столько заимствованныя изъ фактовъ продажи и аренды, сколько полученныя по наслышкѣ. Много ли можно было, напримѣръ, попользоваться общими отзывами о цѣнахъ въ уѣздѣ, когда послѣдній состоялъ изъ площадей самаго разнообразнаго достоинства? Все это показывало, что выясненіемъ достоинства земель въ то время на мѣстахъ еще мало интересовались и собираніе фактовъ экономической жизни было дѣломъ случайнымъ. Далеки были отъ желательной полноты и ясности даже земскія сообщенія, въ которыхъ притомъ нерѣдко сквозила преобладающая тенденція преувеличивать земельныя цѣны.

Впрочемъ, черты эти замѣчались долго еще и впослѣдствіи, когда, съ распространеніемъ дѣятельности банка на новыя группы губерній, приходилось разбирать и новый оцѣночный матеріалъ. Помимо недостатка вниманія и вѣрныхъ свѣдѣній, у мѣстныхъ людей иногда особыя сомнѣнія возбуждались тѣмъ, что свѣдѣнія эти требовались для различныхъ надобностей и потому способны были неодинаково отражаться на земледѣльческихъ интересахъ. Перспективы выступали такія: если земельныя цѣны опредѣлятся высоко, то это способно привести къ повышенію земельнаго налога, увеличенію обложенія наслѣдствъ, подъему крѣпостныхъ пошлинъ, и все это падетъ на мѣстныхъ землевладѣльцевъ; но, съ другой стороны, если принижать земельную цѣнность — затруднится возможность сбывать крестьянамъ земли по высокой цѣнѣ съ помощью крестьянскаго банка, явится опасность ограниченія ссудъ помѣщикамъ изъ государственнаго банка подъ соло-векселя и еще чувствительнѣе можетъ оказаться уменьшеніе ссудъ при залогѣ имѣній дворянскому банку, который хотя учрежденъ былъ въ 1885 году, но ожидался уже значительно раньше. Борьба такихъ взаимно-противорѣчивыхъ опасеній, при одновременности затребованія данныхъ въ разныя учрежденія, не могла оставаться безъ вліянія на доставляемый оцѣночный матеріалъ, но склонность къ повышенію оцѣнокъ пересиливала чаще.

Случалось даже такъ, что изъ одного мѣста приходили несходныя оцѣнки одной и той же земли. Припоминаю характерный въ этомъ отношеніи разговоръ съ земцемъ одной изъ при-

волжскихъ губерній, готовившимся поступить въ число банковыхъ дѣятелей. — Не можете ли вы разъяснить мнѣ, — спрашивалъ я его, — какъ это по такой-то мѣстности вашей губерніи земская управа показала такія-то десятинныя цѣны, а между тѣмъ она же показала тамъ департаменту окладныхъ сборовъ другія, меньшія цѣны; которымъ показаніямъ слѣдуетъ вѣрить? — „Да что же тутъ удивительнаго? — отвѣтилъ мой собесѣдникъ; — вѣдь теперь оцѣнки доставляются для ссудъ, а тогда доставлялись для налога!“ — И сказано было это съ такимъ видомъ убѣдительности, что больше объ этомъ и распространяться было нечего. Да, если и теперь, послѣ долголѣтнихъ работъ, земельно-оцѣночное дѣло затормазилось у насъ больше многихъ другихъ вопросовъ, то тутъ не безъ вліянія остатка стараго столкновенія разнообразныхъ мотивовъ, т.-е. не безъ смѣшенія вольныхъ и невольныхъ грѣховъ.

Какъ бы то ни было, то разбираясь среди неясностей, то по необходимости разрубая Гордіевы узлы, съ оцѣнкою одиннадцати губерній мы успѣли покончить, и оставалось ждать, насколько она будетъ оправдываться практикою. А чтобы предотвратить возможныя съ этой стороны стѣсненія — проектировано было разрѣшеніе въ особыхъ случаяхъ допускать повышеніе ссудъ противъ нормальныхъ цѣнъ даже до 50-ти процентовъ.

Инструкція (правила) о порядкѣ дѣйствій банка представляла, какъ сказано выше, другое сложное дѣло. Если это былъ трудъ не особенно крупный по объему, то во всякомъ случаѣ требовавшій немалой обдуманности, такъ какъ тутъ предстояло предусмотрѣть всѣ существенные акты той длинной процедуры, какую должны были проходить сдѣлки отъ первоначальныхъ покупочныхъ условій до установленія полнаго владѣнія крестьянъ купленною землею. Проектъ покупочныхъ условій, выдача задатка, собраніе и провѣрка ряда необходимыхъ документовъ (о составѣ покупщиковъ, общественные приговоры и обязательства, планы съ удостовѣреніями и т. д.), собраніе оцѣночныхъ свѣдѣній, разрѣшеніе ссуды и выдача удостовѣреній о томъ, совершеніе купчей крѣпости, ассигнованіе ссудныхъ денегъ, уплата изъ нихъ кредиторамъ лежавшихъ на купленной землѣ долговъ, выдача остатка продавцу, сношенія о вводѣ во владѣніе, о наложеніи и снятіи запрещеній, посылка крестьянамъ окладного листа на платежи банку, наблюденіе за взносомъ послѣднихъ, оказаніе платежныхъ льготъ, счеты съ отдѣленіями государственнаго банка и казначействами и т. д. — все это составляло такую цѣпь дѣйствій, въ которой надо было прослѣдить каждое звено, чтобы въ общемъ ходѣ дѣла предупредить указаніями всякую запинку или

возможную ошибку. Для нѣкоторыхъ требуемыхъ документовъ пришлось составлять и образцы. Поэтому, хотя инструкція въ окончательномъ видѣ составила лишь съ небольшимъ полсотни статей, но ее приходилось вырабатывать и обсуждать въ совѣтскихъ засѣданіяхъ довольно долго, не разъ передѣлывая отдѣльныя части и составляя объяснительныя мотивировки къ статьямъ для облегченія разсмотрѣнія инструкціи тремя министерствами. А кромѣ этой инструкціи нужны были еще правила, касающіяся собственно порядка передвиженія суммъ между банками и казначействами, и потому подлежавшія утвержденію одного министра финансовъ. И всѣ инструктивныя указанія могли охватывать лишь ограниченный кругъ вопросовъ, доступныхъ предвидѣнію заранѣе, тогда какъ практика уже подготовляла цѣлый рядъ новыхъ, которые приходилось впослѣдствіи разрѣшать путемъ между-министерскихъ сношеній или отдѣльныхъ циркуляровъ. Впрочемъ, вдаваться глубже въ техническую сторону дѣла здѣсь нѣтъ надобности.

Процессъ разсмотрѣнія упомянутой выше инструкціи могъ грозить дѣлу большою затяжкою, потому что до утвержденія ея банкъ не могъ начать ссудной дѣятельности, а утвержденіе это зависѣло отъ согласія чужихъ министерствъ. Такъ какъ возраженій или хоть маловажныхъ замѣчаній можно было ждать по различнымъ пунктамъ, то еслибы дѣло поведено было путемъ канцелярской переписки—перспектива могла представиться такая: два министерства заспорятъ по какому-нибудь пункту и приходятъ къ соглашенію только послѣ взаимнаго обмѣна бумагами, а тогда окажется, что на условленную перемѣну не согласно третье министерство, предлагающее свою комбинацію, которая тоже вызываетъ возраженія со стороны одного изъ первыхъ двухъ, и опять бумаги и бумаги, да потеря времени, и т. д. Въ лучшемъ случаѣ тутъ получился бы изрядный тормазъ, но при значительности числа спорныхъ пунктовъ или при намѣренной оппозиціи—даже нѣчто худшее. Къ счастью, дѣло поведено было иначе. Для обсужденія инструкціи образована была коммиссія изъ представителей министерствъ: финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Она успѣла въ нѣсколькихъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ, засѣданіяхъ покончить съ разномысліями и прошла всю инструкцію, оставивъ ее безъ существенныхъ перемѣнъ. Первый опытъ между-министерскихъ соглашеній прошелъ такимъ образомъ удачно, и оппозиціи не проявилось даже со стороны вѣдомства внутреннихъ дѣлъ, хотя ея опасались. Затѣмъ уже и министры не затруднились изъявить

согласіе на все то, что̀ было принято ихъ представителями. 7 апрѣля состоялось окончательное утвержденіе какъ инструкціи, такъ и нормальныхъ земельныхъ оцѣнокъ.

Между тѣмъ, потеря времени чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе. Дѣло подходило уже къ Пасхѣ. Отъ утвержденія возбудившаго много надеждъ „Положенія о крестьянскомъ банкѣ“ прошло безъ малаго одиннадцать мѣсяцевъ, но не было еще выдано ни одного ссуднаго рубля и нигдѣ не наладилась еще окончательно ни одна сдѣлка о крестьянской покупкѣ земли. Со многихъ сторонъ появлялись признаки нетерпѣнія. Въ банкѣ получались изъ разныхъ губерній просьбы объ оказаніи помощи задуманнымъ покупкамъ, хотя не удовлетворявшія документальнымъ требованіямъ, но, во всякомъ случаѣ, показывавшія, что вѣсти о банкѣ проникли уже въ деревенскіе углы и не остаются тамъ безъ послѣдствій. Появлялись и крестьяне-ходаки, разузнававшіе, на что̀ имъ можно надѣяться. Навѣдывались временами также ходатаи по дѣламъ, и нѣкоторые изъ нихъ сообщали столь точныя и полныя свѣдѣнія объ ожидаемыхъ покупкахъ, что ихъ кліенты представлялись несомнѣнно будущими кліентами банка, какъ это впослѣдствіи и подтверждалось. Все показывало, что въ провинціи успѣло уже назрѣть немало земельныхъ сдѣлокъ; иныя давно даже почти осуществились, такъ какъ крестьяне стали фактически пользоваться землею, обязавшись выплатить условленную цѣну ея въ разсрочку, и, только встрѣтивъ къ тому практическія затрудненія, обратили свои надежды къ банку; въ другихъ же случаяхъ крестьяне съ помѣщиками успѣли сторговаться и ждали открытія дѣйствій банка, чтобы покончить все формально.

Въ то же время съ напоминаніями о скорѣйшемъ начатіи дѣла выступала печать, которая, не будучи въ курсѣ дѣловыхъ затрудненій къ такому начатію, не находила объясненій видимому замедленію. Печать подавала и свои совѣты, причемъ особенно настаивала на устраненіи крестьянскихъ доплатъ къ ссудамъ, которое, однако, при всей желательности своей, оказывалось далеко не всегда осуществимымъ и по формальнымъ причинамъ, и по самому существу дѣла. Напримѣръ, такъ какъ законъ ставилъ размѣръ ссуды въ зависимость отъ личнаго состава крестьянъ-покупщиковъ (125 р. на душу и 500 р. на дворъ), то вездѣ, гдѣ крестьяне покупали земли на бо̀льшую сумму, чѣмъ на какую имѣли право по своему составу, для нихъ было неизбѣжно платить разницу изъ собственныхъ средствъ; при нахожденіи въ составѣ покупки значительной цѣнности лѣса—подъ

эту цѣнность нельзя было выдавать долгосрочной ссуды, въ виду доступности лѣса произвольной вырубкѣ даже безъ вѣдома банка,—значитъ, и тутъ недоданное банкомъ неизбѣжно обращалось въ крестьянскую доплату; а кромѣ того, слишкомъ опасно было бы выдавать полную, опредѣленную договоромъ продавцовъ съ покупщиками сумму, если она, по мнѣнію банка, превышала дѣйствительную цѣну земли.

Возможность начатія ссудной дѣятельности открылась для банка только съ утвержденіемъ объясненной выше инструкціи и нормальныхъ цѣнъ. Въ это время, хотя не вся еще подготовительная работа была окончена, но сошли уже тѣ части ея, которыя требовали наибольшаго напряженія труда и которыя безусловно нужны были для первоначальнаго движенія дѣлъ о покупкахъ. Изъ новыхъ законовъ одинъ (о принудительной продажѣ земель за недоимки) не получилъ еще окончательнаго утвержденія, но былъ уже извѣстенъ текстъ его, принятый департаментами государственнаго совѣта. Самый же существенный недостатокъ представлялся въ томъ, что у банка не было еще ни одного рубля денегъ на фактическую выдачу ссудъ. Съ самаго начала своего существованія, т.-е. уже около года, крестьянскій банкъ жилъ въ долгъ, на суммы, позаимствованныя изъ государственнаго банка, которыя предстояло впослѣдствіи возвратить. Всѣ рессурсы крестьянскаго банка по закону состояли въ выпускѣ процентныхъ бумагъ, называвшихся „государственными свидѣтельствами“ этого банка, но такихъ свидѣтельствъ хотя изготовлено было на пять милліоновъ рублей, а въ обращеніе не выпущено еще ни одного. Ни публичной подписки на эти бумаги не объявлялось, ни продажи ихъ по частямъ не производилось,—слѣдовательно, и выручки за эти бумаги поступать не могло. Да значительный выпускъ ихъ былъ и неудобенъ прежде выдачи ссудъ, потому что по бумагамъ, пущеннымъ въ публику, надо платить проценты, тогда какъ при отстутствіи еще заемщиковъ — некому было дѣлать денежные взносы на уплату этихъ процентовъ. Размѣръ выпуска „свидѣтельствъ“ считалось нужнымъ держать въ строгомъ соотвѣтствіи съ текущими итогами выданныхъ ссудъ. — Однако, какъ ни серьезны казались эти обстоятельства съ виду, фактическое значеніе представляемыхъ ими препятствій сильно умалялось тѣмъ, что они могли затруднять не начальные, а лишь послѣдніе акты процедуры земельныхъ сдѣлокъ. Фактическая выдача ссудныхъ суммъ требовалась уже послѣ совершенія купчихъ крѣпостей, которому въ каждомъ дѣлѣ предшествовалъ, по крайней мѣрѣ, мѣсячный

процессъ предварительныхъ дѣйствій (разсмотрѣніе условій, оцѣнка, разрѣшеніе ссуды и т. под.). Стало быть, начать пріемъ и движеніе сдѣлокъ можно было немедленно, съ тѣмъ, чтобы потомъ выработать порядокъ выдачи ссудныхъ денегъ къ моменту первыхъ купчихъ крѣпостей. А съ опозданіемъ закона о продажѣ земель за недоимки и вовсе не было надобности считаться, такъ какъ примѣненіе этого закона могло потребоваться не раньше, какъ черезъ годъ, когда недоимки по будущимъ ссудамъ успѣютъ уже образоваться и выйти изъ предѣловъ терпимости. На мѣстахъ же, къ пріему и движенію сдѣлокъ затрудненій не видѣлось: предсѣдатели банковыхъ отдѣленій, работавшіе при совѣтѣ, были отпущены въ свои губерніи, для устройства отдѣленіямъ помѣщеній, для образованія состава служащихъ и т. под., и томились въ ожиданіи появленія кліентовъ со сдѣлками.

Въ виду такого положенія состоялось наконецъ рѣшеніе— объявить открытіе ссудной дѣятельности банка съ 10-го апрѣля 1883 года, т.-е. черезъ три дня послѣ утвержденія инструкціи. Мѣстнымъ отдѣленіямъ поручено было принимать съ этого дня отъ крестьянъ сдѣлки о покупкѣ земли и давать имъ дальнѣйшее движеніе. Порядокъ же самой выдачи ссудныхъ денегъ послѣ того установленъ былъ такой: по совершеніи купчихъ крѣпостей, эти деньги, по требованіямъ крестьянскаго банка, выдаются изъ учрежденій государственнаго банка, а послѣдній возвращаетъ ихъ себѣ путемъ продажи на соотвѣтствующія суммы хранящихся у него „государственныхъ свидѣтельствъ“ крестьянскаго банка.

Итакъ, все было налажено и наступилъ періодъ нѣкотораго затишья. Намъ оставалось ждать — какъ отвѣтитъ на нашу работу сама жизнь: пойдетъ ли новое въ Россіи дѣло широко, или не оправдаетъ ожиданій, двинутся ли земельныя покупки гладко, успѣшно, или станутъ еще тормазиться чѣмъ-нибудь непредусмотрѣннымъ?

Наконецъ, пришла въ совѣтъ и первая земельная сдѣлка. Помню, что это была покупка земли крестьянами дер. Столбовахи, полтавской губерніи, кременчугскаго уѣзда. Съ полученіемъ этого дѣла, мы всѣ вмѣстѣ и каждый порознь принялись разсматривать его съ особеннымъ интересомъ, какъ пріятную и давно желанную новинку, какъ первую весеннюю ласточку. Почувствовалось нѣчто въ родѣ торжества отъ сознанія, что вотъ дѣло, о которомъ десятки лѣтъ приходилось только гадать,—стало осязательнымъ, жизненнымъ фактомъ и нашъ трудъ по устройству банка началъ дѣйствительно служить народной массѣ. Среди

нашихъ довольныхъ лицъ, у одного только нашего товарища Пасхалова, помню, сорвалось, между прочимъ, вскользь, выраженіе досады: „Эхъ! пришло первое дѣло *тринадцатаго* числа, да еще *мая* мѣсяца и притомъ въ *пятницу*,—плохая примѣта для начала!“

За первымъ дѣломъ не замедлили другія, хотя не всѣ одинаково удачныя, и работа у насъ стала возрастать такъ чувствительно, что очень скоро понадобилось увеличеніе канцелярскихъ и счетныхъ силъ, которое потомъ шло уже изъ года въ годъ. Если члены совѣта еще нѣкоторое время усиливались входить во всѣ мелочи — до того, что сами лично составляли доклады совѣту по каждой отдѣльной покупкѣ, надѣясь при этомъ зорче подмѣчать тѣ или другія явленія,—то это въ томъ же году оказалось уже непосильнымъ, почему пришлось возложить часть прежнихъ членскихъ функцій па дѣлопроизводителей. Руководствованіе ссудными дѣлами захватывало наши силы болѣе и болѣе, такъ какъ сдѣлки почти вездѣ множились и каждый годъ къ району дѣятельности банка прибавлялось по нѣскольку новыхъ губерній. Кромѣ того, со второго года нашей дѣятельности введенъ былъ у насъ новый обычай: чтобы больше соображаться съ требованіями жизни, ежегодно, каждый изъ насъ отправлялся въ двѣ-три губерніи и тамъ навѣщалъ мѣста состоявшихся крестьянскихъ покупокъ, разузнавая: какъ устанавливается земельно-общественное дѣло, въ чемъ оно встрѣчаетъ затрудненія и что еще нужно для содѣйствія его успѣху? Въ результатѣ вырабатывались соотвѣтствующіе законопроекты и распоряженія.— Интереса въ новомъ дѣлѣ вообще отыскивалось столько, что можно было въ него погружаться.

Такъ началось въ Россіи дѣло, не имѣвшее примѣра въ прошломъ, мотивированное интересами народа, постепенно разросшееся въ огромную операцію, оказавшее чувствительное вліяніе на судьбы землевладѣнія и само подвергавшееся смѣнамъ различныхъ вліяній въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ. Въ основу этого дѣла положено было немало искренности, доброжелательныхъ усилій и добрыхъ надеждъ, и первые годы его жизни вообще обставлены были довольно благопріятно. Лично у меня осталось объ этомъ немало хорошихъ воспоминаній. Тогдашняя работа наша давала въ значительной мѣрѣ возможность отвлекаться отъ прочихъ современныхъ условій жизни. Хотя вокругъ уже господствовалъ тяжелый реакціонный духъ, но у насъ

можно было до извѣстной степени чувствовать себя какъ бы на особомъ островѣ, отдѣленномъ отъ другихъ сферъ. Хорошее и интересное дѣло, просторъ иниціативѣ, согласная и энергичная работа внутри нашего учрежденія, а надъ нами — авторитетъ Бунге, отъ котораго всегда ожидались живое участіе къ нашему дѣлу и привѣтливое слово,—все это создавало такую обстановку, среди которой трудъ казался пріятнымъ занятіемъ, и не разъ случалось задавать себѣ вопросъ — да точно ли это казенная служба? Если въ другихъ сферахъ и совершается антипатичное— думалось иногда въ первые годы,—то авось хоть намъ удастся провести въ жизнь нѣчто дѣйствительно полезное, способное помочь той или другой численности нуждающихся людей, къ чему стоитъ приложить свои руки!

Только и среди такихъ мыслей тревожили другого рода вопросы: а долго ли можетъ у насъ продержаться и такое островное положеніе? Не основывается ли оно только на случайной, преходящей комбинаціи обстоятельствъ? Вѣдь наше дѣло—такое, что если наладить его можно лишь при особой заботливости, то куда легче его разстроить, обезжизнить или даже такъ выворотить на иной манеръ, что доминирующее значеніе получитъ вовсе не помощь крестьянству. Для этого стоитъ только власти перейти въ иного рода руки, стоитъ только открыть просторъ другимъ мотивамъ. Если у насъ теперь чувствуется довольно хорошо, то не придется ли за это потомъ дорого расплатиться? И внутреннее чувство, выработавшееся подъ вліяніемъ видѣннаго въ прежніе годы, подсказывало: да, нынѣшнее положеніе нельзя прожить безнаказанно, и чѣмъ оно кажется лучше, тѣмъ чувствительнѣе должна быть будущая расплата; общая волна докатится до насъ.

Такъ говорило предчувствіе, а фактическій отвѣтъ былъ впереди.

Ѳ. Воропоновъ.

РУССКАЯ ОБЩИНА

НА

КАВКАЗСКО-ЧЕРНОМОРСКОМЪ ПОБЕРЕЖЬѢ

I.

Кавказско-черноморское побережье мы знаемъ по курортнымъ мѣстамъ и посадамъ Туапсе, Сочи, Гагры и проч., но не знаемъ трудовыхъ центровъ побережья, не знаемъ, какъ живетъ поселенный русскій народъ—и въ чемъ его будущее?

Побережье пережило культуры: греческую, римскую, черкесскую и въ настоящее время переживаетъ русскую. Еще въ глубокой древности побережье считалось лакомымъ кусочкомъ для народовъ, страной не только пріятной по климату и роскошной растительности для дачнаго пребыванія изнѣженныхъ патриціевъ, но и страной богатой и сильной по производительности и всякимъ естественнымъ богатствамъ. Сколько остатковъ прежняго, отжитаго величія, слѣдовъ заселенности и жизни осталось и теперь еще!..

Но приступимъ къ русской общинѣ и культурѣ.

Мѣстная война кончилась. Кавказъ, а вмѣстѣ съ нимъ и побережье покорены русскими. Черкесы ушли въ Турцію, оставшіеся переселены въ кубанскія степи подъ надзоръ казаковъ. Покончили свою культуру горцы, и съ 60-хъ годовъ побережье начало заселяться русскими. Интересны первые шаги поселенцевъ въ странѣ для нихъ новой, въ совершенно незнакомыхъ

условіяхъ. Они не имѣли понятія о мѣстахъ, куда ѣхали, одни неволею, другіе охотою, не знали, какъ и тѣ, которые ихъ посылали, какъ не знаютъ до сихъ поръ мѣстъ тѣ, „кому вѣдать надлежитъ". Первые поселенцы были казаки-степняки тогда упраздненнаго шапсугскаго батальона, переведеннаго въ гражданское состояніе. Положеніе 18-го октября 1870 года предоставляло огромныя льготы для поселившихся: при общинномъ земельномъ устройствѣ на каждую душу мужского пола, родившуюся до 1870 г., полагалось въ юрту [1]) по 20 десятинъ, кромѣ одной десятины, отведенной въ полную ихъ собственность (§ 55); общинная же земля была отрѣзана на правахъ крестьянъ-собственниковъ. Въ теченіе 15-ти-лѣтняго срока, считая съ 10-го марта 1866 года, поселенцы освобождались отъ воинскаго постоя, отъ всякихъ гербовыхъ и канцелярскихъ пошлинъ, торговать могли по однимъ льготнымъ свидѣтельствамъ безъ платежа пошлинъ, могли устраивать фабрики и заводы, не подвергаясь никакимъ денежнымъ сборамъ въ казну, и наконецъ освобождались отъ платежа податей и отправленія денежной и натуральной повинности.

Вотъ какими льготами пользовались въ новомъ, благодатномъ краѣ первые поселенцы-казаки, которыхъ, если они шли охотою, надѣляли кромѣ всего еще десяти-десятинными „потомственными" (въ частную собственность) участками. Но этихъ охотниковъ, какъ видно изъ нарѣзаннаго числа участковъ, было не особенно много,—пришлось селить силою, причемъ не пренебрегали порочными по приговорамъ столичныхъ обществъ членами. Такимъ образомъ организовалось 12 большихъ станицъ съ двумя поселками.

Впрочемъ, заселеніе или, вѣрнѣе, *раздача земель* производилась не только простымъ казакамъ, но и офицерамъ упраздненнаго шапсугскаго батальона, которые получили безплатно въ полную собственность участки земли: штабъ-офицеры по 400, а оберъ-офицеры по 200 десятинъ. Полковники и генералы верстались по 1.000 десятинъ. Но всѣ эти крупные землевладѣльцы рѣшительно никакой сельско-хозяйственной дѣятельности не проявили; нѣкоторые продали задешево жалованныя земли, а другіе, повидимому, ждутъ цѣнъ и владѣютъ огромными лѣсными и береговыми площадями земель, не имѣя на нихъ не только какого-нибудь хозяйства, но даже турлучной хаты для сторожа, ибо эти вельможи предоставляютъ охрану своихъ владѣній мѣстнымъ

[1]) Юртъ—мірская земля.

лавочникамъ, платя имъ по 100 и даже по 50 руб. жалованья въ годъ.

Мнѣ приходилось дѣлать десятки верстъ пѣшкомъ по берегу моря. Идешь, идешь—скалы да лѣсъ, и нѣтъ ни жилья, ни человѣка. Потомъ спросишь:—Чьи эти земли?—„Такого-то генерала или князя!"—Отчего же пустуютъ такія прекрасныя береговыя угодья?—„Да такъ,—отвѣчаютъ мѣстные жители:—прежде греки потихоньку табакомъ занимались, а теперь никого нѣтъ!.." Не мало земель принадлежитъ министерству государственныхъ имуществъ: въ горахъ такія земли тоже пустынны, а по берегу нарѣзаны культурные участки въ размѣрѣ около 10 и болѣе десятинъ, сдаваемые на льготныхъ условіяхъ частнымъ лицамъ подъ высшія культуры. Но слабо прививается и двигается эта высшая культура, вслѣдствіе отсутствія дорогъ и, потому, дороговизны на самые необходимые предметы потребленія и строительные и другіе матеріалы. Морской путь почти не эксплоатируется для сельско-хозяйственныхъ потребностей, пароходы идутъ мимо селеній и культурныхъ участковъ и, точно издѣваясь надъ несчастными хозяевами, идутъ близко, въ какой-нибудь верстѣ отъ берега! Кромѣ того, дорогъ перпендикулярныхъ новороссійско-сухумскому шоссе нѣтъ, хотя прежде, при черкесахъ, таковыя были и содержались въ прочномъ порядкѣ. Я лично въ горахъ на охотѣ находилъ совершенно сохранившіеся каменные мосты, которые такъ заросли, что нельзя и подозрѣвать было о ихъ существованіи, еслибы не старый, мѣстный охотникъ, который мнѣ указалъ эти мосты въ непроходимой теперь горной глуши. Вообще, черкесы свои многочисленныя горныя дороги содержали хорошо, объ источникахъ заботились чрезвычайно и лѣсоистребленіемъ не занимались. Русскіе первые поселенцы не только не поддержали черкесской культуры, для нихъ полезной и прямо необходимой, но уничтожили даже слѣды жилищъ и дорогъ непріятеля.

Что же дѣлали на первыхъ порахъ поселенцы? Первые четыре года—ничего. Высадили ихъ по береговымъ „щелямъ", указали имъ „рукой" земли и, прибавивъ, что все это—ваше, живите, молъ, работайте и будетъ вамъ хорошо! Ни указаній, ни совѣтовъ, о какихъ бы то ни было инструкторахъ не было ни рѣчи, „ни думки". Съ ними вмѣстѣ поселились священники и фельдшера, да еще начальники изъ бывшихъ офицеровъ. Кругомъ—горы, дремучій лѣсъ и море, все незнакомыя картины для степняковъ. Что имъ дѣлать? Стали они „робить" хаты и балаганы по низменностямъ около рѣчекъ, гдѣ никогда не се-

лились черкесы, занимая жилищами своими возвышенности надъ низинами, въ которыхъ они разводили сады и разрабатывали поля. Русскіе, напротивъ, поставили хаты въ самыхъ низкихъ мѣстахъ, ниже даже уровня моря, и, разумѣется, en masse заболѣли лихорадками. Священники и фельдшера пригодились, дѣйствительно, очень скоро: одни лечили, другіе хоронили, ибо лихорадки при такихъ условіяхъ выражались осложненіями, которыя вели въ могилу. „Много насъ тогда перемерло, охъ, много!“ — разсказывали мнѣ оставшіеся въ живыхъ поселенцы. — „Повѣрите ли, бывало, всѣ лежимъ, подняться нѣтъ силъ и воды некому подать... Что дѣтей похоронили, — такъ и валились ребята!.. Послѣ — ничего, обтерпѣлись!“

Но я долженъ прибавить, что и теперь отъ лихорадокъ страдаютъ главнымъ образомъ первые поселенцы, старожилы, которыхъ усадьбы находятся въ ямахъ, между возвышенностями, среди густой, непроходимой чащи фруктовыхъ деревьевъ и непремѣнно около рѣчки. Кое-гдѣ еще оставались черкесы, которые уводили скотъ у переселенцевъ. На первыхъ порахъ бывшимъ казакамъ пришлось обороняться отъ горцевъ, имѣть съ ними враждебныя столкновенія въ горахъ, разыскивать еще существовавшіе аулы. Вотъ во время этихъ экспедицій поселенцы находили нѣкоторые запасы зерна, оставленные невольными эмигрантами-горцами, и цвѣтущіе, великолѣпные фруктовые ихъ сады.

— Что было фруктовъ, — разсказывали мнѣ старожилы, — и, Боже мой! По 25 пудовъ и болѣе яблокъ и бергамотъ съ дерева брали... Некуда фруктовъ было дѣвать!.. Возить стали въ городъ... Это, впрочемъ, послѣ, когда провіантъ перестали выдавать.

Первые поселенцы въ теченіе четырехъ лѣтъ получали солдатскій паекъ по 1 п. 32 ф. муки и по 8½ фунтовъ крупы на человѣка, причемъ полный паекъ считался отъ семилѣтняго возраста, а до тѣхъ поръ дѣти все-таки получали полъ-пая. Для перевозки изъ Кубанской области многочисленнаго провіанта въ построенные склады была организована береговая флотилія на казенныя средства, существующая и понынѣ на ту же субсидію, но рѣшительно ничего для населенія не работающая, а служащая интересамъ богатѣйшаго акціонернаго „Русскаго Общества пароходства и торговли“, очень извѣстнаго, какъ въ текущей прессѣ, такъ и мѣстнымъ береговымъ жителямъ Чернаго моря, своими отрицательными отношеніями. Другими словами, это Общество существуетъ исключительно для своихъ акціонеровъ, ихъ интересовъ, но не для развитія края, причемъ оно — монопольное.

Итакъ, поселенцы были обезпечены мукой, крупой, превосходными фруктами и рыбой, въ изобиліи живущей въ морѣ и рѣчкахъ.

— Я былъ грамотный,—разсказывалъ мнѣ казакъ-переселенецъ, завѣдывающій раздачей провіанта въ одной изъ станицъ, и потому былъ назначенъ по выдачѣ пайковъ. Дѣла было много... разные счеты и разсчеты... Бывало, въ семьѣ родится хлопецъ, сейчасъ же его батько бѣжитъ ко мнѣ: „Пиши,—говоритъ,—вноси въ списки ѣдока!“—дня, вѣдь, не пропуститъ, бісовъ сынъ!

— А что, хватало пайковъ? не голодали поселенцы?..

— И, что вы!.. не тільки хватало, оставалось дюже... Скільки тѣхъ пайковъ пропивалось... Квитки можно было мѣнять на что-угодно, въ магазинѣ всякаго товара было!.. горілка тоже!!..

— А что, отъ лихорадки въ вашей станицѣ добре помирали?

— Изъ 888 человѣкъ въ нашей станицѣ за два, кажется, года померло около 200 человѣкъ. Это взрослыхъ, а дѣтей—пропасть!..

— Много садовъ оставили черкесы?

— Много... хо-оррошіе сады... Если бы не порубили, и по сіе время фруктовъ хватило бы на всѣхъ!.. Теперь пооставалось мало, которые послѣ запрета...

— Зачѣмъ же было рубить фруктовыя деревья, когда кругомъ лѣса сколько угодно!?

— Зачѣмъ?!—усмѣхаясь, отвѣчалъ мнѣ старожилъ.—А затѣмъ, что не хотѣлось „лѣзти“ на дерево, чтобы сымать фрухты; а срубилъ, значитъ и собралъ съ лежачаго дерева прямо на фуру, да и айда!.. Многіе такъ дѣлали!.. Послѣ, когда перестала казна паекъ выдавать, когда на свои средства кормиться стали, вотъ тогда и взялись за умъ, и запретъ положили, и штрафъ...

— Какой запретъ?

— Мірской!..—приговоръ, значитъ! Всѣ черкесскіе, какіе ближніе, сады по дворамъ надѣльнымъ подѣлили, и кто у кого фрухту чужую спиметъ, съ того 10 р. въ общество штрафъ... Еще бы, когда послѣ казеннаго пайка насъ черкесская фрухта кормить стала, и мы стали ее беречь!

— Какимъ же это образомъ?

— Очень просто! Стали возить, да и теперь возимъ яблоки и бергамоты въ Екатеринодаръ и мѣняемъ на муку, пудъ на пудъ выходитъ... Когда на фрухту урожай, мы всегда съ хлѣбомъ, который у насъ въ лавкахъ продается по 1 р. 60 к. пудъ... А какой хлѣбъ? сами видѣли!..

— Да, мука не важная! — согласился я.

— Вотъ изъ-за хлѣба-то мы и бьемся, и вспоминаемъ наши кубанскія степи. Въ горахъ пшеница если и родитъ, — то мышь ее поѣстъ, то ливнемъ весной снесетъ... Трудно надѣяться на здѣшніе урожаи хлѣба!..

— А хлѣбъ всѣ сѣютъ?

— А какъ же!?.. Извѣстно, — всѣ жители...

— А сады не разводятъ?

— Мало кто!.. Почти можно сказать, что этимъ не занимаются.

Считаю нелишнимъ для характеристики первыхъ поселенцевъ-казаковъ привести довольно оригинальный фактъ. Когда наступило время поселенцамъ стать на свои хозяйскія ноги, когда пришла пора окончанія выдачи казенной помощи натурой, то остроумные казаки заявили по начальству, что пшеница на горной землѣ совершенно не родитъ, а имъ безъ хлѣба жить невозможно. Тогда посланъ былъ чиновникъ, при которомъ поселенцы должны были посѣять выданную имъ пшеницу. Что̀ же они сдѣлали?.. Предварительно обварили зерно въ кипяткѣ, а затѣмъ посѣяли. Пшеница, конечно, не родила, что̀ имъ дало возможность еще годъ прожить на казенныхъ хлѣбахъ, хотя ихъ хитроумная продѣлка была узнана властями впослѣдствіи. Съ тѣхъ поръ началась самостоятельная жизнь первыхъ поселенцевъ, жизнь, по правдѣ сказать, трудная, безъ дорогъ, безъ близкихъ рынковъ; выручали одни только черкесскіе фрукты, когда по осени поселенскія фуры изъ новороссійскаго (нынѣшняго) округа тянулись въ Новороссійскъ, а изъ туапсинскаго въ Екатеринодаръ черезъ горные перевалы по труднымъ дорогамъ.

Такъ прошло время до проведенія такъ называемаго голоднаго шоссе (отъ Новороссійска до Сухума) въ 1891 году и до прибытія изъ Россіи новыхъ поселенцевъ, которые извѣстны на побережьѣ подъ именемъ новоселовъ. Еще черноморская губернія не организовалась, и побережье принадлежало къ Кубанской области, какъ черноморскій округъ. Губернія же объявилась только въ 1896 году. Въ то время были назначены попечители, изъ которыхъ проявилъ нѣкоторую дѣятельность М. Ф. Пенчулъ. Онъ разъѣзжалъ по станицамъ, раздавалъ для посадки деревья, но, къ сожалѣнію, изъ этого почти ничего не вышло, — поселяне расчищали лѣсъ и сѣяли пшеницу. Фруктовыя деревья садили немногіе, хотя самые тонкіе французскіе сорта принимались и шли прекрасно безъ всякаго со стороны поселенцевъ ухода.

II.

Конецъ 80-хъ и начало 90-хъ годовъ ознаменовались приливомъ новыхъ поселенцевъ, которыхъ при самомъ ихъ первомъ появленіи принимали въ свое общество старые жители по приговорамъ, взимая съ каждой семьи по 25 рублей. Затѣмъ мѣстное начальство селило пришлыхъ изъ Россіи людей по приказу, селило въ тѣ же станицы казаковъ-старожиловъ.

Но эти новые поселенцы селились уже на другихъ условіяхъ, а именно на основаніи „Положенія", Высочайше утвержденнаго, 10 марта 1866 года, причемъ надѣлъ производился не на душу, а на дворъ или семью по 30 десятинъ болѣе или менѣе удобной земли, какъ пахотной, такъ и сѣнокосной. Но этихъ подворныхъ надѣловъ новоселамъ не отрѣзали, а они, поступивъ въ общество, получали одну, двѣ десятины подъ расчистку земли изъ-подъ лѣса. Прежде чѣмъ обдѣлать землю подъ пашни, нужно было корчевать лѣсъ, а корчевка въ горахъ—трудная, ибо на побережьѣ крѣпка и почва, и растительность.

Новоселамъ подъ ихъ усадебныя мѣста обществомъ указывалась земля въ количествѣ 800 кв. саженъ около жилищъ староселовъ. Такимъ образомъ росли станицы, застраивались, и старо- и новожилы составляли одно общество, платя одинаковыя мірскія, но различныя казенныя подати. Около этого времени начальникъ черноморскаго округа, грекъ Никифораки, выписывалъ изъ Малой Азіи и селилъ на побережьѣ грековъ, какъ и русскихъ новоселовъ, на основаніи „Положенія" 10 марта 1866 г. Кромѣ грековъ, въ половинѣ 80-хъ годовъ были поселены чехи, поляки и эстонцы. Послѣдніе, надѣленные также тридцатидесятинными надѣлами на семью, были поселены отдѣльно, составляя самостоятельныя земледѣльческія колоніи, но также на условіяхъ общиннаго землевладѣнія.

Чтобы лучше уяснить читателю характеръ русской общины на побережьѣ, я возьму одну изъ большихъ станицъ туапсинскаго округа, которую я изучилъ детально. Тогда легко понять ту земельную неурядицу, которая ведетъ русскую культуру на побережьѣ къ отрицательнымъ результатамъ и при которой немыслимо ждать производительнаго труда и болѣе или менѣе стройнаго хозяйства, согласно мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ.

Станица или селеніе, которое я теперь буду описывать,

большое—болѣе 200 дворовъ,—съ населеніемъ вмѣстѣ съ иногородными насчитываетъ болѣе 1.400 душъ обоего пола, причемъ старожиловъ 548 душъ, а новожиловъ 730 душъ, остальное число жителей приходится на посторонній общинѣ элементъ: на дачниковъ, рабочихъ, духовенство, полицію, лавочниковъ и проч. Какъ я уже упоминалъ, старожилы живутъ въ самыхъ низкихъ мѣстахъ станицы, новожилы—ближе къ морю, тоже около рѣчки; лишь нѣкоторые изъ нихъ поставили хаты по возвышеннымъ мѣстамъ, гдѣ сравнительно сухо и видъ на море великолѣпный, чѣмъ, впрочемъ, интересуется развѣ рѣдкій житель селенія. Степняки не любятъ моря и горъ, причемъ расчищенныя въ горахъ мѣста подъ посѣвы они называютъ *степью.*

— Гдѣ твой батько!—спросишь мальца около хаты.

— На степу!—отвѣчаетъ малый или жена поселянина.

Вокругъ старожильскихъ хатъ растутъ сильныя черкесскія яблони и груши, которыя такъ разрослись, что переплетаются вѣтвями другъ съ другомъ; нѣкоторыя вѣтви засохли, но хозяева не обрѣзаютъ ихъ и фруктовыхъ деревьевъ не окапываютъ. Но удивительно: растутъ и даютъ изобильные урожаи прекрасныхъ плодовъ эти полудикія черкесскія деревья. Изрѣдка встрѣтится груша французскаго происхожденія, тоже урожайная безъ ухода. Откуда? Раздавалъ попечитель Пенчулъ, посадили и растетъ, и „рясно“ даетъ плоды! Однимъ словомъ, при самомъ бѣгломъ осмотрѣ совершенно ясно, что сама природа создала это мѣсто для высшихъ культуръ плодоводства и виноградарства, но поселяне совершенно глухи къ этому и многолѣтними культурами не занимаются, сосредоточивъ всѣ свои интересы „въ степи“, гдѣ пшеница и ихъ баштаны. Вы не думайте, что это происходитъ отъ невѣжества и ихъ полнаго непониманія собственныхъ интересовъ; нѣтъ, здѣсь другія причины, исключительно земельныя, о которыхъ будетъ рѣчь впереди.

Итакъ, разнородная, разнохарактерная община работаетъ „на степи“, высшими культурами не занимается. Какъ же распредѣлены ихъ земли? участками? поровну? по передѣлу?—Рѣшительно никакого порядка въ этомъ общинномъ владѣніи нѣтъ, нѣтъ ничего похожаго на великорусское равненіе общинное, и нѣтъ ничего хоть сколько-нибудь похожаго на земельную справедливость.

Старожилы владѣютъ участками большею частью близкими къ селенію, хотя таковые имѣются и у новожиловъ, пришедшихъ раньше: такъ что старо- и новожилы „въ степи“ владѣютъ смежно, да и тамъ дальше вмѣстѣ съ новожилами работаютъ и

старожилы, однимъ словомъ, владѣніе землей мірской—смѣшанное, безъ раздѣленія старыхъ поселенцевъ отъ новыхъ. Конечно, у всякаго старожила въ юрту имѣется участокъ, у одного по размѣрамъ больше, у другого меньше; владѣетъ каждый тѣмъ количествомъ, которое онъ занялъ и расчистилъ изъ-подъ лѣса, когда земли было много вольной и когда новожиловъ было немного или они еще вовсе не приходили. Такимъ образомъ, у одного въ пользованіи 5 десятинъ, у другого—10 и болѣе, а у третьяго—3 и даже одна десятина. Это у старожиловъ. А у новожиловъ и того хуже: одни имѣютъ въ пользованіи нѣсколько десятинъ, другіе съ грѣхомъ пополамъ владѣютъ по одной и по полторы десятины, а нѣкоторые, и немало такихъ, не имѣютъ вовсе надѣльной земли, хотя всѣ подати сполна платятъ наравнѣ съ пользующимися землею. Можете себѣ представить мірское согласіе въ такой общинѣ при такихъ земельныхъ условіяхъ, и если къ этому еще прибавить, что община составлялась по времени разноплеменная: членами ея и казаки-кубанцы, и крестьяне-хохлы кіевской, херсонской, черниговской губерній, и великороссы орловской, курской и др., и все это вмѣстѣ, одни съ землей, другіе безъ земли, хотя по „Положенію“ всѣмъ полагается. Но что̀ дѣлать, когда болѣе или менѣе удобные участки заняты и остаются горы высокія, да скалы, да земля каменистая (известковая), годная для виноградниковъ, но не для посѣва пшеницы.

Надо помнить, что въ горномъ побережьѣ ведется хозяйство степное,—въ этомъ-то и состоитъ хозяйственная трагикомедія, причемъ такое положеніе вещей до тѣхъ поръ будетъ составлять земельную характеристику побережья, пока будетъ существовать *въ горномъ краѣ степная* и притомъ смѣшанная община!

Въ общинѣ, которую я взялъ, какъ представительницу остальныхъ русскихъ селеній и притомъ безъ греческаго населенія,—что̀, конечно, подбавляетъ путаницы и несогласія, — въ этой общинѣ всѣхъ старожиловъ 548 душъ обоего пола и новожиловъ 730 душъ. Старожилы, какъ крестьяне-собственники, съ 1881 года платятъ подати: a) земельной государственной подати и b) казеннаго земскаго (земства въ черноморской губ. нѣтъ) по 3 р. 39 к. съ надѣльной души, да мірского сбора 3 р. 49, итого 6 р. 88 к. Новожилы съ каждаго двора мірского сбора—такую же цифру 3 р. 49 к., земскаго и оброчной подати 4 р. 46 к., итого 7 р. 95 к. въ годъ. Въ это же общество входятъ двѣ небольшія колоніи чеховъ и поляковъ, о которыхъ я долженъ, спустя немного, сказать нѣсколько словъ. Колонисты поселены тоже на 30-ти-десятинномъ надѣлѣ, какъ и новожилы,

но податей платятъ больше: оброчной подати и земскаго сбора съ двора по 7 р. 96 к. и мірского сбора 2 р. 55 к., слѣдовательно, всего въ годъ—10 р. 51.

Такимъ образомъ, выходитъ, что подати казенныя съ членовъ одного и того же общества берутся неравныя, и какъ это ни странно,— съ тѣхъ меньше, кто пользуется землей больше. Ошибка, конечно, была въ томъ, что старо- и новожиловъ селили въ одну общину, а нужно было ихъ выдѣлять порознь, съ нарѣзомъ на каждую по отдѣльному юрту. Немудрено, что въ такой странной, разнохарактерной общинѣ при земельныхъ притязаніяхъ и притомъ вполнѣ законныхъ, какъ со стороны старо-, такъ и новожиловъ, между ними происходятъ постоянныя несогласія рѣшительно по каждому вопросу, даже не касающемуся земельныхъ надѣловъ, ибо неравенство въ пользованіи послѣднихъ составляетъ тотъ тяжелый кошмаръ, который *всегда* виситъ надъ русской общиной на побережьѣ. Раздѣлить ихъ теперь на два юрта, разрубить пополамъ это хотя и нелѣпое, но живое тѣло, врядъ ли цѣлесообразно, но дѣлать все-таки что-нибудь нужно: такую общину оставлять на побережьѣ нельзя. Мѣстная администрація, повидимому, пришла къ такому же выводу, ибо въ прошедшемъ (1904) году лѣтомъ были попытки раздѣлить въ земельномъ отношеніи старожиловъ отъ новожиловъ, раздѣлить чертой на правую и лѣвую сторону: по одной сторонѣ будутъ жить и работать старо-, а по другой новожилы. Попытки эти въ общемъ потерпѣли неудачу, да и въ самомъ дѣлѣ какой это раздѣлъ, который долженъ повести за собой многочисленные раздѣлы, передѣлы, обмѣны, замѣны земельными участками между всѣми членами общины, короче сказать—*коренной* передѣлъ *всего* юрта, всей земли, какъ старо-, такъ и новожительской. Однѣ общины отъ такого раздѣла отказались; другія, раздѣлившись направо и налѣво (по рѣчкѣ), вступили въ еще болѣе враждебныя отношенія, нежели были прежде, стали требовать выкупа обработанныхъ участковъ, которые перешли отъ обработавшихъ къ неработавшимъ, причемъ первымъ достались участки дѣвственные, которые нужно корчевать, т. е. тянуть мочалу опять сначала! Прибавьте ко всему, что эти земельные „Монтекки и Капулетти" между собой породнились посредствомъ браковъ, что они составляютъ и будутъ составлять *одинъ* міръ, одинъ приходъ, что всѣ другіе, кромѣ земельныхъ, интересы у нихъ общіе, и что въ неравныхъ земельныхъ правахъ старо- и новожилы связаны между собою на всю жизнь крѣпкими узами. Не это ли удивительно?

— Какъ же вы теперь раздѣлитесь?—спрашиваю я у члена удивительной общины.—Что же? у васъ выгонъ и прогонъ будутъ общіе?

— Какое!!—отвѣтилъ общинникъ.—Разные выгоны будутъ... на-чистую надо раздѣлиться, потому—безъ этого нельзя намъ!..

— Какъ же раздѣлиться-то, когда участки ваши перемѣшаны, какъ въ безпорядкѣ шашки, — говорю я. — Вотъ у тебя обработанный участокъ, а ты получишь хмирѣчье [1])!..

— Пускай!—отвѣчаетъ мой собесѣдникъ съ отчаяніемъ.— Пускай, лишь бы *мой* участокъ былъ, *какой онъ ни на есть*... Я бы, можетъ, фрукты тамъ посадилъ, или виноградъ, когда земля подъ хлѣбъ не годится... Раздѣлиться надо... Сколько годовъ ждемъ земли своей!..

Это говорилъ мнѣ новожилъ. Теперь послушаемъ, что говоритъ старожилъ.

— У меня участокъ—какъ-разъ для сада... хорошій былъ бы садъ, о, какой хорошій, и я охотникъ заняться бы имъ, не для себя, а для дѣтей выростилъ бы... Какой участокъ! и отъ нордъ-оста защищенный, а вотъ приходится картофель, кукурузу садить!..

— Почему?

— Какъ почему?—отвѣтилъ онъ съ удивленіемъ.—При раздѣлѣ, можетъ, мой участокъ отойдетъ къ другому, которому и садикъ мой достанется... Это не дѣло!.. Еслибы семьѣ моей пошелъ, тогда отчего не постараться!..

— Стало-быть вы желали бы, чтобы вашъ юртовой участокъ поступилъ въ вашу полную собственность, и по смерти вашей перешелъ бы къ дѣтямъ по наслѣдству?..

Старикъ совсѣмъ оживился.

— Еще бы не желать!.. Тогда все, и садикъ, и виноградничекъ, все можно обладить... Пускай десять, хоть пять десятинъ удобной земли, остальная будетъ неудобная, но своя, собственная, тогда—совсѣмъ другое дѣло!..

Другой, третій, четвертый старожители говорятъ то же, однимъ словомъ, такъ: „Пусть отдадутъ намъ по двадцати десятинъ ровной земли, удобной и неудобной вмѣстѣ, пусть нарѣжутъ двадцатидесятинные участки—мы сами раздѣлимъ, сами и подъ выпасъ, и подъ прогоны отведемъ, и больше намъ ничего не нужно!.. А теперь сами знаете, какое можетъ быть хозяйство?!.. Самое

---

[1]) Хмирѣчье—мѣстное названье мелколѣсья съ колючимъ непролазнымъ кустарникомъ.

невѣрное... Вотъ, еслибы не нагнали къ намъ этихъ новожителей... тогда—еще бы!"... Но уже при послѣднихъ словахъ тонъ благодушнаго мечтателя быстро, при одномъ имени новожителя, переходитъ сразу въ озлобленный.

Что касается новожителей, то они гораздо сговорчивѣе первыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, очень многіе изъ нихъ не имѣютъ ни клочка земли въ юрту и живутъ многіе годы въ ожиданіи, прирабатывая на сторонѣ, занимаясь плотничьимъ дѣломъ, пилкой лѣса и проч.

— Отчего же не похлопочешь объ участкѣ въ юрту?—спрашиваю я такого новожителя.

— Удобныхъ, говорятъ, земель нѣтъ; указываютъ, вонъ, на тѣ горы, да что я тамъ буду робить?!..

— Отчего же?.. далеко? земля негодная что-ли?..

— Да нѣтъ, земля хорошая!.. Оно, конечно, не близко... Трудная тамъ раскорчевка!..

— Стало быть и прекрасно!.. Взять и работать!..

— Ничего бы! Вода тамъ родниковая, хату можно поставить... Какой баштанъ будетъ!..

Вы слушаете и дивитесь.

— Въ чемъ же дѣло, наконецъ?!

— Раздѣлъ скоро будетъ, тогда мои труды пропадутъ даромъ... Тамъ хоть и далеко, а раскорчеванную землю всякій возьметъ... Надо правду сказать, добрая земля... и вода хорошая!

Дайте такому новоселу участокъ въ полное владѣніе,—онъ не на такой горѣ возьметъ, не посмотритъ на всю тяжесть разработки земли, онъ рукъ не положитъ, пока не вычиститъ все „хмирѣчье", не повалитъ крѣпкихъ кавказскихъ деревьевъ, пока вполнѣ не устроится на *своемъ мѣстѣ*. А теперь болтается, прирабатываетъ и ждетъ своего надѣла, своей земли, которая отъ него не отойдетъ и которая никакому передѣлу подлежать не будетъ. Что тогда онъ будетъ робить на своемъ участкѣ—это покажетъ будущее, покажутъ его способности и хозяйственныя соображенія, хотя степняка трудно оторвать отъ зерноваго хозяйства и поставить на другую культуру, но время и мѣстныя условія сдѣлаютъ свое дѣло, а въ способностяхъ русскаго человѣка природа не обидѣла. Во всякомъ случаѣ будущее крестьянскаго хозяйства на побережьѣ, въ смыслѣ прогресса и устойчивости, никоимъ образомъ не можетъ выразиться при условіи общиннаго землевладѣнія, а тѣмъ болѣе такого, которое роковымъ образомъ создалось на побережьѣ и которое на многіе, многіе годы несомнѣнно будетъ тормозить развитіе края и даже вредно

отражаться на его будущемъ, что̀ мы сейчасъ и постараемся доказать.

III.

Мнѣ возразятъ, что чехи, поляки, эстонцы и вообще колонисты живутъ и устроились на побережьѣ недурно, и ихъ хозяйства, если не процвѣтаютъ, все-таки поставлены хорошо,—а они поселены на томъ же юртовомъ (общинномъ) „Положеніи“ 10 марта 1866 года, какъ и русскіе поселенцы-новожилы.

Такъ-то оно такъ, да разница огромная. Начать съ того, что колонисты не внесли съ собой ни малѣйшаго понятія о юртовомъ землепользованіи. Они пришли; положимъ, ихъ было тридцать семей, и они получили, по „Положенію“, юртъ—ровно девятьсотъ десятинъ удобной и неудобной земли. Что̀ же они сдѣлали на первыхъ порахъ? Очень просто,—раздѣлили землю подворно, поровну, отвели подъ выпасъ, кое-что оставили подъ общественнымъ лѣсомъ и начали работать, работать крѣпко, не покладая рукъ своихъ. Развѣ что-либо подобное сдѣлали первые поселенцы, развѣ они подѣлили между собой участки, когда земли было много? Правда, начальство ихъ кормило, о нихъ заботилось, но что̀ изъ этого вышло?! Чехамъ отвели землю и оставили ихъ совершенно въ покоѣ, лишь бы платили подати. Дѣйствительно, за колонистами *никогда* не бываетъ недоимокъ, и всѣ подати они *всегда* вносятъ ранѣе срока, а за русскими поселенцами, старо- и новожилами, почти всегда недоимки казенныя, а изъ мірскихъ они никогда не выходятъ, и ничтожное жалованье писарю (20 рублей въ мѣсяцъ) выплачиваютъ съ натугой. Чехи культивировали землю, приноравливаясь къ мѣстнымъ условіямъ, и отлично доказали, что хозяйствовать на побережьѣ можно, да еще какъ, а русскіе устраивались да устраивались и, кромѣ вырубки лѣсовъ на продажу, ровно ни въ чемъ себя не проявили, кромѣ земельныхъ неурядицъ, а вѣдь и тѣ и другіе—въ одних и тѣхъ же условіяхъ; а чехи, принадлежащіе, внѣшнимъ образомъ, къ тому селенію, которое я имѣю въ виду въ этомъ очеркѣ,—даже въ худшихъ условіяхъ, ибо ихъ колоніи въ горахъ, далеко отъ моря—и виноградная культура недоступна, да и фруктовая страдаетъ отъ весеннихъ заморозковъ, а у русскихъ этого нѣтъ—все благопріятно и для виноградарства, и плодоводства.

Но послушайте, что̀ говорилъ мнѣ чехъ одной изъ этихъ колоній.

— Мы и нѣсколько польскихъ семей пришли сюда, на побережье, изъ Австріи въ 1884 году, когда трудное житье было здѣсь; шоссе еще не было построено, дороги—плохія, хлѣба достать и за деньги было трудно!.. Пришли мы съ какими достатками?! Капиталовъ никакихъ не было, даже одёжины недоставало; кромѣ крѣпкихъ рабочихъ рукъ, да сильнаго желанія свободно хозяйствовать—ничего у насъ не было... Ну, и бѣдствовали по первоначалу, сильно бѣдствовали!.. Стали расчищать землю, пшеницу посѣяли, скотину завели, траву на сѣмена выписали, ну, дѣла и пошли—и стало теперь хорошо. Вы видѣли мое хозяйство?.. Лошади добрыя, скота довольно, все есть и денегъ сотъ семь, восемь въ запасѣ всегда найдется. Теперь табакомъ почти всѣ занимаемся—дѣло выгодное!..

— Стало-быть, здѣсь выгодно хозяйничать, землей кормиться?..

— Еще бы,—отвѣчалъ колонистъ,—и чѣмъ дальше, тѣмъ выгоднѣе будетъ.

— Отчего же русскіе плохо живутъ?

— Несогласія, земли своей не знаютъ, все дѣлятся, спорятъ... какъ это можно?! При хозяйствѣ спокойствіе нужно, надо думать, много думать!—прибавилъ серьезно колонистъ.

Дѣйствительно, колонисты—прекрасные, разумные и вполнѣ самостоятельные работники. Въ этомъ я убѣдился при подворномъ изслѣдованіи нѣкоторыхъ колоній. Они довольно скоро приспособились къ мѣстнымъ условіямъ, и хозяйство ведутъ разное: гдѣ виноградная культура, тамъ они занимаются винодѣліемъ, гдѣ фрукты родятъ, тамъ плодоводствомъ, а въ лѣсныхъ мѣстахъ—скотоводствомъ и производствомъ молочныхъ продуктовъ. На черноморскомъ побережьѣ лучше чешскаго (вообще колонистовъ, которыхъ называютъ чехами) масла не найти, также молока, сметаны и проч.

Въ селеніи русскомъ трудно найти бутылку хорошаго молока, а масла положительно нѣтъ, и немудрено—скотъ худой, заморенный, безъ всякаго ухода и постоянно на подножномъ корму. У чеховъ—наоборотъ, скотъ содержится не только хорошо, но со вниманіемъ и несомнѣннымъ знаніемъ скотоводства. Помѣщенія—просторныя, свѣтлыя, полъ деревянный—такихъ скотныхъ построекъ не имѣется ни въ одной русской станицѣ даже у самаго богатаго поселянина. Стойловое содержаніе скота въ колоніяхъ продолжается въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и навозъ, накопившійся въ помѣщеніяхъ, увозится на поля. Кормится во время зимняго содержанія скотъ отличнымъ сѣномъ изъ сѣянныхъ травъ клевера, люцерны.

Понятно, молочные продукты превосходны.

Кромѣ того, чехи занимаются культурой табака, который считается лучшимъ и на рынкѣ цѣнится (рубля на два пудъ) выше поселянскаго табака. Но какая разница въ количествѣ производимаго табака колонистами и русскими? Всѣхъ плантаторовъ-поселянъ въ селеніи, которое я описываю, при наличности болѣе 200 дворовъ, 19 человѣкъ, обработывающихъ подъ табакъ земли около 12 десятинъ, а первая колонія при 15 дворахъ и 15 плантаторахъ обработываетъ 11 десятинъ, а вторая колонія при 14 дворахъ и 13-ти плантаторахъ обработываетъ 8 десятинъ и 1.800 кв. саж. Разница огромная, если принять во вниманіе принадлежащія площади земель: русскіе поселенцы имѣютъ во владѣніи болѣе 7.000 десятинъ, а каждая колонія чеховъ 420—450 десятинъ.

Въ этомъ большомъ прибрежномъ русскомъ селеніи, какъ уже по опыту доказано, виноградъ и фрукты родятся самаго тонкаго, высокаго качества. Но, спрашивается, сколько хозяевъ этимъ дѣломъ занимаются, и какое количество земли подъ означенными культурами находится? Виноградниками — 8 человѣкъ, у которыхъ всего заложено виноградными лозами одна десятина 1.400 кв. саж., причемъ культура ведется самымъ примитивнымъ образомъ, такъ какъ крестьяне о виноградарствѣ, а тѣмъ болѣе о винодѣліи понятія никакого не имѣютъ и научить ихъ некому. Что касается разныхъ инструкторовъ-чиновниковъ, то, живя въ теченіе двухъ лѣтъ въ этомъ самомъ селеніи, я ни разу не видалъ ни одного, хотя слышалъ, что какой-то спеціалистъ по плодоводству или виноградарству проѣхалъ чрезъ селеніе, черезъ которое, впрочемъ, проходитъ шоссе.

Поселяне отчасти кормятся оставшимися черкесскими садами, которые до сихъ поръ даютъ чудные фрукты, *всегда* имѣющіе сбытъ въ Новороссійскѣ и Екатеринодарѣ. Прекрасно, но сколько завели эти поселяне въ теченіе сорокалѣтняго хозяйства своихъ собственныхъ садовъ въ описываемомъ мною типичномъ русскомъ селеніи побережья? Всего 15 садовъ, занимающихъ площадь 3 десятины 1.650 кв. саж. Но къ этому надо прибавить, что большинство деревьевъ въ означенныхъ садахъ—*старыя черкесскія.* Еще прибавлю, что преобладающими фруктами въ садочкахъ (если не черкесское яблоко и груша) являются сливы и притомъ мелкій, плохой сортъ, такъ какъ черкесскія крупныя, сочныя сливы уже вывелись и имѣются два дерева у одного поселянина-старожила.

Но что за виноградники у нѣкоторыхъ старожиловъ?! По-

кончило свое существованіе столѣтнее дерево орѣха недалеко отъ хаты хозяина, отъ гиганта осталась нижняя часть ствола съ нѣсколькими засохшими вѣтвями, по которымъ пущена „изабелла". Ну, не оригинальный ли виноградникъ?!..

Но чѣмъ же живутъ русскіе поселенцы на побережьѣ?— спроситъ читатель.—Вы говорите, хлѣба у нихъ нѣтъ, а если хватаетъ, то, слава Богу, до новаго года; табакомъ занимаются немногіе, о плодоводствѣ и виноградарствѣ и говорить нечего; остаются черкесскіе фрукты, которые русскіе мѣняютъ на хлѣбъ... Ну, а если эти благодѣтельные фрукты не уродятся, тогда что̀?

Вотъ на этотъ вопросъ я и постараюсь отвѣтить обстоятельно.

Русскіе поселяне побережья или черноморской губерніи занимаются продажей лѣса, притомъ въ весьма солидныхъ размѣрахъ. Торговля эта въ послѣдніе годы вполнѣ организована и лѣсоистребленіе идетъ, что называется, „во всю". Въ результатѣ горныя рѣки мельчаютъ, а малыя и совсѣмъ пропадаютъ; великолѣпные родники горные, что такъ берегли и чѣмъ гордились черкесы, отходятъ въ область преданія; климатъ, измѣняясь, становится болѣе суровымъ зимой, ибо уничтоженіе лѣсовъ даетъ полный просторъ сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ, которые безъ задержки теперь падаютъ въ долины и проч. Истребленіемъ и продажей лѣса поселяне кормятся, уплачиваютъ подати и живутъ сравнительно не дурно, нисколько не думая о разведеніи высшихъ культуръ и вообще о приспособленномъ къ мѣстнымъ условіямъ хозяйствѣ. Что̀ думать?! Лѣса въ горахъ общественнаго много, на нашъ вѣкъ хватитъ, а послѣ... а послѣ хоть трава не расти! Когда-то еще раздѣлятся, да передѣлятся, лѣсъ не принадлежитъ ни Ивану, ни Степану, руби его; изводи и давай наживаться мѣстнымъ своимъ кулакамъ и заѣзжимъ скупщикамъ, которые поселились въ русскихъ станицахъ подъ флагомъ мелочныхъ лавочниковъ.

Мнѣ возразятъ: но какъ же рубятъ въ такомъ количествѣ поселяне общественный лѣсъ и кто имъ на это даетъ разрѣшеніе? Какъ кто? Конечно, мѣстное начальство, къ которому поселяне обращаются со слезными просьбами, что хлѣбъ не уродилъ, что нечѣмъ кормиться и нечѣмъ подати платить. Начальство разрѣшаетъ вырубку лѣса по 1/8 и менѣе десятины на хозяина; что̀ же, въ самомъ дѣлѣ, дѣлать, какъ отказать, когда, дѣйствительно, пшеницу мышь съѣла, когда отъ засухи травы не родились и проч.? Что̀ дѣлать!.. рубите, православные!.. И православные рубятъ, рубятъ и возятъ и день, и ночь, и считаютъ

дрова кубическими саженями, продавая каждую по 12 рублей. Все это дровяное богатство, среди котораго, да и по большой части, великолѣпные строевые дубовые экземпляры свозятся на морской берегъ, гдѣ складываются въ штабели и приходящими парусными судами и грузовыми пароходами грузятся и увозятся въ Керчь, Маріуполь, Бердянскъ и другіе города. Съ тѣхъ поръ, какъ организовалась правильная лѣсная торговля на побережьѣ, нѣкоторые поселяне прибрежныхъ станицъ обзавелись фелюгами [1]), посредствомъ которыхъ заработываютъ „добре". Кто же эти лѣсопромышленники и какая почва ихъ создала? Неустойчивость общиннаго хозяйства на побережьѣ и постоянная нужда въ хлѣбѣ, который притомъ дорогъ, такъ какъ пароходы для экономическихъ надобностей селеній въ ихъ бухты не заходятъ, а всѣ жизненные и хозяйственные продукты доставляются гужевымъ способомъ изъ Кубанской области, Екатеринодара, Керчи черезъ Новороссійскъ.

При крайне ограниченныхъ потребностяхъ въ нашемъ селеніи существуютъ три мелочныхъ лавки, которыя между собой не конкуррируютъ и цѣны держатъ высоко. Почему? Да собственно спеціальная ихъ торговля не въ мелочи, а въ лѣсѣ. Для мелочной торговли въ такомъ селеніи совершенно достаточно одной лавки, но ихъ три. Хитрая механика состоитъ въ томъ, что главный предметъ торговли такого мелочнаго торговца— лѣсъ, подъ который лавочникъ отпускаетъ поселянамъ крупу, муку, разные товары въ долгъ. О цѣнѣ и добротности товара при такихъ условіяхъ не можетъ быть рѣчи: во-первыхъ—кредитъ, а во-вторыхъ—нужда. Такимъ образомъ, побережные общинники мало-по-малу очутились въ рукахъ скупщиковъ лѣса. Лѣсъ— вся надежда русскаго поселянина на побережьѣ, лѣсъ—вѣрное средство добыть всегда и муки, и чаю, и сахару, и даже одёжину. Конечно, для такого промысла нужно имѣть пару воловъ или лошадей, пилу, топоръ и только. При такомъ положеніи огромное количество лѣса увозится съ побережья. Лѣтомъ сразу по нѣскольку судовъ приходятъ въ каждое береговое селеніе для погрузки лѣса. Поселяне возятъ, возятъ и нѣтъ конца этому лѣсоистребленію.

Рубятъ лѣсъ сплошь, не молодой, но старый, дубовый, рубятъ, оставляя мелочь, пни и кустарникъ, не корчуя, не раздѣлывая землю подъ пашню. Черезъ нѣсколько лѣтъ, а то и на другой годъ, на мѣстѣ величавыхъ дубовъ образовывается сплошная

---

[1]) Морская лодка, поднимающая до 300 пудовъ груза.

колючка, непролазная, мелкая чаща, черезъ которую ни пройти, ни проѣхать невозможно. Вотъ вамъ и культура!

Но много еще лѣса на побережьѣ: когда-то его еще весь вырубятъ! Постоянной, непрерывной рубкѣ лѣса въ большой степени помогаютъ наслѣдственные, собственные участки, о которыхъ я упоминалъ выше. Когда запрещено рубить общественный лѣсъ на продажу, то возятъ лѣсъ съ потомственныхъ участковъ, а поди разбери, гдѣ срублено дерево? Нужно для этого имѣть особый надзоръ, цѣлый пожалуй штатъ надсмотрщиковъ! Кромѣ того, для своей надобности, для постройки, ремонта, наконецъ для отопленія рубить лѣсъ во всякое время можно... И рубятъ... Рубятъ и возятъ часто не по обыкновенной дорогѣ, но черезъ кусты и рѣчки, вокругъ станицы и притомъ ночью. Нѣкоторое время, и довольно продолжительное, я наблюдалъ за однимъ сравнительно зажиточнымъ поселяниномъ, который вмѣстѣ съ сыномъ, на тройкѣ лошадей при двухъ подводахъ, буквально и день и ночь, возилъ окольными дорогами лѣсъ. Я удивлялся и думалъ, когда же, наконецъ, спятъ эти люди? Станица, неправильно разбросанная по низинамъ и возвышенностямъ, представляетъ любопытную и характерную картину.

Буквально, у каждаго двора хаты близъ воротъ на улицѣ сложены или солидныя бревна, или напиленныя дрова, у одного больше, у другого—меньше, но непремѣнно какой-нибудь лѣсъ да сложенъ, конечно, въ ожиданіи отправки къ морю. Если заглянете во внутрь двора, то увидите тоже спиленныя деревья дуба, ольхи, бѐреста и другія. Пойдемте къ морю. На пространствѣ болѣе версты берега—дрова и дрова, помѣченныя, кому принадлежатъ. Еслибы Калхасъ заглянулъ въ нашу станицу, то сказалъ бы: „Все дрова, дрова!.. слишкомъ много дровъ!"

Но, между тѣмъ, здѣсь все растетъ, и производительность почвы въ высокой степени интенсивна и разнообразна. Какая-нибудь одна десятина безусловно можетъ прокормить цѣлое семейство, но для этого хозяинъ-работникъ долженъ обладать нѣкоторыми сельско-хозяйственными знаніями и опытомъ, а побережный поселянинъ, выросшій на административной опекѣ, въ большинствѣ случаевъ вполнѣ безграмотенъ и къ просвѣщенію даже не стремится, несмотря на то, что въ станицѣ два училища: одно двухъ-классное, министерское, другое—церковно-приходское. Въ первомъ учатся мальчики, во второмъ—дѣвочки. Отцы отдаютъ въ школу только маленькихъ, а едва хлопцы подрастаютъ и нѣсколько крѣпнутъ, берутъ въ работы или пасти козъ, овецъ,—вообще, дѣло найдется. Да и на что ему грамота,

когда его настоящее и будущее заключаются въ рубкѣ и возкѣ лѣса съ горъ на берегъ моря. Льготы по воинской повинности и тѣ не привлекаютъ: въ нашей станицѣ еще ни одинъ ученикъ не выдержалъ экзамена, дающаго право на такую льготу.

IV.

Повторяю, производительность и естественное богатство узкой приморской полосы, куда входитъ черноморская губернія, внѣ всякаго сомнѣнія. Но что же дѣлать? Какъ эксплоатировать благородную природу?

Назадъ тому два года, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія на берегу моря поселился швейцарецъ М. Онъ взялъ въ аренду у частнаго владѣльца землю и сталъ хозяйничать. Уже черезъ *годъ* пустынный уголокъ сдѣлался цвѣтущимъ. Опытный садоводъ чего-чего только не развелъ на своемъ участкѣ: лучшіе фруктовые сорта плодовъ, декоративные, до семидесяти видовъ розъ и проч. Разводя школу и, внимательно наблюдая, г. М. пришелъ къ заключенію, что лучшаго мѣста для плодоводства, какъ побережье черноморской губерніи, едва ли можно найти въ южной Европѣ.

— Мои двухлѣтніе опыты блестящи,—говорилъ онъ мнѣ:— посмотрите, какъ все растетъ сильно и крѣпко, безъискусственно, такъ какъ я поливки не допускаю. Я долго работалъ въ южной Франціи и Крыму, но такой сильной почвы, такой производительности не встрѣчалъ еще... Здѣсь пріятно работать!

И дѣйствительно, работаетъ человѣкъ, и люди видятъ это и начинаютъ понимать. За дешевую цѣну у швейцарца можно купить однолѣтнихъ и двухлѣтнихъ фруктовыхъ посадокъ, за совершенные пустяки можно развести роскошный промышленный садъ.

Развелъ небольшой садъ я: всѣ деревья, выдержавъ довольно суровую зиму, принялись превосходно. Какой ростъ и стройность, и сила! Поселяне знали, у кого я пріобрѣлъ посадки, и что же? Они стали покупать деревья, чтобы садить около хатъ, однимъ словомъ, разводить на усадебной садочки.

— Отчего бы вамъ не попробовать заняться садами на надѣльныхъ участкахъ? Я знаю тамъ мѣста прекрасныя...

— Да и мы знаемъ мѣста,—соглашались они,—да Богъ ее знаетъ, разведешь оадъ, а земля отъ тебя отойдетъ... земля-то общественная, сегодня моя, завтра—твоя...

— Можно и общественную землю по приговору общества передѣлить участками надолго, на двѣнадцать лѣтъ, напримѣръ.

— Нѣтъ, такое дѣло не подойдетъ... Табакомъ, какурузой еще можно заниматься, да и то трудно, а садами и совсѣмъ невозможно...

— А еслибы юртовой участокъ совсѣмъ не отошелъ бы, если онъ обработанъ подъ садъ, виноградникъ?..

— И тогда намъ не съ руки этимъ дѣломъ заниматься... Около дома можно, можно и присмотрѣть, и оберегать, потому мы живемъ въ станицѣ...

— Отчего же не жить тамъ, если будетъ большой садъ?.. Кстати, у васъ тамъ все хозяйство, и посѣвы, и баштанъ...

— Это на „степу"-то жить?!—замѣтилъ еще молодой хозяинъ.—Ой, было бы хорошо, да начальство не позволяетъ!.. Жить надо въ станицѣ, чтобы повинности справлять разныя!..

— Развѣ нельзя жить на надѣльныхъ участкахъ?

— Воспрещено! А развѣ садъ безъ надзора можно оставить: сколько тамъ всякаго звѣрья, и медвѣдей, и дикихъ козъ... и зиму и лѣто будутъ хозяйствовать по-своему!..

Приходится задуматься надъ такими обстоятельствами, задуматься и придти къ заключенію о полной недостаточности нашего общиннаго землевладѣнія на побережьѣ, совершенно не пригодномъ для зерновыхъ культуръ, которыми уже сорокъ лѣтъ пробавляются русскіе поселенцы. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, гдѣ они по степной привычкѣ колупаютъ одну, двѣ десятины подъ пшеницу, могъ бы расти прекрасный садъ, а тамъ выше, на земляхъ, теперь считающихся безусловно неудобными, развивалась бы тонкая виноградная лоза...

Бѣгло очертивъ русскую общину на побережьѣ, тяжелыя, запутанныя условія, въ которыхъ эта община пребываетъ въ настоящее время, мы невольно приходимъ къ печальному выводу: только слишкомъ поверхностные наблюдатели не могутъ замѣтить, что сами поселяне тяготятся такой формой землевладѣнія и хозяйственный выходъ и свое будущее устойчивое хозяйство видятъ въ подворномъ наслѣдственномъ правѣ владѣнія, притомъ при совершенно свободномъ земледѣльческомъ трудѣ, безъ всякой административной опеки, которая, какъ мы видимъ, до добра не довела и общинное поселянское хозяйство. Во время моего трехлѣтняго пребыванія и скитанія по русскимъ поселеннымъ центрамъ побережья, во время бесѣдъ съ сельскими жителями, я ни отъ одного русскаго не слыхалъ ничего въ защиту общиннаго владѣнія,—рѣшительно всѣ поселяне желаютъ имѣть *соб-*

ственные участки. На такомъ только принципѣ и возможенъ раздѣлъ переселенцевъ. Правда, нѣкоторые поселенцы на первыхъ порахъ продадутъ свои участки и уйдутъ въ Россію. Можетъ быть, что ихъ скупятъ кулаки и земля такихъ участковъ станетъ предметомъ спекуляціи, будетъ продаваться. Но я не думаю, чтобы такая спекуляція имѣла прочную почву среди трудового элемента, вдали отъ морского берега, за которымъ собственно и гонятся дачники и наѣзжіе культурные люди. Напротивъ, намъ кажется, что трудовые поселки привлекутъ въ свою среду свойственные имъ элементы, которые на своей землѣ, при благопріятномъ климатѣ, потрудятся дѣйствительно надъ высшими культурами. Можетъ быть, культурно-трудовое піонерство внесетъ новый духъ, новую струю, освѣжающую атмосферу коснаго поселянскаго хозяйства, создавшагося въ новомъ краѣ, благодаря неблагопріятнымъ условіямъ, вслѣдствіе того, что этотъ край не былъ изученъ не только систематически, но даже и поверхностно.

Указывая на полную непригодность на побережьѣ общиннаго землевладѣнія, я долженъ прибавить, что въ принципѣ я не противникъ этой русской исторической формы землевладѣнія. Я совершенно понимаю такую форму въ степныхъ полосахъ при зерновомъ хозяйствѣ и сравнительно однородной по качеству землѣ. Я прекрасно знаю, насколько приспособились наши крестьяне къ совершенно справедливому, точному и сложному (по клиньямъ) равненію полей и сѣнокосовъ во время передѣловъ, когда принимаются во вниманіе и качество, и отдаленность земель отъ усадебныхъ мѣстъ, и даже топографическія условія надѣловъ. Но попробуйте передѣлить справедливо на основаніи принципа общиннаго землевладѣнія горныя и приморскія земли побережья, гдѣ каждая пядь, каждый кусокъ нѣсколькихъ квадратныхъ саженъ представляетъ собой разницу и весьма часто рѣзкую,—напримѣръ, одна и другая полоса, совершенно равныя по количеству, одинаковыя по качеству почвы, находящіяся подъ равными углами наклона, но первая полоса на югъ, а вторая на сѣверъ, и что̀ же? Первая—дорогое для виноградника мѣсто, а вторая рѣшительно ничего не стоитъ: это безусловно неудобная земля. Съ лѣсомъ—наоборотъ: на сѣверныхъ склонахъ растетъ сильный, могучій лѣсъ, а на южныхъ—слабѣе древесная растительность, кустарники богаче, разростается больше лознякъ, колючка, къ сѣверу же лѣсъ почти чистый.

Вотъ условія для хозяйства, разнообразныя, еще не изслѣдованныя, не изученныя. Въ самомъ дѣлѣ, прошло сорокъ лѣтъ,

а мы не имѣемъ даже простого статистическаго изслѣдованія побережья, края сравнительно небольшого, съ населеніемъ сто тысячъ душъ. Не говоря о томъ, что такой статистическій матеріалъ давалъ бы больше возможности оріентироваться въ тѣхъ вопросахъ, которые я затрагиваю, но свѣдѣнія эти были бы важны для исторіи русской культуры на побережьѣ. Вопросъ о статистическомъ изслѣдованіи былъ затронутъ въ текущей прессѣ; въ февралѣ 1903 г. мною въ статистической коммиссіи при „Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ“ былъ прочитанъ докладъ о необходимости экономическаго изслѣдованія черноморскаго побережья, причемъ была представлена программа работы. Но къ такому изслѣдованію, безусловно необходимому, ни мѣстная, ни общая администрація приступить, повидимому, не желаетъ, а земства, какъ извѣстно, въ молодой черноморской губерніи не имѣется. А между тѣмъ въ такой небольшой, но крайне разнообразной по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ губерніи одно только земство и могло бы разрѣшить многочисленные, теперь назрѣвшіе сельско-хозяйственные и экономическіе вопросы. Побережье богато, но оно еще не эксплоатировано русскими по недоразумѣнію и невѣжеству, и его будущее впереди, близкомъ или далекомъ—покажутъ обстоятельства, но что это будущее можетъ быть блестящимъ, и губернія (и все побережье) богатой, дающей, слѣдовательно, государству значительный доходъ—въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь. Но теперь спитъ это знаменитое побережье; пустынно и тихо и въ горахъ, и на морѣ; развѣ въ лѣсу стукъ топора да визгъ пилы нарушаютъ покой дремлющаго царства. Сто тысячъ населенія теперь, да и то голодное, а когда разовьются въ этомъ дивномъ краѣ жизнь и культура, тогда будутъ милліоны людей, которымъ не будетъ тѣсно, ибо они всѣ поглотятся работой. Складъ и особенность сельско-хозяйственныхъ работъ на побережьѣ оригинальны: каждый хозяинъ участка долженъ быть въ то же время и работникомъ, конечно главнымъ, ибо на немъ лежитъ иниціатива. Эти условія уже начинаютъ мало-по-малу складываться, а при болѣе благопріятныхъ для свободнаго хозяйства условіяхъ и при наличности земскаго самоуправленія, все живое, съ иниціативой, полезной для края, выдвинется на арену общественной дѣятельности. Не бойтесь, и теперь для земства найдутся на побережьѣ люди, а настоящее (не спекулятивное, какъ было до сихъ поръ) *оживленіе* побережья привлечетъ изъ Россіи настоящихъ культурныхъ работниковъ; откройте, наконецъ, доступъ иностранцамъ, если они знающіе и полезные люди; пусть живутъ

и богатѣютъ и показываютъ русскимъ вѣрные пути эксплоатаціи и процвѣтанія побережья, которое не уйдетъ изъ рукъ русскихъ, особенно когда оно будетъ населенное и цвѣтущее.

Задачи земства на черноморскомъ побережьѣ ясны, какъ божій день: всестороннее изслѣдованіе края въ сельско-хозяйственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, удешевленіе на первыхъ порахъ хлѣба для крестьянъ путемъ устройства земскихъ складовъ для продажи муки (мѣстные лавочники и кулаки продаютъ пудъ муки по 1 р. 60 к., покупая ее въ Екатеринодарѣ 90 к. пудъ). Нужда въ хлѣбѣ такая, что поселяне сами ѣздятъ по непроходимымъ почти горнымъ дорогамъ въ Екатеринодаръ за мукой, теряя при этомъ двѣ недѣли на поѣздку.

По сіе время русскіе поселяне не знаютъ, куда имъ обратиться за сѣменами (травъ) для посѣва, гдѣ купить дешевле и лучше плуги на наличныя деньги. Коммиссіонерами въ нашихъ мѣстахъ являются псаломщики и дьячки, забирая себѣ за коммиссію лихіе проценты. Для разведенія плодовыхъ садовъ и виноградниковъ крестьяне не знаютъ, куда обратиться за саженцами и чубуками (хорошо, что въ нашей округѣ поселился садоводъ-швейцарецъ!). Далѣе, имъ нужно на первыхъ порахъ получить разныя свѣдѣнія и указанія, что можетъ сдѣлать земскій агрономъ, которому работы на побережьѣ будетъ очень много. Далѣе, табачное производство и сбытъ,—который всецѣло теперь находится въ рукахъ скупщиковъ и перекупщиковъ, которые зарабатываютъ болѣе 50%.

Земство могло бы устроить табачные склады и войти въ непосредственныя сношенія съ фабрикантами, и этотъ огромный % отъ перекупки табака распредѣлился бы между земствомъ и производителями. Земству на побережьѣ много, очень много работы, задачи земства благородныя и крайне реальныя: каждый годъ станетъ показывать результаты, видимые даже для близорукихъ. Въ самомъ дѣлѣ, дороги, необходимость которыхъ сознается ярко и населеніемъ, и администраціей, медицинская помощь, которая поставлена на побережьѣ ниже всякой критики— при одномъ врачѣ на цѣлый округъ. Возможно ли это? Укажите мнѣ такую губернію, гдѣ бы врачъ въ большомъ селеніи (напр., въ нашемъ) могъ бывать одинъ разъ въ годъ, гдѣ нѣтъ ни фельдшерскаго пункта, ни аптеки и гдѣ поселяне сами лечатся своими средствами!? И это на блестящемъ черноморскомъ побережьѣ, гдѣ чуть не рѣшено было провести страшно дорогую (стоимостью болѣе 200 милліоновъ) желѣзную дорогу, чтобы удовлетворить алчные аппетиты спекуляторовъ! Не напомнила бы

эта желѣзная дорога человѣка голоднаго и въ рубищѣ, но въ блестящемъ фракѣ лучшаго петербургскаго портного!?

Дороги (а не дорога!) дѣйствительно нужны только хозяйственныя, перпендикулярныя къ морю и пути по морю. Земство всецѣло можетъ этимъ заняться и освѣтить всѣ нужды края, давая въ то же время средства вырабатывать ту сельско-хозяйственную единицу, которая вполнѣ бы подходила къ условіямъ той или другой мѣстности побережья. Я не стану говорить объ артельномъ винодѣліи (подвалахъ и орудіяхъ производства), о сбереженіи фруктовъ и проч.,—все придетъ въ свое время, только при всѣхъ этихъ экономическихъ и хозяйственныхъ задачахъ не нужно забывать народной школы, которая въ такомъ оригинальномъ краѣ должна имѣть свою физіономію, должна ближе стоять и выражать жизнь и интересы насущныхъ потребностей населенія. Школа въ высокой степени поможетъ культурѣ побережья, а земство должно выработать ея будущую организацію.

Пора взглянуть на побережье, какъ на богатѣйшую, производительную губернію, при условіяхъ мелкаго культурнаго хозяйства во главѣ съ трудовымъ населеніемъ. Время не ждетъ и Россія должна работать внутри себя и для себя.

С. Васюковъ.

с. Архипоосиповка.
1904 г.

ОТРЫВКИ
из
ВОСПОМИНАНІЙ

Шестидесятые годы.

I.

...Еще будучи ученикомъ вятской духовной семинаріи, въ философскомъ классѣ, я сгоралъ желаніемъ поступить въ университетъ. И вотъ, въ концѣ августа 1862 года, съ четырьмя рублями въ карманѣ, я отправился на буксирномъ пароходѣ по рѣкѣ Вяткѣ вмѣстѣ съ двумя студентами, Князевымъ и Орловымъ, въ городъ Казань. Въ Казань мы пріѣхали утромъ 6-го сентября и остановились у татарина въ татарской слободѣ, тянущейся вдоль озера Кабана. Мои новые товарищи, студенты, цѣлыхъ два дня ходили искать квартиру какого-то знакомаго имъ чиновника Камкова. На третій день мы наняли ломового извозчика, на котораго взвалили багажъ, а сами пошли пѣшкомъ въ Старую-Горшечную улицу, гдѣ жилъ Камковъ. Квартира наша помѣщалась во флигелѣ, на дворѣ, въ нижнемъ этажѣ, и состояла изъ одной продолговатой комнаты съ однимъ окномъ, на половину спускавшимся ниже уровня земли; поэтому, когда люди шли по двору, намъ видны были только ихъ ноги. Въ комнатѣ стояли два крашеныхъ сурикомъ стула и столъ; ни кроватей для спанья, ни какихъ-либо другихъ приспособленій для помѣ-

щенія бѣлья и книгъ не было. Товарищи мои сложили бѣлье и книги на окно, а я весь свой скарбъ сложилъ въ углу, на полу. Изъ книгъ я привезъ съ собой только Шлоссера „Исторію XVIII столѣтія“, подаренную мнѣ А. А. Красовскимъ, и рукописное сочиненіе Фейербаха: „Существо христіанства“. Шлоссера я читалъ и перечитывалъ отъ доски до доски нѣсколько разъ. Спали мы на полу, въ повалку. Въ головы клали всѣ принадлежности остального верхняго туалета. Въ первое время, вмѣсто обѣда, мы ограничивались однимъ чаемъ съ булкой, или же ѣли колбасу съ чернымъ хлѣбомъ. Денегъ у всѣхъ у насъ было мало; я, по крайней мѣрѣ, пріѣхалъ въ Казань, какъ сказано, всего съ четырьмя рублями въ карманѣ.

Мнѣ хотѣлось скорѣе видѣть университетъ. Университетъ притягивалъ меня къ себѣ своей наукой, книгами, которыхъ въ библіотекѣ, какъ мнѣ говорили, было нѣсколько тысячъ. Товарищи мои были второкурсниками, поэтому они знали всѣ университетскіе порядки. Когда я спрашивалъ ихъ, скоро ли мы пойдемъ въ университетъ, они отвѣчали: „Успѣемъ еще,—вотъ немножко поустроимся и пойдемъ“. Когда я въ первый разъ шелъ къ этому святилищу со своими товарищами, дыханіе у меня сперло отъ волненія, въ душу мою проникалъ какой-то священный, благоговѣйный трепетъ. Занятій еще не было, и мнѣ показали все: библіотеку, анатомическій театръ, аудиторіи, физическій кабинетъ. Во дворѣ я увидѣлъ памятникъ Державину съ лирой въ рукѣ и поднятымъ кверху челомъ. Въ студенты я, однако, не попалъ, потому что не держалъ экзамена: въ то время семинаристовъ не стали уже принимать прямо въ университетъ съ однимъ повѣрочнымъ экзаменомъ при университетѣ; надо было держать въ гимназіи. Но все равно, меня приняли вольнослушателемъ. Деньги за первое полугодіе—двадцать рублей—мнѣ собрали грошами студенты, и я сталъ слушать лекціи по историко-филологическому факультету. Всѣ лекціи я посѣщалъ очень аккуратно, по крайней мѣрѣ въ первое время. Кажется, только за годъ до моего поступленія въ университетъ студенческая форма была совсѣмъ отмѣнена, и студентамъ было предоставлено право одѣваться во что кому угодно. Въ первое время меня крайне поразила пестрота студенческихъ костюмовъ: по корридорамъ и аудиторіямъ пестрили глаза сюртуки, пиджаки, пальто и кучерскія поддёвки съ плисовыми шараварами всевозможныхъ цвѣтовъ; изъ-за воротниковъ этихъ костюмовъ выглядывали крахмаленныя рубашки и просто кумачныя и ситцевыя косоворотки.

Изъ профессоровъ филологическаго факультета особенной извѣстностью пользовались Буличъ и Григоровичъ. Буличъ читалъ намъ на первомъ курсѣ исторію „освободительной литературы XVIII столѣтія". Лекціи отличались живостью, содержательностью и художественностью изложенія; поэтому его аудиторія всегда была полна студентами разныхъ факультетовъ. Интересны были лекціи профессора Фирсова, читавшаго намъ общую исторію, помнится—древнюю; но онъ являлся къ намъ рѣдкимъ гостемъ, поэтому и лекціи его не оставили въ насъ почти никакого слѣда. Онъ чувствовалъ особенное влеченіе къ Бахусу. Бывало, передъ началомъ его лекціи кто-нибудь изъ студентовъ громко объявлялъ въ аудиторіи: „Господа, Фирсовъ сегодня пьянъ и на лекціи не будетъ!"... Мы хохотали и расходились. Въ теченіе трехъ осеннихъ мѣсяцевъ мы только три раза видѣли его на лекціяхъ. Древнюю исторію Греціи читалъ проф. Угянскій, скорѣе не читалъ, а разсказывалъ изъ древне-греческой жизни шутливые анекдоты. У меня остались въ памяти нѣсколько игривыхъ выходокъ его о современномъ прогрессѣ, въ который онъ нимало не вѣрилъ. Движеніе впередъ представлялось ему толченіемъ людей на одномъ мѣстѣ, на подобіе вертящейся въ колесѣ бѣлки, воображающей, что она, сидя въ колесѣ и передвигая ногами, бѣжитъ впередъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, стоитъ все на одномъ мѣстѣ.

Щаповская исторія повліяла на профессоровъ въ томъ отношеніи, что они присмирѣли и со студентами стали въ болѣе сдержанныя отношенія. Прежде у нѣкоторыхъ изъ профессоровъ бывали еженедѣльно журфиксы, на которые являлись и студенты. Къ Буличу приглашались только избранные изъ студентовъ; напр., аккуратно посѣщалъ его вечера студентъ Осокинъ, впослѣдствіи профессоръ, прославившійся столь незавидной репутаціей; Фирсовъ совсѣмъ пересталъ принимать у себя студентовъ. Начавшіяся послѣ Щаповскаго погрома изолированность и отчужденность между профессорами и студентами продолжали развиваться все сильнѣе и сильнѣе, вслѣдствіе чего студенты каждаго факультета составили свои отдѣльные кружки. Нравственная связь между профессорами и студентами какъ будто порвалась. Душою и центромъ студенческихъ сборищъ былъ кружокъ историко-филологическій, привлекавшій къ себѣ студентовъ изъ другихъ факультетовъ: медицинскаго, юридическаго, естественнаго. У кружка была своя большая библіотека, состоявшая изъ книгъ научнаго и беллетристическаго содержанія. Члены кружка собирались разъ въ недѣлю, по четвергамъ. Здѣсь обсуждались всевозможные во-

просы, касающіеся науки, студенческой жизни, вопросы общественные и политическіе, иногда читались сочиненія научнаго содержанія. Въ библіотеку выписывались журналы: „Современникъ“, „Русскій Вѣстникъ“, „Атеней“; изъ газетъ: „Петербургскія Вѣдомости“, „Искра“ (Курочкина). Подпольной литературы тогда не существовало, да въ ней не было надобности; единственно, что читалось въ кружкѣ, въ качествѣ полузапрещеннаго изданія,—это „Колоколъ“ Герцена. Студенты тогда еще не были лишены права творить свой собственный судъ и расправу надъ своими виновными товарищами. Пользованіе этимъ правомъ не вело за собой нарушенія общественнаго порядка, тишины и спокойствія обывателей. Всякаго рода предосудительные со стороны студентовъ поступки подвергались обсужденію на собраніи кружка, собиравшагося большею частью въ стѣнахъ же университета, въ курильной комнатѣ; на эти собранія допускались всѣ студенты. Виновный по приговору суда обязывался иногда извиниться въ присутствіи товарищей передъ тѣмъ, кого онъ оскорбилъ; за болѣе крупные поступки подвергался публичному выговору, временному удаленію изъ университета или даже исключенію изъ него навсегда, о чемъ и сообщалось студентами коллегіи профессоровъ или ректору. При мнѣ былъ только одинъ случай удаленія студента изъ университета за публичное и вторичное оскорбленіе студентомъ одной дѣвушки.

Между студентами я нашелъ себѣ очень хорошихъ друзей въ лицѣ К. В. Лаврскаго и Бирюкова, которые, „въ минуту жизни трудную“, помогали мнѣ всѣмъ, чѣмъ могли, готовы были дѣлиться со мной даже послѣдней рубашкой. Помню, К. В. Лаврскій послалъ свою статейку въ только-что появившуюся тогда газету „Очерки“, издававшуюся Елисеевымъ. Статью напечатали и прислали 29 рублей гонорара въ конвертѣ съ сургучной печатью, на которой рельефно отпечатлѣлись слова: „Вѣрь и надѣйся“. Почти всѣ эти деньги онъ передалъ мнѣ... хотя самъ сильно нуждался въ нихъ; но ему помогалъ братъ, профессоръ семинаріи, Валеріанъ Викторовичъ, нынѣ протоіерей каѳедральнаго собора въ г. Самарѣ. Бирюковъ, сынъ дьячка, въ пермской губерніи, былъ сущій бѣднякъ. По физіономіи, по манерамъ, образу жизни и даже по оборотамъ рѣчи это былъ типъ мужика-пермяка, котораго такъ прекрасно обрисовалъ Рѣшетниковъ въ своихъ очеркахъ. Онъ пробавлялся ничтожнымъ урокомъ, оплачиваемымъ 10 или 15 рублями въ мѣсяцъ; но и этими деньгами онъ дѣлился съ нуждающимися студентами. Люди очень развитые, безпредѣльно добрые ко всѣмъ нуждающимся, во всемъ

искавшіе прекраснаго, даже въ самомъ отверженномъ существѣ искавшіе искры Божіей,—это были ученики Щапова. Нравственное обаяніе личности Щапова, его огненная рѣчь къ студентамъ о необходимости изученія русскаго мужика, его нуждъ, его умственнаго просвѣщенія сдѣлали изъ нихъ истыхъ демократовъ, борцовъ за права угнетенныхъ и униженныхъ. Они жили, думали идеями Щапова. Такихъ, впрочемъ, было немного. Большинство, т.-е. тѣ, которые увлекались идеями, лекціями Щапова, носили его чуть ли не на рукахъ; но теперь, когда надъ нимъ стряслось несчастіе, отвернулись отъ него, даже избѣгали говорить о немъ, сдѣлались карьеристами, хотя и остались либералами. Бирюковъ впослѣдствіи (спустя пять лѣтъ) сдѣлался жертвой алкоголизма, страшной, неизлечимой болѣзни. Онъ пилъ и пилъ, пилъ до того, что спустилъ съ себя все... Ходилъ въ отрепьяхъ, почти полуголый, выклянчивая у своихъ знакомыхъ и пріятелей „пятачокъ" на водку. Въ Казани же пьяный, на улицѣ, такъ и умеръ этотъ несчастный, котораго никакъ не могъ спасти его другъ, К. В. Лаврскій, много разъ напрасно пытавшійся обратить его на истинный путь, поддержать его доставленіемъ ему работы и пр. Въ началѣ 1863 года я неожиданно получилъ изъ вятской семинаріи отъ товарищей письмо со вложеніемъ двадцати рублей и посылку съ бѣльемъ. Они извѣщали меня, что, узнавъ о моемъ положеніи, „мигомъ устроили между собой подписку и собрали прилагаемое при семъ"; бѣлье тоже собрали по подпискѣ, такъ какъ узнали, что все бѣлье свое я оставилъ въ повозкѣ при переѣздѣ на квартиру А. А. Красовскаго [1]); его кто-то взялъ. Это вниманіе моихъ товарищей по семинаріи глубоко растрогало меня... А. А. Красовскій, съ своей стороны, тоже не забывалъ меня своими письмами и деньгами. Въ каждомъ своемъ письмѣ онъ ободрялъ меня, совѣтовалъ стремиться впередъ, рисовалъ мнѣ свѣтлое будущее...

Съ 17 марта 1863 года университетская жизнь моя неожиданно прерывается...

Пріѣхавшая изъ Петербурга слѣдственная коммиссія [2]) обвинила насъ, 15—17 человѣкъ студентовъ, ни больше, ни меньше, какъ въ вооруженномъ возстаніи въ городѣ Казани. Такъ, по крайней мѣрѣ, значилось въ заголовкѣ огромнаго бумажнаго

[1]) Преподаватель вятской духовной семинаріи. Объ А. А. Красовскомъ см. въ „Моихъ Воспоминаніяхъ", напечатанныхъ въ „Мірѣ Божьемъ", 1896 года, въ IX и X кн.

[2]) Коммиссія состояла изъ слѣдующихъ лицъ: тайнаго совѣтника Жданова (предсѣдателя), полковника Слуцкаго и чиновниковъ—Анненскаго и Превлодскаго.

дѣла о насъ въ нѣсколько сотъ листовъ, созданнаго коммиссіей. Правда, на студенческихъ сходкахъ мы толковали о свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ, о широкомъ просвѣщеніи народа, о надѣленіи помѣщичьихъ крестьянъ большимъ количествомъ земли, чѣмъ сколько имъ было отведено по уставнымъ грамотамъ; но какъ всего этого достигнуть на практикѣ, мы хорошенько себѣ этого не представляли. Всѣ наши разсужденія носили чисто теоретическій характеръ и никогда въ дѣло не переходили. Это мы говорили и на допросѣ слѣдственной коммиссіи.

— Никакого вооруженнаго возстанія вѣдь не было,—говорили мы,—даже не было къ этому и попытки. Мы только думали и говорили въ своемъ кружкѣ, что, пожалуй-молъ, безъ революціоннаго движенія дѣло не обойдется.

— А развѣ вы не помните, что ходили зимой учиться стрѣльбѣ въ цѣль на мельницу?—возражали намъ.—Что̀ это, по вашему мнѣнію—игрушка что ли?

— Но вѣдь ни одного оружія у насъ не найдено?

— Что̀ за важность! Все равно, ходили на мельницу стрѣлять...

Такъ какъ эта исторія съ ученьемъ стрѣльбѣ въ цѣль сама по себѣ довольно курьезна, то я и попытаюсь передать здѣсь нѣсколько фактовъ изъ того времени.

Не знаю, по чьей иниціативѣ, въ нашемъ кружкѣ, состоящемъ, какъ я сказалъ выше, изъ пятнадцати человѣкъ студентовъ, дѣйствительно было рѣшено каждому запастись ружьемъ, все равно какимъ. Я купилъ для себя старое, ржавое ружье на толкучемъ рынкѣ за 1 р. 50 коп. Такъ какъ дуло ружья свободно отдѣлялось отъ ложа, то я и привязалъ его въ двухъ мѣстахъ бичевкой. Какія были ружья у моихъ товарищей—не помню. Зимой 1863 года, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, кажется, въ январѣ, мы собрались, помнится, въ числѣ десяти человѣкъ, съ ружьями на плечахъ, среди бѣла дня и преважно пошли по главной, Воскресенской, улицѣ, въ концѣ которой, передъ крѣпостью, спустились подъ гору и направились къ мельницѣ на рѣкѣ Казанкѣ. Никто на насъ изъ прохожихъ не обратилъ серьезнаго вниманія. Тамъ, на обледенѣлой рѣкѣ любезный мельникъ поставилъ большую, высокую льдину, а къ ней прислонилъ доску, въ которую мы и должны были палить изъ ружей. У меня сильно билось сердце, когда дошла очередь до моей стрѣльбы. Мнѣ зарядили ружье. Не помню, что̀ со мной было, когда я выстрѣлилъ. Я долго лежалъ, оглушенный, на снѣгу; въ ушахъ

и головѣ у меня звенѣло и шумѣло. Дуло ружья было отброшено въ одну сторону, ложе, уже изломанное,—въ другую. Остатковъ ружья я такъ и не подбиралъ, и ушелъ домой съ пустыми руками. „Хорошо, что хоть живъ остался", думалъ я. Съ тѣхъ поръ мы ни разу не ходили учиться стрѣльбѣ, такъ какъ ни у кого изъ товарищей ружей больше не было. Вотъ этотъ-то эпизодъ изъ нашей жизни и послужилъ поводомъ къ тому, что дѣло наше было окрещено „вооруженнымъ возстаніемъ".

Члены слѣдственной коммиссіи, производившіе слѣдствіе въ теченіе цѣлаго года, многозначительно говорили знатнымъ обывателямъ:

— Ну, батенька, хорошо, что мы во-время предупредили...

— А что?

— Быть бы бѣдѣ...

— Да что же такое?

— Какъ же... предполагалось вооруженное возстаніе... Казань была бы взята... Революція... — при этомъ члены хватали себя за голову.

— У-ж-е-е-л-и?

— Да... самъ Богъ спасъ...

И пошелъ по Казани слухъ о вооруженномъ возстаніи... Помнится, что кто-то изъ профессоровъ казанскаго университета, или бывшій попечитель учебнаго округа, г. Шестаковъ, напечаталъ объ этомъ времени воспоминанія въ „Русской Старинѣ", въ которыхъ упомянулъ о томъ, что „Казань была объята въ это время ужасомъ". Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду то обстоятельство, что по этому дѣлу о „вооруженномъ возстаніи" не было арестовано *ни одного* крестьянина..

II.

Какъ бы то ни было, а 17 марта 1863 года я долженъ былъ разстаться съ университетомъ на цѣлыхъ пять лѣтъ; цѣлыхъ пять лѣтъ мнѣ пришлось сидѣть, вмѣстѣ съ другими семнадцатью моими товарищами, въ четырехъ стѣнахъ. Это было для насъ большимъ горемъ. Но и тамъ, за высокими каменными стѣнами, мы не были лишены возможности продолжать занятіе наукой. Шестидесятые годы были временемъ, когда, случалось, и имѣющіе власть люди жили общечеловѣческими идеалами... Насъ помѣстили въ большую, двухъ-этажную башню, отдѣленную отъ прочихъ тюремныхъ зданій особеннымъ дворомъ, огорожен-

нымъ вбитыми въ землю и заостренными вверху бревнами. Весь свой дворъ мы украсили цвѣточными клумбами, между ними устроили усыпанныя желтымъ пескомъ дорожки, по сторонамъ усадили кустами сирени, акаціи, бузины, крыжовника. Цвѣты росли роскошно и наполняли небольшое дворовое пространство благоуханіемъ; кусты разрослись такъ, что давали густую тѣнь и защиту отъ лѣтняго полуденнаго зноя; тутъ мы сидѣли и коротали длинные лѣтніе дни въ бесѣдѣ о „злобахъ дня". Только однажды нарушилъ наше мирное житье генералъ Семака, назначенный губернаторомъ въ Казань и вздумавшій посѣтить насъ. Во дворѣ ему очень понравились наши заботы о цвѣтахъ и кустахъ. Стоявшая въ углу кадка съ водой обратила его вниманіе, и онъ спросилъ:

— Зачѣмъ кадка? Зачѣмъ вода?

— Для поливки цвѣтовъ, ваше превосходительство.

— А-а-а!..—Однако, въ головѣ его мелькнула странная мысль: а что, если кусты разростутся со временемъ высоко-высоко, до самой вершины окружающей дворъ каменной ограды, и тогда мы возьмемъ да и перескочимъ по нимъ черезъ ограду... Онъ сейчасъ же велѣлъ всѣ кусты срубить. Тѣни въ нашемъ дворѣ больше не стало, и намъ уже негдѣ стало скрываться отъ палящаго зноя. Но сама природа стала протестовать противъ такого варварства: на будущій годъ лѣтомъ всѣ срубленные, но не искорененные кусты дали отростки и къ концу лѣта опять сильно разрослись и стали давать нѣкоторую тѣнь; къ счастью, и генералъ уже больше къ намъ не являлся. Опять мы зажили мирно. Кажется, въ 1865 году къ намъ являлся проѣздомъ изъ Сибири въ Петербургъ баронъ Веліо, вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ Давыдовымъ. Баронъ быстро подбѣгалъ къ нашимъ столамъ, на которыхъ лежали наши книги, схватывалъ и перелистывалъ ихъ, но ничего не сказалъ. Помнится, у меня на столикѣ у кровати лежала англійская книга Милля „On Liberty", которую баронъ Веліо тоже перелисталъ и положилъ опять на столъ; но на эту книгу почему-то обратилъ особое вниманіе вице-губернаторъ Давыдовъ и взялъ ее съ собою „посмотрѣть", да такъ и зажилилъ. Я дважды писалъ ему прошеніе о возвратѣ книги,—отвѣта не было.

Бѣда была только въ томъ, что мы хотя и могли ежедневно другъ съ другомъ сообщаться, но по временамъ страшно скучали, даже и разговоры у насъ не клеились... не хотѣлось даже видѣться другъ съ другомъ. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей прекрасно играли на роялѣ, и вотъ однажды намъ пришла

мысль—обратиться къ прокурору Ольдекопу (къ тому самому, который когда-то составилъ русско-французскій словарь), съ ходатайствомъ передъ губернаторомъ,—кажется, Нарышкинымъ,—о томъ, чтобы онъ разрѣшилъ привезти къ намъ въ тюрьму рояль.

— Я былъ, господа, у губернатора, и онъ удивился вашей просьбѣ,—сообщилъ намъ прокуроръ.

— Почему?

— Тюрьма, говоритъ, не увеселительное заведеніе; на то она и тюрьма, чтобы вы чувствовали нѣкоторое лишеніе.

— А вы бы хорошенько попросили его. Вѣдь въ нашей просьбѣ нѣтъ ничего предосудительнаго.

— Все говорилъ... Не могу я, господа; долженъ подчиняться, будь то хоть палка...

Впрочемъ, изъ затруднительнаго положенія вывелъ насъ прекрасный нашъ знакомый офицеръ Ермолинъ. Каждый вечеръ въ тюрьму являлся новый составъ караульныхъ солдатъ съ офицеромъ для наблюденія за арестантами. Ермолинъ всегда, бывало, по приходѣ въ караулъ, являлся къ намъ въ камеры и проводилъ время въ бесѣдѣ съ нами чуть ли не всю ночь. Это былъ человѣкъ вполнѣ интеллигентный, идеальный, симпатичный, до мозга и костей погруженный въ науку, интересовавшійся всѣми общественными вопросами, всѣми „злобами дня“, волновавшими тогдашнюю лучшую молодежь. Онъ узналъ о нашемъ желаніи достать рояль и сильно задумался надъ этимъ вопросомъ.

— Да, вотъ что̀, господа: въ мое дежурство и валяй!—везите рояль.

— Да какъ? Узнаетъ смотритель, губернаторъ...

— Ничуть не бывало. Завтра же въ семь часовъ утра пусть привозятъ рояль на телѣгѣ къ тюремнымъ воротамъ.

— Ну? Не пустятъ провезти... смотритель...

— Я скажу, что рояль привезли въ тюрьму для починки. Вѣдь арестантамъ не запрещены ремесла, даже и столярное.

Дѣйствительно, утромъ на другой день слышимъ у воротъ раздается команда: „Отворяй!—въ починку“. И растворились всѣ трое воротъ.

Музыка у насъ играла большею частью по вечерамъ, такъ какъ днемъ внезапно могло нагрянуть начальство. Во время музыки арестанты выходили изъ своихъ камеръ, садились въ рядъ у воротъ нашего двора и со вниманіемъ слушали мелодическіе звуки...

Мы были распредѣлены по пяти комнатамъ, расположеннымъ въ двухъ этажахъ каменной башни. Со второго этажа изъ

сѣней можно было влѣзть па подволоку въ третій этажъ, гдѣ складывался всякій хламъ: старые, обтрепанные арестантскіе халаты, разбитые горшки, угли и пр. Два оконца, загороженныя толстой деревянной рѣшеткой, выходили на одну сторону нашего двора. Такъ какъ башня была выше окружающей тюрьму стѣны, то изъ верхнихъ оконъ сквозь рѣшетки можно было видѣть половину города Казани, по теченію рѣки Казанки. Въ лѣтнюю пору мы подолгу сидѣли по очереди у этихъ рѣшетокъ и смотрѣли па развертывающуюся передъ нашими глазами панораму городской жизни. Мы слышали стукъ экипажей и говоръ людей, и мысленно переносились воображеніемъ въ эту людскую толпу.

Разумѣется, въ теченіе этихъ пяти лѣтъ, проведенныхъ нами въ башнѣ, много воды утекло. Но и въ нашей башнѣ била ключомъ бурная, кипучая, юношеская жизнь. Мы продолжали тамъ развиваться умственно и нравственно, знакомиться по книгамъ съ тѣми философскими, соціально-экономическими и политическими вопросами, которые волновали насъ внѣ стѣнъ. Прежде, въ стѣнахъ университета, мы воспринимали разныя ученія и теоріи больше юношескимъ сердцемъ и чувствомъ, чѣмъ умомъ; недавно выпущенные изъ средне-учебныхъ заведеній, мы не успѣли еще основательно передумать, переварить въ собственной головѣ и затѣмъ претворить въ кровь и плоть ученія великихъ европейскихъ мыслителей. Мы беззавѣтно вѣрили въ наступающее царство свѣта и свободы и всецѣло отдались этому теченію... Здѣсь въ теченіе пяти лѣтъ мы много пережили, много передумали и перечитали массу книгъ. Тюрьма имѣла для насъ значеніе университета, подобно тому, какъ для многихъ нѣмецкихъ дѣятелей въ ранній періодъ ихъ дѣятельности.

Университетская фундаментальная библіотека была богата книгами по всѣмъ отраслямъ знанія. Благодаря дружескому расположенію къ намъ молодого помощника библіотекаря, г. Третьякова, мы могли получать изъ библіотеки всякія книги—и русскія, и иностранныя. Я зналъ только одинъ французскій языкъ и чувствовалъ, что знанія одного языка недостаточно для того, чтобы быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ. Въ эти пять лѣтъ я довольно таки хорошо, изучилъ кромѣ французскаго, нѣмецкій, англійскій и итальянскій языки. Я досталъ Евангелія на этихъ языкахъ и началъ ихъ штудировать и долбить... Не имѣя въ рукахъ грамматики, я изучалъ формы языковъ и обороты рѣчи по Евангелію. И въ концѣ концовъ одолѣлъ. Такъ изучали языки двое другихъ моихъ товарищей. Здѣсь впервые мнѣ при-

шлось прочесть въ подлинникѣ сочиненія Гольбаха („Système de la nature“), Кабе́ („Voyage en Ycarie“), Фурье́, Прудона („Système de contradictions economiques“), Луи Блана („Organisation du travail“), Энгельса („Die Lage der arbeitenden Classen in England“), тогда же переведенную мной на русскій языкъ для моихъ товарищей), Бёрне („Briefe aus Paris“, въ шести томикахъ на толстой сѣрой бумагѣ, и другія его сочиненія). Сочиненій Лассаля въ университетской библіотекѣ пока еще не было; но я ихъ досталъ въ единственномъ, существовавшемъ тогда въ Казани иностранномъ книжномъ магазинѣ. Изъ всѣхъ моихъ товарищей одинъ я остался исключительнымъ книгоѣдомъ. Чтеніе какой-либо интересной книги или статьи въ журналѣ практиковалось у насъ по вечерамъ, для чего всѣ собирались въ одну большую камеру. Днемъ нѣкоторые изъ товарищей занимались какими-либо ремеслами, въ которыхъ они, практикуясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, достигли совершенства. Полиновскій научился прекрасно шить штиблеты и женскіе полусапожки и получалъ много заказовъ отъ городскихъ обывателей; Н. В. Лаврскій въ совершенствѣ изучилъ портняжное ремесло, Бирюковъ—переплетное. Послѣднему постоянно приносили для переплета книги изъ духовной академіи. Дерновъ усовершенствовался въ вырѣзываніи печатей на металлѣ и камнѣ.

Каждому изъ насъ отпускалось на содержаніе по 30 коп. въ сутки, которыя получалъ смотритель тюрьмы, Зерновъ, человѣкъ пожилой, лысый и скаредный. Онъ ежедневно приходилъ къ намъ по утрамъ въ камеры и записывалъ въ свою книжку, кому что нужно купить на рынкѣ или въ магазинѣ. Между прочимъ, онъ ежемѣсячно вычиталъ у каждаго изъ насъ по 70 коп. на покупку углей на самовары, такъ что на этотъ предметъ онъ ежемѣсячно получалъ со всѣхъ насъ до 5 рублей. Мы страшно возмущались такой безсовѣстной эксплоатаціей, но до поры до времени молчали. Наконецъ, терпѣніе наше лопнуло, и мы написали коллективную жалобу губернатору Нарышкину на эксплоатацію насъ смотрителемъ тюрьмы. Губернаторъ, повидимому, тоже возмутился и сдѣлалъ на нашемъ прошеніи надпись: „Объ угляхъ передать для разслѣдованія г. Войнову“ (чиновнику особыхъ порученій).—Въ одно прекрасное утро мы всѣ были приглашены въ верхнюю большую комнату, налѣво отъ входа; туда же вскорѣ прибылъ и губернаторскій чиновникъ,—молодой человѣкъ, изящный франтикъ съ закрученными усиками. Сюда же пригласили и смотрителя тюрьмы, Зернова. Начался допросъ смотрителя объ угляхъ въ нашемъ присутствіи.

Тотъ спутался и ничего не могъ сказать въ свое оправданіе.

— Знаете ли вы, г. Зерновъ, что я васъ могу уволить по третьему пункту?!—закричалъ на него чиновникъ, грозя въ пространство пальцемъ.

— Я ничего... Угли здѣсь дороги... Они много самоваровъ на дню ставятъ...

— Молчите, г. Зерновъ, вы крали! Я еще не знаю, чѣмъ это можетъ кончиться; но во всякомъ случаѣ вы не будете больше пользоваться ихъ деньгами,—говорилъ чиновникъ, указывая на насъ пальцемъ.

Мы, было, пригласили этого любезнаго чиновника выпить съ нами стаканъ чаю, но онъ рѣшительно отказался, сказавъ, что, „можетъ быть, подумаютъ, что я съ вами заодно и взятку еще съ васъ получилъ". Черезъ нѣсколько дней мы получаемъ отъ губернатора бумагу, въ которой намъ циркулярно объявляется, что отнынѣ мы будемъ получать суточныя деньги на руки и сами же лично можемъ отправляться на рынокъ для закупокъ провизіи и всего, что намъ нужно, поочереди, подъ конвоемъ одного солдата со штыкомъ. Это было въ 1865 году. Въ то же время и прокуроръ Ольдекопъ выхлопоталъ для насъ у губернатора позволеніе ходить два раза въ мѣсяцъ для мытья въ городскія бани Батурина (близъ озера Кабана), разумѣется, подъ конвоемъ солдатъ, съ унтеръ-офицеромъ во главѣ. Въ субботу или пятницу мы всѣ въ числѣ семнадцати человѣкъ ходили въ бани подъ конвоемъ 22 солдатъ по улицамъ Казани. По дорогѣ встрѣчались наши знакомые: студенты или обыватели, мужчины и женщины, шли съ нами вмѣстѣ, разговаривали, шутили, смѣялись, кричали; къ концу нашего шествія мы образовывали изъ себя вмѣстѣ съ пристававшими къ намъ знакомыми большую толпу. Въ первое время сторонняя публика останавливалась на улицѣ и смотрѣла на такое необычайное зрѣлище; нѣкоторые выходили поглазѣть на насъ изъ домовъ на улицу, но потомъ всѣ привыкли къ нашему обычному шествію, которое ни въ комъ уже не возбуждало удивленія. Въ банѣ мы мылись по нумерамъ отдѣльно, солдаты стояли на улицѣ,—а затѣмъ одѣвались, поднимались кверху въ гостинницу, пить чай, на который часто приглашали и нашего главнокомандующаго унтеръ-офицера. Назадъ шли въ тюрьму опять тѣмъ же порядкомъ.

Смотритель тюрьмы выдавалъ намъ кормовыя деньги не ежедневно, а въ три пріема въ мѣсяцъ, черезъ каждые десять дней, что дало намъ возможность купить разныя кухонныя принадлежности и устроить въ нижнихъ сѣняхъ чугунную плиту.

Въ тюрьмѣ сидѣлъ бывшій поваръ вице-губернатора, посаженный сюда за какую-то кражу въ пьяномъ видѣ. Онъ согласился готовить намъ обѣдъ за 3 рубля въ мѣсяцъ. На провизію ежедневно выходило по 10 коп. съ человѣка и на булки—отъ 3-хъ до 5 коп. Иногда, въ „праздничные дни“, когда въ караулъ приходилъ Ермолинъ и нѣсколько человѣкъ стороннихъ гостей—студентовъ, дамъ,—поваръ ухитрялся приготовлять мороженое или какое-либо пирожное и угощалъ нашихъ гостей на славу.

Мнѣ страшно хотѣлось пріобрѣсти сочиненія Лассаля на нѣмецкомъ языкѣ и Луи Блана: „Histoire de dix ans“. Достигнуть этого можно было только сбереженіемъ получаемыхъ кормовыхъ денегъ. Такъ я и сдѣлалъ. Ежедневно откладывалъ въ купленную для этой цѣли жестяную копилку по 10—15 коп. Такимъ образомъ въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ мнѣ удалось скопить 17 рублей. Въ одинъ изъ будничныхъ зимнихъ дней мнѣ дали двухъ солдатъ со штыками (одинъ сзади, другой спереди), и я отправился въ иностранный книжный магазинъ, находившійся на главной, Воскресенской улицѣ. Въ магазинѣ моему приходу съ конвоемъ приказчики и хозяинъ магазина нѣсколько удивились и даже испугались, вѣроятно предполагая, ужъ не для обыска ли я пришелъ въ ихъ магазинъ съ солдатами. Хозяинъ-нѣмецъ, ни слова не говоря, досталъ съ полки требуемыя мною книги, завернулъ ихъ въ бумагу и перевязалъ бичевкой. Пять томовъ Луи Блана (8-е иллюстрированное изданіе 1848 года) на прекрасной веленевой бумагѣ стоили мнѣ 12 рублей; изъ Лассаля мною были пріобрѣтены за 3 рубля: „Arbeiterprogramm“, „Offenes Antwortschreiben“, „Arbeiter Lesebuch“, „Die Wissenschaft und die Arbeiter“, „Der Lassallesche Criminalprozess“, „Die indirecte Steuer und die Lage der arbeitenden Classen“, и наконецъ: „Schulze-Delisch oder der economische Julian“.

Съ этой драгоцѣнной ношей я быстро направился восвояси, боясь, какъ бы меня не нагнали и не вернули книги обратно. Солдаты едва поспѣвали за мной слѣдовать. Товарищи встрѣтили меня оваціями. Съ жадностью принялись мы за чтеніе этихъ книгъ. „Программу рабочихъ“, „Наука и рабочіе“ перевели мы на русскій языкъ для пользованія тѣмъ изъ товарищей, которые не знали нѣмецкаго языка. Съ „Исторіей десяти лѣтъ“ Луи Блана мы познакомились отчасти ранѣе по статьямъ въ „Современникѣ“ подъ заглавіемъ: „Іюльская Монархія“, составленнымъ, какъ говорили, Н. Г. Чернышевскимъ. Шумнымъ преніямъ не было конца; мы дѣлились на партіи. Въ преніяхъ при-

нимали участіе и приходившіе къ намъ „гости“: Ермолинъ, Брадовскій (другой караульный офицеръ, прекрасно знавшій физику и химію), студенты и разныя знакомыя барышни. Нерѣдко приходила къ намъ со своей матерью и сестрой Александра Викторовна Лаврская, впослѣдствіи жена Г. Н. Потанина. Она раза два, три въ году пріѣзжала съ матерью и младшей сестрой, Антониной В., нанимала на мѣсяцъ маленькую квартирку близъ острога и чуть-ли не ежедневно приходила въ острогъ къ своему брату Константину В. Это была барышня образованная, много читавшая, и всякій разъ принимала участіе въ нашихъ преніяхъ и бесѣдахъ о тогдашнихъ „злобахъ дня“.

Это была та же университетская аудиторія, въ которой мы доканчивали курсъ по соціально-экономическимъ наукамъ. Правда, изученіе наукъ не отличалось строгой систематичностью, но, благодаря чтенію и почти постояннымъ дебатамъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ, мы пріучались къ строгому, логическому мышленію и болѣе сознательному отношенію къ тѣмъ ученіямъ, которыя мы прежде принимали скорѣе на вѣру, чѣмъ по глубокому убѣжденію.

Меня чрезвычайно интересовали судьбы Италіи. Ея цвѣтущая литература и искусство въ XIII и XIV вѣкахъ, борьба итальянскихъ коммунъ съ аристократіей за свою независимость—сильно меня занимали. Эпоха Данта, Боккачіо, Петрарки, когда уже борьба буржуазіи съ народомъ и гиббелинами была въ полномъ ходу; изгнаніе изъ Флоренціи Данта, борьба Сіомрі съ буржуазіей (popolani grassi) во Флоренціи побудили меня заняться въ тюрьмѣ же изученіемъ эпохи Данта и Боккачіо.

Изъ университетской библіотеки я досталъ массу сочиненій по занимавшему меня вопросу. Въ концѣ 1866 года я составилъ часть монографіи подъ заглавіемъ: „Флоренція въ XIV вѣкѣ“, и прочелъ своимъ товарищамъ въ присутствіи нѣкоторыхъ стороннихъ лицъ. Впослѣдствіи, по выходѣ изъ тюрьмы, я докончилъ это сочиненіе, воспользовавшись новыми источниками, вышедшими въ свѣтъ въ 70-хъ годахъ. Въ 1879 году статья эта была напечатана въ двухъ книжкахъ „Исторической Библіотеки“ (январь и февраль), издаваемой Полежаевымъ.

Матери моей я собрался написать письмо только въ началѣ 1865 года, сообщая ей о своемъ здоровьи и прося ее не горевать о моемъ положеніи. Для успокоенія ея, я увѣрялъ ее, что скоро пріѣду къ ней. Увѣренность эта, по правдѣ сказать, была очень проблематична. Черезъ мѣсяцъ я получилъ отъ нея письмо, которое, повидимому, было написано наугадъ (дьякономъ, моимъ

двоюроднымъ братомъ, съ которымъ я когда-то ѣздилъ въ семинарію), адресъ на конвертѣ былъ довольно странный: „Въ г. Казань, господину Полицъ-Маіору острога (это нашъ-то смотритель Зерновъ!) для передачи сыну несчастной матери такому-то". Мать извѣщала меня, что она считала меня уже умершимъ, и потому „много слезъ обо мнѣ выплакала, два раза служила по мнѣ панихиды и одинъ разъ заказывала даже заупокойную обѣдню по мнѣ съ вынутіемъ частицы изъ просфоры за упокой раба божія Ивана". Только она ужасно боится теперь: „не послужитъ ли къ худу для меня ея служеніе панихиды"? Между прочимъ сообщала, что брата моего Петра исключили изъ семинаріи „изъ-за меня". Инспекторъ семинаріи сказалъ, будто бы: „Красноперовскіе плевелы нужно искоренить". Нѣтъ надежды получить ему мѣсто дьячка въ вятской губерніи. „Петя хочетъ ѣхать въ г. Уфу и тамъ у преосвященнаго просить мѣста. Ты знаешь мои достатки—жить мнѣ нечѣмъ, а Петю жаль. Я продала свой домъ за 40 рублей и отдала ему эти деньги. Сама переселилась жить въ казенную (церковную) избу. Спасибо священнику нашему, отцу Василію: далъ мнѣ мѣсто просвирни".

Братъ мой Петръ былъ даровитый мальчикъ. Онъ много и до страсти любилъ читать. По всей вѣроятности, онъ могъ бы имѣть болѣе свѣтлое будущее, но, благодаря мстительности инспектора (протоіерея), его судьба была несчастна. Онъ получилъ мѣсто дьякона сначала въ уфимской, а затѣмъ въ оренбургской губерніи и, женившись, спился изъ-за непутной жены.

Тутъ произошелъ въ нашей мирной жизни одинъ весьма важный инцидентъ, который было совсѣмъ ухудшилъ наше привилегированное положеніе. Дѣло въ томъ, что долговременное сидѣніе наше въ четырехъ стѣнахъ показалось нѣкоторымъ изъ товарищей безконечно длиннымъ, и они замыслили бѣжать изъ стѣнъ тюрьмы. Нашъ пріятель Ермолинъ, коротая съ нами дни и ночи, уговаривалъ насъ даже всѣхъ бѣжать.—„Да и я съ вами убѣгу, господа. Чего вамъ сидѣть тутъ? Можетъ быть, и до старости будете киснуть здѣсь".—Но куда убѣжимъ?—возражали мы ему:—гдѣ найдемъ пріютъ безъ денегъ?—„Проживете какъ-нибудь за границей уроками, переводами. Вѣдь нѣкоторые изъ васъ ремесла знаютъ. Съ голоду не умрете".

Мы предпочли, однако, остаться, а двое изъ нашихъ все-таки бѣжали за границу. Сначала бѣжалъ одинъ Элпидинъ изъ пересыльной арестантской тюрьмы, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, другой—Жемановъ, медикъ-студентъ III курса, жившій въ одной небольшой камерѣ съ другимъ студентомъ III курса того же фа-

культета—Щербаковымъ. Бѣжать было очень легко, не подвергаясь никакому риску. По праздникамъ и буднямъ къ намъ приходили изъ города гости, которыхъ впускали караульные солдаты безъ счета. Въ одно изъ воскресеній вечеромъ Жемановъ ушелъ изъ тюрьмы вмѣстѣ съ гостями. Его хватились только на другой день въ 7 часовъ утра, когда обыкновенно происходила повѣрка всѣхъ арестантовъ. Впрочемъ, караульные сначала не знали, изъ какой камеры бѣжалъ арестантъ, и первое время думали, что арестантъ ушелъ, вѣроятно, на другой дворъ, къ другимъ арестантамъ, и потому стали искать Жеманова по всѣмъ камерамъ другого двора. Когда караульный офицеръ окончательно убѣдился въ исчезновеніи арестанта изъ политическихъ, онъ далъ знать о бѣгствѣ властямъ, а тѣ сообразили, что бѣжавшій арестантъ, хотя и политическій, съ радости непремѣнно долженъ будетъ отправиться для выпивки въ кабакъ или трактиръ,—значитъ, надо его искать въ кабакахъ. Тамъ солдаты и искали Жеманова. Жемановъ долго жилъ въ Казани у кого-то изъ своихъ знакомыхъ, прежде нежели рѣшился уѣхать за границу, въ Швейцарію. Для насъ наступили тяжелые дни. Во-первыхъ, насъ всѣхъ заперли въ камерахъ снаружи на замокъ, а во-вторыхъ, отъ насъ отобрали наше штатское платье и облекли въ сѣрые арестантскіе халаты съ красными и желтыми тузами на спинѣ; въ-третьихъ, караульные солдаты съ офицеромъ во главѣ нерѣдко по ночамъ отпирали наши камеры и врывались къ намъ съ обыскомъ. Шарили въ печахъ, выгребали оттуда на полъ всю золу, стучали прикладами по кирпичнымъ стѣнамъ, потолку, рылись подъ матрацами и проч.

— Зачѣмъ это вы дѣлаете, господа?—въ недоумѣніи спрашивали мы, бывало, офицера и солдатъ.

— Подкопа или пролома гдѣ-нибудь въ стѣнѣ не сдѣлано ли, чтобы вамъ бѣжать.

Помню, у меня подъ матрацемъ офицеръ нашелъ двѣ географическія карты, бережно свернулъ ихъ и спряталъ себѣ въ боковой карманъ.

— Для чего вы взяли карты-то мои?—обратился я къ офицеру.—Мнѣ онѣ нужны для занятій по исторіи и географіи.

— Разсказывайте! знаемъ мы ваши занятія! Это вы планы составляете, какъ лучше бѣжать.

Такія глупости продѣлывались караульными офицерами и солдатами мѣсяца два. Затѣмъ насъ по-одиночкѣ стали водить въ арестантскихъ халатахъ по городу къ судебному слѣдователю для допросовъ: „Съ вѣдома или безъ вѣдома нашего бѣжалъ

Жемановъ? Не знаемъ ли мы, какъ онъ убѣжалъ, и не помогли ли ему кто-либо въ бѣгствѣ? Не слыхали ли мы—можетъ быть, не думаетъ ли еще кто-нибудь бѣжать изъ нашихъ товарищей?"—На всѣ эти наивные вопросы слѣдователя мы, конечно, отвѣчали отрицательно. Толку изъ всего этого никакого не вышло, такъ какъ мы заранѣе всѣ сговорились, что̀ отвѣчать на допросѣ.

Изъ нашего двора сбоку стѣны вела каменная лѣстница въ острожную церковь, расположенную надъ общими входными воротами. По праздникамъ мы ходили въ церковь и становились въ особое отдѣленіе, отгороженное отъ публики рѣшеткой только съ одной стороны до половины, а съ другой оно ничѣмъ не было отгорожено, и потому весьма естественно городская публика свободно переходила въ наше отдѣленіе. Послѣ бѣгства Жеманова, тюремный смотритель распорядился въ церковь насъ не пускать. Знакомыхъ нашихъ, конечно, тоже никого не пускали. Мы рѣшили написать прошеніе губернатору, въ которомъ доказывали, что „даже самый закоренѣлый преступникъ и убійца не лишенъ послѣдняго религіознаго утѣшенія. Насъ теперь не пускаютъ въ церковь; намъ не даютъ возможности слушать Божественную литургію" и т. д. Губернаторъ въ этомъ вопросѣ сталъ на нашу точку зрѣнія и сдѣлалъ смотрителю строгій выговоръ, говоря, что этакъ—„недопущеніемъ насъ въ церковь для молитвы можно сдѣлать изъ насъ неисправимыхъ, нераскаянныхъ преступниковъ и атеистовъ, а между тѣмъ хожденіе въ церковь можетъ поддержать въ насъ бодрость духа и направить насъ на путь истины"... И намъ опять разрѣшили ходить по праздникамъ въ церковь, опять мы стали видѣться тамъ со своими знакомыми. А въ концѣ концовъ, черезъ полгода, намъ возвратили наше платье, отперли камеры и разрѣшили даже ходить съ конвоемъ въ городъ для покупокъ провизіи.

Въ 1867 году, кажется, 14-го августа, насъ всѣхъ повели, въ 10 часовъ утра, по обыкновенію съ конвоемъ, въ уголовную палату, для объявленія приговора. Намъ еще наканунѣ вечеромъ смотритель объявилъ „по секрету" по камерамъ, что завтра насъ выпустятъ па волю. Это̀ извѣстіе сильно взбудоражило наши нервы. Мы всю ночь напролетъ не спали, зажгли свѣчи и разставили ихъ по окнамъ, точно въ пасхальную ночь. Мы строили одинъ другого смѣлѣе планы относительно будущей нашей дѣятельности; но, странно сказать, намъ въ то же время, какъ будто, и жаль стало разставаться съ насиженнымъ мѣстомъ, особенно съ цвѣточными клумбами и кустами, нами всхоленными, взлелѣянными. Рано утромъ мы пошли всѣ въ свой садикъ и

тамъ пили чай, полили въ послѣдній разъ цвѣты... Уже недѣлю спустя послѣ нашего освобожденія, мы зашли „въ нашъ“ дворъ и не нашли тамъ ни одного кустика, ни одного цвѣточка: тюремное начальство сочло излишней эту роскошь для простыхъ арестантовъ и все вырвало съ корнемъ... Изъ палаты насъ выпустили, однако, не вдругъ. Оказалось, что секретарь палаты пришелъ на службу, какъ и всегда, въ простомъ сюртукѣ или пиджакѣ; а такъ какъ объявленіе намъ приговора послѣдовало отъ Высочайшаго имени, то и пришлось секретарю посылать домой сторожа за мундиромъ, на что потребовалось, вмѣстѣ съ переодѣваніемъ, около часа. Намъ торжественно объявили всѣ наши вины, за которыя мы по закону подвергались самымъ тяжкимъ наказаніямъ: каждому изъ насъ грозили, minimum, 4-хъ-лѣтнія каторжныя работы, а тяжесть моей вины, какъ значилось въ объявленіи приговора, могла искупиться только 8-ю годами каторжной работы въ крѣпостяхъ; но въ концѣ концовъ были приняты во вниманіе „молодость лѣтъ“, „увлеченіе“ и долговременное наше сидѣніе въ тюрьмѣ, — и насъ простили. Прощеніе всѣхъ нашихъ винъ не было, впрочемъ, полное: мы должны были находиться въ теченіе трехъ лѣтъ подъ надзоромъ полиціи.—Выйдя изъ палаты на улицу, мы толпой остановились и обсуждали планъ нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ городѣ никого почти не было знакомыхъ; студенты-товарищи всѣ уже кончили курсъ и разбрелись по мѣстамъ, а между тѣмъ надо было куда-нибудь направиться для отысканія себѣ, во-первыхъ, пристанища, а во-вторыхъ, и средствъ существованія. Сборище наше замѣтилъ полиціймейстеръ Мосоловъ и подошелъ къ намъ:

— Господа, нельзя ли вамъ разойтись?.. Собираться скопомъ нехорошо.

— Мы сейчасъ уйдемъ, только обсудимъ, куда идти.

— Ну, хорошо, только недолго.

— Да зайдите, пожалуйста, въ полицію, ну хоть на дняхъ, виды на жительство получить. Или кого-нибудь одного пошлите,— я выдамъ всѣмъ.

— Зайдемъ.

Всѣмъ кагаломъ направились мы въ Старую Горшечную улицу и наняли общую квартиру, которую назвали главнымъ штабомъ. Черезъ два дня получаемъ отъ полиціймейстера записку слѣдующаго содержанія:

„Г. начальникъ губерніи покорнѣйше проситъ г. Полиновскаго съ товарищами пожаловать къ нему завтра въ часъ дня“. Начальникъ губерніи былъ тотъ самый Скарятинъ, который, какъ

мы узнали изъ газетъ того времени, прославился потомъ поркой татаръ за „самовольный переходъ ихъ изъ православія въ магометанство", а затѣмъ, благодаря этой вразумительной мѣрѣ,—обратно изъ магометанства въ православіе.—Скарятинъ принялъ насъ въ залѣ и сказалъ слѣдующую фразу, такъ и оставшуюся для насъ непонятной:

— Надѣюсь, господа, что синяго пороху между нами не будетъ? Да?

— Конечно, не будетъ,—сказали мы наобумъ.

— Такъ до свиданья.

— До свиданья.

Одинъ по одному мы всѣ разбрелись по разнымъ мѣстамъ. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей сошли уже теперь въ могилу...

И. Красноперовъ.

Могилевъ губ.
1904 г.

ХРИСТІАНСКІЙ ЕПИСКОПЪ

НА

ГРАНИЦѢ IV-V ВѢКОВЪ

АВГУСТИНЪ, КАКЪ ЕПИСКОПЪ.

Окончаніе.

II *).

Тѣ письма Августина, съ которыми мы познакомились, изображаютъ намъ его какъ *правителя* церкви; въ письмахъ, къ которымъ мы теперь перейдемъ, онъ выступаетъ предъ нами какъ *пастырь*, ежедневно озабоченный своей паствой; онъ даетъ наставленія и разрѣшаетъ недоумѣнія, утѣшаетъ постигнутыхъ горемъ, выручаетъ попавшихъ въ бѣду, вступаясь передъ властями за нуждающихся въ защитѣ, не оставляя безъ отвѣта и привѣта никого изъ обратившихся къ нему. И здѣсь приходится указать на то, что, погруженный въ свои богословскія размышленія и сочиненія, удрученный своей административной дѣятельностью, Августинъ нерѣдко жалуется на недостатокъ времени или оправдывается имъ въ своихъ отвѣтахъ. Много времени поглощала у него и его оффиціальная переписка; то приходилось рекомендовать кого-нибудь высокопоставленному лицу, то самому привѣтствовать важнаго сановника.

---

*) См. выше: ноябрь, стр. 5.

Въ примѣръ того приведемъ письмо Августина къ графу, т.-е. главнокомандующему въ Африкѣ, Валерію.

„Всякій разъ, когда у меня просятъ, чтобы я рекомендовалъ кого-нибудь твоему благорасположенію, мнѣ кажется, что если я этого не сдѣлаю, точно я недостаточно цѣню твое милосердіе къ нуждающимся въ помощи, или твое ко мнѣ благоволеніе. Поэтому я и обращаюсь такъ часто къ тебѣ, и въ особенности охотно рекомендую тебѣ слугъ Христа, завѣдующихъ дѣлами церкви, сыномъ и сонаслѣдникомъ коей я радъ тебя считать. Такъ и теперь я рекомендую тебѣ епископа Феликса, нуждающагося въ помощи высокопоставленнаго лица; сдѣлай для него, что можешь, ибо Господь предоставилъ тебѣ большую власть, и я знаю, что ты принимаешь близко къ сердцу дѣла Его".

А вотъ письмо, судя по слогу, къ весьма важному сановнику, Оронцію, извѣстившему Августина о своемъ предстоящемъ пріѣздѣ и пожелавшему получить отвѣтъ. Соблюдая всѣ формы тогдашняго оффиціальнаго языка, по необходимости сглаженныя въ переводѣ, Августинъ не забываетъ, что онъ епископъ, и пользуется обращенной къ нему лестью для религіознаго наставленія: „Благодарю тебя за то, что ты изволилъ предупредить меня письмомъ о твоемъ пріѣздѣ и еще до свиданія доставилъ мнѣ возможность бесѣды, такъ что я, предвкушая въ письмѣ удовольствіе давно желаемаго знакомства, ожидаю его съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ. Отвѣчая должнымъ образомъ и по заслугамъ на твою любезность, я радуюсь твоему благополучію и желаю, чтобы оно продолжалось. Требуя моего отвѣта, ты съ отмѣченнымъ мною благоволеніемъ къ моей скромной особѣ прибавилъ: „если только мы достойны получить письмо отъ такой святой особы"; это даетъ мнѣ надежду, что твоему благоразумію станетъ дорогъ тотъ источникъ святости, черпая изъ котораго по моимъ силамъ, я что-нибудь значу, и что ты станешь не только восхвалять его, но и раздѣлять со мною; да ниспошлетъ тебѣ Господь въ своей несравненной и неизмѣнной милости, такъ хорошо наставившій тебя своимъ всемогуществомъ,—свою благодать для полнаго твоего возстановленія".

Но не одни только важныя лица обращались къ Августину, чтобы удостоиться письма отъ такого „святого" человѣка и великаго богослова. То же самое дѣлали люди самые различные по своему положенію, образованію и требованіямъ. Вотъ что отвѣчаетъ онъ человѣку, религіознымъ рвеніемъ котораго онъ недоволенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вѣжливо уклоняясь отъ посылки ему своихъ сочиненій, считая это безполезнымъ:

„Изъ твоего письма я усматриваю, что ты желаешь получить письмо отъ меня, и братъ Яковъ явился краснорѣчивымъ ходатаемъ въ пользу этого твоего желанія, засвидѣтельствовавшій мнѣ твою доброту, имъ самимъ испытанную, болѣе, чѣмъ могла сдѣлать твоя необъемистая грамота. Привѣтствую тебя за такое благорасположеніе и возношу за твое христіанское сердце благодарность Господу Богу, ибо это—Его благодѣяніе. Ты желаешь, чтобы я посылалъ тебѣ письма, а я посылаю тебѣ мою любовь, которая превыше всякаго писанія, и я знаю, что ты понимаешь, *для чего*. Что же касается твоего желанія *читать* мои писанія, то я опасаюсь, что ты найдешь у меня больше многословія, чѣмъ краснорѣчія. Ограничусь краткимъ замѣчаніемъ, значеніе котораго ты усвоишь, если обсудишь въ продолжительномъ размышленіи. Кто на пути, ведущемъ къ Богу, избѣгаетъ въ трусливомъ малодушіи того, что нетрудно и плодотворно, тому приходится на тернистомъ пути міра сего переносить то, что болѣе тяжело и притомъ безплодно".

А вотъ другой, навязчивый корреспондентъ, притомъ весьма проницательный, письмо котораго можетъ послужить образчикомъ тогдашняго напыщеннаго слога, отъ сравненія съ которымъ языкъ Августина еще болѣе выигрываетъ.

Нѣкто Аудаксъ благодаритъ Августина за то, что онъ любезно принялъ его „попытку писанія"; смѣлая искренность сына возрастаетъ, когда ее орошаетъ струя изъ отцовскаго водоема (fons).—Но онъ недоволенъ отвѣтомъ Августина. „Я обратился къ тебѣ, дорогой святитель, не для того, чтобы получить малую лепту отъ твоего любвеобильнаго сердца, но чтобы свободно черпать изъ этого могучаго и широкаго потока. Я желалъ получить сокровище мудрости, а получилъ меньше, чѣмъ желалъ, и это *меньше* — все же *даръ* [1]), посланный мнѣ *Августиномъ*, оракуломъ закона, святителемъ праведности, установителемъ духовной славы, вершителемъ вѣчнаго спасенія. Ты столь же хорошо знаешь весь міръ, какъ и все въ немъ постигаешь; и ты столь же извѣстенъ всему міру, какъ высоко имъ цѣнимъ. Я желаю пастись на покрытомъ цвѣтами лугу мудрости и утолять жажду изъ источника живой воды. Дай же жаждущему то, что во всякомъ случаѣ пойдетъ ему въ прокъ. Поэтому я не только письменно обѣщаю, что пріѣду къ тебѣ, но даю въ томъ обѣтъ, а „писаніемъ твоимъ буду зачитываться"; здѣсь въ рукописи неразборчивое слово.

---

[1]) Игра словами: minus и munus.

Письмо заканчивается еще болѣе высокопарнымъ стихотвореніемъ. Какъ же отвѣтилъ на это письмо Августинъ? — „Меня не разсердило, но даже порадовало твое короткое письмо, столь настойчиво требовавшее обстоятельнаго письма съ моей стороны: не то, чтобы мнѣ было легко удовлетворить твоей пылкости, но я привѣтствую твое благочестіе; хотя ты и обратился не къ тому, къ кому бы слѣдовало, но то, чего ты желаешь, достойно одобренія. Для длиннаго письма мнѣ недостаетъ не столько способности написать его, сколько досуга. Я очень занятъ церковными дѣлами, и у меня остаются лишь немногія крохи времени для размышленія или для писанія о томъ, что̀ мнѣ представляется особенно настоятельнымъ и полезнымъ для многихъ; нѣтъ времени и для отдыха, и для необходимаго въ моемъ служеніи возстановленія тѣлесныхъ силъ. Словъ въ моемъ распоряженіи, правда, довольно, и я могъ бы наполнить ими немало листовъ, но я неспособенъ дать тебѣ то, чего ты добиваешься въ многословномъ письмѣ. Ты говоришь, что желалъ получить сокровище мудрости, но получилъ меньше, чѣмъ хотѣлъ; я же самъ, какъ нищій, вымаливаю изъ этого сокровища ежедневное подаяніе и едва его получаю".

Разбирая титулы, которые ему надавалъ Аудаксъ, Августинъ пишетъ: „Какой же я оракулъ закона (божественнаго), въ тайнахъ котораго я скорѣе несвѣдущъ, чѣмъ свѣдущъ, и въ разнообразные изгибы и темные ходы котораго я менѣе способенъ проникать, чѣмъ бы желалъ, — и, признаюсь, мало достоинъ проникать. И какой же я святитель праведности, когда я уже и то высоко цѣню, что ей посвящено мое служеніе? А что ты называешь меня „установителемъ духовной славы", то извини, ты не знаешь, съ кѣмъ говоришь: я самъ такъ мало успѣваю въ этой духовной славѣ, что изо дня въ день не вѣдаю, сколько я въ ней успѣлъ; или успѣваю ли въ ней вообще. Конечно я вершитель вѣчнаго спасенія, но вмѣстѣ съ прочими безчисленными моими сослужителями.

„И такъ, любезный братъ, пусть лучше самъ Господь пасетъ тебя на цвѣтныхъ лугахъ мудрости и утоляетъ твою жажду глотками живой воды. Если же ты думаешь, что моя помощь можетъ содѣйствовать твоему успѣху въ благочестіи, — я понимаю, что ты способенъ къ этому, и чувствую, что ты усердно этого желаешь, — то лучше тебѣ обратиться къ моимъ сочиненіямъ, которыя занимаютъ много томовъ, чѣмъ разсчитывать, что твое желаніе можетъ быть удовлетворено моими письмами; или же пріѣзжай и самъ лично воспользуйся тѣмъ, что̀ я могу дать;

твое отсутствіе я объясняю твоимъ нежеланіемъ быть съ нами: ибо развѣ трудно тебѣ, человѣку не несущему никакой мѣстной обязанности, пріѣхать къ намъ на продолжительное или хотя бы на короткое время?"

Заканчивая письмо, Августинъ воспользовался стихами Аудакса, чтобъ потрунить надъ нимъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ подмѣтилъ ошибку противъ метра и спрашиваетъ Аудакса, ввелъ ли его въ заблужденіе его слухъ, или онъ желалъ испытать, сохранилъ ли онъ, Августинъ, способность замѣчать такія ошибки,—ибо люди, нѣкогда этимъ занимавшіеся, забываютъ это по мѣрѣ того, какъ преуспѣваютъ въ церковной литературѣ.

Въ заключеніе, Августинъ отрицаетъ, чтобы онъ переводилъ псалмы съ еврейскаго на латинскій; онъ лишь исправилъ нѣкоторыя латинскія рукописи по еврейскому оригиналу и теперь еще при чтеніи исправляетъ незамѣченныя раньше ошибки. Но хотя они отъ этого стали, можетъ быть, и лучше, все же еще переводъ ихъ не таковъ, какимъ бы ему слѣдовало быть.

Пріятный контрастъ съ этимъ заносчивымъ литераторомъ, который оправдалъ свое имя, представляетъ одна молодая дѣвушка; она также желала получать письма отъ Августина, но по робости не рѣшалась его объ этомъ просить. И какъ различно отнесся и самъ Августинъ къ самодовольному грамотѣю, который желалъ съ нимъ переписываться, чтобы блеснуть своей цвѣтистой прозой и своими виршами—и къ „любознательной дѣвушкѣ" (studiosa puella) Флорентинѣ, искренно желавшей научиться божественной мудрости! — Узнавъ отъ ея матери о ея желаніи получить отъ него письмо, чтобы потомъ обратиться къ нему за совѣтомъ, Августинъ пишетъ Флорентинѣ, что считаетъ себя добровольно обязаннымъ послужить почтенному рвенію ея и всѣхъ ей подобныхъ по мѣрѣ своихъ силъ. „Вотъ я и исполнилъ то, чего ты хотѣла; теперь остается тебѣ высказаться, если хочешь меня о чемъ-нибудь спросить. Если я знаю то, о чемъ ты меня спросишь, тогда не откажусь тебѣ отвѣтить; если же я этого не знаю, но мое невѣдѣніе не будетъ въ ущербъ вѣрѣ и спасенію нашему, тогда объясню тебѣ это и успокою тебя, насколько мнѣ это будетъ возможно. Или же, если невѣдомое мнѣ необходимо знать для спасенія, я стану молить Господа, чтобы Онъ помогъ мнѣ удовлетворить тебя; или, наконецъ, ты изъ моего отвѣта узнаешь, къ кому тебѣ постучаться по дѣлу, которое намъ одинаково невѣдомо.

„Я предувѣдомилъ тебя объ этомъ для того, чтобы ты не разсчитывала навѣрное получить отвѣтъ на все, о чемъ бы ты

меня ни спросила, и чтобы ты, если я твоихъ надеждъ не оправдаю, не считала меня болѣе смѣлымъ, чѣмъ благоразумнымъ за мое приглашеніе спрашивать меня, о чемъ хочешь. Я предлагаю себя, не какъ совершеннаго ученаго (doctor perfectus), но какъ человѣка, который долженъ совершенствоваться вмѣстѣ съ тѣми, кого онъ наставляетъ. Даже въ тѣхъ вещахъ, въ коихъ я нѣсколько свѣдущъ, я предпочелъ бы видѣть тебя знающей, чѣмъ нуждающейся въ моемъ знаніи. Намъ не слѣдуетъ желать невѣдѣнія другихъ для того, чтобы научить ихъ нашему знанію; гораздо лучше, чтобы самъ Господь наставлялъ насъ всѣхъ".

Желаніе получить отъ Августина письмо весьма часто сопровождается выраженіемъ желанія лично видѣть его, или сѣтованіемъ на невозможность этого. Не всѣ были такъ счастливы, какъ Аудаксъ, развязно извѣстившій Августина о своемъ предстоящемъ пріѣздѣ. Какъ скромно и деликатно утѣшаетъ въ такихъ случаяхъ Августинъ людей, огорченныхъ невозможностью видѣться съ нимъ!

„Есть люди,—пишетъ Августинъ Консенцію, которыхъ мы видимъ очами тѣла, но не знаемъ, ибо намъ неизвѣстенъ ни образъ мысли ихъ, ни ихъ образъ жизни; нѣкоторыхъ же мы знаемъ, не видѣвши ихъ; это тѣ, любовь которыхъ и настроеніе намъ стали извѣстными. Къ числу таковыхъ я и тебя причисляю, и потому я еще болѣе желалъ бы тебя видѣть, чтобы ты принадлежалъ къ числу тѣхъ, кого я и вижу, и знаю. Ибо тѣ невѣдомые, которые навязываются нашимъ глазамъ, намъ не только не желанны, но мы едва ихъ выносимъ, если намъ не раскрывается въ нихъ по какимъ-либо признакамъ ихъ внутренняя красота. Что же касается тѣхъ, кого мы познали, какъ я тебя, духовно, хотя и не видѣли тѣлесно, мы знаемъ ихъ, но потому и желаемъ ихъ видѣть, чтобы посредствомъ лицезрѣнія ближе и лучше наслаждаться душой того, кого мы уже признали какъ друга... Можетъ быть, Господь и пошлетъ намъ свиданіе съ тобою, когда настанетъ время большаго спокойствія и безопасности въ человѣческихъ дѣлахъ, но мы желаемъ, чтобы это свиданіе скорѣе обусловилось чистымъ влеченіемъ дружбы, чѣмъ тяжелыми обстоятельствами".

Въ томъ же духѣ, но еще задушевнѣе письма Августина къ Фабіолѣ, дѣвушкѣ изъ знаменитаго рода Фабіевъ, которой пришлось, по разореніи ея родного города, скитаться по міру.

„Хотя твое письмо лишь отвѣтъ, я считаю долгомъ на него отвѣтить. Ты сожалѣешь, что скитаніе въ здѣшней жизни не всегда дозволяетъ наслаждаться обществомъ святыхъ, и ты права, что предпочитаешь небесное отечество, гдѣ мы не будемъ раз-

лучены земными разстояніями, но будемъ всегда вмѣстѣ ликовать въ одномъ общемъ созерцаніи. Ты счастлива тѣмъ, что такъ думаешь; еще счастливѣе тѣмъ, что тебѣ дорога эта мысль; а потому достигнешь высшаго счастья по осуществленіи ея. Но и теперь вдумайся внимательнѣе въ то, что считать отсутствіемъ: въ томъ ли оно заключается, что мы не видимъ другъ друга, или въ томъ, что души наши не вступаютъ въ тотъ обмѣнъ мыслей и чувствъ, который мы называемъ бесѣдой. Я полагаю, что если бы мы, хотя и въ разлукѣ и на самыхъ далекихъ разстояніяхъ, могли взаимно знать наши мысли, мы были бы ближе другъ къ другу, чѣмъ если бы молча сидѣли вмѣстѣ, глядя другъ на друга, но не проявляя ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ тѣла того, что происходитъ въ душѣ. Отсюда ты поймешь, что всякій себѣ ближе, чѣмъ другому, потому что знаетъ себя самого больше, чѣмъ другого, — созерцая не наружность свою (gestatur et latet), которая не видна намъ безъ зеркала, а совѣсть, которую мы зримъ и съ закрытыми глазами".

Августинъ не безъ основанія предупреждалъ Флорентину, что, можетъ быть, не въ состояніи будетъ отвѣчать на всѣ ея вопросы. На самомъ дѣлѣ къ нему нерѣдко обращались за разрѣшеніемъ самыхъ затруднительныхъ проблемъ. Особенно охотно спрашивали его о душѣ человѣка и о послѣдняхъ дняхъ міра: происходятъ ли души людскія отъ того духа (flatus), который Богъ вдохнулъ въ Адама; облекается ли душа покойника въ какой-нибудь тѣлесный покровъ, который даетъ ей возможность перемѣщаться и являться людямъ; о томъ, какое будетъ тѣло у человѣка по воскресеніи изъ мертвыхъ?

Вѣра въ загробную жизнь составляла самый животрепещущій интересъ тогдашняго общества, и нѣкоторые изъ вытекавшихъ отсюда вопросовъ глубоко тревожили его своими практическими послѣдствіями, какъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, обречены ли на вѣчную гибель младенцы, умершіе до крещенія,—вопросъ, возбужденный полемикой Августина съ пелагіанцами о первородномъ грѣхѣ. Нѣкоторые изъ поднимавшихся вопросовъ касались воззрѣній, унаслѣдованныхъ отъ языческаго общества.

Августинъ искалъ и самъ для себя наставленій и совѣтовъ; конечно, число тѣхъ, къ кому онъ могъ обращаться съ этою цѣлью, было невелико; но сохранилось одно изъ такихъ писемъ къ извѣстному Паулину [1]), пріобрѣвшему славу особаго

---

[1]) О немъ см. „Вѣстн. Европы", 1905 г., янв.

благочестія еще въ дни Августина. Письмо это интересно потому, что Августинъ изображаетъ въ немъ свое душевное состояніе и описываетъ разладъ въ душѣ человѣка, живущаго мыслью о небѣ и принужденнаго, въ качествѣ пастыря, постоянно погружаться ради другихъ въ мірскія заботы и дрязги.

„Простая это истина и не подлежащая никакимъ колебаніямъ сомнѣнія, что въ этой бренной жизни слѣдуетъ жить такъ, чтобы она служила подготовленіемъ къ жизни безсмертной. Но вопросъ, смущающій людей дѣйствующихъ и созерцающихъ, какъ я, заключается въ томъ, какъ слѣдуетъ жить среди тѣхъ и ради тѣхъ, кто еще не позналъ, какъ умирать при жизни, умирать не разложеніемъ тѣла, но отвращаясь отъ плотскихъ соблазновъ духовнымъ настроеніемъ. Мнѣ часто кажется, что если мы не войдемъ съ ними въ нѣкоторое соглашеніе относительно того самаго, отъ чего мы желаемъ ихъ отвлечь, то не будемъ въ состояніи принести имъ какой-нибудь пользы. Но если мы это дѣлаемъ, то нѣкоторый интересъ къ этому вкрадывается и въ насъ, такъ что часто и пустословіе доставляетъ намъ удовольствіе, и мы не только улыбаемся, но даже поддаемся смѣху, вслѣдствіе чего душа наша, отягощенная не только ничтожными, но и низкими чувствами, менѣе охотно и съ большимъ трудомъ возвышается къ Богу, чтобы жить евангельской жизнью и умирать евангельской смертью. Если же это намъ нѣсколько удается, намъ тотчасъ что-то нашептываетъ: „прекрасно", „прекрасно"! Этотъ голосъ идетъ не отъ людей, ибо никто изъ людей не чувствуетъ въ другомъ такого самопревознесенія, но среди какого-то внутренняго безмолвія слышится нашептываніе: „прекрасно", „прекрасно"! За соблазнъ этого рода, по признанію нашего великаго апостола (II Кор., XII, 7), онъ былъ „удручаемъ ангеломъ, чтобы не превозносился". Вотъ почему вся жизнь человѣка на землѣ—одно сплошное искушеніе. Человѣкъ подвергается искушенію даже тогда, когда посильно устремляется сподобить себя жизни небесной".

Открывши Паулину свою душу, Августинъ проситъ у него наставленія его въ томъ, подвергать ли или не подвергать наказанію съ цѣлью, чтобы это шло во спасеніе наказуемыхъ. „Какъ глубокъ и запутанъ вопросъ, какой держаться мѣры въ наказаніяхъ, сообразуясь не только съ свойствомъ и степенью преступленія, съ силами перенести наказаніе такъ, чтобы оно содѣйствовало исправленію, а не принесло ухудшенія! Не знаю, больше ли было исправившихся или погибшихъ отъ страха людского наказанія? Какъ часто случается, что если кого накажешь,

онъ погибнетъ; если оставишь безнаказаннымъ—другой погибнетъ. Я признаюсь, что ежедневно въ этомъ грѣшу и совершенно не знаю, какъ соблюсти слова Писанія: „согрѣшающихъ обличай предъ всѣми, чтобы и прочіе страхъ имѣли“ (I Тим., V, 20). И опять, сколько заботъ вызываетъ страхъ, чтобы не случилось того, противъ чего предостерегаетъ апостолъ (I Кор. V, 12, 13), совѣтуя „простить, дабы виновный не былъ поглощенъ чрезмѣрною печалью“. Приведя еще рядъ разныхъ текстовъ, касающихся наказаній, Августинъ восклицаетъ: „Какъ все это страшно, о Паулинъ, святой Божій человѣкъ, какъ страшно и какъ темно!“

Изъ этого видно, какъ тревожила добросовѣстнаго, хотя уже и опытнаго епископа (письмо написано въ 408 г.) лежащая на немъ отвѣтственность судьи. Правда, налагаемыя имъ кары были духовныя и не выходили изъ области церковнаго покаянія, но и онѣ могли вызывать огорченія, упреки въ несправедливости и ожесточеніе сердца, вмѣсто его исправленія. Но къ этому присоединялось другое затрудненіе. Руководствомъ при всѣхъ недоумѣніяхъ должно было служить епископу Св. Писаніе, а оно не всегда давало на нихъ ясный отвѣтъ. И вотъ великій знатокъ священныхъ книгъ, столько разъ разрѣшавшій другимъ самые трудные вопросы, откровенно признается съ замѣчательной скромностью въ трудностяхъ, которыя ему представляетъ ихъ истолкованіе. „Не правда ли, что мы болѣе блуждаемъ по поверхности Св. Писанія, чѣмъ вникаемъ въ него, и что въ большей части случаевъ мы скорѣе ищемъ, какъ слѣдуетъ его понимать, чѣмъ опредѣленно и ясно понимаемъ его смыслъ? И такое осторожное къ нему отношеніе, хотя оно и полно тревогъ, все-таки лучше, чѣмъ смѣлое утвержденіе. Развѣ мало такихъ случаевъ, когда истолкованіе текста не въ плотскомъ смыслѣ, который апостолъ (Къ Рим. VIII, 5—6) называетъ смертью, становится великимъ соблазномъ для того, кто еще „помышляетъ по плоти“; когда очень опасно говорить, что думаешь, не говорить тяжело, а говорить иначе, чѣмъ думаешь, пагубно! И что же? Когда мы не одобряемъ чего-либо въ рѣчахъ или писаніяхъ людей церкви и думаемъ, что чувство братской любви обязываетъ насъ не скрывать нашего сужденія, а это объясняютъ не благорасположеніемъ, но завистью, то какъ грѣшатъ противъ насъ! А если мы подобнымъ образомъ подозрѣваемъ тѣхъ, кто наши мнѣнія осуждаютъ, что они болѣе желаютъ повредить намъ, чѣмъ исправить насъ, то какъ грѣшимъ мы противъ другихъ!

„Отсюда происходитъ вражда часто между самыми близкими

и дорогими другъ другу лицами по словамъ Писанія, когда одинъ превозносится передъ другимъ и приходится „беречься, какъ бы они, угрызая и съѣдая другъ друга (Гал., V, 15), не истребили другъ друга“. И потому ли, что опасность, въ которой находишься, тѣмъ страшнѣе, чѣмъ неосмысленнѣе, или на самомъ дѣлѣ это такъ, но мнѣ кажется, что жуткость и непогода пустыни менѣе тягостны, чѣмъ то, что мы испытываемъ или чего опасаемся среди людской толпы“. И вотъ при такомъ невѣдѣніи и затрудненіяхъ, обусловленныхъ разнообразіемъ нравовъ и лицъ съ скрытыми наклонностями и слабостями, ему приходится блюсти дѣло народа—по отношенію не къ земному или римскому царству, а небесному Іерусалиму!—потому онъ и обращается за поддержкой къ Паулину.

Но гораздо чаще, конечно, чѣмъ искать наставленія у другихъ, Августину приходилось самому быть наставникомъ современнаго общества, разрѣшать его недоумѣнія и разсѣивать его заблужденія. Въ примѣръ подобнаго наставленія приведемъ письмо Августина къ нѣкоему Лампридію, который, какъ замѣтилъ Августинъ, изъ бесѣды съ нимъ и въ особенности изъ обращеннаго къ нему письма, приписывалъ судьбѣ, т.-е. „фатуму и фортунѣ“, большое вліяніе на человѣческіе поступки. Августинъ признавалъ этотъ вопросъ чрезвычайно важнымъ для спасенія, такъ что считалъ себя обязаннымъ дать обстоятельный отвѣтъ. Ибо онъ видѣлъ „немалое зло въ такомъ заблужденіи, которое не только прельщаетъ человѣка къ грѣху, но и отвращаетъ его отъ признанія грѣха, оправдывая его“.

Но не имѣя времени для обширнаго отвѣта, Августинъ „кратко и безотлагательно“ внушаетъ Лампридію, что если не признавать *волю* источникомъ грѣха, то всѣ законы и всѣ средства къ упорядоченію жизни—похвала и осужденіе, увѣщанія и угрозы, награды и кары и все, чѣмъ родъ человѣческій управляется и сдерживается—будутъ сокрушены и ниспровергнуты. „Насколько же для насъ лучше и справедливѣе осуждать заблужденія астрологовъ, чѣмъ божественные законы, и чѣмъ пренебрегать благополучіемъ нашей собственной семьи—чего не дѣлаютъ и сами астрологи? Ибо, какъ скоро кто-нибудь изъ нихъ, давъ за деньги богатому человѣку нелѣпое истолкованіе судьбы (fatua fata), подниметъ взоръ свой отъ дощечекъ изъ слоновой кости и обратитъ свое вниманіе на благоустройство своего дома, онъ станетъ не только словами, но побоями исправлять жену, если она слишкомъ предалась веселію, или хотя бы, какъ ему показалось, стала часто въ окно глядѣть. А что, если она ему

будетъ говорить: „за что ты меня бьешь? Венеру побей, если можешь; она меня къ тому понуждаетъ!“ тогда астрологъ забудетъ пустыя слова (vana verba), которыми онъ обманываетъ постороннихъ, заботясь лишь о справедливыхъ побояхъ (verbera) для исправленія своихъ домашнихъ.

„Поэтому,—продолжаетъ Августинъ,—если кто-либо на обращенные къ нему упреки станетъ винить судьбу, пусть примѣнитъ это къ своимъ; пусть не наказываетъ раба-вора, пусть не жалуется на обиды сына, пусть не грозитъ нечестному сосѣду. Если же онъ по праву хозяина и по обязанности отца семейства наставляетъ къ добру зависящихъ отъ него людей, отвлекаетъ угрозами отъ зла, требуетъ отъ нихъ повиновенія, отличаетъ тѣхъ, которые ему послушны, караетъ непокорныхъ, воздаетъ благодарность за оказанныя ему благодѣянія, осуждаетъ неблагодарныхъ, — то нужно ли мнѣ будетъ спорить съ нимъ о вліяніи судьбы, когда онъ съ полной очевидностью не словами, а самыми поступками, такъ сказать, собственноручно подрываетъ всѣ бредни астрологовъ“.

На ряду съ этимъ наставленіемъ, столь характернымъ для этики Августина, поставимъ другое, еще болѣе характерное, ибо оно освѣщаетъ не только его этическія воззрѣнія, но и его личность. Это—его воззваніе къ любви и религіозному миру въ письмѣ къ діакону Реституту... Оно тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что Августинъ, въ пылу успѣшной борьбы съ донатистами увѣровалъ въ спасительность религіознаго понужденія. Отъ письма къ Реституту вѣетъ совсѣмъ инымъ настроеніемъ; къ сожалѣнію оно не поддается хронологическому опредѣленію. Августинъ совѣтуетъ Реституту читать книгу Тихонія, который, будучи самъ донатистомъ, осуждалъ во многомъ эту секту, но проповѣдывалъ, что праведникамъ слѣдуетъ ради мира жить въ единеніи съ неправедными. Августинъ хвалитъ за это Тихонія, но сожалѣетъ, „что онъ при этомъ недостаточно ссылался на слова Св. Писанія, которое такъ полно свидѣтельствъ и фактовъ въ пользу мира, что пришлось бы его въ этомъ случаѣ выписать цѣликомъ; ибо едва ли не каждая его страница наставляетъ насъ быть миролюбивыми съ тѣми, кто ненавидитъ миръ — пока не окончится наше продолжительное паломничество и мы не будемъ наслаждаться полнѣйшимъ миромъ подъ сѣнью вѣчной матери Іерусалима. Ты видишь поэтому, гдѣ настоящій источникъ мира,— ибо ни близость отношеній, ни духовное согласіе, не обезпечиваютъ полнаго и совершеннаго мира“.

Наставленія, которыя разсылалъ Августинъ на обращенные

къ нему запросы и просьбы, по обстоятельствамъ принимали болѣе строгій тонъ и становились обличеніями. Замѣчательно въ этомъ отношеніи письмо Августина къ Корнелію, товарищу его дѣтства, который просилъ его написать ему „обширное посланіе“ въ утѣшеніе отъ „тяжкаго горя“ по случаю смерти его добродѣтельной супруги—посланіе подобное письму св. Паулина къ Макарію по тому же поводу. Отвѣтъ Августина интересенъ, помимо содержанія, еще тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя автобіографическія подробности, столь рѣдкія въ письмахъ Августина и потому особенно драгоцѣнныя. „Душа твоей жены,—пишетъ Августинъ,—принятая въ сонмъ правовѣрныхъ и цѣломудренныхъ, не цѣнитъ людскихъ похвалъ и не ищетъ ихъ. Но такъ какъ похвальное слово произносится ради *живущихъ*, то прежде всего надлежитъ тебѣ, желающему найти утѣшеніе въ ея похвалѣ, жить такъ, чтобъ заслужить быть тамъ, гдѣ находится она. Вѣдь ты, безъ сомнѣнія, не полагаешь, что она находится съ тѣми, кто осквернилъ супружеское ложе или въ безбрачіи велъ разнузданную жизнь. Поэтому ея похвалами изгонять горе мужа, такъ мало на нее похожаго, было бы местью, а не утѣшеніемъ. Ибо если бы ты ее любилъ такъ, какъ она тебя любила, то сохранилъ бы по отношенію къ ней то, что она тебѣ сохраняла. И такъ какъ ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобъ она, если бы ты раньше умеръ, вышла за кого-нибудь вторымъ бракомъ, то не правда ли и ты, — еслибы на самомъ дѣлѣ горевалъ о ея смерти и искалъ бы утѣшенія въ ея похвалахъ,—не сталъ бы думать о новомъ бракѣ, хотя бы съ законной женой?

„Ты мнѣ скажешь: „почему ты такъ строгъ ко мнѣ? почему такъ жестко упрекаешь? развѣ я не состарился среди такихъ наставленій и развѣ жизнь не обрывается раньше чѣмъ исправляется?“ Стало быть ты хочешь, чтобъ я извинилъ твою гибельную безпечность! такъ уже лучше извини *ты* мою заботу о тебѣ полную любви къ тебѣ, но и печали для меня!

„Цицеронъ, нападая на *противника* и, въ отличіе отъ меня, руководясь заботою объ управленіи *земнымъ* государствомъ, заявилъ: „Я желаю, отцы сенаторы, быть снисходительнымъ; но среди такой опасности для государства я желаю также не казаться равнодушнымъ“. Насколько справедливѣе я могу тебѣ сказать: — вѣдь ты знаешь, какъ я къ тебѣ дружески расположенъ и что я состою служителемъ божественнаго слова и таинствъ во славу вѣчнаго града, — я желаю, братъ мой, Корнелій, быть къ тебѣ снисходителенъ, но и я тоже не желаю не

казаться равнодушнымъ въ такой великой опасности для тебя и для меня!

„Подонки женщинъ тебя окружаютъ, съ каждымъ днемъ ростетъ ихъ число—и мнѣ ли терпѣливо выслушивать ихъ господина,—нѣтъ, ненасытнаго раба этой толпы, требующаго отъ епископа по праву дружбы, восхваленія покойной жены какъ будто бы для утѣшенія его скорби? Будучи юношей и пребывая вмѣстѣ со мною, хотя и моложе меня, въ опаснѣйшемъ увлеченіи, ты силою воли совершенно исправился отъ этого порока; вскорѣ, однако, ты еще глубже въ немъ погрязъ, и хотя и принялъ крещеніе въ опасный для жизни часъ, до сихъ поръ не исправился, ставъ, можно сказать, старикомъ. И я сталъ старикомъ и епископомъ, и ты теперь хочешь, чтобы я утѣшилъ тебя въ смерти твоей доброй жены! но кто утѣшитъ меня въ болѣе истинной смерти тебя самого? если я и не въ состояніи забыть оказанныя мнѣ тобою великія услуги, то неужели же я долженъ за это мучиться изъ-за тебя и выносить отъ тебя пренебреженіе, когда я молю тебя за тебя?

„Теперь коснусь похвальнаго слова Купріанѣ, котораго ты отъ меня требуешь. Если бы я еще состоялъ въ школѣ риторовъ и продавалъ ученикамъ краснобайство, я бы взялъ съ нихъ за это плату впередъ. Я готовъ и тебѣ продать похвалу твоей цѣломудренной супругѣ, но сначала заплати мнѣ—твоимъ цѣломудріемъ; дай и получи. Я говорю съ тобой по-человѣчески въ виду твоей слабости. Мнѣ кажется, что въ твоихъ глазахъ Купріана не стоитъ того, чтобы предпочесть ея похвалу ласкамъ твоихъ приживалокъ: ты оправдаешь мои слова, если будешь продолжать пользоваться этими ласками вмѣсто того, чтобы получить отъ меня ея похвальное слово. Но зачѣмъ тебѣ униженно просить у меня то, чего ты могъ бы *потребовать* отъ меня—исправившись? Такъ принесемъ же твоей супругѣ духовные дары: ты—слѣдуя ея примѣру, я—восхваляя ее. Конечно, какъ я сказалъ, людская похвала ей не нужна; но чтобы ты подражалъ ей, покойница желаетъ этого такъ же сильно, какъ любила тебя при жизни, хотя ты и не походилъ на нее“.

Не съ простымъ гражданиномъ и другомъ дѣтства, которому было безопасно высказывать горькія истины, а съ самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ тогдашней Африкѣ имѣлъ дѣло Августинъ, когда писалъ подобное же наставленіе Бонифацію. Этотъ Бонифацій, сыгравшій потомъ такую роковую роль въ исторіи Африки, призвавши туда вандаловъ, былъ *графомъ*, т.-е. главнокомандующимъ въ Африкѣ. Августинъ находился съ нимъ

въ сношеніяхъ еще раньше, когда Бонифацій былъ военнымъ трибуномъ и, усмиривъ варварскія племена Африки, умиротворилъ эту провинцію. Военныя заботы не помѣшали тогда Бонифацію интересоваться религіозными вопросами, какъ видно изъ письма къ нему Августина, который и посвятилъ ему свою книгу „объ исправленіи донатистовъ", и успокаивалъ его относительно совмѣстимости военной службы съ званіемъ христіанина. По смерти своей жены, Бонифацій былъ такъ безутѣшенъ, что собирался посвятить себя монашеству; но во время поѣздки въ Италію женился вторично—на аріанкѣ, и хотя настоялъ, чтобы она приняла католичество, однако допустилъ крещеніе своей дочери по аріанскому обряду. Кромѣ того, до Августина дошли слухи о несоблюденіи Бонифаціемъ супружеской вѣрности. Всѣмъ этимъ объясняется грозный тонъ посланія Августина къ нему, написаннаго въ 427 году: „Я не могъ бы найти человѣка болѣе вѣрнаго и имѣющаго болѣе легкій къ тебѣ доступъ, чѣмъ діаконъ Павелъ, намъ обоимъ дорогой,—чтобы побесѣдовать съ тобою не о власти и почестяхъ, тебѣ доставшихся въ этомъ зломъ вѣкѣ, и не о благополучіи твоей бренной плоти,—ибо она преходящая и долго ли будетъ существовать, неизвѣстно,—но о томъ спасеніи, которое намъ обѣщалъ Христосъ, именно для того подвергнувшій себя оскорбленіямъ и распятію на крестѣ, чтобы на крестѣ научить насъ болѣе презирать, чѣмъ любить блага сего міра"... Августину стало извѣстно, какъ пишетъ онъ далѣе, что вокругъ Бонифація много людей, привязанныхъ къ нему мірскими интересами и дающихъ ему совѣты по отношенію къ мірской жизни то полезные, то безполезные; ибо они люди и не вѣдаютъ того, что можетъ случиться на слѣдующій же день. Но что должно дѣлать, чтобы не погубить души, на это едва ли найдутся совѣтники, не потому, чтобы такихъ людей не было, но потому, что нелегко найти случай объ этомъ заговорить. Августинъ давно этого желалъ, но не находилъ времени и мѣста для бесѣды съ нимъ. Когда Бонифацій былъ въ Гиппонѣ и „удостоилъ" Августина своимъ посѣщеніемъ, послѣдній былъ такъ боленъ, что едва могъ произнести слово. „Нынѣ же, сынъ мой, послушай меня, хотя я и говорю съ тобой черезъ посредство письма, которое я, несмотря на твое опасное положеніе, никакъ не могъ раньше тебѣ послать, зная опасность, которой подвергнется вѣстникъ, и опасаясь, чтобы мое письмо не попало въ руки нежелательныя. Поэтому прошу тебя простить меня, если полагаешь, что мои опасенія были преувеличены.

„Послушай же меня,—нѣтъ, послушай Господа, Бога нашего

чрезъ посредство меня, грѣшнаго. Вспомни, какимъ ты былъ, когда еще была жива покойная первая супруга твоя, какъ по неожиданной кончинѣ ея тебѣ опостыла суета сего міра и какъ ты желалъ служить Господу. Мы были наединѣ съ тобою, я и братъ Алипій; мы знаемъ, мы были свидѣтелями того, что̀ ты намъ говорилъ тогда въ Тубунѣ о своемъ настроеніи и намѣреніи. Не думаю, чтобы земныя заботы, которыхъ ты полонъ, такъ сильны, чтобы могли все это изгладить изъ твоей памяти. Ты хотѣлъ оставить всѣ государственныя дѣла, которыми былъ тогда занятъ, и предаться святому досугу, живя той жизнью, которую ведутъ рабы Божіи, монахи".

Если Бонифацій поступилъ иначе, то это случилось потому, что онъ принялъ во вниманіе, по словамъ Августина, ту пользу, которую онъ могъ оказать церквамъ Христовымъ, защищая страну отъ варварскихъ вторженій. Но, оставаясь въ мірѣ, Бонифацій намѣревался жить, по словамъ апостола, „во всякомъ благочестіи и чистотѣ", ничего не ища въ этомъ мірѣ, какъ только самаго необходимаго для себя и для семьи. Но вышло иначе. Поѣхавъ ко двору императора, онъ вступилъ во второй бракъ. Поѣздка въ Италію, замѣчаетъ по этому поводу Августинъ, была вынуждена послушаніемъ „высшимъ властямъ", о которомъ говоритъ апостолъ, но вступленіе въ бракъ обозначало торжество страстей. Августинъ былъ утѣшенъ извѣстіемъ, что Бонифацій поставилъ условіемъ брака переходъ невѣсты изъ аріанства въ католичество; но его сокрушаетъ вліяніе въ домѣ Бонифація еретиковъ, отрицающихъ Сына Божія, вліяніе настолько сильное, что они окрестили его дочь въ аріанство. Августинъ упоминаетъ и о „слухѣ", которому онъ желалъ бы не вѣрить, что аріанами перекрещены даже посвятившія себя Богу дѣвственницы, и о томъ, что образъ жизни самого Бонифація не соотвѣтствуетъ брачнымъ законамъ,—но, „можетъ быть, уста людей и лгутъ". Тяжелое положеніе, въ которомъ находился въ то время Бонифацій, угрожаемый немилостью императорскаго двора и непокорностью туземныхъ племенъ, Августинъ приводитъ въ связь съ его поведеніемъ послѣ второго брака. Поэтому онъ не хочетъ высказываться объ этомъ положеніи: „Ты христіанинъ, у тебя есть сердце и страхъ Божій; ты самъ поразмысли о томъ, о чемъ мнѣ не хочется говорить, и тогда ты поймешь, во сколькихъ дурныхъ поступкахъ тебѣ надлежитъ принести покаяніе, въ виду котораго, я полагаю, тебя Господь и щадитъ и отъ всѣхъ опасностей избавляетъ".

Августинъ не желаетъ также входить въ разбирательство

распри между Бонифаціемъ и императорскимъ правительствомъ: ...„ты говоришь, что твое дѣло правое; я не судья въ этомъ, потому что не могу выслушать обѣ стороны. Но какое бы ни было твое дѣло, обсуждать и разслѣдовать которое нѣтъ надобности, —развѣ ты можешь предъ лицемъ Бога отрицать, что ты бы не попалъ въ такую бѣду, еслибы не твоя любовь къ благамъ міра сего, которыя однако, какъ рабъ Божій, какимъ мы тебя знали, ты долженъ былъ бы презирать и считать ни во что?“

Августинъ не щадитъ Бонифація, раскрывая безвыходность его положенія и доказывая, что средства, которыми онъ его поддерживаетъ, только ухудшатъ его. У него, правда, многочисленные приверженцы, за него толпа вооруженныхъ служителей; но всѣ они, даже и тѣ, которые ему вѣрны, добиваются черезъ него благъ мірскихъ, и потому онъ, вмѣсто того, чтобы бороться съ своими страстями, принужденъ удовлетворять чужія страсти и для этого совершать многое, неугодное Богу. А удовлетворить всѣ страсти все-таки нельзя, ибо легче искоренить ихъ совсѣмъ въ тѣхъ, кто Бога любитъ, чѣмъ насытить тѣхъ, кто любитъ міръ. Поэтому совершается такъ много хищеній, что трудно найти даже что-либо малоцѣнное для хищенія. Занятый своимъ личнымъ дѣломъ, Бонифацій губитъ провинцію. „Что сказать— восклицаетъ Августинъ—объ опустошеніи Африки туземными варварами, которымъ никто не сопротивляется, такъ какъ ты поглощенъ своими бѣдами и ничего не предпринимаешь, чтобы предотвратить это бѣдствіе? Кто повѣрилъ бы, кто сталъ бы опасаться, при назначеніи Бонифація графомъ Африки съ такими полномочіями и съ такимъ войскомъ, того самаго Бонифація, который въ качествѣ трибуна съ немногими мѣстными ополченіями усмирилъ всѣ эти народы мечомъ и страхомъ,—что варвары станутъ такъ дерзки, такой будутъ имѣть успѣхъ, произведутъ такія опустошенія и превратятъ въ пустыню такъ много мѣстъ, которыя кишѣли обитателями? Кто не говорилъ тогда, что африканскіе варвары не только будутъ разбиты, но превращены въ данниковъ римскаго государства? А теперь ты видишь, въ какой степени все вышло противоположно тому, на что надѣялись люди! Но дальше съ тобой объ этомъ не приходится говорить, ибо у тебя объ этомъ можетъ быть больше мыслей, чѣмъ у меня словъ!“ Августинъ не хочетъ знать оправданія, которое могъ бы привести въ свою пользу Бонифацій, а именно, что бѣдствія Африки должны быть приписаны его обидчикамъ, не признававшимъ его заслугъ; пусть Бонифацій обратитъ болѣе вниманія на свое отношеніе къ Богу, чѣмъ къ людямъ. Онъ же,

Августинъ, предпочитаетъ объяснять событія причинами болѣе высокаго свойства; если Африка подвергается такимъ бѣдствіямъ, то люди должны это приписывать своимъ грѣхамъ. Онъ не желалъ бы, чтобъ Бонифацій принадлежалъ къ числу людей, за нечестія которыхъ Господь бичуетъ мірскими карами, кого захочетъ. Но и по отношенію къ врагамъ своимъ Бонифацій долженъ помнить завѣтъ Христа: „Если римская имперія оказала тебѣ добро, хотя и земное, преходящее,—ибо вѣдь и она земное, а не небесное царство и не можетъ предоставить того, чѣмъ не обладаетъ,—то ты не плати зломъ за добро; если же тебѣ оказано зло, то не плати зломъ за зло. Что именно изъ двухъ, не хочу обсуждать и не могу объ этомъ судить; но я говорю съ христіаниномъ. Ты меня однако, можетъ быть, спросишь: что же ты хочешь, чтобы я дѣлалъ въ моей бѣдѣ?—Если ты требуешь отъ меня совѣта мірского, какъ обезпечить это твое преходящее благоденствіе, какъ сохранить могущество и богатство, которыми теперь обладаешь, или даже увеличить его, то я не буду знать, что тебѣ отвѣтить: все это, само по себѣ непрочное, не можетъ быть обезпечено хорошимъ совѣтомъ. Если же ты, по божески, ищешь совѣта, для предотвращенія гибели души, то вотъ мой совѣтъ; пріими его и дѣйствуй. Пусть тутъ проявится, что ты мужественный человѣкъ: побѣди свои страсти, ради которыхъ любишь здѣшній міръ, покайся въ прежнихъ дурныхъ дѣяніяхъ, въ которыя тебя вовлекали дурныя, непобѣжденныя тобою страсти.

„Кто не вѣдаетъ, кто такъ ограниченъ, что не видитъ, что благоденствіе этого бреннаго тѣла, превосходство тлѣнныхъ органовъ, побѣда надъ врагами, почетъ и земное могущество, что всѣ эти земныя блага достаются и дурнымъ, и праведнымъ, и также отнимаются какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ. Спасеніе же души и безсмертіе тѣла, и превосходство въ благочестіи (justitiae), и побѣда надъ враждебными страстями, и слава и честь и миръ во вѣки вѣковъ даются только праведнымъ. Поэтому вотъ что люби, вотъ чего желай, вотъ чего ищи. Чтобы добиться этого, подавай милостыню, молись, постись, насколько можешь безъ вреда тѣлу".

Августинъ снова выражаетъ сожалѣніе, что Бонифацій вопреки своему обѣщанію женился; еслибы этого не случилось, онъ посовѣтовалъ бы ему теперь то, чего тогда не разрѣшалъ; но возможно и теперь отказаться отъ дѣла и жить жизнью святыхъ. „Во всякомъ случаѣ, любить Бога и не любить міра; даже на войнѣ, если она неизбѣжна, соблюдать вѣрность и искать

мира; съ помощью благъ земныхъ творить добрыя дѣла, и ради благъ земныхъ не творить дурныхъ дѣлъ; въ этомъ и жена не можетъ или не должна мѣшать".

Карая, грознымъ языкомъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, пороки своихъ современниковъ, Августинъ находилъ въ то же время самые задушевные и убѣдительные обороты рѣчи, когда приносилъ другимъ современникамъ слова *утѣшенія*. Писемъ, написанныхъ Августиномъ въ утѣшеніе, весьма немало: его время было таково, что обычныя неудачи и невзгоды человѣческой жизни блѣднѣли передъ общественными катастрофами, поглощавшими въ свои пучины тысячи мирныхъ и счастливыхъ существованій; къ потрясеніямъ, вызваннымъ ересями и политическими переворотами, присоединилась страшная, надвигавшаяся гроза варварскихъ вторженій, которыя вскорѣ разрушили весь строй римской имперіи и подъ развалинами римскихъ городовъ погребли на Западѣ античную цивилизацію. Поэтому и письма частнаго содержанія представляютъ у Августина значительный историческій и культурный интересъ; частное горе вплетается въ крушеніе цѣлаго міра, и на этомъ зловѣщемъ фонѣ проповѣдь презрѣнія къ міру и предпочтенія небесныхъ надеждъ земнымъ благамъ получаетъ мрачную реальность и заманчивую убѣдительность.

„До меня дошелъ слухъ (дай Богъ, чтобы это было не такъ), что ты совершенно сокрушенъ духомъ,—пишетъ Августинъ Хризиму,—и я очень удивленъ тѣмъ, что ты, при твоемъ благоразуміи и христіанскомъ настроеніи, такъ мало думаешь о томъ, что земныя дѣла нельзя ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ небесными, которымъ должно быть предано наше сердце и на которыхъ основаны наши упованія. Ты человѣкъ разумный,—такъ скажи, неужели же все твое счастье заключалось въ томъ, что ты теперь утратилъ? Или ты придавалъ ему такое значеніе, что утрата его настолько помрачила горемъ твой умъ, что онъ ищетъ свѣта не въ Богѣ, а въ земномъ? Ибо я слышалъ—повторяю, дай Богъ, чтобы это былъ невѣрный слухъ,—что ты даже руку хотѣлъ на себя наложить; полагаю, что было бы лучше, еслибы такая мысль не входила въ сердце твое или не выходила изъ устъ твоихъ. Но такъ какъ ты настолько смущенъ, что подобное могли про тебя сказать, я, сильно тобою огорченный, рѣшилъ этимъ письмомъ утѣшить тебя; хотя не сомнѣваюсь, что Господь нашъ внушитъ сердцу твоему то, что всего

лучше, ибо я знаю, съ какимъ усердіемъ ты всегда слушалъ слово Его. Воспрянь же духомъ, дорогой братъ во Христѣ, Господь нашъ не покидаетъ своихъ и не погубитъ своихъ, но хочетъ показать, какъ хрупко и невѣрно все то, что люди слишкомъ любятъ. Онъ дѣлаетъ это для того, чтобы мы порвали узы, которыми насъ опутали страсти, влекущія насъ за собою, и чтобы мы всю нашу любовь привыкли сосредоточивать на Томъ, отъ Кого не можемъ испытать ущерба. Онъ самъ увѣщеваетъ тебя, черезъ меня, чтобы ты твердо помнилъ, что ты вѣрующій христіанинъ и искупленъ кровью Того, Кто училъ насъ не только своею вѣчною мудростью, но и своею земною жизнью презирать счастье міра сего и твердо переносить несчастіе, обѣщая въ награду то блаженство, которое никто не можетъ отнять у насъ.

Я написалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ графу; предоставляю тебѣ рѣшить, передавать ли ему мое письмо?

Подобнымъ образомъ Августинъ утѣшаетъ Фелицитату и Рустика въ ихъ *частномъ* горѣ указаніемъ на милосердіе Божіе, повсюду обнаруживающееся. Однимъ изъ признаковъ этого милосердія для людей вѣрующихъ и надѣющихся на Бога Августинъ видитъ въ счастьѣ, которое Господь ниспосылаетъ на землю нечестивымъ. „Кто можетъ вычислить, сколько благодѣяній и даровъ получаютъ въ этой жизни нечестивые отъ Того, Кѣмъ они пренебрегаютъ? Между этими благодѣяніями надлежитъ особенно цѣнить невзгоды, которыя Господь примѣшиваетъ, какъ добрый врачъ, къ сладостямъ этого міра. Въ этихъ невзгодахъ слѣдуетъ видѣть увѣщанія спасаться отъ грядущаго гнѣва Господня и, пока человѣкъ еще состоитъ путникомъ на землѣ, въ сей жизни сообразоваться съ словомъ Господа, Котораго онъ прогнѣвалъ дурнымъ образомъ жизни. И такъ, все, что ниспосылаетъ людямъ Господь, проистекаетъ изъ Его милосердія, ибо даже бѣдствія становятся благодѣяніемъ! Счастье есть даръ Господа, когда Онъ утѣшаетъ, несчастіе—Его даръ, когда Онъ увѣщеваетъ; и если таково Его милосердіе по отношенію къ нечестивымъ, то тѣмъ выше утѣшеніе, предуготовленное Имъ для тѣхъ, кто держится указаннаго Имъ пути“.

Болѣе общее значеніе имѣютъ другія письма „утѣшенія“. Себастьяну Августинъ пишетъ: „Изъ твоего письма я позналъ, какой ужасъ овладѣлъ тобою при видѣ грѣшниковъ, забывающихъ законъ Господень (Пс. 118, 53); ты можешь сказать, какъ псалмопѣвецъ: „Я видѣлъ безумныхъ и измучился отъ нихъ“.

„Это благочестивая скорбь и, если такъ можно сказать, *блажен-*

ное горе — сокрушаться чужими пороками, не поддаваясь имъ; горевать о нихъ, не впадая въ нихъ, содрогаться отъ нихъ, не вовлекаясь въ нихъ. Это то гоненіе, которое претерпѣваютъ всѣ, желающіе жить благочестиво въ Христѣ—по горькому, но правдивому слову апостола (II Т., III, 12). Ибо что здѣсь болѣе тревожитъ жизнь благочестивыхъ, какъ не жизнь нечестивыхъ? Часто бываетъ, что свѣтскія власти долго щадятъ нечестивыхъ, воздерживаясь отъ какихъ-либо каръ; нечестивые же своимъ поведеніемъ никогда не щадятъ сердца праведныхъ и не будутъ щадить до скончанія вѣка".

Въ слѣдующихъ двухъ письмахъ передъ нами ярко выступаютъ два бича того времени: усобицы, вызывавшіяся ересями, и опустошенія варваровъ... Августину приходится утѣшать Максиму, искавшую у него убѣжища въ горѣ, которое ей причиняютъ „вредныя и гибельныя заблужденія, распространившіяся въ ея провинціи — вѣроятно, Испаніи. Въ отвѣтѣ Августина мысль о пользѣ нечестивыхъ въ мірѣ снова служитъ исходной точкой для его теодицеи. Еслибы существованіе нечестивыхъ не было полезно для избранниковъ Господа, Онъ могъ бы не дозволить имъ родиться, предвидя, что они будутъ нечестивы, или же истребить ихъ въ самомъ началѣ ихъ злодѣяній; но Онъ дозволяетъ имъ существовать, насколько по Его всевѣдѣнію это нужно или полезно для назиданія и упражненія слугъ Его. Это должно утѣшать насъ въ нашей скорби, самая же скорбь наша о нихъ насъ возвышаетъ, а ихъ вину, если они пребываютъ въ своемъ нечестіи, отягощаетъ. Радость же, которую мы испытываемъ, когда кто-либо изъ нихъ исправляется и причисляется къ сонму праведныхъ, не можетъ сравниться ни съ какой иной радостью въ этой жизни.

А въ письмѣ Августина къ испанскому пресвитеру Викторіану предъ нами занимается зарево того пожара, который на слѣдующій годъ запылалъ надъ Римомъ, а двадцать лѣтъ спустя, на глазахъ умирающаго Августина, подступилъ и къ Гиппону. „Письмо твое исполнило мое сердце глубокимъ горемъ: ты просилъ, чтобъ я отвѣтилъ на него пространнымъ письмомъ; но на такія бѣдствія слѣдуетъ отвѣчать не пространными письмами, а безконечными рыданіями и слезами; ибо міръ удручается такими невзгодами, что почти нѣтъ мѣста, гдѣ не совершается и не оплакивается то, о чемъ ты пишешь. Такъ, еще недавно въ самыхъ пустыняхъ Египта, гдѣ пріютились монастыри вдали отъ мірского шума и въ безопасности—монахи погибали отъ рукъ варваровъ. А то, что недавно происходило въ областяхъ Италіи,

и преступленія, совершенныя въ Галліи, вамъ вѣроятно не безизвѣстны. Теперь уже изъ всѣхъ провинцій Испаніи, которыя долго казались обезпеченными отъ этого зла, приходятъ вѣсти о томъ же. Но зачѣмъ идти далеко! Въ самой нашей Гиппонской области, которой варвары еще не коснулись, грабительства донатистскаго духовенства и циркумцелліоновъ такъ опустошаютъ церкви, что злодѣянія самихъ варваровъ, можетъ быть, не столь жестоки". Августинъ разсказываетъ, какъ донатисты вливали въ глаза католическихъ священниковъ уксусъ съ известью и подъ вліяніемъ страха въ одной только деревнѣ перекрестили 48 душъ въ донатизмъ.

„Ты, дорогой мой,—продолжаетъ Августинъ,—не въ состояніи переносить жалобъ тѣхъ, кто говоритъ:—если *мы*, грѣшники, это заслужили, то почему служители Бога убиты мечомъ варваровъ и святыя инокини уведены въ плѣнъ?—я на это смиренно, но правдиво отвѣчу: какими мы бы ни были служителями правды, какое бы послушаніе мы ни оказали Господу, развѣ мы можемъ быть лучше тѣхъ трехъ мужей, которые были брошены въ огненную пещь, за соблюденіе закона Господня?.. Если же кто возмнитъ, что тѣ Божьи рабы, которые убиты варварами, должны были бы быть спасены отъ смерти, подобно тѣмъ тремъ мужамъ—то пусть тотъ вѣдаетъ, что это чудо было совершено ради того, чтобы цари, подвергнувшіе ихъ казни, познали, что они чтутъ истиннаго Бога". Подтвердивъ эту мысль историческимъ примѣромъ и текстами, Августинъ восклицаетъ: „вотъ что самъ читай, вотъ что проповѣдуй, вотъ чего остерегайся и учи, чтобы другіе остерегались, для того, чтобы никто не роптал противъ Господа среди искушеній и испытаній. Ты говоришь, что вѣрные и святые рабы Божіи убиты мечомъ варваровъ! Какая же въ томъ разница, горячка ли или мечъ освободитъ ихъ отъ бреннаго тѣла? Господь не взираетъ на то, по какому случаю, или *какимъ* способомъ рабы его оставляютъ міръ; впрочемъ долгое предсмертное томленіе представляетъ худшую кару, чѣмъ быстрая смерть....

„Правда, плѣненіе чистыхъ и святыхъ инокинь весьма прискорбно, но вѣдь ихъ *Господь* не въ плѣну и Онъ не оставляетъ своихъ плѣнницъ, если знаетъ, что они *Его*. Почему мы знаемъ, какія чудеса всемогущій и милосердый Господь желаетъ сотворить черезъ нихъ въ самой странѣ варваровъ?"—И Августинъ разсказываетъ въ назиданіе случай, бывшій съ племянницей епископа Севера въ Ситифѣ... Когда, по похищеніи ея, она была приведена въ домъ варваровъ, всѣ хозяева дома, три или больше братьевъ опасно заболѣли; мать ихъ упросила дѣвушку молиться

за ихъ выздоровленіе, обѣщая ей свободу. Дѣвушка постилась и молилась; молитва ея была услышана, и ее съ большимъ почетомъ препроводили къ родителямъ.

Мы заключимъ этотъ рядъ писемъ, написанныхъ въ утѣшеніе, самымъ трогательнымъ изъ нихъ. Письмо Августина къ Сапидѣ показываетъ, что этотъ ученый богословъ, этотъ грозный пастырь церкви внушалъ къ себѣ не только почтеніе, но и преданность, и что страждущія души искали утѣшенія не только въ его краснорѣчивыхъ наставленіяхъ, но и въ своемъ чувствѣ къ нему. Дѣвственница Сапида, утратившая любимаго брата, діакона, просила Августина принять и носить одежду, которую она соткала для своего покойнаго брата. Вотъ отвѣтъ Августина:

„Я принялъ то, что ты пожелала подарить мнѣ отъ трудовъ твоихъ благочестивыхъ рукъ, принялъ, чтобы не огорчить тебя еще болѣе, чѣмъ я желалъ бы тебя утѣшить; для тебя же, по твоимъ словамъ, было бы немалымъ утѣшеніемъ, еслибы я сталъ носить одежду, которую ты соткала для родного твоего брата, благочестиваго служителя Божьяго; вѣдь онъ, разставшись съ землей, гдѣ царствуетъ смерть, уже не нуждается ни въ какихъ тлѣнныхъ предметахъ. Поэтому я исполнилъ твое желаніе и уже началъ носить твою тунику раньше, чѣмъ тебѣ объ этомъ пишу.

„Ободрись же, но ищи себѣ большихъ и лучшихъ утѣшеній, чтобы твое сердце, омраченное человѣческой немощью, просвѣтлѣло божественнымъ велѣніемъ, и живи такъ, чтобы твоя жизнь была жизнью съ братомъ, ибо смерть твоего брата была такова, что стала для него жизнью.

„Конечно достойно слезъ, что ты не увидишь болѣе брата, котораго ты такъ любила и который тебя такъ почиталъ за твой образъ жизни и обѣтъ святой дѣвственности, не увидишь его входящимъ и выходящимъ изъ карѳагенской церкви и усердно исполняющимъ при ней свою обязанность діакона; не услышишь обращенныхъ къ тебѣ словъ его, полныхъ преданности и благочестивой заботы. Когда вспомнишь объ этомъ и сила привычки охватитъ мысль, сердце начнетъ болѣть и изъ него польются какъ бы кровяныя слезы. Но пусть твое сердце устремится въ высь, тогда и слезы высохнутъ въ твоихъ очахъ. Вѣдь оттого что миновало по ходу дѣлъ человѣческихъ то, что ты оплакиваешь, не прекратилась любовь, которою Тимоѳей любилъ Сапиду и еще ее любитъ; она хранится въ своей сокровищницѣ, т.-е. въ Господѣ. Развѣ тѣ, кто любятъ золото, теряютъ его, когда его прячутъ? Развѣ они не становятся, напротивъ, спокойнѣе, насколько это возможно, когда, удаливъ его съ глазъ

своихъ, сохраняютъ его въ болѣе безопасномъ мѣстѣ? а небесная любовь развѣ станетъ скорбѣть, какъ объ утраченномъ, о томъ, что она помѣстила въ небесное хранилище?"

Напоминая Сапидѣ смыслъ даннаго ей имени, Августинъ совѣтуетъ ей вникать въ таинство смерти Христа, совершившейся ради того, чтобы „мы были живы, хотя бы и умирали".

„Не слѣдуетъ упрекать людей,—заявляетъ Августинъ,—если они скорбятъ о дорогихъ имъ покойникахъ". Августинъ указываетъ, что и апостолъ Павелъ не воспрещалъ оплакивать покойниковъ.

„И самъ Христосъ, оплакавъ Лазаря, если не предписалъ, то показалъ примѣръ, чтобы и мы оплакивали тѣхъ покойниковъ, относительно которыхъ мы вѣримъ, что они воскреснутъ къ вѣчной жизни.

„Но скорбь вѣрующихъ не должна быть продолжительна. Поэтому,—пишетъ онъ Сапидѣ,—положи теперь конецъ твоему горю и не скорби подобно язычникамъ, не имѣющимъ надеждъ.

„Твой братъ, дочь моя, живъ духомъ и почиваетъ въ плоти, но развѣ тотъ, кто почиваетъ, не слегъ для того, чтобы встать (Пс. 40, 9). Господь, принявшій его духъ, воскреситъ и его тѣло. Поэтому у тебя нѣтъ причины для продолжительной скорби, а скорѣе есть причина для вѣчной радости. Вѣдь даже бренная часть твоего брата, которая похоронена въ землѣ, не погибла для тебя; та часть его *я*, которая представлялась твоимъ глазамъ, которая бесѣдовала съ тобою; чей голосъ былъ тебѣ столь знакомый, что гдѣ бы ты его ни услышала, ты узнавала о его присутствіи и не видя его".

Ссылаясь на евангельскій текстъ: „и волосъ съ головы вашей не падетъ", Августинъ успокаиваетъ Сапиду, что тѣла людскія не погибнутъ, но преобразятся къ лучшему. „Этой надежды лишены язычники, не знающіе Писанія, ни силы Божіей, которая можетъ утраченное возвратить, мертвое оживить, испорченное возстановить, разлученное соединить. Сдѣлать это обѣщалъ Тотъ, Кому слѣдуетъ вѣрить потому, что обѣщанное Имъ Онъ уже исполнилъ. Объ этомъ подумай; въ этомъ найди болѣе обильное и истинное утѣшеніе. Если тебя сколько-нибудь утѣшаетъ то, что я ношу одежду, сотканную тобою для брата, то насколько сильнѣе и прочнѣе должно тебя утѣшить, что тотъ, для кого она была приготовлена, не нуждаясь ни въ какомъ преходящемъ одѣяніи, облаченъ нетлѣнностью и безсмертіемъ!"

Августинъ утѣшалъ однако несчастныхъ не однимъ только упованіемъ на Божье милосердіе и будущую жизнь, а оказывалъ имъ дѣятельную помощь вездѣ, гдѣ имѣлъ на то возможность. Тогдашніе епископы располагали для этого большими средствами, если не всегда матеріальными, то духовными, благодаря личному вліянію и той роли въ свѣтскихъ дѣлахъ, которую признавало за ними свѣтское государство. Легче всего было епископу оказывать помощь нуждающимся въ ней, черпая для этого средства изъ имуществъ церкви.

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о церковной благотворительности въ епархіи Августина, но въ его переискѣ сохранился документъ, свидѣтельствующій о его сердечномъ участіи въ этомъ дѣлѣ. Это—письмо, написанное около 410 г.—годъ разрушенія Рима—„къ клиру и народу Гиппона" изъ Карѳагена, гдѣ Августинъ находился для участія въ соборѣ. Онъ проситъ не огорчаться его „тѣлеснымъ" отсутствіемъ, увѣренный, что они не сомнѣваются, что духомъ и сердцемъ онъ не можетъ съ ними разлучиться.

Онъ добавляетъ, что его самого огорчаетъ и, можетъ быть, болѣе, чѣмъ ихъ, то, что онъ не въ состояніи по своей слабости удовлетворить всѣмъ обязанностямъ, которыя на него возлагаетъ паства Христова. Онъ ставитъ на видъ, что его отсутствіе никогда не вызывалось своеволіемъ, а всегда неотложной повинностью, ради которой его товарищи-епископы предпринимали даже морскія и заморскія путешествія, ему непосильныя по слабости его здоровья.

Увѣщевая свою паству радѣть къ добрымъ дѣламъ, Августинъ продолжаетъ: „до моего свѣдѣнія дошло, что вы забыли свой обычай одѣвать бѣдныхъ; къ этой милостыни я призывалъ васъ, будучи съ вами, и теперь призываю для того, чтобы разореніе сего міра не удручало васъ и не дѣлало равнодушными, ибо эти бѣдствія предсказаны нашимъ Спасителемъ. Поэтому вы не только не должны теперь творить менѣе благодѣяній, но болѣе, чѣмъ вы привыкли. И какъ люди, предвидящіе разрушеніе своего дома отъ сотрясенія стѣнъ, спѣшно удаляются въ болѣе безопасныя мѣста, такъ и христіане: чѣмъ явственнѣе они предчувствуютъ среди учащающихся потрясеній крушеніе міра, должны тѣмъ усерднѣе переносить свои сокровища, которыя они прежде прятали въ землѣ, въ складъ небесный, съ тѣмъ, что еслибы кому-нибудь изъ нихъ приключилось людское бѣдствіе, онъ могъ бы радоваться подобно тому, кто удалился изъ опаснаго мѣста.

Среди лицъ, состоявшихъ на попеченіи церкви, особенной

заботой духовенства пользовались вдовы и сироты. Изъ надписей видно, что даже при языческихъ храмахъ выдавались женщинамъ и дѣвушкамъ пособія за счетъ пожертвованій, сдѣланныхъ съ этою цѣлью поименованными въ надписяхъ лицами [1]). Въ христіанскихъ общинахъ поддержка вдовъ и сиротъ составляла важную статью церковныхъ расходовъ. Къ этой заботѣ о содержаніи бѣдныхъ вдовъ и сиротъ присоединялось попеченіе епископа объ имуществѣ тѣхъ, которыя имѣли нѣкоторый достатокъ. Такая опека епископа включала въ себѣ и право его располагать личной судьбою ввѣренной ему дѣвушки въ вопросѣ о ея замужествѣ. Именно такой случай извѣстенъ намъ изъ жизни Августина. Дѣвушка, находившаяся на его попеченіи, вѣроятно, была со средствами, потому что за нее начали свататься, когда она была еще „не на возрастѣ". Достойно вниманія, что великій апостолъ аскетическаго міровоззрѣнія не пользуется своимъ вліяніемъ, чтобы удержать дѣвушку отъ замужества, предоставляетъ ей свободу, но заботится о томъ, чтобы устранить неподходящее сватовство. Интересно, что ходатаемъ въ этомъ сватовствѣ является другой епископъ—Бененатъ. Въ письмѣ къ нему Августинъ не скрываетъ своего неудовольствія противъ его плановъ: „я слышалъ, что ты собираешься устроить это сватовство; если это вѣрно (я удивился бы, еслибы это было такъ), то ты знаешь, что твое положеніе епископа обязываетъ тебя заботиться объ интересахъ католической церкви и выдать дѣвушку не за кого бы то ни было (если вѣренъ дошедшій до меня слухъ), но въ семью каѳолическую и въ такую, которая не только не будетъ противникомъ церкви, но будетъ служить ей вѣрною опорою".

Большой интересъ представляетъ второе письмо Августина къ Бененату, дающаго рѣшительный отпоръ сватолюбивымъ наклонностямъ своего товарища. „Дѣвушка, про которую мнѣ пишетъ твое преосвященство, не расположена выходить замужъ, даже еслибы это дозволялъ ея возрастъ. Но она еще въ такомъ возрастѣ, что если бы даже и хотѣла выйти замужъ, то ее никому нельзя было бы отдать или обѣщать. Къ тому же Господь поставилъ ее подъ покровительство церкви для защиты отъ неблагонамѣренныхъ — и не для того, чтобы ее выдать замужъ, а для того, чтобы ее не могъ похитить тотъ, кому не слѣдовало бы ее отдавать.

„Условія, которыя ты предлагаешь, я считаю подходящими на случай, если она вышла замужъ; но захочетъ ли она идти

[1]) См. Hatch, Die Gesellschaftsverf. d. chr. Kirchen.., p. 36.

замужъ, мнѣ неизвѣстно, хотя я бы предпочелъ то, что̀ она теперь твердитъ; но она въ такихъ еще годахъ, что ея желаніе сдѣлаться инокиней можно скорѣе принять за игру ребенка, чѣмъ за обѣщаніе взрослой дѣвушки". Августинъ далѣе пишетъ, что у нея есть тетка по матери. „Можетъ быть появится еще и мать, которая пока не показывалась,—воля которой въ дѣлѣ замужества дочери должна по естественному закону прежде всего быть спрошена, если дѣвушка не войдетъ въ тотъ возрастъ, когда получитъ болѣе свободы выбирать, кого захочетъ". Августинъ проситъ епископа все это хорошенько обдумать, такъ какъ, если бы ему, Августину, была предоставлена полная власть распорядиться ея судьбой и она сама, достигнувши зрѣлаго возраста и желая выйти замужъ, предоставила бы ему рѣшеніе, согласно съ волею Божіей (sub Deo judice), за кого ей выйти, „то по истинѣ говорю,—твои условія мнѣ бы нравились, но въ виду Божьяго суда я не могу отвергнуть лучшихъ; однако представятся ли такія, еще неизвѣстно. Вотъ сколько набралось соображеній,—заключаетъ Августинъ,—почему теперь я никому ее обѣщать не могу".

Намъ извѣстно и самое лицо, въ интересахъ котораго хлопоталъ Бененатъ—это нѣкто Рустикъ, который былъ еще язычникомъ. Онъ сватался за своего сына, также язычника. Въ письмѣ къ Рустику Августинъ желаетъ ему и его семьѣ всевозможныхъ благъ, не только въ здѣшней жизни, но и въ жизни грядущей и вѣчной, „въ необходимости увѣровать въ которую ты еще не убѣдился". „Относительно дѣвушки, за которую ты сватаешься, я ничего еще не дерзаю обѣщать; причины, меня къ этому побуждающія, я высказалъ, насколько мнѣ это казалось нужнымъ, въ моемъ отвѣтѣ святому брату Бененату. Тебѣ хорошо извѣстно, что хотя я вполнѣ обладаю властью выдать замужъ дѣвицу, я не могу выдать христіанку иначе какъ за христіанина; ты мнѣ однако ничего не пожелалъ обѣщать относительно твоего сына, который, какъ я слышалъ, еще язычникъ. Тѣмъ менѣе могу я дать какія-либо обѣщанія относительно замужества дѣвушки—по причинамъ, о которыхъ ты можешь узнать изъ письма къ моему брату—и не только въ томъ случаѣ, если бы я уже имѣлъ твое обѣщаніе относительно сына твоего, но и могъ бы радоваться его исполненію".

Были въ то время еще и другіе разряды людей, находившихся на попеченіи церкви и усложнявшихъ дѣятельность епископовъ. Сюда относятся лица, искавшія убѣжища въ церквахъ отъ преслѣдованія за долги или совершенные ими проступки.

Изъ жизни Августина мы знаемъ два такихъ случая, при-

чинившихъ ему немало хлопотъ и показывающихъ, что онъ не жалѣлъ себя, когда являлась возможность или необходимость вступиться за лицо, попавшее въ бѣду.

Нѣкто Фасцій задолжалъ семнадцать солидовъ (золотыхъ) и, опасаясь насилій со стороны поручителей своего долга, настаивавшихъ на его уплатѣ, воспользовался правомъ искать убѣжища въ церкви: а такъ какъ поручители должны были уѣхать изъ города, то они не соглашались дать Фасцію отсрочку и приступили къ Августину съ жалобами и докучными требованіями, чтобы онъ имъ выдалъ Фасція или бы удовлетворилъ ихъ. Августинъ предложилъ Фасцію заявить о его нуждѣ въ церкви прихожанамъ, но тотъ, устыдясь просить помощи, умолялъ его не дѣлать этого. Тогда Августинъ самъ занялъ деньги и заплатилъ долгъ Фасція, взявъ съ него обѣщаніе, что если ему не удастся въ срокъ возвратить деньги, то онъ не станетъ противиться обращенію къ прихожанамъ. Срокъ прошелъ, Фасцій не вернулся въ Гиппонъ, и Августину, чтобы исполнить взятое на себя денежное обязательство, пришлось обратиться къ народу. А такъ какъ онъ не успѣлъ этого сдѣлать въ день Св. Троицы, „когда церковь была полнѣе“, то онъ обратился къ паствѣ съ особымъ посланіемъ, убѣждая ее оказать „брату состраданіе, какъ это у нихъ въ обычаѣ“.

Въ посланіи Августинъ, между прочимъ, заявляетъ, что онъ поручилъ пресвитеру, если сборъ окажется недостаточнымъ, дополнить недостающее изъ средствъ церкви: „лишь бы вы всѣ охотно дали, сколько всякій желаетъ, ибо изъ вашихъ ли средствъ или изъ церковныхъ будетъ дано, все это Божье, но ваше поданіе дороже сокровищъ церкви“.

Интересно, что въ этомъ письмѣ не упоминается о „старостахъ“ (seniores laici) [1]), которые помогали епископамъ африканскихъ церквей въ IV—V в. въ управленіи церковными имуществами,—а говорится лишь о пресвитерѣ.

Изъ дѣла Фасція мы познаемъ личную доброту Августина и его готовность вліять въ этомъ отношеніи и на свою паству. Въ другомъ подобномъ дѣлѣ онъ, вступаясь за жертву, является смѣлымъ блюстителемъ законовъ и правъ церкви передъ государственными властями. Нѣкій Фавенцій, арендаторъ большого помѣстья, опасаясь, какъ видно изъ письма Августина, непріятностей со стороны владѣльца имѣнія, бѣжалъ въ гиппонскую церковь и оставался тамъ, въ ожиданіи, что его дѣло будетъ ула-

---

[1]) См. Hist. Zeitschr. 1904, стр. 526.

жено заступничествомъ епископа. Становясь, „какъ это бываетъ, изо дня въ день все безпечнѣе“, онъ отправился однажды обѣдать къ знакомому и, возвращаясь оттуда, былъ захваченъ и куда-то уведенъ толпою вооруженныхъ людей. Когда объ этомъ былъ извѣщенъ Августинъ, онъ немедленно обратился къ военному трибуну Кресконію, командовавшему береговой стражей: тотъ выслалъ дозоръ разыскать Фавенція, но его не нашли. На другое утро Августинъ узналъ, въ какой домъ его повели, и что его уже увели оттуда „послѣ пѣнія пѣтуховъ“; онъ узналъ также, что арестомъ и уводомъ распоряжался полицейскій приставъ Флорентинъ. Августинъ отправилъ къ Флорентину священника, но тотъ не допустилъ его свиданія съ арестованнымъ. Тогда Августинъ послалъ Флорентину письмо съ приложеніемъ императорскаго указа, въ силу котораго всякій заарестованный человѣкъ имѣлъ право требовать, чтобы его отвели въ городское управленіе (ad Gesta или Acta municipalia) для составленія протокола и спросили, желаетъ ли онъ воспользоваться льготой, предоставлявшей ему возможность оставаться въ городѣ тридцать дней въ „легкомъ заключеніи“, для прiисканія средствъ содержанія и приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Августинъ разсчитывалъ, что въ теченіе этихъ тридцати дней ему удастся уладить дѣло. По этому дѣлу до насъ дошло четыре письма Августина, свидѣтельствующія о горячемъ участіи его къ заключенному и весьма различныя по тону. Флорентину Августинъ пишетъ: „по чьему приказанію ты захватилъ Фавенція, *тебѣ* знать; но и то знай, что всякая власть подвластная должна руководиться законами императора“; объяснивъ содержаніе упомянутаго выше указа, Августинъ пишетъ: „поэтому, не грозя тебѣ, а лишь вступаясь за человѣка по человѣчески (humane) и по епископскому милосердію, я прошу тебя, господинъ и сынъ мой, чтобы ты принялъ во вниманіе и достоинство свое и просьбу мою, и не затруднился исполнить то, что̀ приказываетъ законъ императора, на службѣ котораго ты состоишь,—согласно моему заступничеству и ходатайству“.

Въ то же время Августинъ пишетъ трибуну Кресконію: „Если я въ этомъ дѣлѣ, о которомъ вторично обращаюсь къ твоей добротѣ, поступилъ несогласно съ религіей, то не только твое превосходительство, но и тотъ, въ чьихъ интересахъ Фавенцій арестованъ, вы могли бы меня вполнѣ заслуженно винить и справедливо осуждать, имѣя въ виду, что если бы онъ самъ прибѣгнулъ къ помощи церкви и съ нимъ что-нибудь подобное случилось, я отнесся бы точно также равнодушно къ его бѣдѣ

и тревогѣ. Но если и надлежитъ пренебрегать мнѣніемъ людей, то что же скажу я Господу Богу моему и какъ дамъ Ему отвѣтъ, если не сдѣлаю всего возможнаго для спасенія того, кто отдалъ себя подъ охрану и защиту церкви, которой я служу?"

Узнавъ затѣмъ, что Фавенцій отправленъ съ Флорентиномъ въ Цирту, главный городъ Нумидіи, къ консулару Генерозу, Августинъ пишетъ ему, прося его поступить такъ, какъ подобаетъ не только честному, но и христіанскому судьѣ. Въ то же время, опасаясь, чтобы съ Фавенціемъ не случилось тамъ чего-нибудь „недобраго", онъ обращается съ просьбою о заступничествѣ за Фавенція къ епископу Цирты: „ибо онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ чрезвычайно богатымъ, хотя о честности судьи идетъ добрая слава. Но чтобы деньги не превозобладали въ канцеляріи, я прошу твое преосвященство передать консулару письмо мое и прочесть письмо къ тебѣ". Августинъ желалъ добиться, чтобы консуларъ отложилъ слушаніе дѣла, настаивалъ, чтобы Генерозъ обратилъ вниманіе на нарушеніе императорскаго закона относительно тридцатидневной льготы и далъ бы этимъ возможность Августину кончить дѣло миромъ.

Право предоставлять убѣжище перешло къ христіанскимъ церквамъ, какъ выше упомянуто, отъ языческихъ храмовъ. Но христіанское государство, преклоняясь предъ великимъ призваніемъ христіанской церкви, пошло гораздо дальше языческаго въ предоставленіи священнымъ мѣстамъ и служителямъ религіи права заступничества за угнетенныхъ. Во время язычества это право предоставлялось въ видѣ исключенія нѣкоторымъ особенно чтимымъ храмамъ, и право прибѣгать къ ихъ защитѣ распространялось лишь на тѣхъ счастливцевъ, которымъ удавалось въ критическую минуту найти убѣжище у алтаря. Христіанскіе императоры, предоставивъ епископамъ, какъ мы упоминали, обширную юрисдикцію по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ въ отведенной имъ сферѣ, допускали кромѣ того вмѣшательство епископовъ въ уголовное судопроизводство государственныхъ органовъ для защиты подсудимыхъ и отмѣны или смягченія наказанія. Зачатки такой привилегіи можно и въ этомъ случаѣ указать въ глубокой римской древности, въ правѣ весталокъ миловать встрѣтившихся имъ преступниковъ, ведомыхъ на казнь. Но самое сопоставленіе этихъ фактовъ указываетъ на громадное различіе ихъ значенія. Защита весталки была дѣломъ случайнымъ и обусловливалась почетомъ, которымъ она пользовалась; заступничество епископовъ могло проявляться повсемѣстно, постоянно и по отношенію ко всѣмъ подсудимымъ и приговорен-

нымъ. А еще существеннѣе различіе въ мотивахъ, изъ-за которыхъ допускалось заступничество. Вмѣшательство церковныхъ служителей допускалось потому, что они намѣревались религіозными и нравственными средствами содѣйствовать торжеству правды въ судахъ, приводить людей къ *сознанію* своей неправоты и къ исправленію—особенно—въ случаѣ приговора преступниковъ къ казни. Древній римскій судъ зналъ только принципъ строгости; заступничество епископовъ должно было дать въ немъ мѣсто принципу *милости*. Передъ церковью открывалась въ этомъ отношеніи благодарная и великая культурная задача; она могла сдѣлаться проводникомъ принципа гуманности въ обществѣ и въ судѣ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ мало свѣдѣній объ ея дѣятельности въ этомъ отношеніи. Тѣмъ болѣе интереса представляютъ два письма, которыми обмѣнялись по этому вопросу Августинъ и Македоній, котораго Августинъ называетъ „презанятымъ государственными дѣлами человѣкомъ, внимательнымъ не только къ своимъ, но и къ чужимъ нуждамъ". Македоній, несмотря на свои дружескія отношенія къ Августину—онъ снабдилъ его деньгами для уплаты долга Фасція—представилъ ему свои возраженія противъ вмѣшательства церкви въ уголовное судопроизводство.

Мы имѣемъ передъ собою такимъ образомъ діалогъ между представителями тогдашней государственной и церковной точки зрѣнія на отношеніе къ подсудимымъ и преступникамъ. Первый становится на чисто практическую точку зрѣнія, Августинъ—на высоко идеальную. Насколько его идеалистическому воззрѣнію на призваніе церкви соотвѣтствовало ея дѣйствительное воздѣйствіе, мы судить не можемъ, но программа, развиваемая въ данномъ случаѣ Августиномъ, дѣлаетъ высокую честь его идеализму и представляетъ собою замѣчательный памятникъ въ исторіи средневѣкового міровоззрѣнія и культуры человѣчества. Македоній формулируетъ весьма ясно и опредѣленно свои недоумѣнія.

„Вы утверждаете,—пишетъ онъ,—что заступничество за подсудимыхъ входитъ въ обязанность духовенства, и оскорбляетесь, если оно остается тщетнымъ, усматривая въ этомъ какъ бы ущербъ вашему сану. Я весьма сомнѣваюсь, вытекаетъ ли такой взглядъ изъ религіи?" Македоній основываетъ свое сомнѣніе на обычаѣ древней церкви допускать грѣшника къ покаянію только *однажды* въ жизни. „Если,—заключаетъ онъ,—Господь относится такъ строго къ грѣхамъ, что послѣ перваго покаянія грѣшнику уже не предоставляется возможность вторичнаго, то

оставить преступленіе безнаказаннымъ—значило бы оправдывать его. Къ этому Македоній присоединяетъ соображеніе, по его словамъ, еще болѣе вѣское. „Всѣ преступленія представляются болѣе извинительными, если виновный обѣщаетъ исправиться: однако при нашихъ нравахъ люди стараются добиться уменьшенія кары за свое преступленіе и въ то же время сохранить то, изъ-за чего оно ими совершено. Ваше же духовенство считаетъ нужнымъ вступаться и за тѣхъ, относительно исправленія которыхъ нѣтъ надежды въ будущемъ, такъ какъ они и въ настоящемъ пребываютъ въ томъ же преступномъ умыслѣ. Ибо тотъ, кто упорно держится за то, ради чего онъ совершилъ преступленіе, доказываетъ, что онъ, когда представится возможность, совершитъ подобное же".

Македоній проситъ Августина устранить эти недоумѣнія—при чемъ увѣряетъ его, что будетъ относиться даже съ благодарностью къ заступникамъ, особенно въ такой степени этого заслуживающимъ, какъ Августинъ. „Ибо очень часто, когда я не хочу самъ отъ себя смягчать наказанія для того, чтобы отступленіе отъ строгости не ободрило другихъ къ преступленію, я желаю имѣть добрыхъ заступниковъ для того, чтобы моя добровольная снисходительность при исполненіи приговора казалась вынужденною у меня заслугами другого лица. Въ своемъ отвѣтѣ Августинъ беретъ точкою отправленія для своей аргументаціи слова самого Македонія—„всѣ преступленія кажутся болѣе извинительными, когда виновный въ нихъ обѣщаетъ исправиться". „Я принимаю то, что ты даешь, и воспользуюсь этой уступкой, чтобы устранить тяжесть обвиненія, которою ты хочешь сокрушить наше заступничество. Именно потому, насколько это возможно, заступаемся мы за всякихъ преступниковъ, что всѣ преступленія кажутся болѣе извинительными, когда виновный въ нихъ обѣщаетъ исправиться. Такъ думаешь ты, такъ думаю и я. Поэтому мы отнюдь не *оправдываемъ* той вины, которую желаемъ исправить, и мы отнюдь не желаемъ оставлять безнаказаннымъ злое дѣяніе *потому*, будто мы его одобряли; но мы жалѣемъ человѣка, злодѣяніе же или преступленіе его осуждаемъ; и чѣмъ болѣе мы ненавидимъ порокъ, тѣмъ менѣе мы хотимъ, чтобы порочный погибъ, не исправившись. Легко и естественно ненавидѣть злодѣевъ; благочестиво же любить ихъ,—хотя это и рѣдко бываетъ,—какъ людей, такъ, чтобы въ одномъ лицѣ цѣнить человѣка и осуждать вину, тѣмъ справедливѣе осуждая ее, что ею оскверняется природа человѣка, которая намъ дорога. Поэтому не становится участникомъ въ неправдѣ, а руко-

водится человѣколюбіемъ тотъ, кто, преслѣдуя преступленія, добивается избавленія отъ кары преступника, какъ *человѣка*. Къ тому же для исправленія нравовъ нѣтъ другого случая помимо этой жизни; ибо послѣ нея всякій останется съ тѣмъ, что себѣ припасъ *здѣсь*. И такъ, любовь къ человѣчеству побуждаетъ насъ къ заступничеству за подсудимыхъ, для того, чтобы здѣшняя жизнь ихъ не закончилась казнью и по ея окончаніи не наступила для нихъ безконечная казнь.

Отвѣчая на сомнѣніе, возможно ли вывести обязанность заступничества изъ религіи, Августинъ выводитъ ее изъ христіанскаго представленія о Богѣ, въ Которомъ „нѣтъ неправды и Которому присуще всевѣдѣніе, Который видитъ всякаго не только какъ онъ теперь, но и предвидитъ, какимъ онъ станетъ въ будущемъ; Который одинъ можетъ быть непогрѣшимымъ судьею, потому что одинъ не можетъ быть введенъ въ заблужденіе—и въ то же время, согласно евангелію, приказываетъ любить враговъ нашихъ и благотворить ненавидящимъ насъ.

„Развѣ изъ-за того, что злобно упорствуютъ въ своей неправдѣ, Господь не упорствуетъ въ своемъ долготерпѣніи? Онъ караетъ лишь немногое въ этомъ мірѣ—для того, чтобы не отрицалось божественное провидѣніе,—и предоставляетъ многое будущему для того, чтобы была жива вѣра въ грядущій судъ“.

Августинъ напоминаетъ Македонію, что церковь, если ей удастся избавить отъ строгости свѣтскаго суда завѣдомыхъ преступниковъ, отлучаетъ ихъ отъ алтаря, для того, чтобы они могли своимъ покаяніемъ умилостивить Того, Кого они оскорбили своимъ преступленіемъ, и сами наложить на себя кару.

Конечно, люди въ своей неправдѣ доходятъ иногда до того, что послѣ покаянія и допущенія къ алтарю совершаютъ подобныя же преступленія и даже худшія,—однако же и надъ ними восходитъ солнце Божіе и Господь ниспосылаетъ имъ не менѣе, чѣмъ прежде, щедрый даръ жизни и здоровья, и хотя церковь такихъ уже не допускаетъ къ мѣсту, отведенному въ церкви для кающихся грѣшниковъ, Господь въ своемъ долготерпѣніи и ихъ не забываетъ.

Коснувшись этого обычая древней церкви, изъ котораго Македоній сдѣлалъ такой нежелательный для него выводъ,—Августинъ оправдываетъ недопущеніе къ вторичному торжественному покаянію и признаетъ его „благоразумно и цѣлесообразно установленнымъ для того, чтобы лекарство, сдѣлавшись обычнымъ, не утратило своей полезности для больныхъ. Но въ глазахъ Августина это недопущеніе публично покаявшихся грѣш-

никовъ къ вторичному покаянію, уже не имѣетъ прежняго значенія, которое ему придавалъ Македоній, и не лишаетъ грѣшника надежды на новое отпущеніе грѣховъ. „Кто дерзнетъ,—восклицаетъ Августинъ,—сказать Господу: зачѣмъ Ты снова пощадилъ этого человѣка, который послѣ своего покаянія снова запутался въ сѣтяхъ неправды?"

Но если безгранично милосердіе Божіе къ грѣшникамъ, то какъ же людямъ, которые всѣ грѣшны, относиться безпощадно другъ къ другу? Съ патетическимъ краснорѣчіемъ изображаетъ Августинъ безнравственныя послѣдствія ригоризма, отнимающаго у покаявшихся и снова падшихъ грѣшниковъ всякую надежду на снисхожденіе. Одному изъ такихъ несчастныхъ онъ влагаетъ въ уста слѣдующее требованіе: „или дайте мнѣ еще разъ мѣсто среди кающихся, или разрѣшите мнѣ съ отчаянія дѣлать все, что я хочу и могу, и что разрѣшаютъ мнѣ гражданскіе законы; разрѣшите мнѣ всякаго рода распутство, Богу неугодное, но большинствомъ людей прославляемое; если же вы меня отговариваете отъ такого нечестія, то скажите, принесетъ ли мнѣ пользу для будущей жизни, если я въ этой жизни стану пренебрегать всѣми приманками наслажденія, если я обуздаю всѣ страсти, если для усмиренія тѣла я даже откажусь отъ многаго мнѣ дозволеннаго, если ради покаянія я стану истязать себя больше прежняго, если я буду громче стонать и обильнѣе проливать слезы о моихъ грѣхахъ, если я буду вести лучшій образъ жизни, щедрѣе буду одарять бѣдныхъ, если я сильнѣе буду пламенѣть тою любовью, которая покрываетъ обиліе грѣховъ?" „Кто же изъ насъ,—спрашиваетъ Августинъ,—будетъ настолько безуменъ, чтобы сказать такому человѣку: все это не принесетъ тебѣ никакой пользы для будущаго вѣка; иди, пользуйся и наслаждайся здѣшней жизнью!?—Сохрани насъ Господь,—заключаетъ Августинъ,—отъ такого чудовищнаго отвѣта!"

Переходя отъ защиты къ наступленію, Августинъ примѣняетъ сдѣланный имъ выводъ къ самой свѣтской власти и требуетъ отъ нея самой снисходительности къ подсудимымъ. Конечно, говоритъ онъ, иное дѣло обязанность обвинителя, иное—защитника; иное опять-таки заступника, иное—судьи; различать ихъ обязанности здѣсь было бы слишкомъ долго и излишне, но божественное слово предписываетъ судьямъ, карающимъ преступленіе, чтобы они не поддавались гнѣву, а были служителями закона, чтобы они карали по должномъ разборѣ дѣла не за свои, а за чужія обиды; они должны помнить, что милосердіе Божье и имъ самимъ необходимо, и потому не должны считать

упущеніемъ по должности всякое милосердіе по отношенію къ тѣмъ, надъ жизнью и смертью которыхъ имъ предоставлена законная власть.

Среди этихъ разсужденій, Августинъ приводитъ евангельскій разсказъ о судѣ надъ блудной женой, весьма внушительно примѣняя къ римскому судьѣ слова Христа—„кто изъ васъ безъ грѣха, тотъ пусть подниметъ первый камень на нее“. По объясненію Августина, Христосъ не осудилъ закона, повелѣвающаго убивать виновныхъ въ такомъ преступленіи, но, устрашая тѣхъ, по суду которыхъ преступница могла быть убита, призывалъ судей къ милосердію. „Я полагаю,—прибавляетъ Августинъ,—что самъ мужъ, требовавшій отмщенія за оскорбленіе своего ложа, еслибъ услышалъ эти слова, устрашился бы и вмѣсто жажды мщенія исполнился бы желаніемъ прощенія... Такъ пусть же этимъ словамъ внемлетъ благочестивый христіанинъ, которымъ вняли невѣрующіе іудеи. Щади злодѣевъ, добрый человѣкъ; чѣмъ лучше ты самъ, тѣмъ болѣе будь кротокъ; чѣмъ выше твоя власть, тѣмъ смиреннѣе становись въ своемъ благочестіи“.

„Но если,—обращается Августинъ, далѣе, къ Македонію,—подъ вліяніемъ мысли, что всѣ люди грѣшны, остываетъ даже пылъ обвинителя и слабѣетъ даже строгость судьи, то какіе ты полагаешь предѣлы обязанности защитника или заступника? вѣдь и вы, добрые люди, теперь занимающіе мѣста судей, когда-то вращались на форумѣ, выступая въ процессахъ, и хорошо помните, насколько охотнѣе вы брали на себя защиту, чѣмъ обвиненіе. И однако, обязанность заступника простирается еще далѣе обязанности защитника; ибо первый прилагаетъ свои старанія къ тому, чтобы прикрыть или обѣлить преступленіе,—заступникъ же, даже когда вина очевидна, заботится о томъ, чтобы устранить или смягчить наказаніе“.

Затѣмъ, Августинъ указываетъ Македонію, съ удивительнымъ знаніемъ человѣческаго сердца, на то, какъ всякій человѣкъ бываетъ гуманнѣе въ чужомъ дѣлѣ, чѣмъ въ такомъ, въ которомъ лично заинтересованъ. То, что всякій у себя дома не оставилъ бы безъ наказанія, онъ склоненъ оставить безнаказаннымъ въ домѣ другого. Того, кто не вступится за слугу, на котораго въ его присутствіи разгнѣвался его другъ, мы не назовемъ справедливымъ, а сочтемъ жестокимъ. Августинъ напоминаетъ Македонію, какъ онъ самъ съ друзьями когда-то въ карѳагенской церкви вступился за клерика, на котораго подѣломъ разсердился епископъ; и хотя церковная дисциплина не допускаетъ пролитія крови, и поэтому не было основанія опасаться

за жизнь виновнаго, „вы пожелали оставить безнаказаннымъ то, чего сами не одобряли; мы же не сочли это потаканіемъ преступленію, а выслушали васъ, какъ гуманнѣйшихъ заступниковъ. Если же вамъ дозволено вашимъ вмѣшательствомъ смягчить церковную кару, то насколько болѣе надлежитъ епископу останавливать вашъ мечъ, который изъемлется изъ ноженъ, чтобы прекратить жизнь, тогда какъ наша кара прилагается для того, чтобы спасти ее".

Отстаивая такимъ образомъ для духовенства право заступничества въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, Августинъ успокаиваетъ блюстителя свѣтскаго правосудія, что не напрасно, однако, установлена держава царей, право судей казнить, орудія палачей, оружіе стражи, власть господина, строгость добраго отца. Все это имѣетъ свою причину, свои предѣлы, свое разумное основаніе, свою пользу. Страхъ всего этого сдерживаетъ злодѣевъ и даетъ возможность праведнымъ спокойнѣе жить среди нихъ. Такому порядку человѣческихъ дѣлъ не противорѣчитъ, однако, право заступничества со стороны епископовъ—напротивъ, еслибы не было карающихъ учрежденій, то не было бы поводовъ и случая къ заступничеству. И чѣмъ справедливѣе наказаніе преступниковъ, тѣмъ болѣе цѣнна благодѣтельность заступничества и пощады.

Важно, однако, то, по какимъ побужденіямъ происходитъ заступничество. Подобно тому, какъ кара можетъ проистекать изъ милосердія, такъ пощада можетъ быть слѣдствіемъ жестокости. Августинъ поясняетъ это примѣромъ: милосердымъ нужно считать того, кто запретитъ мальчику играть со змѣями и за непослушаніе накажетъ его, а жестоко было бы поступить въ этомъ случаѣ иначе. По этому поводу Августинъ заводитъ рѣчь о томъ, что весьма различны и преступленія въ зависимости отъ повода къ нимъ, какъ напр.: правильно ли убійство по злобѣ враговъ или ради грабежа разбойникомъ; совершено ли оно судьею ради наказанія, или палачомъ—по приказанію; совершено ли оно въ самозащитѣ отъ разбойника или въ сраженіи. Иногда тотъ, кто былъ поводомъ къ смерти, виновнѣе того, кто ее причинилъ. Но не всякій виновенъ, заключаетъ Августинъ, кто былъ поводомъ къ смерти другого; напримѣръ, въ томъ случаѣ, если кто-либо лишитъ себя жизни изъ-за отверженной любви, или изъ страха заслуженнаго отеческаго наказанія.

Но заступничество, признается Августинъ, имѣетъ иногда послѣдствія, которыхъ не желали заступники. Случается, что отпущенный на свободу, благодаря заступничеству духовенства,

исполняется, вслѣдствіе безнаказанности, худшею дерзостью, поддается жадности, забываетъ объ оказанномъ ему милосердіи и, самъ избавленный отъ смерти, другихъ предаетъ смерти. Случается также, что хотя отпущенный на свободу и исправляется, но черезъ него другой погибаетъ, совершившій, въ упованіи на его безнаказанность, худшія дѣла. Но не это зло, заявляетъ Августинъ, должно быть приписано заступничеству духовенства, а то благо, которое оно имѣетъ въ виду, т.-е. проповѣдь кротости для того, чтобы къ правдѣ присоединилась любовь и чтобы избавленные отъ земной смерти могли жить, не подвергаясь вѣчной смерти, отъ которой нѣтъ избавленія.

„И такъ,—заключаетъ Августинъ,—приноситъ свою пользу и ваша строгость, обезпечивающая нашъ покой; приноситъ пользу и наше заступничество, умѣряющее вашу строгость".

Оставалось однако еще одно вѣское возраженіе противъ заступничества духовенства—современные нравы, на которые жаловался Македоній,—стремленіе людей избавиться отъ наказаній и сохранить вмѣстѣ съ тѣмъ плоды своихъ преступленій. Августинъ признается, что таковъ худшій разрядъ людей, что покаяніе не приноситъ имъ врачеванія. Ибо если чужое имущество, ради котораго совершено преступленіе, можетъ быть возвращено преступникомъ, но не возвращается имъ, то это не покаяніе, а притворство. Но Августинъ подчеркиваетъ слова — „если присвоенное имъ имущество можетъ быть возвращено". Большею же частью тотъ, кто присвоиваетъ себѣ чужое, самъ скоро утрачиваетъ его, потерпѣвъ то же самое отъ другихъ или проживъ отнятое имъ, и потому ему и нечего отдавать. Такому человѣку мы не можемъ сказать: отдай то, что ты себѣ присвоилъ; или мы должны быть увѣрены, что оно у него есть и что онъ это отрицаетъ". Заслуживаетъ вниманія, какъ по этому поводу высказывается Августинъ о тогдашнемъ судопроизводствѣ, прибѣгавшемъ къ пыткѣ, чтобы побудить вора или грабителя возвратить присвоенное имъ чужое имущество. Онъ допускаетъ, что эту мѣру „нельзя считать несправедливою,—ибо если у виновнаго и нѣтъ того, чѣмъ онъ могъ бы возмѣстить похищенное, онъ, претерпѣвая тѣлесныя мученія, несетъ кару за совершенный имъ грѣхъ". Но Августинъ не сдается и на этотъ аргументъ Македонія и настаиваетъ на правѣ заступничества, „гуманно (non inhumanum) вступаться и за такихъ людей, не для того, чтобы чужое добро осталось невозвращеннымъ, но чтобы человѣкъ не свирѣпствовалъ противъ человѣка (ne homo in hominem saeviat) — въ особенности тотъ, кто вину простилъ, но

деньги свои желаетъ вернуть и, боясь потерпѣть ущербъ, не хочетъ быть мстительнымъ". Иногда и сами истцы настолько жалостливы, что не хотятъ въ своемъ недоумѣніи изъ-за сомнительнаго успѣха подвергать человѣка вѣрнымъ мученіямъ. „Къ такой-то жалостливости намъ слѣдуетъ призывать и увѣщевать и васъ, судей".

Августинъ, правда, соглашается, что тотъ, кто своимъ заступничествомъ содѣйствуетъ укрытію чужой собственности, самъ становится участникомъ въ обманѣ и преступленіи. Отказать въ такомъ заступничествѣ милосерднѣе, чѣмъ оказать его, ибо содѣйствовать совершенію грѣха не значитъ придти на помощь. Но развѣ духовенство можетъ или должно вымогать неправильно присвоенное или выдавать людей, виновныхъ въ похищеніи чужого, властямъ? Нѣтъ! духовенство борется противъ грѣха духовными средствами.

И Августинъ развертываетъ по этому поводу передъ нами широкую картину дѣятельности тогдашнихъ епископовъ въ помощь свѣтскому правосудію: они угрожаютъ виновнымъ человѣческимъ, а въ особенности и во всякомъ случаѣ—Божескимъ судомъ. „Нежелающихъ возвратить то, что они завѣдомо себѣ присвоили и имѣютъ возможность возвратить, мы осуждаемъ, укоряемъ и отвергаемъ отъ себя однихъ тайно, другихъ—публично, примѣняя различные способы леченія, сообразно съ различіемъ лицъ, для того, чтобы не ввергать ихъ въ большее безуміе. Иногда же къ нимъ примѣняется крайнее средство—отлученіе отъ алтаря".

Августинъ признается, что епископы нерѣдко становятся въ этихъ случаяхъ жертвою обмана,—„но часто и вы ошибаетесь, полагая, что мы не настаиваемъ на возвращеніи похищеннаго, или возможно возмѣщеніе; вѣдь всѣ мы, или почти всѣ, любимъ выдавать наши подозрѣнія за достовѣрное или считать ихъ таковымъ, руководясь одною вѣроятностью, хотя вѣроятное иногда бываетъ невѣрно, а иногда, наоборотъ, невѣроятное — достовѣрно".

Но противъ упрека духовенства, что вслѣдствіе его заступничества преступно присвоенное имущество оставалось бы невозвращеннымъ, Августинъ выступаетъ съ еще болѣе сильнымъ оружіемъ — съ обвиненіемъ противъ всего тогдашняго судопроизводства. Онъ заявляетъ, что не все, что взыскивается съ человѣка вопреки его желанію, взыскивается несправедливо; вѣдь очень многіе, поясняетъ Августинъ, не отдаютъ врачу гонораръ, а рабочему плату; было бы несправедливостью не взы-

скивать этого съ должниковъ, хотя бы насильно. Но какъ быть съ платою, которую беретъ судья за приговоръ, а свидѣтель за свое показаніе? Если не слѣдуетъ брать денегъ за справедливый приговоръ и за вѣрное показаніе то тѣмъ преступнѣе брать ихъ за несправедливый приговоръ и за ложное показаніе даже съ тѣхъ, которые ихъ охотно платятъ. И однако бываетъ, что тотъ, кто далъ деньги за справедливый приговоръ, требуетъ ихъ назадъ, такъ какъ судебный приговоръ не долженъ продаваться; но тотъ, кто далъ деньги за несправедливый приговоръ, охотно бы ихъ взыскалъ, если бы не боялся или не стыдился признать, что получилъ приговоръ подкупомъ.

Мы узнаемъ отъ Августина, что чиновники въ канцеляріяхъ берутъ съ обѣихъ сторонъ. Если эти поборы не превышаютъ того, что̀ установилъ обычай, ихъ не взыскиваютъ; если они „исторгнуты съ чрезмѣрной нечестностью, то взыскиваются“. Августинъ замѣчаетъ, что мы болѣе осуждаемъ тѣхъ, кто вопреки обычаю взыскиваетъ умѣренные поборы (de more), чѣмъ тѣхъ, кто ихъ бралъ ибо этими выгодами привлекаются къ службѣ или поддерживаются на ней многіе необходимые для общества люди. Но все-таки Августинъ ставитъ такихъ людей на одинъ уровень съ мытникомъ и возбуждаетъ вопросъ, какъ имъ слѣдовало бы поступить съ неправильно нажитымъ имуществомъ.

Если, говоритъ онъ, такія лица измѣняютъ свой образъ жизни или поднимаются на болѣе высокую ступень благочестія, они скорѣе отдаютъ бѣднымъ то, что̀ пріобрѣли этимъ способомъ, чѣмъ возвращаютъ тѣмъ, отъ кого получили, забывъ, что это — *чужое* добро. Но то, что̀ пріобрѣтено вопреки законамъ человѣческаго общества воровствомъ, грабежомъ, кляузами, гнетомъ, насиліемъ, не должно, по примѣру Закхея (Лук., 19, 8), быть роздано нищимъ, а возвращено настоящимъ владѣльцамъ.

Осуждая поборы въ судебномъ вѣдомствѣ, Августинъ относится съ особенною строгостью къ тогдашнимъ адвокатамъ и обрушивается со всею силою своего пастырскаго краснорѣчія на этихъ баловней древняго Рима, воспитанныхъ въ школѣ языческой діалектики.

„Если искреннѣе отнестись къ справедливости, — заявляетъ Августинъ Мацедонію, — было бы всего справедливѣе сказать и адвокату: возврати, что̀ ты получилъ, когда стоялъ противъ истины, былъ пособникомъ неправды, ввелъ въ обманъ судью, сгубилъ правое дѣло, ложью одержалъ побѣду (что̀ на твоихъ глазахъ (т.-е. Мацедонія) многіе почтенные и краснорѣчивые люди не только безнаказанно совершаютъ, но еще вмѣняютъ себѣ въ славу), — чѣмъ ка-

кому-нибудь судебному приставу: отдай, что ты получилъ, когда по приказанію судьи задержалъ человѣка необходимаго въ какомъ-нибудь процессѣ, связалъ его, чтобы онъ не сопротивлялся, заключилъ его, чтобы онъ не бѣжалъ, а затѣмъ, по окончаніи процесса, выпустилъ на свободу. Но понятно, почему этого не говорятъ адвокату: потому что кліентъ не хочетъ получить назадъ то, что̀ онъ ему заплатилъ за недобросовѣстное веденіе дѣла—какъ тотъ не хочетъ возвратить и того, что̀ получилъ съ отвѣтчика, по недобросовѣстно выигранному дѣлу. Но гдѣ найдется адвокатъ, или вышедшій изъ адвокатуры видный человѣкъ, который сказалъ бы своему кліенту: возьми назадъ, что̀ ты мнѣ далъ, если я плохо тебя защищалъ, и возврати твоему противнику то, что̀ ты, при моей помощи, несправедливо у него отнялъ! И однакоже тотъ, кто искренно раскаявается въ своей прежней неправедной жизни, долженъ былъ бы такъ поступить;—ибо хотя бы тотъ, кто велъ несправедливую тяжбу, не захотѣлъ исправить свою неправду, адвокатъ не долженъ бы сохранять вознагражденіе, полученное за эту неправду; тогда не слѣдовало бы требовать и возвращенія того, что̀ тайно унесено воромъ—если не возвращаютъ того, что̀ на самомъ форумѣ, гдѣ караются преступленія, похищено посредствомъ обмана судьи и обхода закона"!

„А что̀ же сказать о лихвенныхъ процентахъ,—восклицаетъ Августинъ,—которые должны быть возвращены въ силу самаго закона и по требованію судей? Развѣ тотъ, кто обманомъ или насиліемъ обираетъ богатаго, хуже, чѣмъ тотъ, кто губитъ бѣдняка? Въ этомъ и въ подобныхъ случаяхъ имущество пріобрѣтено дурнымъ способомъ, и я желалъ бы, чтобы оно возвращалось—но нѣтъ суда для его возвращенія". Такъ, обличая несостоятельность человѣческаго судопроизводства и открывая обширную область гражданской неправды, недоступной свѣтскому судьѣ, Августинъ отстаиваетъ моральное воздѣйствіе духовенства въ области суда. Но съ какой точки зрѣнія слѣдуетъ вообще смотрѣть на всѣ эти тяжбы среди людей и связанную съ ними неправду—на собственность? Вдохновенный проповѣдникъ Божьяго царства, апостолъ аскетическаго міровоззрѣнія, не могъ не держаться въ данномъ вопросѣ—при всей своей пастырской трезвости—высокаго идеализма, какъ и другіе подвижники аскетизма, слѣдовавшіе за нимъ по этому пути. Путеводной звѣздой могъ служить Августину священный текстъ, который онъ нѣсколько разъ приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ; приводитъ его два раза и его современникъ, монашествующій Іеронимъ; приводитъ его и могучій реформаторъ средневѣкового монашества, св. Бернардъ.

Вотъ эти слова: „праведному человѣку принадлежатъ всѣ сокровища міра, неправедному—ни одинъ оболъ“ [1]). „Вникая разумно въ эти слова Писанія, — восклицаетъ Августинъ, — развѣ мы не должны обличать всѣхъ, кто наслаждается имуществомъ, по ихъ мнѣнію, законно пріобрѣтеннымъ — въ обладаніи *чужой* собственности, если они не умѣютъ пользоваться ею? Конечно то, чѣмъ владѣютъ по праву, не можетъ считаться чужимъ; но *по праву* владѣютъ только тѣмъ, чѣмъ праведно владѣютъ (juste), а праведно—тѣмъ, чѣмъ хорошо (bene) владѣютъ. Поэтому все то, чѣмъ дурно владѣютъ, есть чужое добро, а дурно владѣетъ тотъ, кто дурно пользуется владѣніемъ“.

Мѣсто въ высшей степени замѣчательное, не только для даннаго вопроса и для Августина вообще, но и для всего средневѣкового міровоззрѣнія. Иносказательное употребленіе словъ juste и justitia — *справедливость* у Августина въ смыслѣ *праведно* и *праведность* (благочестіе)—составляетъ, такъ сказать, водораздѣлъ между антично-римскимъ и римско-христіанскимъ, средневѣковымъ міровоззрѣніемъ, между бытомъ, основаннымъ на *гражданскихъ* законахъ, и бытомъ, искавшимъ свою основу въ *божескомъ законѣ*. Въ этой высокой сферѣ праведности, если не исчезаютъ, то стихаютъ гражданскіе споры. „Ты видишь,—говоритъ Августинъ Македонію,—сколь многимъ слѣдовало бы возвратить чужое имущество, еслибы только нашлись тѣ немногіе, которымъ его можно было бы возвратить. Но теперь пока еще терпится несправедливость неправедно владѣющихъ, и ради нихъ устанавливаются законы, называемые гражданскими: отсюда не слѣдуетъ, что они праведно владѣютъ, но что, владѣя неправедно, они при такихъ условіяхъ приносятъ менѣе вреда. Такой порядокъ вещей будетъ существовать, пока праведные и благочестивые, которымъ все принадлежитъ—и которые, проживая нѣкоторое время среди неправедныхъ, ихъ примѣромъ не соблазняются, а научаются—не достигнутъ царства, составляющаго ихъ вѣчное достояніе; царства, гдѣ богатъ лишь праведный, обладаетъ властью лишь мудрый, гдѣ всѣ, кто тамъ будетъ, будутъ владѣть тѣмъ, что по истинѣ имъ принадлежитъ“.

Вступаясь за виновныхъ, осужденныхъ по закону законными властями, Августинъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ угнетенію невинныхъ, страдавшихъ противозаконно и отъ частнаго произвола. Памятникомъ благороднаго рвенія гиппонскаго епи-

[1]) Fidelis hominis totus mundus divisiarum est, infidelis autem nec obolus. Слова эти въ Септуагинтѣ, въ Притч. Солом. 17, 6 sq.

скопа въ этомъ отношеніи служитъ его письмо къ нѣкоему Ромулу, въ защиту его „колоновъ“. Среди обличеній мірской неправды, которыми такъ богата церковная литература, это посланіе Августина выдается рѣдкимъ соединеніемъ дѣловитости, напоминающей искуснаго адвоката, съ грознымъ краснорѣчіемъ пастыря, призывающаго къ Божьему суду мощнаго человѣка за обиду беззащитныхъ подчиненныхъ.

Обстоятельство дѣла извѣстно намъ изъ самаго письма Августина. Колоны Ромула уплатили обычный оброкъ его сборщику, Понтикану: но Ромулъ, утверждавшій, что онъ не приказывалъ имъ этого дѣлать, требовалъ отъ нихъ вторичной уплаты оброка. На это ему Августинъ справедливо возражаетъ: „Но ты приказалъ имъ слушаться Понтикана, они же не могли знать, насколько имъ надо было слушаться его и насколько не слушаться, въ особенности когда онъ требовалъ того, что, какъ они прекрасно знали, имъ надлежало уплатить. Они должны были бы имѣть отъ тебя письмо, чтобы предъявить его сборщику, если онъ требовалъ оброка вопреки твоему желанію. Ибо если ты и сказалъ когда-либо на словахъ, чтобы они сборщику ничего не платили, они могли этого не помнить: да и ты самъ можешь не помнить, на самомъ ли дѣлѣ ты далъ подобное приказаніе имъ, или другимъ колонамъ, или всѣмъ,—тѣмъ болѣе, что, какъ тебѣ извѣстно, они дали деньги и другому сборщику, и деньги эти цѣлы, и ты не выражалъ неудовольствія на то, что они ихъ уплатили. И когда я тебя спросилъ:—„а еслибы и этотъ сборщикъ присвоилъ себѣ деньги, ты также потребовалъ бы ихъ во второй разъ“—тебѣ это не понравилось. Ты мнѣ также часто говорилъ, что никогда не давалъ полномочій Валерію и Агинезу; но однажды у насъ зашла рѣчь о винѣ, которое у тебя начало скисаться, и забывъ о томъ, что такъ часто мнѣ говорилъ объ Агинезѣ, ты сказалъ, что крестьяне должны были бы увѣдомить объ этомъ Агинеза и поступать согласно съ его распоряженіями. Когда же я напомнилъ тебѣ, что ты никогда не давалъ этимъ приказчикамъ полномочій — ты мнѣ отвѣтилъ: „но у Агинеза было письмо отъ меня“—какъ будто твои приказчики должны прочитывать деревенскому люду твои письма, чтобы убѣдить ихъ, что ихъ приказаніе исходитъ отъ тебя. Но вѣдь эти люди, видя, что тѣ занимаются твоими дѣлами, не считаютъ возможнымъ, чтобъ они посмѣли дѣлать что-нибудь зря, не имѣя на то твоихъ приказаній“. Изъ этого изложенія дѣла видно, что Августинъ лично и, можетъ быть, не одинъ разъ убѣждалъ Ромула не прибѣгать къ крючкотворству и произволу власти и не разорять

своихъ колоновъ. Бесѣды эти ни къ чему не привели; и Августинъ узналъ, что Ромулъ собирается выѣхать изъ Гиппона. Тогда онъ послалъ сказать ему—это было въ субботу,—чтобъ онъ не уѣзжалъ, не повидавшись съ нимъ; на что Ромулъ отвѣтилъ согласіемъ. Но хотя онъ въ воскресенье дѣйствительно отправился въ церковь, гдѣ находился Августинъ, однако повидаться съ нимъ не захотѣлъ, и уѣхалъ. Тогда послѣдовала слѣдующая внушительная отповѣдь Августина:

„Правда бываетъ и сладка, и горька; когда она щадитъ, она сладка; когда же бываетъ горька, она полезна. Ты испытаешь это, если не откажешься отвѣдать того, что̀ я тебѣ подношу. Дай Богъ, чтобы оскорбленія, которыя ты мнѣ наносишь, были для тебя такъ же безвредны, какъ они не повредили мнѣ; и дай Богъ, чтобы неправда, которую ты творишь по отношенію къ слабымъ и бѣднымъ, не оказалась для тебя болѣе тяжелою, чѣмъ для нихъ. Они вѣдь страдаютъ временно; ты же подумай о томъ, что̀ ты для себя накопляешь ко дню гнѣва и объявленія справедливаго суда Божьяго, который воздаетъ всякому по дѣламъ его. Къ Его милосердію я взываю, чтобы Онъ лучше здѣсь исправилъ тебя, какъ знаетъ, чѣмъ пощадилъ до того дня, когда уже не будетъ мѣста исправленію; чтобы Онъ, давъ тебѣ страхъ Божій, ради котораго я не отчаяваюсь въ тебѣ, раскрылъ твой умъ, и чтобы ты, узрѣвъ что̀ дѣлаешь, пришелъ бы въ ужасъ и исправился. Тебѣ представляется пустымъ и почти ничтожнымъ зло настолько великое, что когда укрощенная въ тебѣ жадность позволитъ тебѣ его понять, ты слезами будешь орошать землю, чтобы Господь тебя помиловалъ. Если я несправедливъ, настаивая передъ тобою, чтобы бѣдные и нищіе люди не уплачивали по два раза свой долгъ, отдавши его сборщику, по его приказанію,—чего онъ не можетъ отрицать;—если я несправедливъ, считая несправедливымъ, чтобы они заплатили два раза то, что̀ они и въ одинъ-то разъ едва въ состояніи уплатить,—то дѣлай, что̀ хочешь! Если же ты понимаешь, что это несправедливо, то дѣлай, что̀ тебѣ надлежитъ, что̀ Богъ велитъ и о чемъ я прошу. Не о нихъ, а о тебѣ самомъ я молю тебя: хотя тебя слѣдовало бы не просить, а укорять по словамъ Писанія. Если бы мнѣ пришлось просить у тебя чего-нибудь для меня, я бы вѣроятно не сталъ просить; но такъ какъ приходится тебя просить ради тебя самого, то я прошу тебя въ твоемъ гнѣвѣ пощадить себя, умилостивить себя, чтобы былъ къ тебѣ милостивъ Тотъ, къ Кому ты обращаешься съ молитвой“.

Упомянувъ о томъ, что Ромулъ не сдержалъ своего обѣ-

щанія и уѣхалъ, не повидавшись съ Августиномъ, послѣдній продолжаетъ. „Да проститъ тебя Богъ за это. Что мнѣ еще сказать, кромѣ того, что Богу извѣстно, какъ сильно я этого желаю; но знаю я и то, что Онъ будетъ справедливъ, если *ты* не исправишься. Но если ты себя пожалѣешь, то пожалѣешь и меня; ибо я не такъ уже чуждъ любви Христовой, чтобы не испытывать тяжелой раны въ сердцѣ моемъ, когда такъ поступаетъ тотъ, кого я считаю своимъ сыномъ по Евангелію.

„Однако къ чему мнѣ такъ долго съ тобой спорить,—оканчиваетъ свое письмо Августинъ,—и обременять такого занятого человѣка. Разсердившись на слова мои, пожалуй ты станешь хуже свирѣпствовать противъ бѣдныхъ людей! Но вѣдь имъ зачтется въ заслугу то, что они претерпятъ отъ твоего гнѣва, вызваннаго словами, сказанными ради твоего спасенія; впрочемъ, я болѣе ничего не скажу тебѣ, чтобы ты не подумалъ, что я руковожусь не страхомъ за тебя, а недоброжелательствомъ къ тебѣ. Опасайся Бога, если не хочешь испытать горькаго разочарованія. Его я призываю въ свидѣтели, что я больше боюсь за тебя, чѣмъ за тѣхъ, за кого вступаюсь".

Отъ картинъ борьбы Августина со зломъ и неправдой обратимся къ двумъ письмамъ его, рисующимъ мирную пристань его внутренней жизни. Эти письма написаны въ разное время и къ весьма различнымъ лицамъ, но связаны содержаніемъ, касаясь двухъ видовъ взаимнаго влеченія людей другъ къ другу—дружбы и любви. Первое изъ этихъ началъ было высоко прославлено классической древностью, второе—въ его всеобъемлющемъ смыслѣ любви къ *ближнему*—было провозглашено христіанствомъ. Поэтому первое письмо озарено свѣтомъ классическаго просвѣщенія, которое Августинъ съ такимъ успѣхомъ усвоилъ себѣ во дни своей юности; второе проникнуто духомъ Евангелія; въ первомъ онъ взываетъ къ авторитету Цицерона, во второмъ—исходитъ изъ словъ того апостола, который формулировалъ въ его всемірномъ значеніи начало христіанской любви. Эти два письма отражаютъ такимъ образомъ на себѣ два фазиса эволюціи, пережитые Августиномъ: мы видимъ въ первомъ изъ нихъ, какъ Августинъ изъ опредѣленія дружбы у классиковъ выводитъ, что истинная дружба можетъ существовать лишь между христіанами; мы видимъ во второмъ, какъ глубоко онъ усвоилъ себѣ духъ того апостола, благодаря проповѣди котораго „эллинскій" міръ былъ пріобщенъ къ благой вѣсти о ближнемъ.

Въ первомъ изъ этихъ писемъ, написанномъ подъ старость, Августинъ обращается къ другу своей юности Мартіану, который до преклонныхъ лѣтъ все еще находился подъ обаяніемъ языческаго просвѣщенія. „Я оторвался или, вѣрнѣе, урвался, тайкомъ отъ моихъ многочисленныхъ занятій, чтобы писать тебѣ, старѣйшему другу, который впрочемъ мнѣ не былъ другомъ, пока я не обладалъ имъ во Христѣ". Августинъ напоминаетъ Мартіану опредѣленіе, которое далъ дружбѣ Туллій, *величайшій*, какъ кто-то замѣтилъ [1]), *учитель римскаго краснорѣчія*. „Онъ сказалъ, и чрезвычайно вѣрно сказалъ: „дружба есть согласіе въ человѣческихъ и божественныхъ дѣлахъ, соединенное съ благорасположеніемъ и любовью". Ты, мой любезнѣйшій, вполнѣ раздѣлялъ мой взглядъ на человѣческія отношенія, пока я желалъ ими пользоваться по обычаю людскому, и содѣйствовалъ мнѣ въ достиженіи ихъ,—въ чемъ я теперь раскаяваюсь—и вмѣстѣ съ другими тогдашними моими друзьями и даже преимущественно передъ ними раздувалъ мои страсти шумнымъ восхваленіемъ. Но меня тогда еще не просвѣтила божественная истина, существенно входящая въ составъ дружбы, и въ этомъ отношеніи наша дружба хромала!"

Теперь же это измѣнилось къ лучшему; Мартіанъ самъ позналъ истину, и Августинъ выражаетъ по этому поводу величайшую радость. „Когда же я пересталъ желать земныхъ благъ, ты, пребывая въ своемъ расположеніи ко мнѣ, продолжалъ желать мнѣ здоровья и счастья въ томъ смыслѣ, какъ міръ ихъ обычно желаетъ. Такимъ образомъ, между нами продолжалось дружелюбное согласіе относительно человѣческихъ благъ. Теперь же я не нахожу словъ, чтобъ выразить тебѣ мою радость по поводу того, что мой давнишній другъ сталъ мнѣ уже истиннымъ другомъ. Ибо наступило между нами согласіе и относительно божественнаго; весело проводя нѣкогда со мною мірскую жизнь въ пріятельскихъ сношеніяхъ, ты теперь соединился со мною въ надеждѣ на вѣчную жизнь. Но между нами нѣтъ разногласія и относительно человѣческихъ дѣлъ; ибо, познавши божественное, мы цѣнимъ ихъ такъ, что не придаемъ имъ большаго значенія, чѣмъ слѣдуетъ по справедливой мѣрѣ; но и не отвергаемъ ихъ съ пренебреженіемъ, чтобы не оскорблять Создателя ихъ, Господа всего небеснаго и земного. Такимъ образомъ, гдѣ между друзьями нѣтъ согласія въ божественномъ, тамъ не можетъ быть полнаго и истиннаго согласія и въ земномъ. Ибо

[1]) Луканъ въ VII кн. своей поэмы.

неизбѣжно тотъ, кто пренебрегаетъ божественнымъ, цѣнитъ земное иначе, чѣмъ слѣдуетъ, и не сумѣетъ правильно любить человѣка тотъ, у кого нѣтъ любви къ его Творцу. Поэтому я не скажу, что ты мнѣ теперь сталъ полнымъ другомъ, а прежде былъ имъ только наполовину; ибо логика указываетъ, что ты и наполовину мнѣ не былъ другомъ, пока между нами не было истинной дружбы". Августинъ проситъ Мартіана не сердиться за то, что онъ отрицаетъ существованіе между ними дружбы, несмотря на выказанное имъ большое расположеніе—такъ какъ онъ самъ былъ себѣ не другомъ, а нѐдругомъ, ибо любилъ неправду. Но теперь Августинъ благодаритъ Бога за то, что онъ наконецъ его сдѣлалъ ему другомъ и, напомнивъ Мартіану слова Писанія о любви къ Богу и къ ближнему, Августинъ заключаетъ: „Если ты будешь со мною крѣпко соблюдать эти двѣ заповѣди, между нами будетъ истинная и прочная дружба, и она не только соединитъ насъ взаимно, но и съ самимъ Богомъ".

Но оставалось сдѣлать еще одинъ, важнѣйшій шагъ. Мартіанъ причислялъ себя къ христіанамъ, но еще не принялъ крещенія. Къ таинствамъ вѣрующихъ и призываетъ его Августинъ: „Это подобаетъ твоему возрасту и, какъ мнѣ кажется, согласно и съ твоимъ образомъ жизни". И чтобы повліять на стараго пріятеля той эпохи, когда они оба наслаждались языческой литературой, Августинъ прибѣгаетъ къ ея авторитету, чтобы увлечь друга въ чуждое ему міровоззрѣніе. Августинъ напоминаетъ Мартіану стихъ, приведенный этимъ классикомъ „при отъѣздѣ" Августина, съ намекомъ на совершившійся съ Мартіаномъ переворотъ. Это былъ стихъ изъ комедіи Теренція, но „весьма полезный и пригодный въ этомъ случаѣ": „Новую жизнь ведетъ за собой этотъ день, новыхъ требуетъ нравовъ".

„Съ новою жизнью получаютъ новый смыслъ старые классическіе идеалы. Если ты это и сказалъ искренно, въ чемъ я не долженъ сомнѣваться, ты уже ведешь на самомъ дѣлѣ такую жизнь, чтобы удостоиться отпущенія прежнихъ грѣховъ чрезъ спасительное крещеніе. Ибо не къ кому иному, какъ къ Господу Христу можетъ обратиться родъ человѣческій съ словами:

„Подъ Твоимъ знаменемъ, если гдѣ остались слѣды нашихъ преступленій, они навсегда исчезнутъ и міръ избавятъ отъ страха".

„Виргилій признается, что почерпнулъ этотъ стихъ у Кумской Сибиллы; ибо возможно, что эта пророчица духовно прослышала нѣчто о единомъ Спасителѣ и почувствовала побужденіе заявить объ этомъ.

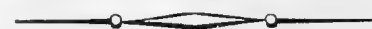
„Таково,—заключаетъ Августинъ,—то немногое,—а можетъ

быть это и немало,—что я успѣлъ, будучи весьма занятъ, тебѣ написать". Онъ выражаетъ желаніе получить отвѣтъ и узнать, записался ли уже Мартіанъ, и скоро ли запишется въ число чающихъ крещенія. „Господь Богъ, въ Котораго ты увѣровалъ, да хранитъ тебя въ этой и будущей жизни".

Второе изъ сопоставляемыхъ нами писемъ—одно изъ лучшихъ наставленій Августина, и вмѣстѣ краснорѣчивое и глубокое развитіе словъ апостола Павла (Римл., XIII, 8): „не оставайтесь должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви"; эти слова вылились изъ души Августина, можно сказать, по случайному поводу.

Получивъ письмо отъ римскаго діакона Целестина, сдѣлавшагося, четыре года спустя, папою, Августинъ благодаритъ его за письмо; но простое выраженіе вѣжливости становится для него поводомъ къ восхваленію *любви* (charitas). Августинъ пишетъ, что онъ отдаетъ Целестину привѣтъ (salutationem), и продолжаетъ считать себя его должникомъ въ любви, ибо любовь, даже получивъ воздаяніе, навсегда обязываетъ должника. „И когда она воздается, она не утрачивается, но отъ воздаянія увеличивается. Чтобы воздать ее, нужно ею обладать, но обладать ею нельзя, если не воздавать ее; ибо по мѣрѣ того, какъ она воздается, она ростетъ въ человѣкѣ; и она пріобрѣтается тѣмъ больше, чѣмъ большему числу воздается. А какъ же въ ней отказать друзьямъ, если мы обязаны питать ее и къ недругамъ? Недругамъ она воздается съ осторожностью, друзьямъ же отдается безъ всякой сдержки. Но насколько возможно, она стремится и отъ тѣхъ, кому воздаетъ добромъ за зло, получить то, что она даетъ имъ. Ибо мы желаемъ превратить въ друга того недруга, котораго мы искренно любимъ; мы любимъ его лишь потому, что желаемъ, чтобы онъ сталъ добрымъ, а сдѣлаться таковымъ онъ не можетъ, пока не откажется отъ зла недружелюбія. Любовь не истрачивается на подобіе денегъ. Помимо того, что эти уменьшаются, когда ихъ расходуютъ, а любовь отъ этого увеличивается,—между ними еще то различіе, что наше расположеніе къ тѣмъ, кому мы дали денегъ, тѣмъ больше, чѣмъ меньше мы желаемъ получить ихъ назадъ; въ любви же только тотъ настоящимъ образомъ даетъ, кто желаетъ возврата. Ибо деньги поступаютъ къ тому, кому онѣ даны, и уходятъ отъ того, кто ихъ далъ; любовь же возрастаетъ не только у того, кто ее требуетъ отъ того, кого любитъ, хотя бы онъ ея не добился; но и тотъ, отъ кого мы желаемъ ее получить, начинаетъ лишь тогда любить, когда даритъ свою любовь"...

В. Герье.

ЧЕРНАЯ ЗМѢЯ

РОМАНЪ.

Paul Adam. Le Serpent noir. Roman. Paris. 1905 (Librairie Ollendorf).

Окончаніе.

VI *).

Жильберта сдѣлалась очень нервной подъ вліяніемъ морского воздуха, слишкомъ рѣзкаго для ея малокровія. Это стало безпокоить прежде всего ея бабушку. Докторъ, который въ іюнѣ говорилъ о возможномъ вредѣ моря для дѣвочки, теперь отмалчивался. М-мъ Ла-Ревельеръ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ напомнила ему о его первоначальномъ діагнозѣ и сказала, что необходимо сократить пребываніе въ Белилѣ. При этихъ словахъ м-мъ Елена вся вспыхнула, а потомъ поблѣднѣла. Ей, видимо, было тяжело разстаться съ докторомъ, и она стала доказывать, что нездоровье дочери—случайное.

Разговоръ происходилъ въ отсутствіе м-мъ Гульвенъ, и я поспѣшилъ передать ей, какъ только увидѣлъ ее, о рѣшеніи м-мъ Ла-Ревельеръ. При этомъ я зорко поглядѣлъ ей въ лицо, стараясь узнать, что̀ въ ней говоритъ сильнѣе: боязнь лишиться выгодныхъ пансіонерокъ, или же радость при извѣстіи о возможномъ отъѣздѣ поклонницы ея мужа.

— Елена, кажется, не собирается уѣзжать,—отвѣтила она мнѣ безъ всякаго колебанія.—Ей здѣсь нравится. Не думаю, что климатъ такъ вреденъ Жильбертѣ. Это, вѣроятно, ошибка... Простите, я должна васъ оставить и позаботиться о моихъ гостяхъ.

*) См. выше: ноябрь, стр. 229 и слѣд.

Въ слѣдующіе дни разговоры о здоровьи Жильберты не возобновлялись; у дѣвочки былъ хорошій видъ. Она безъ устали бѣгала и прыгала въ сопровожденіи своей собаки Домино, шалила, гналась за докторомъ, когда онъ садился на велосипедъ. Чтобы сдѣлать удовольствіе м-мъ Еленѣ, я сталъ восторгаться здоровымъ видомъ Жильберты и даже утверждать, что морской воздухъ особенно полезенъ для дѣвочекъ ея возраста. Елена очень обрадовалась моимъ словамъ.

— Я рада, что и вы того же мнѣнія,—сказала она торжествующимъ тономъ.—Если мы останемся здѣсь до конца осени, Жильберта будетъ неузнаваема зимой въ Парижѣ.

— Что вы, опомнитесь!—возразила м-мъ Ла-Ревельеръ, пожимая плечами. — Вы положительно ослѣплены, Елена. Вѣдь дѣвочка становится совсѣмъ ненормальной. Она по цѣлымъ ночамъ глазъ не смыкаетъ. Вы только не замѣчаете ея состоянія, увлекаясь разговорами съ докторомъ. Вы забываете, что у васъ есть дочь, и что вы мать.

— Ну, что за пустяки! — пренебрежительно отвѣтила м-мъ Елена, останавливая расходившуюся старую даму.

Я улыбнулся, показывая, что не придаю значенія этой маленькой ссорѣ, но внутренно былъ радъ тому, что слышалъ. Значитъ, м-мъ Ла-Ревельеръ раздѣляетъ мои подозрѣнія. Она стала нарочно попрекать невѣстку въ моемъ присутствіи, чтобы сильнѣе задѣть ее.

Мнѣ въ послѣднее время удалось завоевать симпатіи м-мъ Ла-Ревельеръ, и она стала выказывать мнѣ довѣріе. Я достигъ этого тѣмъ, что льстилъ двумъ ея слабостямъ. Прежде всего, у нея былъ настоящій культъ памяти сына, и я всячески выхваливалъ покойнаго депутата и выслушивалъ ея нескончаемыя воспоминанія о немъ. Во-вторыхъ, она была необыкновенно любопытна, а между тѣмъ, когда приходила почта, никто не сообщалъ ей содержанія писемъ. Я же читалъ ей всегда свои письма, дѣлая видъ, что нуждаюсь въ ея совѣтахъ. Кромѣ того, я баловалъ ее лакомствами, до которыхъ она была большая охотница, угощалъ ее конфектами, спеціально выписанными изъ Парижа. Тронутая моимъ вниманіемъ, она стала откровенничать со мной, разсказала мнѣ всю свою жизнь, говорила о томъ, какъ ее измучили дочери, какъ она счастлива, что онѣ наконецъ вышли замужъ и избавили ее отъ рабства. Однажды, когда м-мъ Елена вернулась домой съ прогулки съ докторомъ и Жильбертой, и когда они разошлись по своимъ комнатамъ, я заговорилъ о возможности второго замужества молодой вдовы и сталъ жалѣть

м-мъ Ла-Ревельеръ, которая останется тогда совсѣмъ одна. Она возмутилась моими неумѣстными сожалѣніями и открыла мнѣ съ рѣзкостью, доходящей до цинизма, всю правду своей жизни.

— Меня жалѣть нечего, — сказала она.—Напротивъ того, я теперь только начинаю пользоваться жизнью. Для женщины старость — начало свободы. Я очень люблю моихъ дочерей, но должна вамъ сознаться, что вовсе не скучаю въ ихъ отсутствіе. Имъ живется хорошо, а мнѣ безъ нихъ наполовину меньше заботъ. Не нужно больше слѣдить за ихъ знакомствами, провожать ихъ на лекціи, на вечера, бороться со сномъ, въ то время какъ онѣ кружатся со всякими шалопаями. Кончено:—мнѣ теперь нѣтъ дѣла до ихъ флиртовъ, до ихъ слишкомъ развязныхъ манеръ и слишкомъ декольтированныхъ платьевъ. Я не должна выслушивать замѣчаній о скупости въ отвѣтъ на просьбу сократить чрезмѣрные расходы. Пусть мужья слѣдятъ за ними, оплачиваютъ ихъ портнихъ, прогоняютъ ухаживателей, дѣлаютъ имъ сцены и выслушиваютъ въ свою очередь ихъ грубости. Я умываю себѣ руки... Какое счастье! Увѣряю васъ, что я въ первое время едва вѣрила моей свободѣ. Значитъ, это дѣйствительно правда: Жермена не будетъ кричать: „мама, не говорите глупостей!“ —каждый разъ, когда я останавливаю ея неприличныя выходки. Я могу спокойно завтракать, читая газету, и не должна отрываться отъ ѣды, чтобы выбирать образчики матерій для старшей дочери. Младшая дочь не будетъ больше выбѣгать изъ-за стола къ телефону на зовъ своихъ подругъ, столь возвышенныхъ созданій, что мнѣ не понять ихъ вкусовъ и желаній. Маргарита не будетъ пѣть во весь голосъ арію Маснэ, заглушая мои просьбы являться къ столу, по крайней мѣрѣ, до дессерта. Повѣрите ли, послѣ десяти лѣтъ мученичества я впервые могла спокойно съѣсть цыпленка за обѣдомъ и почувствовала себя хозяйкой въ домѣ. Горничная не отвѣчала мнѣ на каждое мое приказаніе: „мнѣ некогда—меня ждетъ барышня: нужно ее причесать, застегнуть ей ботинки... зашнуровать корсетъ“. Теперь меня причесываютъ, шнуруютъ, одѣваютъ. Надоѣло мнѣ наконецъ приносить себя въ жертву и отказываться отъ всего ради дочерей. Нѣтъ, нѣтъ... Старость не такъ плоха, какъ говорятъ: она приноситъ съ собой много драгоцѣнныхъ удобствъ жизни. Вотъ, напримѣръ, когда я была молода и красива, я никогда не могла пройтись одна по улицѣ безъ того, чтобы какіе-нибудь наглецы не оглядывали грубымъ животнымъ взоромъ всѣ подробности моей фигуры. Боже, до чего это бѣсило меня! Мнѣ такъ и хотѣлось крикнуть имъ: „Да нѣтъ же, у меня есть мужъ, и я

не согласна продѣлывать всю ложь адюльтера, создавать нелѣпыя драмы или уродливые водевили для того, чтобы доставить вамъ грубое удовольствіе. Довольно, что я мирюсь съ этимъ въ супружеской жизни"... Эти мысли можно было ясно прочесть на моемъ лицѣ, но мои преслѣдователи не унывали. Стоило мнѣ остановиться у витрины какого-нибудь магазина—и кто-нибудь непремѣнно становился рядомъ и начиналъ шептать мнѣ на ухо всякія пошлости. Мнѣ всегда хотѣлось отвѣтить пощечиной на ихъ гнусности. Если я садилась въ омнибусъ, преслѣдовавшій меня нахалъ усаживался насупротивъ и глядѣлъ мнѣ въ лицо омерзительно—молящимъ взглядомъ. И всюду-то же самое. Когда я выбирала кружева въ магазинѣ, говорила съ торговкой на рынкѣ, или разсматривала картины на выставкѣ, слушала музыку въ оперѣ—вѣчно между міромъ и мною становилась мужская страсть со своей маніакальной настойчивостью. Мнѣ казалось, что я сдѣлаюсь истеричкой или сойду съ ума. Всевозможные типы: холодные дэнди, насмѣшливые гимназисты, старички съ отвратительно-вкрадчивой улыбкой, сентиментальные эфебы, восторженные поэты—всѣ они осаждали меня. Можно было бы подумать, что жизнь не имѣетъ другой цѣли, кромѣ мимолетнаго чувственнаго наслажденія... Я не могу говорить спокойно... Я тридцать лѣтъ страдала отъ этого. У меня былъ ревнивый и подозрительный мужъ, и я вѣчно дрожала, чтобы онъ не встрѣтилъ меня въ ту секунду, когда меня преслѣдовалъ какой-нибудь наглецъ. Это было бы концомъ нашей честной дружбы, основанной на взаимномъ уваженіи и духовномъ общеніи. Къ счастью, небо меня охраняло, и такихъ встрѣчъ не произошло. А то вѣдь это повело бы къ разводу, къ одиночеству, къ нищетѣ— у меня собственныхъ средствъ не было— все изъ-за того, что какому-нибудь идіоту хотѣлось заговорить со мной на бульварѣ. Я уже перестала выходить пѣшкомъ, а между тѣмъ, какъ настоящая парижанка, я очень люблю ходить. Затѣмъ, я люблю путешествовать. Мой мужъ долженъ былъ оставаться весь годъ въ Парижѣ, занятый политикой, и мнѣ пришлось бы ѣздить одной, а это было невозможно. Приходилось жить взаперти, скучая до смерти. А теперь, когда я состарилась, когда у меня лицо въ морщинахъ, тройной подбородокъ, толстая талія и сѣдые волосы, я могу ходить одна сколько угодно, останавливаться у витринъ, бывать на выставкахъ, могу медленно ходить по бульварамъ, не производя впечатлѣнія кокотки, могу сѣсть на имперіалъ конки, не подвергаясь корыстной любезности сосѣда, не рискуя выслушать предложеніе удѣ-

лить ему часокъ наединѣ. Выдавъ замужъ моихъ дочерей, я сдѣлала путешествіе въ Римъ, въ Константинополь, въ Каиръ; могу поѣхать хоть въ Японію, такъ какъ я наконецъ совершенно свободна. Я пріѣхала сюда съ невѣсткой и Жильбертой только потому, что мнѣ этого хотѣлось. Поймите, послѣ сорока лѣтъ рабства я наконецъ свободна какъ мужчина и не должна бояться приставаній, не должна опасаться, что каждый знакомый пытается одержать надо мной легкую побѣду и потомъ похваляться ею въ клубѣ и сплетничать о моей развращенности. Теперь я сама себѣ госпожа и совершенно счастлива. Я съ утра бѣгу дышать воздухомъ, прикалываю къ корсажу букетъ фіалокъ, и это не имѣетъ вызывающаго вида. Я имѣю право наслаждаться запаховъ цвѣтовъ. Я бываю на скачкахъ, играю, и за моей спиной не стоятъ молодые люди, оцѣнивающіе меня со спеціально-мужской точки зрѣнія. Я спокойно иду обѣдать въ хорошій ресторанъ, и на меня не смотрятъ какъ на особу сомнительнаго поведенія. Я теперь—элегантная старая дама, столь же почтенная, какъ всякій мужчина съ независимыми средствами. Я не должна больше сопровождать дочерей, и потому порвала отношенія со множествомъ скучныхъ людей, съ которыми приходилось знаться только потому, что у нихъ бываютъ вечера и можно встрѣтить жениховъ. Какое наслажденіе!.. Я могу вздохнуть свободно... Кончился кошмаръ. Наконецъ-то я стара, наконецъ я уродлива — и принадлежу сама себѣ. А вѣдь какъ знать: можетъ быть, я буду пользоваться еще лѣтъ двадцать пріобрѣтенной наконецъ свободой.

М-мъ Ла-Ревельеръ ходила по комнатѣ большими шагами и казалась рѣшительнымъ мужчиной, самоувѣреннымъ и жаждущимъ активной дѣятельности. Она ѣла конфекты и говорила съ глубокимъ убѣжденіемъ, дѣйствительно радуясь тому, что избавилась отъ молодости и ея мученій.

Черезъ нѣсколько дней, когда мы поѣхали осматривать одну изъ мѣстныхъ достопримѣчательностей—пещеру въ скалахъ, я сѣлъ въ кабріолетѣ рядомъ съ м-мъ Ла-Ревельеръ и занималъ ее разсказами о своей жизни, передавая безъ стѣсненія разныя пикантныя подробности моихъ любовныхъ похожденій. Ей нравилась моя откровенность, и она весело хохотала въ отвѣтъ на мои скабрёзности. М-мъ Елена не слушала меня и даже, чтобъ подчеркнуть свое безучастіе, стала перелистывать книгу, полученную утромъ изъ Парижа. М-мъ Ла-Ревельеръ предпочла бы, чтобы ея невѣстка занялась Жильбертой, и отвлекла ея вниманіе отъ неподходящаго для дѣвочки разговора.

Она стала поэтому подшучивать надъ необыкновенной любовью къ книгамъ, вдругъ охватившей м-мъ Елену, намекая на вліяніе доктора. М-мъ Елена отнеслась очень равнодушно къ этимъ намекамъ; она спокойно созналась, что благодарна доктору, который дѣйствительно просвѣщаетъ ее и рекомендуетъ ей интересныя книги для чтенія.

Мы въѣхали въ деревушку, гдѣ нашу коляску окружила толпа грязныхъ ребятишекъ, и остановились подлѣ гостинницы; тамъ насъ уже поджидалъ докторъ, пріѣхавшій на велосипедѣ. Я сразу замѣтилъ, что м-мъ Елена увидѣла его; но она ничего не сказала, и эта осторожность еще болѣе выдавала ее. Жильберта же, завидѣвъ своего друга, радостно захлопала въ ладоши и, выскочивъ изъ коляски, бросилась ему на шею. М-мъ Ла-Ревельеръ попросила доктора пощупать пульсъ дѣвочки, возбужденность которой казалась ей подозрительной. Докторъ мягко отстранилъ обнимавшую его Жильберту, пощупалъ ей пульсъ и заявилъ, что температура у нея нормальная, но пульсъ нѣсколько возбужденный. М-мъ Ла-Ревельеръ опять стала говорить о необходимости уѣхать, о явномъ вредѣ морского воздуха. Но докторъ отрицательно покачалъ головой.—Я не вижу опасности,—сказалъ онъ, и прибавилъ, помолчавъ, грустнымъ голосомъ:

— Неужели вы собираетесь уѣхать всѣ втроемъ?

М-мъ Елена и Жильберта поспѣшили увѣрить его, что онѣ ни на секунду не думали уѣзжать. Дѣвочка увѣряла, что чувствуетъ себя отлично, и что ни за что не покинетъ Белиля, Гульвеновъ и очаровательный Созонскій портъ съ его рыбацкой флотиліей.

Мы отправили коляску обратно въ Керьяникъ за м-мъ Гульвенъ и Анной-Маріей. Онѣ должны были поѣхать въ Портъ Донанъ и ждать насъ тамъ съ чаемъ.

Докторъ повелъ насъ къ гроту по ступенькамъ въ скалахъ, и по дорогѣ сталъ опять увѣрять, что ничто не угрожаетъ здоровью Жильберты. Ея возбужденность объяснялась, по его словамъ, именно укрѣпляющимъ дѣйствіемъ морского воздуха. М-мъ Елена первая сказала, что, вѣроятно, можно бороться противъ этой нервности какими-нибудь препаратами брома. Гульвенъ ухватился за ея слова, и сталъ усиленно рекомендовать бромъ. Чтобы покончить на этомъ разговоръ и спастись отъ ворчаній старой м-мъ Ла-Ревельеръ, онъ побѣжалъ впередъ съ Жильбертой, быстро спускаясь по крутымъ дорожкамъ внизъ къ волнамъ. Я со своими спутницами отсталъ отъ быстроногаго авангарда; медленно пробираясь къ гроту, я объяснялъ имъ

свойства разныхъ лекарственныхъ средствъ, которыя могутъ принести пользу Жильбертѣ. Наконецъ мы нагнали доктора и Жильберту и всѣ вмѣстѣ вошли въ гротъ—огромный, прохладный, гулкій. Жильберта испугалась. Ей представилось, что мы очутились въ пасти страшнаго людоѣда, и она съ ужасомъ спрашивала, что будетъ, если пасть сомкнется и проглотитъ всѣхъ насъ. Мы стали говорить о доисторическомъ прошломъ этой и другихъ окружающихъ пещеръ; въ нихъ туземцы прятались отъ сказочныхъ чудовищъ, выходившихъ будто бы изъ глубинъ океана. М-мъ Елена стала припоминать старыя преданія на этотъ сюжетъ, въ томъ числѣ, конечно, миѳъ объ Андромедѣ, и художественно передала словами картину Густава Моро, изображающую плѣненную Андромеду на фонѣ бушующихъ волнъ и непоколебимыхъ гранитныхъ скалъ. Гульвенъ слушалъ ее какъ внимательный школьникъ, видимо загипнотизированный пѣвучимъ голосомъ молодой женщины въ трауръ. Она ораторствовала, подбирая самыя изысканныя выраженія—очевидно для него, такъ какъ знала, что я совершенно равнодушенъ къ ея литературности. М-мъ Ла-Ревельеръ стала бояться сырости для Жильберты, а также того, что у нея можетъ закружиться голова, что она поскользнется на мокрыхъ камняхъ и упадетъ. Все это гораздо больше занимало ея мысли, чѣмъ бесѣда объ Андромедѣ, чѣмъ видъ, открывавшійся изъ глубины пещеры, чѣмъ озеро среди скалъ и прозрачные полипы на немъ. Жильберта, дѣйствительно, стала нервничать и повторять свое опасеніе, что чудовище закроетъ пасть и проглотитъ насъ. Боясь нервнаго припадка, м-мъ Ла-Ревельеръ увела дѣвочку, покидая насъ, однако, съ видимой неохотой.

Я предполагалъ, что, съ уходомъ цербера въ лицѣ старой дамы, докторъ и его пріятельница перестанутъ скрывать свои взаимныя чувства. Гульвенъ все-таки считалъ меня пріятелемъ, который не выдастъ его тайны, а съ м-мъ Еленой у насъ установились откровенныя пріятельскія отношенія послѣ того, какъ она застала меня въ нѣжной бесѣдѣ со служанкою и при всякомъ удобномъ случаѣ дразнила меня этимъ. Но къ моему удивленію она и послѣ ухода м-мъ Ла-Ревельеръ продолжала литературную бесѣду, описывая въ художественныхъ выраженіяхъ первобытныхъ обитателей пещеръ, а Гульвенъ, скрестивъ руки, слушалъ ее съ напряженнымъ вниманіемъ. Я счелъ этотъ моментъ удобнымъ для того, чтобы процитировать слѣдующее изреченіе Ницше:

—„Мужчины до сихъ поръ смотрѣли на женщинъ какъ на

птицъ, слетѣвшихъ съ какой-то высоты и заблудившихся среди нихъ—какъ на нѣжныя, хрупкія, дикія, странныя, очаровательныя созданія... но считали, однако, долгомъ сажать ихъ въ клѣтки, чтобы онѣ не улетѣли...“ Кажется, докторъ тоже собирается смастерить такую клѣтку.

Вмѣсто того, чтобы улыбнуться и сдѣлать меня тѣмъ самымъ сообщникомъ своей тайны, они взглянули другъ на друга, онъ съ изумленіемъ, она со смущеніемъ. Оба они сначала покраснѣли, потомъ сильно поблѣднѣли.

— Я не собирался никого сажать въ клѣтку,—отрывисто сказалъ докторъ, потомъ отошелъ отъ насъ и, поднявъ два камня съ земли, бросилъ ихъ далеко въ воду. М-мъ Елена еще болѣе опредѣленно напала на меня.

— Не всѣ дерзости Ницше заслуживаютъ того, чтобы ихъ повторять,—сказала она очень рѣзкимъ тономъ.

Я отвѣсилъ ей вѣжливый поклонъ, но не сдался. Напротивъ того, я отвѣтилъ ей новой цитатой изъ Ницше:

— То, что вызываетъ въ насъ уваженіе и часто даже страхъ передъ женщиной—это непостижимая сила ея страсти и ея нравственнаго чувства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она возбуждаетъ нашу жалость, главнымъ образомъ, своей способностью страдать. Она больше всѣхъ другихъ существъ жаждетъ любви, и потому больше всѣхъ осуждена на разочарованія.

М-мъ Елена такъ вспыхнула отъ моихъ словъ, точно я нанесъ ей прямое оскорбленіе. Она подошла ко мнѣ съ дрожащими губами и грозно сдвинутыми бровями, но во-время сдержалась и только презрительно разсмѣялась. Однако, я все-таки былъ доволенъ моей побѣдой. Я дерзко изобличилъ ихъ чувства, и теперь съ удовольствіемъ наблюдалъ за ихъ смущеніемъ и растерянностью. Они для виду продолжали глядѣть на приливъ волнъ къ скаламъ, но очень скоро докторъ заявилъ, что пора уходить, и вышелъ изъ грота первый, не поворачивая головы къ м-мъ Еленѣ. Она шла за нимъ, опустивъ глаза, съ поблѣднѣвшимъ, горящимъ страстью лицомъ. Я ожидалъ, что докторъ на возвратномъ пути станетъ объясняться со мной, но этого не случилось. Онъ быстро поднялся наверхъ, взялъ оставленный тамъ велосипедъ и повелъ его, увлекая за собой Жильберту, которая ждала насъ на утесѣ вмѣстѣ съ бабушкой. Гульвену, повидимому, хотѣлось поскорѣе убѣжать отъ м-мъ Елены. Онъ какъ будто сердился на нее за мою догадливость. Его тактика, однако, была, по моему мнѣнію, крайне неудачна. М-мъ Елена тоже надѣялась, кажется, обмануть меня притворствомъ, и всю дорогу

до мѣста, гдѣ мы должны были встрѣтиться съ м-мъ Гульвенъ и Анной-Маріей, продолжала краснорѣчиво описывать свои впечатлѣнія и придумывать необычайныя сравненія, дѣлая видъ, что она заботится о красотѣ выраженій не только въ присутствіи доктора. Началъ накрапывать дождь, и м-мъ Ла-Ревельеръ, безпокоясь за дѣвочку, отозвала ее отъ доктора. М-мъ Елена защитила ее своимъ плащомъ, но какъ только черезъ короткое время дождь прошелъ и снова выглянуло солнце, Жильберта убѣжала впередъ, граціозно прыгая по узкой дорожкѣ. М-мъ Елена ускорила шаги, чтобы нагнать дочь, и какъ-то случайно присоединилась вмѣстѣ съ нею къ доктору. Я остался съ м-мъ Ла-Ревельеръ, помогъ ей спуститься по крутой дорожкѣ съ утеса и сошелъ вмѣстѣ съ нею на дюну, покрытую чахлой травой и блѣдными цвѣтами. Издали мы увидѣли доктора и его спутницу. Они разговаривали и рвали цвѣты, не обращая вниманія на дѣвочку, которая бѣгала со своей собакой по мокрой травѣ. М-мъ Ла-Ревельеръ пришла въ ужасъ, и, не будучи въ силахъ сдержать свое негодованіе, стала жаловаться мнѣ на свою невѣстку.

— Это положительно неприлично,—сказала она.—Елена забываетъ свои материнскія обязанности, рисуясь передъ докторомъ своимъ дешевымъ краснорѣчіемъ.

Въ дальнѣйшій разговоръ на эту тему она не пустилась, несмотря на всѣ мои старанія. Она не хотѣла компрометировать свою невѣстку. Но я узналъ все, что хотѣлъ. Ужъ если это замѣчаетъ м-мъ Ла-Ревельеръ, то нельзя сомнѣваться, что ея невѣстка любитъ доктора. И отлично. Она, значитъ, согласится дать Гульвену сумму, необходимую для завершенія его опытовъ, и наше общество сможетъ, почти безъ всякихъ предварительныхъ затратъ, пріобрѣсти въ надлежащій моментъ право собственности на его сыворотку. Всѣ у насъ будутъ чрезвычайно довольны: я укрѣплю свое положеніе, оборудовавъ столь выгодную сдѣлку, и буду имѣть право требовать тридцать-три процента со всей прибыли отъ продажи сыворотки.

Вотъ о чемъ я думалъ, направляясь съ м-мъ Ла-Ревельеръ къ мѣсту, гдѣ насъ ждала м-мъ Гульвенъ съ чаемъ. Мы застали ее среди открытыхъ корзинокъ. Анна-Марія раскупоривала бутылку съ ромомъ и украдкой улыбнулась мнѣ. М-мъ Ла-Ревельеръ пощупала пульсъ внучки и опять стала разспрашивать доктора о томъ, не повредитъ ли ей морской воздухъ. Онъ уклонился отъ прямого отвѣта, и она стала настаивать на необходимости отъѣзда. Дѣвочка и ея мать запротестовали, но бабушка

настаивала на своемъ, говоря, что Жильберта становится страшно нервной, что у нея появляются красныя пятна на кожѣ. М-мъ Гульвенъ стала поддерживать ее, говоря, что соленый воздухъ дѣйствительно вреденъ для нервныхъ, страдающихъ артритомъ дѣтей. М-мъ Елена злобно засмѣялась надъ медицинскими приговорами своей кузины, а докторъ возразилъ женѣ, что она слишкомъ пессимистична въ своемъ діагнозѣ, и постарался замять разговоръ. Онъ легъ на песокъ и потребовалъ, чтобы Анна-Марія разрѣзала наконецъ бретонскій пирогъ, приготовленный къ чаю. Мы принялись за ѣду, которая была прекрасно приготовлена. Я съ удовольствіемъ съѣлъ рыбную котлетку, потомъ выпилъ чай съ пирогомъ, который пришелся мнѣ очень по вкусу. Въ этотъ день я ничего больше не узналъ относительно доктора и м-мъ Елены. Поведеніе доктора меня слегка сбивало съ толку. Когда мы садились въ коляску, онъ даже не помогъ дамамъ, а устроился самъ рядомъ съ кучеромъ и помѣстилъ около себя свой велосипедъ, совершенно не обращая вниманія на всѣхъ сидящихъ въ коляскѣ. На первомъ перекресткѣ онъ сошелъ съ козелъ, распрощался съ нами и сѣлъ на велосипедъ, говоря, что ему нужно заѣхать къ одной больной на ближайшей фермѣ. Онъ, очевидно, былъ теперь на-сторожѣ, боялся выдать себя и предпочелъ спастись бѣгствомъ. Но бѣжалъ ли онъ отъ искушенія, или хотѣлъ скрыться отъ нашего бдительнаго взора—этого я не могъ установить. Въ одномъ только я убѣдился: м-мъ Ла-Ревельеръ подозрѣвала свою невѣстку въ желаніи увлечь доктора. Кромѣ того, на моихъ глазахъ м-мъ Гульвенъ, несмотря на свою нужду въ деньгахъ, рѣшилась, подъ угрозой потери трехъ платныхъ пансіонерокъ, высказаться за вредъ морского воздуха. Значитъ, ужъ очень она боялась дружбы кузины съ мужемъ, если поступилась матеріальными интересами. Она спасала, какъ могла, свое шаткое счастье. Я рѣшилъ вызвать ее на полную откровенность.

На слѣдующій день мы трое продожали слѣдить за докторомъ и молодой вдовой—каждый по собственнымъ соображеніямъ. Одна оберегала свое будущее и свою надежду на привязанность мужа; другая заботилась о томъ, чтобы имя ея умершаго сына не попало въ скандальную исторію; я же слѣдилъ за ходомъ дѣлъ изъ дѣловыхъ соображеній.

VII.

Нѣсколько дней прошло безъ всякихъ новыхъ подтвержденій нашихъ догадокъ. Докторъ и м-мъ Елена были холодны другъ съ другомъ, но это не имѣло вида ссоры влюбленныхъ. Напротивъ того, у нихъ были простыя товарищескія отношенія, и мнѣ уже казалось, что всѣ наши подозрѣнія неосновательны.

Я началъ скучать. Анна-Марія мнѣ немножко надоѣла своей наивной нѣжностью, но я не рѣшался оттолкнуть ее: она бы плакала; м-мъ Гульвенъ узнала бы о нашей тайнѣ по ея разстроенному виду, стала бы дурно ко мнѣ относиться, а между тѣмъ мнѣ было необходимо завоевать ея довѣріе.

Когда Анну-Марію отпускали навѣстить мать, она назначала мнѣ свиданіе гдѣ-нибудь по дорогѣ; несмотря на все мое нежеланіе, я сопровождалъ ее, во избѣжаніе непріятностей, и продолжалъ такимъ образомъ играть роль соблазнителя, уже порядкомъ надоѣвшую мнѣ. Мы шли по пустынной дорогѣ, и я долженъ былъ цѣлый часъ выслушивать страшныя исторіи, которыя она любила разсказывать, чтобы будить въ себѣ чувство страха, и потомъ прижиматься ко мнѣ для успокоенія. Очевидно, послѣ легкаго страха, она съ большой остротой чувствовала удовольствіе отъ поцѣлуевъ. Отправляясь на ферму ея матери, мы проходили мимо гавани и по полямъ; Анна-Марія давала мнѣ разныя фактическія справки, называла владѣльцевъ разныхъ участковъ земли, разсказывала о знакомыхъ рыбакахъ. Потомъ мы проходили по лугамъ, гдѣ паслись стада коровъ, и тамъ садились отдыхать. Я просилъ ее разсказывать мнѣ еще исторіи о герояхъ бретонскихъ легендъ, и она съ наслажденіемъ исполняла мою просьбу, гордясь тѣмъ, что меня занимаютъ ея разговоры. Она, конечно, не могла предположить, что во время ея нескончаемыхъ разсказовъ я мысленно подготовлялъ мою корреспонденцію на слѣдующій день, составлялъ письма къ аптекарямъ и врачамъ, въ администрацію „Фармацевтическаго Общества", къ управляющему фабрики іода. Я не прерывалъ Анну-Марію и не говорилъ ей ничего, потому что былъ занятъ подсчитываніемъ процентовъ за коммиссію. Чтобы маскировать свое безучастіе, я отъ времени до времени касался губами смуглаго затылка Анны-Маріи, и она принимала это какъ знакъ влюбленности съ моей стороны. Когда мы доходили до развалившагося небольшого домика наверху пригорка, она оставляла меня и отправлялась къ матери. Я былъ радъ остаться одинъ, развер-

тывалъ мои медицинскія изданія и принимался читать въ тѣни до ея возвращенія. Она заставала меня обыкновенно погруженнымъ въ какія-нибудь выкладки, и я съ неохотой отрывался отъ нихъ. Въ глубинѣ души я предпочиталъ чтеніе поцѣлуямъ хорошенькой бретонки. Я былъ слишкомъ занятъ обдумываніемъ выгодной аферы, чтобы съ жаромъ отвѣчать на нѣжность наивной и любопытной служанки. Она не понимала, почему одиночество среди развалинъ не настраиваетъ меня болѣе экспансивно. Я же, въ сущности, относился къ ней эстетически. Мнѣ пріятно было глядѣть на нее, любоваться ея граціозностью, когда она ходила по комнатѣ въ своемъ черномъ платьѣ съ широкими рукавами и въ красномъ передникѣ. Мнѣ нравилось, когда она смѣялась, потряхивая головой, которая красиво выступала изъ широкаго, туго накрахмаленнаго воротничка, спускавшагося до половины спины. Я любовался ею какъ фигуркой на картинкѣ— очень подходящей для афиши, рекламирующей іодъ Гишардо. Но для того, чтобы возбуждать во мнѣ страсть, она была слишкомъ невинна. Я соблазнилъ ее, чтобы доказать себѣ самому свою силу,—а продолжать игру въ любовь мнѣ было скучно. Стараясь, поэтому, отстранить приливы ея нѣжности, я выспрашивалъ ее о дружбѣ м-мъ Елены и доктора. Она не была достаточно наблюдательна, чтобы догадаться объ ихъ скрытой взаимной любви. Она увѣряла, что докторъ интересуется главнымъ образомъ воспитаніемъ Жильберты, которую онъ пріохотилъ къ чтенію и къ научнымъ занятіямъ, превращая прогулки въ интересныя научныя бесѣды. За это мать и бабушка Жильберты и были такъ безконечно благодарны доктору. Анна-Марія преклонялась передъ докторомъ и не могла допустить, что онъ способенъ причинить горе своей женѣ, ухаживая за другой женщиной. Она съ возмущеніемъ отвергала мои подозрѣнія. М-мъ Гульвенъ казалась ей святой, и она была увѣрена, что никто не рѣшился бы обидѣть ее,—въ особенности же ея мужъ, котораго она окружала любовью и заботами. Анна-Марія обожала свою госпожу. Она и была собственно спасительницей молоденькой бретонки. Она явилась послѣ доктора къ Аннѣ-Маріи, которая лежала въ агоніи,—ея мать уже зажгла свѣчи и положила распятіе на столъ,—увезла ее въ каретѣ въ Керьяникъ, и тамъ ее стали лечить сывороткой доктора. Когда она выздоровѣла, м-мъ Гульвенъ приняла ее къ себѣ, научила ее шить, работать по хозяйству и убирать комнаты; она назначила ей сейчасъ же хорошее жалованье, чтобы избавить отъ необходимости поступить на фабрику консервовъ, гдѣ легко простудиться,

работая въ сыромъ помѣщеніи. Она покровительствовала ея роману съ матросомъ на томъ условіи, чтобы они поженились, когда онъ кончитъ службу во флотѣ, и обѣщала помочь имъ деньгами для обзаведенія лавкой послѣ свадьбы.

Заговоривъ объ этомъ, Анна-Марія стала плакать, выражая раскаяніе въ томъ, что уступила моимъ ухаживаніямъ; слезы ея были разсчитаны, очевидно, на то, что я поспѣшу ее приласкать. Это была такая же инстинктивная жажда контрастовъ ощущеній, какъ въ ея любви къ жуткимъ разсказамъ, послѣ которыхъ она искала защиты въ моихъ объятіяхъ. Молоденькая бретонка сама создавала себѣ небольшія страданія, чтобы усилить контрастомъ смѣнявшія ихъ удовольствія. Любовь была для нея исканіемъ опоры въ силѣ другого человѣка, когда всякіе страхи овладѣвали ея трусливымъ воображеніемъ. Ея чувства къ Гульвену и его женѣ вытекали изъ того же принципа. Какъ существо слабое, она отдавала себя во власть своимъ покровителямъ. Въ душѣ ея постоянно жилъ страхъ. Объ океанѣ она говорила съ ужасомъ, и вся дрожала, вспоминая о буряхъ; видъ на волны съ высоты утеса приводилъ ее въ грустное настроеніе. Веселость возвращалась къ ней въ защищенныхъ долинахъ, на улицахъ деревушекъ и города. Какъ всѣ бретонцы, она пряталась отъ враждебныхъ стихій, становилась спиной къ вѣтру. М-мъ Гульвенъ тоже обращалась за защитой отъ несчастій къ Христу и святымъ, и чтобы обрѣсти душевный покой, искала опоры въ преданіяхъ бретонской старины. Наблюдая за географическими и климатическими вліяніями на характеръ двухъ бретонокъ различныхъ классовъ, я задумался надъ составленіемъ эликсира, который противодѣйствовалъ бы упадку духа и пассивному смиренію расы, слишкомъ увѣренной въ своей чахлости. Я разсчиталъ, что въ странѣ съ тремя милліонами населенія, изъ которыхъ триста тысячъ достаточно разумны, чтобы желать исцѣленія отъ своего недуга, а пятьдесятъ тысячъ достаточно богаты, чтобы заплатить за лекарство, найдутся ежегодно двадцать тысячъ человѣкъ, которые купятъ по флакону эликсира. Сдѣлавъ быстро въ умѣ всѣ подсчеты, сообразивъ, что изготовленіе каждаго флакона, продаваемаго за три съ половиной франка, обойдется себѣ въ сорокъ сантимовъ, прибавивъ къ этому огромную уступку аптекарямъ и большіе расходы на рекламу, я разсчиталъ, что все-таки мы сможемъ заработать по пятидесяти сантимовъ чистыхъ на флаконъ, что составитъ — при сбытѣ въ десять тысячъ флаконовъ въ годъ — пять тысячъ франковъ. Въ нашихъ фабрикахъ есть все нужное для изготовленія эли-

ксира. Мнѣ стоитъ только написать рапортъ въ общество, изготовить нѣсколько рекламныхъ статеекъ въ научные журналы, составить текстъ циркуляра, дать инструкціи служащимъ—и дѣло готово. Я разсчиталъ, что смогу безъ малѣйшей затраты труда заработать на этомъ дѣлѣ двѣ тысячи коммиссіонныхъ, и окончательно рѣшилъ пустить въ продажу „Эликсиръ Гишардо № 3“.

Оказалось впослѣдствіи, что я заработалъ на этомъ дѣлѣ не двѣ тысячи, а семнадцать тысячъ. Буржуазія и мелкая бретонская знать набросились на мое лекарство. Я не утверждаю, что, благодаря этому, душа бретонскаго народа измѣнится въ ближайшихъ поколѣніяхъ. Но несомнѣнно, что я пробудилъ во многихъ спящую энергію, поднялъ жизненныя силы мечтательныхъ мистическихъ натуръ, обратилъ къ медицинѣ и наукѣ умы, жившіе до того въ религіозномъ туманѣ. Это—побѣда прогресса, побѣда республиканскаго строя мыслей. Я помогъ воспрянуть духомъ многочисленнымъ представителямъ расы, слишкомъ поддавшейся страху передъ силами природы, слишкомъ преданной старинѣ. Я пробудилъ въ нихъ жажду духовнаго здоровья, вызвалъ опьяненіе положительнымъ знаніемъ и его побѣдами.

Вотъ какія мысли занимали меня въ то время, когда Анна-Марія, въ порывѣ нѣжности, цѣловала мнѣ руки. Но даже въ первую пору юности любовь теряла всякую силу надо мной, какъ только являлась надежда устроить серьезное дѣло. Какъ бы мнѣ ни нравилась женщина, въ обществѣ которой я находился, я не могъ и не могу совладать съ искушеніемъ, которое представляютъ для меня дѣловыя выкладки или діалектика. Всякая страсть остываетъ, когда представляется надежда властвовать надъ людьми богатствомъ или же силой логики. Это предпочтеніе умственной работы чувственнымъ удовольствіямъ—единственная слабость, съ которой я не умѣю бороться.

Анна-Марія считала мою холодность только признакомъ хорошаго воспитанія и никогда не сердилась на меня за нее. Она была для меня образцовой служанкой, которая гордилась моимъ вниманіемъ и огорчалась моимъ неудовольствіемъ, и въ то же время—нѣжной подругой, которая старалась разсѣять своего повелителя и друга, когда ему грустно. Она была вѣрна и покорна мнѣ до того часа, когда, въ силу жестокаго и неумолимаго закона выбора, я пожертвовалъ ею ради своей выгоды.

М-мъ Ла-Ревельеръ спросила доктора, полезны ли развлеченія для здоровья нервныхъ молодыхъ дѣвушекъ. Онъ отвѣтилъ утвердительно, и я тогда предложилъ нанять яхту и совершить плаваніе вдоль береговъ Бретани, отъ Киберона до Бреста.

Жильберта пришла въ полный восторгъ отъ моего предложенія. Ея мать сначала омрачилась, очевидно боясь разлуки съ докторомъ, но успокоилась, найдя предлогъ пригласить въ экскурсію и Гульвеновъ. Доктору наканунѣ сдѣлалось дурно въ лабораторіи отъ переутомленія, и ему, очевидно, слѣдовало отдохнуть. Жена его поэтому не рѣшалась отвѣтить отказомъ на приглашеніе кузины, но во взглядѣ ея, обращенномъ на м-мъ Елену, я увидѣлъ тревожное желаніе разгадать намѣренія молодой вдовы.

Черезъ день прибыла вызванная изъ Лоріана яхта, и мы собрались въ дорогу. Анна-Марія снесла на бортъ пледы; глаза ея были полны слезъ. М-мъ Гульвенъ что-то шепнула ей на ухо и поцѣловала ее. По нѣсколько суровому тону со мной я сталъ побаиваться, что м-мъ Гульвенъ догадывается о моихъ отношеніяхъ къ служанкѣ. Я старался вызвать ее на разговоръ, говорилъ о томъ, какъ красивъ Белиль, когда глядѣть на берегъ съ яхты, но она не отвѣчала мнѣ, подъ предлогомъ заботъ о доставкѣ на яхту съѣстныхъ припасовъ, пледовъ и теплаго платья. Я шелъ слѣдомъ за нею, спрашивая, захватила ли она мой окорокъ, мой спеціальный хлѣбъ, мой мальцъ-экстрактъ, и смягчая, по обыкновенію, мою требовательность комплиментами ея хозяйственнымъ способностямъ. Своей настойчивостью я добился наконецъ того, что она стала мнѣ отвѣчать. Когда мы вышли въ море, она подошла вмѣстѣ со мной на палубу подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ. Стоя рядомъ съ нею, я видѣлъ, что она слѣдитъ за стоявшими поодаль отъ насъ мужемъ и кузиной. Глядя на ея озабоченное лицо, я навелъ разговоръ на тему, которая всѣхъ насъ больше всего интересовала въ эту минуту. Я спросилъ ея мнѣніе о здоровьи Жильберты, и м-мъ Гульвенъ отвѣтила, что для такой нервной дѣвочки морской воздухъ несомнѣнно вреденъ. Я возразилъ, что мужъ ея, повидимому, не раздѣляетъ ея взгляда. Гульвенъ, на котораго мы смотрѣли въ упоръ, говоря о немъ, подошелъ къ намъ, покинувъ свою пріятельницу. Мы сказали ему, о чемъ идетъ рѣчь, и онъ несовсѣмъ увѣреннымъ тономъ подтвердилъ, что, дѣйствительно, былъ сначала противъ морского воздуха для Жильберты, но теперь, ознакомившись съ новѣйшими клиническими наблюденіями по медицинскимъ журналамъ, перемѣнилъ свои убѣжденія. М-мъ Гульвенъ сдѣлала насмѣшливую гримасу, которая, видимо, раздосадовала Гульвена.

— Почему ты сдѣлалась такой подозрительной, Ивонна?—спросилъ онъ.—Неужели ты считаешь меня способнымъ пожерт-

вовать здоровьемъ Жильберты, чтобы сохранить трехъ пансіонерокъ въ Керьяникѣ? До этого моя жадность не доходитъ.

— Это нечестно, другъ мой,—спокойно отвѣтила м-мъ Гульвенъ.—Ты стараешься хитрить... это недостойно тебя. Ты отлично знаешь мои мысли. Вѣдь ты не умѣешь притворяться и скрытничать, и въ твоей душѣ легко читать.

Онъ посмотрѣлъ на меня, стараясь дать мнѣ понять взглядомъ, чтобы я оставилъ ихъ вдвоемъ. Но я упорно дѣлалъ видъ, что не понимаю, и оставался. Тогда онъ, по обыкновенію, тотчасъ же примирился съ моимъ присутствіемъ.

— Объяснись, милая,—сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ и придерживая рукой шляпу, которая слетала съ головы отъ вѣтра.—Я не понимаю тебя.

— Не притворяйся,—сказала она, пробуя говорить шутливымъ тономъ, чтобы скрыть серьезность своихъ упрековъ.—Послушайте и вы, господинъ Гишардо. Я могу сказать все, что нужно, и въ вашемъ присутствіи,—въ сущности, вѣдь все это пустяки. Дѣло въ томъ, что прежде ты былъ внимательнѣе ко мнѣ... Ты звалъ меня въ лабораторію, дѣлился со мной малѣйшей удачей... Какая это была для меня всегда радость!... А теперь ты сидишь у себя взаперти, а послѣ работы отдыхаешь—въ обществѣ другихъ... Прежде ты гулялъ со мной, мы поднимались на утесы, ты говорилъ со мной о древнихъ религіяхъ, указывалъ на остатки языческихъ вѣрованій въ христіанствѣ... Какъ мы спорили, какъ это все было интересно! А теперь я перестала быть для него отдохновеніемъ,—я только лишнее напоминаніе о его несчастіяхъ.

Послѣднія слова ея были обращены ко мнѣ, и потому я сдѣлалъ видъ, что хочу ее успокоить.

— Напрасно вы создаете себѣ ненужныя страданія,—сказалъ я.—Все это вамъ только кажется.

Докторъ сталъ поддерживать меня и успокаивать жену, доказывая, что вся его жизнь посвящена ей, что онъ работаетъ только для нея. Но она продолжала свое, и наконецъ подошла къ главному пункту.

— Ты мнѣ удѣляешь отдѣльныя минуты—вотъ и все,—сказала она.—Ты отдаешь мнѣ время досуга, какъ Жильбертѣ, и даже посвящаешь мнѣ меньше времени, чѣмъ нашимъ гостьямъ... Это, конечно, не упрекъ,—продолжала она, слегка покраснѣвъ.—Я вѣдь сама пригласила кузину съ ея дѣвочкой. Елена очень интересна, она образована, умѣетъ красиво разсказывать, описывать картины, играетъ на роялѣ. Она, дѣйствительно, внесла

оживленіе въ нашу компанію,—какъ я и надѣялась,—и я рада, что она развлекаетъ тебя.

Докторъ отвѣтилъ уклончиво, и мнѣ начали надоѣдать ихъ дипломатическіе пріемы въ разговорѣ. Почему они не говорили откровенно, когда она вся горѣла желаніемъ сказать ему правду въ лицо, а ему хотѣлось оправдаться передъ нею? Я отвернулся отъ нихъ и сталъ смотрѣть на м-мъ Елену; она стояла вмѣстѣ съ матерью возлѣ капитана, объяснявшаго имъ принципы пароходства. Молодая вдова была такъ красива въ эту минуту, что, глядя на нее, я забылъ на нѣсколько минутъ рѣчи разсерженной супруги; но вскорѣ я опять услышалъ ея голосъ.

— Я ничуть не ревную... ничуть,—доказывала она.—Когда я видѣла тебя мрачнымъ, озабоченнымъ мыслями о деньгахъ, мнѣ хотѣлось знать, одна ли только я неспособна тебя развлечь? Я пригласила Елену,—и дѣйствительно оказалось, что тебѣ съ нею весело. Это только говоритъ противъ меня... Ты былъ мраченъ, потому что я не умѣю развлекать тебя. Теперь ты повеселѣлъ въ обществѣ Елены.

— Что за глупости! Вѣдь долженъ же я быть любезенъ съ твоими родственницами, которыя такъ милы къ намъ.

— Не прерывай меня, дай договорить!—возбужденно крикнула м-мъ Гульвенъ.—Когда съ террасы я вижу, какъ вы идете вдвоемъ по берегу...

— Вмѣстѣ съ м-мъ Ла-Ревельеръ и Жильбертой...

— М-мъ Ла-Ревельеръ и Жильберта идутъ позади, а вы мчитесь впередъ вдвоемъ.

— Это вѣрно, совершенно вѣрно, милый мой,—прибавилъ я, чтобы ускорить развязку.

— Что же вы собственно хотите оба сказать?.. Вы предполагаете, что я пристаю къ м-мъ Еленѣ со своими ухаживаніями?—спросилъ докторъ довольно суровымъ тономъ.

— А если бы и такъ... Что тутъ невозможнаго?—спросилъ я и прибавилъ, обращаясь къ женѣ доктора:

— Вѣдь правда, что онъ ухаживаетъ?

Я добродушно разсмѣялся и хлопнулъ доктора по плечу. М-мъ Гульвенъ, однако, не поддержала меня и сказала, что обвинять мужа въ ухаживаніи за кузиной она не имѣетъ основанія. Несомнѣнно только, что ему веселѣе и пріятнѣе въ ея обществѣ, чѣмъ съ женой.—Боже, какъ мнѣ хотѣлось бы быть на мѣстѣ Елены!—воскликнула м-мъ Гульвенъ съ отчаяніемъ въ голосѣ. — У нея есть все, чего мнѣ недостаетъ: богатство, нужное для нашихъ опытовъ, красота, связи, столь полезныя для Жана... все, все!

Доктору сдѣлалось неловко отъ ея самоуничиженія, и онъ отошелъ, дѣлая видъ, что разглядываетъ отдаляющійся берегъ Белиля. А жена его продолжала жаловаться мнѣ на судьбу и доказывала, что ея кузина неравнодушна къ доктору, приводя убѣдительныя, по ея мнѣнію, доказательства.

— Однако вы не на шутку ревнуете,—сказалъ я полушутливо, но все-таки показывая ей, что въ сущности раздѣляю ея опасенія. Она отвѣтила, что я ошибаюсь.

— Я слишкомъ хорошо знаю Жана,—сказала она,—чтобы подозрѣвать его. У него добрая, благородная душа, и онъ не измѣнитъ мнѣ, зная, что все счастье моей жизни — въ его рукахъ.

— Ну, вотъ видишь!—воскликнулъ Гульвенъ, снова подошедшій къ намъ.—Ты сама знаешь, что твои опасенія совершенно неосновательны... Вѣдь я живу только для нея,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Съ тѣхъ поръ какъ я женился, я разошелся со всѣми друзьями.

— Зачѣмъ тебѣ друзья?—возразила она.—Твои друзья—твой умъ и твой благородный характеръ; передъ ними я преклоняюсь.

Она, видимо, сдавалась, боясь разсердить его своими чрезмѣрными нападками.

— Ну, и отлично. Значитъ, я по суду оправданъ... Какъ по твоему, Гишардо?

— Казалось бы.

Я думалъ, однако, какъ разъ противоположное. М-мъ Гульвенъ имѣла, очевидно, совершенно опредѣленную цѣль: она посвятила меня въ свои отношенія съ мужемъ не для того, чтобы я разсудилъ ихъ, а чтобы пристыдить мужа и заставить его исправиться. Это было очень ловко подстроено. Я окончательно убѣдился, что м-мъ Елена любитъ доктора, и мнѣ оставалось теперь убѣдить ее дать деньги для опыта. Слава и самая жизнь ея друга зависѣли отъ нея, и я не сомнѣвался въ ея согласіи помочь ему матеріально. Мы такимъ образомъ сможемъ пріобрѣсти сыворотку безъ малѣйшихъ затратъ.

Теперь всѣ недоразумѣнія исчезли. Положеніе каждаго изъ участниковъ готовящейся семейной драмы выяснилось. У всѣхъ было тяжело на душѣ, а я былъ общимъ другомъ, совѣтникомъ, и могъ говорить со всѣми безъ малѣйшихъ стѣсненій. Сдѣлавшись общимъ довѣреннымъ лицомъ, я могъ управлять событіями, какъ хотѣлъ, такъ какъ всѣ возлагали надежды только на меня. Прежде всего нужно было твердо установить факты. Мнѣ было важно, чтобы м-мъ Елена созналась мнѣ въ своей связи съ до-

которомъ и согласилась по моему предложенію дать пятьдесятъ тысячъ франковъ своей кузинѣ для расходовъ по лабораторіи. Я только боялся, что не смогу заставить Гульвена принять эти деньги, если, какъ я предполагалъ, красивая молодая вдова даритъ его своей любовью. Честный морякъ непремѣнно откажется подъ какимъ-нибудь предлогомъ отъ денегъ своей возлюбленной— и вся задуманная мною афера рухнетъ. Нужно было поэтому дѣйствовать крайне осторожно,—какъ нашъ капитанъ, который ловко провелъ нашу яхту среди флотиліи рыбацкихъ барокъ, когда мы проѣзжали по загроможденному рейду Киберона.

На слѣдующій день я продолжалъ свои психологическія наблюденія на равнинѣ близъ Карнака, куда мы отправились разсматривать длинные ряды менгировъ, памятниковъ бретонской старины. Докторъ давалъ археологическія свѣдѣнія о камняхъ, а м-мъ Елена на этотъ разъ не распространялась о своихъ впечатлѣніяхъ и не дѣлала картинныхъ сравненій. Она, очевидно, боялась, что ее опять обвинятъ въ желаніи блистать своимъ умомъ передъ докторомъ. Мы поднялись на возвышеніе, гдѣ стоялъ древній алтарь. Докторъ разсказалъ намъ о подробностяхъ друидическихъ жертвоприношеній, а м-мъ Ла-Ревельеръ стала утверждать, что культура вовсе не смягчила нравы, и что въ поступкахъ даже самыхъ образованныхъ и передовыхъ людей сказываются попрежнему кровожадные инстинкты. Говоря это, она взглянула на свою невѣстку, которая сдѣлала видъ, что не понимаетъ ея намека. Тѣмъ временемъ Жильберта, о которой всѣ забыли среди оживленныхъ разговоровъ, пыталась подняться на алтарь, гдѣ уже усѣлась ея собака; но безъ посторонней помощи она не могла этого сдѣлать. Я видѣлъ ея неудачныя попытки, но нарочно не помогъ ей. Я предпочиталъ, чтобы она разнервничалась отъ досады и чтобы по этому поводу поднялся опять разговоръ объ отъѣздѣ. Дѣвочка, дѣйствительно, разрыдалась. М-мъ Елена сначала раздраженно прикрикнула на нее, но это только ухудшило дѣло. Плачъ Жильберты усилился, всѣ бросились успокаивать ее. Докторъ взялъ ее на руки и поднялъ на верхушку священнаго камня. Собака стала гладить ее лапой, и она успокоилась. Затѣмъ мы направились разсматривать могильный курганъ по близости. Я пошелъ впередъ вмѣстѣ съ двумя кузинами, и несмотря на всѣ старанія м-мъ Елены перемѣнить тему разговора, я продолжалъ говорить о здоровьи ея дочери. Ей пришлось сознаться, что у Жильберты, дѣйствительно, портится кожа.

— Мнѣ Жанъ говорилъ объ этомъ, — сказала жена до-

ктора.—Онъ теперь убѣдился, что здѣшній климатъ вреденъ для Жильберты.

И она стали разъяснять, не щадя свою кузину, что пропитанный солью и іодомъ морской воздухъ оказываетъ пагубное вліяніе на кровь въ юномъ возрастѣ, и что слишкомъ долгое пребываніе у моря можетъ вызвать серьезную болѣзнь кожи.

— Вѣдь м-мъ Ла-Ревельеръ предлагала вамъ сократить пребываніе здѣсь,—сказалъ я, подливая масла въ огонь этими словами.

— Но я вовсе не желаю уѣзжать,—горячо возразила мнѣ м-мъ Елена.—Моя belle-mère, какъ всѣ старые люди, волнуется изъ-за пустяковъ. А мнѣ не хочется уѣзжать. Мнѣ было бы грустно такъ скоро разстаться съ тобой, Ивонна. И странно,— мнѣ докторъ ни слова не говорилъ о необходимости отъѣзда.

— Конечно. Мы изъ эгоизма хотѣли бы удержать васъ здѣсь. Но что же дѣлать? Нашъ долгъ—предупредить тебя, что Жильбертѣ вредно здѣсь оставаться. Ты должна это знать,—какъ мнѣ ни тяжело говорить.

М-мъ Елена ничего не отвѣтила, но по лицу ея видно было, какъ ей тяжело. Она только рѣшительно покачала головой въ знакъ того, что ни за что не согласится уѣхать. Жена доктора продолжала убѣждать ее. М-мъ Елена въ отчаяніи стала ссылаться на то, что Жильберта не захочетъ уѣхать и разстаться съ докторомъ, къ которому такъ привязалась. Возражая ей, я холодно напомнилъ м-мъ Еленѣ, что мужъ ея былъ человѣкъ очень больной, что у Жильберты плохая наслѣдственность, и потому слѣдуетъ соблюдать крайнюю осторожность относительно ея здоровья.

— Зачѣмъ вы оба нарочно пугаете меня? — раздраженно спросила м-мъ Елена.

Придумывая новые доводы противъ отъѣзда, она намекнула на пользу ея пребыванія для скромнаго бюджета Гульвеновъ, а затѣмъ дала понять, что Жильберта могла бы уѣхать съ бабушкой. М-мъ Гульвенъ запротестовала, ссылаясь на старость м-мъ Ла-Ревельеръ, на ея привычку спать послѣ обѣда, на невозможность поручить ей уходъ за дѣвочкой. М-мъ Елена, напротивъ того, выхваливала преданность своей belle-mère ея внучкѣ. Жена доктора стала тогда доказывать, что Жильберта будетъ страдать отъ разлуки съ матерью, и что это вредно отзовется на ея здоровьи. Она сослалась на авторитетъ доктора, говоря это.

— Ты увѣрена, что онъ посовѣтуетъ мнѣ уѣхать? — спросила м-мъ Елена.

— Его долгъ сдѣлать это.

Обѣ женщины плохо умѣли скрывать свои истинныя чувства, и взгляды ихъ ясно выражали то, о чемъ онѣ не говорили вслухъ: „Я знаю, что ты любишь Жана,—читалъ я во взглядѣ Ивонны Гульвенъ.—Да и какъ его не любить? Я тебя не виню. Но только уѣзжай ради нашего общаго блага“. А взглядъ м-мъ Елены отвѣчалъ: „Ты гонишь меня, чтобы спасти остатки своего счастья. Но что̀ станетъ съ тѣмъ, кого я полюбила?“

Отъ меня зависѣло теперь ускорить развязку. По моимъ разсчетамъ страхъ разлуки долженъ былъ разжечь любовь къ молодой, красивой женщинѣ. Теперь мнѣ, вѣроятно, удастся вырвать у нея признаніе. Она должна довѣриться мнѣ, такъ какъ изъ всѣхъ окружавшихъ ее я одинъ не былъ ея естественнымъ врагомъ. Она, дѣйствительно, въ теченіе всего дня не отходила отъ меня. Боясь выдать себя, она сторонилась отъ доктора. Я нѣсколько разъ пробовалъ дѣлать намеки на ея любовь, но она рѣзко обрывала меня, не давая возможности продолжать. Въ Карнакѣ мы посѣтили церковь, и все время, пока мы осматривали ее, м-мъ Гульвенъ стояла на колѣняхъ передъ рѣшеткой главнаго алтаря и горячо молилась, очевидно взывая къ небу помочь ей въ ея горѣ.

Стоя рядомъ съ докторомъ, въ то время какъ м-мъ Елена отошла въ сторону и разсматривала бюстъ какого-то епископа, я ему сказалъ, что нахожу кузину его жены сильно осунувшеюся,—очевидно, она очень разстроена предстоящей разлукой. Онъ ничего не отвѣтилъ, и я сталъ ему доказывать, говоря въ полголоса, что молодая вдова его несомнѣнно любитъ. Я сказалъ, что мы всѣ это замѣчаемъ, и что онъ напрасно скрываетъ отъ меня ихъ взаимныя симпатіи, столь очевидныя для меня.

— Ты ошибаешься,—взволнованно проговорилъ онъ.—Развѣ такая женщина, какъ она, можетъ питать хоть малѣйшую привязанность ко мнѣ? Ужъ не смѣешься ли ты надо мной?

Но, говоря это, онъ схватилъ меня за руку и увлекъ изъ церкви. На воздухѣ онъ, задыхаясь, спросилъ:

— Она тебѣ сказала, что уѣзжаетъ? Ты въ этомъ увѣренъ?

У него появились темные круги подъ глазами и на лбу выступили капли пота. Я разсказалъ ему, какъ жена его уговорила кузину уѣхать изъ Бретани. Онъ ничего не отвѣтилъ, и мы молча подошли къ нашему отелю, передъ которымъ стояло нѣсколько желѣзныхъ стульевъ. Онъ, видимо, старался изо всѣхъ силъ не обнаружить волненія, но не могъ совладать съ собой и въ изнеможеніи опустился на стулъ. Я посовѣтовалъ ему вы-

пить коньяку, чтобы успокоиться отъ извѣстія объ отъѣздѣ м-мъ Елены.

— Да ты съ ума сошелъ!—крикнулъ онъ.—Развѣ я похожъ на Донъ-Жуана? Взгляни на меня.

— Ты нервный человѣкъ съ нѣжной душой и можешь нравиться женщинамъ. Твое знаніе и умъ увлекли эту красавицу, которая любитъ литературу и искусство больше всего. Она тебя боготворитъ, ты ее любишь... Тебѣ вотъ чуть дурно не сдѣлалось отъ извѣстія объ ея отъѣздѣ. Все это совершенно естественно. Вы провели лѣто вмѣстѣ. Своей наружностью ты какъ разъ подходишь къ болѣзненному типу красоты, который теперь въ модѣ у эстетовъ... Поэтическая обстановка Бретани способствовала вашему взаимному влеченію. Ты не можешь отрицать, что любишь ее... Выпей же рюмку коньяку.

Я прибавилъ, что даже жена его не скрываетъ своей ревности, а м-мъ Ла-Ревельеръ—своего возмущенія, и что мнѣ хотѣлось бы только окончательно удостовѣриться въ основательности нашихъ подозрѣній.

— Никогда, — сказалъ онъ,—ни м-мъ Елена, ни я не говорили ни о чемъ подобномъ... Не ей же было начинать... А мнѣ она не давала повода ухаживать.

— Но вѣдь тебѣ она нравится... И развѣ она можетъ не понравиться кому бы то ни было? Или, можетъ быть, ты считаешь себя неподвластнымъ законамъ природы?

— Я только стараюсь побороть свои инстинкты.

— Зачѣмъ?—сказалъ я, закуривая сигару.—Не нужно бороться противъ инстинктовъ, если удовлетвореніе ихъ обогащаетъ нашу жизнь... Любовь такой женщины, какъ м-мъ Елена, несомнѣнно только подниметъ твои духовныя силы.

— А моя жена?

— Она очень милая, кроткая женщина, и я ее чрезвычайно уважаю. Но она не можетъ повести тебя впередъ, она не научитъ тебя превзойти самого себя. Все, что она могла дать тебѣ, она дала... и теперь ты прозябаешь подлѣ нея.

Бросивъ первое сѣмя мятежа въ его душу, я помолчалъ, давъ ему время внутренно согласиться со мной и сознаться передъ самимъ собой, что онъ, дѣйствительно, пресытился обществомъ жены. Потомъ я ему сталъ доказывать, что онъ долженъ сдѣлать выборъ, рѣшить, что важнѣе: спасать ли безконечное количество человѣческихъ жизней, или посвятить себя благополучію одной только м-мъ Гульвенъ? Я доказывалъ ему, что для подъема его духовныхъ силъ, т.-е. для его творческой работы,

необходимо, чтобы онъ думалъ только о себѣ и побѣдилъ свою жалость къ женѣ. Я даже доказывалъ, что жалость въ данномъ случаѣ—только маска тщеславія, только безсознательное желаніе рисоваться передъ самимъ собой своимъ благородствомъ, наперекоръ требованіямъ творческихъ силъ души. Дѣйствительный долгъ заключается въ томъ, чтобы повиноваться призыву духа и довести до конца трудъ, который облагодѣтельствуетъ все человѣчество.

— Я не могу понять, какимъ образомъ измѣна женѣ интригой съ ея кузиной можетъ быть нравственнымъ долгомъ. Это нелѣпый софизмъ. И какимъ образомъ любовная интрига съ м-мъ Еленой дповліяетъ на завершеніе моего открытія? Ты считаешь меня дуракомъ, если думаешь убѣдить такими парадоксами.

Я прервалъ разговоръ при видѣ дамъ, выходящихъ изъ церкви. Въ этотъ день одинъ только я обѣдалъ съ аппетитомъ. М-мъ Елена и докторъ старались не выдать свою душевную боль, но оба не могли заставить себя ѣсть. Вечеромъ, когда взошла луна, мы пошли осматривать поляну, сплошь покрытую менгирами. Нашимъ гидомъ была бретонская крестьянка. Докторъ шелъ рядомъ съ ней, разспрашивая ее о свойствѣ травъ, которыя она собирала по дорогѣ. Я отсталъ съ м-мъ Еленой, и, глядя на идущаго рядомъ съ бретонкой доктора, подумалъ о томъ, до чего онъ всѣмъ своимъ существомъ связанъ съ своей родиной; при всемъ своемъ духовномъ превосходствѣ, онъ въ эту минуту казался роднымъ братомъ этой бретонской крестьянки.

— Вы должны теперь понять,—сказалъ я м-мъ Еленѣ, подѣлившись съ ней моей мыслью о докторѣ и его спутницѣ,—почему мнѣ захотѣлось соблазнить служанку въ Керьяникѣ и тѣмъ самымъ глубже вникнуть въ особенности бретонской расы. Вы должны понять любознательность духа, желаніе какъ можно полнѣе ознакомиться съ этой страной, сохранившей юность, несмотря на долгіе вѣка своей исторической жизни... Вѣдь и вы увлечены желаніемъ узнать бретонскую душу,—хотя бы даже за это знакомство пришлось платить любовью.

— Вы полагаете?

— Будемъ же говорить откровенно—я не умѣю идти окольными путями. Неужели, по вашему, я одинъ не вижу, что вы интересуетесь Жаномъ Гульвеномъ? Я въ этомъ не нахожу ничего дурного,—удивляюсь только, что вы оба такъ пассивны въ своихъ чувствахъ, такъ лишены всякой предпріимчивости. Гульвенъ васъ любитъ... Это—фактъ. Когда я ему сообщилъ о возможности вашего отъѣзда по настоянію его ревнивой жены, онъ чуть не лишился чувствъ.

— Какія глупости!—сказала м-мъ Елена и перестала отвѣчать на всѣ мои обличенія ея чувствъ къ доктору. Она молча осматривала камни мертваго города.

— Какъ люди ошибаются!—проговорила она со вздохомъ.— Вѣдь докторъ Гульвенъ ни разу, даже въ шутку, не говорилъ мнѣ о любви, а вы всѣ тутъ создаете цѣлый романъ. На меня нападаетъ моя belle-mère, и даже вы, съ вашимъ психологическимъ чутьемъ, такъ же близоруки, какъ эта буржуазка, помѣшанная на приличіи.

Чтобы вызвать довѣріе м-мъ Елены, я отозвался пренебрежительно о м-мъ Ла-Ревельеръ, и былъ вознагражденъ за свою хитрость. М-мъ Елена разсказала мнѣ о преслѣдованіяхъ своей belle-mère. Послѣдняя ничего бы не имѣла противъ вторичнаго замужества своей невѣстки, но возмущалась при мысли о любовной интригѣ, компрометирующей честное имя ея сына и внучки...

— Но если м-мъ Ла-Ревельеръ,—возразилъ я,—ничего не имѣетъ противъ вашего второго брака, то вы можете стать женой Гульвена, если бы онъ развелся? Отвѣтьте мнѣ... вотъ видите, вы не отвѣчаете, не отрицаете, что вышли бы за него замужъ... Я считаю это формальнымъ признаніемъ.

М-мъ Елена остановилась, и на лицѣ ея отразилась величайшая мука. Ея прекрасное трагическое лицо поражало при лунномъ освѣщеніи. Перемѣна была такъ поразительна, что я даже заподозрилъ ее въ комедіантствѣ, и напомнилъ ей о томъ, какъ она говорила мнѣ прежде о ненужности любви, о хрустальной прозрачности своей жизни.

— Эта хрустальность теперь какъ будто бы потускнѣла,— сказалъ я съ иронической улыбкой. Но она прервала меня:

— Не шутите, прошу васъ!—съ истиннымъ отчаяніемъ сказала она.—Я вѣдь только теперь поняла себя. Это ужасно! Я не принадлежу больше себѣ. Что-то постороннее завладѣло мной. Какъ я была счастлива прежде, когда просто могла бесѣдовать съ нимъ о Жильбертѣ, о другихъ! Но онъ постепенно завладѣлъ всѣми моими мыслями. Мы проводили почти все время вмѣстѣ. А въ его отсутствіе о немъ постоянно говорила Жильберта. Къ тому же меня безпокоило его слабое здоровье. Мнѣ хотѣлось ухаживать за нимъ вмѣстѣ съ Ивонной, изъ благодарности за его заботы о моемъ покойномъ мужѣ. Все это было такъ чисто, такъ просто. А сегодня все сразу измѣнилось. Я поняла, что Ивонна хочетъ меня удалить, что она знаетъ правду, которую я скрывала отъ самой себя... Непонятная гордая сила побѣдила меня. Я совершенно растерялась... Вотъ видите,—я плачу.

Она быстро провела платкомъ по глазамъ и опять пошла впередъ быстрыми шагами.

— А онъ?—спросилъ я.

— Онъ? Онъ ничего не подозрѣваетъ,—вамъ это кажется нелѣпымъ, не правда ли?—а между тѣмъ, это правда. Онъ никогда не выказывалъ мнѣ никакого исключительнаго вниманія. Мое общество ему не непріятно—вотъ и все. Къ тому же, онъ такъ преклоняется передъ Ивонной... передъ святой Ивонной, что не задумается пожертвовать мною ради нея. А вы еще говорите о разводѣ!

Въ голосѣ ея прозвучало негодованіе, и, совершенно не помня себя, она стала почти кричать:

— Онъ даетъ мнѣ примѣръ благородства... и мнѣ остается только поскорѣе уѣхать отсюда. Онъ поступаетъ честно. А я... Не говорите мнѣ, что я смѣшна: я сама это знаю. Что можетъ быть смѣшнѣе, чѣмъ испытывать невообразимыя муки и сознавать свое безсиліе!... А вѣдь онъ меня любитъ,—я знаю, я увѣрена, что онъ меня любитъ.

— Конечно, любитъ. Я въ этомъ тоже не сомнѣваюсь. Знаете, что я вамъ скажу: вы оба—настоящія дѣти, не понимающія жизни... Я вамъ помогу, дорогая... Мы все это устроимъ къ лучшему...

Мимо насъ пробѣжала Жильберта со своей собакой. Она спѣшила вскарабкаться на камень, служившій алтаремъ. У него стоялъ, прислонившись, Гульвенъ съ измученнымъ, утомленнымъ видомъ, въ то время, какъ бретонка собирала лекарственныя травы.

VIII.

На слѣдующій день печаль м-мъ Елены ясно отражалась на ея лицѣ. Гульвенъ избѣгалъ ея, притворялся нездоровымъ, и сидѣлъ все время на палубѣ, глядя на море. Когда мы заѣхали въ маленькій портъ Локмаріакеръ, только Жильберта и м-мъ Гульвенъ выказали дѣйствительный интересъ къ деревушкѣ и ея живописному населенію. Мы пошли осматривать друидическіе памятники, и м-мъ Елена пробовала ораторствовать попрежнему, но ей не удалось пересилить себя, и она замолчала. За завтракомъ опять я одинъ только поддерживалъ оживленіе своимъ прекраснымъ аппетитомъ и шутками съ Жильбертой. Съ докторомъ я не заговаривалъ, чувствуя, что теперь трудно повліять на него, и сосредоточилъ все свое стараніе на томъ, чтобы склонить къ

моимъ планамъ м-мъ Елену. Послѣ завтрака, мы съ нею отдѣлились отъ другихъ и, глядя на море, возобновили разговоръ на интересующую насъ обоихъ тему.

— Если вы уѣдете, то и я послѣдую за вами,—сказалъ я.— Бѣдные Гульвены останутся одни.

Она грустно покачала головой, потомъ задумалась и поспѣшно спросила меня:

— Надѣюсь, однако, что вы оставляете доктору надежду на удачу?

— Очень слабую,—твердо отвѣтилъ я, уничтожая всякую иллюзію своимъ тономъ, и объяснилъ ей, что наше „Общество“ не рѣшится поддержать доктора раньше, чѣмъ года черезъ два, когда его опыты будутъ болѣе доказательны.

— А что же будетъ до того?

— Я самъ думаю объ этомъ съ ужасомъ... У нихъ ничего больше нѣтъ. А бѣдный Гульвенъ хирѣетъ все больше и больше... Я не говорю объ этомъ, чтобы не пугать жену, но все-таки...

У м-мъ Елены покраснѣли вѣки, и въ глазахъ появилось испуганное выраженіе. Я же ей спокойно объяснилъ, что страховыя общества отказались бы страховать наши расходы на случай смерти доктора. Я сказалъ, что уже при посредствѣ нашихъ агентовъ наводилъ нужныя справки, и знаю, что коллеги Гульвена не считаютъ его здоровье достаточно крѣпкимъ для завершенія его трудовъ. Силы его окончательно истощены, и, чтобы возстановить ихъ, ему необходимо бросить работу и прожить годъ на альпійскихъ высотахъ,—что, конечно, немыслимо въ его обстоятельствахъ.

М-мъ Елена съ трудомъ удерживала слезы. Она вся дрожала и глядѣла мнѣ въ глаза тревожнымъ, выжидательнымъ взглядомъ. Я медленно закурилъ трубку и замолчалъ, чѣмъ окончательно привелъ ее въ отчаяніе.

— Нужно его спасти во что бы то ни стало!—крикнула она.—У васъ вѣдь есть деньги... Поддержите его!

Я объяснилъ ей, что всѣ свои небольшіе капиталы я вложилъ въ строительныя предпріятія, и что я самъ теперь нуждаюсь въ свободныхъ деньгахъ. Она сказала мнѣ, чтобы я взялъ гдѣ-нибудь въ долгъ, но я объяснилъ, что, не имѣя достаточныхъ гарантій, я не могу достать денегъ. Тысячи двѣ франковъ я бы, конечно, самъ могъ ссудить нашему другу, но этого мало. Ему нужно тысячъ пятнадцать-двадцать, чтобы выбраться изъ Керьяника, заплативъ главнѣйшіе долги, и поселиться на годъ въ Энгадинѣ съ женой. Съ женой!..

Я съ особымъ удареніемъ повторилъ это слово, давая понять, что жизнь доктора испорчена главнымъ образомъ его нелѣпой женитьбой. М-мъ Елена сдѣлала видъ, что не слышитъ моихъ словъ. Оглянувшись, чтобы убѣдиться, что никто насъ не слышитъ, она тихо сказала мнѣ, что она мнѣ дастъ эти двадцать тысячъ съ тѣмъ, чтобы я передалъ ихъ Гульвенамъ отъ имени „Фармацевтическаго Общества". Я, конечно, легко доказалъ ей неосуществимость ея плана. Гульвенъ не преминулъ бы написать благодарственное письмо администраціи „Общества", и наша хитрость сейчасъ же открылась бы. Я долженъ, значитъ, отъ своего имени предложить доктору эти деньги. Но я такъ часто говорилъ ему о своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, когда онъ обращался ко мнѣ, что моя внезапная щедрость удивила бы его, и онъ догадался бы, откуда явились деньги.

— Помните,—доказывалъ я м-мъ Еленѣ,—докторъ питаетъ къ вамъ нѣжныя чувства. Вы тоже къ нему неравнодушны—и даже въ этомъ сознаетесь,—и поэтому именно Гульвенъ не можетъ принять отъ васъ денегъ. Вѣдь объ этомъ бы узнали. У него много враговъ, которые слѣдятъ за нимъ. Стали бы удивляться, какъ это онъ вдругъ бросилъ практику и живетъ въ Энгадинѣ... Онъ бы никогда не простилъ мнѣ, что я впуталъ его помимо его вѣдома въ позорную исторію.

— Вы нарочно придумываете всякія препятствія... Вы—противъ его успѣха... скажите прямо—это болѣе подходитъ къ вашему природному цинизму.

М-мъ Елена отвернулась отъ меня съ негодованіемъ, выкрикивая свои обвиненія навстрѣчу стихіямъ. Отъ волненія она проводила рукой по лицу, не думая о томъ, что черныя перчатки оставятъ слѣдъ на лицѣ, которое она, для предохраненія отъ загара, покрыла вазелиномъ и пудрой. Обычная забота о наружности покинула ее въ эти минуты крайняго волненія, и по ея истерзанному лицу съ растрепавшимися по вѣтру волосами, по едва сдерживаемымъ рыданіямъ видно было, до чего искренно она страдаетъ.

Я ей объяснилъ, что мои отношенія съ докторомъ—далеко не дружескія, что онъ выноситъ мое присутствіе въ Керьяникѣ только въ надеждѣ на поддержку „Фармацевтическаго Общества" и въ виду моей высокой платы за пансіонъ. При его недовѣріи ко мнѣ, онъ навѣрное догадается о нашемъ соглашеніи. А въ вопросахъ чести этотъ внукъ адмирала Гульвена очень строгъ... Я не хочу играть роль посредника въ такомъ дѣлѣ... Меня и такъ считаютъ безнравственнымъ человѣкомъ, а когда узнаютъ, что деньги доктору передавалъ *я*, то сплетнямъ не будетъ конца.

— Какъ хотите... Я не настаиваю.

Я былъ ей ненавистенъ въ эту минуту, и она отошла, чтобы не видѣть меня. Но кого избрать въ посредники? Вставши, она прошлась по палубѣ и потомъ опять сѣла. У нея явилось новое рѣшеніе—предложить самой эти деньги кузинѣ, хотя та одинъ разъ уже рѣшительно отказалась принять ихъ, какъ м-мъ Елена призналась мнѣ.

— У Ивонны очень строгіе нравственные принципы,—сказала она съ горечью.—Она такъ деликатна, что убьетъ своей деликатностью мужа... Это святая женщина!

— Конечно, м-мъ Гульвенъ не приметъ денегъ отъ васъ,—сказалъ я.—Она подумаетъ, что вы хотите подкупить ее, и откажется еще рѣшительнѣе, чѣмъ въ первый разъ... Все несчастіе Гульвена въ этой добродѣтельной святой, которая его обожаетъ. Не будь ея, онъ бы отдалъ кредиторамъ все, что у него здѣсь имѣется, и отправился бы въ санаторію въ Сенъ-Морисѣ, гдѣ его, какъ флотскаго врача, приняли бы, конечно даромъ. Но онъ не можетъ покинуть свою жену, оставивъ ее здѣсь безъ денегъ... Она настоитъ на томъ, чтобы сопровождать его, ухаживать за нимъ на правахъ любящей жены. Она его любитъ, и потому убиваетъ его своей любовью. Это вполнѣ логично... Единственное спасеніе Гульвена—развестись съ нею...

М-мъ Елена совершенно растерялась... Я же былъ вполнѣ доволенъ результатами моей дипломатіи: мысль о разводѣ была внушена,—бо́льшаго я пока не хотѣлъ достичь.

— Они не могутъ развестись,—сказала м-мъ Елена, помолчавъ, и глубоко вздохнула.

— Разводъ вернулъ бы ему полную свободу,—продолжалъ я.—Его могла бы полюбить женщина со средствами, выйти за него замужъ, доставить ему счастье и славу, которой онъ заслуживаетъ.

— Но какъ ему развестись?.. у него нѣтъ никакихъ поводовъ.

— Поводовъ, дѣйствительно, нѣтъ...

— Такъ, по-вашему, онъ долженъ погибнуть?

— Какъ видно.

М-мъ Елена взглянула мнѣ въ лицо. Она не понимала, какъ это я, зная объ ея любви къ Гульвену, такъ холодно мучу ее жестокими предположеніями. Она молчала, не будучи въ состояніи разобраться въ своихъ мысляхъ. Мысль о разводѣ казалась ей, однако, допустимой, и она возобновила разговоръ послѣ короткой паузы:

— Вѣдь эта женщина убьетъ его,—сказала она.—Вы сами это знаете.

— На это ей даетъ право ея любовь и преданность ему,—подтвердилъ я, держа трубку въ зубахъ.

— И васъ это не возмущаетъ?

— Мало ли видишь возмутительнаго въ жизни... Но я понимаю, что васъ эта нелѣпость волнуетъ больше всѣхъ другихъ.

Мое чрезмѣрное спокойствіе не обманывало м-мъ Елену. Она поняла, что я нарочно хочу довести ее до отчаянія, чтобы подчинить ее своимъ планамъ. Она видѣла, что больше уже нечего играть въ прятки, и готова была теперь повиноваться мнѣ во всемъ, какое крайнее средство я бы ни предложилъ.

— Какъ вы думаете, — спросила она почти шопотомъ,—могу ли я хоть что-нибудь предпринять?

— Вы-то едва ли,—медленно началъ я,—но вотъ что: не можетъ ли кто-нибудь другой убѣдить м-мъ Гульвенъ, что судьба ея мужа въ ея рукахъ, что, согласившись на разводъ, она его спасетъ, а оставаясь съ нимъ — убьетъ его. Вѣдь это ясно, и нѣтъ ничего легче, чѣмъ доказать это... Но, конечно, она едва ли сдастся на самые логичные доводы... Любовь эгоистична. Она завладѣваетъ другимъ существомъ, дѣлаетъ его своей собственностью и отдаетъ его только одной смерти...

— Да, она отдастъ его только смерти!

— Этого не будетъ, если мы склонимъ м-мъ Гульвенъ на разводъ. Но развѣ можно требовать отъ нея, чтобы она разбила свои жалкія надежды и обрекла себя на бѣдность и одиночество?

М-мъ Елена отрицательно покачала головой. Я отошелъ отъ нея. Наша яхта вошла въ рѣку Ваннъ, мутную и не представлявшую никакихъ красотъ. Я рѣшилъ предоставить м-мъ Елену ея сердечнымъ страданіямъ, зная, что она не сможетъ съ ними справиться и вернется ко мнѣ за совѣтами, которымъ вполнѣ покорится.

Въ мои планы входило, чтобы она дѣйствительно вышла замужъ за доктора Гульвена, и я готовъ былъ содѣйствовать разводу доктора съ его женой. Мнѣ не казалось невозможнымъ склонить м-мъ Гульвенъ на разводъ. Такая идеалистка, какъ она, способна дойти до крайнихъ предѣловъ самоотверженности для спасенія мужа. Нужно только убѣдить ее, что она должна оставить мужа для его же блага. Это трудно, — но для такой цѣли стоитъ поработать. „Превзойди самого себя—въ себѣ и даже въ твоемъ ближнемъ“,—сказалъ Ницше, и мнѣ захотѣлось истолковать по-своему изреченіе учителя.

Когда мы всей компаніей пошли ходить по улицамъ Ванна, я не отходилъ отъ м-мъ Гульвенъ. Я разспрашивалъ ее объ историческомъ прошломъ города, застроеннаго старыми бретонскими домами и сохраняющаго во всемъ средневѣковый видъ. М-мъ Гульвенъ отвѣчала нехотя и была со мной крайне холодна. Можетъ быть, она догадывалась, о чемъ я долго говорилъ съ ея соперницей. Можетъ быть, впрочемъ, она сердилась на меня за Анну-Марію. Какъ бы то ни было, мнѣ никакъ не удавалось заговорить съ ней о томъ, что меня больше всего интересовало. Она очень ловко ускользала изъ всѣхъ сѣтей, которыя я ей разставлялъ. Я даже сталъ бояться, что она начнетъ читать мнѣ наставленія, и перевелъ разговоръ на памятники бретонской старины.

Въ это время мимо насъ прошли три монахини въ черномъ, маленькія, коренастыя, съ синими шнурами вокругъ пояса. Онѣ поздоровались съ моей спутницей, остановились и стали весело и оживленно говорить съ ней, разсказывая всякаго рода событія монастырской жизни и обсуждая религіозные вопросы въ строго догматическомъ духѣ. М-мъ Гульвенъ удивила ихъ своимъ строгимъ отзывомъ о новой книгѣ, объясняющей библейскія чудеса. Проникнутая апостольскимъ жаромъ, она горячо убѣждала монахинь, очень внимательно слушавшихъ ее, и группа этихъ женщинъ, занятыхъ религіозной бесѣдой на улицѣ стариннаго города, производила полную иллюзію средневѣковой жизни. Когда монахини ушли, я сказалъ м-мъ Гульвенъ, что она показалась мнѣ совершенно похожей на своихъ пріятельницъ, и что я отлично могу представить ее себѣ въ монашескомъ платьѣ. Она призналась мнѣ, что когда ея мужъ бывалъ въ плаваніи, она всегда жила въ монастырѣ и носила—по особому разрѣшенію—одежду монахинь того ордена, который принималъ ее у себя.

— Держу пари,—сказалъ я, рѣшивъ заговорить, наконецъ, о главномъ, — что жизнь въ монастырѣ, вдали отъ міра, отъ человѣческой суеты и злобы, въ атмосферѣ мирныхъ, сладостныхъ молитвъ, кажется вамъ блаженствомъ.

— Да... Было бы такъ хорошо довѣрить Провидѣнію заботу о своей жизни.

— Будь вы не замужемъ, или еслибы вы овдовѣли, вы бы ушли въ монастырь?

— Несомнѣнно.

— И вамъ этотъ крайній исходъ не казался бы катастрофой?

— Еслибы я имѣла несчастье потерять мужа въ плаваніи...

монастырь сталъ бы для меня единственнымъ желаннымъ убѣжищемъ въ ожиданіи конца... Монастырская жизнь кажется мнѣ самой отрадной.

Я поспѣшилъ сказать, что и самъ считаю монастырскую жизнь очень привлекательной. Мы стали говорить о монастыряхъ, о мистическомъ экстазѣ, о радостяхъ тихой, чистой, простой монашеской жизни. Я внимательно запоминалъ всѣ ея доводы, чтобы въ надлежащій моментъ напомнить ихъ ей. Съ искренностью глубоко вѣрующей натуры, она заранѣе высказывала готовность дать обѣтъ безбрачія, еслибы церковь приняла ее въ свое лоно. Я пока не заговаривалъ о грозящемъ ей одиночествѣ, но, поддерживая ее въ жалобахъ на несправедливость судьбы, я добился того, что она стала слегка обвинять мужа въ эгоизмѣ. Я сталъ тогда хвалить мудрость церкви, которая отстаиваетъ идеалъ безбрачія для спасенія отъ разочарованій семейной жизни и создаетъ религіозныя общины для избавленія отъ грусти одиночества. М-мъ Гульвенъ поняла по моимъ словамъ, что я знаю объ ея тайной драмѣ. Ей сдѣлалось непріятно, и чтобы перемѣнить разговоръ, она обратила мое вниманіе на интересный фасадъ ратуши. Я съ готовностью заговорилъ объ архитектурѣ эпохи Возрожденія; но въ дальнѣйшей бесѣдѣ далъ ей ясно понять, подъ предлогомъ дружескаго желанія утѣшить ее, что считаю разрывъ ея съ мужемъ неизбѣжнымъ, и полагаю, что разводъ предпочтительнѣе теперешняго положенія дѣла. Моя твердость и пренебреженіе ко всякимъ сентиментальностямъ придавали особую значительность моимъ словамъ. Я всегда подготовляю всякое дѣло издалека, а потомъ, въ надлежащій моментъ, веду аттаку твердо и настойчиво до момента полной удачи или окончательнаго пораженія. Въ эти дни я вступилъ въ періодъ рѣшительныхъ дѣйствій по дѣлу о сывороткѣ Гульвена. Нужно было теперь же, до возвращенія въ Белиль послѣ нашей экскурсіи, спасти доктора отъ бѣдности и болѣзни, для того, чтобы его открытіе обогатило „Фармацевтическое Общество“, а главное, агента этого „Общества“—и для того, конечно, чтобы талантъ доктора спасъ тысячи человѣческихъ жизней, „тысячи тысячъ жизней“, какъ говорила его жена. И у меня было въ рукахъ средство одержать побѣду: нужно было только воспользоваться м-мъ Еленой, которая сдѣлалась пассивнымъ орудіемъ въ моихъ рукахъ. Я, конечно, не вѣрилъ тому, что они не открывали другъ другу своихъ чувствъ. Однако, неправдоподобное бываетъ иногда правдой, и я рѣшилъ изслѣдовать дѣло.

На слѣдующій день, когда наша яхта неслась по гладкому голубому морю въ Конкарно, я подошелъ вмѣстѣ съ молодой вдовой къ доктору, который, стоя на палубѣ, смотрѣлъ на волны. Онъ вздрогнулъ, когда мы окликнули его, и обернулся къ намъ съ поблѣднѣвшимъ отъ волненія лицомъ. Онъ, видимо, боялся, чтобы мы не вымогали у него опасныхъ признаній, и бормоталъ какія-то непонятныя слова, когда я заговорилъ для начала о погодѣ. Издали мы услышали голосъ Жильберты, которая раздраженно спорила о чемъ-то со своей бабушкой, и я насмѣшливо замѣтилъ доктору, что онъ еще не вполнѣ исправилъ строптивый характеръ своей ученицы, какъ можно было судить по обрывкамъ ея дерзкихъ отвѣтовъ, долетавшихъ до насъ. М-мъ Елена ловко воспользовалась удобнымъ предлогомъ, чтобы дать разговору желательный для нея оборотъ.

— Ахъ,—сказала она со вздохомъ,—какой ужасъ, когда рано умираетъ мужъ! Дѣвочкѣ моей недостаетъ воспитателя съ твердой волей. Я безсильна влiять на ея характеръ. Какъ бы я хотѣла, чтобы около нея былъ такой человѣкъ, какъ вы!—сказала она, обращаясь къ доктору:—такой честный, благородный и ученый!

— А вы увѣрены, что мнѣ удалось бы воспитать ее какъ слѣдуетъ?—спросилъ онъ, относясь къ ея похваламъ больше съ ироніей, чѣмъ съ благодарностью, какъ человѣкъ, котораго сердятъ женскія бредни. Онъ, дѣйствительно, обращался съ ней вовсе не какъ влюбленный, и она, повидимому, привыкла къ этому, такъ какъ не выказывала удивленія. Я положительно не понималъ, какъ эта очаровательная, умная, изящная женщина могла полюбить этого болѣзненнаго увальня.

Она стала намъ жаловаться на стѣсненную жизнь честной женщины, которая не можетъ идти противъ требованій семьи и должна отказаться отъ многихъ личныхъ надеждъ. Поэтому-то ей и хотѣлось бы обезпечить хоть своей дочери болѣе свободную и счастливую жизнь и воспитать ее для такой жизни. Это было бы утѣшеніемъ для нея въ старости.

— Значитъ, вы готовы довѣрить доктору все ваше будущее, —сказалъ я.—Онъ долженъ чувствовать себя польщеннымъ.

— Я больше всего на свѣтѣ желала бы, чтобы Жильберта въ будущемъ походила характеромъ на васъ, — сказала Елена доктору, и голосъ ея задрожалъ отъ волненія.

Онъ съ своей стороны понялъ, что притворяться равнодушнымъ къ ея словамъ было бы просто грубо.

— Вы стали вдругъ приписывать мнѣ слишкомъ много качествъ,—сказалъ онъ послѣ легкаго колебанія.

— Вдругъ? — воскликнула она. — Я всегда была высокаго мнѣнія о васъ. Вы это хорошо знаете.

Я подтвердилъ, что м-мъ Елена отзывалась о немъ всегда очень горячо, и, чтобы ускорить теченіе событій, прямо спросилъ его, дѣйствительно ли онъ не замѣчаетъ всю серьезность ея отношеній къ нему? Услышавъ мой вопросъ, м-мъ Елена поблѣднѣла и взглянула въ лицо доктору съ выраженіемъ мучительнаго ожиданія, изученнымъ ею въ музеяхъ, передъ классическими картинами. Но искусственная кокетливость была красивымъ, внѣшнимъ выраженіемъ неподдѣльной страсти, которая свѣтилась въ ея глазахъ. Онъ былъ совершенно ошеломленъ, понявъ, наконецъ, что эта обаятельная женщина полюбила его настолько, что призвала на помощь мою дерзость для того, чтобы вырвать у него признаніе.

— Другъ мой,—проговорила м-мъ Елена своимъ звучнымъ голосомъ,—позвольте мнѣ надѣяться, что я для васъ не случайная гостья, пріѣхавшая провести лѣто у моря... Вы для меня другое...

— Слышишь, Гульвенъ? — сказалъ я и взялъ его за руку.

Онъ нервно оттолкнулъ меня, оглянулся, чтобы узнать, не слѣдятъ ли за нимъ, и протянулъ м-мъ Еленѣ руку, которую она крѣпко сжала въ своей. Докторъ покраснѣлъ и проговорилъ, вздрогнувъ:

— То, что я вообразилъ себѣ теперь, дерзко и безумно...

— Нѣтъ, — сказала м-мъ Елена, — я знаю, что вы прочли въ моемъ сердцѣ. И вы не ошиблись.

На глазахъ ея показались слезы, а лицо озарилось торжествующей улыбкой. Я прикрывалъ ихъ отчасти моей плотной фигурой отъ постороннихъ взглядовъ, и они крѣпко пожали руки другъ другу. Нечего было, впрочемъ, опасаться постороннихъ свидѣтелей, такъ какъ м-мъ Гульвенъ занята была приготовленіями къ обѣду, а м-мъ Ла-Ревельеръ давала Жильбертѣ урокъ англійскаго языка. Я былъ истинно пораженъ. Значитъ, дѣйствительно, они были такъ наивны, такъ глупы, что теперь только впервые признались другъ другу въ любви, а до того довольствовались красивыми фразами на общія темы. Я и не подозрѣвалъ, что такіе люди существуютъ... Теперь они молча глядѣли вдаль, точно судьба ихъ была написана на облакахъ, несущихся по небу.

— Простите меня,—сказалъ я имъ,—за то, что я не ухожу: я оберегаю васъ.

— Онъ нашъ другъ,—сказала м-мъ Елена доктору, и протянула мнѣ руку.

Я покровительственно засмѣялся и пожурилъ ихъ за то, что они напрасно таились другъ отъ друга столько времени.

— Слишкомъ опасно было признаваться,—возразила она.— Вмѣстѣ съ нашимъ счастьемъ родилась и новая скорбь. Сколько теперь придется страдать бѣдной Ивоннѣ! Это вѣдь дѣлаетъ наше счастье преступнымъ.

— Какъ я вамъ благодаренъ за то, что вы сейчасъ же подумали о моей женѣ!—сказалъ докторъ.

— Вѣдь и вы о ней думаете,—а у меня тѣ же мысли, что у васъ.

Они продолжали обмѣниваться пустыми, кокетливыми фразами, и эта болтовня начинала меня раздражать. Въ отвѣтъ на повторяющіяся нѣсколько разъ слова м-мъ Елены о страданіяхъ несчастной жертвы, я вмѣшался въ разговоръ и объяснилъ, что слово „жертва“ въ данномъ случаѣ преувеличено. Можно вѣдь скрыть отъ жены доктора ихъ любовь. Но въ отвѣтъ на это м-мъ Елена и Гульвенъ возразили, что имъ тяжело лгать, и что нѣтъ ничего отвратительнѣе, чѣмъ адюльтеръ.

— Однако,—замѣтилъ я,—если вы любите, то должны принять на себя все, что связано съ вашей любовью. Или, быть можетъ, вамъ удастся уѣхать вмѣстѣ?

— Да, Елена, если вы уѣдете, я вѣдь могу послѣдовать за вами, — сказалъ докторъ, и сталъ развивать этотъ планъ. Онъ сказалъ, что можетъ уѣхать, какъ бы отправляясь въ плаваніе, а затѣмъ, вмѣсто того, чтобы возобновить флотскую службу, поселиться съ м-мъ Еленой гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Парижа.

— Нѣтъ, мой другъ,—грустно возразила молодая вдова,— это немыслимо. Подумайте, какъ бы про насъ злословили! А я не хочу дать дурной примѣръ моей дочери. Я хочу, чтобы жизнь ея была гордой и чистой, и поэтому она не должна видѣть примѣръ лжи въ жизни своей матери.

Она долго еще развивала банальныя мысли о нравственности, и я видѣлъ, что это производитъ впечатлѣніе на робкую душу доктора, который въ сущности радъ былъ предлогу отказаться отъ счастья любви, купленнаго цѣной семейной драмы и разрыва съ женой. Я же готовъ былъ раздавить въ эту минуту, какъ червяка, этого жалкаго человѣка, который бѣжалъ отъ живой борьбы страстей, заранѣе объявлялъ себя побѣжденнымъ и спѣшилъ вернуться къ своей мелкой, сонной жизни, къ однообразнымъ заботамъ и къ пустымъ мечтамъ. Я былъ въ бѣшенствѣ, хотя съ практической стороны все это было мнѣ на руку. Отказываясь, въ силу своихъ предразсудковъ, отъ тайной любви, м-мъ

Елена становилась сторонницей развода. Замужество больше привлекало ее, чѣмъ адюльтеръ, и я отъ этого только выигрывалъ. Поэтому, когда докторъ сталъ говорить о крушеніи всѣхъ надеждъ, я запротестовалъ противъ его малодушія. М-мъ Елена продолжала съ негодованіемъ отвергать всякіе компромиссы. Ея поведеніе меня удивляло. Даже страсть не побѣдила въ ней потребности рисоваться благородными чувствами. Мнѣ даже показалось на минуту, что она играла комедію, признавшись въ любви, что ей хотѣлось только показать доктору всю силу своей добродѣтели, преодолѣвающей любовь. Но, заботясь объ успѣхѣ моего практическаго предпріятія, я указалъ имъ на возможность благополучнаго исхода безъ нравственныхъ компромиссовъ—на разводъ и бракъ.

— Нѣтъ,—со вздохомъ сказалъ докторъ,—Ивонна не согласится на разводъ: она меня любитъ.

— Ты въ этомъ убѣжденъ? А какъ знать?—можетъ быть, въ глубинѣ души, она рада была бы свободѣ и возможности посвятить себя Богу. Возможно вѣдь, что она не покидаетъ тебя только по долгу христіанской супруги, зная, какъ ты слабъ и безпомощенъ. Монашество ей кажется, навѣрное, болѣе желаннымъ, чѣмъ семейная жизнь. Церковь ей больше обѣщаетъ, чѣмъ можешь обѣщать ты... Зачѣмъ же, изъ ложно понятой жалости, отягчать ее цѣпями, которыя она сама была бы счастлива разбить, для спасенія своей души?

М-мъ Елена поддержала меня въ моихъ доводахъ, но докторъ продолжалъ утверждать, что мы ошибаемся, и что при всей своей скромности, онъ не сомнѣвается въ глубокой любви Ивонны, въ томъ, что она будетъ безумно страдать при первомъ подозрѣніи серьезной измѣны съ его стороны.

М-мъ Елена, задѣтая его горячей защитой интересовъ жены, и тѣмъ, что онъ слишкомъ легко сдался на ея доводы и готовъ былъ отказаться отъ нея, стала упрекать его въ фатовствѣ, въ чрезмѣрной самонадѣянности.—Конечно, вамъ лучше знать Ивонну и всѣ тайники ея сердца,—насмѣшливо закончила она.

Онъ, видимо, испугался ея разсерженнаго тона. Лицо его осунулось, глаза потемнѣли, у рта показалась горькая складка.

— Умоляю васъ,—пробормоталъ онъ съ поблѣднѣвшими губами,—не будемте говорить сегодня о всѣхъ этихъ печальныхъ вещахъ. Помолчимъ другъ подлѣ друга.

Онъ не могъ больше говорить. У него захватило дыханіе. Молодой женщинѣ сдѣлалось жаль его. Она замолчала. Мы подъѣзжали къ Конкарно. Море пѣнилось вокругъ нашей яхты и

брызги долетали до насъ. Жильберта крикнула намъ издали, что насъ зовутъ къ столу.

IX.

Конкарно—тихій, строгій городъ, не утратившій ни въ чемъ своего средневѣковаго характера, и среди старыхъ домовъ и церквей, медленно движутся тихіе люди. У всѣхъ грустныя и почти мертвыя лица,—точно имъ и теперь, какъ нѣкогда, угрожаютъ болѣзни и голодъ. Мимо насъ по улицамъ проходили группы блѣдныхъ школьницъ; на берегу босоногіе рыбаки вытаскивали сѣти; торговцы продавали въ корзинахъ рыбу женщинамъ, сидѣвшимъ у дверей низенькихъ домиковъ. М-мъ Гульвенъ спросила, какъ пройти въ церковь, у маленькихъ дѣвочекъ, которыя разглядывали раскрашенныя картинки въ окнѣ книжной лавки. Исхудалое блѣдное лицо жены доктора было такое же сѣрое и невыразительное, какъ лица бѣдныхъ голодныхъ дѣтей... Въ этой женщинѣ аскетическая воля несомнѣнно торжествовала надъ всѣми желаніями, и она съ полнымъ равнодушіемъ относилась къ благамъ призрачнаго для нея міра. Въ жизни она чувствовала только ея печаль, страданія и страхъ за близкихъ людей, и спасенія отъ этихъ страховъ она искала въ своихъ представленіяхъ о всемогущемъ и сострадательномъ Богѣ. Въ каждомъ новомъ мѣстѣ, куда она пріѣзжала, она прежде всего направлялась въ храмъ, чтобы отдохнуть въ молитвенной тишинѣ отъ оскорбительнаго для нея шума толпы. И теперь она повела насъ всѣхъ въ церковь, но двери оказались заперты. Какая-то женщина сказала, что священникъ ушелъ въ городъ, а служка ловитъ креветокъ. М-мъ Гульвенъ была очень огорчена такимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ религіи въ ея благочестивой Бретани.

— Слава Христа затемнена тѣнью отъ колоссальныхъ изваяній порока,—сказала она, и дважды повторила эту фразу, вычитанную въ какой-нибудь проповѣди. Повидимому, красивая молодая вдова казалась ей именно такой зловредной тѣнью мірскихъ пороковъ.

— Значитъ, вы осуждаете нашу любознательность, наши болѣзненныя, но смѣлыя исканія новыхъ ощущеній?—спросилъ я у набожной бретонки.

— Да, потому что все это отвергаетъ болѣе высокія истины вѣчнаго міра. Земныя знанія ограничиваютъ вселенную, измѣряя блага жизни своими мимолетными, капризными желаніями... Пе-

чально, что этому соблазну поддаются даже самыя благородныя души. А между тѣмъ представленіе о Богѣ болѣе широко, чѣмъ понятіе о кратковременной, преисполненной страданій человѣческой жизни...

— Конечно,—сказалъ я,—намъ, положительнымъ людямъ, не понять вашей жажды безконечности. Спорить съ вами я не рѣшаюсь,—ваши богословскія знанія и вашъ ораторскій талантъ меня пугаютъ. Но я только не понимаю, какъ, при вашей твердой вѣрѣ въ радости грядущаго рая, вы соглашаетесь жить среди невѣрующихъ? Какъ вы побѣждаете въ себѣ потребность жить созерцательной монашеской жизнью?

— А чувство жалости? Я хочу спасти дорогихъ мнѣ людей, обращая ихъ къ Богу...

— Ну, ужъ если бы я была вѣрующей,—сказала м-мъ Елена,— я была бы нетерпима. Всякій, кто сталъ бы на пути моей вѣры, былъ бы мнѣ ненавистенъ. Я ненавижу мою belle-mère и мою дочь, когда онѣ меня отрываютъ отъ интересной книги. А какъ же ты, погруженная въ мысли о Богѣ, переносишь все, что отвлекаетъ отъ небесныхъ помысловъ въ семейной жизни... Вѣдь въ вопросахъ религіи Жанъ Гульвенъ, кажется, очень равнодушенъ?

Я былъ въ восторгѣ отъ коварства м-мъ Елены, и приготовился быть свидѣтелемъ интересной дуэли между двумя женщинами. Жильберта, ея бабушка и докторъ заняты были фотографированіемъ любопытныхъ угловъ улицъ и группъ бретонокъ. Гульвенъ, изъ трусости, боялся присутствовать при завязавшейся бесѣдѣ и ушелъ отъ насъ съ Жильбертой — будто бы искать новые интересные пункты для фотографіи.

М-мъ Гульвенъ не сообразила, что ее хотятъ поймать въ ловушку, и продолжала разговоръ. Мы медленно шли впередъ, и я съ большимъ интересомъ слушалъ споръ, завязавшійся между двумя соперницами. М-мъ Гульвенъ стала объяснять намъ, что хочетъ вернуть своего мужа въ лоно церкви, спасти его отъ скептицизма и привести къ блаженству вѣры. Она сообщила, что въ этомъ году, на Пасхѣ, ея мужъ, впервые послѣ семнадцати лѣтъ, былъ у исповѣди. Въ отвѣтѣ м-мъ Елены, предположившей, что онъ сдѣлалъ это только изъ любезности къ женѣ, м-мъ Гульвенъ почувствовала скрытое недоброжелательство. Она остановила свой порывъ откровенности и только сказала намъ дѣловитымъ, спокойнымъ тономъ, что дала обѣтъ обратить его къ вѣрѣ, если онъ выздоровѣетъ отъ тифа въ Мексикѣ. По ея словамъ, обѣтъ этотъ ей удалось выполнить. Пасху мужъ ея провелъ какъ истый христіанинъ.—Къ тому же,—прибавила она,—

онъ обладаетъ главной христіанской добродѣтелью—состраданіемъ къ бѣднымъ, и это одно искупаетъ всѣ его грѣхи.

— Словомъ, ты его любишь; это для меня ясно,—заключила м-мъ Елена съ жестокой насмѣшливостью въ голосѣ.

— Да, мы очень любимъ другъ друга,—поправила жена доктора.

Я поспѣшилъ замять вспышку раздраженія, и сталъ доказывать примирительнымъ тономъ м-мъ Гульвенъ, что мужъ ея, дѣйствительно, достоинъ величайшей любви, и что она должна все выше и выше подниматься въ своей преданности ему и превзойти самое себя въ самопожертвованіи... пожертвовать даже самой своей любовью. М-мъ Елена, конечно, поддерживала меня въ проповѣди самоотверженной любви; м-мъ Гульвенъ возразила, что не понимаетъ такихъ тонкостей, но я ей пояснилъ на примѣрѣ свою мысль: я ее спросилъ, какъ бы она поступила, если бы явилась какая-нибудь американская милліонерша и предложила свои богатства, свою молодость и красоту Гульвену? Уступила ли бы она своего мужа американкѣ для того, чтобы обезпечить ему здоровье, возможность работать и наслаждаться жизнью? Согласилась ли бы она на разводъ?

М-мъ Гульвенъ остановилась и взглянула на насъ, стараясь улыбнуться, но ничего кромѣ гримасы не вышло. Она поняла теперь, куда мы клонимъ разговоръ, и, вздрогнувъ, отвѣтила сначала уклончиво, говоря, что католическая церковь запрещаетъ разводъ, а это рѣшаетъ для нея вопросъ.

— А помимо церковныхъ препятствій?—спросилъ я:—если бы вы были равнодушны къ вопросамъ вѣры, уступили бы вы мужа другой женщинѣ, чтобы избавить его отъ бѣдности, болѣзни, неудачъ и отчаянія? Или же вы предпочли бы обречь его на всѣ эти несчастія и не терять его?

— Не знаю... Мнѣ трудно отвѣтить... Это зависѣло бы и отъ него.

— Ты, значитъ, не согласна поступиться своимъ самолюбіемъ, ты любишь его только для себя?—возбужденно нападала м-мъ Елена на кузину, едва сдерживая рыданія.

— Разводъ запрещается церковью,—повторяла м-мъ Гульвенъ,—и я не могу возстать противъ ея законовъ.

Мы продолжали доказывать ей, что милосердіе Господне простило бы ей этотъ грѣхъ, свершенный для спасенія милліоновъ жизней, что, взявъ на себя муку во имя человѣчества и во имя любви къ мужу, она можетъ быть увѣрена въ прощеніи, такъ что протестъ ея исходитъ только изъ эгоизма. Видя, въ какое

глубокое отчаяніе мы повергли несчастную женщину, я остановилъ разговоръ, начинавшій становиться опаснымъ. Для перваго раза было довольно. Я былъ увѣренъ, что м-мъ Гульвенъ не забудетъ наше замаскированное требованіе. Неподвижная, погруженная въ мысли, съ безконечно скорбнымъ выраженіемъ въ глазахъ, она похожа была на мученицу, готовую идти на пытку. Я обрадовался, когда къ намъ подошли остальные, и мы вернулись на яхту, чтобы тотчасъ же уѣхать изъ Конкарно съ его средневѣковыми улицами. М-мъ Гульвенъ стояла на палубѣ и глядѣла на этотъ оплотъ старины, гдѣ она такъ плохо защищала завѣты вѣры и добродѣтели. М-мъ Елена не рѣшалась возобновить еще разъ разговоръ на эту тему, и стала по обыкновенію красиво говорить объ окружающихъ видахъ природы. Гульвенъ слушалъ ее, хотя изъ осторожности почти не отходилъ отъ жены, стараясь успокоить ее дружескими словами. Я не слышалъ, что онъ говорилъ женѣ, но видѣлъ, какъ онъ бралъ ея руку и долго держалъ въ своей, а она съ грустной улыбкой качала головой и смотрѣла вдаль.

Вечеромъ, оставшись наединѣ съ докторомъ, я заговорилъ о его женѣ, и сталъ доказывать, что если она его любитъ, то должна превзойти себя въ своей любви, поднять свое чувство на высоту сверхчеловѣческаго идеала.

— Если твоя жена искренно тебя любитъ, то она должна положить конецъ вашимъ теперешнимъ тягостнымъ отношеніямъ. Пусть она уйдетъ въ монастырь,—этого вѣдь и жаждетъ ея душа. А ты обязанъ, побѣдивъ въ себѣ жалость, отдаться весь своему открытію. Въ глубинѣ души ты вѣдь согласенъ со мной. Человѣкъ долженъ превзойти самого себя. Если ты хочешь спасти будущія поколѣнія отъ тифа, ты долженъ преодолѣть свою жалость къ слабому и никому ненужному существу; спокойствіе твоей жены математически менѣе цѣнно, чѣмъ спасеніе всего человѣчества, подверженнаго болѣзнямъ.

— Можетъ быть, это такъ. Но цѣлебность сыворотки—дѣло будущаго. Страданія же Ивонны—это настоящее. То—только надежда, это—несомнѣнное.

— Ничуть. Ты вполнѣ увѣренъ въ результатахъ, иначе ты не обратился бы ко мнѣ за субсидіей. Въ этомъ я не сомнѣваюсь—ты честенъ и не обманешь. А жена твоя совершенно успокоится въ тиши монастыря,—это тоже несомнѣнно. Добейся развода.

— Но какъ?

— Найти предлогъ не трудно. Противъ тебя можно возбу-

дить множество обвиненій. Во-первыхъ, ты растратилъ приданое своей жены и ваше общее состояніе. Затѣмъ, во время твоихъ плаваній, ты едва-ли былъ всегда вѣренъ женѣ, а въ глазахъ м-мъ Гульвенъ малѣйшее уклоненіе отъ супружеской вѣрности преступно. Хочешь, я выступлю свидѣтелемъ твоихъ прегрѣшеній? А то вѣдь можно воспользоваться и вашей хорошенькой служанкой Анной-Маріей. Соблазнилъ же я ее,—такъ противъ тебя она, навѣрное, не устоитъ. А измѣна подъ супружескимъ кровомъ—достаточный поводъ для развода.

— Какъ, неужели ты соблазнилъ несчастную дѣвочку?

— Дѣвушки ея возраста мечтаютъ о томъ, чтобы ихъ соблазнили. Я исполнилъ только желаніе, которое она ясно выражала своими взглядами и заигрываніями. Къ тому же я—не первый ея соблазнитель.

— Ты—положительно опасный человѣкъ.

— Ничуть, я только предпріимчивъ—вотъ и все.

— Въ какое ложное положеніе ты поставилъ меня и Елену, внушая намъ мысли объ адюльтерѣ, недопустимомъ для нашей совѣсти!

Я ему возразилъ, что вовсе не стою за обманъ и тайную любовь, а напротивъ того, совѣтую ему развестись и жениться на м-мъ Еленѣ. Я объяснилъ ему важность этого для него, говоря, что на помощь „Фармацевтическаго Общества" разсчитывать трудно. Я безъ всякой пощады выяснилъ ему положеніе дѣлъ, напомнилъ ему о его болѣзни и полномъ безденежьи, и доказалъ, что онъ долженъ сдѣлать выборъ: или подвергнуть себя и жену всѣмъ этимъ несчастіямъ—или же предпочесть счастье и удачу, т.-е. бракъ съ Еленой. Рѣшеніе нужно было принять тотчасъ же. Онъ, однако, ничего мнѣ не отвѣтилъ, неспособный, какъ всегда, предпринять что-нибудь рѣшительное. Онъ готовъ былъ жалѣть себя, иронизировать надъ своей судьбой—лишь бы ничего не мѣнять въ своей жизни.

Поздно вечеромъ мы пришли въ городъ, откуда должны были на автомобилѣ отправиться къ бухтѣ Дуарненезъ, на знаменитое богомолье въ Сентъ-Аннъ Ла-Палю.

На слѣдующее же утро мы выѣхали, и мнѣ уже некогда было заниматься психологіей моихъ спутниковъ, такъ какъ пришлось зорко слѣдить, чтобы автомобиль не задавилъ по дорогѣ разряженныхъ бретонцевъ и бретонокъ, отправляющихся на богомолье. По желанію м-мъ Гульвенъ, мы поѣхали черезъ Локронанъ—нѣкогда богатый городъ, гдѣ теперь населеніе живетъ ткацкимъ промысломъ. М-мъ Гульвенъ повела насъ въ церковь

св. Ронана, мѣстнаго чудотворца, и долго молилась у могилы святого, пока мы осматривали церковь. При выходѣ изъ церкви, м-мъ Гульвенъ, отставъ вмѣстѣ со мной отъ другихъ, спросила:

— Знаете вы, почему я хотѣла остановиться въ Локронанѣ?

— Очевидно, чтобы показать намъ этотъ странный городъ, любопытную архитектуру церкви и живописное населеніе.

— Конечно, но главнымъ образомъ потому, что Анна-Марія поручила мнѣ помолиться за нее у могилы святого.

М-мъ Гульвенъ сообщила мнѣ, что въ ближайшее воскресенье за Анной-Маріей пріѣдетъ ея мать и увезетъ ее,—къ ужасу несчастной дѣвушки, которая больше всего на свѣтѣ боялась, что отецъ пошлетъ ее работать на фабрику консервовъ.

Я высказалъ, что очень жалѣю ее, хотя, въ сущности, наивная бретонка мнѣ надоѣла, и я радъ былъ избавиться отъ нея.

— Анну-Марію увозятъ домой изъ-за васъ, — строго объявила мнѣ м-мъ Гульвенъ.

Оказалось, что ея родители подсмотрѣли, какъ я цѣловалъ Анну-Марію, провожая ее къ нимъ,—и подняли тревогу.

— Неужели же я такъ отвратителенъ, что мои поцѣлуи кажутся противными этой мужицкой семьѣ?

М-мъ Гульвенъ нашла мой шутливый тонъ неумѣстнымъ и довольно рѣзко оборвала меня. Она сообщила мнѣ, что ожидаетъ теперь бѣдную дѣвушку. Изъ чистенькой, изящной полу-барышни въ крахмаленныхъ передничкахъ и чепчикахъ она превратится въ жалкую труженицу въ лохмотьяхъ и деревянныхъ башмакахъ, будетъ работать по тринадцати часовъ въ день на фабрикѣ, вырывая машинальнымъ движеніемъ внутренности изъ семи- или восьми-сотъ сардинокъ въ день. Отъ постояннаго стоянія въ водѣ она будетъ вѣчно простужена,—и такъ будетъ продолжаться, пока чахотка не избавитъ ее отъ каторжной жизни. И спасти ее теперь ужъ нельзя. Отецъ имѣетъ право распоряжаться ею до ея совершеннолѣтія, и если она убѣжитъ, онъ ее вернетъ при помощи жандармовъ и опять засадитъ на фабрику, чтобы получать за нее ея жалованье. Да она, къ тому же, безъ ропота подчинится его тиранніи, потому что у нея покорная, пугливая душа.

Я опять пожалѣлъ ее... но свалилъ всю причину ея несчастія на любовь, противъ которой могутъ бороться только люди, не знающіе страсти.

— Добродѣтель—не что иное, какъ холодность,—сказалъ я.

— Очень удобная философія для того, кто позволяетъ себѣ всякія низости, отклоняя всякую отвѣтственность, — возразила м-мъ Гульвенъ съ сильнымъ раздраженіемъ.

Но я вовсе не желалъ выслушивать ея дерзости и прервалъ ее:

— Оставимъ лучше этотъ разговоръ,—сказалъ я.—Зачѣмъ намъ ссориться? Если вы хотите, чтобы мы прибыли въ Сентъ-Аннъ до обѣдни, то пора ѣхать.

Я поспѣшилъ къ автомобилю, къ которому уже подходила вся остальная наша компанія, и сѣлъ на свое мѣсто. Когда подошла и м-мъ Гульвенъ и сѣла въ коляску, я помчалъ автомобиль съ головокружительной быстротой, отъ которой, вѣроятно, порядкомъ порастрясло мою добродѣтельную проповѣдницу нравственности. Это была моя месть за ея упреки. Мнѣ хотѣлось показать ей свою силу—какъ въ разсужденіяхъ, такъ и на дѣлѣ, въ дѣйствительной жизни. Мой автомобиль, который мчался по тихой, мирной Бретани, мимо разряженныхъ, стекавшихся на богомолье, задумчивыхъ бретонцевъ, казался мнѣ символичнымъ. И я, какъ мой автомобиль, долженъ пронестись по этому уголку провинціи ослѣпительной молніей и пробудить всѣ души. Мое слово должно освѣтить глубокій мракъ сердецъ всѣхъ этихъ Гульвеновъ и Ла-Ревельеровъ. Я открою имъ глаза на ихъ печаль, научу ихъ превозмочь самихъ себя, стать господами своей воли, отказавшись отъ сонныхъ принциповъ добронравія.

Я мчалъ вдаль моихъ учениковъ по пыльной дорогѣ, и по мѣрѣ приближенія къ цѣли намъ встрѣчались деревенскіе священники со своими паствами и группы поселянъ въ живописныхъ костюмахъ. Всѣ они довольно равнодушно глядѣли на насъ и нашъ автомобиль,—ихъ пассивныя натуры не загорались даже любопытствомъ.

Наконецъ, мы въѣхали въ Ла-Палю и очутились на главной площади, гдѣ устроено было большое гулянье со всѣми обычными приманками и развлеченіями деревенскихъ ярмарокъ, съ каруселями, фокусниками, шарманками, лавками со сластями и т. д. Молодежь веселилась; дѣвушки и молодые парни шли непринужденно обнявшись,—нравы были, видимо, не очень строгіе. Во всемъ чувствовалась властная и грубая жизнерадостность, представлявшая любопытный контрастъ съ пассивностью богомольной Бретани. Я съ особымъ удовольствіемъ указалъ моимъ друзьямъ на эту Бретань, которая нравилась мнѣ своей приверженностью къ дѣйствительнымъ радостямъ бытія.

М-мъ Гульвенъ, однако, прежде всего устремилась къ церкви, и мы вступили вслѣдъ за ней въ обширный храмъ, уже переполненный богомольцами; они стояли рядами на колѣняхъ передъ часовней святого, увѣшанной всевозможными ex-voto—дарами исцѣленныхъ и жаждущихъ исцѣленія.

Выйдя изъ церкви, м-мъ Гульвенъ опять завладѣла мною, и я тщетно пытался спастись отъ нея, примкнувъ къ доктору и Жильбертѣ. Одержимые маніей фотографированія, они высматривали живописные пункты для снимковъ и покинули насъ. М-мъ Елена о чемъ-то ссорилась съ матерью, и я, изъ деликатности, долженъ былъ оставить ихъ вдвоемъ. Пришлось, поэтому, отдать себя на съѣденіе м-мъ Гульвенъ. Она стала опять упрекать меня въ томъ, что я соблазнилъ ея служанку. Въ отвѣтъ на мои увѣренія, что Анна-Марія сама поощряла меня, она еще больше возмутилась моей клеветой, стала мнѣ доказывать, что я погубилъ наивную дѣвушку, и долженъ поэтому взять на себя попеченіе о ней, отобрать ее у родителей, воспитать въ какомъ-нибудь монастырѣ.

— Что̀ вы, что̀ вы, опомнитесь!—прервалъ я ея наставленія.—Вы предлагаете мнѣ взять вашу служанку чуть ли не въ пріемныя дочери? Какъ вамъ можетъ придти въ голову что-либо подобное? Все, что̀ я могу вамъ предложить,—это пятьсотъ франковъ; помѣстите ихъ на ея имя въ сберегательную кассу. Столько я еще никогда не давалъ женщинѣ. Наша любовная шалость доставила одинаковое удовольствіе и ей, и мнѣ, и у меня нѣтъ никакихъ обязательствъ относительно нея, кромѣ развѣ маленькаго подарка.

Мое денежное предложеніе не удовлетворило м-мъ Гульвенъ, а только еще болѣе разсердило ее, и она продолжала описывать мнѣ несчастное положеніе Анны-Маріи.

— Женихъ теперь откажется отъ нея,—доказывала она.—Жизнь ея загублена. А я вѣдь взяла на себя отвѣтственность за нее. Вы дѣйствуете и противъ меня своимъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ ней.

— Какая чрезмѣрная строгость!—возразилъ я.—Развѣ вы не знаете, что въ любви все дозволено?

— Развѣ это любовь—все брать и ничего не давать?

— Простите, я предлагаю пятьсотъ франковъ.

М-мъ Гульвенъ съ негодованіемъ отвернулась отъ меня. Мы замолчали и ускорили шаги, чтобы нагнать Жильберту и доктора, которые фотографировали группы отдыхающихъ бретонокъ съ дѣтьми. Съ ними и съ присоединившимися къ намъ вскорѣ м-мъ Еленой съ матерью мы прошлись у моря, причемъ я старался не отходить отъ м-мъ Елены, во избѣжаніе дальнѣйшихъ попрековъ и наставленій м-мъ Гульвенъ. Я даже предпочиталъ краснорѣчіе м-мъ Елены, которая сравнивала волны залива съ волнами человѣческаго моря на ярмаркѣ. Наступилъ

часъ завтрака, и мы расположились на травѣ. Мой chauffeur принесъ корзинку съ съѣстными припасами изъ автомобиля, и всѣ непріятности послѣднихъ часовъ исчезли изъ моей памяти, когда я принялся ѣсть великолѣпный паштетъ изъ рыбы и запилъ его прекраснымъ сотерномъ. М-мъ Елена тоже выпила вина и была очень оживлена; она говорила объ оттѣнкахъ морскихъ волнъ, о ясности воздуха, о движеніи толпы и отъ времени до времени нѣжно смотрѣла на доктора. Отдохнувъ послѣ обильнаго завтрака, мы снова пошли на ярмарку, гдѣ веселье было въ полномъ разгарѣ. М-мъ Елена восторгалась языческими переживаніями въ нравахъ христіанской Бретани. Жена доктора и м-мъ Ла-Ревельеръ, напротивъ того, были возмущены, первая— примѣсью грубыхъ развлеченій къ религіозному празднику, вторая, какъ вольтеріанка, негодовала на смѣсь вольности нравовъ и религіознаго фанатизма. Докторъ опредѣленно не высказывался, и только я болѣе горячо восторгался толпой, которая мнѣ нравилась своей стихійной грубостью инстинктовъ...

Звонъ колоколовъ отвлекъ насъ отъ зрѣлищъ ярмарки, и мы направились вмѣстѣ со всей толпой къ дверямъ часовни, изъ которой выходила торжественная процессія съ изображеніями Богоматери, святого Іосифа и другихъ святыхъ, съ хоругвями, которыя носили разряженныя бретонки. За ними шесть женщинъ несли статую святой Анны подъ балдахиномъ; святая какъ бы благословляла съ высоты толпу богомольцевъ, въ которой было также немало любопытствующихъ туристовъ и туристокъ. За группой, которая несла статую, тянулись еще длинные ряды духовенства и монаховъ разныхъ орденовъ, потомъ группы молодыхъ дѣвушекъ и пестрая толпа богомольцевъ. Процессія раскинулась на далекомъ пространствѣ, пошла вверхъ на холмы и поднялась наконецъ на вершину дюны, откуда открывался видъ на море. Идя вмѣстѣ съ толпой, все наше общество— за исключеніемъ меня—проникалось общимъ настроеніемъ экстаза. Докторъ прижалъ шляпу къ сердцу и имѣлъ взволнованный видъ; его стройный силуэтъ красиво вырисовывался въ ясномъ воздухѣ. М-мъ Елена была тоже возбуждена; я видѣлъ, какъ дрожали ея руки, какъ вздрагивало все ея тѣло, и какъ лицо попеременно то вспыхивало, то блѣднѣло. Когда съ высоты дюны мы увидѣли фіолетовыя волны, я пришелъ въ восторгъ передъ этимъ зрѣлищемъ моря и пришедшей къ нему энергичной толпы, которая изъ любви къ своему Мессіи старается превысить себя и стремится впередъ, сталкивая съ пути слабыхъ и больныхъ, опьяняясь видомъ священной статуи и видомъ моря съ высоты,

такъ же, какъ они опьянялись на ярмаркѣ, отдаваясь радостямъ своихъ грубыхъ инстинктовъ.

— Да,—отвѣтила она, прерывисто дыша отъ восторга,— какая радость слиться со стихійной жизнью цѣлаго народа! Цѣль моей жизни—чувствовать какъ можно сильнѣе полноту бытія. А съ тѣхъ поръ какъ я въ Бретани, жизнь моя удвоилась. Я здѣсь живо чувствую прошлое, также какъ въ Парижѣ чувствую современность. Все историческое прошлое становится здѣсь осязательнымъ, дѣйствительнымъ. Душа доктора Гульвена тоже принадлежитъ не только современности. По свойствамъ своей расы онъ принадлежитъ прошлому. Своими знаніями и своими духовными исканіями онъ относится къ будущему. Онъ—внѣ времени. Онъ не прикованъ, какъ большинство людей, къ какой-нибудь опредѣленной эпохѣ. Вы, напримѣръ, принадлежите своему поколѣнію, онъ же относится ко всѣмъ временамъ. Онъ—человѣкъ прежней эпохи, когда имъ овладѣваютъ религіозныя ощущенія, какъ вотъ теперь. Онъ—человѣкъ грядущей эпохи, когда геній его готовитъ новыя научныя истины. Онъ какъ бы вѣченъ...

Всѣ эти сумасбродныя мысли она произносила властнымъ, не терпящимъ возраженій тономъ. Я только улыбался въ отвѣтъ и помогалъ ей пробираться среди толпы, которая спускалась обратно съ вершины дюны къ часовнѣ. Вдругъ она воскликнула:

— Гдѣ же онъ? Я его не вижу... Ахъ да, вотъ онъ! Жена снова имъ завладѣла. Боже, какъ я боюсь потерять его! Помогите мнѣ сохранить его!

Она чуть не рыдала, и чтобы успокоить ее, я обѣщалъ помочь ей. Тѣмъ временемъ процессія возвращалась въ часовню, и среди богомольцевъ мы увидѣли Гульвена съ женой. Они тоже, какъ другіе, приложились къ балдахину, когда статую святой пронесли мимо нихъ, потомъ перекрестились и исчезли въ темнотѣ церкви, откуда доносилось пѣніе.

— Вотъ видите,—проговорила м-мъ Елена,—она снова имъ завладѣла.

— Кто?—спросила Жильберта.

Она думала, что мать объясняетъ мнѣ какую-нибудь символическую подробность процессіи. Съ этой минуты дѣвочка не отставала отъ насъ. Ея шалости приводили въ восторгъ бабушку, и мы тоже должны были хвалить ее. Наконецъ Гульвены вернулись изъ церкви, и мы всѣ усѣлись въ автомобиль.

X.

Мы поѣхали опять очень быстрымъ ходомъ—нужно было пріѣхать какъ можно скорѣе къ мысу въ концѣ острова, откуда мы собирались созерцать давно уже подготовлявшуюся бурю. Пріѣхавъ туда, мы очутились въ дикой, угрюмой мѣстности, среди каменныхъ глыбъ. Нужно было спуститься пѣшкомъ внизъ; мы шли медленно и казались себѣ жалкими и безпомощными среди этой величественной, грозной природы, среди рева волнъ, доносившихся снизу. У насъ былъ съ собой проводникъ, который разсказывалъ м-мъ Еленѣ легенды, связанныя съ этими мѣстами. Жильберта съ докторомъ, по обыкновенію, дѣлала фотографическіе снимки. Опять я очутился наединѣ съ м-мъ Гульвенъ, которая продолжала корить меня изъ-за Анны-Маріи, требовала, чтобы я взялъ на себя заботы о ней, и обвиняла меня въ эгоизмѣ. Имѣя въ виду свои спеціальныя цѣли, я сталъ ей доказывать, что любовь эгоистична и чужда благородства. Она не догадывалась, что всѣ мои разсужденія обратятся противъ нея, и внимательно слушала меня, полагая, что я хочу оправдать себя. Я доказывалъ ей, что общество санкціонируетъ эгоизмъ любви. Оно безпощадно обвиняетъ несчастнаго, совершившаго преступленіе подъ вліяніемъ голода, но оправдываетъ убійство изъ ревности, то-есть, изъ самаго эгоистичнаго побужденія въ любви. Я привелъ ей много примѣровъ безнаказанныхъ убійствъ изъ ревности, и когда она стала опровергать меня, доказывая, что въ приведенныхъ мною случаяхъ любовь была ненастоящей, я взглянулъ ей прямо въ глаза и сказалъ:

— Вотъ вѣдь вы сами думаете, что любите вашего мужа, не правда ли?

— Несомнѣнно... И развѣ вы рѣшитесь утверждать, что я эгоистична въ своей любви?

— Да, да.

Она выпрямилась и стала смѣяться, показывая испорченные зубы.

— Въ смѣлости вамъ нельзя отказать.

Она вдругъ поняла, что я подступаю къ самому страшному для нея вопросу, и безпомощно оглянулась, ища опоры въ комъ-нибудь. Но все общество было далеко, и къ тому же она знала, что всѣ, кромѣ м-мъ Ла-Ревельеръ—противъ нея. А я продолжалъ, заставляя ее внимать моимъ словамъ:

— Вотъ вѣдь вы считаете Жана Гульвена большой умствен-

ной силой, почти геніемъ, вѣрите, что онъ можетъ облагодѣтельствовать человѣчество... Чтобы закончить свои опыты, ему недостаетъ здоровья. Тифъ оставилъ роковые слѣды въ его организмѣ. Онъ съ каждымъ днемъ хирѣетъ. Онъ начинаетъ злоупотреблять стрихниномъ для укрѣпленія сердца... А вы знаете, какъ это средство пагубно.

— Откуда вы знаете, что онъ боленъ? — воскликнула она, глядя на меня съ ужасомъ.

— Отъ него самого, — сказалъ я.—Онъ мнѣ жаловался на свое здоровье. Но неужели онъ скрывалъ отъ васъ состояніе своего здоровья? Въ такомъ случаѣ, простите, — я думалъ, что вы знаете.

— Я только догадывалась, — проговорила она, устремляя взоръ на бушующій океанъ.

Мнѣ показалось лишней жестокостью терроризировать еще больше бѣдную женщину, и я сталъ ее успокаивать, сказалъ, что ея мужъ можетъ выздоровѣть,—только чтобъ онъ оставилъ работу на годъ и поселился въ горахъ.

— И вы меня считаете эгоисткой,—съ горечью проговорила она,—потому что я не могу достать нужныхъ для леченія денегъ.

Я запротестовалъ, но сказалъ ей объ отказѣ „Общества" оказать поддержку — въ виду болѣзненнаго состоянія Гульвена. Затѣмъ я невиннымъ тономъ посовѣтовалъ ей обратиться за помощью къ кузинѣ, которая навѣрное охотно поможетъ доктору, такъ какъ она высоко цѣнитъ его работы и, кромѣ того, рада будетъ закрѣпить взаимную дружбу услугой и продлить такимъ образомъ благотворное вліяніе доктора на Жильберту. Я далъ понять, что м-мъ Елена сама просила меня сдѣлать это предложеніе.

— Какъ, она васъ объ этомъ просила? Какая низость!—возмутилась м-мъ Гульвенъ.—Жанъ откажется отъ ея денегъ. Онъ пойметъ ея цѣль, и не приметъ ея денегъ... Ни онъ, ни я не примемъ. Въ концѣ концовъ, честь важнѣе жизни,—убѣжденно кричала она.

— Ну, это еще вопросъ,—презрительно отвѣтилъ я.—Это старый предразсудокъ. Не забывайте, что вашей кузиной руководитъ материнское чувство. Я не отрицаю, конечно, что у нея есть и другой мотивъ. Но она заботится прежде всего о своей дочери. Она вѣритъ въ открытіе доктора, и, давая теперь деньги, надѣется на большія выгоды въ будущемъ. Жильберта вѣдь ваша наслѣдница. А затѣмъ, если бы вы случайно умерли раньше мужа... Предположите это... Они вѣдь могли бы пожениться.

— Что-жъ, вы требуете, чтобъ я сейчасъ умерла? Нѣтъ?...

И за то спасибо! Я не хочу умирать и больше не видать его. Я люблю его уже десять, двадцать лѣтъ. Онъ—мой.

— Ну да, любовь эгоистична; это то, что я хотѣлъ доказать,—спокойно сказалъ я, дѣлая подготовленный мною выводъ.

— Ну да, я знаю!—крикнула она.—Если я не дамъ развода, то я эгоистка. Дать разводъ!.. Слыханное ли дѣло, чтобы женщина, любящая своего мужа, уступила его другой, — даже если она этимъ обезпечитъ его счастье? Ни одна женщина на это неспособна!

Она уже вступила въ открытую борьбу и отбивалась всѣми силами. Эта воинственность возвысила ее въ моихъ глазахъ. Все-таки у нея сказывался сильный характеръ — не то, что у доктора.

— И зачѣмъ я ввела эту женщину въ мой домъ! — съ отчаяніемъ воскликнула она.

Я не мѣшалъ ей излить все свое возмущеніе на кузину, которую она обвиняла въ измѣнѣ, въ жадности, въ порочности и въ безуміи. Ея гнѣвные крики сливались съ гнѣвнымъ рокотомъ волнъ, и мнѣ казалось, что я слышу общую бурную жалобу стихіи, бретонской почвы и дочери этой почвы. Я хотѣлъ вырвать изъ этой души старую мораль, и на защиту стараго поднимались волны и буря и вторили крикамъ и проклятіямъ измученной женщины, чтобы воспрепятствовать моему дѣлу обновленія. Эта дуэлъ мнѣ нравилась. Я чувствовалъ себя способнымъ побѣдить. Умъ мой быстро придумывалъ слова, способныя убѣдить мою жертву въ необходимости превысить себя и принести свою обыденную любовь на алтарь лучшей, болѣе высокой любви.

Я сдѣлалъ видъ, что и по-моему нельзя отъ нея требовать отказа отъ своей личности, отъ своего права на существованіе. Она не видѣла, къ чему я все это клоню, и подумала, что я дѣйствительно побѣжденъ ея доводами. Ненависть ея къ м-мъ Еленѣ была безгранична, и она даже забыла, что это я первый говорилъ ей о разводѣ. Она считала меня теперь своимъ союзникомъ:

— Чего она хочетъ отъ меня? — кричала она. — Чтобы я, любя моего мужа, принесла въ жертву мою земную и мою будущую жизнь? Это невозможно! Это возмутительно!

— Конечно, —спокойно сказалъ я.—Она витаетъ въ облакахъ и не видитъ дѣйствительности, простой, смиренной человѣческой правды... той, которую я объяснялъ вамъ, когда вы навязывали мнѣ заботы о вашей служанкѣ. Нельзя вѣдь жертвовать своей жизнью... для счастія другого человѣка... Не правда ли?

М-мъ Гульвенъ отъ изумленія не поняла сначала моихъ словъ. Но по моей саркастической улыбкѣ она увидѣла, что передъ нею врагъ, а не союзникъ. Я повторилъ, обращая ихъ противъ нея, всѣ ея прежнія обвиненія противъ меня. Чтобы заставить ее дѣйствительно побѣдить всѣ свои чувства во имя болѣе высокаго идеала любви, я не поддался жалости, которую она возбуждала въ эту минуту своимъ потеряннымъ, обезсиленнымъ видомъ. Я со спокойной улыбкой настаивалъ на аналогичности ея поведенія съ мужемъ и моего отношенія къ Аннѣ-Маріи, столь сильно возмущавшаго ее. Я говорилъ ей, что, конечно, м-мъ Елена можетъ обвинить ее въ эгоизмѣ, которому она приноситъ въ жертву здоровье и будущее своего мужа, но иронически прибавилъ, что съ своей стороны совершенно оправдываю ее, и понимаю, что она отстаиваетъ себя и такъ же не жалѣетъ Гульвена, какъ я не жалѣю Анны-Маріи...—Вы видите,—сказалъ я въ заключеніе,—что насъ обоихъ освѣщаетъ на нашихъ столь различныхъ путяхъ одинъ и тотъ же свѣтъ позитивной истины.

Это утвержденіе нашей солидарности, какъ бы нашего духовнаго родства, возмутило ее больше всего. Этого упрека она не могла выдержать:

— Такъ, значитъ, я, какъ вы, стараюсь уклониться отъ моей истинной обязанности! — кричала она. — Вѣдь если я на васъ похожа, значитъ я недостойна самой себя. А если я недостойна самой себя, то, значитъ, Елена права.

— Возможно.

Я чувствовалъ, что начинаю одерживать нравственную побѣду, и прекратилъ разговоръ, считая, что теперь лучше повременить. Я поспѣшилъ присоединиться къ остальной компаніи, и видѣлъ только, съ какимъ измученнымъ видомъ м-мъ Гульвенъ глядѣла на свою кузину, оцѣнивая всю силу ея красоты. Мнѣ хотѣлось поговорить съ докторомъ, освѣдомиться о его нравственномъ состояніи, но я боялся еще болѣе разсердить его жену. Я поэтому держался около м-мъ Ла-Ревельеръ и занималъ ее разговорами о ея внучкѣ. М-мъ Елена говорила о величественности волнъ, о безконечномъ многообразіи ихъ движеній, вызывающемъ жажду творчества, столь же многообразнаго и гармоничнаго въ своей цѣльности, какъ движеніе водъ въ природѣ.—Нужно творить безъ конца,—говорила она.—Или, по крайней мѣрѣ, нужно постоянно мѣняться... Вы правы,—сказала она, обращаясь ко мнѣ:—нужно преодолѣть самихъ себя.

— Если можешь,—отвѣтилъ я грустнымъ голосомъ.

— Если хочешь,—возразила м-мъ Елена...

— Да, но хотѣть чрезвычайно трудно.

У м-мъ Гульвенъ вырвался глухой стонъ. Я смотрѣлъ на этихъ трехъ людей, въ которыхъ глухо, мучительно и страстно выростало то, что я посѣялъ своими словами. Я несомнѣнно измѣнилъ направленіе этихъ трехъ умовъ, чувства этихъ трехъ сердецъ. Я создалъ въ нихъ новыя освободительныя и разрушительныя силы, превратилъ неопредѣленныя движенія ихъ мыслей и чувствъ въ страстныя и упорныя желанія, въ плодотворное отчаяніе. Значитъ, я не напрасно созерцалъ хаосъ на землѣ, движеніе моря, непостоянство душъ. Благодаря моему знанію людей, нѣсколько людей съ слабой волей стали сильными.

Мы вернулись къ вечеру въ Кимперъ, и послѣ обѣда м-мъ Ла-Ревельеръ и ея дочь, очень уставшія отъ ѣзды и ходьбы, ушли къ себѣ въ комнату. Я хотѣлъ удержать доктора въ курительной комнатѣ подъ предлогомъ разспросовъ о магнетизмѣ крови. Противъ моихъ ожиданій, м-мъ Гульвенъ не ушла къ себѣ, а приняла участіе въ нашемъ разговорѣ, и стала настаивать на томъ, что ея мужъ долженъ беречься и не работать. Онъ увѣрялъ насъ, что совершенно здоровъ, но она очень твердо заявила, что запретитъ ему работать въ лабораторіи и посѣщать больныхъ. Она говорила очень увѣренно и спокойно, и я понялъ, что она дѣйствуетъ по вполнѣ опредѣленному плану и рѣшила ни за что не уступать мнѣ. Чтобы прекратить непріятный разговоръ, докторъ предложилъ разойтись по комнатамъ.

— Я знаю,—шепнулъ онъ мнѣ на лѣстницѣ,—что ты защищалъ мои интересы, но все-таки не слѣдовало говорить женѣ. Она теперь плачетъ и умоляетъ меня не покидать ее. Она понимаетъ твои парадоксы буквально и считаетъ меня твоимъ сообщникомъ. Мнѣ ее жаль.

— Ну, что-жъ,—проворчалъ я,—пожертвуй тысячами жизней, которыя спасла бы твоя сыворотка, слезамъ твоей жены... Могу только сказать, что это недостойно тебя. Я умываю себѣ руки—насколько это возможно, когда наукѣ и твоимъ друзьямъ грозитъ такое несчастіе, какъ твоя гибель. Вѣдь ты самъ знаешь, какъ опасна атонія сердца для переутомленнаго организма.

Къ намъ подошла м-мъ Гульвенъ, и мы условились осматривать Кимперъ на слѣдующее утро, послѣ ранней обѣдни. Къ десяти часамъ она собиралась къ мѣстному викарію, который славился своими богословскими знаніями. По серьезному тону, которымъ она заявила о намѣреніи посѣтить богослова, я понялъ, что она будетъ совѣтоваться съ нимъ о своей семейной драмѣ,

и пожелалъ, чтобы она обрѣла въ религіи силу, нужную ей для ея мученическаго подвига.

На слѣдующее утро, увидавъ ее послѣ обѣдни, я опять говорилъ съ ней объ идеалѣ высшей любви и высшаго благочестія, которое можетъ для нея заключаться въ томъ, чтобы рисковать даже спасеніемъ своей души для блага тѣхъ тысячъ жизней, которыя будутъ спасены сывороткой Гульвена. Я проводилъ ее къ дому епископа, и сказалъ, что очень хотѣлъ бы узнать мнѣніе викарія, и попросилъ ее поставить въ бесѣдѣ съ нимъ вопросъ именно такъ—какъ проблему высшаго благочестія, жертвы собственнымъ спасеніемъ души для другихъ.

Въ отсутствіе м-мъ Гульвенъ я успѣлъ поговорить съ ея мужемъ, и опять сталъ пугать его слабостью здоровья. Онъ злобно пожаловался на несправедливость судьбы, которая разрушаетъ творческій умъ до завершенія начатаго труда. Онъ говорилъ о томъ, сколько драгоцѣнныхъ открытій не сдѣлано только потому, что болѣзнь и бѣдность подкосили силы изобрѣтателей. Я отвѣтилъ ему, что долгъ всякаго изобрѣтателя—сохранять свое здоровье и благосостояніе всѣми способами.

— Теоретически ты правъ, конечно,—возразилъ онъ.—Но что же дѣлать,—въ насъ говорятъ традиціи, мы безсильны передъ чувствомъ жалости.

Я повторилъ ему, что жалость—только тщеславіе, рисовка своимъ героизмомъ передъ собой же, гордость и непониманіе законовъ природы, которые требуютъ во имя гармоніи міра торжества сильныхъ—они приносятъ всѣмъ пользу своимъ творчествомъ, и пораженія слабыхъ—безплодныхъ и ненужныхъ для жизни.

— Ты долженъ сохранить для міра свою жизнь и свою творческую мысль,—настаивалъ я,—и принести въ жертву року безплодную слабость твоей жены. Вѣдь не случайно ты встрѣтился съ м-мъ Еленой. Если ты оттолкнешь ее, она будетъ жестоко страдать, потому что ея страстный духъ ждетъ отъ тебя возрожденія къ новой жизни. И неужели ты думаешь, что поступишь хорошо, если перенесешь на нее страданія, отъ которыхъ освободишь жену? Ты перемѣнишь сосудъ скорби... а самая скорбь, самое зло жизни останется, вопреки твоей борьбѣ противъ законовъ природы, которые указываютъ тебѣ на путь спасенія, толкая въ объятія этой влюбленной красавицы... А щадя свою жену, ты потворствуешь только своему тщеславію, рисуешься передъ зеркаломъ въ героической позѣ...

Онъ сталъ протестовать, но доводы его были ничтожны. Мы

вернулись въ отель; онъ поднялся къ себѣ, а я сталъ поджидать въ вестибюлѣ м-мъ Гульвенъ. Она вскорѣ вернулась, очень грустная и задумчивая.

— Ну что,—поспѣшно спросилъ я, идя къ ней навстрѣчу.— Убѣдилъ васъ вашъ викарій въ полномъ тождествѣ нашихъ эгоистическихъ побужденій въ любви? Впрочемъ, я увѣренъ, что онъ, напротивъ того, поддержалъ васъ въ вашихъ заблужденіяхъ.

Мы прошли къ ней въ пріемную, гдѣ въ этотъ часъ никого не было, и она подробно передала мнѣ разговоръ съ ученымъ богословомъ. Такъ какъ ей приходилось выбирать между существованіемъ мужа и строгимъ слѣдованіемъ законамъ церкви, то онъ совѣтовалъ ей держаться пассивно, не вмѣшиваться въ вопросъ о разводѣ, уклоняться отъ суда и предоставить иниціативу другимъ. Для нея, какъ для католички, разводъ все равно не существуетъ, и спасеніемъ души она поэтому не рискуетъ, и будетъ считать себя брошенной женой, если мужъ уйдетъ отъ нея.

— Ну вотъ,—отвѣтилъ я веселымъ тономъ,—вы теперь совершенно равны мнѣ. Какой уронъ для васъ!.. Если бы въ васъ не говорилъ естественный эгоизмъ любви, вы бы предоставили вашему мужу вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ церкви, богатство м-мъ Елены, здоровье, славу... также какъ я, еслибы не дѣйствовалъ подъ вліяніемъ естественнаго эгоизма любви, то раздѣлилъ бы съ вашей Анной-Маріей всѣ блага моего собственнаго существованія. Моя и ваша души—сестры; согласитесь, что это смѣшно. Добродѣтельная м-мъ Гульвенъ, святая м-мъ Гульвенъ солидарна съ нравственными принципами Гишардо! Вотъ какіе бываютъ сюрпризы на свѣтѣ.

— Я ничего не понимаю,—отвѣтила она. — Все затуманилось въ моемъ сознаніи... А гдѣ Жанъ—онъ не былъ съ вами?

— Онъ быстро ушелъ отъ меня,—вѣроятно, спѣшилъ принять пилюлю стрихнина. Ему, кажется, не совсѣмъ по себѣ. Впрочемъ, это только одно предположеніе.

— Боже мой, откуда мнѣ взять силы, чтобы выполнить мой долгъ, отказаться отъ всего, что составляло смыслъ моей жизни!— сказала она тихимъ, но твердымъ голосомъ.

— Вы съ ума сошли? Не принимайте, ради Бога, въ серьёзъ наши разговоры о любви. Это было бы огромной ошибкой.

Она поднялась, подошла къ окну и, глядя на море, безпомощно повторяла вслухъ свои растерянныя мысли:

— Развѣ это было бы ошибкой? Но вѣдь Жанъ боленъ, онъ можетъ умереть—вотъ истина. Я ничѣмъ не могу ему по-

мочь, не могу достать ему денегъ, доставить возможность отдохнуть, жить безъ заботъ. Я безсильна, мертва... ненужна какъ трупъ. А съ другой стороны—эта женщина... богатая, способная своей любовью спасти его отъ смерти. Она можетъ, а я не могу... Когда же я говорю вамъ, что готова пожертвовать собой для его спасенія, вы считаете это ошибкой... Нѣтъ, въ томъ-то и ужасъ, что это не ошибка!

Она обернулась ко мнѣ, требуя опредѣленнаго отвѣта, а я повторилъ, пожимая плечами:

— Ошибка, м-мъ Гульвенъ, увѣряю васъ. Вѣдь не пожертвовалъ же я своими удобствами для спасенія вашей хорошенькой служанки?

— Вотъ самое лучшее доказательство того, что истина—въ моемъ рѣшеніи, противоположномъ вашимъ дѣйствіямъ, которыя я абсолютно осуждаю,—твердо сказала она.

— Вы слишкомъ нервны, дорогая моя,—отвѣтилъ я. Ея осужденія меня не трогали, а ея рѣшеніе знаменовало мою полную побѣду. Посѣянныя мною сѣмена взросли пышнымъ цвѣткомъ въ этой хрупкой, покорной душѣ. Она вздохнула.

— Я пойду къ Жану; посмотрю, не нужно ли ему что-нибудь,—сказала она.

— Только не говорите съ нимъ объ этихъ глупостяхъ.

Она ничего не отвѣтила и вышла изъ комнаты.

XI.

На слѣдующій день мы видѣли еще одну процессію въ Пенмаркѣ, и опять м-мъ Гульвенъ стояла на колѣнахъ рядомъ съ молящимися бретонками и казалась самой вѣрующей изъ нихъ. Докторъ не отходилъ отъ нея. Онъ, видимо, измѣрялъ силу ея душевныхъ мукъ жаромъ ея молитвъ и страдалъ за нее. Когда процессія кончилась, мы всѣ поднялись на маякъ, чтобы посмотрѣть съ высоты на окрестности и на морскую даль. Мы поднялись по круглой лѣстницѣ съ мѣдными перилами, которая вращалась въ свѣтломъ цилиндрѣ изъ голубого гранита. Видъ сверху былъ очень красивый, но, кромѣ м-мъ Ла-Ревельеръ и Жильберты, никто изъ насъ не былъ достаточно спокоенъ, чтобы любоваться имъ. М-мъ Елена держалась подлѣ меня, а Гульвены не отходили другъ отъ друга, мрачные и молчаливые. По волненію м-мъ Елены я понялъ, что она уже говорила съ докторомъ, узнала нѣчто пріятное для себя и теперь ожидаетъ съ

большимъ напряженіемъ окончанія его переговоровъ съ женой. Мое предположеніе оказалось вѣрнымъ,—м-мъ Елена поспѣшила сама сообщить мнѣ объ этомъ.

— Онъ послушался меня,—сказала она мнѣ въ полголоса, въ то время какъ мы обходили кругомъ галереи маяка, подъ предлогомъ осмотра мѣстности со всѣхъ сторонъ.—Онъ послушался меня. Сегодня ночью онъ подтвердилъ ей, что опасно боленъ, и что возможна скорая катастрофа, если онъ во̀-время не перемѣнитъ образа жизни и не будетъ серьезно лечиться. Онъ надѣется, что она сама ему предложитъ...

М-мъ Гульвенъ подошла къ намъ, и м-мъ Елена поспѣшила во̀-время перемѣнить разговоръ, указывая мнѣ на дымокъ парохода, показавшагося на горизонтѣ. Но, при всей своей сдержанности, она не могла скрыть торжествующаго выраженія лица,— и въ эту минуту, самъ не знаю почему, я почувствовалъ къ ней презрѣніе. Мнѣ показалось, что она любитъ Жана Гульвена не духовно, а только инстинктомъ, и что она—самая пошлая интригантка. Черезъ нѣсколько минутъ я, конечно, понялъ, что былъ несправедливъ къ ней, ставя ей въ упрекъ именно ту энергію, которой я требовалъ отъ доктора. Что̀ дурного въ томъ, что она повинуется своимъ жизненнымъ инстинктамъ— вѣдь Гульвена я обвинялъ въ трусости именно за то, что онъ имъ не повиновался. По этой спутанности своихъ сужденій я увидалъ, до чего глупость окружавшихъ меня людей притупила мое трезвое отношеніе къ фактамъ. Мѣсяцемъ раньше я бы восторгался этой силой страсти, обнаруженной молодой вдовой, и видѣлъ бы въ этомъ доказательство ея нравственнаго здоровья. Теперь, подъ вліяніемъ болѣзненной психологіи окружающихъ, я почти осуждалъ ея благородную искренность. Неужели воздухъ Бретани, ревъ грознаго океана, видъ старинныхъ домовъ уподобили меня малодушнымъ бретонцамъ? Я почти испугался этой измѣны самому себѣ. Неужели я превращусь въ такого же безвольнаго, жалкаго человѣка, какъ Гульвенъ? Нѣтъ, этого я не допущу. Нужно скорѣе уѣхать отсюда—нужно пожить или въ бодрящемъ воздухѣ горъ, или въ отравленной, но возбуждающей активность воли атмосферѣ столицы.

Мнѣ захотѣлось сейчасъ же уѣхать. Внизу жужжалъ мой автомобиль, какъ большое насѣкомое, остановленное среди дороги. Я позвалъ всѣхъ остальныхъ, крикнулъ, что уже поздно, и мы направились къ лѣстницѣ. Снизу раздавались громкіе дѣтскіе голоса; солнечный свѣтъ, отраженный на мѣдныхъ перилахъ, слѣпилъ глаза... Такъ страшно было опускаться въ этотъ

сверкающій колодезь свѣта, который представляла изъ себя въ эту минуту круглая лѣстница!

— Боже, я ни за что не рѣшусь опуститься въ эту бездну свѣта и шума!—сказала дрожащимъ голосомъ м-мъ Гульвенъ.— Елена, пройди впередъ!

— Какъ же я пройду до тебя? Я не посмѣю, если ты не отважишься указать мнѣ путь.

М-мъ Елена произнесла эту фразу „по-ибсеновски", придавая ей символическій смыслъ. Она хотѣла сказать, что ея кузина должна сначала согласиться на разводъ, а потомъ только она сможетъ спасти Гульвена. И всѣ трое, понявъ смыслъ ея словъ, улыбнулись печальной улыбкой.

— Я еще не рѣшаюсь,—со вздохомъ сказала м-мъ Гульвенъ.

— Такъ позвольте мнѣ указать вамъ всѣмъ дорогу,—сказалъ я, быстро направляясь къ лѣстницѣ.—Пустите меня, такъ какъ я одинъ не боюсь яркаго свѣта въ жизни.

Обмѣнявшись этими иносказательными фразами, мы спустились наконецъ внизъ, и вскорѣ автомобиль умчалъ насъ въ даль.

Черезъ два дня, въ Локмаріакерѣ, мы снова сѣли на нашу яхту. Я никакъ не могъ понять, приняла ли м-мъ Гульвенъ окончательное рѣшеніе. И она, и докторъ, и даже м-мъ Елена уклонялись отъ разговора со мной—они боялись строгости и настоятельности моихъ требованій.

На одной изъ ближайшихъ пристаней намъ пришлось принять на бортъ цѣлый транспортъ жнецовъ и жницъ, направлявшихся въ Белиль. Отказаться взять ихъ нельзя было, такъ какъ, по контракту съ префектомъ, всякій пароходъ—даже частный— обязанъ былъ перевозить полевыхъ рабочихъ. Этотъ наплывъ шумныхъ, не совсѣмъ трезвыхъ пассажировъ, расположившихся на палубѣ, былъ довольно непріятенъ, но черезъ нѣсколько времени они успокоились и перестали намъ мѣшать. Напротивъ того, мы всѣ съ интересомъ наблюдали за ними, любовались ихъ живописными костюмами и веселостью ихъ молодыхъ лицъ. Потомъ они стали развлекать насъ пѣніемъ. Раздались звуки національнаго инструмента, похожаго на флейту, „бинью", и женскій голосъ запѣлъ:

Скажи ты мнѣ, красотка,
О чемъ ты слезы льешь?

Мелодія пѣсни была грустная и протяжная, и ей соотвѣтствовалъ почти похоронный аккомпаниментъ флейты. Но грубые голоса подвыпившихъ жнецовъ отвѣчали болѣе веселымъ припѣвомъ:

Люрон-люрон-люретъ,
Люрон-люрон-люре.

И снова раздался тотъ же грустный мотивъ съ унылымъ аккомпаниментомъ бинью и врывающимся веселымъ припѣвомъ:

Я друга потеряла,
Онъ въ волнахъ смерть нашелъ.
Люрон-люрон-люретъ,
Люрон-люрон-люре.

Слѣдующій куплетъ пропѣлъ весь хоръ угрюмо-насмѣшливымъ тономъ:

Онъ плавать не умѣлъ,
И поглотила его смерть.

Возлѣ насъ докторъ сталъ вторить припѣву пѣсни такимъ трагическимъ голосомъ, что я переглянулся съ его женой. Онъ, видимо, примѣнялъ къ себѣ слова пѣсни. И онъ не умѣлъ плавать въ грозной стихіи жизни, гдѣ борцы давятъ слабыхъ, какъ морскія волны придавливаютъ и топятъ потерпѣвшихъ крушеніе.

М-мъ Гульвенъ поняла всю глубину отчаянія, овладѣвшаго ея мужемъ. Глаза ея сдѣлались влажны, насколько я могъ видѣть въ надвигающихся сумеркахъ. Не стѣсняясь моимъ присутствіемъ—мы только втроемъ стояли на концѣ палубы,—она обратилась къ мужу, вся дрожа отъ волненія:

— Послушай, Жанъ... ты несчастенъ, ты боленъ... Обѣщай мнѣ отдохнуть, вернувшись домой. Перестань работать на время!

— Я не имѣю права перестать,—прервалъ онъ ее.—Можетъ быть, я скоро доведу до конца мое открытіе... я не могу оставить трудъ, который долженъ спасти тысячи людей.

— Но развѣ можетъ быть для тебя болѣе настоятельный долгъ, чѣмъ спасеніе нашихъ двухъ жизней?

— Можетъ,—рѣзко сказалъ онъ.

У м-мъ Гульвенъ, закутанной въ пелерину отъ холода, былъ такой жалкій, потерянный, измученный видъ, что когда она снова заговорила, мнѣ казалось, что кровь выступитъ у нея на губахъ,—до того мучительно разрывалась ея грудь отъ сдержанныхъ мукъ.

— Ради этихъ тысячъ жизней, которыя ты спасешь въ будущемъ, нужно сберечь твою жизнь,—сказала она.—Я сдѣлаю все для твоего успокоенія. Я отстраняю всѣ нравственныя и религіозныя соображенія... я пойду до конца въ моей любви, Жанъ... Я отдаю тебѣ свободу.

Она сдержала рыданія. Онъ порывисто обернулся къ ней и прислонился къ периламъ. Глаза его потемнѣли, губы дрожали.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— То, о чемъ ты давно думаешь... на что надѣешься... что кажется тебѣ неизъяснимо счастливой грезой... Я согласна на разводъ... на твой бракъ съ Еленой.

Наконецъ-то она рѣшилась! Я восторжествовалъ, побѣдилъ эгоизмъ такой сильной любви! И въ то же время я увидѣлъ побѣду надъ чувствомъ жалости. Гульвенъ едва сдерживался отъ радости, и не зналъ, какъ выразить свою благодарность, и какъ утѣшить самоотверженную жену. На меня онъ посмотрѣлъ съ изумленіемъ,—моя побѣда прежде всего удивляла его. Я самъ преисполненъ былъ такого торжества, что съ трудомъ сдерживалъ возбужденіе.

М-мъ Гульвенъ продолжала говорить. Упрекнувъ мужа за то, что она узнала о желательности для него развода не отъ него, а отъ другихъ, она стала повторять доводы, вызвавшіе ея рѣшеніе,—она чувствовала потребность укрѣпиться въ своемъ рѣшеніи. Она клятвенно повторила, что согласна на разводъ и на то, чтобы онъ женился на Еленѣ, такъ какъ знаетъ, что въ этомъ—его спасеніе и такъ какъ она любитъ его больше, чѣмъ себя. Гульвенъ, въ свою очередь, превозносилъ ея геройство, умилялся, жалѣлъ и благодарилъ ее. Я немножко боялся многословія, сопровождавшаго геройское предложеніе м-мъ Гульвенъ. Она выражала высокія чувства, какъ героиня романтической поэмы,—быть можетъ, въ надеждѣ тронуть сердце доктора, который стоялъ подлѣ нея безвольный, совершенно уничтоженный. Я чувствовалъ, что она предложила разводъ, не будучи вполнѣ увѣрена, что ея мужъ согласится принять его. Но я все-таки довѣрялъ ей.

Онъ бы не устоялъ и даже не боролся бы противъ первыхъ порывовъ жалости, если бы не мысль о сывороткѣ, не надежда облагодѣтельствовать человѣчество своимъ открытіемъ. Въ жертву этой надеждѣ онъ готовъ былъ принести все, даже свое христіанское чувство жалости къ женѣ.

Она продолжала говорить чувствительныя слова, сказала, что проводитъ его, что вѣчно будетъ смотрѣть на дорогу, по которой онъ можетъ вернуться, будетъ ждать, что онъ придетъ поцѣловать ее въ лобъ—въ присутствіи Елены.

— Она будетъ любить тебя для себя, а я—только для тебя,— сказала она.—Это будетъ моя побѣда надъ нею.

Онъ терялъ голову отъ ея подвига и отъ ея жалостныхъ словъ, и говорилъ, что не въ состояніи выразить своего преклоненія передъ такимъ небывалымъ доказательствомъ любви...

Она рыдала отъ полноты чувствъ, а онъ говорилъ ей въ утѣшеніе, что принимаетъ ея жертву только ради научныхъ цѣлей, что онъ вернется, и тогда она будетъ его сестрой, сестрой Елены, ихъ обожаемой святой. Чтобы еще болѣе утѣшить ее, онъ сталъ откровенно говорить объ опасности своей болѣзни,— думая, что забота о здоровьи — единственное дѣйствительное оправданіе для него въ глазахъ его жены.

— Ты тоже воскресишь Лазаря,—сказалъ онъ съ улыбкой.

Она подняла голову, но я не могъ разглядѣть, омочено ли ея лицо слезами. Опять раздался ея голосъ, въ которомъ чувствовались сдерживаемыя рыданія.

— Прежде всего ты будешь теперь лечиться. Это—мое первое условіе. Я скажу это Еленѣ.

Она поднялась и, шатаясь, сдѣлала нѣсколько шаговъ. Но, пересиливъ себя, она даже улыбнулась и сказала мнѣ:

— Теперь я, кажется, уже не похожа на васъ.

— Да, вы преодолѣли себя.

— Это вѣрно. Не правда ли, Жанъ?

— Она совершила сверхчеловѣческое,—подтвердилъ докторъ. —И какъ намъ разстаться послѣ этого? Можетъ быть, все это только испытаніе, которое усилитъ нашу любовь,—прибавилъ онъ, очевидно только для того, чтобы ее утѣшить. Самъ онъ былъ слишкомъ охваченъ близостью счастья, чтобы желать возврата къ женѣ. Но м-мъ Гульвенъ подхватила его слова:

— Боже, сдѣлай, чтобъ это было только испытаніемъ!— молила она.

Мы еще нѣсколько минутъ стояли втроемъ, ничего не говоря. Потомъ м-мъ Гульвенъ опять обратилась къ мужу съ упреками въ томъ, что онъ не подготовилъ ее, а предоставилъ другимъ дѣйствовать за себя. Она перестала сдерживаться, и горько заплакала. Я чувствовалъ, что энергія ея падаетъ, что она можетъ взять обратно свое слово. Гульвенъ ее успокаивалъ и сталъ уже говорить, что еще не рѣшилъ разрыва, что, можетъ быть, нельзя нарушать клятву, данную предъ алтаремъ. М-мъ Гульвенъ настаивала, но уже болѣе слабо, на необходимости разлуки ради его спасенія, но, во всякомъ случаѣ, его колебанія успокаивали ее. Можетъ быть, она уже предвидѣла побѣду надъ чувствительностью мужа. Чувствуя опору въ немъ, она могла настаивать на своемъ священномъ долгѣ, и вскорѣ на моихъ глазахъ произошла метаморфоза, о которой я не могу подумать безъ ужаса. Эта маленькая, некрасивая женщина, закутанная въ пелеринку, обнаружила затаенную въ ней необычайную силу и

самоотверженія, и власти надъ другой душой. Въ отвѣтъ на ея убѣжденія въ необходимости разрыва, докторъ вдругъ сталъ разсуждать о томъ, дѣйствуетъ ли онъ дѣйствительно ради научныхъ цѣлей, или изъ эгоистическихъ побужденій и желанія устроить личное счастье. Онъ прежде всего высказалъ сомнѣніе въ цѣлительности своей сыворотки.

— Что, если какое-нибудь новое научное открытіе уничтожитъ все созданное мною?—спросилъ онъ.—Въ такомъ случаѣ, я напрасно принялъ твою жертву, поставилъ на карту твое дѣйствительное страданіе во имя гадательнаго успѣха...

— Но вѣдь дѣло въ твоемъ здоровьи, въ твоей жизни, которую нужно спасти,—возразила м-мъ Гульвенъ, и я поддержалъ ея настоянія. Но тогда произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное.

— Нѣтъ,—воскликнулъ докторъ,—дѣло совсѣмъ не въ томъ. Я люблю Елену, и лгалъ, говоря о другихъ побужденіяхъ. Я думаю не о своемъ долгѣ, а только о своей страсти. И это дѣлаетъ мое поведеніе относительно тебя, Ивонна, низкимъ. Теперь я это понялъ. Я не хочу принадлежать къ тѣмъ, которые считаютъ, что въ любви все дозволено. Я люблю Елену—я не хочу лгать.

Уничтоженная этимъ признаніемъ, м-мъ Гульвенъ безпомощно глядѣла на мужа и сказала:

— Если ты ее любишь, то уходи, оставь меня!

Я былъ увѣренъ, что она теперь изъ гордости настоитъ на разводѣ,—и внутренно изумился ловкости доктора, который приберегъ прямое признаніе своей страсти къ самому нужному моменту. Онъ еще протестовалъ, но, какъ мнѣ казалось, только для виду и чтобы успокоить несчастную женщину. Но я ошибся. Послѣ того, какъ она нѣсколько разъ повторила ему, что онъ долженъ уйти отъ нея, онъ вдругъ, весь въ слезахъ, взялъ ее за руки и сказалъ.

— Я останусь съ тобой. Понимаешь: я буду преклоняться передъ тобой, какъ передъ святыней. Я люблю тебя больше, чѣмъ можно любить жену... Ты для меня — святая. Я не уйду отъ тебя; мы вмѣстѣ поѣдемъ въ Энгадинъ, будемъ жить тамъ бѣдняками; тамъ я выздоровѣю... Мы будемъ сильны. Я уже чувствую себя сильнымъ, потому что побѣдилъ свой эгоизмъ и свой инстинктъ...

Лгалъ онъ или нѣтъ? Она бросилась къ нему, схватила его за плечи и крикнула, глядя ему въ глаза:

— Ты думаешь, что побѣдилъ? Ты вѣришь въ свою побѣду?

— Наши души, которыя разъединились на минуту, теперь опять слились,—почти беззвучно проговорилъ онъ.

Тутъ я понялъ, что онъ говоритъ искренно. Онъ отказался отъ м-мъ Елены. Мой планъ рушился, и я въ бѣшенствѣ сжималъ кулаки. Только тѣмъ, что она предложила — даже не вполнѣ искренно—пожертвовать собой, эта жалкая женщина снова покорила своего мужа—и уже навсегда.

Я хотѣлъ вмѣшаться, протестовать,—но было уже поздно. Мы причаливали къ Белилю, началась суетня высаживанья на берегъ. Дулъ сильный вѣтеръ, и м-мъ Ла-Ревельеръ была въ ужасѣ, что Жильберта простудится. М-мъ Гульвенъ подошла къ Еленѣ.

— Послушай,—сказала она:—этотъ вѣтеръ очень опасенъ для горла, и онъ не прекратится цѣлую недѣлю. Совѣтую тебѣ остаться здѣсь въ отелѣ съ дочерью и не ѣхать въ Керьяникъ. Господинъ Гишардо будетъ столь любезенъ и поможетъ тебѣ приготовиться къ отъѣзду въ Парижъ. Морской воздухъ губителенъ для ребенка,—не правда ли, Жанъ?

— Да,—проговорилъ онъ,—я предпочелъ бы, чтобы Жильберта не оставалась теперь здѣсь. Этотъ вѣтеръ ей вреденъ.

— Твоя мать поѣдетъ съ нами за вашимъ багажемъ,—продолжала командовать м-мъ Гульвенъ.—Она вернется завтра сюда за вами. Прощай, Елена, прощай, милая!

Въ нѣсколько секундъ сказаны были непоправимыя слова. Гульвены грубо устранили м-мъ Елену и меня. Я оказался въ дуракахъ. Дѣло съ сывороткой не выгорѣло, и единственнымъ моимъ утѣшеніемъ была мысль о завязавшихся дружескихъ отношеніяхъ съ м-мъ Еленой. Изъ нихъ, конечно, я еще надѣялся извлечь пользу. Мы быстро всѣ попрощались, и я все-таки сказалъ Гульвену, разставаясь съ нимъ:

— Если ты приверженъ наукѣ, ты еще передумаешь... Напиши мнѣ черезъ недѣлю въ Парижъ.

— Хорошо, я напишу тебѣ,—сухо отвѣтилъ онъ.

Я мало надѣялся на то, что онъ перемѣнитъ рѣшеніе, но видѣлъ, что лицо его выражаетъ глубокое отчаяніе. Чтобы скорѣе уйти отъ м-мъ Елены и не читать упрека въ ея прекрасныхъ глазахъ, онъ быстро сѣлъ въ коляску съ женой и м-мъ Ла-Ревельеръ, и они умчались отъ насъ.

Я остался одинъ съ м-мъ Еленой и ея дочерью, и мы поглядѣли другъ на друга съ истинной печалью. Ни она съ ея красотой и краснорѣчіемъ, ни я съ своей логикой, не сдвинули со стараго пути этихъ упрямыхъ бретонцевъ, преданныхъ своей религіи смиренія и самопожертвованія. Опять они будутъ

вести сонное существованіе подъ мѣрное тиканье своей добродѣтели.

М-мъ Елена прошептала въ ужасѣ:

— Что, если онъ умретъ?

— Что-жъ подѣлаешь!—онъ долженъ былъ знать, что нельзя жить, не умѣя заставлять страдать.

И я напомнилъ ей о черной змѣѣ, которая грызла горло пастуху, встрѣченному Заратустрой. Гульвенъ, несмотря на всѣ мои окрики, не сумѣлъ откусить голову чудовища и выплюнуть ее.

Жильберта еще сильнѣе закашляла, и мы поспѣшили въ отель. По дорогѣ она сказала мнѣ:

— Онъ не обнаружилъ недостатка мужества. Напротивъ того, у него хватило мужества побороть себя и предпочесть торжеству любви благородство смерти, не омраченной сознаніемъ измѣны женщинѣ, довѣрившейся ему... Можетъ быть, онъ и есть тотъ сверхчеловѣкъ, о которомъ вы говорили.

— Можетъ быть,—согласился я, чтобы не доводить до отчаянія женщину, обезумѣвшую отъ горя и стыда.

Но я иронически напѣвалъ бретонскую пѣсенку:

Онъ плавать не умѣлъ,
И поглотила его смерть.

Вѣтеръ понесъ эти звуки по пустынному и трагичному острову, окруженному бушующей стихіей, осажденному полчищами водяныхъ призраковъ, которые карабкаются на гранитныя стѣны, потомъ падаютъ съ ревомъ въ пучины и снова, вѣчно торжествуя, бросаются впередъ и разбиваются о мощныя стѣны утесовъ,—твердыхъ, какъ смиреніе живущихъ здѣсь людей,—сильныхъ правдой смиренія.

Съ франц. З. В.

ГОГОЛЬ

ВЪ

ОПТИНОЙ ПУСТЫНѢ

Матеріалъ для біографіи Гоголя.

Письмо Гоголя къ о. Макарію.

Еще одно слово, душѣ и сердцу близкой отецъ Макарій.

Послѣ перваго рѣшенія, которое имѣлъ я въ душѣ, подъѣзжая къ обители, было на сердцѣ спокойно и тишина. Послѣ второго какъ-то неловко, и смутно, и душа неспокойна.

Отъ чего вы, прощаясь со мной, сказали: „въ послѣдній разъ“?

Можетъ быть, все это происходитъ отъ того, что нервы мои взволнованы; въ такомъ случаѣ боюсь сильно, чтобы дорога меня не расколебала. Очутиться больнымъ посреди далекой дороги— меня нѣсколько страшитъ. Особенно когда будетъ съѣдать мысль, что оставилъ Москву, гдѣ бы меня не оставили въ хандрѣ.

Вашъ весь.

Скажите, не говоритъ ли вамъ сердце, что мнѣ бы лучше было не выѣзжать изъ Москвы?

Отвѣтъ о. Макарія.

Мнѣ очень жаль васъ, что вы находитесь въ такой нерѣшимости и волненіи. Конечно, когда бы знать это, то лучше бы не выѣзжать изъ Москвы.

Вчерашнее слово о мирѣ при взглядѣ на Москву было мнѣ по сердцу, и я мирно вамъ сказалъ о обращеніи туда, но какъ вы паки волновались, то уже и недоумѣвалъ о семъ.

Теперь вы должны сами рѣшить свой вояжъ, при мысли о возвращеніи въ Москву когда ощутите спокойствіе, то будетъ знакомъ воли Божіей на сіе.

Примите отъ меня образокъ нынѣ празднуемаго угодника Божія Сергія; молитвами Его да подастъ Господь вамъ здравіе и миръ.—Многогрѣшный іеромонахъ Макарій.

25 сентября 1851 г.

Письмо Н. В. Гоголя и отвѣтъ отца Макарія, оптинскаго старца, относятся къ довольно загадочному случаю, происшедшему уже въ послѣдній годъ жизни Гоголя.

Въ концѣ сентября мѣсяца 1851 года Гоголь отправился изъ Москвы въ полтавскую губернію, на свадьбу своей сестры; но доѣхалъ только до Калуги, пробылъ нѣсколько дней въ Оптиной пустынѣ и оттуда вернулся снова въ Москву, неожиданно для всѣхъ, встревоженный, взволнованный и болѣзненный.

Какъ и почему все это произошло? Почему Гоголь заѣхалъ въ Оптину пустынь, которая не лежала на его прямомъ пути, и почему оттуда вернулся обратно въ Москву, а не продолжалъ своего путешествія на родину? Какое вліяніе имѣла пустынь на перемѣну въ намѣреніи Гоголя? Съ кѣмъ онъ тамъ видѣлся? И кто имѣлъ рѣшающее вліяніе на перемѣну его намѣренія?

Вопросы эти являются сами собой при изученіи послѣдняго года жизни Гоголя, и возможность обнаружить подробности поѣздки его на свадьбу сестры требуетъ вниманія.

Біографы Гоголя разнорѣчиво разсказываютъ объ этомъ случаѣ. Такъ, въ „Запискахъ о жизни Н. В. Гоголя“ приведены слѣдующія подробности:

„Гоголь скучалъ въ Москвѣ лѣтомъ, тѣмъ болѣе, что всѣ его знакомые жили по дачамъ; наконецъ, получивъ извѣстіе о выходѣ замужъ одной изъ своихъ сестеръ, рѣшился ѣхать къ ней на свадьбу. Вышло, однакожъ, не такъ. Миновавъ Калугу, онъ почувствовалъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ грусти, которые помрачали для него всѣ радости жизни и лишали его власти надъ его силами. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно прибѣгалъ къ молитвѣ, и молитва всегда укрѣпляла его. Такъ поступилъ онъ и теперь: заѣхавъ въ Оптину пустынь, онъ провелъ въ ней нѣсколько дней посреди смиренной братіи, и уже не поѣхалъ на свадьбу, а воротился въ Москву. Первый визитъ

онъ сдѣлалъ О. М. Бодянскому, который не выѣзжалъ на дачу, и на вопросъ его: зачѣмъ онъ воротился? отвѣчалъ: „Такъ: мнѣ сдѣлалось какъ-то грустно", и больше ни слова. Между тѣмъ онъ писалъ къ матери (отъ 3-го октября, 1851): „Добравшись до Калуги, я заболѣлъ и долженъ былъ возвратиться. Нервы мои отъ всякихъ тревогъ и колебаній дошли до такой раздражительности, что дорога, которая всегда была для меня полезна, теперь стала даже вредоносна" [1]).

С. Т. Аксаковъ кратко разсказываетъ объ этомъ случаѣ:

„Въ 1851 году Гоголь былъ у насъ въ деревнѣ три раза: въ іюнѣ, въ половинѣ сентября, когда онъ собирался на свадьбу сестры своей въ Васильевку, откуда хотѣлъ проѣхать на зиму опять въ Одессу, и, наконецъ, въ третій разъ 30-го сентября, когда онъ уже воротился съ дороги, изъ Оптиной пустыни. Онъ былъ постоянно грустенъ и говорилъ, что въ Оптиной пустынѣ почувствовалъ себя очень дурно и, опасаясь расхвораться, пріѣхать на свадьбу больнымъ и всѣхъ разстроить, рѣшился воротиться" [2]).

Болѣе подробное изложеніе того же разсказа записано въ слѣдующихъ выраженіяхъ, приписываемыхъ С. Т. Аксакову:

„Въ половинѣ сентября Гоголь пріѣхалъ къ намъ въ подмосковную; онъ былъ необыкновенно со мною нѣженъ и нѣсколько разъ, взявъ меня за руки, смотрѣлъ на меня съ такимъ выраженіемъ, котораго ни описать, ни забыть невозможно. Онъ хотѣлъ пріѣхать 20 сентября, то-есть въ день моего рожденія, но не могъ, потому что далъ обѣщаніе быть на свадьбѣ у сестры своей въ полтавской губерніи, назначенной 29 сентября или 1 октября. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 21 сентября, написавъ ко мнѣ два письмеца, самыя нѣжныя и дружескія: одно 20 сентября, а другое въ самый день отъѣзда, и все очень тревожился, что не провелъ со мною день моего рожденья. Пробывъ осень въ деревнѣ у матери, Гоголь намѣревался уѣхать на зиму въ Одессу, гдѣ провелъ онъ предыдущую зиму очень хорошо, въ отношеніи къ своему здоровью и успѣшной работѣ надъ „Мертвыми Душами". Онъ поѣхалъ очень грустенъ, что не успѣлъ еще повидаться со мною и проститься, какъ слѣдуетъ. По не-

[1]) „Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя", томъ второй, стр. 250—251. Спб. 1856.

[2]) „Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя", томъ второй, стр. 254, Спб. 1856. Ср. „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ", С. Т. Аксакова, въ „Русскомъ Архивѣ", 1890, кн. 8, стр. 194—195; „Жизнь и труды М. П. Погодина", Н. Барсукова, кн. 11, стр. 521, Спб., 1897.

ожиданной надобности я пріѣхалъ въ Москву 24 сентября и на другой день, къ удивленію моему, узналъ, что Гоголь воротился. 30-го я увезъ его съ собой въ деревню, гдѣ его появленіе, никѣмъ не ожиданное, всѣхъ изумило и обрадовало. По какимъ причинамъ воротился Гоголь—положительно сказать не могу: онъ говорилъ, что въ Оптиной пустынѣ почувствовалъ нервное разстройство, прибавилъ, смѣясь, что „къ тому же нехорошо со мной простился". Онъ улыбался, но глаза его были влажные и въ смѣхѣ слышалось что-то особенное... Замѣтно было, что Гоголь смущался своимъ возвращеніемъ безъ достаточной причины повидимому, и еще болѣе тѣмъ, что мать и сестры будутъ огорчены, обманувшись въ надеждѣ его увидѣть" [1]).

Такимъ образомъ, фактъ появленія Гоголя въ Оптиной пустынѣ и фактъ возвращенія его въ Москву ясно и опредѣленно не объяснены. П. А. Кулишъ говоритъ, что Гоголя заставилъ заѣхать изъ Калуги въ Оптину пустынь „припадокъ грусти", отъ котораго Гоголь желалъ избавиться молитвою. С. Т. Аксаковъ утверждаетъ, что Гоголь „почувствовалъ себя очень дурно" („почувствовалъ нервное разстройство") уже въ Оптиной пустынѣ. Самъ Гоголь, въ письмѣ къ матери, умалчиваетъ о своей поѣздкѣ въ Оптину пустынь.

Какъ на причину возвращенія Гоголя изъ Оптиной пустыни въ Москву, Кулишъ указываетъ на перемѣну настроенія, происшедшую въ немъ „посреди смиренной братіи". Самъ Гоголь, а съ его словъ и Аксаковъ, винятъ въ этомъ „нервы", причемъ Аксаковъ не даетъ положительнаго объясненія неожиданному возвращенію Гоголя, такъ какъ, по его словамъ, и самъ „Гоголь смущался своимъ возвращеніемъ безъ достаточной причины повидимому".

Письмо Гоголя и отвѣтъ отца Макарія вносятъ нѣкоторое освѣщеніе въ этотъ загадочный случай.

Прежде всего изъ заявленія Гоголя о томъ, что онъ съ первымъ рѣшеніемъ подъѣзжалъ къ обители и, имѣя въ душѣ это рѣшеніе продолжать свое путешествіе на свадьбу сестры, ощущалъ на сердцѣ спокойствіе и тишину,—ясно слѣдуетъ, что соображенія Кулиша о „припадкѣ грусти" не имѣютъ дѣйствительнаго основанія. Наоборотъ, собственныя слова Гоголя съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ, что онъ ѣхалъ въ Оптину пустынь совершенно здоровымъ и физически, и морально, и по-

[1]) „Матеріалы для біографіи Гоголя", В. И. Шенрока, томъ четвертый, стр. 813—814, М. 1898.

тому не несъ туда въ душѣ никакихъ сомнѣній и колебаній относительно главной цѣли всего путешествія. Очевидно, его поѣздка въ пустынь не была случайнымъ результатомъ неожиданнаго рѣшенія, принятаго имъ подъ вліяніемъ случайнаго приступа недуга. Нѣтъ, Гоголь заѣхалъ въ Оптину не размыкать грусть, которой не было, а въ здоровомъ и непомраченномъ состояніи тѣла и духа. Оптина пустынь, очевидно, входила въ предварительный планъ всего его путешествія. Гоголя влекло туда что-то другое, и для объясненія его желанія воспользоваться случаемъ и не миновать пустыни необходимо вспомнить слѣдующіе два факта изъ его біографіи.

10-го іюля 1850 года, за годъ съ небольшимъ до поѣздки на свадьбу сестры, Гоголь, пріѣхавъ въ полтавскую губернію, писалъ графу А. П. Толстому:

„Я заѣзжалъ на дорогѣ въ Оптинскую пустынь и навсегда унесъ о ней воспоминаніе. Я думаю, на самой Аѳонской горѣ не лучше. Благодать видимо тамъ присутствуетъ. Это слышится въ самомъ наружномъ служеніи, хотя и не можемъ объяснить себѣ, почему. Нигдѣ я не видалъ такихъ монаховъ. Съ каждымъ изъ нихъ, мнѣ казалось, бесѣдуетъ все небесное. Я не разспрашивалъ, кто изъ нихъ какъ живетъ: ихъ лица сказывали сами все. Самые служки меня поразили свѣтлой ласковостью ангеловъ, лучезарной простотой обхожденья; самые работники въ монастырѣ, самые крестьяне и жители окрестностей. За нѣсколько верстъ, подъѣзжая къ обители, уже слышишь ея благоуханіе: все становится привѣтливѣе, поклоны ниже и участья къ человѣку больше“ [1]).

Въ другой разъ Гоголь вмѣстѣ съ Л. Арнольди отправился въ имѣнье къ его сестрѣ. Во время пути „Гоголь заговорилъ о монастыряхъ, о ихъ общественномъ значеніи въ прошедшемъ и настоящемъ. Онъ говорилъ прекрасно о монастырской жизни, о той простотѣ, въ какой живутъ истинные монахи, о томъ счастіи, какое находятъ они въ молитвѣ, среди прекрасной природы, въ глуши, въ дремучихъ лѣсахъ! „Вотъ, напримѣръ,—сказалъ онъ, —вы были въ Калугѣ, а ѣздили ли вы въ Оптину пустынь, что̀ подлѣ Козельска?“—Какъ же, отвѣчалъ я, былъ.—„Ну, не правда ли, что̀ за прелесть! Какая тишина, какая простота!“—Я знаю, что вы бывали тамъ часто, Николай Васильевичъ, и въ послѣдній разъ, когда хотѣли ѣхать въ Малороссію, не доѣхали, и

[1]) „Письма Н. В. Гоголя“, томъ четвертый, стр. 332—333, С.-Пб., изданіе А. Ф. Маркса.

остановились въ Оптиной пустынѣ, кажется, на нѣсколько дней.— „Да, я на перепутьи всегда заѣзжаю въ эту пустынь, и отдыхаю душой. Тамъ у меня въ монастырѣ есть человѣкъ, котораго я очень люблю... Я хорошо знаю и настоятеля, отца Моисея".— Кто же этотъ другъ вашъ?—„Нѣкто Григорьевъ [1]), дворянинъ, который былъ прежде артиллерійскимъ офицеромъ, а теперь сдѣлался усерднымъ и благочестивымъ монахомъ, и говоритъ, что никогда въ свѣтѣ не былъ такъ счастливъ, какъ въ монастырѣ. Онъ славный человѣкъ и настоящій христіанинъ; душа его такая дѣтская, свѣтлая, прозрачная! Онъ вовсе не пасмурный монахъ, бѣгающій отъ людей, не любящій бесѣды. Нѣтъ, онъ, напротивъ того, любитъ всѣхъ людей какъ братьевъ; онъ всегда веселъ, всегда снисходителенъ. Это высшая степень совершенства, до которой только можетъ дойти истинный христіанинъ. Покуда человѣкъ еще не выработался, не совершенно воспиталъ себя, хотя онъ и стремится къ совершенству, въ немъ все еще слишкомъ много строгости, слишкомъ много угловатаго и много отталкивающаго. Если же разъ онъ успѣетъ, съ Божьею помощью, уничтожить въ себѣ всѣ сомнѣнія, примириться съ жизнью, и дойдетъ до настоящей любви, то сдѣлается тогда совершенно спокоенъ, веселъ, ко всѣмъ добръ, со всѣми ласковъ. Таковы всѣ эти монахи въ пустыни: отецъ Моисей, отецъ Антоній, отецъ Макарій; таковъ и мой другъ Григорьевъ" [2]).

Вотъ что влекло Гоголя въ Оптину пустынь: „благодать видимо тамъ присутствуетъ". Вотъ что заставило его изъ Калуги заѣхать туда: „я на перепутьи, говорилъ онъ, всегда заѣзжаю въ эту пустынь и отдыхаю душой". Гоголь любилъ Оптину пустынь и почиталъ ея знаменитыхъ старцевъ. Люди вѣрующіе и благочестивые предпринимаютъ нарочитыя путешествія по святымъ мѣстамъ и безъ благословенія духовныхъ отцовъ стараются не начинать новаго дѣла. Неудивительно, что Гоголь не проѣзжалъ мимо всѣми православными уважаемой обители, а отправляясь въ далекій путь на родину, рѣшился прежде всего получить благословеніе оптинскихъ старцевъ, и именно приснопамятнаго отца Макарія [3]). Такое именно настроеніе и желаніе Го-

---

[1]) Объ отцѣ Порфиріѣ (Петрѣ Александровичѣ) Григорьевѣ и сношеніяхъ съ нимъ Гоголя сообщены нѣкоторыя новыя данныя Ив. Л. Щегловымъ, въ „Литературномъ Приложеніи" къ „Торгово-Промышленной Газетѣ", 1900, № 46, Воскресенье, 24 декабря.

[2]) „Русскій Вѣстникъ", 1862 г., томъ 37: „Мое знакомство съ Гоголемъ", Льва Арнольди, стр. 87—88.

[3]) В. И. Шенрокъ называетъ отца Макарія „Боровскимъ" („Письма Н. В. Го-

голя извѣстно было близкимъ къ нему лицамъ, и А. О. Смирнова, повидимому, совершенно правильно смотрѣла на послѣдній пріѣздъ Гоголя въ Оптину пустынь; по крайней мѣрѣ былъ близокъ къ правдѣ П. А. Плетневъ, съ ея словъ, въ болѣе рѣзкой формѣ разсказывавшій о Гоголѣ, что „онъ дорогою заѣхалъ къ одному монаху, чтобы тотъ далъ ему совѣтъ, въ Москвѣ ли ему остаться, или ѣхать къ своимъ".

Въ благочестивомъ желаніи подкрѣпить свое намѣреніе молитвою и духовнымъ благословеніемъ, Гоголь пріѣхалъ въ Оптину пустынь, и у него „было на сердцѣ спокойно и тишина". О томъ, что̀ произошло въ пустынѣ и что̀ заставило Гоголя вернуться оттуда обратно въ Москву, внезапно прервавъ предпринятое путешествіе въ полтавскую губернію, до сихъ поръ извѣстенъ былъ только разсказъ А. О. Смирновой, переданный П. А. Плетневымъ въ письмѣ къ В. А. Жуковскому. 27 февраля 1852 года, получивъ извѣстіе о кончинѣ Гоголя, Плетневъ писалъ Жуковскому о послѣдней поѣздкѣ его:

„Осенью, отправляясь въ Малороссію на свадьбу сестры, онъ дорогою заѣхалъ къ одному монаху, чтобы тотъ далъ ему совѣтъ, въ Москвѣ ли ему остаться, или ѣхать къ своимъ. Монахъ, выслушавъ разсказъ его, присовѣтовалъ ему послѣднее. На другой день Гоголь опять пришелъ къ нему съ новыми объясненіями, послѣ которыхъ монахъ сказалъ, что лучше рѣшиться на первое. На третій день Гоголь явился къ нему снова за совѣтомъ. Тогда монахъ велѣлъ ему взять образъ—и исполнить то, что̀ при этомъ придетъ ему на мысль. Случай благопріятствовалъ Москвѣ. Но Гоголь въ четвертый разъ пришелъ за новымъ совѣтомъ: тогда, вышедъ изъ терпѣнія, монахъ прогналъ его, сказавъ, что надобно остаться при внушеніи, посланномъ отъ Бога" [1]).

Письмо Гоголя и отвѣтъ Макарія съ несомнѣнностью доказываютъ, что во всемъ разсказѣ Плетнева мало правды. Если память очевидно измѣнила Аксакову, сократившему все путешествіе Гоголя до трехъ дней, то еще дальше отъ дѣйствительности былъ Плетневъ, растянувшій только хожденіе Гоголя за совѣтомъ на четыре дня. Отвѣтъ отца Макарія говоритъ только объ одной бесѣдѣ съ Гоголемъ, бывшей наканунѣ обмѣна пись-

---

голя", томъ четвертый, изданіе А. Ф. Маркса, С.-Пб., стр. 332). Это именованіе не отвѣчаетъ ни мірской фамиліи отца Макарія, ни мѣсту его подвиговъ, и какъ впервые употребляемое въ литературѣ—должно быть признано произвольнымъ.

[1]) „Сочиненія и переписка П. А. Плетнева", издалъ Я. Гротъ, томъ третій, Спб., 1885, стр. 730.

мами, то-есть 24-го сентября 1851 года. Надо думать, что это и былъ первый день пребыванія Гоголя въ Оптиной пустынѣ, если вѣрно показаніе Аксакова, что онъ выѣхалъ изъ Москвы 21-го сентября. О неоднократномъ хожденіи Гоголя къ отцу Макарію ихъ переписка ничего не говоритъ и даже даетъ основаніе полагать, что его и совсѣмъ не было. По крайней мѣрѣ послѣ отвѣта отца Макарія Гоголь, повидимому, поторопился возвратиться въ Москву, такъ какъ 30-го сентября онъ былъ уже въ Абрамцевѣ. Такимъ образомъ, всѣ сношенія Гоголя съ отцомъ Макаріемъ приходится ограничить двумя днями, при чемъ 24-го сентября, при личномъ свиданіи, они вели между собой устную бесѣду, а на другой день, 25-го сентября, обмѣнялись письмами.

Содержаніе бесѣдъ Гоголя съ отцомъ Макаріемъ, въ передачѣ Плетнева, также требуетъ поправокъ. Перваго совѣта— „ѣхать къ своимъ"—отецъ Макарій совсѣмъ не давалъ Гоголю. Съ рѣшеніемъ ѣхать на свадьбу Гоголь „подъѣзжалъ" къ обители, а въ разговорѣ съ отцомъ Макаріемъ уже обнаружилъ колебаніе и даже говорилъ „о мирѣ при взглядѣ на Москву", что и дало основаніе отцу Макарію предложить ему обратный путь. Но такое рѣшеніе не успокоило Гоголя, онъ снова волновался, чѣмъ привелъ въ недоумѣніе и отца Макарія. Личная бесѣда ихъ такъ и окончилась нерѣшительностью и волненіемъ со стороны Гоголя, видимо усилившимися впослѣдствіи, когда Гоголь остался одинъ.

Событія слѣдующаго, второго (а по счету Плетнева—третьяго) дня пребыванія Гоголя въ Оптиной пустынѣ невѣрно переданы Плетневымъ. Гоголь не былъ у отца Макарія, и отецъ Макарій не предлагалъ ему въ своемъ родѣ гаданія по образу. Гоголь въ письмѣ изложилъ отцу Макарію свои безпокойства, и отецъ Макарій отвѣтилъ ему письмомъ же, а въ благословеніе ему прислалъ и образокъ преподобнаго Сергія. Отецъ Макарій предложилъ Гоголю самому разобраться въ своемъ настроеніи и самому принять то рѣшеніе, которое наиболѣе отвѣчаетъ его внутреннему призыву, велѣніямъ таинственнаго голоса, сокрытаго въ тайникахъ души.

Получивъ письменный отвѣтъ отца Макарія, Гоголь, надо думать, болѣе не безпокоилъ его своими вопросами и тревогами. По крайней мѣрѣ, судя по начальнымъ словамъ письма самого Гоголя, именно таково было и его намѣреніе. Во всякомъ случаѣ заключительныя подробности разсказа Плетнева совсѣмъ не отвѣчаютъ характеру оптинскаго старца. Даже болѣе того: онѣ

настолько противорѣчатъ установившейся извѣстности отца Макарія, что одинъ изъ біографовъ Гоголя, Ив. Л. Щегловъ, довѣрившись Плетневу и задавшись вопросомъ: „кто былъ этотъ фатальный монахъ?"—не обинуясь, отвѣчаетъ: „отецъ Макарій и тогдашній игуменъ обители отецъ Моисей, по самому своему положенію, не могли поступить такъ безцеремонно" [1]).

Письмо Гоголя и отвѣтъ отца Макарія даютъ достаточное основаніе устранить необходимость подобной защиты, такъ какъ она вызывалась измышленнымъ разсказомъ. Данныя этой же переписки категорически устанавливаютъ личность „монаха", съ которымъ Гоголь видѣлся въ Оптиной пустыни и бесѣда съ которымъ имѣла рѣшающее значеніе на измѣненіе первоначальнаго плана его путешествія. Гоголь видѣлся и бесѣдовалъ устно и письменно съ отцомъ Макаріемъ, и именно отецъ Макарій благословилъ его вернуться въ Москву, или точнѣе: принять то рѣшеніе, которое наиболѣе отвѣчало тогдашнему настроенію Гоголя.

Такимъ образомъ всѣ догадки (остроумныя и правдоподобныя у Ив. Л. Щеглова) о личности таинственнаго и фатальнаго „монаха" разрѣшаются неожиданно въ пользу отца Макарія.

Вышеприведенные письмо Н. В. Гоголя и отвѣтъ отца Макарія въ подлинникѣ хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ музеяхъ. Они писаны на полулистѣ бѣлой писчей бумаги, согнутомъ въ четвертку. Письмо Гоголя занимаетъ первую страницу полулиста. Отецъ Макарій написалъ отвѣтъ свой на второй страницѣ, на оборотѣ Гоголевскаго письма. День и годъ отвѣта подчеркнуты въ подлинникѣ.

Григорій Георгіевскій.

---

[1]) „Гоголь въ Оптиной пустыни", loc. cit.

ЖАТВА

РОМАНЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

— Im Zeichen der Ernte. Roman von Friede Freiin von Bülow. Dresden. Carl Reissner. 1904.

I.

Въ этотъ день, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, шелъ дождь, и такъ какъ стояла пора сѣнокоса, графъ Порти очень этимъ огорчался, но работавшіе у него двадцать-четыре крестьянина, которымъ полагалась половина сѣна, отнеслись къ дѣлу равнодушнѣе. Дождь полезенъ для зерна, онъ освѣжитъ воздухъ и обмоетъ пыль; въ эту пору дождь не затягивается надолго. Рѣка Минока, несшая къ морю свои свѣтлыя волны, служила сѣверною границею полямъ и виноградникамъ, принадлежавшимъ къ имѣнію Порти. На разстояніи километра отъ ея устья, у самаго моря находилась вилла Порти, старинный домъ съ запущеннымъ садомъ, гдѣ среди влажныхъ лавровыхъ кустовъ распѣвали соловьи. Непосредственно за его стѣною уже начинались каменные дома приморскаго мѣстечка Санъ-Анджело, имѣвшаго ясно выраженный городской характеръ. Крестьяне жили не здѣсь, а далѣе, преимущественно въ отдѣльныхъ небольшихъ усадьбахъ.

Дождь пересталъ и надъ омытою, блиставшею всѣми своими красками, землею сіяло вечернее солнце.

Граждане Санъ-Анджело имѣли обыкновеніе собираться въ этотъ часъ на маленькомъ, лежавшемъ у моря, дебаркадерѣ, для того, чтобы встрѣтить семичасовой скорый поѣздъ, являвшійся

для нихъ воплощеніемъ „большого свѣта“. За неимѣніемъ чего-либо новаго для созерцанія, они могли, въ крайнемъ случаѣ, поболтать между собою. Какъ древніе римляне собирались по вечерамъ на Пинчіо, такъ граждане Санъ-Анджело—на платформѣ станціи. Поѣздъ запоздалъ на сорокъ минутъ, что̀ на этой дорогѣ вовсе не было рѣдкостью; эгоистическое чудовище экспрессъ, везшій возвращавшихся изъ Индіи англичанъ и ихъ пожитки, прокатилъ сегодня безъ остановокъ прямо до Бриндизи по узко-колейной желѣзной дорогѣ. Онъ обладалъ беззастѣнчивостью, силою и богатствомъ, а потому все должно было уступать ему дорогу. Публика стояла группами на платформѣ, возвышавшейся надъ моремъ подобно террасѣ. Тутъ были всѣ представители мѣстной молодежи: „контино“ Валеріо Порти, Алессандро Канелла и Артуро Този, олицетворявшіе породу, красоту и богатство.

Валеріо былъ единственнымъ сыномъ графа Маріо и наслѣдникомъ древняго знатнаго рода. Рыжеволосый юноша не могъ назваться красивымъ; гораздо болѣе правъ на красоту имѣла его собака—чистокровный сетеръ-гордонъ, по имени Deary. Одѣтъ онъ былъ совсѣмъ просто: въ высокихъ сапогахъ, желтомъ нанковомъ сюртукѣ и фуражкѣ съ козырькомъ. Зато Артуро Този, сынъ мѣстнаго набоба, и помощникъ начальника станціи Алессандро Канелла были одѣты элегантно и по модѣ, хотя франтовство ихъ носило провинціальный отпечатокъ. Этотъ цвѣтъ молодежи втайнѣ привлекалъ вниманіе дамъ: ради него онѣ щеголяли своими нарядами и модными прическами, кажущаяся безыскусственность которыхъ стоила имъ столько искусства и труда. Тѣмъ не менѣе, обращеніе барышенъ отличалось большою сдержанностью, ихъ миловидныя кукольныя личики улыбались показною улыбкою, а въ тупомъ, нѣсколько грустномъ взорѣ красивыхъ глазъ читалась вѣковая покорность рабыни, ожидающей своего господина.

Сегодня всѣ старанія мѣстныхъ красавицъ пропали даромъ: у Алессандро Канелла, въ котораго онѣ поголовно были влюблены, не оказывалось глазъ ни для кого, исключая Маріи-Граціэллы, „контессины“ Порти. Марія-Граціэлла была такъ же некрасива, какъ ея братъ, и плохо одѣвалась, но она была Марія-Граціэлла, и всѣ такъ любили веселую контессину, что даже не завидовали ей. Она болтала и смѣялась съ дѣтьми начальника станціи, которыя со сверкающими глазенками спѣшили повѣдать ей о чудесномъ событіи: сегодня явился какой-то человѣкъ, приведшій съ собою верблюда, двоихъ пляшущихъ медвѣдей и пять обезьянъ.

У Маріи-Граціэллы были вьющіеся рыжіе волосы, некрасивыя черты и прекрасные глаза. Если бы не безобразный корсетъ, ея маленькую фигурку можно было бы назвать безупречно сложенной и во всѣхъ ея движеніяхъ сказывались живой темпераментъ и порода. Нѣсколько поодаль стояла племянница графа—Віоланта Бульгарини, женщина лѣтъ тридцати-шести, привлекавшая не столько своею, все еще замѣчательною, красотою, сколько одухотвореннымъ выраженіемъ лица и всего своего облика. Віоланта была погружена въ созерцаніе моря, въ которомъ переливалось отраженіе цвѣтовъ радуги; вдали оно принимало уже молочный зеленовато-синій оттѣнокъ и заканчивалось темною полосою. Въ немъ чуялось нѣчто тревожное и загадочное. Оно походило на взоръ человѣка, желающаго казаться спокойнымъ, между тѣмъ какъ въ душѣ у него—буря.

— Синьора Віоланта, я долженъ кое-что передать вамъ,— проговорилъ мягкій мужской голосъ.

Передъ нею стоялъ молодой человѣкъ, просто одѣтый, съ блѣднымъ задумчивымъ лицомъ, Андреа Романи, врачъ. Онъ протягивалъ ей письмо.

— Здравствуйте, докторъ, — ласково сказала Віоланта;—вы опять были сегодня у моихъ друзей?

— Я прямо отъ нихъ. У синьора профессора былъ тяжелый припадокъ астмы. Синьора Луиза очень встревожена.

— Благодарю васъ, — проговорила Віоланта и поспѣшила распечатать письмо пріятельницы.

Письмецо было нѣмецкое.

„Милая Віо, прошу тебя, зайди къ намъ. Горе и тревога истомили меня, я скрываю ихъ отъ Манфреда, но передъ тобою я должна выплакаться, иначе я задохнусь. Пріѣзжай, поддержи меня.—Луиза.

„PS. Романи былъ очень трогателенъ и добръ".

Віоланта стала соображать, какъ бы ей попасть къ пріятельницѣ? Уже вечерѣло; они ожидали съ поѣздомъ ея сестру Нину съ дѣтьми, а до виллы Романи, гдѣ жила Луиза Канабихъ—часа полтора ходьбы, да ее и не отпустятъ вечеромъ одну. Можетъ быть, одинъ изъ рабочихъ графа отвезетъ ее въ телѣжкѣ? Давно уже миновала та пора, когда высокородные графы Порти имѣли собственные экипажи и соотвѣтствующій ихъ положенію выѣздъ.

Только теперь она вспомнила о врачѣ, и обернулась, ожидая его увидѣть, но Андреа уже скрылся. Не обидѣлся ли онъ на ея невниманіе? Онъ обладаетъ какою-то особенною способностью стушевываться.

У берега рыбаки вытаскивали огромную сѣть, и общество, которому наскучило ждать поѣзда, спустилось туда. Стоя въ рядъ пестрою линіей, люди отчетливо вырисовывались на темносинемъ фонѣ моря и небесъ. Разстояніе смягчало рѣзкость красокъ; желтый пиджакъ Валеріо и розовая бумазейная блузка Маріи-Граціэллы казались не менѣе живописными пятнами, чѣмъ изящное платье Терезины Този и красная шолковая рубашечка другой барышни. Разстояніе сглаживало различіе между роскошью и бѣдностью; то и другое одинаково ласкало взоръ, и Віоланта, любившая жизнь и людей, ощущала тихое, безмятежное, чуждое желаній счастье.

Протрубилъ рожокъ, и публика поспѣшила къ платформѣ; издали уже слышалось пыхтѣнье паровоза, но вдругъ раздался рѣзкій свистокъ—и поѣздъ внезапно остановился. На желѣзнодорожномъ мосту преспокойно разгуливали два медвѣдя въ сопровожденіи нѣсколькихъ обезьянъ. Служебный персоналъ тщетно старался удалить ихъ,—звѣри отказывались повиноваться властямъ, и среди общаго смѣха и брани пришлось послать за владѣльцемъ звѣринца, который тѣмъ временемъ водилъ на водопой своего верблюда.

Возвратившемуся съ вокзала семейству Порти приходилось каждую минуту останавливаться. Улицы Санъ-Анджело кишѣли народомъ, повозками, скотомъ; всюду бѣгали дѣти, двигались везомыя ослами высокія, пестро раскрашенныя телѣжки, нагруженныя корзинами съ коконами. Промчался автомобиль, принадлежавшій маркизу Пассеро.

Горожане почтительно давали дорогу графскому семейству, но встрѣчалось столько знакомыхъ, что ежесекундно приходилось раскланиваться и останавливаться; всѣ выражали свое удовольствіе при видѣ „синьорины Нины“, какъ ее еще называли по старой памяти, и ея дѣтей.

Нина Каресса, сестра Віоланты, была замужемъ за бывшимъ берсальеромъ, нынѣ—синдикомъ ближайшаго епископальнаго города Лермо. На время купальнаго сезона онъ всегда отсылалъ жену съ дѣтьми къ ея роднымъ, которымъ она платила за свое содержаніе.

Съ веселою бѣлокурою Ниной и ея шаловливыми дѣтьми домъ оживлялся и молодѣлъ; особенно радовалась ихъ пріѣзду Марія-Граціэлла, не устававшая тормошить, цѣловать и разспрашивать своихъ племянниковъ.

Віоланта зашла за письмами на почту, помѣщавшуюся въ зданіи магистрата; ей встрѣтился въ дверяхъ маркизъ Пассеро,

худощавый, плохо одѣтый брюнетъ, приподнявшій-было передъ нею шляпу, но тутъ же вспомнившій, что члены семьи Порти уже не кланяются съ нимъ.

Большинство писемъ были дѣловыя, но одно оказалось на имя графини Бульгарини. Віоланта почти ждала его. На губахъ ея заиграла тихая, счастливая улыбка. Привѣтливо поблагодаривъ почтоваго чиновника, она вышла и дорогою пробѣжала глазами письмо.

„Моя обожаемая Віоланта.

„Почему ты колеблешься и сомнѣваешься? Почему такъ холодно относишься къ моей пылкой любви? Повѣрь мнѣ, я сумѣю побѣдить твое сопротивленіе. Никогда я такъ сильно не чувствовалъ, до какой степени ты необходима мнѣ. Я хочу увидать тебя и увижу. Изъ-за тебя я вернулся въ Италію, которая безъ тебя—мертва для меня. Изъ-за тебя я живу въ Лермо въ старомъ домѣ, невыносимомъ для меня, такъ какъ онъ полонъ воспоминаніями о тебѣ, а тебя самой со мною нѣтъ. Я побывалъ и у моихъ родителей въ Роккаривѣ, хотя роль кающагося грѣшника, Таннгейзера — совсѣмъ не по мнѣ. Особенно меня возмущаетъ прямолинейная добродѣтель моей belle-soeur. Ты—другое дѣло. Ахъ, cara mia, скажи мнѣ: почему добродѣтель такъ невыносима? Только не въ тебѣ! Какъ я томился по тебѣ нынѣшнею безпутною зимой въ Парижѣ! По твоей чистотѣ, по твоей неподдѣльности! Въ этомъ Вавилонѣ—сплошная утонченная извращенность. Сначала она имѣетъ свою остроту, кажется пикантною, но затѣмъ наполняетъ душу отвращеніемъ. Внѣ природы нѣтъ мира, а ты—одухотворенная природа. Я жажду тебя, какъ воздуха, и только вѣра въ твою доброту спасла меня отъ окончательнаго паденія. Не отнимай ее у меня, Віолантина! Я не дерзаю явиться въ домъ твоего дяди, но я сумѣю тебя найти, хотя бы мнѣ пришлось подстерегать тебя въ теченіе недѣль.

„Твой вѣрный и преданный слуга

„Бонавентура“.

Віоланта скомкала письмо въ рукѣ; лицо ея стало очень серьезно, губы вздрагивали, а въ движеніяхъ головы и плечъ сказывалось нѣчто, похожее на слабый протестъ. Она не могла радоваться тому, что читала, и сожалѣла о своемъ равнодушіи. Въ данную минуту онъ дѣйствительно такъ чувствовалъ, но его чувства были растеніями безъ корней, и первый встрѣчный вѣтерокъ развѣетъ ихъ безъ слѣда. Можно ли было положиться на подобныя увѣренія? Настроеніе! Одно настроеніе! Бонавентура напоминалъ Эолову арфу, откликающуюся на малѣйшее ду-

новеніе. Горе и слезы научили ее цѣнить по достоинству его клятвы. Теперь ей предстоитъ свиданіе, котораго она вовсе не желаетъ, но она знаетъ, что не можетъ избѣжать его. Положимъ, она завтра же можетъ уѣхать отсюда съ первымъ поѣздомъ, но это вызоветъ общее удивленіе, разспросы, и, наконецъ, что̀ можетъ ей грозить со стороны Бонавентуры? Если онъ такъ настоятельно желаетъ видѣть ее,—она исполнитъ его желаніе. Когда-то страсть сжигала ее, а теперь этотъ огонь настолько угасъ, что она съ трудомъ могла воскресить его въ памяти.

„Думается, что не переживешь этого, а теперь гдѣ оно?“—мелькнуло у нея въ мысляхъ.

Она медленно шла съ широко раскрытыми, но ничего не видѣвшими глазами, и машинально остановилась у открытыхъ воротъ виллы. Арриго и Давидъ, сыновья садовника Сакрипанти, смуглые, стройные и прекрасные какъ греческіе боги, таскали багажъ. У подножія каменной лѣстницы, ведшей на террасу верхняго этажа, стоялъ, окруженный внуками и домочадцами, графъ Маріо Порти.

„Настоящая твердыня на скалѣ!“—подумала Віоланта, очень любившая дядю, бывшаго для нея вторымъ отцомъ.

Графъ Маріо обладалъ выправкою нѣмецкаго солдата; въ немъ чувствовалось нѣчто желѣзное, несокрушимое; чрезмѣрная живость и болтливость итальянцевъ не только были ему чужды, но даже антипатичны. Болѣе всего онъ цѣнилъ твердость характера и энергію. Віолантѣ вспомнилось, что онъ одинъ предостерегалъ ее противъ брака съ Бонавентурою, тогда какъ въ глазахъ прочихъ бракъ этотъ былъ блестящею партіей. Онъ сказалъ ей:—Не совѣтую тебѣ выходить за него,—онъ лишенъ устойчивости характера.

Разумѣется, она не послушала его; если бы самъ Господь Богъ проклялъ Бонавентуру Бульгарини, она все же послѣдовала бы за нимъ. Въ то время она слѣпо любила его.

II.

Тележка—подобіе кабріолета, которою воспользовалась Віоланта для поѣздки на виллу Романи,—не имѣла и отдаленнаго сходства съ господскимъ экипажемъ. Лошадь была куплена графомъ, но кормилъ ее садовникъ, и она служила имъ обоимъ для хозяйственныхъ цѣлей.

— Давидъ и Арриго подрались между собою изъ-за того, кто

повезетъ тебя,—сказалъ, ухмыляясь, Сакрипанти, занявъ мѣсто рядомъ съ Віолантою на узкомъ и жесткомъ сидѣньи:—оба добивались этой чести; ну, вотъ я и разрѣшилъ ихъ споръ. „Дѣти мои", сказалъ я имъ, „каждый изъ васъ хочетъ везти синьору, а такъ какъ это невозможно, то повезу ее я самъ".

— Ты настоящій, Соломонъ, Кирики,—отвѣтила, смѣясь, Віоланта. Садовника всѣ звали этимъ именемъ, хотя никто и даже онъ самъ не знали, почему онъ сталъ такъ называться?

Луна высоко стояла на небѣ, заливая своимъ кроткимъ блѣднымъ сіяніемъ дремлющую землю. Чудная іюньская ночь была насыщена благоуханіемъ сѣна и зрѣющихъ колосьевъ; на изгородяхъ и въ кустахъ сверкали свѣтляки. Телѣжка подвигалась медленно, лошадь не принадлежала къ числу рысаковъ; дорога шла вдоль берега моря; черное, неподвижное—оно словно покоилось въ глубокомъ снѣ, и на поверхности его трепетала сѣть изъ лунныхъ лучей. Направо возвышалась скала, очертанія которой напоминали гигантскій профиль Данте. По временамъ изъ нея падалъ въ сумракъ ночи исполинскій снопъ красныхъ или зеленыхъ свѣтовыхъ лучей. Это былъ вращающійся фонарь маяка. Позади башни маяка съ профилемъ Данте, среди живописной гористой мѣстности, находилась знаменитая когда-то вилла Романи, принадлежавшая знатной, теперь окончательно разорившейся семьѣ. Графъ Джироламо, спустившій остатки отцовскаго достоянія, служилъ теперь въ кучерахъ въ Туринѣ, а младшій братъ его Андреа, изучившій медицину, былъ скромнымъ деревенскимъ врачомъ. Таковъ былъ конецъ не одной фамиліи Романи, но и многихъ знатныхъ фамилій въ окрестностяхъ. Вилла Романи была назначена къ продажѣ, но покупателей не находилось, и когда Віоланта узнала, что мужу ея подруги, профессору Канабиху, врачи предписали провести нѣсколько мѣсяцевъ на югѣ, она предложила имъ нанять эту виллу.

— Твоя лошадь такъ плетется, Кирики, что заснуть можно,—сказала Віоланта.

— Что-жъ? И засни!—благодушно отозвался Сакрипанти:—сонъ—даръ Пресвятой Мадонны, нельзя хулить его.

Они подъѣхали къ красивому дому во вкусѣ рококо, служившему въ прежнія времена жилищемъ привратнику; во дворѣ слышалось журчаніе фонтана, падавшаго въ живописный каменный бассейнъ. Днемъ тутъ замѣчались грязь и запустѣніе; почва была изрыта копытами ословъ и лошадей, которыхъ водили сюда на водопой, но при лунномъ свѣтѣ, окруженный пиніями и кипарисами, этотъ фонтанъ казался волшебною грезою.

Сабрипанти вызвалъ жену садовника, которая предложила проводить графиню по кипарисовой аллеѣ къ замку; въ нѣкоторыхъ окнахъ его еще свѣтился огонь. Луиза Канабихъ сама отворила имъ. Она стояла въ дверяхъ, заслоняя лѣвою рукою колеблющееся пламя стариннаго римскаго свѣтильника съ тремя рожками, который она держала въ правой рукѣ. Этотъ свѣтильникъ гармонировалъ со всѣмъ обликомъ Луизы, одѣтой въ мягкую бѣлую шерстяную ткань, ниспадавшую вокругъ нея свободными складками. Освѣщеніе было невыгодно для ея лица, но заслонявшая пламя тонкая рука казалась прозрачно-розовой.

— Какъ ты добра! — тихо произнесла Луиза, цѣлуя пріятельницу. Когда, пройдя по узкой галереѣ, онѣ остановились въ освѣщенной лампою комнатѣ, Віоланта замѣтила, что глаза Луизы распухли и покраснѣли отъ слезъ.

— Какъ ты тревожишься, carina! — проговорила она.

— Сердце мое разрывается, — отвѣтила Луиза дрожащимъ голосомъ.

— При видѣ его страданій?

— Отъ страха его потерять, и потерять — по моей винѣ. Ты знаешь, какъ долго я не рѣшалась выйти за него! Я люблю его, но я слишкомъ цѣнила мою свободу и мою музыку; я не подозрѣвала, какъ мои колебанія дѣйствуютъ на него, покуда другъ его, врачъ, не открылъ мнѣ, что я убиваю Манфреда, уже тогда страдавшаго болѣзнью сердца. И онъ самъ зналъ это, зналъ и молчалъ, скрывая отъ меня правду. А теперь, Віо, я отдала бы все на свѣтѣ для того, чтобы вернуть ему здоровье. Вообще, я никогда не думала, что я способна на такую любовь.

Она говорила возбужденно, но упавшимъ отъ утомленія голосомъ.

— Онъ спитъ?

— Да, послѣ впрыскиванія морфіемъ.

Віоланта и Луиза цѣлые годы прожили вмѣстѣ заграницею, главнымъ образомъ — въ Германіи, и Віоланта вернулась домой уже послѣ того какъ пріятельница ея отдала свое сердце молодому ученому.

Въ эту ночь Луиза не уставала говорить о счастіи и мукахъ своей любви; это была старая, хорошо знакомая Віолантѣ пѣсня о вѣчной тревогѣ, постоянный переходъ отъ восторга къ тоскѣ, но теперь она звучала въ ея ушахъ какъ шорохъ лѣса; сама она уже не стремилась ни къ чему подобному: оно скорѣе пугало ее. Порою обѣ онѣ смолкали, и тогда въ обширномъ покоѣ наступала жуткая тишина. Двери длинной амфилады комнатъ

были отворены, и лунные лучи играли на мозаичномъ полу и расписномъ потолкѣ. Изъ оконъ вливалось благоуханіе цвѣтовъ и запахъ сѣна, но, тѣмъ не менѣе, отъ старыхъ стѣнъ Casa Romani вѣяло сыростью и могильнымъ запустѣніемъ. Издали донесся крикъ совы; Луиза вздрогнула и поднялась.

— Уже поздно. Пойду взглянуть на Манфреда, а затѣмъ позабочусь о твоемъ ночлегѣ.

Луиза двинулась къ двери; она не шла, а словно скользила въ своей легкой одеждѣ, не стѣснявшей ея движеній, походка ея была совершенно безшумна, такъ какъ лѣтомъ она ходила въ домѣ и въ саду босикомъ.

Вторичный рѣзкій крикъ совы разбудилъ Віоланту, уже начинавшую дремать въ своемъ креслѣ; она потянулась и зѣвнула, но вдругъ въ концѣ амфилады ей почудилась чья-то бѣлая фигура. Віоланта вскочила. Не былъ ли это призракъ кого-нибудь изъ Романи? Таинственная фигура приближалась, и теперь можно было убѣдиться, что она далеко не безтѣлесна. Это была полная маленькая женщина неопредѣленныхъ лѣтъ, съ густыми, распущенными по плечамъ бѣлокурыми волосами и краснымъ лицомъ сѣвернаго типа. Ея сѣро-голубые глазки, буквально, искрились и впивались въ лицо Віоланты.

— Vous parlez vous français? — освѣдомилась она на плохомъ французскомъ языкѣ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжала:

— Madame, я не знаю — кто вы, но, судя по вашему лицу, вы должны быть особою хорошаго происхожденія и воспитанія. Я никогда не ошибаюсь. Меня зовутъ Анастасія Канкринъ: я — та несчастная, преслѣдуемая, оклеветанная женщина, о которой вы, конечно, слышали?

Г-жа Канкринъ схватила Віоланту за руку; стеаринъ свѣчи, которую она криво держала, капалъ на ея платье и мозаичный полъ.

— Скажите мнѣ правду: проходилъ черезъ эту комнату мужчина?

— Нѣтъ.

— Но онъ долженъ былъ пройти! Неужели вы, дѣйствительно, ничего не видали? Или вы спали?

— Кажется, я задремала на нѣсколько минутъ, — созналась Віоланта.

— Вотъ видите! Я никогда не ошибаюсь.

— Но въ домѣ нѣтъ никакихъ мужчинъ, за исключеніемъ Николо, управляющаго, и профессора Канабиха, который лежитъ больной.

Анастасія рѣзко разсмѣялась.

— Это былъ онъ—мой преслѣдователь! Онъ всюду преслѣдуетъ меня,—нигдѣ нѣтъ мнѣ отъ него спасенія...

— Но за что же?

— И сама не знаю. Мнѣ пятьдесятъ лѣтъ, я бѣдна и никому на свѣтѣ не сдѣлала зла. Не понимаю: чѣмъ вызвано подобное преслѣдованіе? Никто не можетъ мнѣ этого объяснить.

— Это все нервы, вамъ слѣдовало бы полечиться,—сострадательно промолвила Віоланта.

Въ сѣрыхъ глазахъ Анастасіи немедленно появилось недовѣрчивое выраженіе; она сразу замкнулась въ себѣ и сухо проговорила:

— Благодарю васъ. Дѣло не въ леченіи. Но такъ относятся ко мнѣ уже не впервые: дѣлаютъ видъ, что не вѣрятъ мнѣ... Оказывается, что деньгами всѣхъ можно подкупить... И ты допускаешь это, о справедливый Боже!

Несчастная отвернулась отъ Віоланты и убѣжала такъ же поспѣшно, какъ и явилась. Віоланта со страхомъ глядѣла ей вслѣдъ, и вздрогнула, когда Луиза положила ей руку на плечо.

— Она напугала тебя?

— Да, она вродѣ помѣшанной.

— Я забыла предупредить тебя,—я думала, что она уже давно спитъ. Тетя Анастасія страдаетъ маніей преслѣдованія, и я пригласила ее на лѣто къ себѣ, такъ какъ никто не хочетъ брать ее. Мнѣ казалось,—прибавила она со слабою улыбкою,—что это принесетъ намъ счастье. Ну, а теперь, бѣдняжка Віо, пора тебѣ въ постель.

III.

Когда на слѣдующее утро солнце выплыло изъ-за волнъ Адріатики, оно застало народъ за работою. Рыбаки уже выѣхали на ловлю, прачки колотили бѣлье валькомъ на берегу Миноки, крестьяне ворошили сѣно.

Контессина Марія-Граціэлла отплыла далеко отъ берега въ своемъ черномъ, болѣе цѣломудренномъ, нежели элегантномъ купальномъ костюмѣ; Нина съ дѣтьми еще покоилась глубокимъ сномъ, а графъ Порти, сидя въ своей конторѣ въ нижнемъ этажѣ, окна которой были снабжены художественной работы рѣшетками, высчитывалъ барыши отъ продажи лавровыхъ листьевъ. Доходъ оказывался больше прошлогодняго, и глаза его сверкали удовольствіемъ. Графъ взвалилъ на свои старыя плечи по истинѣ Геркулесовъ трудъ, взявъ на себя управленіе имѣніемъ. Не имѣя

ни нужной для этого подготовки, ни хозяйственнаго опыта, онъ положился исключительно на свою энергію и дрожалъ при мысли о возможности неудачи. Если бы ему удалось, несмотря на бремя долговъ и высокіе проценты, спасти, удержать за собою старый домъ—ихъ родовое владѣніе!

Около восьми часовъ утра Віоланта Бульгарини направилась домой. Луиза провожала ее. На профессоршѣ была широкополая кружевная шляпа, на ногахъ — свѣтлосѣрыя лакированныя сандаліи, и она могла назваться по истинѣ очаровательнымъ созданіемъ, но ея внѣшность была столь необычайна въ этой странѣ, что прохожіе останавливались при встрѣчѣ съ нею, и Віоланта краснѣла отъ ихъ замѣчаній.

Свѣжій вѣтерокъ подулъ съ моря, смѣшиваясь съ благоуханіями, несшимися съ полей. Віоланта восхищалась свѣжестью утра.

— Но это не даетъ понятія о божественной свѣжести утра на сѣверѣ,—сказала Луиза.

— У тебя тоска по родинѣ?

— Иногда, но я скрываю ее отъ Манфреда.

Профессоръ хорошо провелъ ночь и чувствовалъ себя поутру гораздо лучше. Ночью Луиза ни о чемъ не могла думать, кромѣ своего мужа; сегодня она съ полнымъ сочувствіемъ слушала свою пріятельницу, разсказывавшую ей о томъ, что Бонавентура ежедневно пишетъ ей и умоляетъ ее о свиданіи. Онъ ѣздилъ къ своимъ родителямъ въ Монтальтино.

— Это вашъ герцогскій замокъ въ Абруццахъ, не такъ ли?

Віоланта улыбнулась.—Нашъ, говоришь ты? Я не имѣю къ нему никакого отношенія, даже Бонавентура не наслѣдуетъ ни титула, ни замка,—они переходятъ къ старшему его брату.

— Ты все еще ему не простила?

— Давно. Мы обмѣнялись множествомъ писемъ; я для него—самый вѣрный, самый преданный другъ, сестра, если хочешь...—Она оборвала, дивясь своему волненію.

— Ты не желаешь только быть его женою?

— Нѣтъ, и онъ самъ не захотѣлъ бы этого. Его измѣна, принесшая мнѣ столько горя, изгнавшая меня изъ дому, — не была единственной. Я поняла, что это порханіе отъ одной женщины къ другой — потребность его натуры. Для него вся прелесть—въ новизнѣ. Но видѣть это собственными глазами? Нѣтъ! Лучше—монастырь, лучше—смерть...

— Но ты не умерла и не пошла въ монастырь, что дѣлаетъ тебѣ честь.

— Я съ теченіемъ времени успокоилась и наслаждаюсь жизнью—быть можетъ, въ болѣе чистомъ и лучшемъ смыслѣ слова, чѣмъ прежде. Меня уже не тянетъ въ „бурю страсти". Все это осталось далеко позади. Скажу болѣе: меня страшитъ моя собственная холодность. Между тѣмъ его письма становятся все настоятельнѣе...

— Ты должна съ нимъ повидаться, —съ живостью сказала Луиза.—Радуйся, что жизнь призываетъ тебя. Быть можетъ, ты еще будешь счастлива.

— Какъ это возможно?—Віоланта покачала головою: — онъ приноситъ всѣмъ одно несчастіе. Я купила душевный миръ дорогою цѣною, и боюсь рисковать имъ.

— Значитъ, ты не довѣряешь этому миру?

Віоланта нервно играла вѣеромъ, висѣвшимъ у нея на цѣпочкѣ; она смотрѣла внизъ, на свои ботинки изъ свѣтло-желтой лакированной кожи. Луиза ее не понимала, да и она сама не понимала себя. Она хотѣла и не хотѣла, и къ смутному влеченію примѣшивался тайный ужасъ. Самое лучшее—отдаться во власть самой жизни, какъ во время купанья отдаешься волнѣ: куда-нибудь да вынесетъ.

Когда пріятельницы уже подходили къ границѣ графскихъ владѣній, Віоланта замѣтила слѣдовавшую за ними толстую бѣлую фигуру, и Луиза объяснила, что тетя Анастасія постоянно сопровождаетъ ее: она увѣрена, что все происходящее вокругъ имѣетъ прямое или косвенное къ ней отношеніе, и потому ей слѣдуетъ быть постоянно насторожѣ.

— Она боится преслѣдованія, и выходитъ въ концѣ концовъ, что она сама всѣхъ преслѣдуетъ,—замѣтила Віоланта, прощаясь съ пріятельницею.

Семейство Порти уже сидѣло за завтракомъ въ громадной восьмиугольной, выходившей на террасу, залѣ, когда-то блиставшей роскошнымъ убранствомъ, а теперь — голой и обобранной. Скатерть была изъ грубаго холста, приборы оловянные съ деревянными ручками, а за столомъ прислуживала дочь Сакрипанти, неряшливая дѣвица въ веснушкахъ, со спутанными рыжими космами.

Старый графъ сидѣлъ между своими племянницами: Ниною Каресса и Віолантою Бульгарини; рядомъ съ капелланомъ донъ-Антоніо помѣщалась сестра графа, тетка Аврора, далѣе — Валеріо, Марія-Граціэлла, дѣти Нины. За стуломъ Валеріо лежала Deary; по обѣимъ сторонамъ его сестры сидѣли два черныхъ кота, которымъ она потихоньку бросала кусочки.

Графъ казался очень усталымъ,—онъ съ утра наблюдалъ за

уборкою сѣна, и мысли его вращались вокругъ прессовки, различныхъ способовъ осушенія и орошенія, качества травъ, а главное — безконечныхъ вычисленій. Правда, онъ охотно подѣлился бы своими соображеніями съ сыномъ, но тотъ не только не интересовался ими, но относился къ нимъ прямо враждебно. Валеріо, въ качествѣ наслѣдника знатнаго имени, чувствовалъ себя созданнымъ для широкой барской жизни, и видъ отца, трудящагося какъ простой поденщикъ, — оскорблялъ его аристократическое чувство. Графъ Маріо желалъ въ свою очередь, чтобы сынъ помогалъ ему управлять имѣніемъ, и для того, чтобы принудить его къ этому, онъ не давалъ ему на руки никакихъ денегъ. Ихъ отношенія были такъ натянуты, что они даже не обращались непосредственно другъ къ другу.

— Марія-Граціэлла, скажи графу, что я ѣду сегодня въ городъ, — сказалъ Валеріо, и сестра повторила его слова, хотя отецъ самъ могъ слышать ихъ, но сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ на нихъ вниманія. Про себя же онъ подумалъ, что Валеріо навѣрное выманилъ деньги у слабохарактерной Нины и ѣдетъ въ городъ, чтобы растранжирить ихъ.

Всегда такая веселая и разговорчивая, Марія-Граціэлла сидѣла сегодня блѣдная и нѣмая. Молодая дѣвушка пережила утромъ цѣлую драму. Братъ ея въ самыхъ высокомѣрныхъ выраженіяхъ отказалъ отъ дому Алессандро Канеллѣ, узнавъ о его намѣреніи сдѣлать предложеніе контессинѣ Порти. Марія-Граціэлла подошла къ концу ихъ объясненія; она ничего не подозрѣвала, но при видѣ блѣднаго лица своего поклонника, съ ледяною холодностью приподнявшаго передъ нею шляпу, она сама поблѣднѣла и какъ-то съежилась, подобно молодой почкѣ, которую хватило морозомъ. Бывшая съ нею Нина спросила Валеріо: что случилось? И тотъ отвѣтилъ съ побѣдоноснымъ видомъ, что онъ указалъ „зазнавшемуся плебею“ его мѣсто. Сама Нина давно утратила сознаніе различія между патриціями и плебеями, но съ обычною рабскою покорностью итальянской женщины она не рѣшилась высказать своихъ соображеній. И Марія-Граціэлла, изъ чувства той же покорности, смѣшанной съ гордостью, не позволявшей ей выказывать свои ощущенія, постаралась принять беззаботный видъ и даже вбѣжала въ столовую, напѣвая пѣсенку. Но тутъ она почувствовала, что не можетъ проглотить ни куска, и обращалась исключительно къ дѣтямъ Нины, о которыхъ заботилась, какъ мать.

— Милый дядя, — ласково сказала Віоланта, — вы кажетесь сегодня очень утомленнымъ. Вы слишкомъ много работаете.

— Мы, мужчины, на то и созданы, чтобы работать,—рѣзко отвѣтилъ графъ;—кто ничего не дѣлаетъ, тотъ не имѣетъ права на существованіе.

Валеріо упрямо смотрѣлъ на свою жареную рыбу, понимая, къ кому относится этотъ намекъ.

— А все-таки вы мнѣ обѣщайте отдохнуть часа два послѣ завтрака,—настаивала Віоланта.

— Мнѣ нужно быть сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ,—вздохнулъ графъ.—Еслибы я былъ лѣтъ на двадцать моложе! Тогда не нужно было бы разсчитывать и беречь свои силы. Я былъ словно изъ стали. Но съ годами старѣешься... Теперь уже не то.

— Я люблю старость,—сказала Віоланта:—человѣкъ становится мудрымъ и спокойнымъ. Онъ смотритъ на жизнь словно съ вершины высокой горы и радуется вёдру и дождю. Только не нужно работать сверхъ силъ.

— Никто не станетъ работать за меня,—сказалъ графъ, метнувъ въ сторону сына холодный взглядъ.—Я желаю спасти хотя отчасти наслѣдіе моихъ дѣтей, которыя, конечно, не поблагодарятъ меня.

— Отецъ!—воскликнула съ укоромъ Марія-Граціэлла, натянутые нервы которой не выдержали. Глаза ея наполнились слезами и она вся дрожала отъ волненія.

— Дядя Маріо,—воскликнула Нина,—вы настоящій варваръ! Развѣ Граціэлла—не любящая дочь?

— Таковъ уже законъ природы, что отцы живутъ для дѣтей, а дѣти—для самихъ себя; дочери стремятся уйти изъ дому съ первымъ встрѣчнымъ, а сыновья—поскорѣе наслѣдовать отцу, чтобы зажить на полной своей волѣ.

Валеріо молча пожалъ плечами, а Марія-Граціэлла глотала слезы. Нина поспѣшила произвести диверсію и разсказала нѣсколько новостей изъ городской жизни. Когда рыжая Марія поставила на столъ дессертъ, состоявшій изъ вишенъ и сливъ, молодая дѣвушка молча поднялась и вышла изъ комнаты, провожаемая удивленнымъ взглядомъ строгихъ голубыхъ глазъ отца. Не зная о случившемся, онъ недоумѣвалъ: чѣмъ онъ могъ такъ обидѣть ее?

Віоланта нашла кузину въ ея комнатѣ. Граціэлла обливала слезами портретъ матери въ старенькой рамкѣ и цѣловала его дрожащими губами.

— Carina,—ласково проговорила Віоланта, привлекая ее къ себѣ,—carina!

Граціэлла еще сильнѣе расплакалась. Если бы ея мать была жива!

— Въ чемъ дѣло? Вѣдь ты имѣешь ко мнѣ хоть крошечку довѣрія?

— Къ тебѣ, моя красавица? Не знаю, за что ты любишь меня. Что я такое? Безобразное упрямое созданіе!

— Ты—настоящая дочь твоего отца.

Віоланта посадила ее къ себѣ на колѣни, какъ маленькаго ребенка, и вытерла своимъ платкомъ ея воспаленные глаза и красный горячій носикъ. Граціэлла продолжала жаловаться на женскую долю. Выйти замужъ—все же лучше, но суть въ томъ—за кого выйти? Хорошо, если мужъ окажется порядочнымъ человѣкомъ. Ея сестра Венеранда бѣдствуетъ съ дѣтьми, у Анджелины совсѣмъ нѣтъ дѣтей, и потому родные мужа и онъ самъ презираютъ ее.

— А ты никого не любишь?

— Нѣтъ,—она упрямо мотнула головкой;—а еслибы и любила—постаралась бы заглушить эту любовь. Поставить на своемъ? А чѣмъ это кончится? Вотъ бѣдная Маргарита Фіори вышла противъ воли родныхъ за маркиза Пассеро, а теперь онъ ее колотитъ. Нина, наоборотъ, совсѣмъ не была влюблена въ Оттавіо Каресса, но отецъ считалъ его честнымъ человѣкомъ и оказался правъ: Нина, все-таки, счастливѣе остальныхъ.

— Но у тебя есть женихъ, заслужившій одобреніе дяди.

— Орландо Семираки?—Граціэлла расхохоталась:—онъ похожъ со своею черной бородою и большими глазами на восковую парикмахерскую куклу. Лучше пойти въ монахини.

— Ты не создана для монашеской жизни, Граціэллина,—твои силы пригодятся для жизни.

— А на что мы въ сущности употребляемъ эти силы? Повинуемся мужчинамъ, ходимъ за дѣтьми, заказываемъ себѣ платья...

Простота, съ которою Марія-Граціэлла всегда ставила подобные вопросы, порою смущала Віоланту. Могла ли она проповѣдовать борьбу противъ цѣлаго уклада жизни?

Приходъ портнихи, особы очень популярной въ Санъ-Анджело, гдѣ она исполняла кстати обязанности акушерки, прервалъ ихъ бесѣду, и Марія-Граціэлла, забывъ о своей печали, послала за Ниною, прося ее принести модныя картинки.

Віоланта, пройдя амфиладою наполовину пустыхъ комнатъ, поднялась къ себѣ и вышла на балконъ. Въ саду дѣти Нины играли съ собакою, а Валеріо налаживалъ свой велосипедъ. Рядомъ съ нимъ стояла бѣлокурая, черезчуръ стройная Нина, до-

бротою которой онъ злоупотреблялъ и презиралъ ее за это. „У кого рабская душа—съ тѣмъ и надо обращаться какъ съ рабомъ“,—говаривалъ онъ.

Віоланта заглядѣлась на море, отливавшее золотомъ въ полуденныхъ лучахъ. Бѣлый парусъ казался крыломъ чайки; надъ волнами и землею лежали тишина и ослѣпительное сіяніе полудня.

Віоланта не думала ни о пессимизмѣ Граціэллы, ни о слабости Нины и жесткости Валеріо; она думала о Бонавентурѣ Бульгарини.

Нина видѣла его вмѣстѣ съ маркизомъ Пассеро, и это тревожило ее. Dis moi, qui tu hantes,—je te dirai, qui tu es... Неужели онъ могъ сойтись съ подобнымъ человѣкомъ? Маркизъ пользовался самою дурной репутаціей: онъ былъ пьяница, игрокъ и развратникъ, морившій голодомъ жену, низведенную имъ до степени служанки и страдавшую отъ его побоевъ. Какую цѣну могла она придавать его дружбѣ, если онъ дружилъ съ подобнымъ человѣкомъ?

— Ты ѣдешь въ Лермо?—спросила Віоланта, перегибаясь черезъ рѣшетку.

— Да. А ты?—Онъ поднялъ голову, и по глазамъ его она увидѣла, что онъ *знаетъ*.

— Нѣтъ, мой велосипедъ не въ порядкѣ.

— Опять? Я завтра осмотрю его.

— Благодарю. Счастливаго пути.

— Счастливо оставаться!—отвѣтилъ онъ, и въ тонѣ его голоса она опять уловила какую-то затаенную мысль.

IV.

Віоланта осталась вѣрна своему намѣренію—не выходить весь этотъ день изъ дому. На слѣдующій день къ вечеру она рѣшила навѣстить страдавшую ревматизмомъ жену одного изъ арендаторовъ дяди, Паулону, истеричную женщину, всегда бывавшую жертвою различныхъ бѣдствій. Віоланта стала подниматься крутою, шедшею среди виноградниковъ тропинкою; отсюда открывался дивный видъ на море и далекія линіи холмовъ. Она придерживала рукою шлейфъ темнаго платья, и вся она—нѣжная и благородная, съ тонкими, говорившими о страданіи и побѣдѣ надъ собою чертами—словно составляла часть этого задумчиваго и живописнаго ландшафта.

Она шла въ глубокомъ раздумьи. Съ нѣкоторыхъ поръ у нея было такое ощущеніе, какъ будто она стоитъ на поворотѣ. Это было смутное ожиданіе, и она почти боялась озарить его лучомъ размышленія. Она спокойно шла навстрѣчу къ тому, что̀ должно случиться.

Позади нея послышались шаги, на которые она не обратила вниманія. Они ускорились.

— Віоланта! Віолантина!

Это былъ его голосъ.

На секунду она была потрясена, но затѣмъ наступило успокоеніе, и она съ дружескою улыбкою протянула ему руку.

— Я счастливъ, что встрѣтилъ тебя сегодня, но, все равно, это случилось бы завтра или послѣ-завтра,—душа моя такъ звала тебя, что ты должна была придти. Развѣ ты этого не чувствовала каждую минуту?

Она почти не слушала словъ, она не переставала смотрѣть на него. Какъ онъ постарѣлъ! Онъ держалъ шляпу въ рукѣ, и она могла видѣть, какъ онъ облысѣлъ. Это измѣняло его еще болѣе, чѣмъ рѣзкія линіи морщинъ вокругъ рта и глазъ, синева и мѣшки подъ глазами. Ему было сорокъ лѣтъ, и онъ казался даже старше. Она замѣтила это, но не ощутила сожалѣнія.

— Бонавентура!—проговорила она медленно, какъ бы про себя. Ей хотѣлось согласовать знакомое старое имя съ этимъ новымъ для нея обликомъ.

— Ты совсѣмъ не перемѣнилась. Ты все такая же красавица.

Она невольно покраснѣла и подумала: зачѣмъ онъ такъ грубо лжетъ? Но нѣтъ, онъ не лжетъ, онъ просто такъ чувствуетъ въ данную минуту. Голосъ его не утратилъ своей способности—ласкать, а глаза—восхищаться, и подъ обаяніемъ этого голоса и взора исчезло то незнакомое, что̀ поразило ее въ первую минуту, и она увидѣла передъ собою прежняго Бонавентуру.

Онъ заговорилъ о томъ, какъ давно̀-давно онъ не видалъ ее. Безъ нея онъ блуждалъ въ пустынѣ. Еслибы она не бросила его, онъ, быть можетъ, не сбился бы съ пути. Она была единственнымъ свѣточемъ его жизни, и когда въ душѣ его поднималось глубокое презрѣніе къ людямъ, онъ говорилъ себѣ: „Есть еще на свѣтѣ Віоланта Порти!“

Она, опустивъ голову, шла рядомъ съ нимъ, внимая не словамъ, а мелодіи его голоса, и теперь она поняла свое равнодушіе къ его письмамъ, какъ бы краснорѣчивы ни были они: очарованіе заключалось въ мягкомъ, глубокомъ, полномъ страсти

звукѣ его голоса. Но она не была расположена настраивать себя на сентиментальный ладъ, а потому, когда онъ замолкъ, она спросила его: неужели онъ пришелъ сюда изъ Лермо пѣшкомъ?

Онъ былъ нѣсколько пораженъ, но отвѣтилъ въ ея тонѣ, что онъ со вчерашняго дня находится у маркиза Пассеро.

— Ты дружишь съ этимъ негодяемъ?

— Онъ ни хуже, ни лучше другихъ.

— Нѣтъ, онъ негодяй, который дурно обращается съ женою.

— Таковъ бракъ. Или мужъ дурно обращается съ женою, или жена съ мужемъ, а въ общемъ это—отношенія господина и раба.

Віоланта возразила ему, что существуютъ и счастливыя супружества: бракъ ея отца и матери, дяди Маріо, ея сестры Нины, наконецъ.

— Да, но это потому, что женщина совершенно отреклась въ нихъ отъ всякой самостоятельности.

— Я знаю бракъ другого рода: моей пріятельницы Луизы.

— Эта нѣмка, вышедшая за профессора—какъ, бишь, его? Судя по твоимъ письмамъ, у нея сильная душа. Вѣроятно, первенствующая роль принадлежитъ ей.

Она посмотрѣла на него сбоку. Неужели онъ считаетъ невозможнымъ равенство въ бракѣ?

— Кто-нибудь долженъ господствовать. Даже у республики бываетъ лишь одинъ глава.

— Но можно подчиниться только тому, въ кого вѣришь и кого уважаешь.

Онъ отвѣтилъ самымъ нѣжнымъ голосомъ:

— Я и подчиняюсь тамъ, гдѣ вѣрую и уважаю.

Этими словами онъ словно положилъ свою душу къ ея ногамъ. Они растопили образовавшуюся вокругъ ея сердца ледяную броню, и въ ней снова забила ключомъ радость бытія. Она сразу почувствовала себя молодой и счастливой, и эта свѣтлая радость была такъ сильна, что она начала шутить и смѣяться, дразнить его разными прежними его слабостями. Онъ отвѣчалъ ей въ тонъ. Въ ея веселости было нѣчто особое, почти торжественное; все тяжелое она сбросила съ себя, и духъ ея взвивался къ небесамъ, какъ жаворонокъ, привѣтствующій пѣснею восходъ солнца. Это—переливалась черезъ край долго подавляемая радость жизни; въ ея глазахъ, на ея устахъ, въ ея душѣ искрился золотой смѣхъ.

Они, какъ влюбленные, говорили о пустякахъ, наслаждаясь

сознаніемъ близости другъ къ другу. Маисовые колосья шептались съ вечернимъ вѣтеркомъ, въ оливковыхъ рощахъ уже запѣли соловьи подъ тихій аккомпаниментъ кузнечиковъ; позади пиній и виноградниковъ синѣло море, сливавшееся на горизонтѣ съ линіей неба. Догорали послѣдніе лучи заката.

Они никого не встрѣтили, кромѣ крестьянина съ парою бѣлыхъ быковъ. У часовеньки, подъ защитою дерновой стѣны, отгораживавшей ее отъ дороги, Бонавентура привлекъ Віоланту въ свои объятія, и его поцѣлуй пробудилъ въ ней такое захватывающее ощущеніе счастія, какого она не испытывала въ дни своей молодой любви и красоты.

Онъ шепнулъ ей:—Пріѣзжай завтра въ Лермо! Я пришлю сюда за тобою крытый экипажъ или пріѣду самъ, если позволишь, и отвезу тебя въ нашъ домъ. Нѣтъ? Ты не забыла, что осталась передъ Богомъ моей женою, и насъ разлучаетъ лишь твоя собственная воля? Или я долженъ ухаживать за тобою, какъ за невѣстою?

Она освободилась изъ его объятій.

— Нѣтъ, но мнѣ нужно успокоиться, узнать, чего я хочу. Теперь я ничего не знаю.

— Пошли, carina, къ чорту успокоеніе и сознаніе, и послушайся своего сердца!

— Я этого и хочу, — улыбнулась она,—но мы слишкомъ стары для любовныхъ похожденій. Я не могу придти къ тебѣ какъ любовница, съ тѣмъ чтобы уйти на слѣдующій день. Мы должны знать, чего хотимъ. Поэтому дай мнѣ время все обдумать, Бонавентура. Если мы ждали столько лѣтъ, то можемъ подождать нѣсколько дней, не такъ ли?

— Какъ хочешь. Ты видишь во мнѣ своего раба.

— Тогда—до свиданія. Я напишу.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ее—нѣжно и почтительно, а затѣмъ она, не оглядываясь, начала спускаться. Проводивъ ее долгимъ взглядомъ, Бонавентура направился въ обратный путь. Онъ надѣлъ шляпу, которую все время держалъ въ рукѣ, и принялся насвистывать изъ „Травіаты". Онъ былъ такъ музыкаленъ, что даже свистъ его могъ доставить удовольствіе.

Онъ думалъ о Віолантѣ. Конечно, онъ очень виноватъ передъ нею; но можетъ ли онъ покаяться отъ души? Вѣдь онъ былъ вѣренъ своей природѣ, какъ она—своей; не послужилъ ли онъ орудіемъ, приведшимъ ее къ совершенству? Лишь благодаря огромности его вины, ея ангельская доброта и благородство открылись во всей ихъ полнотѣ. Сумѣй онъ въ прошломъ лучше

скрыть свои измѣны, или останься онъ вѣрнымъ ей, ихъ бракъ превратился бы за эти пятнадцать лѣтъ въ нѣчто обыденное, банальное, и никогда не пережить бы имъ такого чуднаго, полнаго поэзіи часа, какъ теперь. Въ ея прощеніи есть нѣчто божественное: ни слова укора; ея благородство дѣйствуетъ почти удручающимъ образомъ: боишься оказаться не на высотѣ... Маленькая доза пошлости сближаетъ людей и облегчаетъ взаимныя сношенія. Въ присутствіи Віоланты чувствуешь себя какъ въ церкви, но церковь—для воскресныхъ дней, а въ будни намъ лучше среди пестрой уличной толпы. Но тѣмъ не менѣе, онъ все загладитъ; онъ утѣшитъ родителей, сокрушающихся о своей любимицѣ. Никогда не поздно исправиться, и одинъ кающійся грѣшникъ—дороже многихъ праведниковъ...

Погруженный въ такія неустойчивыя размышленія, Бонавентура дошелъ до виллы Пассеро, гдѣ нашелъ у калитки Маргариту съ ея чернымъ пуделемъ Лордомъ. На вопросъ его: не ждетъ ли она Карлино?—маленькая маркиза отвѣтила своимъ жалобнымъ голоскомъ, что напрасно было бы ждать его; она просто боится оставаться одна въ темномъ домѣ. Здѣсь, у калитки, она, все-таки, видитъ людей.

— Еслибы вы не вернулись, я отправилась бы къ Порти; Бадалини проводилъ бы меня.

— Это одинъ изъ вашихъ крестьянъ?

— Да, ближайшій нашъ сосѣдъ. Онъ живетъ у другого конца сада. Если бы не было его, я бы, кажется, умерла. Онъ и Лордъ—мои единственные защитники. Не правда ли, Лордъ?

Она вздохнула и провела своею нѣжною ручкой по черной шерсти пуделя. Она напоминала фигурою и лицомъ хорошенькую фарфоровую куколку съ черными волосами и алымъ, какъ вишня, ротикомъ.

— Гдѣ же Карлино?

— Уѣхалъ въ автомобилѣ къ своей матери; онъ всегда уѣзжаетъ къ ней, когда разсердится, и оставляетъ меня безъ всего.

— Кто же убираетъ домъ и стряпаетъ?

— Старая Бадалина и я.

— Такъ обращаться съ такой прелестною женщиной! Я выскажу Карлино мое мнѣніе. А вамъ, маркезина, я сказалъ бы одно: нечего оплакивать человѣка, который отъ васъ бѣгаетъ. Мы и безъ него сумѣемъ устроиться, не такъ ли?

Но бѣдная маленькая женщина была не въ состояніи шутить.

— Я такъ несчастна!—вздохнула она:—все у меня болитъ. Онъ бьетъ меня и когда-нибудь убьетъ до смерти.

— Варваръ!—воскликнулъ искренно возмущенный Бульгарини, но въ душѣ онъ подумалъ: „раба!“ Онъ ощущалъ одновременно сожалѣніе и презрѣніе къ этой безпомощной женщинѣ-ребенку.

Какъ грубы и невоспитанны были молодые дворяне его круга! Онъ чувствовалъ себя безконечно выше ихъ, хотя не гнушался ихъ забавами.

„Странное дѣло—эта культура,—подумалъ онъ:—кажется, теперь она чаще встрѣчается у крестьянъ, чѣмъ у господъ; у верхнихъ же слоевъ сквозь внѣшній лоскъ все болѣе и болѣе проглядываетъ первобытная грубость. Не начало ли это чего-то новаго, или просто—начало конца?“

— Вы позволите,—обратился онъ къ маркизѣ,—предложить вамъ на сегодняшній вечеръ мою защиту и услуги? Вы будете королевою, а я—вашимъ камергеромъ.

— Я всегда считала васъ настоящимъ дворяниномъ, Бонавентура, что бы ни говорили о васъ.

— Это очень мило съ вашей стороны. Обо мнѣ мало говорятъ хорошаго, но я все же немножко лучше своей репутаціи.

— Много лучше.

— А теперь я попросилъ бы ваше величество разрѣшить мнѣ пройти въ домъ, зажечь лампы и чего-нибудь перекусить. Я голоденъ.

— У меня ничего нѣтъ въ домѣ, рѣшительно ничего, кромѣ кусочка черстваго хлѣба. Козье молоко я отдала ребенку. Нѣтъ даже огня.

— Не безпокойтесь, Маргарита!—онъ весело разсмѣялся:—я бывалъ у сѣвернаго полюса и въ степяхъ Абиссиніи,—и не умеръ съ голоду. Мы начнемъ съ того, что возьмемъ приступомъ домъ Бадалини. Идемте, моя королева!

Десять минутъ спустя, они уже сидѣли въ просторной кухнѣ Бадалини, совмѣщавшей въ себѣ столовую и пріемную, за дымящимся, вкусно приправленнымъ ризотто и плоскою бутылкою вина.

Крестьянка, которой Бонавентура, послѣ первыхъ привѣтствій, заявилъ, что они пришли ужинать, съ степенной вѣжливостью придвинула къ столу два стула, поставила на него лампу и пригласила гостей закусить—чѣмъ Богъ послалъ. Она накрыла на столъ молча, съ тою патріархальною торжественностью, которая свойственна простымъ, неиспорченнымъ людямъ, когда имъ случается принимать гостей. Гостямъ полагается подавать лучшее, что есть въ домѣ,—этого требуетъ честь дома.

Дверь была отворена настежъ; изъ сада неслось благоуханье

и пѣснь соловьевъ. Вошелъ Бадалини и присѣлъ за столъ къ гостямъ. Бонавентура ѣлъ съ аппетитомъ, что̀ не мѣшало ему наблюдать за Маргаритою, которая съ видимымъ принужденіемъ заставила себя проглотить нѣсколько кусковъ.

Два года тому назадъ, онъ видѣлъ Маргариту Фіори въ Неаполѣ. Она была прелестнѣйшею дѣвушкою, какую только можно себѣ представить, и что̀ сталось теперь съ бѣднымъ созданьицемъ! Взглядъ ея хорошенькихъ глазъ имѣлъ испуганное выраженіе, какъ у побитаго ребенка; платье ея было поношено, на блузкѣ недоставало пуговицы, юбка выползла изъ-подъ узкаго кушака, на маленькихъ ногахъ красовались изящныя, но изношенныя туфельки и на чулкѣ зіяла большая дыра, сквозь которую просвѣчивала бѣлая кожа. Она относилась ко всему грустно и безучастно, и только какая-нибудь любезность вызывала на ея губы блѣдное подобіе ея прежней дѣвической улыбки.

Бадалини съ гордостью разсказывалъ гостю о своемъ сынѣ, служившемъ въ карабинерахъ, но вскорѣ онъ всталъ изъ-за стола, такъ какъ ему еще надо было заглянуть на конюшню.

Бонавентура, выпившій не одинъ стаканъ мѣстнаго вина, пришелъ въ особое настроеніе. Ему казалось, что Віоланта невидимо здѣсь присутствуетъ, и во имя ея онъ долженъ явиться защитникомъ и рыцаремъ покинутой женщины.

Онъ становился все краснорѣчивѣе, и улыбка все чаще стала появляться на губахъ Маргариты, которую Бонавентура мысленно сравнивалъ съ цвѣточкомъ, нуждающимся въ солнечномъ лучѣ, для того чтобы снова расцвѣсти. Въ то же время онъ со злобою думалъ о Карлино. Пригласить къ себѣ человѣка и уѣхать, не оставивъ въ домѣ ни корки хлѣба, и вдобавокъ—поставить его въ необходимость провести ночь подъ одною кровлею съ прелестной молоденькою женщиной! За святого считаетъ онъ его что-ли? Видитъ Богъ, онъ не пользуется такою репутаціей. А можетъ быть онъ просто разставилъ ему эту ловушку, чтобы отдѣлаться отъ надоѣвшей ему женщины? Карлино способенъ на подобный разсчетъ.

— Послушай, Бадалина, — обратился онъ къ женщинѣ:— маркезина нуждается ночью въ охранѣ, но я не могу оставаться съ нею въ домѣ; пойдутъ сплетни.

— Правда, синьоръ.

— Вотъ что̀: приготовь тамъ постель для твоего мужа, а мнѣ позволь переночевать у тебя.

— Ты—хорошій человѣкъ, синьоръ, я вижу. Я все приготовлю.

— Отлично. Мы погуляемъ покуда въ саду, а когда маркиза пройдетъ къ себѣ, я вернусь сюда, и мужъ твой пойдетъ въ домъ.

Мнѣнія Маргариты никто не спрашивалъ. Они прошли въ садъ, было темно, и она спотыкнулась о корень дерева. Тогда Бонавентура молча обвилъ рукою ея станъ, и она не противилась.

— Карлино болванъ,—сказалъ онъ тихимъ голосомъ,—онъ не заслуживаетъ имѣть такую прелестную жену.

— Dio mio,—вздохнула она,—я совсѣмъ не прелестна. Что̀ онъ сдѣлалъ со мною!

— Маргарита!

— Что̀?—Въ ея тонѣ слышалось: говори, приказывай,—вѣдь я привыкла повиноваться.

— У тебя самая плѣнительная улыбка и прелестнѣйшіе глазки въ мірѣ. Я обожаю тебя.

Черезъ часъ онъ вернулся въ домъ Бадалини, насвистывая любовную пѣсенку, и вскорѣ заснулъ сномъ праведника, съ нѣжностью думая о бѣдной маленькой Маргаритѣ и негодяѣ Карлино, которому онъ далъ заслуженный урокъ.

Онъ проснулся ночью на высокой постели Бадалины, и не сразу могъ понять, что̀ случилось? Окно было открыто, луна тускло свѣтила, въ саду вздыхали соловьи. Мысль о Віолантѣ сразу пронизала его мозгъ. Что̀ онъ надѣлалъ? Недологъ былъ его поворотъ на путь добродѣтели. Что̀ за безуміе было—вообразить, что можно такъ, ни съ того ни съ сего, измѣнить свою жизнь? Развѣ онъ можетъ удержаться на той высотѣ, которой достигла Віоланта? Нѣтъ, легкимъ его души вольнѣе дышется въ низинахъ. И она настолько умна, что сама это пойметъ.

Тѣмъ не менѣе, тревога и недовольство собою продолжали мучить его. Онъ вертѣлся на постели и вздыхалъ:—„О жизнь, о женщины, о Віолантина!“

V.

Віоланта, конечно, ничего не подозрѣвала о перемѣнѣ въ настроеніи Бонавентуры, и потому очень удивилась, не получивъ отъ него на слѣдующій день обычнаго письма; когда же оно не пришло и еще черезъ день, удивленіе ея превратилось въ безпокойство. Правда, она сказала ему, что сама напишетъ, но все же въ этомъ молчаніи было что-то непонятное. Въ тотъ же вечеръ она написала:

„Милый Бонавентура!

„Послѣ нашего свиданія все измѣнилось для меня. Я думала, что нашла счастье въ отреченіи отъ жизни, и чувствовала себя хорошо въ моей тихой пристани,—но теперь мнѣ кажется невозможнымъ прожить хотя одинъ день, не получая отъ тебя извѣстія. Когда мы увидимся? Предоставляю тебѣ рѣшить дальнѣйшее.

„Віоланта".

Она проходила весь день какъ во снѣ, и уже не ощущала въ себѣ того живого участія ко всему окружающему, которое дѣлало ее общею любимицею. Къ Маріи-Граціэллѣ вернулась, наоборотъ, ея жизнерадостность. Она прибѣжала къ завтраку вся красная, запыхавшаяся, и съ плутовскимъ видомъ разставила пальцы лѣвой руки; на каждомъ изъ нихъ сидѣло по кольцу.

— Откуда у тебя кольца?—съ живостью спросила Нина.

— Джулія отдала мнѣ ихъ на храненіе. Ее позвала Паулона, у которой корова должна отелиться; кажется, съ коровою что-то неладно...

— Ты бѣгала по такой жарѣ на гору?—возмутилась лѣнивая Нина.

Графъ сердито покачалъ головою. Вчера онъ сказалъ этимъ людямъ, что нужно сдѣлать, но они желаютъ поступать по-своему и кончатъ тѣмъ, что загубятъ чудное животное.

Дѣйствительно, во время ужина появился Луиджи Ланчіотто, помощникъ графа, возвѣстившій гробовымъ голосомъ, что корова пала.

— Проклятіе!—пробормоталъ графъ, огорченный неожиданною утратою, и отложилъ ножикъ и вилку, забывъ объ ужинѣ.

Наконецъ Віоланта получила присланное съ пастухомъ Пассеро письмо, очевидно набросанное второпяхъ:

„Дорогая Віоланта, къ сожалѣнію, я принужденъ немедленно уѣхать въ Римъ на неопредѣленное время. Во всякомъ случаѣ—сейчасъ же извѣщу по возвращеніи.

„Вѣчно твой Бонавентура".

Віоланта смотрѣла на море, и въ ея темныхъ глазахъ виднѣлся тревожный вопросъ. Почему именно теперь онъ пишетъ такъ мало и наскоро? Неужели мы помѣнялись ролями? Или онъ увѣренъ во мнѣ, а потому и не тревожится?

Ее вывели изъ раздумья восклицанія и шумъ. Въ домъ явилась рыдающая Паулона, которая до того обезсилѣла, что, едва переступивъ порогъ, лишилась чувствъ. Дамы усердно хлопотали вокругъ нея; Марія-Граціэлла растирала ей лобъ о-де-колономъ

Віоланты, Нина давала нюхать англійскую соль, кухарка Проседа принесла стаканъ лучшаго вина, рыжая Марія расшнуровывала узкій и жесткій корсажъ, причемъ всѣ онѣ наперерывъ успокаивали и утѣшали ее.

— Ну, Анета, будь благоразумна!

— Выпей глотокъ вина, Анета!

— Ну, будетъ, будетъ!

Віоланта побѣжала за докторомъ, и наконецъ Паулону удалось привести въ чувство, но она сейчасъ же отчаянно закатила глаза и простонала:

— Дайте мнѣ умереть!

— А твои дѣти?—воскликнула Марія-Граціэлла.

— А твой бѣдный мужъ?—прибавила Віоланта.

— Dio, Dio mio!—стонала Паулона:—нѣтъ, я этого не переживу! Ни за что не переживу!

— Подумай, если бы умеръ кто-нибудь изъ твоихъ дѣтей!—протестовала Нина.

— Когда умираетъ ребенокъ, на это—воля Божія,—возразила Паулона,—горе большое, что и говорить, но все же его можно перенести. Но корова! корова! Этого я не переживу.

И она откидывалась на спинку кресла съ видомъ Mater Dolorosa.

Прошелъ цѣлый часъ, прежде чѣмъ Паулона настолько оправилась, что пришедшій за нею мужъ могъ отвести ее домой. На прощанье она обняла и перецѣловала своихъ утѣшительницъ: Марію-Граціэллу, Нину и Віоланту; всякія соціальныя различія были совершенно забыты.

Когда онѣ провожали Паулону, мимо нихъ промчался на своемъ автомобилѣ Карлино Пассеро.

— Вѣроятно, онъ опять на почту за письмами? Лучше бы онъ отправился къ чорту!—проворчала Марія-Граціэлла.

— Граціэллина, какъ тебѣ не стыдно?—замѣтила Віоланта.

— По крайней мѣрѣ, бѣдная Маргарита освободилась бы отъ него!

— Да, въ самомъ дѣлѣ, со всѣми случаются несчастія, почему же не съ нимъ?—сострадательно вздохнула Нина.

Графъ Маріо, узнавъ на слѣдующій день объ исторіи съ Паулоной, разсердился.

— Что вы носитесь съ этой истеричкой? Послушайся она меня—и корова, и теленокъ остались бы въ живыхъ.

— Она была въ такомъ отчаяніи, что не могла даже плакать!—возразила Віоланта.

— Если кто долженъ плакать, такъ это я!—сказалъ графъ.—Кто заплатилъ за корову? Я. Кто купитъ другую? Я! Пострадавшимъ оказываюсь я одинъ.

Несмотря на этотъ случай, общее настроеніе было веселое. Трое дѣтей сіяли отъ удовольствія, потому что съ шестичасовымъ поѣздомъ долженъ былъ пріѣхать ихъ отецъ; одна Нина нѣсколько затуманилась: ей предстояло отдать мужу отчетъ въ опрометчиво истраченныхъ деньгахъ, не выдавъ при этомъ Валеріо. Правда, она могла попросить денегъ взаймы у Віоланты, но та будетъ „презирать" ее, и это еще непріятнѣе, чѣмъ брань Оттавіо.

У Віоланты не хватило духу пойти встрѣчать зятя; послѣ свиданія съ Бонавентурою, она чувствовала непреодолимую потребность въ уединеніи, и потому направилась къ берегу, откуда открывался видъ на нѣжныя, тающія очертанія Апеннинъ; невыразимая тишь и мягкость южнаго вечера вливались къ ней въ душу. Тихій ропотъ моря ласкалъ слухъ, откуда-то доносилась пѣсня, и въ чащѣ уже перекликались соловьи. Съ моря повѣялъ легкій вѣтерокъ, освѣжившій лицо Віоланты; окружающая природа пѣла всѣми своими голосами о покорности, о любви. И Віоланта не желала ничего другого. Любить! Забывать все на свѣтѣ, отречься отъ себя во имя этой всепоглощающей любви!

Шестичасовой поѣздъ, съ которымъ долженъ былъ пріѣхать Оттавіо Каресса, давно уже прошелъ. Солнце склонялось къ горизонту. Вдругъ изъ ближайшей улицы послышалась веселая военная пѣсня,—маршъ берсальеровъ:

Oh bella brunettina,
L'Italia è lunga assai,
Ma il bersaglier' cammina
È non si stanca mai...

Траппъ, траппъ, траппъ!—раздавался въ тактъ пѣснѣ топотъ марширующихъ, твердо отбивающихъ тактъ ногъ.

Оттавіо Каресса, въ качествѣ бывшаго офицера берсальеровъ, позволилъ дѣтямъ слѣдовать за войскомъ, и они торжественно маршировали: маленькая Мимуччіа—во главѣ, за нею—Маріо, а послѣднимъ—старшій изъ троихъ, Нино. Ихъ звонкіе голоса подхватывали припѣвъ:

Il bersaglier' cammina
È non s'arrende mai!

Пробужденная отъ мечтаній, Віоланта, улыбаясь, поднялась съ мѣста; берсальеры уже прошли, но она встрѣтила Нину и

Марію-Граціэллу, которыя объяснили, что идутъ за Маргаритою,— она прислала сказать, что уже второй день сидитъ совершенно одна, Карлино вчера вечеромъ увезъ ребенка—вѣроятно, къ своей матери, настоящему дракону. Онъ не захватилъ съ собою даже никакихъ вещей, необходимыхъ для такого малютки, а взялъ его въ томъ, что̀ было на немъ надѣто въ данную минуту.

— Безсердечный человѣкъ!—сказала Віоланта.

— Скотъ! — подхватила Марія-Граціэлла. — Но почему же она изъ любви къ нему разыгрываетъ такую дуру и все ему позволяетъ?

— Попробовалъ бы кто-нибудь такъ поступить со мною!— воскликнула съ угрозою Нина. Остальныя разсмѣялись.

— Ты такая же раба, какъ и всякая другая,—сказала Віоланта, — ты даже не отучила твоего Оттавіо плевать на полъ.

— Ну, у нея все-таки хорошій мужъ, — сказала Марія-Граціэлла.

Но Нина выпятила свою толстую нижнюю губку, и глаза ея сверкнули.

— Я никому бы не посовѣтовала попробовать отнять у меня моихъ дѣтей!

Семейство Порти прекратило всякія сношенія съ Пассеро, одинъ Валеріо видался съ нимъ; но когда Карлино бросалъ жену, она всегда находила радушный пріютъ у сосѣдей.

И теперь она сидѣла среди нихъ, какъ улетѣвшая изъ клѣтки птичка, и принимала ихъ дружескія утѣшенія. О посѣщеніи графа Бульгарини она не упомянула. Въ своемъ вылинявшемъ отъ стирки розовомъ лѣтнемъ платьицѣ, еще болѣе оттѣнявшемъ нѣжный цвѣтъ ея лица, она была поразительно прелестной. На ряду съ ея дѣтской миловидностью Марія Граціэлла казалась еще грубѣе, неправильныя черты Нины—еще неправильнѣе, а красота Віоланты — болѣе поблекшей, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Всѣ старались ободрить и развеселить замученную маленькую женщину, въ томъ числѣ—Валеріо и Оттавіо, не оставшіеся нечувствительными къ ея красотѣ.

Одинъ графъ Маріо холодно отнесся къ ней, хотя вообще онъ цѣнилъ прекрасное; но для него неправильное энергичное лицо было красивѣе самаго очаровательнаго безхарактернаго личика. Сначала онъ горячо вступился за Маргариту, но затѣмъ потерялъ къ ней всякое уваженіе.

— Не понимаю,—обратился онъ къ маркезинѣ,—какъ можетъ позволить мать, чтобы у нея отняли ребенка?

— Что же мнѣ дѣлать? Онъ бьетъ меня.

— Что изъ этого? Когда нужно защитить ребенка, мать не думаетъ о побояхъ.

— Но онъ топчетъ меня ногами, онъ убьетъ меня.

— Злодѣй!—воскликнулъ возмущенный Оттавіо Каресса.

— Мать дастъ убить себя, защищая ребенка!—настаивалъ графъ:—зайчиха, насѣдка—и тѣ не думаютъ о собственной безопасности, отстаивая своихъ дѣтенышей.

Віоланта посмотрѣла на гордое, энергичное лицо дяди и подумала, что у него не встрѣтилъ бы снисхожденія и Бонавентура Бульгарини. Когда она, къ большому соблазну ихъ круга, убѣжала отъ мужа, онъ одинъ не совѣтовалъ ей „терпѣть“ и возвращаться къ нему. Что-то онъ скажетъ теперь, узнавъ объ ихъ примиреніи?

VI.

Іюнь подходилъ къ концу; крестьяне уже начали снимать съ полей пшеницу и овесъ. Мужчины работали серпами, а женщины вязали снопы, и при этомъ тѣ и другія подкрѣпляли себя кипяченымъ виномъ, предохраняющимъ отъ солнечныхъ ударовъ.

Бонавентура написалъ, наконецъ, изъ Лермо: „Вернулся вчера. Когда и гдѣ мы увидимся?“

Она сейчасъ же отвѣтила: „Буду завтра вечеромъ у часовни, близъ которой мы разстались“.

Въ назначенный часъ она отправилась къ мѣсту свиданія полями, гдѣ среди колосьевъ оглушительно стрекотали кузнечики, и въ ней самой все пѣло и играло. Несмотря на знойный отъ сирокко воздухъ, она шла съ необычайной легкостью, и все казалось ей залитымъ сказочно-золотистымъ сіяніемъ. Серебряная лента рѣки казалась подобіемъ оксидированнаго серебра и линія горъ вырисовывалась необычайно отчетливо на безоблачномъ небѣ, между тѣмъ какъ лежавшая у ногъ ея долина словно курилась.

Она уже боялась, что пришла слишкомъ рано, но онъ ждалъ ее за поворотомъ и тотчасъ же узналъ: такая осанка и походка могли быть только у нея. Но видъ ея лишь усилилъ въ немъ чувство стѣсненія и сознаніе своей неправоты. Чего, въ сущности, онъ хочетъ отъ нея? Прошлое умерло, и нечего пытаться его воскрешать. Онъ былъ блѣденъ и взволнованъ.

Взволнованная Віоланта ничего не замѣчала; она чувствовала лишь одно: его присутствіе.

Съ выраженіемъ глубокаго счастья она протянула ему обѣ руки, и глаза ея говорили: „я—твоя“. На это у него имѣлся одинъ отвѣтъ: онъ привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ. Но онъ слишкомъ много любилъ и цѣловалъ въ своей жизни, и потому въ сердцѣ его ничего не вспыхнуло; онъ размѣнялъ свое чувство на мелкую монету, между тѣмъ какъ она берегла и накапливала свое годами. И онъ ощущалъ сожалѣніе о томъ, что самъ онъ уже неспособенъ на сильное чувство. Въ первую минуту опьяненія Віоланта не замѣтила его холодности, но вдругъ она освободилась и посмотрѣла на него съ ужасомъ и изумленіемъ.

Чтò она сдѣлала? Съ ея вновь пробудившейся любовью, съ ея готовностью забыть и простить—она пришла къ нему, и онъ не принялъ ее! Куда же дѣвалась его страсть, его душа?

— Бонавентура,—сказала она послѣ тяжелаго молчанія, и голосъ ея дрогнулъ,—чтò съ тобою?

Онъ держалъ бѣлую соломенную шляпу въ рукѣ и обтиралъ лобъ.

— Это сирокко,—сказалъ онъ съ принужденной улыбкой,—онъ всегда дѣйствуетъ мнѣ на нервы.

— Это сирокко, — повторила она; ея смертельно раненое сердце ухватилось за это объясненіе. Погода всегда вліяла на него. Только теперь она замѣтила его впалые глаза, тусклую блѣдность, дряблость и одутловатость этого когда-то прекраснаго, любимаго лица, и вмѣсто страсти въ душѣ ея проснулась жалость. Она взяла его руку и нѣжно погладила ее.

— Пройдемся по полямъ. Это освѣжитъ тебя.

Онъ согласился, но, несмотря на всѣ ея усилія развеселить его, онъ не могъ побѣдить своей апатіи. Если она была разочарована, онъ былъ разочарованъ не менѣе ея. Какъ онъ стремился къ свиданію съ ней! Онъ ждалъ отъ нея обновленія всего своего существа, и вотъ онъ держалъ ее, чистую и гордую, въ своихъ объятіяхъ, и не ощутилъ ничего, рѣшительно ничего! Сердце его состарилось, между тѣмъ какъ ея сердце осталось молодымъ. Его почти злило, что она ожидаетъ отъ него бòльшаго, нежели онъ въ состояніи ей дать. Еслибы она оставалась холодно-дружелюбною, какою она была въ своихъ письмахъ! Правда, это холодное дружелюбіе подзадорило его нарушить ея покой, а теперь онъ не зналъ, чтò ему дѣлать съ ея вновь пробудившеюся страстью. Ни одно изъ словъ Віоланты не находило въ немъ отклика; онъ походилъ на разстроенный инструментъ, издающій при каждой попыткѣ играть на немъ лишь рѣзкій, не-

гармоническій звукъ. Глаза ея искали въ его лицѣ часть прежняго Бонавентуры, и это удручало его.

— Почему ты все смотришь на меня, Віоланта?—спросилъ онъ нервно:—я этого не выношу.

— Бонавентура! Мы столько лѣтъ не видались.

— Ты все такъ подчеркиваешь. Нужно легче относиться ко всему. Это происходитъ вслѣдствіе твоей близости къ этой нѣмецкой Гипатіи, вышедшей за профессора, какъ, бишь, его?.. Ты слишкомъ много думаешь для женщины. Жизнь утомляетъ насъ, мы ищемъ у женщины отдыха, а не сухихъ разсужденій.

— Ты пришелъ за тѣмъ, чтобы сказать мнѣ все это?

— Прости... — Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе: — это все нервы, не обращай вниманія на мои слова.

— Попробуй раньше ложиться и меньше пить вина,—посовѣтовала она.

Онъ нетерпѣливо прервалъ ее:

— И такъ далѣе, и такъ далѣе... Старая пѣсня! Такимъ способомъ, конечно, можно дожить до ста лѣтъ, но если отказаться отъ всего, что̀ краситъ жизнь,—остальное, по моему, не будетъ стоить ни гроша.

— Остальное? — съ живостью проговорила Віоланта: — оно скорѣе—главное. Взамѣнъ каждаго мутнаго источника наслажденія найдется чистый; я твердо въ это вѣрю.

— Ну, и сохраняй въ себѣ эту вѣру, figlia mia!—воскликнулъ онъ насмѣшливо.

— Наша способность къ наслажденію ограниченна,—настаивала Віоланта, — и тотъ, кто не желаетъ держаться въ границахъ, установленныхъ природою, обрекаетъ себя лишеніямъ несравненно болѣе печальнаго свойства: расплатѣ за грѣхи.

— Не нужно жить такъ долго... И вообще не хлопочи обо мнѣ, Віоланта. Жизнь моя испорчена безповоротно.

— Но почему же? Почему? Сорокъ лѣтъ—пора полнаго расцвѣта силъ. Даже въ шестьдесятъ можно начать новую жизнь; посмотри на дядю Маріо.

Онъ усмѣхнулся.

— Ну, изъ меня ты не сдѣлаешь Маріо Порти. Мнѣ недостаетъ устойчивости. Многое я начиналъ, и ничего не могъ довести до конца. Скучно... Благородныя качества моихъ предковъ, очевидно, выродились во мнѣ, и нужно брать меня такимъ, каковъ я есть.

Онъ говорилъ усталымъ, равнодушнымъ тономъ, больно отзывавшимся въ ея сердцѣ. Віоланта напомнила ему его талант-

ливыя попытки въ области литературы, композиціи, его путешествіе къ сѣверному полюсу, куда онъ сопровождалъ принца, его участіе въ абиссинскомъ походѣ и выказанную имъ храбрость, но онъ только качалъ головою, и наконецъ она замолчала. Вдругъ по близости послышалась музыка. Они подходили къ дому крестьянина Скаффа.

— Сегодня свезли хлѣбъ съ полей, и Скаффа, вѣроятно, празднуетъ окончаніе жатвы,—сказала Віоланта на его вопросительный взглядъ.

— Зайдемъ посмотрѣть!—оживился Бонавентура.

Они поднялись вверхъ по тропинкѣ—и предъ ними внезапно открылось красивое зрѣлище. На плотно утрамбованной площадкѣ сыновья, дочери, работники и работницы Скаффы съ увлеченіемъ плясали сальтареллу, между тѣмъ какъ мать и жена его были тутъ же заняты изготовленіемъ вкусно пахнущей „фриттуры", а хозяинъ откупоривалъ большія, толстобрюхія бутыли съ виномъ.

Віоланту привѣтствовали радостными криками: „Padrona! Padrona!"—Скаффа сіялъ; появленіе госпожи на семейномъ праздникѣ было неожиданной честью. Спутника ея никто не зналъ, но его сочли за родственника и привѣтствовали самымъ радушнымъ образомъ. По просьбѣ его танцы возобновились съ еще большимъ оживленіемъ, и Бонавентура, не отрываясь, слѣдилъ взоромъ за граціозными движеніями одной изъ красивыхъ дѣвушекъ. Видъ веселья, звуки музыки подвинтили его упавшіе нервы, но болѣзненно натянутые нервы Віоланты едва были въ состояніи выносить ихъ, и, отвѣдавъ вина, которымъ непремѣнно желали угостить пришедшихъ, она простилась съ Бонавентурою, прося его не провожать ее.

— До свиданія,—сказалъ онъ, цѣлуя ея руки.

Всю дорогу она оплакивала горькими слезами свой потерянный рай.

VII.

На слѣдующее утро она встала въ тотъ ранній часъ, когда солнце еще только поднималось изъ-за моря, подобно громадному матово-красному шару.

Хотя она мало спала, но утренняя свѣжесть бодрящимъ образомъ подѣйствовала на нее, и событія вчерашняго вечера представились ей въ болѣе спокойномъ свѣтѣ.

Бонавентура былъ разстроенъ, утомленъ и ничуть не влюб-

ленъ въ нее. Но должна ли она этому удивляться? Онъ не-зналъ удержу своимъ страстямъ; она была уже немолода, и отъ ея прежней красоты, вѣроятно, мало что̀ осталось. Могла ли она ожидать, что онъ явится передъ нею въ роли пылкаго любовника? Быть можетъ, у него были еще и денежныя заботы: приходилось унижаться передъ братомъ или заимодавцемъ. Но съ помощью безконечной любви и терпѣнія не удастся ли ей въ концѣ концовъ направить его на новый путь?

Солнце вселило въ нее мужество и бодрость. Долго простояла она на своей террасѣ, любуясь восходомъ солнца, сіяющимъ моремъ и темными пиніями, казавшимися стражами морского берега. Затѣмъ, присѣвъ къ письменному столику, она написала длинное, любящее письмо Бонавентурѣ, который, вѣроятно, терзается воспоминаніемъ о своемъ вчерашнемъ поведеніи. Надъ нею самою уже совершилось чудо: ея любовь воскресла изъ мертвыхъ; теперь она должна, цѣною величайшей снисходительности и всепрощенія, спасти въ немъ „душу живую“.

Выпивъ чашку чернаго кофе съ сухаремъ, она сама отнесла свое письмо на почту въ Санъ-Анджело. Сборъ шелковичныхъ червей окончился, послѣднія изъ плоскодонныхъ корзинъ были отправлены на фабрики, и теперь наступилъ сезонъ лука. Множество женщинъ расположились у дверей домовъ и усердно нанизывали розоватыя крупныя луковицы на тонкую бичеву; все вокругъ было завалено этими гирляндами.

Віоланта въ прежнія времена интересовалась этою веселою работою и всегда останавливалась поболтать съ женщинами, но сегодня она машинально отвѣчала на ихъ поклоны; по дорогѣ, она зашла помолиться въ капеллу, гдѣ донъ-Антоніо служилъ ежедневно—больше для самого себя—обѣдню. Преклонивъ колѣни, она горячо молилась о томъ, чтобы Господь возвратилъ ей ея земное счастье.

Вечеромъ Віоланта отправилась на виллу Романи и встревожилась, увидавъ у подъѣзда экипажъ доктора. Неужели Манфреду хуже?

Но жена управляющаго успокоила ее: синьора повредила себѣ ногу.

„Это все ея фантазія—ходить босикомъ“, — подумала Віоланта.

Она нашла Луизу полулежащею съ перевязанною ногою на кушеткѣ. Паціентка и докторъ оживленно бесѣдовали.

— Моя бѣдная Луизина! Ты занозила себѣ ногу?

Луиза улыбнулась. Ее просто укусилъ сегодня, во время ку-

панья, водяной скорпіонъ; было очень больно и нога сильно распухла, но этотъ грубый докторъ увѣряетъ, что все пройдетъ къ завтрашнему дню.

— Какъ же ты добралась сюда?—спросила Віоланта.

— Меня посадили на ослика. Его зовутъ Марко, и у него такіе добрые глаза—много добрѣе, чѣмъ у большинства людей, и даже—краснорѣчивѣе.

— Синьора любитъ парадоксы,—разсмѣялся Романи.

— Нѣтъ, но я люблю ословъ.

Віоланта опасалась, что Романи повторитъ какую-нибудь избитую шутку о двуногихъ ослахъ, но этого не случилось, и она ощутила къ нему за это признательность.

— Манфредъ уѣхалъ въ Лермо за лекарствомъ и разными покупками,—продолжала Луиза,—онъ не хотѣлъ оставлять меня одну, но тетя Анастасія поклялась охранять меня. Она провела возлѣ меня цѣлый часъ, а затѣмъ вдругъ укатила въ Лермо на велосипедѣ, въ догонку за Манфредомъ. Если онъ встрѣтитъ ее, то, пожалуй, разсердится.

— Небо послало вамъ самую желанную замѣстительницу,—сказалъ Романи, остановивъ на Віолантѣ пылкій взоръ.

Когда, черезъ нѣкоторое время, докторъ простился, и онѣ услышали стукъ отъѣзжающаго экипажа, Луиза сказала:

— Этотъ молодой человѣкъ любитъ тебя, Віо.

Не обращая вниманія на ея замѣчаніе, Віоланта съ грустью начала разсказывать ей о своемъ послѣднемъ свиданіи съ Бонавентурою.

Луиза, приподнявшись на локтѣ и подперевъ голову рукою, слушала ее съ глазами, полными живѣйшаго сочувствія.

— Онъ былъ просто разстроенъ!—воскликнула она:—минутное раздраженіе, которому часто бываютъ подвержены алкоголики. Въ томъ, что онъ любитъ тебя, ты ни на секунду не можешь сомнѣваться.

Ея увѣренность сообщилась Віолантѣ, и она развеселилась. Между прочимъ, у нихъ зашла рѣчь о злополучной Анастасіи, которая, по словамъ Луизы, была кузиною ея матери, полькою по происхожденію, вышедшею восемнадцати лѣтъ замужъ за пожилого русскаго полковника Канкрина. Бракъ этотъ устроили ея родные.

— Такъ дѣлается и у насъ,—вставила Віоланта.

— Съ тою разницею, что вы, итальянки, заранѣе относитесь къ вопросу о личномъ счастьи съ полною покорностью судьбѣ, и даже не пытаетесь бороться. Вы начинаете съ того, чѣмъ мы, сѣверяне, въ большинствѣ случаевъ, лишь кончаемъ.

— Быть можетъ, потому, что наша культура—очень древняя, и добродѣтели у насъ патріархальныя!

— Возможно. Но тетя Анастасія, бывшая въ то время живымъ, пылкимъ существомъ, не покорилась, хотя и вышла замужъ, повинуясь родительской волѣ. Ея мужъ былъ сухой педантъ и слишкомъ старъ для нея. Въ качествѣ полковой командирши и замѣчательной красавицы, она играла первую роль въ городахъ, гдѣ стоялъ ихъ полкъ, и за нею ухаживали очень многіе, но все ограничивалось простымъ flirt'омъ. Тутъ ей встрѣтился человѣкъ, ставшій великою, единственною любовью ея жизни: богатый кавказскій князь. Они сблизились. Она свято вѣрила въ его благородство, поклонялась ему, старалась быть достойной его; онъ, съ своей стороны, любилъ ее, но, вѣроятно, побаивался ея непосредственности и восторженнаго темперамента. Когда умеръ Канкринъ, она была женщиною лѣтъ сорока, но такою свѣжею и красивою, что никто не давалъ ей болѣе двадцати-восьми. Она провела годъ въ полномъ уединеніи, какъ полагается въ ихъ кругу, и за это время не получала отъ него извѣстій, чему не особенно удивлялась, цѣня его необычайную деликатность и строгое чувство приличія. Когда же, и по истеченіи этого срока, онъ не явился къ ней, не писалъ и вообще—словно канулъ въ воду, это до такой степени повліяло на нее, что разумъ ея помутился. Она ничѣмъ не могла объяснить себѣ его поведенія, хотя для насъ оно очень ясно: свѣтскій человѣкъ, любящій жизнь и наслажденія, могъ находить удовольствіе въ романѣ съ красивою, окруженною поклоненіемъ замужнею женщиною, но онъ вовсе не желалъ связывать себя женитьбою на сорокадвухлѣтней вдовѣ. Она бѣгала по церквамъ, плакала, безумствовала, поступила въ одну изъ религіозныхъ сектъ, и присутствіе на ихъ радѣніяхъ и обрядахъ окончательно свело ее съ ума, чему способствовали сильные приливы крови къ головѣ. Она объясняетъ себѣ исчезновеніе своего возлюбленнаго тѣмъ, что въ него вселился самъ діаволъ, ищущій погибели ея души и тѣла: онъ преслѣдуетъ ее, строитъ ей всевозможныя козни, подкупаетъ ея окружающихъ, но она надѣется, что ей еще удастся вернуть его на путь истинный съ помощью сопутствующихъ ей добрыхъ силъ.

— Какъ это ужасно!—проговорила Віоланта, вздрогнувъ.

— Да,—задумчиво отвѣтила Луиза,—тѣмъ болѣе, что „сумасшествіе отъ любви“—есть, кажется, старинная мелодрама, носящая такое названіе?—встрѣчается въ томъ или другомъ видѣ гораздо чаще, чѣмъ мы это думаемъ. Сильная страсть возвы-

шаетъ женщину, но она не должна быть единственною цѣлью ея жизни,—иначе это можетъ окончиться полнымъ нравственнымъ и умственнымъ банкротствомъ...

Віоланта молчала. Внутри у нея все похолодѣло... передъ нею вдругъ возстала чудовищная, уродливая параллель: любовь этой несчастной, жалкой, смѣшной, помѣшанной женщины—и ея собственная мучительная страсть. Казалось бы: что тутъ можетъ быть общаго? и однако... Ощущеніе ужаса не покидало ее.

Оно еще усилилось на слѣдующій день, также не принесшій ей ожидаемаго отвѣта отъ Бонавентуры. Сирокко вѣялъ сегодня своимъ наиболѣе жгучимъ и ядовитымъ дыханіемъ, изсушая траву и растенія. Воздухъ давилъ, какъ свинецъ, небо и море сливались въ ослѣпительно-бѣлой дымкѣ.

Въ такіе дни большинство людей чувствуютъ себя нездоровыми. Нина страдала нервной головною болью; Оттавіо ворчалъ и былъ не въ духѣ; у дѣтей болѣлъ желудокъ, такъ какъ наканунѣ, помогая людямъ при сборѣ плодовъ, они неумѣренно покушали недозрѣлыхъ персиковъ и яблокъ. Даже графъ Маріо страдалъ отъ сирокко. Утромъ онъ побывалъ на работахъ, лично наблюдая за умолотомъ зерна, trebbiatura, но теперь ощущалъ такую тяжесть въ головѣ и во всемъ тѣлѣ, что ему трудно было рѣшиться снова выйти изъ дому.

Хозяйство Порти велось на такихъ основаніяхъ: крестьяне арендовали у графа землю, но вмѣсто денегъ они отдавали ему половину зерна, маиса, вина и всего, что производила земля. Графъ лично наблюдалъ за выдачею продуктовъ; онъ съ ранняго утра былъ на работѣ и велъ самый точный подсчетъ кулямъ съ хлѣбомъ, отмѣчая въ своей записной книжкѣ ихъ число и вѣсъ. Вечеромъ онъ сводилъ счетъ съ крестьянами, и между нимъ и ими не возникало споровъ. Они вѣрили честности своего господина, padrone, и уважали его энергію, трудолюбіе и стойкость. Иногда они сердились на него за то, что онъ требовалъ отъ нихъ большаго прилежанія и укорялъ ихъ въ лѣности и небрежномъ отношеніи къ дѣлу, если жатва не соотвѣтствовала его ожиданіямъ.

Валеріо, также страдавшій отъ жары, сидѣлъ тѣмъ временемъ въ лучшей кофейнѣ Санъ-Анджело и игралъ въ карты съ Артуро Този и Алессандро Канелла, съ которымъ онъ примирился подъ условіемъ, что тотъ выкинетъ изъ головы мысль о женитьбѣ на его сестрѣ. У ногъ Валеріо лежала, уткнувъ голову межъ лапъ, его собака, а за стуломъ его стояла самая красивая дѣвушка въ Санъ-Анджело, Маріетта, дочь рыбака, пользовавшаяся весьма двусмысленной репутаціей. Она походила

на Бѣлоснѣжку изъ сказки: черные какъ смоль волосы, бѣлая кожа, алыя губы и синіе, осѣненные черными рѣсницами глаза. Она была въ траурѣ по сестрѣ, и въ своемъ черномъ платьѣ напоминала монашенку. Всѣ знали, что Валеріо осчастливилъ ее своею любовью, и до сихъ поръ она имѣла на него бо̀льшее вліяніе, чѣмъ какая-либо другая женщина. Это не мѣшало ей дарить своими милостями Артуро Този, у котораго было больше денегъ, нежели у „контино". Алессандро Канелла, хорошо знавшій эти отношенія, злорадно рѣшилъ про себя оставить ихъ обоихъ „съ носомъ", такъ какъ на его сторонѣ были—красота и привлекательность. Началась игра глазами; Маріетта пошла на нее весьма охотно; красавица любила разнообразіе: если такъ называемыя порядочныя женщины презираютъ ее, она вправѣ доставить себѣ маленькое развлеченіе.

Сегодня Валеріо былъ снова при деньгахъ. Онъ выжималъ ихъ добромъ или худомъ изъ бѣдной Нины, не заботясь о томъ, что она проводитъ безсонныя ночи, не зная, какъ оправдаться передъ мужемъ. Тетка Аврора также отдавала ему послѣднее; лишь одна Віоланта оказывалась недоступною для всѣхъ его подходовъ,—въ этомъ она походила на графа Маріо.

Въ комнатѣ Віоланты были заперты ставни; въ ней царила удручающая духота, и молодая женщина нигдѣ не находила себѣ мѣста; она не могла ни спать, ни читать, и была въ томъ состояніи тревожнаго ожиданія, когда настоящее не существуетъ. Она бралась за то и за другое, ей казалось, что часовая стрѣлка стоитъ на мѣстѣ, и вдругъ ей пришла на умъ разница между прежнею Віолантой и нынѣшней. Разница эта оказывалась такъ велика, что испугала ее. Гдѣ прежнее ея душевное спокойствіе, ясность и равновѣсіе? Ей не приходилось насиловать себя для того, чтобы проявлять свое сочувствіе всѣмъ нуждающимся въ немъ: оно изливалось само собою. А теперь? Лучшая, благороднѣйшая часть ея души словно атрофировалась,—она стала слѣпа и глуха ко всему, за исключеніемъ голоса эгоистической страсти. Центръ тяжести перемѣстился,—она уже не принадлежала себѣ. И эта мучительная душевная болѣзнь зовется любовью! Въ юности она кажется божественнымъ огнемъ, но для того, кто болѣетъ ею въ зрѣлыхъ годахъ, она является губительнымъ пожаромъ.

Віоланта не уставала мысленно бичевать себя, но когда покаяніе достигло своего апогея, наступило успокоеніе. Существуетъ еще иная любовь: святая, всепонимающая, очищенная въ огнѣ страданія, и лишь эта любовь должна отнынѣ связывать ихъ. Она выстрадала свое право на нее.

VIII.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней мучительнаго ожиданія, Віоланта получила письмо, въ которомъ Бонавентура снова просилъ ее пріѣхать къ нему въ Лермо.

Она отвѣтила: „У насъ какъ разъ теперь trebbiatura. Каждый день мы обѣдаемъ у кого-нибудь изъ крестьянъ—нашихъ арендаторовъ и сосѣдей. Молотилка переѣзжаетъ отъ двора къ двору, и тамъ, гдѣ она работаетъ, устраивается праздникъ. Всѣ взрослые парни съ сосѣднихъ дворовъ приходятъ помогать, и хозяйка приготовляетъ обильное угощеніе, въ которомъ господа должны также принять участіе,—иначе это сочтутъ большою обидою. Для нашихъ желудковъ trebbiatura—опасное время, кормятъ на убой, и отказываться отъ ѣды—невозможно. Крестьяне наши зажиточны, и они умѣютъ соединить работу съ удовольствіемъ.

„Ты видишь, что я все время несвободна, но такъ какъ я жажду тебя видѣть, то хочу сдѣлать тебѣ слѣдующее предложеніе. Послѣ завтра, 14-го, мы пируемъ у Луиджи Ланчіотто, старѣйшаго арендатора дяди; обѣдъ будетъ въ 12 час., а затѣмъ, когда всѣ расположатся для сіесты, я часа въ три пройду вдоль ручья до каменнаго мостика, гдѣ въ тѣни дубовъ стоитъ статуя святого. Ручей впадаетъ въ Миноку, и если ты доѣдешь по желѣзной дорогѣ до моста черезъ Миноку и выйдешь тамъ, то минутъ черезъ десять ходьбы ты уже будешь на указанномъ мѣстѣ. Не скрою, что у меня есть страстное желаніе увидѣть тебя въ иномъ настроеніи, чѣмъ прошлый разъ".

Бонавентура отвѣчалъ, что придетъ, и вмѣстѣ съ его письмомъ къ Віолантѣ возвратились веселость и увѣренность.

Насталъ понедѣльникъ; небеса были безоблачны и солнце сіяло, но сирокко стихъ. Графъ съ ранняго утра отправился къ Ланчіотто, тетка Аврора собиралась съ Оттавіо и дѣтьми въ Лермо къ зубному врачу, а Валеріо — готовился сопровождать маркиза Пассеро и Маргариту, снова примирившихся, въ поѣздку на автомобилѣ.

Во дворѣ Ланчіотто кипѣла пестрая, веселая и шумная жизнь: солнечное сіяніе, полдневный зной, жужжаніе машинныхъ колесъ, визгъ ремней, золотистая пыль, запахъ зерна, пестрые женскіе наряды, раскраснѣвшіяся, почернѣвшія, смѣющіяся лица...

На маломъ разстояніи, вслѣдствіе ослѣпительнаго свѣта и пыли, люди не узнавали другъ друга, а подойдя еще ближе—они

уже ничего не слышали. Въ этомъ ослѣпительномъ, сверкающемъ, жужжащемъ водоворотѣ было нѣчто опьяняющее.

Вымолоченная солома образовала подобіе трехъ гигантскихъ башенъ. На самомъ верху ихъ стояли парни, взобравшіеся туда по веревочной качающейся лѣстницѣ, и одинъ передавалъ другому снопы, которые послѣдній и самый ловкій бросалъ страшно высоко.

Вокругъ машины хлопоталъ черный отъ копоти машинистъ съ помощникомъ; молотили старшіе крестьяне, а подростки то-и-дѣло бѣгали къ ручью за водою.

Луиджи Ланчіотто съ братьями и графомъ отмѣчали число снопов. На деревянной галереѣ дома показывались время отъ времени красивыя дочери Ланчіотто, которыя, граціозно облокотясь о перила, незамѣтно перемигивались съ молодыми людьми. На дѣвушкахъ были пестрые праздничные наряды, которые удивительно шли къ ихъ чернымъ густымъ волосамъ и чернымъ глазамъ. У каждой былъ среди молодыхъ людей возлюбленный, и они знали, что вслѣдъ за работою настанетъ часъ веселья и поцѣлуевъ.

Віоланта, Нина и Марія-Граціэлла также принарядились въ честь сельскаго праздника; онѣ надѣли свѣтлыя блузки къ своимъ темнымъ юбкамъ изъ альпага; но эти скромные городскіе наряды блѣднѣли передъ яркимъ, живописнымъ костюмомъ крестьянокъ. Дамы были приняты восторженно, но хозяйки держали себя свободно, съ простотою благовоспитанныхъ женщинъ, безъ малѣйшаго подобострастія и заискиванья. Лучше всего чувствовала себя среди нихъ Марія-Граціэлла, такъ какъ большая часть дѣвушекъ были подругами ея дѣтства. Гордая сдержанность, вызывающая надменность, съ которыми дочь обѣднѣвшаго графа держала себя въ своемъ кругу,—совершенно отпадали здѣсь, и она давала полную волю своей веселости. Шутя и смѣясь, она исчезла съ дочерьми Ланчіотто; дѣвушки побѣжали въ спальню, гдѣ Марія-Граціэлла позволила имъ снять съ нея ея платье и переодѣть ее въ крестьянскій нарядъ. Каждая изъ дѣвушекъ съ торжествомъ подавала „контессинѣ“ какую-нибудь часть туалета, одна — бѣлую плоскую рубашку съ пышными рукавами, другая—юбку съ прошивками и вязаными кружевами, третья—черный, вышитый цвѣтною шерстью корсажъ, четвертая—передникъ, а пятая — пестрые чулки и деревенскіе башмачки. Въ минуту дочь графа превратилась въ премиленькую крестьяночку, и красивыя черноглазыя дѣвушки сходили съ ума отъ восторга при ея видѣ.

Нина и Віоланта тѣмъ временемъ болтали съ хозяйкою и ея невѣстками на кухнѣ — большой и опрятной, гдѣ на огнѣ кипѣли котлы и кастрюли. Все кругомъ имѣло такой свѣтлый, безоблачный видъ, словно работа на солнцѣ и въ пыли и приготовленія къ обѣду — были веселою игрою. Молотьба, начавшаяся до зари, продолжалась еще болѣе часа, но затѣмъ со двора послышался рѣзкій свистокъ, и оглушительный шумъ сразу прекратился.

Работа кончилась, наступало веселье.

Столы были накрыты въ пустомъ амбарѣ; семья Порти и хозяинъ занимали почетныя мѣста, женщины обносили кушанья. Съ низкаго потолка свѣшивались копченые окорока, на полкахъ были разложены козьи сыры, пахло копченымъ, пылью и зерномъ; эти запахи ничуть не смущали обонянія графской семьи, привыкшей къ нимъ съ дѣтства; зато ихъ аристократическіе желудки, привыкшіе довольствоваться малымъ, нѣсколько страдали отъ изобилія вкусныхъ, но тяжелыхъ яствъ, орошаемыхъ мѣстнымъ виномъ,—но радушнымъ хозяевамъ этого и въ голову не приходило.

Віоланта, бывшая сегодня въ веселомъ настроеніи, начинала, однако, съ нетерпѣніемъ поглядывать на часы; всѣ ея мысли были заняты предстоявшимъ ей свиданіемъ, отъ котораго будетъ зависѣть ея дальнѣйшая судьба.

И глядя на графа Маріо, возсѣдавшаго такимъ патріархомъ въ кругу своихъ любимыхъ крестьянъ, довольнаго и счастливаго, она говорила себѣ съ легкою тревогой: „какъ-то онъ приметъ эту вѣсть?“ Теперь ей придется оставить здѣшній мирный уголокъ, ея родину, и поселиться въ Лермо, въ мрачномъ палаццо Бульгарини. Она употребитъ всѣ силы для того, чтобы создать новое счастье для себя и Бонавентуры; вчера она написала въ этомъ духѣ и его матери.

Наконецъ всѣ поднялись изъ-за стола съ тяжелою головою и желудкомъ и стали искать мѣста для отдыха. Наступила странная тишина; люди разбрелись, смѣхъ и разговоры затихли, дворъ сразу словно вымеръ.

Никто не обратилъ вниманія на Віоланту, которая среди безмолвія и зноя прошла къ ручью и, слѣдуя по его теченію, добрела до тѣнистаго мѣстечка, гдѣ подъ развѣсистыми дубами стояло изображеніе святого.

Она сѣла на траву, отъ которой шелъ сильный запахъ цвѣтущаго тимьяна, между тѣмъ какъ изъ-за обвитыхъ плющомъ изгородей доносилось съ полей стрекотанье кузнечиковъ. Отъ

жары и солнечнаго свѣта мысли путались, но все ея существо словно растворялось въ чувствѣ умиленной нѣжности. Сложивъ руки на колѣняхъ, она сидѣла, не шевелясь, и спокойно ожидала свою судьбу.

IX.

Около полудня Бонавентура Бульгарини собрался на свиданіе. Онъ дѣйствовалъ не столько въ силу внутренняго побужденія, сколько изъ чувства долга, не желая огорчать Віоланту. Положеніе его было неловкое: онъ желалъ повидаться съ нею ради сильныхъ впечатлѣній, которыхъ онъ ждалъ отъ этого свиданія; она же казалась готовою простить ему всѣ его прегрѣшенія и переѣхать къ нему. Во многихъ отношеніяхъ онъ не могъ желать ничего лучшаго. Это возстановило бы его въ глазахъ свѣта и вернуло бы ему расположеніе его высокаго покровителя. У городскихъ воротъ подъ деревьями, побѣлѣвшими отъ пыли, стояли почтовыя кареты и экипажи, поддерживавшіе сообщеніе между Лермо и Санъ-Анджело. Бонавентура нанялъ шарабанъ съ бѣлымъ верхомъ, и кучеръ обѣщалъ доставить его къ тремъ часамъ на мѣсто.

— Послушай только,—обратился онъ къ кучеру,—не вздумай брать дорогою другихъ пассажировъ. Вѣдь это—ваше любимое обыкновеніе.

Кучеръ, обладавшій профилемъ римскаго императора, но плутоватыми бѣгающими глазами, поклялся всѣмъ святымъ, что синьоръ графъ останется доволенъ.

Бонавентура велѣлъ поднять съ тѣневой стороны занавѣску; экипажъ тащился по совершенно бѣлой отъ пыли дорогѣ; по одной сторонѣ ея тянулась высокая бѣлая ограда и за нею высились, на подобіе призраковъ, такіе же бѣлые кипарисы. Это было городское кладбище, котораго Бонавентура всегда терпѣть не могъ. Въ концѣ его стояло зданіе женскаго монастыря, и кучеръ внезапно остановился у его воротъ.

— Это что такое?—спросилъ Бонавентура.

Возница съ римскимъ профилемъ обернулся къ нему и проговорилъ умоляющимъ голосомъ:

— Ахъ, синьоръ графъ, одинъ изъ моихъ друзей просилъ меня подвезти по дорогѣ его дочь—только до Санъ-Джакопо. Ей нужно поспѣть къ поѣзду.

— Хорошо. Только ты возьмешь ее къ себѣ на козлы.

— Разумѣется. Она не обезпокоитъ синьора графа.

— Хорошо, но поторопись. Мы должны поспѣть къ тремъ часамъ въ Санъ-Анджело.

Тѣмъ не менѣе, Бонавентура уже начиналъ терять терпѣніе, когда монастырская калитка отворилась и двѣ женщины съ узлами и мѣшками вышли изъ нея, сопровождаемыя нѣсколькими сестрами милосердія. Одна изъ нихъ была безобразна и плохо одѣта, другая—цвѣтущая молодая дѣвушка. Бонавентура взоромъ знатока сразу оцѣнилъ стройность молодой дѣвушки и нѣсколько угловатую грацію ея движеній. Онъ тотчасъ же рѣшилъ, что нельзя посадить это юное существо рядомъ съ кучеромъ. Онъ почтительно поклонился сестрамъ и предложилъ путницамъ занять мѣсто въ экипажѣ. Молодая дѣвушка приняла его приглашеніе безъ всякаго жеманства; за нею послѣдовала и старуха. Экипажъ тронулся.

Дѣвушка сидѣла съ опущенными глазами нѣсколько наискось противъ Бонавентуры, и онъ могъ безпрепятственно наблюдать за нею. Она была одѣта по городскому очень опрятно и прилично, но безъ всякой изысканности. Черты ея овальнаго личика напоминали чистотою своихъ линій одну изъ прерафаэлитскихъ Мадоннъ, но при этомъ цвѣтъ лица былъ очень свѣжій, говорившій о здоровьи.

„Навѣрное, она никогда не цѣловала мужчину, даже не глядѣла на него,—подумалъ Бонавентура,—у нея выраженіе лица настоящей монахини“.

Неужели она дѣйствительно станетъ монахиней, и этимъ розовымъ губкамъ суждено цѣловать одно Распятіе? Подъ ея легкою блузкою угадывались безупречныя очертанія стана; ноги были стройны и малы.

Вдругъ черныя рѣсницы поднялись, и она поглядѣла своими кроткими темными глазами съ нѣкоторымъ любопытствомъ въ его сторону, но, замѣтивъ его наблюдающій взоръ, густо покраснѣла. Онъ заговорилъ съ нею спокойно и любезно, и спросилъ, любитъ ли она монастырь?

— Да, больше всего на свѣтѣ,—отвѣтила она убѣжденно.

— Я такъ и думалъ. Но все же вы, навѣрное, помолвлены?

Старуха засмѣялась.

— Нѣтъ, я не выйду замужъ. Я сдѣлаюсь монахиней.

— Синьорина—племянница нашего недавно скончавшагося священника, падре Роза,—вмѣшалась старуха.

— Вотъ какъ? Я помню его. Онъ былъ истиннымъ пастыремъ,—замѣтилъ Бонавентура, и по радостному выраженію темныхъ глазъ дѣвушки онъ увидѣлъ, какъ ей была пріятна эта похвала.

— Синьорину зовутъ Феличина Роза,—сказала болтливая старуха.

Женщина эта отличалась отталкивающимъ безобразіемъ, которое казалось не случайнымъ, но гармонирующимъ съ ея душевными качествами, и Бонавентура, несмотря на всю свою любезность по отношенію къ людямъ низшаго сословія, не могъ рѣшиться заговорить съ нею.

Но имя молодой дѣвушки понравилось ему. Феличина Роза! Оно олицетворяло сіяющую молодость, счастье, розы.

— Итакъ, вы хотите сдѣлаться монахиней?—спросилъ онъ съ сожалѣніемъ и неодобреніемъ въ тонѣ.

— Да, монастырская жизнь—самая счастливая, насколько я знаю.

— Милое дитя, ну что вы знаете о жизни?—возразилъ онъ отечески.

— Мнѣ знакома жизнь въ монастырѣ и въ міру. За монастырскою стѣною обитаютъ красота и миръ. Каждая изъ насъ знаетъ, что она должна дѣлать, и исполняетъ свой долгъ. Въ міру—одинъ раздоръ, сомнѣніе и грѣхъ.

Съ послѣднимъ словомъ она опустила свои длинныя рѣсницы.

— Да,—подхватилъ онъ съ выраженіемъ мягкой грусти,—конечно, здѣсь есть бури и битвы, чуждыя вашей тихой обители, но позвольте сказать вамъ и, прошу васъ, повѣрьте мнѣ: миръ и спокойствіе отрадны уже послѣ того, какъ миновали предшествовавшія имъ бури. И они тѣмъ отраднѣе, чѣмъ горячѣе была борьба. Но какъ же праздновать миръ, когда борьба еще не начиналась? Повѣрьте мнѣ, синьорина, безъ страданія не можетъ быть и счастья.

— Но благочестивыя сестры воистину счастливы,—съ разгорѣвшимися щеками настаивала дѣвушка.

— И все же я увѣренъ, что нѣтъ такой Христовой невѣсты, которая не позавидовала бы невѣстѣ земной. Пока мы живемъ на землѣ, и все въ насъ—земное, и безъ сомнѣнія женщина предназначена Богомъ для мужа, а не для монастыря; лишь въ любви мужчины—полный расцвѣтъ для женщины, и та, которая хоть разъ въ жизни не позабыла весь міръ въ объятіяхъ мужчины—не жила въ настоящемъ смыслѣ слова.

Бонавентура продолжалъ развивать свои теоріи, подкрѣпляя ихъ краснорѣчивыми взглядами и вкрадчивою музыкою своего голоса. Ему доставляло удовольствіе „пробуждать къ жизни“ эту монастырскую мечтательницу. Его аристократическая внѣшность, самоувѣренность свѣтскаго человѣка, образованіе и художествен-

ная фантазія — давали ему неоспоримый перевѣсъ. Возраженія дѣвушки дѣлались слабѣе, ея увѣренность поколебалась, она была видимо взволнована, и это имѣло для него особую привлекательность.

Феличина разсказала ему свою простую исторію.

Патеръ Роза далъ ей образованіе въ монастырѣ; мать ея была бѣдна, она вышла замужъ вторично и бѣдствовала съ большою семьей. Теперь Феличина отправлялась, подъ охраною старой Карлотты, родственницы ея матери, въ Пескаро, съ тѣмъ чтобы поступить учительницей въ монастырскую школу. Настоятельницею монастыря была ея тетка, сестра падре Роза.

Покуда она простодушно передавала ему эти факты, Бонавентура уже рѣшилъ, что онъ долженъ спасти юное созданіе отъ монастырской тюрьмы. Нервы его были пріятно возбуждены.

Бонавентура поглядѣлъ на сидѣвшую передъ нимъ дуэнью. Завистливая, злобная жадность свѣтилась въ ея острыхъ глазахъ: за деньги она, навѣрное, продастъ свою душу. А Віоланта? Должна же она понять наконецъ, что онъ остался прежнимъ, и то, что раньше разлучило ихъ—ничуть не измѣнилось. Она жила мечтами, онъ—дѣйствительностью, и этой бездны не можетъ заполнить никакая добрая воля. Разумѣется, она будетъ очень разочарована, можетъ быть—поплачетъ, преисполнится къ нему презрѣніемъ... Но лучше порвать все сразу.

Онъ быстро составилъ планъ кампаніи.

Какъ только показались дома Санъ Джіакопо, онъ велѣлъ кучеру ѣхать на вокзалъ, такъ какъ онъ предпочитаетъ отправиться со слѣдующимъ поѣздомъ. На станціи онъ простился со своими спутницами, досталъ изъ кармана визитную карточку и нацарапалъ на ней карандашомъ:

„Дорогая Віоланта!

„Къ сожалѣнію, въ послѣднюю минуту—уже по дорогѣ къ тебѣ—меня задержали. Итакъ—до слѣдующаго раза. Очень спѣшу.

„Твой Бонавентура“.

Онъ вложилъ карточку въ конвертъ, который досталъ въ буфетѣ, и надписалъ адресъ, приказавъ носильщику поторопиться. Ему не пришло въ голову, что письмо пролежитъ нѣсколько часовъ на столѣ Віоланты, покуда она сама будетъ ожидать его подъ дубами.

До отхода поѣзда оставалось двадцать минутъ. Покуда Феличина брала билеты у кассы третьяго класса, онъ приблизился къ дуэньѣ и шепнулъ ей нѣсколько словъ, приведшихъ, какъ онъ и ожидалъ, къ благопріятному для него результату. Когда

подали поѣздъ, онъ подошелъ къ обѣимъ женщинамъ и, любезно предложивъ имъ свои услуги, провелъ ихъ мимо вагоновъ третьяго класса къ первому, въ которомъ открылъ отдѣльное купэ.

Феличина вспыхнула и поколебалась, но онъ успокоилъ ее: никто ихъ не потревожитъ, а вагоны переполнены публикою разнаго сорта, и можно нарваться на непріятность.

Она была смущена, но взоръ его гипнотизировалъ ее, и она вошла, восхищаясь невиданною ею до сихъ поръ роскошью обстановки; за нею послѣдовала сіяющая Карлотта.

Слѣдующая станція была Санъ-Анджело.

Феличина не замѣтила, какъ графъ и Карлотта обмѣнялись взглядами.

Карлотта вышла, чтобы купить на дорогу абрикосовъ, но для этого ей пришлось отойти довольно далеко отъ ихъ вагона, и вмѣсто того, чтобы поторопиться, она продолжала торговаться съ продавцомъ, покуда не раздалось:—Partenza! Pronti!—и ей уже съ трудомъ удалось вскочить въ одинъ изъ заднихъ вагоновъ.

До сихъ поръ Бонавентура не думалъ ни о чемъ, за исключеніемъ удачи своего плана, и лишь теперь ему вспомнилось, что онъ находится въ Санъ-Анджело.

На разстояніи четверти часа ходьбы отсюда—Віоланта ожидала его подъ сѣнью мелколиственныхъ дубовъ, росшихъ въ изобиліи въ этой скалистой мѣстности у моря. Ее окружали со всѣхъ сторонъ сады и виноградники: золотая пшеница, отягченныя плодами деревья, мерцаніе солнечныхъ лучей—все изобиліе поздняго лѣта. И заслонивъ глаза отъ солнца прекрасною тонкою рукою, она напряженно вглядывалась: не идетъ ли онъ?

Въ эту минуту онъ почувствовалъ, что ему слѣдуетъ соскочить на ходу съ медленно двигавшагося поѣзда и бѣжать туда, къ этому мѣстечку подъ дубами...

Но эта мысль не перешла въ дѣйствіе.

Съ нѣмецкаго О. Ч.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Письмо въ Редакцію.

Давно и весьма извѣстный французскій писатель Монтэнь сказалъ: „Nul n'est content de sa fortune et mécontent de son esprit".—Нѣтъ человѣка, который былъ бы доволенъ своимъ состояніемъ и недоволенъ своимъ умомъ!

Стараться улучшить свое состояніе или положеніе не можетъ быть потому признано дѣломъ нежелательнымъ. Въ этомъ стараніи, безспорно, зародышъ, или, пожалуй, основа всякаго прогресса,—который проявляется наиболѣе настойчиво и наглядно тамъ, гдѣ для того существуютъ благопріятныя условія. Въ настоящее время у насъ, въ нашемъ обширномъ отечествѣ, телеграммы ежедневныхъ газетъ преимущественно извѣщаютъ, что въ такихъ-то городахъ и мѣстностяхъ забастовали рабочіе всякаго вида промышленнаго, ремесленнаго и профессіональнаго труда. Затѣмъ идутъ извѣщенія о мирномъ или немирномъ ходѣ забастовокъ и о томъ или другомъ ихъ окончаніи. Причина всѣхъ такого рода явленій всюду одна и та же: желаніе работать меньше и получать за свой трудъ больше. Нельзя не сказать, что такое желаніе вполнѣ естественно, понятно и практично.

Несомнѣнно что забастовки болѣе или менѣе нарушаютъ мирное теченіе общественной жизни въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ онѣ проявляются, особенно если съ ними связаны уличные безпорядки. Несомнѣнно также, что такое нарушеніе приноситъ существенный вредъ, а иногда и убытокъ, такъ сказать, постороннимъ лицамъ, не имѣющимъ ничего общаго ни съ хозяевами, ни съ забастовавшими у нихъ рабочими. Забастовки рабочихъ—дѣло не новое въ промышленныхъ странахъ Западной Европы, и уже давно онѣ привели къ общей организаціи рабочаго класса для такъ называемой борьбы труда съ капиталомъ. Цѣль ея—ограничить власть капитализма и вполнѣ обезпечить положеніе и права рабочихъ. Я нисколько не намѣренъ, съ должной научной окраской, высказаться въ настоящей статьѣ о капитализмѣ и о борьбѣ съ нимъ. Мнѣ хотѣлось бы только вкратцѣ указать на нѣкоторыя явленія, которыя недостаточно выясняются въ газетныхъ сужденіяхъ о стачкахъ и забастовкахъ, что̀ часто вводитъ въ заблужденіе нашу деревенскую читающую публику.

Только въ XIX-мъ столѣтіи постепенно послѣдовало значительное,

никогда прежде не существовавшее удешевленіе пользованія капиталомъ. Полагаю, нѣтъ надобности указывать, до какого размѣра понизился процентъ, получаемый отъ государственныхъ бумагъ выпускаемыхъ государствами, пользующимися устойчивымъ кредитомъ, а также процентъ учета вѣрныхъ краткосрочныхъ торговыхъ обязательствъ. Обыкновенно нападки на капиталъ соединены съ антисемитизмомъ. Предположимъ, что сказаніе, часто встрѣчаемое въ заграничной печати, о томъ, что деньги—въ рукахъ евреевъ и они полновластные владыки главныхъ европейскихъ денежныхъ биржъ,—безусловно вѣрно. Мнѣ кажется, въ такомъ случаѣ остается только благодарить гг. семитовъ за удешевленіе торговли деньгами. Благодарность эта окажется еще болѣе ими заслуженной, если принять во вниманіе, что въ томъ же XIX-мъ вѣкѣ требованіе на деньги увеличилось въ громадномъ размѣрѣ. Развитіе промышленности, улучшеніе путей и способовъ сообщенія, броненосный металлическій флотъ и всякія небывалыя до того по размѣрамъ постройки и сооруженія потребовали не только массу денегъ, но и массу личнаго человѣческаго труда. Рабочая плата вполнѣ естественно повысилась; а вотъ деньги—подешевѣли. Съ перваго взгляда—довольно странное явленіе. На ряду съ нимъ бросается въ глаза громадное развитіе въ Западной Европѣ капиталовъ сберегательныхъ кассъ, главными, почти исключительными участниками которыхъ—люди, живущіе своимъ трудомъ. Очевидно, капиталъ демократизировался. Человѣкъ, имѣющій сбереженія, безспорно капиталистъ, какова бы ни была сумма этихъ сбереженій. Надо еще прибавить, что нынѣ рабочій въ Европѣ, благодаря улучшеннымъ сообщеніямъ, питается лучше и дешевле прежняго. Продовольственные рынки европейскихъ промышленныхъ странъ въ настоящее время снабжаются не только сѣвернымъ, а также и южнымъ полушаріемъ.

Но стачки не всегда бываютъ устраиваемы рабочими для экономическихъ цѣлей; нерѣдко онѣ имѣютъ чисто политическій характеръ. Въ сентябрѣ прошлаго года я былъ свидѣтелемъ въ Италіи, въ Viareggio, непріятныхъ послѣдствій повсемѣстной двухдневной забастовки всякаго труда—въ видѣ политической манифестаціи протеста. Чтобы дать понятіе объ этихъ непріятностяхъ, скажу только, что одинъ мой знакомый употребилъ на проѣздъ изъ Милана въ Viareggio, вмѣсто обычныхъ семи часовъ, полторы сутокъ. Положимъ, забастовавшимъ рабочимъ дѣла нѣтъ до вреда или убытковъ, причиняемыхъ ихъ забастовкой постороннимъ лицамъ. Напротивъ, они въ нихъ видятъ только содѣйствіе достиженію преслѣдуемой ими цѣли. Несомнѣнно однако, что всякая забастовка рабочихъ, т.-е. временное ихъ лишеніе дневного заработка, представляетъ собою для нихъ болѣе или менѣе крупный убытокъ. Надо еще принять въ соображеніе, что чѣмъ обшир-

нѣе и лучше организація рабочихъ въ Западной Европѣ, тѣмъ дороже она постоянно обходится тѣмъ же рабочимъ, которые участвуютъ въ ней и содержатъ ее. Можетъ ли эта дорого стоющая организація вполнѣ обезпечить экономическое положеніе рабочихъ? Разумѣется, нѣтъ, и это съ полной убѣдительностью доказываютъ промышленные кризисы, которые неоднократно въ европейскихъ странахъ съ наиболѣе развитой промышленностью прекращали производство на многихъ фабрикахъ. Весьма недавно въ Англіи, вслѣдствіе такого прекращенія, тысячи рабочихъ голодали и голодаютъ, а правительство призвано общественнымъ мнѣніемъ заняться этимъ бѣдствіемъ. Наконецъ, и при нормальныхъ условіяхъ производства и сбыта во всякомъ промышленномъ предпріятіи существуетъ предѣлъ его расходовъ,—въ коихъ рабочая плата играетъ видную роль. Все увеличивающаяся всюду внутренняя и внѣшняя промышленная конкурренція все болѣе обязываетъ на дешевый сбытъ. Будущее не обѣщаетъ улучшенія въ этомъ отношеніи. Европейская промышленность живетъ преимущественно вывозомъ своихъ произведеній въ дальнія страны. Быстрый и всесторонній прогрессъ многолюднаго населенія въ бассейнѣ Тихаго океана не только исключаетъ значительную часть потребителей европейскихъ продуктовъ, но создаетъ для нихъ предпріимчивыхъ конкуррентовъ производителей, имѣющихъ весьма серьезное преимущество вслѣдствіе баснословной дешевизны мѣстнаго человѣческаго труда. Борьба труда съ капиталомъ въ Европѣ все болѣе затрудняется въ будущемъ, къ несомнѣнному ущербу рабочаго сословія, какъ бы совершенна ни была его организація. Забастовки, стачки рабочихъ уже вызвали и будутъ все болѣе вызывать всякаго рода синдикаты и трёсты. Наконецъ, капиталъ по своему существу—космополитъ. Онъ нисколько не привязанъ къ данному мѣсту, къ данной странѣ. Не находя у себя выгоднаго и вѣрнаго помѣщенія, онъ весьма легко и скоро перекочевываетъ въ другія мѣста и страны. Несомнѣнно, борьба труда съ капиталомъ въ Европѣ дала первому значительныя политическія преимущества, но въ экономическомъ отношеніи ничего прочнаго не создала для рабочаго сословія, да и не могла создать. Очень вѣроятно, что въ будущемъ, при все увеличивающихся затрудненіяхъ европейской промышленности, не въ борьбѣ труда съ капиталомъ, а въ соглашеніи между ними явится возможность прочнаго устройства европейскаго же рабочаго сословія, не скажу—на почвѣ кооперацій, а скорѣе ассоціаціи.

Производство сложныхъ и также крупныхъ предметовъ, а еще болѣе необходимость дешеваго сбыта этихъ предметовъ, вынудили нынѣ всякое промышленное предпріятіе, съ одной стороны, какъ можно болѣе расширить свое производство, а съ другой—открывать кредитъ для

покупателей производимаго и пользоваться самому этимъ кредитомъ, часто въ обѣихъ его формахъ—долгосрочной и краткосрочной. Въ виду риска, связаннаго со всякимъ промышленнымъ предпріятіемъ, наиболѣе подходящимъ способомъ его устройства признается ассоціація въ видѣ товарищества или акціонернаго общества. Извѣстныя европейскія именныя промышленныя фирмы—въ сущности суть юридическія лица, публикующія въ опредѣленные сроки свои балансы, въ коихъ съ точностью указанъ размѣръ основного акціонернаго капитала, а затѣмъ облигаціоннаго, и среди всѣхъ видовъ дѣятельности предпріятія очень важные отдѣлы кредиторовъ и дебиторовъ. При такомъ положеніи промышленной дѣятельности нѣтъ никакого серьезнаго препятствія, чтобы ею занимались рабочіе не какъ наемники, а какъ хозяева, особенно если они перестанутъ тратить свои сбереженія на непроизводительные расходы. Капиталъ чуждъ какой-либо сентиментальности, онъ ищетъ помѣщенія и навѣрное придетъ на помощь всякому истинно коллективному промышленному предпріятію, если оно, прочно основанное, будетъ правильно вести свое дѣло. Такого рода промышленныя предпріятія, развиваясь и умножаясь, уничтожатъ современемъ настоящую борьбу труда съ капиталомъ, которая до сихъ поръ ничего прочнаго въ экономическомъ отношеніи не дала рабочему сословію нигдѣ.

Краткое, хотя бы и поверхностное изложеніе западно-европейской борьбы труда съ капиталомъ, полагаю, полезно, когда приходится говорить о нашихъ рабочихъ забастовкахъ, появившихся весьма недавно, но сразу принявшихъ очень серьезную форму. Западно-европейская промышленность родилась и живетъ совершенно самостоятельно, тогда какъ наша отечественная—развивалась и развилась вполнѣ искусственно, благодаря усиленной, постоянной правительственной помощи въ видѣ огражденія ея отъ иностранной конкурренціи, а также и путемъ выгодныхъ правительственныхъ заказовъ. Я не стану говорить, насколько эта помощь принесла существенный вредъ земледѣльческому сословію, составляющему девять-десятыхъ всего населенія россійской имперіи. Это неоднократно было вполнѣ убѣдительно выяснено въ печати. Положеніе нашей отечественной промышленности въ высшей степени благопріятно для хозяевъ ея. Если въ Европѣ конкурренція и все увеличивающееся затрудненіе сбыта вынуждаютъ промышленность на постоянную, неусыпную и, если такъ можно выразиться, бдительную дѣятельность—какъ по части производства, такъ и по части сбыта производимаго,—у насъ обезпеченная высокая доходность нисколько не требуетъ отъ промышленнаго предпріятія никакого особаго труда. Если въ Европѣ

рабочая организація служитъ постоянной угрозой для самаго существованія фабрикъ и заводовъ,—у насъ обезпеченность высокой ихъ доходности даетъ полную возможность хозяевамъ таковыхъ учрежденій безъ крупнаго убытка удовлетворять разумныя и справедливыя требованія рабочихъ. Этимъ отчасти объясняется сочувствіе общественнаго мнѣнія и даже правительства къ забастовкамъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, несмотря на сопровождавшіе ихъ не разъ безпорядки и насиліе Уличные безпорядки должны быть, несомнѣнно, прекращены; это мы видимъ и въ государствахъ, гдѣ рабочая организація представляетъ собою политическую силу, съ которой мѣстное правительство вынуждено считаться. Такая же организація вводится нынѣ и у насъ, но нельзя не сказать, что это—скорѣе искусственное подражаніе Европѣ, не достигшее той цѣли, для которой оно вводилось. Рабочаго сословія, вполнѣ на европейскій ладъ, у насъ не существуетъ; оно, такъ сказать, еще формируется; а пока, да пожалуй и въ близкомъ будущемъ, его нѣтъ и не будетъ. Громадное большинство фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ—крестьяне, временно оставившіе свою родовую осѣдлость, большею частью нисколько не разрывая связи съ нею. Такое положеніе до нѣкоторой степени облегчаетъ у насъ рабочія забастовки; но дѣйствительность вынуждаетъ настоящее наше крестьянство дорожить всякимъ отхожимъ промысломъ. Крестьянинъ, работающій на фабрикѣ или заводѣ, все болѣе убѣждается въ необходимости высылать часть, а иногда и большую часть заработанныхъ денегъ семьѣ въ деревню. Все увеличивающееся измельчаніе надѣловъ научило крестьянство, что на одномъ надѣлѣ, безъ посторонняго заработка,—прожить нельзя.

Но не однѣ только забастовки фабричныхъ рабочихъ въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ видимъ мы въ послѣднее время у насъ, а также и ремесленныя въ провинціальныхъ городахъ большихъ и малыхъ. Это нарушеніе обычной мирной жизни приноситъ, пожалуй, городскимъ жителямъ больше непріятности и убытка, чѣмъ большія фабричныя забастовки. Недовольство ремесленниковъ трудно понять нашему брату, деревенскому жителю. Въ провинціи въ настоящее время спеціальное ремесленное знаніе значительно увеличилось, и пользованіе имъ стало болѣе прежняго доступнымъ; тѣмъ не менѣе, оно далеко еще не распространилось до того, чтобы можно было указать на избытокъ ремесленнаго знанія и на значительный упадокъ цѣны ремесленнаго труда. Правда, ныньче въ деревнѣ, да и въ провинціальныхъ городахъ, меньше слышишь жалобы на „понедѣльники“ рабочихъ и на невозможность точнаго удовлетворенія срочныхъ заказовъ,—все же жалобы такого рода существуютъ. Во всякомъ ремесленномъ и профессіональномъ трудѣ главное основаніе — его качество.

Хорошимъ работникомъ въ этой отрасли настолько дорожитъ всякій хозяинъ, что не остановится ни передъ какой жертвой, чтобы удержать его у себя; иначе его сманитъ сосѣдъ. На фабрикѣ, гдѣ сотни станковъ требуютъ однообразной работы, общія требованія, общія забастовки вполнѣ понятны и, пожалуй, разумны; далеко не то въ ремеслѣ, гдѣ личныя качества работающаго придаютъ особую цѣнность его работѣ. Тутъ, казалось бы, общія требованія и забастовки положительно неумѣстны и необъяснимы. Поощряя среднее, полуплохое производство, онѣ тѣмъ самымъ устраняютъ побужденіе къ улучшенію труда, что, въ общемъ, вредно для самихъ рабочихъ. Однако, эти мелкія забастовки существуютъ чуть не по всѣмъ спеціальностямъ ремесленнаго труда и сопровождаются тѣмъ же насиліемъ большинства надъ рабочими, желающими продолжать свои занятія, и часто уличными безпорядками, какъ въ крупныхъ фабричныхъ забастовкахъ. Первая обязанность всякаго правительства—охранять безопасность жителей государства, коимъ оно управляетъ. Всякое насиліе, кѣмъ бы оно ни производилось, частными лицами или представителями администраціи, подлежитъ преслѣдованію судебнымъ порядкомъ, какъ противозаконное нарушеніе личной безопасности. Деспотизмъ толпы—это самый худшій.

Съ нѣкоторой натяжкой можно сказать, что аграрныя недоразумѣнія всегда существовали въ русской деревнѣ, но до 1861-го года онѣ имѣли скорѣе революціонный характеръ: въ оброчныхъ имѣніяхъ—въ видѣ общаго противодѣйствія; въ имѣніяхъ же, гдѣ жилъ самъ владѣлецъ,—лично противъ него направленное. Помню,—въ пятидесятыхъ годахъ, дворовые люди высѣкли одного помѣщика и сами пошли заявить о своемъ дѣяніи начальству. Потерпѣвшему,—впрочемъ, не очень больно, — стоило немало труда и расходовъ потушить это дѣло. Чуть не съ самаго момента освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости появились аграрныя недоразумѣнія чисто экономическаго характера. Сначала свободный крестьянинъ не шелъ на работу въ землевладѣльческомъ хозяйствѣ, но скоро, убѣдившись, что однимъ своимъ надѣломъ прожить трудно, сталъ входить въ соглашеніе съ сосѣдомъ-землевладѣльцемъ. Я попалъ въ мокшанскій уѣздъ въ 1865 году, когда острое время этого исканія соглашенія приходило къ концу; трудно было, однако, жить въ деревнѣ и хозяйничать въ ней тогда. Наемъ рабочихъ, отдача полей за деньги или изъ части производимаго на нихъ—были въ деревнѣ совершенно новыми экономическими явленіями для обѣихъ сторонъ. Вполнѣ естественно возникали недоразумѣнія какъ при заключеніи условій, такъ и при исполненіи ихъ. Мало-по-малу дѣло стало налаживаться. Отношеніе труда къ землѣ постепенно пріобрѣтало все болѣе нѣкоторую опредѣленность и проч-

ность. Земство немало тому содѣйствовало. Въ земскихъ собраніяхъ, по „Положенію“ 1864 года, крестьянство, сближаясь съ землевладѣльческой интеллигенціей, все болѣе усвоивало понятіе объ общихъ мѣстныхъ нуждахъ и возможности ихъ удовлетворенія. Дѣйствительность все болѣе выясняла общность интересовъ. Въ семидесятыхъ годахъ, какъ крестьянское, такъ и землевладѣльческое полеводство, да и все сельское хозяйство замѣтно улучшалось. Цѣна зерна все росла и тѣмъ давала возможность затратъ на обработку земли и на улучшеніе всего сельско-хозяйственнаго дѣла. Въ зиму 1880—1881 годовъ, вслѣдствіе значительнаго повышенія цѣны на зерно, деревня находилась въ особенно благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ. Къ сожалѣнію, это былъ безвозвратный конецъ самостоятельному развитію всего землевладѣнія, достигнутому въ первое двадцатилѣтіе послѣ освобожденія крестьянъ. Именно въ восьмидесятыхъ годахъ началось второе двадцатилѣтіе обнищанія всего русскаго землевладѣнія, всего нагляднѣе высказавшееся на сельскомъ населеніи русскаго центра. Введеніе якобы патріотическаго усиленнаго покровительства отечественной промышленности привело къ экономической международной борьбѣ. Первый, кто обложилъ пошлиной русское зерно, былъ Бисмаркъ. Его примѣру вскорѣ послѣдовали и другія государства. Вполнѣ естественно, вслѣдствіе этого цѣна зерна на мѣстахъ его производства прочно упала. Этой прочности сначала землевладѣніе не повѣрило; паденіе цѣны считалось случайнымъ, и преобладала увѣренность, что *заграница* безъ нашего хлѣба не обойдется. Нашлись въ печати и утѣшители, которые весьма убѣдительно доказывали, что пошлину на зерно уплатитъ иностранный его потребитель. Пришлось, однако, увѣровать, что зерно настолько прочно подешевѣло, что производство его безвыгодно. Крестьянство, со свойственной ему практичностью, не въ одномъ только мокшанскомъ уѣздѣ, стало бросать надѣлы. Помню одинъ типичный случай въ нашемъ уѣздѣ, надѣлавшій мнѣ много хлопотъ. Я тогда былъ уже предводителемъ. Въ селѣ Муратовкѣ очень значительная группа крестьянъ отказалась отъ надѣловъ, сохранивъ за собой только усадьбы и усадебную землю. Муратовское общество находилось въ безвыходномъ положеніи: свободная земля, на которой лежала уплата всѣхъ повинностей, не находила желающихъ ее взять. Общество надумалось и постановило обложить надѣльную землю только выкупными платежами, а мірскіе и волостные сборы взыскивать съ усадебъ. Отказавшіеся отъ надѣльной земли обжаловали этотъ приговоръ въ мокшанское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, которое признало его правильнымъ. Обжалованное истцами, это рѣшеніе было утверждено губернскимъ присутствіемъ. На послѣднее постановленіе отказавшіеся отъ земли подали жалобу въ сенатъ. Пра-

вительствующій сенатъ призналъ, что сельскій сходъ имѣетъ полное право, для удовлетворенія мірскихъ и волостныхъ нуждъ, избирать тотъ или другой предметъ обложенія лишь подъ единственнымъ условіемъ общаго и равномѣрнаго его обложенія; а такъ какъ муратовскій сходъ обложилъ одинаково всѣ усадьбы, то приговоръ его правиленъ.

Русское, какъ и всякое землевладѣніе, не имѣющее постороннихъ источниковъ дохода, живетъ и можетъ жить только отъ сбыта своихъ произведеній, и вполнѣ естественно удешевленіемъ ихъ увеличивается размѣръ необходимаго сбыта, что̀ въ свою очередь ведетъ къ еще бо̀льшему пониженію цѣны производимаго. Расходъ на жизнь земледѣльца — величина скорѣе опредѣленная, которая съ трудомъ можетъ быть уменьшена даже при скромныхъ требованіяхъ всего русскаго сельскаго сословія. На ряду съ пониженіемъ цѣны на произведенія сельско-хозяйственной промышленности стала рости наша государственная смѣта доходовъ и расходовъ съ замѣчательной быстротой и, надо прибавить, съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Увеличившіяся требованія государственнаго казначейства, въ какой бы формѣ они ни проявлялись, вполнѣ естественно отразились на самой многочисленной части населенія россійской имперіи, т.-е. на русскомъ сельскомъ населеніи. Къ уменьшенію доходовъ русскаго землевладѣнія прибавлялось постепенное увеличеніе его обязательныхъ расходовъ. Такое положеніе не могло привести ни къ чему другому, какъ къ тому, къ чему оно и привело, а именно къ прочному обѣднѣнію русскаго землевладѣнія. Это положеніе имѣло еще другое послѣдствіе,—пониженіе техники сельскаго хозяйства.

Во всякой промышленности, какъ и въ сельско-хозяйственной, всякое улучшеніе техники требуетъ затратъ и также связано съ рискомъ получить убытокъ, вслѣдствіе случайнаго, непредвидѣннаго затрудненія въ сбытѣ производимаго. Ничего случайнаго и непредвидѣннаго не существуетъ для нашей сельско-хозяйственной промышленности относительно сбыта: онъ прочно и основательно затрудненъ. Есть еще другая особенность сельско-хозяйственной промышленности— невѣрность результатовъ ея дѣятельности. Засуха, а еще болѣ всякіе букашки и червяки могутъ безвозвратно уничтожить оборотный капиталъ, вложенный въ землю ея обработкой и посѣвомъ. Въ прошломъ году засуха надѣлала много вреда полеводству въ Германіи; напр., извѣстно, какъ въ Силезіи картофель засохъ. Нѣтъ надобности говорить, насколько полеводство въ Германіи выше, чѣмъ у насъ; однако и тамъ атмосферическія явленія имѣютъ вліяніе на него. Упоминаю объ этой спеціальной рискованности, присущей сельско-хозяйственной

промышленности, какъ на ея право общественнаго къ ней вниманія и, по меньшей мѣрѣ, осторожнаго и вполнѣ обоснованнаго о ней сужденія.

Русское, какъ впрочемъ и всякое другое, землевладѣніе дѣлится на два разряда: одно мелкое, которое обработывается самимъ владѣльцемъ и его семьей; другое—которое для своей обработки требуетъ наемныхъ рабочихъ. Послѣдніе, естественно, могутъ быть только изъ сельскаго сословія, какъ единственно подготовленнаго къ земледѣльческому труду. При дешевизнѣ сбыта произведеній земледѣльческаго труда и постоянномъ увеличеніи обязательныхъ расходовъ, связанныхъ со всякимъ землевладѣніемъ, земля, могущая быть обработана одной семьей, недостаточна для удовлетворенія всѣхъ ея нуждъ; требуется изысканіе дополнительныхъ средствъ. Такое положеніе, казалось бы, въ высшей степени благопріятно для землевладѣнія, нуждающагося въ сельскихъ рабочихъ. Усиленное предложеніе земледѣльческаго труда, разумѣется, понизило его цѣну и, вмѣстѣ съ тѣмъ, породило массовое исканіе его примѣненія. Болѣе или менѣе крупное землевладѣніе, вслѣдствіе удешевленія зерна и присущей полеводству рискованности его веденія, вынуждено было если не вполнѣ уничтожить собственныя запашки, то значительно ихъ сократить. Сдавать землю въ долгосрочную аренду по опредѣленной цѣнѣ, при обѣднѣніи крестьянства, рѣдко гдѣ возможно; по необходимости выработалась дробная отдача полей изъ части получаемаго съ нихъ, положительно невыгодная для обѣихъ сторонъ. Крестьянинъ, вслѣдствіе дешевизны зерна, беретъ землю въ большемъ количествѣ, чѣмъ онъ можетъ ее свободно и легко обработать; сбытъ же зерна, полученнаго на его часть, скудно оплачиваетъ его трудъ. Землевладѣлецъ, при такой отдачѣ земли, нисколько не освобождается отъ расхода на содержаніе многочисленной администраціи. Наблюденіе же за непосильной обработкой земли и уборкой ея произведеній вызываетъ массу недоразумѣній, часто доходящихъ до суда. Отношенія крестьянства къ землевладѣнію рѣдко могутъ быть нормальны и дружественны. Разъ же зародилась вражда между двумя сторонами, въ сущности нуждающимися другъ въ другѣ, отношенія между ними обостряются по малѣйшему поводу. Несомнѣнно, при нѣсколько обезпеченной выгодности полеводства, землевладѣлецъ или самъ бы велъ свое хозяйство, или сдавалъ бы все имѣнье въ денежную аренду, которую крестьяне не находили бы никакого затрудненія уплачивать. Какъ ни убыточна выработанная нуждой форма сельско-хозяйственной промышленности, нельзя, однако, не сказать, что она практична. Вполнѣ естественно, что всюду, гдѣ является къ тому возможность, она болѣе или менѣе измѣняется, — улучшается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и техника полеводства.

Такой крупный, выдающійся фактъ, какъ обѣднѣніе многочисленнаго русскаго сельскаго населенія, не могъ не привлечь вниманія правительства. Основывались спеціальныя коммиссіи, изучалось положеніе этого населенія и принимались мѣры къ улучшенію этого положенія. Къ сожалѣнію, борьба велась съ послѣдствіями обѣднѣнія, а не съ причиной его, т.-е. съ пониженіемъ цѣнъ на произведенія земледѣльческаго труда. Изъ принятыхъ правительствомъ мѣръ нельзя не остановиться на дворянскомъ и крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, основанномъ правительствомъ. Имъ открывался болѣе дешевый и доступный долгосрочный кредитъ для двухъ главныхъ частей русскаго землевладѣнія, т.-е. крестьянскаго и дворянскаго. Такая важная льгота, соединенная съ нѣкоторыми жертвами государственнаго казначейства, нисколько не измѣнила общаго недуга землевладѣнія, да и не могла измѣнить. Въ одномъ дворянскій банкъ принесъ общую и несомнѣнную пользу: понизивъ процентъ, платимый заемщиками за долгосрочныя ссуды, онъ тѣмъ самымъ заставилъ и другіе банки послѣдовать его примѣру. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что такое пониженіе послѣдовало бы само собою, что̀ доказывается самой возможностью частныхъ банковъ вступить на путь, открытый починомъ дворянскаго банка. Въ настоящее время частные банки успѣшно конкуррируютъ съ дворянскимъ, что̀ доказываетъ только трудность веденія земледѣльческаго дѣла. Всякій кредитъ,—если такъ можно выразиться,—это учетъ лучшаго будущаго. Говорю о правильномъ кредитѣ, а не о благотворительномъ, который не кредитъ, а помощь. Это выяснилось на дѣятельности крестьянскаго банка. Пріобрѣтеніе крестьянскими обществами и товариществами земли съ пособіемъ этого банка на столько часто оканчивалось—въ первомъ случаѣ—переходомъ этой земли во владѣніе сего кредитнаго учрежденія, что оно было вынуждено затруднить эту операцію. При настоящемъ экономическомъ положеніи, крестьянство—за пользованіе землей, ему необходимой—можетъ легко уплачивать только произведеніями ея, т.-е. натурой; разъ же требуются деньги, то, въ общемъ, это уже для него непосильно. Состоятельное товарищество, находящееся въ благопріятныхъ условіяхъ, крѣпче удерживаетъ землю, пріобрѣтенную съ пособіемъ крестьянскаго банка, и случаи отобранія этой земли за невзносъ срочныхъ платежей крайне рѣдки. Въ моемъ близкомъ сосѣдствѣ общество крестьянъ небольшой деревни Александровскій-Хуторъ купило съ помощью крестьянскаго банка землю у графини Капнистъ, какъ разъ въ началѣ паденія цѣнъ на зерно. Долго общество билось съ затрудненіями взноса срочныхъ платежей, наконецъ не выдержало, и земля поступила во владѣніе крестьянскаго банка, который только недавно продалъ ее товариществу хохловъ изъ черниговской губерніи.

Кстати,—эти хохлы завели нѣсколько поселковъ въ нашемъ уѣздѣ. Это объясняется очень просто. Земля въ черниговской губерніи стоитъ чуть не втрое дороже, чѣмъ у насъ, и надо отдать полную справедливость дальнимъ къ намъ переселенцамъ—они очень быстро и хорошо устраиваются. Какъ я ни старался узнать, какимъ образомъ устроилось это вполнѣ самостоятельное переселеніе,—мнѣ это не удалось.

Общественное мнѣніе, также какъ и правительство, занималось и все еще занимается вопросомъ обѣднѣнія нашего сельскаго населенія. Періодическая печать обратила на него свое вниманіе. Деревня очень довѣрчиво относится къ печатному слову и часто черпаетъ изъ него готовыя сужденія о своихъ же собственныхъ нуждахъ и средствахъ имъ помочь. Одно время деревня такимъ образомъ крѣпко увѣровала, что низкая цѣна русскаго зерна зависитъ отъ массоваго его осенняго выбрасыванія на рынокъ и отъ умышленнаго засоренія зерна евреями. Дѣйствительность поколебала первое убѣжденіе; цѣны зерна въ послѣднее время были выше осенью, чѣмъ зимой и ранней весной, и многіе, выжидавшіе съ продажей своего зерна, потерпѣли убытокъ. Однако, предубѣжденіе противъ осеннихъ продажъ все же сохранилось, оспаривать его на основаніи точныхъ данныхъ невозможно. Въ декабрѣ на европейскомъ рынкѣ начинаетъ появляться аргентинское зерно, и отъ него зависятъ зимнія цѣны. Можно только одно сказать съ полной увѣренностью: вслѣдствіе постояннаго, чуть не ежедневнаго снабженія европейскихъ хлѣбныхъ рынковъ, крупные запасы на нихъ не существуютъ, а потому торговля зерномъ можетъ быть удачной и выгодной, когда оно можетъ быть доставлено во всякое время точно въ срокъ.

Я не стану оспаривать легенды объ умышленномъ засореніи евреями русскаго зерна,—замѣчу только, что такая операція не можетъ дать выгоду, а невыгоднымъ дѣломъ никто не занимается. Остановлюсь только на чистотѣ зерна, продаваемаго землевладѣніемъ,—какъ крупнымъ, такъ и мелкимъ, крестьянскимъ.

На хлѣбныхъ биржахъ средняя цѣна зерна, за среднюю также его добротность, выраженную въ установленномъ размѣрѣ золотниковъ, опредѣляется, въ данное время—скажемъ—въ сорокъ копѣекъ. За каждый лишній золотникъ прибавляется полъ-копѣйки, за недостающій —столько же уменьшается. Цѣной, установившейся на биржѣ, руководствуются и базарные, деревенскіе покупатели, опредѣляя добротность зерна обыкновенно пуркой, а иногда на глазъ. Продавецъ-производитель, разумѣется, имѣетъ въ виду только свою выгоду. Несомнѣнно, при низкой цѣнѣ зерна, и полкопѣйка лишняя за пудъ имѣетъ весьма

серьезное значеніе, но она получается не даромъ. Сортировкой зерна уменьшается его вѣсъ, полученный по его отвѣйкѣ при молотьбѣ, и дѣло чистаго разсчета—опредѣлить, выгодна ли тщательная сортировка зерна, или нѣтъ. Объясню это примѣромъ: при средней цѣнѣ въ 40 коп. за пудъ зерна, при весьма тщательной его сортировкѣ, получилось значительное, небывалое увеличеніе его добротности—въ восемь золотниковъ, и за пудъ продавецъ получилъ 44 копѣйки; но при сортировкѣ изъ пуда чистаго и хорошаго зерна получались всего тридцать фунтовъ, слѣдовательно, чтобы дать пудъ, надо было добавить еще десять фунтовъ сортированнаго зерна, а потому 44 копѣйки было получено не за пудъ, а за пудъ десять фунтовъ, стоющихъ по средней цѣнѣ 50 коп. Несортированное зерно пошло бы дешевле 40 коп., но оставшійся въ немъ отбросъ имѣетъ все же нѣкоторый вѣсъ, и пониженіе его добротности не можетъ превышать половины полученнаго въ первомъ случаѣ повышенія, т.-е. четырехъ золотниковъ, т.-е. 2 коп. съ пуда и 3 коп. съ 1 п. 10 фунтовъ, т.-е. 47 коп., или на 3 копѣйки выгоднѣе продать хлѣбъ несортированнымъ. Правда, слѣдуетъ принять въ разсчетъ отбросъ, часть котораго, состоящая изъ легкаго зерна и мякины,—хорошій кормъ для скота. Землевладѣніе, съ такимъ трудомъ добывающее наличныя деньги, по неволѣ ставитъ ихъ выше всего; но если даже для полезной части отброса исключить 2 копѣйки изъ полученнаго барыша, останется *копѣйка* [1]) выгоды на пудъ, а таковой, даже полукопѣйкой, довольствуются весьма крупныя хлѣботорговыя фирмы, которыя, очень вѣроятно, руководствуются одинаковыми съ землевладѣльцами соображеніями, относительно чистоты и добротности русскаго зерна при продажѣ его на заграничномъ рынкѣ.

Приведенный мною разсчетъ, несомнѣнно, измѣняется, вслѣдствіе различныхъ условій цѣны на зерно и урожая его. Очень можетъ быть, что при урожаѣ наливного—какъ у насъ говорится—зерна, тщательная его выдѣлка будетъ выгодна. Во всякомъ случаѣ, не въ засоренности русскаго зерна заключается причина пониженія его цѣны. Противъ этого пониженія существенную пользу принесла одна правительственная мѣра именно въ пензенской губерніи, на которую слѣдуетъ указать. Правительственнымъ тарифнымъ комитетомъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ установленъ одинаковый тарифъ на перевозку зерна и муки по желѣзнымъ дорогамъ. Благодаря тому, развилось мукомольное дѣло не только въ пензенской губерніи, но и въ сосѣднихъ съ ней уѣздахъ другихъ губерній. Со-

[1]) Я не упоминаю о стоимости труда, необходимаго для сортировки зерна, потому что вычислить ее на пудъ потребовало бы довольно подробнаго объясненія, а размѣръ ея—ничтоженъ.

здались на мѣстѣ болѣе или менѣе крупные центры покупки зерна, и цѣна его значительно возросла. Года два тому назадъ, наше мѣстное землевладѣніе продавало рожь на 5—6 копѣекъ за пудъ дороже, чѣмъ можно бы было получать за нее по цѣнамъ либавскаго порта, за вычетомъ расхода доставки. Созданіе крупныхъ мѣстныхъ потребительныхъ центровъ зерна—одно изъ дѣйствительныхъ способовъ повышенія его цѣны. Къ сожалѣнію, громадныя желѣзнодорожныя залежи прошлой зимы уничтожили это преимущество. На желѣзнодорожныхъ станціяхъ рядомъ съ зерномъ были навалены и мѣшки съ мукой. Очень долго эти станціи были закрыты для пріема какъ зерна, такъ и муки. Весь хлѣбный сбытъ остановился,—ни по какой цѣнѣ нельзя было сбыть зерно.

Желѣзнодорожныя залежи существуютъ у насъ давно,—въ ихъ оправданіе было высказано мнѣніе, что ими устраняется массовое выбрасываніе зерна на рынокъ, а этимъ только понижается его цѣна. Оказывается, что эти залежи, нарушающія какъ будто правильное теченіе хлѣбной торговли, въ сущности для нея полезны и, разумѣется, полезны еще болѣе для производителей предмета этой торговли. Массовое выбрасываніе на рынокъ зерна, да и всякаго продукта—безспорно, явленіе нежелательное; къ сожалѣнію, залежи не устраняютъ его, а только его отсрочиваютъ. Также безспорно,—попавшій на желѣзнодорожную станцію грузъ не будетъ обратно увезенъ его хозяиномъ, а въ свое время, когда будетъ удобно для желѣзной дороги, уйдетъ по ней.—Такое веденіе желѣзнодорожнаго хозяйства безусловно выгодно, но перевозка хлѣбныхъ грузовъ производится не даромъ, и всюду крупныя перевозочныя предпріятія всякаго рода стараются привлекать грузы, а не уменьшать ихъ. Желѣзныя дороги всюду оживляютъ экономическую жизнь, даже порождаютъ ее. Въ началѣ движеніе по нимъ весьма ограниченное—постепенно ростетъ и согласно съ этимъ ростетъ и увеличивается ихъ провозоспособность, а также и доходность.

На казенной сызрано-вяземской желѣзной дорогѣ, составляющей, такъ сказать, главную линію великаго сибирскаго пути и которою пользуется мѣстность, въ коей живу, хлѣбныя залежи на станціяхъ были громадны, и сами станціи были чуть не всю зиму закрыты для пріема хлѣбныхъ грузовъ. Это объясняли войной.—Какъ много нынѣ сваливается на эту несчастную войну! Желѣзнодорожное движеніе, вызванное войной, шло на востокъ, тогда какъ хлѣбные грузы, болѣе или менѣе правильно сложенные на станціяхъ сызрано-вяземской желѣзной дороги, назначались на западъ. Казалось бы, постоянная жалоба желѣзнодорожнаго вѣдомства, что главный нашъ грузъ, зерно, идетъ всегда по одному направленію и обратное движеніе пустыхъ

вагоновъ составляетъ значительный убытокъ,—тутъ до нѣкоторой степени устранялся. Только весной началась эвакуація больныхъ и раненыхъ изъ Манчжуріи; до тѣхъ же поръ, именно зимой, по сызрано-вяземской желѣзной дорогѣ ходили многочисленные товарные поѣзда съ пустыми вагонами на западъ мимо станцій, заполненныхъ хлѣбнымъ грузомъ, назначеннымъ туда же. На тарифномъ съѣздѣ, бывшемъ въ концѣ января с. г. въ Петербургѣ, выяснилось, что такое странное явленіе было послѣдствіемъ громадной задолженности сызрано-вяземской желѣзной дороги другимъ дорогамъ вагоновъ и необходимости уплатить этотъ долгъ. На все свои есть причины.

Изъ вышесказаннаго, полагаю, вполнѣ ясно, что недовольство всего землевладѣнія имѣетъ серьезныя основанія, но также, что улучшенія этого положенія нельзя ожидать въ близкомъ будущемъ. Весьма естественно, наглядное обѣднѣніе крестьянства сосредоточило всего болѣе вниманіе правительства и общественнаго мнѣнія на себѣ. Предполагается, между прочимъ, увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ, что несомнѣнно порадуетъ крестьянство, но врядъ ли это будетъ прочнымъ улучшеніемъ его положенія. Идея о земельномъ надѣлѣ, достаточномъ для самостоятельной, безбѣдной жизни крестьянской семьи, въ высшей степени симпатична, но, достигнутая нынѣ, она черезъ тридцать, даже двадцать лѣтъ окажется недостаточною. Уже теперь въ Сибири, да и нигдѣ, нѣтъ свободной земли не только для массоваго, но и для крупнаго переселенія. Мелкое же самостоятельное всегда было и будетъ. Наконецъ, дѣло не въ количествѣ земли, а въ ея доходности. Постараемся выяснить, какъ само крестьянство старалось помочь себѣ въ это злополучное послѣднее двадцатилѣтіе своего постепеннаго обѣднѣнія.

Въ продолженіе двадцатилѣтней моей предводительской службы, я замѣчалъ на призывахъ постоянно увеличивающееся количество въ крестьянствѣ молодыхъ людей, не занимающихся хлѣбопашествомъ. Въ призывныхъ спискахъ обязательно внесеніе свѣдѣній, чѣмъ занимается призываемый. То же требуется и при составленіи формулярнаго списка призваннаго на службу при самомъ пріемѣ. Замѣчательно, что въ послѣднемъ случаѣ, при вопросѣ:—чѣмъ занимаетесь? отвѣтъ: *ничѣмъ!* значитъ—хлѣбопашествомъ. Прилагаю при семъ табличку о занятіяхъ призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности изъ крестьянскаго сословія за 1884 и 1905 года, составленную по подлиннымъ призывнымъ спискамъ мокшанскаго воинскаго присутствія.

	1884	1905
каменьщики	33	126
плотники	9	48
портные	48	41
сапожники	—	16
кузнецы	—	7
слесари	1	8
маляры	—	6
колесники	—	11
бондари	4	—
торговцы	—	43
телеграфисты	—	5
письмоводство	4	13
псаломщики	—	1
учителя	—	1
Итого	99	326
Хлѣбопашество	758	816
Всего призываемыхъ крестьянъ	857	1,142

Свѣдѣнія о занятіяхъ молодыхъ людей, достигшихъ призывнаго возраста, изъ крестьянскаго сословія данной мѣстности, несомнѣнно, не могутъ еще дать вполнѣ вѣрной картины положенія земледѣльческаго и ремесленнаго труда въ ней. Въ этой таблицѣ встрѣчается даже одна рѣшительная несообразность. Въ ней отмѣчено, что въ 1884 г. не было призываемыхъ колесниковъ, тогда какъ въ мокшанскомъ уѣздѣ существуетъ село Солдатское, которое искони занимается этимъ ремесломъ. Очевидно, это—случайность. Съ другой стороны, въ этой же таблицѣ отразилось вполнѣ вѣрно уменьшеніе бондарей, происшедшее вслѣдствіе введенія казенной продажи вина. Винокуренное производство было очень развито издавна въ пензенской губерніи еще до акцизной системы; съ тѣхъ поръ, хотя значительно сокращенное, оно все же производитъ болѣе, чѣмъ требуетъ губернія. Прежде пензенскіе винокуренные заводы ставили спиртъ въ станицы и на Кавказъ; требовалось громадное количество бочекъ; нынѣ же спиртъ доставляется въ мѣстные казенные склады и въ мѣстные также ректификаціонные заводы постепенно, и ничтожное количество бочекъ, быстро возвращаясь на заводъ, вполнѣ удовлетворяетъ потребность въ нихъ. Село Богородское, нашего уѣзда, прежде доставлявшее бондарей не на одну только пензенскую губернію, съ присущей крестьянству практичностью, бросило свое стародавнее производство, и нынѣ въ немъ много каменьщиковъ. Не входя въ дальнѣйшія разъясненія таблицы, скажемъ одно,—что она даетъ понятіе, какъ крестьянство само, безъ всякой помощи, умѣетъ бороться со своимъ печальнымъ,

какъ земледѣльцевъ, положеніемъ. Можно было бы убѣдиться въ томъ еще указаніемъ на крестьянъ обоего пола, которые, не разрывая связи съ землей, вполнѣ успѣшно живутъ заработкомъ въ экономіяхъ и городахъ. Къ сожалѣнію, точными цифрами это не можетъ быть доказано. Близкіе заработки не требуютъ паспортовъ, и потому ихъ учесть, даже черезъ сельское и волостное начальство, — невозможно. Еще болѣе слѣдуетъ указать на быстрое развитіе поселковъ близъ желѣзнодорожныхъ станцій, представляющихъ для заселенія выгодныя условія. Такіе потребительные центрики безусловно полезны въ общемъ экономическомъ отношеніи, и, несомнѣнно, они будутъ болѣе и скорѣе развиваться, если на желѣзныхъ дорогахъ грузовое движеніе будетъ производиться правильно и постоянно. Массовое появленіе на желѣзнодорожныхъ станціяхъ зерна во многомъ зависитъ отъ желанія отправителя имѣть нѣкоторое преимущество въ виду обычной залежи и конечнаго ея послѣдствія, — отказа въ пріемѣ груза. Одна увѣренность, что желѣзныя дороги будутъ работать правильно, остановитъ переполненіе ихъ станцій. Дѣйствительность укажетъ, что всякіе хлѣбные рынки, большіе и малые, внутренніе и внѣшніе, нуждаются въ постоянномъ снабженіи. Направленная по такому правильному пути, хлѣбная торговля избѣгнетъ тѣхъ скачковъ цѣны на зерно, отъ которыхъ немало она страдаетъ, а еще болѣе—производитель зерна. Не отъ одного только низкаго уровня цѣны на зерно страдаетъ производитель его, но еще болѣе—отъ неустойчивости этой цѣны и, наконецъ, отъ такого положенія,—о которомъ я уже упоминалъ,—когда ни по какой цѣнѣ продать зерно было невозможно.

При устраненіи причинъ, нарушающихъ правильное теченіе общей экономической жизни, несомнѣнно, русское крестьянство сумѣетъ еще лучше бороться съ трудностями своего положенія. Изъ него формируется, какъ я уже говорилъ, промышленное рабочее сословіе. Борьба труда съ капиталомъ, какъ всякая война, не можетъ быть постоянной. Рано или поздно она должна кончиться миромъ. У насъ, въ Россіи, мировое соглашеніе двухъ главныхъ факторовъ всякаго промышленнаго предпріятія, труда и капитала, пожалуй, легче и скорѣе осуществится, чѣмъ въ другихъ странахъ. Правда, у насъ нѣтъ обилія капиталовъ; сравнительно, вклады въ наши сберегательныя кассы—ничтожны; но зато у насъ влеченіе къ ассоціаціи гораздо сильнѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ. Именно въ нашемъ крестьянствѣ духъ товарищества явился не вслѣдствіе ученія или наставленія со стороны, а всегда существовалъ и существуетъ. Въ мокшанскій

судебный съѣздъ земскихъ начальниковъ очень часто поступаютъ, въ апелляціонномъ порядкѣ, дѣла по разсчетамъ въ средѣ мелкихъ товариществъ, основанныхъ, разумѣется, неоффиціально, для веденія торговли или какого-либо предпріятія. Дѣла этого рода не легки для разрѣшенія. Стороны, большею частью, или безграмотны, или малограмотны, а потому письменныя ихъ записи весьма сомнительнаго достоинства. Нельзя не замѣтить, что по такого рода дѣламъ рѣдко приходится отмѣнять или измѣнять рѣшенія волостныхъ судовъ. То, что дѣлается въ мокшанскомъ уѣздѣ, не можетъ еще служить доказательствомъ всеобщаго расположенія крестьянства къ товариществамъ: укажу на болѣе убѣдительное, а именно, на биржевыя артели, съ блестящимъ успѣхомъ занимающіяся столь деликатнымъ дѣломъ, какъ денежное. Теперь не только въ станицахъ, но и въ провинціальныхъ городахъ кассиры въ банкахъ—артельщики; а артели, къ коимъ они принадлежатъ, обладаютъ значительными капиталами, вполнѣ обезпечивающими отвѣтственную дѣятельность ихъ членовъ. Управляются артели выборными изъ своей среды самостоятельно, безъ малѣйшаго контроля со стороны правительственныхъ или общественныхъ учрежденій; да никто и не гарантируетъ ихъ дѣятельность, а онѣ живутъ, служатъ безупречно своему дѣлу и благоденствуютъ. Первыя артели были основаны крестьянами ярославской губерніи, и только въ самое послѣднее время онѣ начинаютъ терять свой чисто крестьянскій характеръ. Нѣтъ надобности говорить о той пользѣ, которую приносятъ эти учрежденія банковому, да и всякому денежному дѣлу; артельщики служатъ и на желѣзныхъ дорогахъ, и въ акцизномъ вѣдомствѣ. Она и очевидна, и велика. Прибавлю еще, что нигдѣ, кромѣ Россіи, не существуетъ биржевыхъ артелей. Народъ, называемый у насъ темнымъ, — который, однако, сумѣлъ создать и въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ развить такія крупныя, богатыя и важныя товарищества,—навѣрное сумѣетъ устроить не только всякое ремесленное заведеніе, но и всякую фабрику или заводъ, одинаково застрахованные отъ забастовокъ. Нельзя не пожелать, чтобы этотъ темный народъ былъ наконецъ освобожденъ отъ всякой административной опеки и затѣмъ ему было дано, хотя бы на нѣкоторое время, отдохнуть отъ всякихъ попытокъ его устроить и руководить, хотя бы по весьма благонамѣренно выработанному плану...

Землевладѣніе, безспорно, имѣетъ у насъ основаніе быть недовольнымъ настоящимъ своимъ положеніемъ, пожалуй, болѣе, чѣмъ другія группы населенія россійской имперіи; однако, въ немъ, особенно въ такъ

называемомъ центрѣ, безпорядковъ было менѣе, чѣмъ повсюду; а если и были, то они скоро прекращались. Это весьма удивительно. Въ концѣ зимы, въ деревнѣ ежегодно происходитъ наемъ рабочихъ и отдача полей исполу, или иначе. Всегда практичный, нашъ крестьянинъ старается нѣсколько измѣнить въ свою пользу установившіяся условія какъ найма, такъ и отдачи. Нельзя не поторговаться. Такъ уже принято. При общемъ существующемъ въ Россіи броженіи, слѣдовало ожидать нынѣ и у насъ въ уѣздѣ если не крупныхъ, такъ называемыхъ, аграрныхъ недоразумѣній, то повышенія рабочей платы и болѣе выгодныхъ для съемщиковъ полей условій. Дѣйствительно, было нѣкоторое повышеніе кое-гдѣ, но въ общемъ все осталось по старому. Правда, примѣненія труда къ землѣ у насъ можно назвать нормальными, но такое явленіе я объясняю воспитательнымъ вліяніемъ земства. Даже и по настоящему земскому „Положенію" участіе крестьянъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ воспитало ихъ и расширило ихъ кругозоръ. Несомнѣнно, при открытомъ голосованіи крестьяне стѣснены присутствіемъ полновластныхъ своихъ земскихъ начальниковъ, но при закрытыхъ баллотировкахъ, коими обязательно рѣшаются всѣ личные и денежные вопросы, они прекрасно умѣютъ пользоваться своимъ правомъ. При разномысліи въ собраніи, при обоюдномъ согласіи, крестьянская группа имѣетъ рѣшающее значеніе. Въ настоящее время, когда вся Россія ожидаетъ улучшенія своего положенія отъ рѣшающаго участія своихъ выборныхъ въ общихъ законодательныхъ трудахъ, избраніе таковыхъ—дѣло первостепенной важности. Казалось бы, земство, земскія собранія, особенно при возвращеніи къ „Положенію" 1864 года, даже нѣсколько расширенному, представляютъ собою вполнѣ подготовленныя и подходящія избирательныя собранія. Мѣстное самоуправленіе, вѣдающее мѣстное хозяйство—наилучшій фундаментъ для центральнаго учрежденія, призваннаго къ участію въ государственномъ хозяйствѣ. Съ точки зрѣнія архитектурной получается гармоническое цѣлое, въ которомъ наилучшимъ образомъ могутъ быть согласованы и удовлетворены мѣстные интересы. Въ разнообразіи ихъ и даже въ ихъ противоположности—нѣтъ никакого сомнѣнія, именно въ Россіи, при ея громадности и разноплеменности. Какъ бы то ни было, въ земство попадаютъ лучшіе люди, отъ которыхъ всего болѣе можно ожидать, что они выберутъ дѣловитыхъ людей, въ каковыхъ и нуждается наше отечество. Наиболѣе проявляющееся по своей дѣятельности общественное мнѣніе предполагало устранить земство отъ прямого избранія членовъ будущаго представительнаго собранія и таковое избраніе произвести посредствомъ спеціальныхъ избирательныхъ собраній, которыя сначала выберутъ выборщиковъ, а эти, собравшись въ мѣстномъ центрѣ, или опять повторятъ ту же операцію, или прямо изберутъ

представителей въ центральное собраніе. При настоящемъ обѣднѣніи наиболѣе многочисленнаго сельскаго населенія и наиболѣе имѣющаго право на представительство, расходы на многочисленныя поѣздки при такой сложной операціи были бы положительно непосильны этому населенію. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что участіе его въ избирательныхъ собраніяхъ будетъ очень ограниченное. Это еще съ полъ-горя; главное же, такія спеціальныя избирательныя собранія, по моему убѣжденію, нисколько не обезпечатъ избраніе истинно дѣловитыхъ и лучшихъ людей, въ которыхъ именно нуждается Россія.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

с. Знаменское.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1905.

Быстрая смѣна тревожныхъ событій.—Инструкція генералъ-адъютантамъ, посланнымъ въ волнующіяся губерніи.—Манифестъ 3-го ноября.—Необходимость широкой аграрной реформы.—Военное положеніе въ царствѣ польскомъ.—Резолюціи ноябрьскаго общеземскаго съѣзда.—Новыя формы гнета и нетерпимости.

Съ чрезвычайною быстротою слѣдовали одно за другимъ поразительныя событія: бунты въ Кронштадтѣ и Владивостокѣ, объявленіе военнаго положенія въ царствѣ польскомъ, вторая забастовка въ Петербургѣ, аграрные безпорядки, съѣздъ делегатовъ крестьянскаго союза въ Москвѣ, бунтъ въ Севастополѣ, забастовка почтово-телеграфныхъ служащихъ. Все колеблется, все разстраивается или спутывается; отовсюду надвигаются новыя усложненія, новыя опасности—а выходъ изъ тяжелаго, невыносимаго положенія по прежнему виднѣется только въ неопредѣленномъ, проблематичномъ будущемъ. Старое, повидимому отжившее и похороненное, пытается возвратиться къ жизни; новое принимаетъ болѣзненныя, подчасъ уродливыя формы. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, прошло уже болѣе мѣсяца со времени обнародованія манифеста 17-го октября—а все еще нѣтъ ни правилъ, опредѣляющихъ составъ и полномочія Государственной Думы, ни правилъ, осуществляющихъ основы обѣщанной манифестомъ гражданской свободы. Образованъ новый совѣтъ министровъ, но въ его среду вошли два представителя прежняго режима, и одному изъ нихъ—управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, бывшему директору департамента полиціи—ввѣрена наиболѣе отвѣтственная и важная отрасль государственнаго управленія. Характернымъ результатомъ этой двойственности является посылка въ губерніи, охваченныя аграрными волненіями, генералъ-адъютантовъ, облеченныхъ чрезвычайною властью. Размѣры этой власти, совершенно не-

совмѣстные съ нормальнымъ правовымъ порядкомъ, напоминаютъ недавнее время, когда укрощеніе и усмиреніе систематически производилось per fas et nefas. Генералъ-адъютантамъ предоставлено право издавать обязательныя постановленія, пріостанавливать изданіе газетъ, журналовъ, объявленій, брошюръ. подвергать личному задержанію (безъ ограниченія срокомъ) всѣхъ признаваемыхъ опасными для общественнаго порядка и спокойствія. И всѣ эти права даны лицамъ незнакомымъ съ мѣстными условіями, неподготовленнымъ къ административнымъ функціямъ, ничѣмъ, слѣдовательно, не огражденнымъ отъ случайныхъ вліяній! Болѣе чѣмъ сомнительной представляется и цѣлесообразность этой экстраординарной мѣры. На мѣста, гдѣ они должны дѣйствовать, генералъ-адъютанты пріѣзжаютъ обыкновенно только тогда, когда безпорядки—рѣдко длящіеся болѣе нѣсколькихъ дней—уже прекратились, и остается только изслѣдовать ихъ причины и обнаружить виновныхъ. Первую задачу всего лучше могутъ исполнить мѣстные общественные дѣятели, вторую—мѣстные судебные органы; вмѣшательство со стороны и тамъ, и тутъ, безполезно или вредно. Прошло время, когда имѣли смыслъ missi dominici; теперь ихъ роль, въ лучшемъ случаѣ, наводитъ на мысль о пятомъ колесѣ. Ошибочно было бы, наконецъ, приписывать миссіи генералъ-адъютантовъ значеніе превентивное, предупредительное; ошибочно было бы думать, что, узнавъ о ней, остановятся народныя массы, собиравшіяся примкнуть къ аграрному движенію. Со времени распубликованія инструкціи генералъ-адъютантамъ прошло болѣе трехъ недѣль—а въ печати не перестаютъ появляться вѣсти о новыхъ аграрныхъ безпорядкахъ, подвигающихся какъ бы волною на сѣверъ и западъ, изъ губерній саратовской и тамбовской въ губерніи курскую, орловскую и рязанскую.

Если въ правительственныхъ сферахъ не иссякла еще вѣра въ дѣйствительность ультра-репрессивныхъ мѣръ, то рядомъ съ нею все-таки растетъ убѣжденіе въ ихъ недостаточности. Оно выразилось, между прочимъ, въ Высочайшемъ манифестѣ 3-го ноября и Именныхъ указахъ отъ того же числа. Выкупные платежи съ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, государственныхъ и удѣльныхъ рѣшено уменьшить съ 1-го января 1906-го года на половину, а съ 1-го января 1907-го года отмѣнить вовсе. Крестьянскому поземельному банку предоставлено производить реализацію его свидѣтельствъ по мѣрѣ дѣйствительной потребности (т.-е. безъ ограниченія какою-либо заранѣе опредѣленною суммою), не требуя отъ покупщиковъ доплатъ, если ссуды испрашиваются безземельными или малоземельными крестьянами. Все это—не болѣе какъ палліативы. Такъ смотритъ на дѣло, повидимому, и правительство: въ одномъ изъ указовъ сенату гово-

рится о „неотложномъ удовлетвореніи нуждъ малоземельнаго сельскаго населенія въ землеустройствѣ, *впредь до установленія въ законодательномъ порядкѣ общихъ по сему предмету мѣръ* и общаго пересмотра устава крестьянскаго банка". Подъ именемъ „общихъ мѣръ" здѣсь слѣдуетъ понимать, несомнѣнно, нѣчто бо̀льшее, чѣмъ распространеніе круга дѣйствій крестьянскаго банка. Какими бы суммами послѣдній ни располагалъ, какія бы льготныя условія онъ ни предоставлялъ своимъ клiентамъ, онъ можетъ способствовать пріобрѣтенію крестьянами только тѣхъ земель, которыя предлагаются въ продажу. Такихъ земель можетъ быть много тамъ, гдѣ нужда въ землѣ сравнительно слаба—и мало, слишкомъ мало тамъ, гдѣ она доведена до крайнихъ предѣловъ. Для крестьянъ особенно важно пріобрѣтеніе земли, лежащей въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ихъ надѣлами—а между тѣмъ эта земля можетъ вовсе не поступать въ продажу или цѣниться въ такую сумму, которая далеко превышаетъ ея реальную стоимость. Извѣстно, что во многихъ мѣстахъ цѣны на землю возросли непомѣрно именно подъ вліяніемъ сдѣлокъ, заключаемыхъ при участіи крестьянскаго банка... Условія переживаемаго нами момента настоятельно требуютъ продолженія работы, начатой сорокъ-пять лѣтъ тому назадъ. Необходимо обязательное отчужденіе частновладѣльческой земли, въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ земельному голоду крестьянства—необходимо потому, что землями государственными, удѣльными, кабинетскими и монастырскими этотъ голодъ удовлетворенъ быть не можетъ: слишкомъ недостаточно ихъ количество, слишкомъ неравномѣрно распредѣленіе ихъ между различными частями имперіи. Произведенное — какъ это проектировано въ программѣ конституціонно-демократической партіи [1])—„съ вознагражденіемъ владѣльцевъ по справедливой (не рыночной) оцѣнкѣ", такое отчужденіе не будетъ нарушеніемъ права собственности, какъ не было имъ надѣленіе крестьянъ землею въ 1861-мъ году. Оно предотвратитъ катастрофу, о характерѣ которой можно судить по недавнимъ—и еще не прекратившимся—аграрнымъ безпорядкамъ. Оно возстановитъ спокойствіе и миръ въ нашей многострадальной деревнѣ и создастъ благопріятную почву для преобразовательной работы на мѣстахъ, столь важной для успѣха общегосударственныхъ реформъ. Чѣмъ скорѣе будетъ признана и провозглашена необходимость рѣшительной аграрной политики, тѣмъ лучше; запаздыванье, принесшее уже столь много вреда, именно здѣсь было бы особенно опасно.

Въ аграрномъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, конституціонно-демократическая партія занимаетъ положеніе близкое къ среднему.

---

[1]) Она напечатана въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы" (стр. 353—359).

Отвѣтомъ на возраженія, встрѣчаемыя ею справа, служитъ все сказанное нами до сихъ поръ. Слѣва всего ближе подходитъ къ ней вновь образовавшаяся радикальная партія, считающая необходимымъ образованіе земельнаго фонда путемъ экспропріаціи: безъ вознагражденія—земель государственныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и церковныхъ, и за минимальное вознагражденіе—земель частновладѣльческихъ. Изъ числа послѣднихъ подлежащими отчужденію признаются, однако, не всѣ: предполагается установить максимальный предѣлъ частнаго владѣнія землею, съ тѣмъ, чтобы экспропріаціи подлежало все количество земли, превышающее максимумъ. Между вознагражденіемъ „минимальнымъ“ и вознагражденіемъ „справедливымъ“ принципіальнаго различія мы не видимъ; устраняя вознагражденіе по рыночной оцѣнкѣ, конституціонно-демократическая партія тѣмъ самымъ уменьшаетъ размѣръ вознагражденія—а предѣлы уменьшенія могутъ быть установлены только тогда, когда начнется процедура оцѣнки. Едва-ли *минимальное* вознагражденіе, проектируемое радикальною партіею, понимается ею какъ вознагражденіе *мнимое*, т.-е. совершенно несоразмѣрное съ цѣнностью отчуждаемой земли. Не возражаемъ мы принципіально и противъ установленія максимальныхъ нормъ земельнаго владѣнія (различныхъ, конечно, для различныхъ мѣстностей Россіи); это—одинъ изъ способовъ опредѣлить размѣры, въ какихъ должно быть произведено отчужденіе частновладѣльческихъ земель.

Дальше радикальной программы идутъ, по аграрному вопросу, тѣ партіи, которыя стоятъ за полную отмѣну частной поземельной собственности, безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ. Что означалъ бы собою такой, нигдѣ небывалый переворотъ, какія безконечныя осложненія онъ создалъ бы въ потрясенномъ общественномъ организмѣ, какія трудныя и тяжелыя задачи поставилъ бы передъ обновленною правительственною властью—это не требуетъ объясненія. Ничего подобнаго не предлагаютъ, по ту сторону нашей границы, даже такіе прямолинейные и смѣлые теоретики „новаго государства“, какъ Антонъ Менгеръ (авторъ переведенной и на русскій языкъ книги: „Neue Staatslehre“). Онъ стоитъ за выкупъ крупнаго владѣнія (Einlösung des Grossbesitzes)—какъ земельнаго, такъ и всякаго другого,—оговариваясь, что подъ именемъ выкупа не слѣдуетъ понимать экспропріацію въ обычномъ смыслѣ слова, т.-е. вознагражденіе владѣльца суммою, представляющею собою полный эквивалентъ отчуждаемаго имущества; достаточно, по его мнѣнію, назначеніе *умѣренной* пожизненной ренты въ пользу землевладѣльца и его нисходящихъ, состоящихъ на лицо въ моментъ отчужденія. Среднее и мелкое владѣніе Менгеръ оставляетъ неприкосновеннымъ до тѣхъ поръ, пока долговременнымъ опытомъ не будутъ оправданы и укрѣплены новыя, со-

ціалистическія правовыя нормы. Къ воспріятію этихъ нормъ Германія подготовлена, безъ сомнѣнія, въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ Россія. Культура, въ средѣ германскаго народа, распространена несравненно шире, корни ея глубже, развитіе выше; соціалъ-демократическіе взгляды въ теченіе многихъ лѣтъ проводятся безпрепятственно и открыто, соціалъ-демократическая партія располагаетъ относительнымъ большинствомъ избирателей, ея приверженцы привыкли дѣйствовать мирными средствами. Если, тѣмъ не менѣе, осуществленіе соціалистическихъ идеаловъ не ставится въ Германіи на ближайшую очередь, если упраздненіе поземельной собственности разсматривается тамъ какъ цѣль, къ которой слѣдуетъ приближаться постепенно, то что̀ же сказать о Россіи, съ ея умственною и матеріальною отсталостью, съ ея громадными массами неорганизованнаго и темнаго земледѣльческаго населенія? Цѣлесообразно ли, въ моментъ перехода къ новому государственному строю, уничтожать на мѣстахъ тѣ небольшіе культурные центры, которыми служили—конечно не всѣ, но довольно многія—помѣщичьи усадьбы? Цѣлесообразно ли лишать мѣстное самоуправленіе, расширяемое въ своемъ составѣ и въ своемъ кругѣ дѣйствій, тѣхъ точекъ опоры, которыя оно могло бы найти въ бывшихъ земскихъ дѣятеляхъ, столь много успѣвшихъ сдѣлать съ скудными средствами и вопреки препятствіямъ всякаго рода? Пускай уменьшится размѣръ имѣній, пускай сократятся источники землевладѣльческаго дохода — но пускай уцѣлѣетъ то разнообразіе формъ владѣнія, которое служитъ гарантіей хозяйственнаго прогресса, пускай останутся въ деревнѣ тѣ элементы населенія, которые работали до сихъ поръ и долго еще могутъ работать для ея блага.

Сразу удвоить размѣры крестьянскаго землевладѣнія — не значило бы увеличить въ такой же мѣрѣ благосостояніе крестьянъ. Необходимо измѣнить пріемы крестьянскаго хозяйства, сдѣлать его болѣе производительнымъ, т.-е. болѣе интенсивнымъ—а этому не способствовало бы внезапное повышеніе его экстенсивности, не способствовало бы и исчезновеніе массы хозяйствъ усовершенствованнаго типа. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась недавно статья А. И. Чупрова о мѣрахъ къ улучшенію крестьянскаго хозяйства. Въ жалкомъ состояніи крестьянской сельскохозяйственной техники всѣми уважаемый авторъ видитъ основную причину ничтожности нашихъ успѣховъ во всѣхъ отрасляхъ хозяйственной жизни. Единственнымъ надежнымъ способомъ вывести Россію изъ ея нынѣшняго бѣдственнаго экономическаго положенія онъ считаетъ быстрое поднятіе урожаевъ съ крестьянскихъ полей и доходовъ отъ остальныхъ отраслей крестьянскаго хозяйства по крайней мѣрѣ вдвое. Опытъ западно-европейскихъ государствъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми фактами русской жизни, убѣждаетъ А. И. Чупрова въ то́мъ, что эта

задача можетъ быть съ успѣхомъ разрѣшена, если на ряду съ обезпеченіемъ широкой свободы устнаго и печатнаго слова, собраній и союзовъ и съ преобразованіемъ земствъ на демократическихъ началахъ, государствомъ и обществомъ будутъ приняты необходимыя для того мѣры: устройство опытныхъ полей и станцій, съ цѣлью выработки для каждой мѣстности плана сельско-хозяйственныхъ улучшеній,—широкая организація агрономической помощи народу,—снабженіе населенія улучшенными орудіями, сѣменами, искусственными удобреніями, кормовыми средствами,—содѣйствіе устройству разнаго рода обществъ, товариществъ и союзовъ,—полная система мелкаго и меліоративнаго кредита, — устройство мелкой земской единицы,—образованіе, для осуществленія всѣхъ этихъ задачъ, особаго министерства, съ возложеніемъ на него обязанности значительно увеличить число сельскохозяйственныхъ школъ, высшихъ, среднихъ и низшихъ. Нѣтъ надобности доказывать, что проведеніе мѣръ, перечисленныхъ А. И. Чупровымъ, было бы до крайности затруднено, еслибы сразу исчезло личное землевладѣніе. Безспорно, при слишкомъ малыхъ надѣлахъ невозможны серьезныя хозяйственныя улучшенія; крестьянское землевладѣніе должно быть увеличено—увеличено, между прочимъ, на счетъ помѣщичьяго, но безъ внезапнаго уничтоженія частной поземельной собственности. Къ ея дальнѣйшему уменьшенію неизбѣжно приведетъ, въ конституціонномъ, демократическомъ государствѣ, нормальный ходъ законодательства — но приведетъ безъ ненужныхъ правонарушеній, безъ толчковъ, болѣзненно отзывающихся на всѣхъ частяхъ общественнаго организма.

Мѣры, направленныя къ увеличенію размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія, не могли бы успокоить народную массу, еслибы одновременно съ ними не было довершено юридическое освобожденіе крестьянства. Въ появившейся на дняхъ брошюрѣ Г. А. Евреинова: „Выходъ изъ анархіи", выражена мысль, что для достиженія этой цѣли достаточно было бы предоставить каждому совершеннолѣтнему крестьянину ничѣмъ не стѣсненное право выхода изъ сельскаго общества, отмѣнить право сельскихъ обществъ ссылать своихъ „порочныхъ" членовъ, обезпечить за крестьянами право свободнаго передвиженія и лишить земскихъ начальниковъ дискреціонной власти надъ крестьянами. Едва ли, однако, самъ авторъ считаетъ эти мѣры разрѣшающими вопросъ во всей его полнотѣ. Чтобы уничтожить въ корнѣ всякое неравенство между крестьянами и остальнымъ населеніемъ, необходимо совершенно упразднить институтъ земскихъ начальниковъ и связанныя съ нимъ учрежденія (уѣздные съѣзды, губернскія присутствія), замѣнить крестьянскіе волостные суды общесословными судебными учрежденіями, сохранить за крестьянскими обычаями,

впредь до изданія новаго гражданскаго уложенія, лишь значеніе вспомогательнаго источника права и создать на мѣстахъ управленіе, общее для всѣхъ обитателей деревни. Конечно, столь коренныя перемѣны требуютъ разработки и не могутъ быть осуществлены сразу; но ничто не мѣшало бы объявить уже теперь, что онѣ предрѣшены въ принципѣ и будутъ предложены, безъ замедленія, на утвержденіе народнаго представительства.

Не менѣе важное значеніе, чѣмъ крестьянскій вопросъ, имѣетъ въ настоящее время вопросъ объ окраинахъ, въ особенности о царствѣ польскомъ. Объявленіе царства польскаго на военномъ положеніи вызвало массу протестовъ не только въ польскомъ, но и въ русскомъ обществѣ. Ноябрьскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, включивъ отмѣну военнаго положенія въ царствѣ польскомъ въ число тѣхъ мѣръ, которыя, для успокоенія страны, должны быть приняты немедленно, не дожидаясь созыва народныхъ представителей, одобрилъ, громаднымъ большинствомъ голосовъ, слѣдующую резолюцію: „подтверждая въ полномъ объемѣ постановленіе предъидущаго (сентябрьскаго) съѣзда по вопросу объ автономіи царства польскаго и заявляя въ то же время, что указанное въ этомъ постановленіи разрѣшеніе польскаго вопроса не только не имѣетъ ничего общаго съ понятіемъ отдѣленія Польши отъ Россіи, но, напротивъ, представляется необходимымъ для прочнаго обезпеченія цѣлости и могущества имперіи, и что поэтому мотивировка въ правительственномъ сообщеніи введенія военнаго положенія въ царствѣ польскомъ требованіемъ автономіи и объясненіе этого требованія, какъ первой ступени къ отторженію отъ Россіи, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей, съѣздъ постановилъ признать неотложно необходимыми для умиротворенія края слѣдующія мѣры: 1) отмѣну введеннаго въ царствѣ польскомъ военнаго положенія; 2) формальное включеніе въ кругъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію перваго собранія народныхъ представителей россійской имперіи, вопроса о введеніи въ царствѣ польскомъ автономнаго устройства, при условіи сохраненія государственнаго единства имперіи; 3) немедленное изданіе распоряженій о введеніи польскаго или вообще мѣстнаго языка (съ сохраненіемъ правъ меньшинства) въ учебныхъ заведеніяхъ, судѣ и администраціи въ самомъ широкомъ объемѣ, въ какомъ это практически возможно". Рѣчи ораторовъ, говорившихъ за эту резолюцію, устраняютъ возможность предполагать, что за *автономіей* скрывается сепаратизмъ, что конечная ея цѣль—отторженіе Польши отъ Россіи. М. М. Ковалевскій предлагалъ замѣнить слово *автономія* словами: „широкое областное самоуправленіе съ правомъ законодательнаго рѣшенія мѣстныхъ

вопросовъ, изданія мѣсныхъ законовъ". Аналогичная поправка была внесена г. Карауловымъ, находившимъ, что на мѣсто слова *автономія*, мало понятнаго для массъ, слѣдовало бы поставить выраженіе: областное самоуправленіе на началахъ общеимперской конституціи. Эти предложенія не были приняты съѣздомъ, но вѣроятно только потому, что онъ не видѣлъ надобности измѣнять раньше установленную имъ терминологію. Ни изъ чего не видно, чтобы понятіе объ автономіи распространялось съѣздомъ дальше предѣловъ, указанныхъ М. М. Ковалевскимъ. По словамъ г. Ледницкаго, поляки еще въ самомъ началѣ освободительнаго движенія выставили требованіе *областного самоуправленія, съ особымъ сеймомъ*; отсюда ясно, что и самое слово *сеймъ* не имѣетъ того значенія, которое, въ цѣляхъ запугиванья, стараются придать ему ультра-централисты. П. Н. Милюковъ совершенно правильно подчеркнулъ существенную разницу между автономіей и уніей, даже реальной. Какъ только сдѣлается яснымъ настоящій смыслъ слова *автономія*, уляжется и волненіе, возбуждаемое имъ среди лицъ мало знакомыхъ съ государственнымъ правомъ, прекратится смѣшеніе понятій, въ силу котораго автономія нѣкоторыхъ областей признается равносильной *расчлененію, раздробленію* государства. Автономія царства польскаго, какъ ее понималъ и понимаетъ общеземскій съѣздъ, вполнѣ совмѣстна съ единствомъ имперіи. Оправданіемъ чрезвычайныхъ, экстралегальныхъ мѣръ стремленіе къ автономіи служить, слѣдовательно, не можетъ. Военному положенію царства польскаго долженъ быть положенъ конецъ, тѣмъ болѣе, что оно является преградой на пути преобразованія Россіи въ правовое государство.

Другая резолюція ноябрьскаго общеземскаго съѣзда касается политическаго положенія, созданнаго манифестомъ 17-го октября и послѣдующими событіями. Признавая манифестъ драгоцѣннымъ завоеваніемъ русскаго народа, съѣздъ объявляетъ себя солидарнымъ съ положенными въ основаніе его конституціонными началами, немедленное осуществленіе и полное развитіе которыхъ является необходимымъ условіемъ истиннаго умиротворенія страны. Содѣйствіе этому умиротворенію со стороны общества—читаемъ мы дальше въ резолюціи съѣзда—„могло бы быть болѣе дѣйствительнымъ, если бы само правительство обнаружило надлежащую рѣшимость и послѣдовательность при проведеніи въ жизнь началъ манифеста. При настоящихъ условіяхъ проведеніе манифеста остается на отвѣтственности министерства, съѣздъ же, съ своей стороны, выражаетъ увѣренность, что это министерство можетъ разсчитывать на содѣйствіе и поддержку широкихъ слоевъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, поскольку оно будетъ

проводить конституціонныя начала манифеста правильно и послѣдовательно. Всякое отступленіе отъ этихъ началъ встрѣтитъ въ земскихъ и городскихъ сферахъ рѣшительное противодѣйствіе. Единственнымъ способомъ обезпечить авторитетъ народнаго представительства и опирающейся на него власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ одной изъ дѣйствительныхъ мѣръ водворенія порядка въ странѣ, съѣздъ считаетъ немедленное изданіе акта о возможно скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей, избранныхъ всеобщей, прямой, равной и закрытой подачей голосовъ и о формальной передачѣ первому собранію народныхъ представителей учредительныхъ функцій для выработки, съ утвержденія Государя, конституціи россійской имперіи и автономнаго устройства царства польскаго (при условіи сохраненія государственнаго единства имперіи), для переустройства на демократическихъ началахъ земскаго и городского самоуправленія и для проведенія иныхъ мѣръ, необходимыхъ при установленіи новаго правопорядка. Кромѣ того, на первое собраніе должно быть возложено установленіе основныхъ началъ земельной реформы и принятіе необходимыхъ мѣръ въ области рабочаго законодательства". При голосованіи этой резолюціи 174 члена съѣзда высказались за прямые выборы, 32—за двухстепенные вездѣ, 28—за прямые выборы въ большихъ городахъ и двухстепенные въ остальныхъ мѣстностяхъ. Предложеніе о созывѣ учредительнаго собранія отклонено большинствомъ 137 голосовъ противъ 80; та часть резолюціи, въ которой говорится о передачѣ первому народному представительству учредительныхъ функцій, принята большинствомъ 204 голосовъ противъ 23.

Изъ двухъ вопросовъ, вызвавшихъ разногласіе на съѣздѣ, одинъ— о прямыхъ или двухстепенныхъ выборахъ—былъ разсмотрѣнъ подробно въ нашихъ прежнихъ обозрѣніяхъ. Замѣтимъ только, что къ большимъ городамъ, составляющимъ особые избирательные округа, соображенія, заставлявшія насъ стоять — на первое время — за непрямые выборы, примѣнимы въ гораздо меньшей степени, чѣмъ къ округамъ, обнимающимъ собою и городскія, и сельскія мѣстности. Другой спорный вопросъ—объ учредительномъ собраніи—разрѣшенъ, какъ намъ кажется, совершенно правильно большинствомъ съѣзда. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что нѣтъ существенной разницы между учредительнымъ собраніемъ, противъ котораго, и народнымъ представительствомъ съ учредительными функціями, за которое высказалось большинство съѣзда. На самомъ дѣлѣ, однако, такая разница несомнѣнна. Съ именемъ учредительнаго собранія соединяется у насъ, въ настоящее время, представленіе о силѣ, не считающейся съ существующими учрежденіями, игнорирующей все коренящееся въ прошедшемъ, дѣйствующей такъ, какъ будто

бы передъ нею была tabula rasa, какъ будто бы все, рѣшительно все предстояло создать заново. Наиболѣе послѣдовательные сторонники учредительнаго собранія не случайно стоятъ за вооруженное возстаніе, какъ за необходимую его предпосылку, и за демократическую республику, какъ за единственный логическій его исходъ. Противъ учредительнаго собранія, такимъ образомъ понимаемаго, неизбѣжно должны были подать голосъ всѣ тѣ, кому ненавистно насиліе, кто вѣритъ въ достиженіе цѣли мирными средствами. Совершенно другое дѣло — облеченіе народнаго представительства учредительными функціями. Оно расширяетъ кругъ дѣйствій представительства, относя къ нему пересмотръ основныхъ законовъ, установленіе новыхъ началъ государственнаго строя,—но не разрываетъ связь съ прошлымъ и увеличиваетъ, тѣмъ самымъ, шансы спокойнаго будущаго. Съ полною ясностью эта основная мысль резолюціи съѣзда вылилась въ словахъ: *съ утвержденія Государя.* Другая ея сторона нашла выраженіе въ требованіи *формальной передачи* учредительныхъ функцій, прямо указывающемъ на то, что въ вопросахъ учредительныхъ, какъ и во всѣхъ другихъ, народному представительству долженъ принадлежать *рѣшающій,* а не совѣщательный голосъ.

Въ пользу резолюціи съѣзда, отклонившей учредительное собраніе, говоритъ, дальше, ея сравнительная удобоисполнимость. Нѣтъ, въ настоящую минуту, потребности болѣе настоятельной, чѣмъ скорѣйшій созывъ народнаго представительства—а всего легче оно можетъ быть осуществлено въ той формѣ, за которую высказался съѣздъ. Принципіальныя возраженія со стороны правительства эта форма едва ли встрѣтитъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ изъ путей, которыми можетъ пойти дальнѣйшее движеніе, ею закрытъ не будетъ. Выбранное при участіи всего народа, облеченное широкими правами, представительное собраніе сразу станетъ твердой ногой въ успокоенной, умиротворенной странѣ и положитъ начало новому порядку вещей, не нуждаясь для этого въ громкой кличкѣ. Какъ бы, однако, ни спѣшить съ приготовительными мѣрами, до начала дѣятельности собранія должно пройти еще нѣсколько мѣсяцевъ, опасныхъ и трудныхъ. Большія услуги въ это переходное время могъ бы оказать совѣтъ, составленный изъ представителей общественныхъ учрежденій и корпорацій. Нѣчто подобное мы предлагали еще весной нынѣшняго года. Если бы тогда же были созваны выборные отъ губернскихъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, усиленныхъ уполномоченными отъ непредставленныхъ вовсе или слишкомъ слабо представленныхъ классовъ населенія, въ настоящую минуту существовалъ бы, быть можетъ, признанный всѣми временной избирательный законъ и дѣйствовало бы построенное на этой основѣ представительное собраніе. Теперь совѣтъ,

о которомъ говорилось на послѣднемъ общеземскомъ съѣздѣ [1]) и продолжаетъ идти рѣчь въ періодической печати, могъ бы принять участіе въ выработкѣ мѣръ, направленныхъ къ осуществленію всѣхъ видовъ гражданской свободы, и вмѣстѣ съ тѣмъ контролировать дѣятельность министерства, предупреждая уклоненія ея въ сторону старыхъ бюрократическихъ традицій. Аналогичные совѣты, какъ совершенно правильно указалъ на общеземскомъ съѣздѣ гр. П. А. Гейденъ, могли бы быть образованы въ губерніяхъ и уѣздахъ, чтобы предотвратить повтореніе погромовъ и избіеній.

Періодъ освобожденія—освобожденія отъ административнаго произвола, отъ правительственной опеки — совпалъ у насъ, къ несчастію, съ зарожденіемъ новыхъ формъ и видовъ гнета. На мѣсто оффиціальной цензуры пытается стать цензура партійная или групповая. Выходъ въ свѣтъ реакціонныхъ газетъ встрѣчаетъ затрудненія со стороны наборщиковъ; изъ той же среды идетъ veto на программу умѣренно-либеральной партіи, составленную А. И. Гучковымъ и нѣкоторыми другими земскими дѣятелями. Еще недавно духовная цензура пропускала къ печати не вполнѣ удовлетворявшія ее статьи не иначе, какъ подъ условіемъ присоединенія къ нимъ обезвреживающаго ихъ примѣчанія или возраженія; подобное условіе ставится теперь по отношенію къ вышеупомянутой программѣ, ставится не одною типографіей, а нѣсколькими, очевидно—вслѣдствіе распоряженія, напоминающаго собою недавніе циркуляры главнаго управленія по дѣламъ печати. И такія распоряженія встрѣчаютъ одобреніе, встрѣчаютъ его даже тамъ, гдѣ меньше всего можно было бы ожидать неуваженія къ чужой свободѣ. Съ глубокой грустью мы прочли въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 296), что засѣдавшій въ Москвѣ областной съѣздъ делегатовъ учительскаго союза поручилъ своему бюро обратиться къ союзу типографскихъ рабочихъ съ просьбою рекомендовать членамъ союза отказаться отъ набора такихъ газетъ, какъ „День“, „Кіевлянинъ“ и „Московскія Вѣдомости“. Членамъ учительской корпораціи не слѣдовало бы забывать, что нѣтъ мнѣнія, которому не принадлежало бы право высказаться, и что въ свободномъ государствѣ противъ слова можно дѣйствовать только словомъ... Не менѣе удивительною показалась намъ и аргументація, противопоставленная Е. В. де-Роберти, на общеземскомъ съѣздѣ, сообщенію А. И. Гучкова. „Если г. Гучковъ“—воскликнулъ г. де-Ро-

[1]) За совѣтъ, составленный изъ депутатовъ отъ земствъ, городовъ и высшихъ школъ, высказывались на съѣздѣ кн. Е. Н. Трубецкой, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, А. А. Стаховичъ; г. Юматовъ считалъ необходимымъ ввести, кромѣ того, въ составъ совѣта представителей отъ организованныхъ группъ и союзовъ.

берти—„имѣлъ право отказаться отъ портфеля министра, считая это почему-либо несогласнымъ со своими взглядами, то почему же наборщикъ не имѣетъ права на томъ же основаніи отказаться печатать то, что̀ ему предлагаютъ? Неправильно ссылаться на Европу, будто тамъ ничего подобнаго нѣтъ. Во Франціи въ 1791—92 г., т.-е. еще при королѣ, многія изданія не могли выходить въ свѣтъ потому, что ихъ не хотѣли набирать и печатать. Пусть г. Гучковъ отдастъ свои программы въ „Правительственный Вѣстникъ"; тамъ ихъ съ удовольствіемъ напечатаютъ"... Съ отказомъ отъ званія министра отказъ отъ набора можно было бы сравнить,—и то съ большой натяжкой,—въ такомъ лишь случаѣ, еслибы послѣдній исходилъ отъ единичнаго наборщика; но вѣдь отказъ, полученный г. Гучковымъ, былъ коллективный, основанный на mot d'ordre, на распоряженіи со стороны. Совѣтъ обратиться въ „Правительственный Вѣстникъ" имѣетъ смыслъ какъ политическое орудіе—весьма сомнительнаго, впрочемъ, достоинства,—но отнюдь не какъ указаніе выхода изъ труднаго положенія: у г. Гучкова могло быть много причинъ не прибѣгать къ содѣйствію оффиціальной газеты. Ссылка на примѣръ Франціи доказываетъ только старую истину: es ist schon alles da gewesen („ничто не ново подъ луной"), но ничуть не оправдываетъ попытку помѣшать, путемъ типографскаго бойкота, распространенію партійной программы. Вѣдь подражанія достойно далеко не все то, что̀ творилось въ революціонной Франціи, хотя бы и раньше 1793-го года... Если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, запретъ, въ концѣ концовъ, остался въ силѣ только для произведеній „черносотенной" литературы. Если подъ этимъ именемъ разумѣются единственно призывы къ насилію, къ грабежамъ, избіеніямъ и убійствамъ, то запретъ имѣетъ нѣкоторое основаніе: никто не обязанъ становиться сообщникомъ явно преступнаго дѣйствія. Опасной, однако, является возможность—или даже вѣроятность—широко распространительнаго толкованія понятія о „черносотенной" литературѣ...

Та форма борьбы, которую испыталъ на себѣ А. И. Гучковъ, не идетъ дальше отказа отъ совершенія дѣйствія; ея характеръ — преимущественно пассивный. Другія формы, весьма различныя по степени интенсивности, могутъ быть названы активными. Таково, напримѣръ, „сниманіе съ работъ", въ тѣхъ отрасляхъ промышленности или торговли, гдѣ состоялась стачка; таково принужденіе къ прекращенію занятій, хотя бы въ данной средѣ и не была объявлена забастовка. „Сниманіе съ работъ", если оно не сопровождается ни насиліемъ, ни угрозами, можетъ быть оправдано чувствомъ солидарности, порождаемымъ общностью интересовъ, одинаковостью положенія, необходимостью достигнуть цѣли, существенно важной для цѣлой группы. Нельзя сказать того же самаго о принужденіи къ пре-

кращенію занятій, примѣры котораго мы видѣли недавно въ Петербургѣ. Когда, подъ вліяніемъ давленія извнѣ, останавливалась дѣятельность окружного суда, мирового съѣзда, мировыхъ судей, это не могло быть разсматриваемо ни какъ протестъ — потому что въ основаніи протеста должно лежать свободное рѣшеніе,—ни какъ обостреніе политической борьбы — потому что въ широкихъ общественныхъ сферахъ перерывъ въ отправленіи правосудія становится замѣтнымъ нескоро. Страдали отъ этого перерыва только отдѣльныя лица, потери которыхъ не вознаграждались выигрышемъ для цѣлаго. Нужно надѣяться, что неудача перваго опыта предупредитъ повтореніе явно нецѣлесообразныхъ и вредныхъ пріемовъ.

Поразительнымъ проявленіемъ партійной нетерпимости служитъ постановленіе комитета московской соціалъ-демократической рабочей партіи, направленное противъ ноябрьскаго общеземскаго съѣзда. Единственнымъ выходомъ изъ настоящаго труднаго положенія это постановленіе признаетъ „низверженіе путемъ вооруженнаго возстанія существующаго правительства и созваніе учредительнаго собранія, для установленія демократической республики и узаконенія политическихъ и экономическихъ требованій пролетаріата. Попытка съѣзда вступить въ переговоры съ правительствомъ для его поддержанія признается комитетомъ за торгъ и сдѣлку буржуазіи съ правительствомъ на счетъ правъ народа. Никто не просилъ буржуазію торговаться съ правительствомъ и продавать права народа. Въ виду этого комитетъ постановляетъ: на всѣхъ митингахъ вести агитацію за право пролетаріата и выступать съ протестомъ противъ сдѣлки либераловъ съ царскимъ правительствомъ, указывать на необходимость продолженія революціи и объявлять стремленія и домогательства либераловъ измѣной народу, избрать депутацію для заявленія съѣзду городскихъ и земскихъ дѣятелей объ этой непреклонной волѣ пролетаріата и о постыдномъ торгѣ съѣзда съ царскимъ правительствомъ“. Замѣтимъ, что это постановленіе было сообщено съѣзду во время перваго его засѣданія, когда еще не было извѣстно, къ какимъ рѣшеніямъ онъ придетъ. Виновность съѣзда не доказывалась, а предполагалась; приговоръ надъ нимъ былъ произнесенъ заранѣе... Резолюціи съѣзда приведены нами выше; излишне было бы доказывать, что въ нихъ нѣтъ ничего похожаго на торгъ съ правительствомъ, на продажу правъ народа. Да, съѣздъ старался склонить правительство къ такому образу дѣйствій, при которомъ было бы возможно спокойное движеніе впередъ; онъ старался предупредить вооруженное возстаніе—но въ этомъ не вина его, а заслуга. Возстаніе, если даже на его сторонѣ всѣ шансы успѣха—прискорбная крайность, требующая громадныхъ жертвъ, надолго вносящая глубокое разстройство во всѣ сферы на-

родной жизни. Оправдать его можетъ только безусловная необходимость, т.-е. закрытіе всѣхъ законныхъ путей, полное отсутствіе мирныхъ средствъ къ достиженію желанной цѣли. Этого условія нѣтъ на лицо въ настоящую минуту: не утрачена еще надежда на созывъ народнаго представительства, способнаго умиротворить страну, создать новыя основы государственнаго и общественнаго строя.

Въ смутное время, которое мы переживаемъ, трудно ожидать безпристрастнаго отношенія къ противникамъ. Есть, однако, черта, за которую не слѣдовало бы переходить и въ моменты крайняго возбужденія. Бывшій редакторъ „Освобожденія", П. Б. Струве, напечаталъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" статью: „Скорѣе за дѣло", въ которой протестовалъ противъ всякой диктатуры—противъ диктатуры „черной сотни" точно такъ же, какъ и противъ диктатуры „революціоннаго пролетаріата". Онъ призывалъ „нести въ массы программу политической демократіи и широкихъ демократическихъ соціальныхъ реформъ, не поддаваясь никакимъ внушеніямъ ни справа, ни слѣва". На этотъ призывъ газета „Начало" отвѣтила замѣткой: „Витте—агентъ биржи, Струве—агентъ Витте". Такое обвиненіе всей своей тяжестью упадаетъ не на обвиняемаго, а на обвинителя. Ни въ прошедшемъ П. Б. Струве, ни въ содержаніи инкриминированной его статьи не было никакихъ поводовъ для заподозриванья его намѣреній, никакихъ основаній для предположенія какой-то „сдѣлки" между нимъ и гр. Витте.

P. S.—Наше обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда состоялась отмѣна военнаго положенія въ царствѣ польскомъ. Къ сожалѣнію, нѣсколько дней спустя военное положеніе введено въ Кіевѣ и кіевскомъ уѣздѣ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1905.

Военныя дѣйствія внутри страны и возможное обсужденіе ихъ на Гаагской конференціи.—Несвоевременная дипломатическая кампанія противъ Турціи.—Политическія реформы и событія въ Австро-Венгріи. — Французскія дѣла.—Новый король.

Послѣ заключенія мира между Россіею и Японіею, возбужденъ былъ вопросъ о созывѣ новой Гаагской конференціи для пересмотра нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ международнаго права, выдвинутыхъ послѣднею войною. Иниціатива на этотъ разъ принадлежала президенту Рузевельту, но онъ уступилъ ее русскому правительству, которое съ своей стороны также выражало желаніе подвергнуть разсмотрѣнію международнаго трибунала выяснившіеся на практикѣ недостатки и злоупотребленія существующихъ военныхъ обычаевъ. Съ тѣхъ поръ настолько измѣнились обстоятельства, что о скоромъ созывѣ конференціи не можетъ быть и рѣчи; наше правительство оказалось въ такомъ положеніи, что ему уже не до реформъ международнаго права: оно имѣетъ предъ собою несравненно болѣе близкія и настоятельныя задачи, касающіяся основъ его собственнаго существованія. Намъ уже не до счетовъ съ Японіею и съ другими державами, и заботы объ урегулированіи правилъ войны и объ устраненіи злоупотребленій въ этой области отступили для насъ совершенно на задній планъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ печальныя событія послѣдняго времени ставятъ предъ нами новые и очень важные вопросы, которые необходимо было бы включить въ программу будущей международной конференціи. Если для внѣшнихъ войнъ устанавливаются извѣстныя ограничительныя нормы, то не слѣдуетъ ли считать ихъ обязательными и для военныхъ дѣйствій внутри страны, при усмиреніи народныхъ возстаній или при попыткахъ прекращенія безпорядковъ и волненій среди собственнаго народа? Можно ли допустить, чтобы въ этихъ случаяхъ вооруженная сила употреблялась безъ всякихъ регулирующихъ и ограничительныхъ правилъ? Намъ кажется, что и для междоусобной расправы должны существовать какія-нибудь опредѣленныя общія постановленія, не зависящія отъ произвола заинтересованныхъ правительствъ и подлежащія контролю всего культурнаго міра. Гаагская конференція имѣла бы полное основаніе обсудить этотъ вопросъ при разсмотрѣніи началъ и обычаевъ военнаго права, и такое расширеніе ея функцій вполнѣ соотвѣтствовало бы не только общему

характеру этого международнаго совѣщанія, но и практическимъ интересамъ участвующихъ въ немъ государствъ. Несомнѣнно, что внутреннія или междоусобныя военныя дѣйствія въ какой-либо изъ крупныхъ европейскихъ странъ прямо или косвенно затрогиваютъ интересы другихъ державъ и не могутъ признаваться безразличными для Европы и даже для человѣчества вообще. По общему правилу, постороннее вмѣшательство въ чужія внутреннія дѣла допускается только въ исключительныхъ случаяхъ, когда мѣстное правительство не въ состояніи справиться съ возникшими волненіями, угрожающими жизни и имуществу иностранныхъ подданныхъ, или когда оно выходитъ за извѣстные предѣлы при подавленіи безпорядковъ и нарушаетъ элементарныя предписанія человѣчности; такъ было, напримѣръ, во время болгарскихъ, кандіотскихъ, армянскихъ и македонскихъ избіеній въ Турціи. Само собою разумѣется, что къ другимъ европейскимъ державамъ непримѣнима спеціальная точка зрѣнія, издавна установившаяся относительно Турціи; но этотъ примѣръ показываетъ, что внутреннія отношенія и обстоятельства отдѣльныхъ государствъ неизбѣжно входятъ иногда въ компетенцію международнаго права.

Очевидно, между условіями примѣненія вооруженной силы во внѣшней войнѣ и противъ внутреннихъ безпорядковъ не должно быть прямого противорѣчія: тѣ способы дѣйствій, которые считаются недозволенными относительно внѣшняго врага, не могутъ и не должны практиковаться въ борьбѣ противъ недовольной или возставшей части населенія собственной страны. Если при взятіи непріятельскаго города запрещается избивать мирныхъ жителей и разрушать частные дома, то тѣмъ болѣе обязательно это запрещеніе при такъ называемомъ возстановленіи порядка въ какомъ-нибудь отечественномъ городѣ. Между тѣмъ мы видимъ, что во время извѣстныхъ событій въ Баку, въ Одессѣ и въ другихъ городахъ не соблюдались начальниками войскъ тѣ общія начала военнаго права, которыхъ придерживались, напр., японцы при занятіи Портъ-Артура и Дальняго; артиллеріею разрушались частныя и общественныя зданія, изъ которыхъ производились будто бы отдѣльные выстрѣлы; ружейные залпы направлялись противъ безоружныхъ обывателей, въ числѣ которыхъ были женщины и дѣти,—когда противъ незаконныхъ уличныхъ сборищъ достаточно было въ крайнемъ случаѣ дѣйствовать холоднымъ оружіемъ; грабежи и погромы совершались нерѣдко подъ прикрытіемъ и охраною военныхъ отрядовъ; цѣлыя толпы людей, собравшихся въ частныхъ домахъ, сожигались въ присутствіи войскъ и полицейскихъ властей, и все это дѣлалось какъ бы по сознательному плану, съ цѣлью истребленія предполагаемыхъ крамольниковъ. Ни въ какой войнѣ не бывало такихъ злоупотребленій военною силою, какъ въ дѣйствіяхъ

войскъ и особенно казаковъ противъ мирныхъ жителей нашихъ городовъ и селъ; никакіе побѣдоносные полководцы не издавали такихъ грозныхъ приказовъ, какъ наши генералы, водворявшіе порядокъ въ губерніяхъ царства польскаго, — и только потому, что для внутреннихъ военныхъ дѣйствій считается излишнимъ соблюденіе какихъ бы то ни было ограничительныхъ правилъ, въ родѣ установленныхъ для внѣшней войны. Этотъ важный пробѣлъ долженъ быть пополненъ разъ навсегда, и такую задачу можетъ съ авторитетомъ взять на себя только Гаагская конференція. Только путемъ международнаго обсужденія можно установить точныя границы для проявленій вооруженной силы какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ столкновеніяхъ, и это установленіе общихъ нормъ военнаго права, одинаково обязательныхъ для всѣхъ державъ, не будетъ, конечно, посягательствомъ на независимость отдѣльныхъ государствъ. Въ былое время, особенно во Франціи, примѣнялись такіе крутые способы внутренней борьбы, которые рѣшительно противорѣчатъ и военнымъ обычаямъ культурныхъ народовъ, и общечеловѣческому чувству справедливости; многіе ссылаются на эти факты прошлаго, какъ на оправдательные аргументы, но общественное мнѣніе культурнаго міра должно было бы сдѣлать невозможнымъ на будущее время повтореніе тѣхъ ужасовъ, которые происходили въ Парижѣ въ кровавые іюньскіе дни 1848 года и при расправѣ съ коммуною 1871 года. Было бы непослѣдовательно и нелогично заботиться объ урегулированіи международныхъ военныхъ обычаевъ и въ то же время мириться съ отрицаніемъ этихъ обычаевъ во внутренней практикѣ различныхъ государствъ. Если предстоящая Гаагская конференція будетъ обсуждать новыя ограничительныя правила для внѣшнихъ войнъ, то она должна будетъ заняться также опредѣленіемъ нормъ для внутреннихъ военныхъ дѣйствій, не касаясь вопроса о томъ, въ какой странѣ, при какихъ условіяхъ и по какимъ причинамъ происходили или происходятъ эти военныя дѣйствія. Современныя культурныя націи, великія и малыя, обнаруживаютъ вообще замѣчательную чуткость къ бѣдствіямъ чужихъ народовъ и громко выражаютъ свои чувства по поводу событій, совершающихся гдѣ-нибудь въ другой части свѣта; въ Америкѣ собирались шумные митинги протеста противъ того, что дѣлалось въ восточной Европѣ, и недавно еще устраивались въ Лондонѣ трогательныя молебствія о ниспосланіи мира на нашу злосчастную родину. Оффиціальныя сферы сильно отстали въ этомъ отношеніи отъ общественнаго мнѣнія; онѣ неизмѣнно сохраняютъ традиціи корректнаго равнодушія, и если, напримѣръ, Вильгельмъ II высказываетъ свои сердечныя симпатіи, то только въ весьма одностороннемъ смыслѣ и съ явною надеждою извлечь пользу изъ чужой

бѣды. Старый узко-формальный взглядъ на международныя отношенія не позволяетъ государствамъ, вслѣдъ за народами, проявлять живой человѣческій интересъ къ судьбамъ сосѣднихъ и отдаленныхъ націй, и возбужденіе указаннаго выше вопроса на Гаагской конференціи было бы первымъ серьезнымъ шагомъ на пути къ дѣйствительной международной солидарности, о которой такъ часто и безплодно говорятъ дипломаты.

Очень некстати предприняты въ послѣднее время коллективныя дипломатическія мѣры противъ Турціи для проведенія извѣстныхъ реформъ въ Македоніи. Европейскіе кабинеты стараются въ этомъ случаѣ показать свою взаимную солидарность и дѣйствуютъ какъ будто сообща по отношенію къ Портѣ: Англія и Австро-Венгрія выступаютъ заодно съ Россіею; Германія, Франція и Италія поддерживаютъ ихъ,—а между тѣмъ турецкій султанъ отлично понимаетъ, что нынѣшняя русская дипломатія не можетъ серьезно вмѣшиваться въ вопросъ о турецкихъ реформахъ, что Германія далеко не раздѣляетъ взглядовъ Англіи и Франціи и относится къ нимъ вообще несочувственно, и что весь этотъ нѣкогда грозный „европейскій концертъ" есть только фикція, способная лишь причинить нѣкоторыя временныя непріятности.

Участіе Россіи въ этой странной дипломатической кампаніи даетъ только матеріалъ для злобныхъ насмѣшекъ иностранной печати и для ядовитыхъ протестовъ турецкихъ патріотовъ. Неужели наше министерство иностранныхъ дѣлъ не чувствовало всей неумѣстности и несвоевременности своего участія въ македонскомъ вопросѣ при настоящихъ обстоятельствахъ? Послѣ позорной войны съ Японіею наша внѣшняя политика должна была бы кореннымъ образомъ измѣнить свой характеръ, отказаться отъ прежнихъ притязаній, сдѣлаться болѣе скромною и сдержанной — по крайней мѣрѣ на время; необходимо было поэтому избѣгать всякихъ дипломатическихъ предпріятій, хотя бы коллективныхъ, и твердо уклоняться отъ претенціозной роли, не соотвѣтствующей положенію нашихъ собственныхъ дѣлъ. Старая рутинная привычка скрывать правду отъ другихъ и отъ самихъ себя создаетъ только рядъ неловкостей и приводитъ къ ненужной фальши, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Турки имѣли безспорное основаніе радоваться нашимъ пораженіямъ; еще болѣе радуются они нашему тяжкому внутреннему кризису, и мы, конечно, не могли разсчитывать на то, что они сохранили прежнее уваженіе къ внѣшнему могуществу Россіи.

Зная печальное положеніе своего главнаго исконнаго врага, Турція категорически отвергала проекты международнаго финансоваго контроля

въ Македоніи, и султанъ осмѣлился даже—чего давно уже не бывало—отказать представителямъ великихъ державъ въ просимой ими коллективной аудіенціи по македонскому дѣлу. На этотъ рѣзкій шагъ турецкаго правительства посланники отвѣтили совмѣстной нотою отъ 15 ноября (нов. ст.), въ которой вновь изложили и подтвердили свои требованія, ссылаясь на инструкціи своихъ правительствъ. Они опять напоминаютъ Портѣ, что принятая ею австро-русская программа реформъ не могла быть до сихъ поръ осуществлена генералъ-инспекторомъ Македоніи, Хильми-пашою, вслѣдствіе настойчивой оппозиціи турокъ противъ всѣхъ предложеній дипломатіи; такъ, не были установлены способы финансоваго контроля и не могло состояться назначеніе финансовой коммиссіи, на которой лежали бы всѣ обязанности по этому контролю. Посланники требовали продленія полномочій иностранныхъ гражданскихъ агентовъ въ Македоніи еще на два года, а также продленія службы Хильми-паши и контрактовъ съ выписанными изъ-за границы жандармскими офицерами, для того, чтобы дѣло реформы могло быть доведено до конца; международная финансовая коммиссія должна состоять изъ гражданскихъ агентовъ шести великихъ державъ, подъ предсѣдательствомъ Хильми-паши; она будетъ слѣдить за правильнымъ поступленіемъ налоговъ, разсматривать и утверждать мѣстный македонскій бюджетъ и наблюдать за преобразованіемъ финансовой администраціи; въ каждый изъ трехъ вилайетовъ провинціи будетъ назначенъ особый финансовый инспекторъ, съ правомъ свободнаго доступа ко всѣмъ оффиціальнымъ счетамъ и документамъ; къ нему будутъ направляться жалобы на финансовыя злоупотребленія или небрежность мѣстныхъ властей. Посланники выражали надежду, что Порта приметъ эти предложенія въ кратчайшій срокъ и „этимъ избавитъ державы отъ тягостной необходимости прибѣгнуть къ мѣрамъ принужденія".

Эта откровенная угроза не оказала на Турцію обычнаго дѣйствія, а напротивъ, вызвала сильное раздраженіе даже среди образованныхъ турокъ, искренно стремящихся къ широкимъ реформамъ. По свидѣтельству константинопольскаго корреспондента „Times", наибольшее негодованіе высказывалось по адресу Россіи, которая, находясь сама въ революціонномъ кризисѣ, вызванномъ вѣками безпощаднаго угнетенія, принимаетъ руководящее участіе въ попыткѣ навязать Турціи какія-то внутреннія реформы. Какъ замѣчаютъ турецкіе патріоты, „державы поступили бы гораздо лучше и цѣлесообразнѣе, еслибы послали свои флоты къ Одессѣ и остановили тамъ избіеніе евреевъ, вмѣсто того, чтобы придумывать планы морскихъ демонстрацій въ турецкихъ водахъ". Въ отвѣтной нотѣ Порты отъ 22 ноября подтверждается съ прежнею категоричностью невозможность „принять пред-

ложенія, находящіяся въ полномъ противорѣчіи съ верховными правами султана" и несогласныя съ „принципомъ независимости и неприкосновенности турецкой имперіи"; подобные проекты только „унизили бы престижъ государства въ глазахъ подданныхъ, и этимъ нарушили бы спокойствіе страны". Единственное, на что̀ соглашается Порта,—это продлить полномочія гражданскихъ агентовъ на два года, и то подъ условіемъ, чтобы это было „въ послѣдній разъ". Нота заканчивается весьма краснорѣчивымъ намекомъ на возможные погромы христіанъ и европейцевъ въ Турціи, подъ вліяніемъ враждебной политики державъ. „Если посланники будутъ настаивать на своихъ требованіяхъ и попытаются оказать болѣе чувствительное давленіе въ этомъ смыслѣ, то Порта заранѣе снимаетъ съ себя отвѣтственность за всѣ событія, которыя этимъ могутъ быть вызваны, также какъ и за послѣдствія недовольства турецкаго общественнаго мнѣнія въ виду нарушенія правъ имперіи". Другими словами, мусульманскіе патріоты устроятъ обычныя патріотическія избіенія иновѣрцевъ, и сравнительно съ этою ужасною перспективою являются довольно невинными предположенныя упражненія соединенной морской эскадры противъ какихъ-нибудь турецкихъ острововъ Архипелага.

Великія державы должны были привести въ исполненіе свою угрозу; онѣ послали нѣсколько военныхъ судовъ для демонстрацій, которыя никого не пугаютъ въ Турціи и не принесутъ ей никакого чувствительнаго ущерба, но зато могутъ возбудить въ населеніи демонстраціи другого рода, хорошо извѣстныя намъ по нашимъ россійскимъ образцамъ. Порта смѣло противопоставляетъ Европѣ свое турецкое общественное мнѣніе, о которомъ раньше ничего не было слышно,—ибо никто не вѣритъ въ серьезное заступничество державъ за Македонію: дипломатія исполняетъ лишь формальную обязанность, возложенную на нее берлинскимъ трактатомъ, и постарается, конечно, не доводить дѣла до чрезмѣрнаго обостренія, которое было бы всего менѣе желательно великимъ державамъ. Одна изъ этихъ державъ, и притомъ едва ли не самая вліятельная, не скрываетъ своей благосклонности къ Турціи, и, принимая участіе въ коллективныхъ переговорахъ съ Портою относительно Македоніи, она подъ благовиднымъ предлогомъ уклонилась, однако, отъ участія въ совмѣстной морской демонстраціи противъ имперіи султана. Пользуясь дружбою и покровительствомъ Германіи, Турція, съ другой стороны, чувствуетъ себя свободною отъ возможнаго воздѣйствія Россіи, и потому турецкіе патріоты съ относительнымъ спокойствіемъ смотрятъ на энергическія мѣры, предпринимаемыя европейскою эскадрою подъ руководствомъ австрійскаго адмирала. Порта не боится и вмѣшательства небольшихъ балканскихъ государствъ, такъ какъ они находятся между собою въ постоянномъ

антагонизмѣ: сербы соперничаютъ съ болгарами и враждуютъ съ греками, а греки ненавидятъ и тѣхъ, и другихъ; если же Болгарія рѣшилась бы заступиться за своихъ соплеменниковъ въ случаѣ новой повальной рѣзни въ Македоніи, то конфликтъ не представлялся бы особенно опаснымъ для турокъ, которые вообще увѣрены въ своемъ военномъ превосходствѣ надъ предпріимчивымъ болгарскимъ княжествомъ. Для Турціи чрезвычайно важно отсутствіе прежней могущественной и вліятельной Россіи среди великихъ державъ; и если русскіе дипломаты по прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, хлопочутъ о турецкихъ реформахъ и участвуютъ даже въ посылкѣ военныхъ кораблей противъ Турціи, то это происходитъ лишь вслѣдствіе обычнаго отсутствія политическаго чутья среди представителей высшей бюрократіи. Элементарное чувство международнаго такта и приличія должно было бы подсказать нашему министерству иностранныхъ дѣлъ необходимость воздержанія отъ переговоровъ и демонстрацій, ставящихъ насъ въ фальшивое и комическое положеніе передъ Европою и передъ самими турками. Но дѣлами нашей дипломатіи до сихъ поръ еще заправляютъ люди, не имѣющіе ничего общаго съ политическими дѣятелями въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова, и отъ этихъ придворно-канцелярскихъ чиновъ нельзя ожидать пониманія истинныхъ интересовъ и достоинства Россіи.

Неожиданная перемѣна произошла въ положеніи внутреннихъ дѣлъ Австро-Венгріи: давно тянувшійся политическій конфликтъ между венгерскимъ парламентомъ и короною разрѣшился обнародованіемъ смѣлой правительственной программы, обѣщающей народу всеобщее избирательное право и цѣлый рядъ чисто демократическихъ реформъ въ разныхъ сферахъ общественной и экономической жизни. Баронъ Фейервари, которому недавно императоръ Францъ-Іосифъ вторично поручилъ составленіе венгерскаго кабинета, придумалъ очень остроумный и плодотворный способъ борьбы противъ парламентской аристократіи, давно уже привыкшей распоряжаться судьбами Венгріи. Вмѣсто того чтобы искать соглашенія съ разными группами надменныхъ мадьярскихъ дѣятелей, министръ-президентъ обратился къ народнымъ массамъ и взялся удовлетворить ихъ законныя стремленія, имѣвшія до сихъ поръ очень мало шансовъ на успѣхъ; такимъ образомъ достигнется созданіе новаго демократическаго парламента, на основѣ всеобщаго народнаго голосованія, и тѣ элементы, которые почти исключительно дѣйствовали отъ имени мадьярской націи, потеряютъ прежнее значеніе. Нынѣшняя избирательная система въ Венгріи устроена такимъ образомъ, что огромное большинство въ

венгерскомъ сеймѣ принадлежитъ дворянамъ-землевладѣльцамъ; и хотя имущественный или налоговой цензъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ довольно незначителенъ, тѣмъ не менѣе низшіе классы остаются фактически лишенными представительства, и даже городская буржуазія имѣетъ лишь очень немногихъ депутатовъ въ парламентѣ. Этимъ одностороннимъ составомъ сейма объясняется отчасти и безплодный характеръ мадьярскаго парламентаризма; честолюбивые представители крупнаго землевладѣнія увлекаются болѣе отвлеченными національными идеями, чѣмъ реальными интересами страны; они слишкомъ часто склонны отожествлять свои аграрныя выгоды съ общенародными нуждами; и дѣйствительныя потребности населенія почти не находятъ отклика въ парламентѣ. Венгерскіе аристократы всегда являлись горячими выразителями мадьярскаго патріотическаго чувства, защитниками мадьярской независимости и обособленности, и свое право на руководящую роль и вмѣстѣ съ тѣмъ свое фактическое господство они поддерживали именно этимъ постояннымъ возбужденіемъ національнаго шовинизма, которому легко поддаются всѣ вообще мадьяры. Реформаторскій планъ барона Фейервари сразу повернулъ кризисъ въ другую сторону, противъ существующаго венгерскаго парламента, и возбудилъ общій подъемъ настроенія въ народѣ; непримиримое парламентское большинство, недавно еще отвергавшее всякія сдѣлки съ правительствомъ, внезапно потеряло подъ собою почву и вынуждено было изъ наступательнаго положенія перейти въ оборонительное. Съ шумомъ выступила наружу народная оппозиція противъ привилегированной сословной оппозиціи венгерскаго сейма; оживились надежды населенія на коренное политическое переустройство государства въ духѣ всеобщей равноправности, причемъ и рабочій классъ, и крестьянство, и ремесленники, и мелкіе промышленники получатъ своихъ представителей въ парламентѣ, на ряду съ поземельной аристократіей. Передъ венгерскимъ народомъ открываются новыя перспективы, и безысходная парламентская борьба, поглощавшая энергію высшаго землевладѣльческаго класса въ теченіе многихъ лѣтъ, уступитъ наконецъ мѣсто спокойной творческой работѣ истиннаго народнаго представительства. Дѣятели прежней оппозиціи утверждаютъ, что программа министра-президента есть только политическій пріемъ для достиженія извѣстныхъ временныхъ цѣлей, и что она поэтому не заслуживаетъ общественнаго довѣрія; но каковы бы ни были побужденія, которыми руководствовался баронъ Фейервари, его оффиціальныя заявленія остаются все-таки заявленіями правительства, обязывающими государственную власть и не подлежащими уже отмѣнѣ. Право всеобщей подачи голосовъ, разъ провозглашенное властью, не можетъ уже быть взято обратно; оно

входитъ въ общественное сознаніе, какъ пріобрѣтенное право, и должно быть осуществлено даже въ томъ случаѣ, еслибы взгляды министровъ по этому предмету измѣнились. Эта крупная реформа, независимо отъ своего общаго политическаго значенія, представляетъ еще особенную важность для Венгріи въ томъ отношеніи, что она уравниваетъ права всѣхъ національностей, населяющихъ территорію Транслейтаніи, и ставитъ извѣстныя границы господству мадьярскаго племени надъ другими, преимущественно славянскими элементами населенія.

Программа Фейервари, предназначенная собственно для Венгріи, получила необыкновенно живой и энергическій откликъ въ другой половинѣ имперіи—въ Цислейтаніи или Австріи. Съ того момента, когда Венгріи было обѣщано всеобщее избирательное право, оно стало лозунгомъ и для австрійскихъ земель, гдѣ народная масса также пользуется лишь весьма ограниченными избирательными правами. Австрійское населеніе распредѣляется на пять категорій избирателей, изъ которыхъ каждая выбираетъ опредѣленное число депутатовъ: крупное землевладѣніе, города и промышленные центры, торговыя и промышленныя палаты, сельскія общины и дополнительная курія всеобщаго голосованія. Многочисленный рабочій классъ, входящій въ послѣднюю, пятую курію, обладаетъ сравнительно ничтожною долею представительства, и потому онъ съ наибольшею энергіею добивается всеобщаго избирательнаго права. И здѣсь, какъ и въ Венгріи, стремленія къ политической полноправности перемѣшаны съ разнородными національными интересами; существующая система выборовъ обезпечиваетъ нѣмцамъ большинство во многихъ мѣстностяхъ съ разноплеменнымъ населеніемъ, и культурный нѣмецкій элементъ, издавна занимающій первенствующее мѣсто въ Австріи, рѣшительно возстаетъ противъ реформы, выгодной лишь для другихъ народностей и для малокультурныхъ низшихъ классовъ общества. Рабочіе устраивали въ Вѣнѣ, въ Прагѣ и въ другихъ мѣстахъ внушительныя манифестаціи въ пользу всеобщаго избирательнаго права, причемъ не обходилось и безъ кровавыхъ столкновеній съ полиціей; такъ, 2 ноября, на вѣнскомъ Рингѣ, нѣсколько тысячъ рабочихъ, вопреки предостереженію полицейскихъ чиновъ, прорвали цѣпь, заграждавшую дорогу къ зданію австрійскаго парламента и къ императорскому дворцу, и подверглись воздѣйствію холоднымъ оружіемъ, отъ котораго болѣе или менѣе серьезно пострадало около сорока человѣкъ. Это печальное происшествіе горячо обсуждалось во всѣхъ газетахъ, какъ крайне рѣдкій и даже единственный за многіе годы примѣръ кровопролитія на улицахъ Вѣны; на слѣдующій же день, 3 ноября, это событіе было уже предметомъ запроса въ публичномъ засѣданіи провинціальнаго нижне-

австрійскаго сейма, гдѣ намѣстникъ, графъ Кильмансэггъ, долженъ былъ представить подробныя объясненія, подкрѣпленныя оффиціальнымъ полицейскимъ докладомъ. Оказалось, что толпа упорно оттѣсняла полицію и бросала въ нее камнями, вслѣдствіе чего конные полицейскіе чины вынуждены были дѣйствовать шашками; но эти дѣйствія тотчасъ прекратились, какъ только манифестанты отодвинулись назадъ и отчасти разбѣжались; объ употребленіи огнестрѣльнаго оружія не могло быть и рѣчи, такъ какъ стрѣлять въ уличную толпу не принято нигдѣ въ Европѣ, кромѣ развѣ случаевъ настоящихъ вооруженныхъ возстаній, когда случайной публики не бываетъ на улицахъ. Только у насъ стрѣльба на городскихъ улицахъ и площадяхъ для прекращенія чрезмѣрныхъ сборищъ считается чѣмъ-то весьма обыкновеннымъ, особенно въ послѣдніе годы; ибо для нашихъ высшихъ и низшихъ распорядителей жизнь обывателя ничего не стоитъ и за нее никто не привлекается къ отвѣту.

Вооруженныя столкновенія между рабочими и полиціею происходили также въ Прагѣ, 5 ноября; толпа нападала на военные отряды и едва не одолѣла ихъ; раздавались отдѣльные выстрѣлы, на которые стража отвѣчала, и съ обѣихъ сторонъ было много раненыхъ, въ томъ числѣ полицейскій оберъ-коммиссаръ. Зато въ образцовомъ порядкѣ прошла грандіозная манифестація рабочихъ въ Вѣнѣ, того же 5 ноября, при участіи около ста тысячъ человѣкъ; она была организована комитетомъ соціально-демократической партіи и потому избѣгала всякихъ недоразумѣній, не пыталась противодѣйствовать разумнымъ полицейскимъ мѣрамъ и точно придерживалась установленнаго маршрута; рабочіе шли съ красными флагами, останавливались огромными массами около университета, городской думы и парламента, съ громкими, періодически повторяемыми возгласами: „Всеобщее избирательное право!", „Долой камарилью!". Слышны были также возгласы въ честь русской революціи и крики: „Долой казаковъ!", особенно при видѣ конныхъ стражниковъ на углахъ улицъ; но полиція ничего не предпринимала, ограничиваясь только наблюденіемъ за правильнымъ ходомъ процессіи, и нигдѣ не было столкновеній. Въ тотъ же день была устроена шумная демонстрація польскихъ рабочихъ въ Краковѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго соціалиста Дашинскаго, который произнесъ рѣчь въ пользу всеобщаго избирательнаго права и предложилъ выразить сочувствіе русской революціи; затѣмъ толпа прошлась по улицамъ города съ красными флагами и съ обычными возгласами.

Эти заявленія народныхъ массъ нашли себѣ могущественную поддержку въ стачкѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ, которые сначала предъявляли только экономическія требованія объ улучшеніи условій труда и объ увеличеніи жалованья, а потомъ присоединили

еще требованіе всеобщаго равнаго избирательнаго права. Эта оригинальная стачка, возникшая на казенныхъ дорогахъ Богеміи и постепенно охватившая всѣ австрійскія, казенныя и частныя желѣзныя дороги, не имѣетъ характера нашей забастовки; она не прекращаетъ движенія, а только задерживаетъ его въ законныхъ предѣлахъ, замедляетъ отправленіе товаровъ и способствуетъ образованію огромныхъ залежей, такъ какъ систематическое запаздываніе поѣздовъ мало-по-малу спутываетъ и парализуетъ все движеніе. Это „пассивное сопротивленіе", или обструкція, не даетъ основанія ни отказывать служащимъ въ выдачѣ жалованья, ни увольнять кого-либо изъ нихъ, ни привлекать къ отвѣтственности, ибо всѣ исполняютъ тотъ минимумъ обязанностей, который установленъ существующими правилами и инструкціями; они не проявляютъ старанія или, вѣрнѣе, воздерживаются отъ исполненія всего того, что не требуется безусловно, и такимъ образомъ весьма чувствительно доказываютъ правительству и начальству свою громадную пассивную силу, безъ большой опасности разоренія для государства и частныхъ лицъ. Очевидно, это гораздо болѣе культурная форма забастовки, чѣмъ наша прямолинейная всеобщая политическая стачка, останавливающая самую жизнь и равносильная покушенію на существованіе не только всего общества, но и самихъ рабочихъ. Австрійскіе рабочіе стремились къ своей цѣли безъ ущерба для себя и съ возможно меньшимъ ущербомъ для другихъ, тогда какъ у насъ преобладаетъ стремленіе причинить возможность болѣе вреда себѣ и другимъ, чтобы наглядно доказать безчеловѣчность и негодность правительства и возбудить сильнѣйшее сочувствіе къ его жертвамъ. Соображенія цѣлесообразности и разсчетливости въ растратѣ силъ и средствъ устраняются у насъ съ восточнымъ фатализмомъ, и общая забастовка становится бѣдствіемъ не столько для правящихъ лицъ, враговъ народа, сколько для самого этого народа и общества, распространяя повсюду горе и нужду. Раздраженіе отдѣльныхъ классовъ населенія направляется уже не противъ безсильнаго и неумѣлаго правительства, а противъ произвола и насилія устроителей забастовки; въ народѣ незамѣтно разгораются страсти и обостряется внутренній классовой антагонизмъ, который внезапно прорывается дикими вспышками и катастрофами, поражая современниковъ своею неожиданностью. Австрійскіе приверженцы всеобщаго избирательнаго права дѣйствовали болѣе разумно и человѣчно, и могли такъ дѣйствовать отчасти и потому, что имѣли предъ собою противника безусловно культурнаго и человѣчнаго, для котораго давно уже немыслимы такіе способы воздѣйствія, какъ башибузуцкія массовыя избіенія и кроваво-грабительскіе погромы.

Краснорѣчивыя проявленія народной воли въ Австріи, выступившія съ такой энергіею послѣ обнародованія венгерской программы

барона Фейервари, очень скоро достигли желаннаго результата. Австрійское правительство, недавно еще категорически высказывавшееся противъ введенія всеобщаго и равнаго избирательнаго права, какъ опаснаго для культурнаго владычества нѣмцевъ, сразу и съ полною добросовѣстностью признало убѣдительную силу единодушнаго общенароднаго мнѣнія и соотвѣтственно съ этимъ измѣнило свои взгляды; министръ-президентъ, баронъ Гаучъ, бывшій противникомъ всеобщей подачи голосовъ въ Австріи и находившій въ этомъ случаѣ опору не только въ старо-нѣмецкой партіи, но и въ вліятельныхъ группахъ польско-галиційскаго шляхетства, откровенно подчинилъ свои личныя идеи и симпатіи реальнымъ интересамъ страны и обѣщалъ немедленно заняться подготовкою законопроекта о всеобщемъ избирательномъ правѣ для внесенія въ парламентъ. Несомнѣнно, что цѣль была достигнута здѣсь одними усиліями общественнаго мнѣнія, выразившагося между прочимъ въ рабочихъ манифестаціяхъ, и что желѣзнодорожная забастовка не играла при этомъ замѣтной роли. Въ Австріи, какъ справедливо замѣтила по этому поводу одна изъ нѣмецкихъ газетъ, „не существуетъ самодержавной власти, которая могла бы въ одинъ день или даже часъ внезапно рѣшить вопросъ о всенародномъ избирательномъ правѣ; австрійское правительство серьезно занялось уже избирательною реформою и сдѣлало въ этомъ отношеніи достаточно ясныя публичныя, обязывающія его заявленія. Но реформа можетъ быть осуществлена только парламентомъ, гдѣ правительство имѣетъ право инціативы и гдѣ управленія частныхъ желѣзныхъ дорогъ вовсе не обладаютъ правомъ голоса". Австрійскому парламенту предстоитъ теперь крупная политическая задача, и удовлетворительное разрѣшеніе ея не обойдется безъ горячей партійной и племенной борьбы, которую правительство, быть можетъ, постарается облегчить устройствомъ новыхъ выборовъ; такая же мирная борьба предстоитъ и въ Венгріи. Имперія Габсбурговъ находится теперь накануне демократическаго обновленія своего устарѣлаго государственнаго строя: всеобщее избирательное право очищаетъ путь къ той равноправности племенъ и національностей, которая одна только можетъ служить здравой и справедливой основою автономно-федеральнаго конституціоннаго режима.

Во Франціи разыгрался частичный министерскій кризисъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ измѣненій въ составѣ парламентскаго большинства, поддерживающаго кабинетъ Рувье. Министерство состоитъ изъ передовыхъ республиканцевъ, радикаловъ и радикаловъ-соціалистовъ; а между тѣмъ въ послѣднее время при голосованіяхъ по отдѣльнымъ вопросамъ значительная часть лѣвой отдѣлялась отъ правительства, тогда какъ центръ и правая высказывали ему свое одобреніе. Чтобы

выйти изъ этого двусмысленнаго положенія и не оказаться „плѣнниками правой“, министры рѣшили вызвать въ палатѣ пренія объ общей политикѣ кабинета и поставить при этомъ вопросъ о довѣріи. Въ засѣданіи 10-го ноября одинъ изъ депутатовъ министерской партіи внесъ соотвѣтственный запросъ объ общей политикѣ, и Рувье готовился уже представить объясненія, способныя удовлетворить крайнюю лѣвую. Но на очереди стоялъ запросъ націоналиста Грожана о биржахъ труда, и Грожанъ потребовалъ, чтобы порядокъ занятій дня не былъ нарушенъ. Президентъ палаты, Поль Думеръ, спрашиваетъ, когда правительство намѣрено отвѣчать на интерпелляцію объ общей политикѣ; Рувье предлагаетъ отвѣчать немедленно. Грожанъ и нѣкоторые другіе депутаты протестуютъ; президентъ предоставляетъ высказаться палатѣ, и палата значительнымъ большинствомъ постановляетъ не отступать отъ принятаго порядка преній. Такимъ образомъ правительство совершенно неожиданно потерпѣло неудачу по чисто формальному вопросу, не имѣющему въ сущности никакого значенія; депутаты и министры заволновались, и сильнѣе другихъ волновался военный министръ Берто̀, принадлежащій къ партіи радикаловъ-соціалистовъ и потому особенно ненавистный консерваторамъ центра. Среди общаго шума Берто̀ вдругъ схватилъ свой портфель и демонстративно покинулъ залу; съ разныхъ сторонъ раздались рукоплесканія и громкіе насмѣшливые возгласы; нѣсколько времени спустя, Берто̀ появляется снова, но занимаетъ уже не министерское, а свое прежнее депутатское мѣсто. Лѣвая требуетъ отсрочки засѣданій; Рувье говоритъ, что правительство остается на своемъ мѣстѣ и готово въ своемъ нынѣшнемъ составѣ давать всякія объясненія, какія понадобятся. Жорѐсъ спрашиваетъ, находится ли правительство въ своемъ полномъ составѣ, а если нѣтъ, то въ чемъ причина случившейся перемѣны; поэтому онъ настаиваетъ на отсрочкѣ, чтобы дать правительству возможность объясниться или пополнить свой составъ. Возбужденіе палаты доходитъ до крайней степени; Рувье едва въ состояніи добиться слова,—онъ произноситъ наконецъ рѣчь, въ которой указываетъ на то, что существованіе кабинета не можетъ зависѣть отъ случайнаго рѣшенія отдѣльнаго министра; онъ напомнилъ далѣе, что его министерство успѣло благополучно справиться съ серьезными затрудненіями, внутренними и внѣшними, но должно еще довести до конца двѣ важныя задачи—мирное разрѣшеніе марокккскаго спора и проведеніе въ сенатѣ одобреннаго уже палатою депутатовъ закона объ отдѣленіи церкви отъ государства, и потому перемѣна кабинета въ данный моментъ представлялась бы несвоевременною и могла бы принести вредъ республикѣ. Послѣ рѣчи Рувье палата вернулась къ запросу Грожана и очень неохотно выслушала его разсужденія о бир-

жахъ труда; Жоресъ опять предложилъ отсрочить засѣданіе, и послѣ оживленныхъ преній, большинствомъ 310 противъ 147 голосовъ, была принята формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающая увѣренность, что правительство будетъ опираться лишь на большинство, подавшее свои голоса за отдѣленіе церкви отъ государства. Бертò объяснилъ палатѣ и подтвердилъ въ оффиціальномъ письмѣ на имя Рувье, что онъ не могъ оставаться членомъ кабинета, пока послѣдній не выяснилъ своего положенія относительно различныхъ партій лѣвой, а такъ какъ это выясненіе уже нѣсколько разъ откладывалось, то онъ предпочелъ выйти въ отставку. На мѣсто Бертò назначенъ былъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Этьеннъ, и этимъ пока закончился кризисъ, къ великому удовольствію значительнаго большинства республиканцевъ. Очевидно, республика во Франціи, несмотря на свое тридцатипятилѣтнее существованіе, не вышла еще изъ періода борьбы, и враждебныя ей партіи не позволяютъ еще считать всѣхъ французовъ республиканцами, одинаково призванными къ участію въ управленіи дѣлами страны.

Норвегія, отдѣлившись отъ Швеціи, могла свободно выбрать для себя ту или другую форму правленія, и многіе были увѣрены, что она остановитъ свой выборъ на республикѣ. Между тѣмъ, къ общему удивленію, послѣ неудачнаго многолѣтняго опыта съ королемъ Оскаромъ, норвежскій народъ не поколебался отдать себя во власть новой монархіи, въ лицѣ вновь избраннаго короля, принца Карла, внука датскаго короля Христіана. Общее народное голосованіе дало утвердительный отвѣтъ на вопросъ о предложеніи короны принцу Карлу, согласно предварительному рѣшенію норвежскаго сейма, или стортинга; за предложеніе подано было всего 259.563 голоса, а противъ—69.264. Стортингъ, въ засѣданіи 18-го ноября, при участіи ста-шестнадцати членовъ, единогласно назначилъ королемъ принца Карла, о чемъ ему дано было знать по телеграфу въ Копенгагенъ. На содержаніе короля и его семьи ассигновано 700 тысячъ кронъ (около 350 тысячъ рублей) въ годъ на все время его царствованія. Новый король принялъ норвежское имя Гаакона, а сына своего назвалъ Олафомъ.

Норвежцы, какъ народъ разумный и хладнокровный, не соблазнились перспективою свободнаго республиканскаго самоуправленія, которое оставило бы ихъ безъ полезныхъ связей и отношеній въ политическомъ мірѣ Европы; они предпочли имѣть конституціоннаго монарха, связаннаго родствомъ съ династіями могущественныхъ европейскихъ государствъ, и за это удобство имъ придется платить не особенно дорого—по 350 тысячъ рублей въ годъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1905 г.

I.

— **Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И. Декабристы въ Западной Сибири. Историческій очеркъ по оффиціальнымъ документамъ. Съ 35 фото-типогравюрами (29 портретовъ и 6 видовъ). Спб. 1905.**

Историческій очеркъ г. Дмитріева-Мамонова первоначально былъ напечатанъ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ" за текущій годъ и появляется, такимъ образомъ, вторымъ изданіемъ. Это свидѣтельствуетъ о томъ интересѣ, съ которымъ встрѣчаетъ общество работы и матеріалы, относящіеся къ жизни и дѣятельности декабристовъ. Авторъ остановился въ своей книгѣ преимущественно на фактическихъ данныхъ, явившихся результатомъ его усердныхъ поисковъ въ различныхъ архивахъ тобольской и томской губерній и акмолинской области, составлявшихъ прежнюю территорію западно-сибирскаго генералъ-губернаторства, при чемъ наибольшее количество матеріаловъ было добыто въ Омскѣ, гдѣ былъ сосредоточенъ высшій административно-полицейскій надзоръ за политическими ссыльными всей Западной Сибири.

Эти фактическія данныя представляютъ сами по себѣ очень цѣнный матеріалъ и служатъ существеннымъ дополненіемъ къ извѣстнымъ уже очеркамъ жизни декабристовъ и ихъ собственноручнымъ запискамъ. Въ этомъ отношеніи обширный и кропотливый трудъ автора, стремившагося къ объективности и точности сообщаемыхъ фактовъ, заслуживаетъ полнаго сочувствія всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ изученіи исторической стороны жизни и участниковъ знаменитаго

14 декабря. Объективность автора при этомъ поразительная: ровнымъ, учтиво-оффиціальнымъ тономъ повѣствуетъ онъ о такихъ мѣропріятіяхъ и „попеченіяхъ“ правительства, при которыхъ волосы дыбомъ встаютъ и морозъ пробѣгаетъ по кожѣ. Нѣтъ словъ, чтобы достойно опредѣлить всѣ эти „неограниченныя милосердія“, „благія попеченія“, „монаршія милости“, при которыхъ „мѣропріятія“ большихъ и малыхъ Бенкендорфовъ усиленно направлялись къ тому, чтобы сдѣлать пребываніе декабристовъ въ Сибири возможно болѣе тягостнымъ и лишить возможности жить въ сколько-нибудь человѣческихъ условіяхъ. Такъ, мы имѣемъ достаточно свѣдѣній, какъ была обставлена жизнь той части декабристовъ, которая принадлежала къ знатнымъ и состоятельнымъ семьямъ. Но въ иномъ положеніи были декабристы, именуемые авторомъ оффиціальнымъ терминомъ „государственные преступники“, у которыхъ не было своихъ средствъ. „Размѣщенные въ этихъ мѣстностяхъ съ крайне суровыми климатическими условіями, не имѣя никакихъ средствъ для поддержанія своего существованія, не получая пособій отъ родственниковъ, сосланные,—по разсказу автора,—вскорѣ по прибытіи на мѣста поселенія вынуждены были просить выдачи имъ пособія отъ казны. Это пособіе, несмотря на то, что въ Западной Сибири административная власть была объединена въ лицѣ генералъ-губернатора, на обязанности котораго лежали заботы о вспомоществованіи неимущимъ преступникамъ, была различна въ губерніяхъ тобольской и томской. По тобольской губерніи вспомоществованіе государственнымъ преступникамъ выдавалось натурою, имъ отпускалось изъ запасныхъ инородческихъ магазиновъ кормовое довольствіе въ размѣрѣ солдатскаго пайка, а затѣмъ выдавалась крестьянская одежда зимняя и лѣтняя по утвержденной генералъ-губернаторомъ табели. По томской же губерніи пособіе выдавалось не натурою, а деньгами, въ размѣрѣ стоимости солдатскаго пайка и крестьянскаго одѣянія. Кромѣ этого положеннаго отъ казны пособія, мѣстная администрація, по своему усмотрѣнію, оказывала пособіе нѣкоторымъ неимущимъ государственнымъ преступникамъ на счетъ обывателей, предоставляя имъ право пользоваться безвозмездно особыми отводными отъ обывателей квартирами. Въ виду незначительности правительственныхъ пособій, едва обезпечивавшихъ дневное пропитаніе, государственные преступники, принадлежавшіе къ семействамъ бѣднымъ, размѣщенные на поселеніе по сѣвернымъ окраинамъ тобольской и томской губерній, естественно, должны были претерпѣвать многія тяжкія лишенія и, за неимѣніемъ заработка, который могъ бы улучшить ихъ положеніе, должны были прибѣгать для поддержанія своего существованія или къ матеріальной помощи мѣстныхъ обывателей, или же къ помощи болѣе обезпеченныхъ товарищей своихъ по-

ссылкѣ. Только благодаря этой частной матеріальной помощи, многіе изъ лицъ, осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, имѣли возможность, при борьбѣ съ нуждою, влачить тяжелую свою жизнь на поселеніи".

Только въ 1835 году Бенкендорфъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири, Сулиму, „что государь императоръ, по неограниченному милосердію своему, входя въ бѣдное положеніе преступниковъ и желая показать имъ, что и они не чужды благихъ попеченій его величества, всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ производить ежегодно на необходимыя ихъ надобности по двѣсти рублей ассигнаціями каждому".

Въ числѣ „заботъ" правительства объ устроеніи быта сосланныхъ любопытно отмѣтить мѣру надѣленія ихъ пахотною землею,—„дабы предоставить имъ черезъ обрабатываніе оной средства къ удовлетворенію нуждъ хозяйственныхъ и къ обезпеченію будущей судьбы дѣтей ихъ, прижитыхъ въ Сибири".

Такъ писалъ сердобольный Бенкендорфъ въ томъ же 1835 году въ Петербургѣ, нисколько, вѣроятно, не сомнѣваясь въ благодѣтельности этого мѣропріятія. На мѣстѣ же послѣднее встрѣтило при своемъ осуществленіи условія, своевременно не предусмотрѣнныя. „Въ дѣйствительности,—разсказываетъ г. Дмитріевъ-Мамоновъ,—надѣленіе пахотною землею нисколько не послужило къ облегченію участи наиболѣе нуждающихся государственныхъ преступниковъ и ихъ семей. Всѣ государственные преступники, сосланные въ Западную Сибирь на поселеніе, водворены были на жительство, съ высочайшаго соизволенія, въ разные города тобольской и томской губерній, и къ надѣленію ихъ свободными участками хлѣбопахотной земли, лежащими въ близкомъ разстояніи отъ мѣстъ ихъ водворенія, встрѣтились затрудненія, и имъ отводились участки за нѣсколько верстъ отъ городовъ. Эта отдаленность полученныхъ въ надѣлъ участковъ и неимѣніе средствъ для устройства хозяйствъ вынуждали многихъ лицъ, изъ числа надѣленныхъ землею, оставлять свои надѣлы безъ всякой обработки и эксплоатаціи, тѣмъ болѣе, что, благодаря огромному пространству свободныхъ казенныхъ земель въ Сибири, удобныхъ для хлѣбопашества, полученные въ надѣлъ участки не могли служить, по безцѣнности земли, даже арендными статьями. Причинами, препятствующими государственнымъ преступникамъ заниматься земледѣліемъ, несомнѣнно служили и тѣ мѣры полицейскаго надзора, которыми обусловливалась возможность приложенія ими своего труда къ землепользованію. Съ отводомъ земельныхъ надѣловъ государственнымъ преступникамъ, возбужденъ былъ вопросъ о томъ, при какихъ именно условіяхъ лица, получившія въ надѣлъ земли, могутъ отлучаться изъ

мѣстъ, опредѣленныхъ для постояннаго ихъ жительства, какъ для хозяйственныхъ надобностей вообще по веденію предпринимаемаго ими занятія, такъ и на земельные свои участки".

Въ надзорѣ за государственными преступниками дѣятельное участіе принимала сама верховная власть, входившая во всѣ мелкія подробности ихъ быта и налагавшая стѣсненія, гдѣ только было возможно. За декабристами наблюдали генералъ-губернаторы, губернаторы, начальники областей; городская и земская полиція; объ образѣ жизни и поведеніи „преступниковъ" доносилось его величеству, при чемъ, такъ какъ не было выработано опредѣленныхъ правилъ надзора, отдѣльныя начальственныя лица понимали его по своему и обставляли его по своему усмотрѣнію, вѣрнѣе сказать, произволу.

До чего доходила мелочность и придирчивость надзора властей за кучкой интеллигентныхъ и мирныхъ людей, заброшенныхъ въ пустыни Сибири, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. „Указанія, данныя верховною властью въ отношеніи распространенія надзора за поселенными въ Сибири государственными преступниками, касались до воспрещенія государственнымъ преступникамъ имѣть огнестрѣльное оружіе и снимать съ себя портреты. Въ іюлѣ 1828 г. пелымскій отдѣльный засѣдатель донесъ тобольскому губернатору Нагибину, что онъ отобралъ отъ только-что прибывшаго на поселеніе въ Пелымъ государственнаго преступника Бриггена принадлежащее ему оружіе, порохъ и дробь. По поводу этого донесенія генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, И. А. Вельяминовымъ, возбужденъ былъ вопросъ о правѣ вообще государственныхъ преступниковъ имѣть при себѣ огнестрѣльное оружіе для охоты. 26 октября 1828 г. товарищъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества, графъ Чернышевъ, увѣдомилъ генерала Вельяминова, что, по докладу государю императору возбужденнаго имъ вопроса, его императорское величество повелѣть соизволилъ: „всѣмъ вообще государственнымъ преступникамъ, на поселеніе сосланнымъ, воспретить имѣть огнестрѣльное оружіе". Воспрещеніе о снятіи портретовъ съ государственыхъ преступниковъ послѣдовало въ 1845 г.; 18 декабря этого года генералъ-адъютантъ графъ Орловъ увѣдомилъ генералъ-губернатора Западной Сибири, князя П. Д. Горчакова, что отставной инженеръ поручикъ Давиньонъ, въ проѣздъ свой чрезъ Томскъ, снималъ посредствомъ дагеротипа портреты съ поселенцевъ изъ политическихъ преступниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что нѣкоторые изъ находящихся на поселеніи государственныхъ преступниковъ завели собственные дагеротипы и сами другъ съ друга снимаютъ портреты, предполагая отправить эти портреты своимъ родственникамъ. По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія государя императора, его императорское величество изволилъ

признать, что такое невниманіе къ тому, что̀ происходитъ между государственными преступниками, заслуживаетъ строгаго письменнаго замѣчанія, высочайше повелѣть соизволилъ: „воспретить поселенцамъ изъ государственныхъ и политическихъ преступниковъ на будущее время снимать съ себя портреты и отправлять оные къ родственникамъ ихъ или къ кому бы то ни было".

Большія, по выраженію автора, невыгоды испытывали поднадзорные отъ установленныхъ свыше способовъ контроля надъ частной почтовой корреспонденціей. Досмотръ корреспонденціи возлагался на генералъ-губернатора, препровождавшаго ее генералъ-губернаторамъ, которые пересылали губернаторамъ, эти пересылали ее уже отъ себя въ остальныя инстанціи, на что уходило, при громадныхъ разстояніяхъ Сибири, много времени, и письма получались декабристами съ большимъ замедленіемъ. При этомъ сибирскіе помпадуры проявляли свои индивидуальныя свойства, направленныя къ стѣсненію ссыльныхъ. Къ нимъ предъявлялось требованіе разборчивости почерка, но въ 1847 году гр. Орловъ, шефъ жандармовъ, регламентировалъ это требованіе, найдя, что нѣкоторые изъ ссыльныхъ пишутъ своимъ родственникамъ слишкомъ слитно и блѣдными чернилами, что̀ дѣлало затруднительною ихъ перлюстрацію (это на 21-мъ году ссылки!), и приказалъ всѣмъ политическимъ ссыльнымъ Сибири писать самымъ разборчивымъ почеркомъ, въ противномъ же случаѣ—письма не будутъ отправлены адресатамъ. Нѣсколько позже, князь П. Горчаковъ потребовалъ, чтобы декабристы сопровождали письма надписями на конвертахъ—„отъ государственнаго преступника", съ обозначеніемъ имени и фамиліи. Но эти надписи даже гр. Орловъ нашелъ неумѣстными и отмѣнилъ распоряженіе Горчакова, бывшаго въ то время генералъ-губернаторомъ Западной Сибири.

Въ 1833 году состоялось положеніе комитета министровъ о „правѣ состоянія" женъ ссыльныхъ и правѣ избранія ими мѣста жительства. По первому пункту „невинныя жены государственныхъ преступниковъ"—„хотя не лишаются права наслѣдовать принадлежащую имъ собственность и вообще располагать своимъ имѣніемъ черезъ довѣренныхъ лицъ, способами, въ законахъ дозволенными, но во все время продолженія жизни мужей, нужная на содержаніе женъ часть изъ доходовъ прежде принадлежавшаго имъ или вновь наслѣдованнаго имѣнія должна быть выдаваема не имъ непосредственно, а въ распоряженіе того начальства, которому поручено завѣдываніе государственными преступниками, для употребленія въ пользу ихъ по правиламъ, какія на сіе предписаны быть могутъ... По второму пункту—о правѣ избранія мѣста жительства женами ссыльныхъ послѣ смерти ихъ мужей сказано: „на основаніи существующихъ узаконеній, хотя и должны

быть возвращены лично всѣ прежнія ихъ права, вмѣстѣ съ предоставленіемъ въ непосредственное уже распоряженіе ихъ принадлежащихъ имъ имѣній и доходовъ съ оныхъ, но дѣйствіе всѣхъ правилъ сихъ имѣетъ ограничиваться одними предѣлами Сибири; дозволенія же вдовамъ государственныхъ преступниковъ возврата въ Россію, безусловно или съ извѣстными ограниченіями, зависѣть будетъ отъ особаго усмотрѣнія правительства и не иначе каждой изъ нихъ дано быть можетъ, какъ съ высочайшаго разрѣшенія“.

Однако, по заключенію автора,—„дарованныя права нисколько не улучшали матеріальнаго устройства жизни на поселеніи государственныхъ преступниковъ и ихъ семействъ. Опредѣленная высочайше утвержденными въ 1826 г. правилами норма денежныхъ выдачъ на годовое содержаніе оставалась въ своей силѣ. Дозволеніе же возвращенія въ Россію вдовамъ государственныхъ преступниковъ разрѣшалось съ такою осторожностью, что потерявшая еще въ 1845 г. своего мужа Александра Васильевна Ентальцева, несмотря на неоднократныя просьбы о возвращеніи въ Россію, должна была прожить въ Сибири 12 лѣтъ и возвратилась въ Россію только по воспослѣдованіи всемилостивѣйшаго манифеста 26-го августа 1856 г.“

Приведя списокъ тридцати девяти лицъ, біографіи которыхъ помѣщены въ этой интересной книгѣ, и переживъ до извѣстной степени вмѣстѣ съ ними грустную исторію ихъ жизней, авторъ посвящаетъ имъ слѣдующія строки:

„Неблагопріятныя, суровыя климатическія условія большинства мѣстностей, избранныхъ для поселенія, тяжелая нужда при едва обезпеченномъ дневномъ пропитаніи, какую претерпѣвали нѣкоторые изъ поселенцевъ, а затѣмъ утраченная надежда на лучшее будущее и сожалѣніе о навсегда потерянной связи съ своею прошлою жизнью, порождавшія какъ физическія, такъ и душевныя страданія, свели многихъ, изъ числа осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, въ могилу въ Сибири. Изъ тридцати девяти государственныхъ преступниковъ, бывшихъ на поселеніи и на жительствѣ въ Западной Сибири, пятнадцать похоронены въ ея предѣлахъ и могилы ихъ разбросаны на огромномъ ея пространствѣ: Сургутъ, Кондинскъ, Туринскъ, Ялуторовскъ, Курганъ, Тобольскъ и Омскъ—мѣста, гдѣ находятся могилы декабристовъ. Многія могилы, частью съ сохранившимися, частью съ разрушающимися уже отъ времени памятниками еще нынѣ существуютъ,—нѣкоторыя же хотя и утрачены, но память объ усопшихъ еще и нынѣ жива: такъ высоко-нравственна и благодѣтельна была дѣятельность въ Сибири облшинства декабристовъ на пользу мѣстнаго населенія“.

Въ книгѣ много портретовъ и рисунковъ, дополняющихъ интересъ изданія.

Мы не сомнѣваемся, что книга г. Дмитріева-Мамонова, и во второмъ своемъ изданіи, встрѣтитъ обширный кругъ читателей, которые отдадутъ должное и потраченному на нее обширному труду, и предмету ея, глубоко знаменательному для переживаемаго нами историческаго момента. Нельзя безъ глубокаго волненія читать повѣсти о жизни декабристовъ и не вспоминать въ то же время трогательныхъ строкъ Пушкина, пріобрѣтающихъ для насъ особый пророческій смыслъ:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье...

„Скорбный" трудъ не пропалъ даромъ...

II.

— Луговой, А. „Цѣль вашей жизни?" Повѣсти и разсказы. Спб. 1905.

Есть писатели, которые раскрываются передъ читателемъ сразу, обнаруживаясь на первыхъ же страницахъ основными свойствами своего міросозерцанія и таланта. Нѣсколько первыхъ страницъ уже даютъ читателю подчасъ право сдѣлать заключеніе о томъ, представляетъ ли интересъ для даннаго читателя новый авторъ не тѣмъ или инымъ произведеніемъ, но общимъ складомъ писательской натуры, сердцемъ ли или умомъ слѣдуетъ воспринимать его творенія или и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, вчитываясь въ него всѣми фибрами читательскаго мозга и нервовъ, или же, напротивъ, писатель заслуживаетъ не болѣе того, чтобы, перелиставъ, бѣгло ознакомиться съ нимъ, чтобы узнать при встрѣчѣ, какъ узнаютъ сотни чужихъ, далекихъ, но однажды гдѣ-то, когда-то видѣнныхъ людей. Конечно, есть разные читатели, предъявляющіе къ авторамъ самыя разнообразныя требованія, но средняя „равнодѣйствующая" этихъ требованій, вкусовъ, симпатій и антипатій не есть нѣчто метафизическое,—она живо ощущается писателемъ и служитъ взаимно опредѣляющимъ началомъ между писателемъ и извѣстнымъ общественнымъ кругомъ, съ которымъ писатель связанъ невидимыми, но внутренно ощущаемыми связями.

Симпатіи широкаго круга читателей—вещь очень капризная: иногда онѣ неудержимо прорываются при первомъ талантливомъ произведеніи, иногда онѣ заставляютъ ждать своего проявленія очень долго. Послѣднее время особенно чревато писателями, у которыхъ вся душа нараспашку, которые съ усердіемъ, зачастую достойнымъ лучшей участи, стремятся обнаружить передъ читателемъ все до дна, мало заботясь

о томъ, въ какой степени привлекательны тѣ или иные дары писательской души. Но инымъ бываетъ отношеніе и публики и критики къ авторамъ другого типа, появленіе которыхъ въ печати не сопровождается ни газетной шумихой, ни литературными сраженіями, дипломатически принимаемыми иногда въ разсчетъ въ погонѣ за извѣстностью; если они даровиты, умны и серьезно смотрятъ на свое дѣло, они пріобрѣтаютъ свою, вначалѣ небольшую, но опредѣленную публику, которая не растетъ по часамъ, но вмѣстѣ съ писателемъ развивается, зрѣетъ и отдаетъ ему свои симпатіи сознательно и прочно.

Обыкновенно и такіе писатели, и эта публика стоятъ въ сторонѣ отъ большого пути; они не отстаютъ, не застаиваются, но идутъ своей дорогой, не волнуясь, не спѣша, не обгоняя и не толкая другъ друга. Критика не торопится быть посредницей между авторами и ихъ не-экспансивными читателями и почитателями, и на писателяхъ этой категоріи лежитъ нѣкоторая своеобразная печать разочарованнаго одиночества, иногда отравленнаго самолюбія и неудовлетворенной жажды славы.

Г. Луговой, безспорно, принадлежитъ къ числу писателей, одиноко свершающихъ свой тернистый писательскій путь. Наблюдательный, вдумчивый, талантливый, онъ менѣе всего, кажется, стремится быть записаннымъ въ ряды „передовыхъ" дѣятелей, претендующихъ взять на себя руководительство на аренѣ политической и общественной борьбы. Задача такого руководительства, которому служило бы беллетристическое дарованіе г. Лугового, шла бы въ разрѣзъ съ основными свойствами его писательской натуры: онъ не легко раскрывается передъ читателемъ, въ его образахъ нѣтъ рѣзкости очертаній, въ его языкѣ нѣтъ огня и силы. Его нельзя перелистывать, просматривать; читатели, которые захотѣли бы познакомиться съ нимъ поверхностно, между дѣломъ, должны оставить надежду: какъ беллетристъ, г. Луговой останется имъ неизвѣстенъ. Но если глубже заинтересоваться его очерками, остановивъ на нихъ пристальное вниманіе мысли и сердца, то не придется жалѣть о потраченномъ времени: постепенно, образъ за образомъ, черта за чертой сообщится читателю обликъ писательской физіономіи г. Лугового и лучшія стороны его дарованія разбудятъ въ сердцѣ читателя добрыя, симпатичныя чувства, грустное размышленіе, чистую поэзію прошлаго. Мелкими, неслышными шагами подходитъ г. Луговой къ читательской душѣ и наполняетъ ее вечерними сумерками, отзвуками богато кипѣвшей и неудовлетворенно прожитой жизни, грустной улыбкой скептическаго ума, видѣвшаго много облетѣвшихъ цвѣтовъ, померкшихъ огней, разрушенныхъ идеаловъ...

Ущербъ жизненнаго чувства замѣчается почти на всемъ, о чемъ

пишетъ г. Луговой въ этой книжкѣ. Жизнь была полная, свѣтлая, исполненная борьбы во имя какихъ-то цѣлей, какихъ-то идеаловъ, стремленіе къ которымъ насыщало потребность и давало силы для борьбы, а затѣмъ... не то, чтобы жизнь сама по себѣ такъ ужъ измѣнилась, не то, чтобы силъ стало немного, но поблѣднѣлъ тотъ ореолъ, въ которомъ рисовалась былая манящая даль будущаго, между возвышенными цѣлями и практикой жизни образовалась зіяющая бездна, и прежніе идеалы потускнѣли, а сердце отказывается все надѣяться и вѣрить. Душа не терпитъ пустоты, и въ ней поселяется тоска по утраченномъ идеалѣ цѣльнаго, полнаго бытія, за этой тоской вползаетъ сознаніе усталости и скуки... На этомъ общемъ фонѣ рисуетъ г. Луговой нѣсколько образовъ съ явственно выраженнымъ чувствомъ ущерба жизни.

Поваръ Фроловъ—большой мастеръ своего дѣла, „поваръ по происхожденію и по призванію". Онъ—романтикъ и поэтъ своего мастерства. Когда, послѣ освобожденія крестьянъ, наступили новыя, какъ принято выражаться, общественныя условія, неблагопріятно отразившіяся и на развитіи поварского искусства и приведшія въ разореніе богача помѣщика, Фроловъ не сумѣлъ приспособиться къ новой обстановкѣ на волѣ и остался какъ бы не у дѣлъ. Пробовалъ онъ служить у разныхъ лицъ, но прежней арены для дѣятельности Фролова уже не находилось. Фроловъ понялъ, что у него отнято единственно дорогое, любимое дѣло, внѣ котораго жизнь его теряетъ всякій смыслъ. Онъ затосковалъ, и такъ какъ отъ тоски до водки одинъ шагъ, то и запилъ. Временами онъ отрезвлялся, приходилъ въ себя, пробовалъ начать жизнь по иному, на крестьянскій манеръ, но ничего не выходило.

„Какое-то неискоренимое горькое чувство отравляло теперь душу Фролова,—разсказываетъ г. Луговой вслѣдъ за эпизодомъ неудачной попытки завести харчевню,—и тянуло его напиваться все чаще и чаще. О кушаньяхъ, какія готовилъ бывало, теперь онъ могъ только мечтать; а мечтать—значило идти въ трактиръ и пить. Съ первой же рюмки въ его воображеніи начинали рисоваться знакомые образы. Ему казалось, что онъ рубилъ и мѣсилъ, протиралъ и раскатывалъ, варилъ и жарилъ. И чѣмъ онъ становился пьянѣе, тѣмъ яснѣе дѣлались его видѣнія, доходя почти до галлюцинацій. Одинъ, молча, сидѣлъ онъ гдѣ-нибудь въ углу за графиномъ водки или бутылкой пива и, не обращая ни на кого вниманія, шепталъ самъ съ собой, дѣлалъ жесты руками, щурился и причмокивалъ".

Но вотъ судьба улыбнулась Фролову. Его искусство понадобилось купцу Четвергову, у котораго долженъ былъ обѣдать „самъ графъ", обозрѣвавшій провинцію. Роль Фролова выросла до чрезвычайности,

и самъ онъ выросъ въ своихъ глазахъ и сосредоточилъ всю силу своей энергіи на томъ подвигѣ, на которомъ предстояло ему развить во всю ширину свои духовныя силы. И въ ожиданіи торжественнаго дня всѣ въ домѣ сознавали значительность роли Фролова и испытывали нервное напряженіе. „Только самъ Фроловъ былъ, повидимому, совершенно спокоенъ. Но онъ готовился къ обѣду не только внѣшнимъ образомъ,—онъ приступалъ къ своему дѣлу съ вѣрой и молитвой. Онъ хотѣлъ, чтобъ душа его была на это время чужда всякихъ дурныхъ помысловъ: предстояло показать всѣмъ, что онъ не пьяница негодный, что онъ мастеръ великій, что онъ только не въ силахъ былъ терпѣть обиды и неправды людскія,—да и впредь ихъ никогда не потерпитъ! Всѣ эти дни онъ не пилъ ни одной капли. Въ часы отдыха онъ уходилъ въ садъ и, выпросивъ у богомольной хозяйки псалтырь, читалъ псалмы. Особенно трогалъ его теперь одинъ изъ нихъ: „Помилуй мя, Боже, яко попра мя человѣкъ: весь день боря стужи ми"...

И Фроловъ оказался достойнымъ своего призванія. Онъ горѣлъ вдохновеніемъ, священнодѣйствовалъ и приготовилъ не обѣдъ, а тонкое произведеніе искусства. Но люди не сумѣли оцѣнить его и отнеслись небрежно къ его творчеству. Четверговъ слишкомъ долго водилъ именитаго гостя по усадьбѣ—и обѣдъ пришлось подать позже, болѣе чѣмъ на два часа. Злоба и досада на то, что кушанья могутъ испортиться, охватила его; онъ при этомъ не думалъ ни о графѣ, ни о хозяевахъ, — какъ истый художникъ, онъ былъ самъ свой высшій судъ, и потому въ невниманіи къ обѣду видѣлъ глубочайшее оскорбленіе своимъ творческимъ мечтамъ, а затѣмъ, когда начался обѣдъ, хозяинъ передъ паштетомъ завелъ свою „говорильную машинку"—и паштетъ запоздалъ,... а гости съ аппетитомъ кушали, много пили и, вѣроятно, не замѣчали нѣкоторыхъ изъяновъ, происшедшихъ по ихъ же винѣ. И пока они кушали, пили и говорили, растягивая обѣдъ, душевная драма Фролова достигла высшаго напряженія и разрѣшилась полнымъ банкротствомъ жизненныхъ силъ: поваръ „двухъ аршинъ съ шапкой", какъ его называли за малый ростъ, повѣсился на сѣновалѣ. Такова иронія судьбы, въ борьбѣ съ которой человѣческая личность безсильна.

Иронія судьбы... Здѣсь, дѣйствительно, была, пожалуй, иронія судьбы, потому что то, отъ чего погибъ человѣкъ, лежало выше его сознанія и не зависѣло отъ его личной воли. Но русскіе люди слишкомъ часто любятъ сваливать на судьбу и то, въ чемъ повинны сами, что было всецѣло въ ихъ рукахъ, что упущено, не сдѣлано, въ чемъ не хочется лично сознаться и покаяться. Въ другомъ, проникнутомъ задушевнымъ лиризмомъ разсказѣ („Изъ прошлаго и настоящаго") изображается средній интеллигентъ, ведущій изложеніе отъ своего

имени. Давно, еще юношей поселился онъ въ Петербургѣ, и душа его грустить и ноетъ воспоминаніями прежняго „дикаго періода жизни“, когда онъ не былъ писателемъ, а былъ купцомъ. Воспоминанія эти вызываютъ „то здоровое настроеніе, какое обыкновенно испытываешь въ ясный, безвѣтренный, не слишкомъ морозный день, знаешь, что морозомъ скована сила, которая ждетъ только близкой весны, чтобы проявиться благодатнымъ расцвѣтомъ“... Но затѣмъ, какъ только мысль разсказчика переносится отъ прошлаго къ настоящему, ему кажется, что онъ дышитъ какимъ-то отравленнымъ, гнилымъ воздухомъ, зараженнымъ болѣзнью „культурныхъ“ обществъ—поголовной трусливостью. И онъ взбирается на высокую трибуну, такую высокую, чтобы съ нея онъ могъ видѣть *всю* интеллигенцію, все „культурное“ общество, и, считая его слившимся съ собою въ одномъ порывѣ самобичеванія и покаянной тоски, обращаетъ къ нему рѣчь, полную горечи разочарованія и обиды. Для пущей величавости онъ говоритъ отъ имени всей интеллигенціи и въ томъ смыслѣ, что—мы, дескать, направляемъ духовную, общественную и экономическую жизнь сто-милліонной массы,—и мы—трусы! Это—лейтмотивъ рѣчи.

„Мы боимся всего, — продолжаетъ авторъ отъ имени своего героя: — и мороза, и зноя; и темноты, и яркаго свѣта; боимся прикоснуться къ старымъ, запыленнымъ кумирамъ, чтобъ они не разсыпались,—боимся и всякаго новаго человѣка, выдающагося изъ толпы, крѣпко сплоченной своею трусостью; мы боимся нищеты, боимся и накопленія богатствъ; боимся всякой свѣжей мысли, всякаго новаго начинанія, каждаго нарушенія нашихъ привычекъ и нашей косности“.

И далѣе: „На борьбу мы уже не способны. Мы не только слабосильны, мы утратили вкусъ къ борьбѣ. Мы всего охотнѣе прислушиваемся къ проповѣди всякаго рода непротивленія, мы стали чрезвычайно склонны ко всякаго рода попустительству. Было время—раны, полученныя на войнѣ, считались одинаково почетными и у побѣдителя, и у побѣжденнаго, и придавали борцамъ своеобразную красоту; приближается, повидимому, другое, когда, живя въ кругу людей молчалинскаго типа, надо будетъ скрывать ихъ“.

„Да, мы „интеллигенція“, „мозгъ страны“,—заключаетъ авторъ,— мы—трусы и слабняки! Вся наша жизнь и всѣ помыслы наши складываются неизмѣнно подъ вліяніемъ этихъ двухъ отрицательныхъ качествъ нашихъ. Тамъ, гдѣ жизнь народа идетъ впередъ, растетъ и крѣпнетъ, это дѣлается помимо насъ. Мы же умѣемъ только безплодно сокрушаться или извлекать свои маленькія выгоды, какъ изъ чужихъ успѣховъ, такъ и изъ чужихъ бѣдъ. Ни себѣ, ни другимъ мы не дадимъ счастья. Мы часто фарисейски кричимъ о помощи обездо-

леннымъ; но не потому, что у насъ болитъ въ самомъ дѣлѣ сердце о нихъ, а потому, что эти грошевыя заботы возвышаютъ насъ и въ чужихъ, и въ нашихъ собственныхъ глазахъ. Мы за гривенникъ охотно покупаемъ индульгенцію въ грѣхѣ нашего собственнаго ничтожества; но на двугривенный мы уже не рискнемъ: это намъ не по силамъ".

Обвиненіе въ поголовной трусости и слабости—обвиненіе весьма серьезное, доказательство котораго надлежало бы обставить бо́льшими аргументами. Но прежде всего обвиненіе это падаетъ само собою, будучи обращено къ пустому пространству, къ массѣ, ко всѣмъ вмѣстѣ и ни къ кому лично. Не вся интеллигенція собралась у трибуны оратора, не всѣ услышали его голосъ, и онъ, какъ бы ни былъ зорокъ его глазъ, многаго не различилъ въ этой массѣ. Любопытно, что повѣсть съ этой филиппикой противъ интеллигенціи написана въ 1900 году, въ одинъ изъ самыхъ жестокихъ годовъ мертвеннаго застоя русской общественной жизни, сопровождавшагося тяжелымъ гнетомъ, падавшимъ на все, что́ носило на себѣ отпечатокъ смѣлой интеллигентной личности и русской культурно-общественной мысли. Это сопоставленіе не въ пользу оратора. Онъ не подмѣтилъ въ толпѣ, казавшейся ему однородной, людей, творившихъ осязательную для чуткихъ сердецъ, но не для всякаго наблюдателя видную освободительную работу; онъ не угадалъ грознаго смысла этого свинцоваго затишья передъ бурей, онъ не разслышалъ первыхъ подземныхъ толчковъ, предвѣщающихъ великое колебаніе почвы, смятеніе умовъ и низверженіе идоловъ... Въ толпѣ интеллигенціи не всѣ были трусы. Многіе изъ нихъ могли бы отвѣтить оратору такъ, что онъ постыдился бы и высокой трибуны, и своего ораторскаго паѳоса,—но уста этихъ интеллигентовъ были заграждены для тѣхъ огненныхъ и сильныхъ словъ, которыми они могли бы отозваться на вызовъ оратора. Они не отвѣтили,—у нихъ было свое, большое дѣло, важнѣе отвѣта на дряблыя рѣчи. За нихъ отвѣтила жизнь.

Но характерно, что въ извѣстные моменты, преимущественно тяжкіе для общественной борьбы, обычно возвышается голосъ, громящій интеллигенцію, любовно принявшую „выходца" въ свои нѣдра, пригрѣвшую и научившую его. И если еще можетъ быть понятъ и объясненъ скачокъ отъ лично неудовлетвореннаго чувства интеллигента, не забывшаго своей Обломовки, къ огульному обвиненію всего „культурнаго" общества, обвиненію, притомъ, на которое уже легла печать давности, то тѣмъ характернѣе, тѣмъ поразительнѣе эти голословныя и несправедливыя, поистинѣ пошлыя выходки противъ интеллигенціи, которыя дѣлаются въ наши дни со стороны писателей, претендующихъ на роль вождей въ дѣлѣ борьбы за *всеобщее* счастье на-

рода. А кумиры насилія и грубости еще болѣе отвратительны, чѣмъ кумиры Разума въ доброе старое время...

У г. Лугового дѣло обстоитъ не такъ плохо: его интеллигентъ — человѣкъ съ яркими воспоминаніями молодости, но съ развинченной волей, огорченный личными неудачами, разочарованный, можетъ быть—субъектъ, у котораго, по наблюденію врачей, оказалась бы печень не въ порядкѣ. И въ другомъ, большомъ, давшемъ заглавіе книгѣ, разсказѣ изображены кое-какія черты изъ жизни подобнаго интеллигента, пріѣхавшаго въ Москву учиться и открывшаго свой умъ и сердце всѣмъ впечатлѣньямъ бытія. Если вдуматься въ то, какимъ впечатлѣньямъ открылось при этомъ его чувствительное сердце, станетъ ясно, при какихъ условіяхъ могутъ создаваться извѣстнаго рода меланхолики и нытики жизни, которые предъявляютъ чрезмѣрныя требованія къ обществу и минимальныя къ себѣ.

Судьба сводитъ молодого человѣка, опять-таки ведущаго разсказъ отъ своего имени и какъ бы облегчающаго свою душу исповѣдью, съ нѣкіимъ Николаемъ Петровичемъ, человѣкомъ способнымъ, но загубленнымъ постоянной рефлексіей и алкоголемъ. Нервный, съ расшатанной волей, онъ страдаетъ оттого, что въ жизни, какъ ему кажется, нѣтъ ничего положительнаго, истиннаго, что̀ указало бы человѣку, изъ-за чего сто̀итъ жить и въ чемъ настоящее назначеніе жизни. Работая не по призванію, а ради денегъ, презирая и себя, и другихъ, Николай Петровичъ проводитъ жизнь въ постоянномъ резонерствѣ и запояхъ, которые приводятъ его, въ концѣ концовъ, къ бѣлой горячкѣ и преждевременной смерти. Отъ природы умный и размышляющій, съ вѣчной тревогой души, онъ томится „проклятыми вопросами" и разрѣшаетъ ихъ безконечной цѣпью то банальныхъ, то остроумныхъ софизмовъ, которые, вмѣстѣ съ кахетинскимъ, растлѣвающе дѣйствуютъ на неокрѣпшую мысль и неустановившійся характеръ юноши. Юноша явился въ Петербургъ, чтобы учиться, полный вѣры въ себя и въ жизнь, но въ самомъ началѣ новаго пути встрѣтилъ Николая Петровича и, не будучи стоекъ по природѣ, подпалъ подъ его вліяніе. „Какая цѣль вашей жизни?"—приставалъ ко всѣмъ Николай Петровичъ, и затѣмъ, огорошивъ собесѣдника этимъ вопросомъ, начиналъ доказывать ему, что все на свѣтѣ тлѣнъ и суета, и сама жизнь—тлѣнъ и фата-моргана, надъ которой, въ сущности, задумываться не стоитъ. „И я чувствовалъ,—разсказываетъ молодой человѣкъ,—какъ я—бодрый, здоровый, сильный—вдругъ пошелъ, какъ пойманная на удочку рыбка, за этимъ слабымъ, за этимъ не знающимъ куда идти человѣкомъ. За кружкой сквернаго пива въ скверной портерной, развертывая предо мной картины всей гадости человѣческаго общежитія, онъ говорилъ вчера, что вся наша жизнь—не

что иное, какъ обманчивая фата-моргана. Сады, дворцы и башни, отражающіеся радужными красками въ нашихъ умахъ и сердцахъ, все это—воздушное отраженіе предметовъ совсѣмъ непрекрасныхъ".

Понятно, какъ должны были подѣйствовать на молодого человѣка рѣчи Николая Петровича при отсутствіи другихъ благотворныхъ вліяній. Занятія науками не пошли на ладъ, живая товарищеская среда не захватила его своими бодрыми настроеніями жизнерадостнаго труда и беззаботнаго смѣха. Прошло нѣкоторое время, и домашнія дѣла увлекли его на родину, и онъ вернулся туда къ практической дѣятельности уже не прежнимъ беззаботнымъ юношей, а человѣкомъ съ зачатками преждевременной душевной старости, скептикомъ до глубины души. И, мучась противорѣчіями, онъ по достоинству оцѣнилъ ядовитое вліяніе софизмовъ Николая Петровича, унесшихъ съ собою нетронутый запасъ его молодой отваги и воли. Онъ проклиналъ Николая Петровича за то, что тотъ привилъ ему „страсть къ напитку самаго скверпаго и вреднаго сорта, къ напитку, называемому жгучимъ сомнѣніемъ". Жгучее сомнѣніе—оборотная сторона отсутствія міровоззрѣнія, слабости волевыхъ импульсовъ, разброда мыслей и чувствъ. Молодой человѣкъ—мы называемъ его такъ, хотя онъ разсказываетъ о себѣ лѣтъ двадцать спустя—это типичный чеховскій интеллигентъ, уже обрисовавшійся на фонѣ русской жизни какъ разъ къ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Плывя по теченію, этотъ интеллигентъ (но не интеллигенція, Бога ради!) мучится безконечными противорѣчіями, сводящимися къ вопросу—„Цѣль вашей жизни?"—и естественно не можетъ примирить два подвертывающихся отвѣта: одинъ—„не въ слѣпой покорности судьбѣ, во всякомъ случаѣ!" и другой—конечная цѣль жизни есть опьяненіе, источникъ забвенья и полета въ міръ призрачныхъ представленій и сознательнаго самообмана.

Примирить эти противорѣчія, дѣйствительно, было невозможно, но въ нихъ уже намѣчались знаменательные прообразы тѣхъ путей, по которымъ вслѣдъ затѣмъ разошлись чеховскіе и не-чеховскіе интеллигенты: путь трезвой реальной борьбы и путь разнаго рода метафизическихъ, символическихъ и иныхъ опьяненій... Но въ превосходно удавшемся изображеніи у г. Лугового образъ отравленнаго „жгучимъ сомнѣніемъ" интеллигента носитъ на себѣ явные признаки того же ущерба жизни, какой мы отмѣтили выше и въ двухъ приведенныхъ разсказахъ.

Но, можетъ быть, г. Луговой не только даетъ изображеніе извѣстнаго типа, но и ставитъ роковой вопросъ о цѣли нашей жизни, на который самъ онъ, при этомъ, не даетъ отвѣта. О, тогда другое дѣло: наше время есть время именно жгучихъ и безконечныхъ

споровъ о цѣлесообразности жизни, объ ея ближайшихъ и дальнѣйшихъ цѣляхъ. Сознательность отношенія къ этимъ вопросамъ никогда не была такъ животрепещуща и важна. И еслибы современные идеалисты и реалисты захотѣли рѣшить поставленный г. Луговымъ вопросъ, не отрѣшаясь отъ тѣхъ условій, съ которыми онъ связанъ, они, весьма возможно, примирились бы на той немудреной, но существенно важной формулѣ, что цѣль человѣческой жизни заключается прежде всего въ томъ, чтобы эта жизнь не терпѣла ни въ какомъ отношеніи ущерба, чтобы личность развивалась всесторонне и гармонично, и чтобы непремѣннымъ условіемъ ея развитія былъ сознательный и общественно-полезный трудъ, столь же необходимый для радостнаго процесса жизни, какъ и борьба съ тѣми препятствіями, которыя стоятъ на пути къ достиженію этого общаго всему человѣчеству идеала.

III.

— Петръ и Алексѣй. Д. С. Мережковскаго. Спб. 1905.

Романъ Д. С. Мережковскаго, завершившій его „трилогію", интересенъ во многихъ отношеніяхъ. Въ основу его положена большая и вдумчивая работа надъ эпохой, признаваемой одной изъ труднѣйшихъ въ дѣлѣ историческаго изученія. Сами историки далеко не установили безспорнаго отношенія къ самому факту Петровской реформы, ея объему и значенію для послѣдующаго развитія Россіи. Личность царя-преобразователя неотступно стояла между изслѣдователями и фактами реформы и вносила невольный субъективный элементъ въ аналитическую работу. Историки то восторгались этой личностью, сводя значеніе реформы къ источнику его желѣзной воли и геніальной прозорливости, то, наоборотъ, вскрывали историческую подпочву, на которой реформа должна была выросли логически-неизбѣжно, и личность царя сводилась къ роли орудія исторической необходимости; западническія и славянофильскія построенія дѣлали то или иное отношеніе къ Петровской реформѣ своего рода оселкомъ, при посредствѣ котораго строилась система опредѣленнаго общественнаго міросозерцанія. Столь же различно относились и біографы Петра къ характеристикѣ его нравственнаго склада: обычныя рамки не могли вмѣстить всего поражающаго разнообразія чертъ, изъ которыхъ складывается его образъ. Въ одно и то же время великій и ничтожный, могучій и безсильный, честный и двоедушный, добрый, даже нѣжный и жестокій до свирѣпости, открытый и довѣрчивый и до болѣзненности подозрительный—Петръ заключалъ въ себѣ, повидимому, всю

гамму свойствъ человѣческой природы во всевозможныхъ сочетаніяхъ и противорѣчіяхъ. Самое глубокое изученіе не устраняло значительнаго ирраціональнаго элемента, дѣлавшаго личность Петра загадкой не только для современниковъ, но и для потомства. Загадочность его натуры является главнѣйшей чертой, нашедшей художественное выраженіе въ романѣ и весьма удачно проведенной.

Петръ является одинаково страшной загадкой на праздникѣ богини Венусъ, въ мастерски обрисованной сценѣ своего перваго появленія передъ читателемъ при встрѣчѣ съ царевичемъ, въ жуткой обстановкѣ дикости и проблесковъ культурныхъ стремленій, пышности и варварскихъ привычекъ, въ атмосферѣ разгула, раболѣпія и произвола. Жутко-загадоченъ Петръ и въ интимной домашней обстановкѣ своимъ душевнымъ одиночествомъ, подозрительностью и припадками; но всего болѣе загадоченъ онъ въ отношеніяхъ къ царевичу Алексѣю. Художникъ сумѣлъ передать стремительность перехода Петра отъ одной мысли къ другой, неустойчивость въ настроеніяхъ, вѣчныя колебанія и противорѣчія, обличавшія глубокую внутреннюю борьбу. Петръ и любилъ Алексѣя, и ненавидѣлъ его, и какъ будто стѣснялся съ нимъ, наслѣдникомъ своего престола, и презиралъ его за малодушіе и физическую и умственную слабость; онъ и раскрывалъ передъ нимъ душу, и лукавилъ, и пріучалъ къ „дѣлу государеву", и спаивалъ на своихъ попойкахъ. Одной опредѣленной черты нельзя было уловить изъ отношеній Петра къ Алексѣю,—они колебались, какъ колебался и самый образъ Петра, волнуемый стихійной борьбой противоположностей его натуры.

Въ изображеніи г. Мережковскаго этотъ колеблющійся образъ далъ, какъ на фотографической пластинкѣ, нѣкоторую расплывчатость въ одну и въ другую сторону. Можетъ быть, причиною этого было то, что колебаніе было не только въ объектѣ воспроизведенія, но и въ самомъ воспроизводящемъ аппаратѣ, а можетъ быть—большей ясности изображенія помѣшало то настроеніе, та призма зрѣнія, сквозь которую Петръ, какъ и Алексѣй, въ значительной степени, рисуются воображенію читателя изъ романа. Въ большинствѣ главъ, въ которыхъ собственно и развивается художественное дѣйствіе романа, читатель не выходитъ изъ атмосферы чего-то искусственнаго, болѣзненнаго, словно насыщеннаго испареніями алкоголя и ладана; отъ этого кружится голова, въ глазахъ появляются круги и лица, освѣщенныя искусственнымъ свѣтомъ, кажутся искаженными, блѣдными, фигуры—вялыми. Искусственность освѣщенія—особенность творческой кисти г. Мережковскаго. Если искать параллелей въ другихъ видахъ искусства, его можно было бы по колориту сравнить съ извѣстнымъ Пювисъ-де-Шаваномъ, еслибы его не отличала отъ французскаго худож-

ника любовь къ исключительнымъ эффектамъ и слишкомъ подчеркнутое стремленіе къ параллелизму между событіями людской жизни и явленіями природы.

Въ изображеніи г. Мережковскаго Петръ менѣе всего „преобразователь“ Россіи: онъ—въ корнѣ ломаетъ устои прежней жизни, попираетъ ногами священныя традиціи предковъ, нарушаетъ благочестіе, словомъ, всячески искажаетъ обликъ стараго житія. Мы видимъ Петра въ домашней жизни, на попойкахъ, за рабочимъ станкомъ, въ адмиралтействѣ, догадываемся, что по его указамъ и эстафетамъ тамъ, въ глубинѣ Россіи, приводятся въ движеніе десятки и сотни тысячъ людей, призванныхъ творить какую-то громадную и невполнѣ для нихъ ясную работу, но какова она въ дѣйствительности, въ чемъ заключается ея значительность и цѣнность,—этого мы не видимъ. Художникъ, можетъ быть, не хочетъ становиться въ положеніе историка и брать на себя трудъ возсоздавать новую группировку государственно-общественныхъ явленій, создававшуюся вокругъ царя. Сосредоточивая весь интересъ на личности Петра, онъ естественно не принимаетъ въ разсчетъ того состоянія умовъ извѣстной части русскаго общества, которое уже выражало созданную всѣмъ предшествовавшимъ ходомъ развитія потребность въ коренныхъ преобразованіяхъ государственной и общественной жизни. Вмѣсто этого художникъ предпочитаетъ поставить читателя въ толпу современниковъ и смотрѣть на Петра такъ, какъ смотрѣли на него они, испытывая на себѣ его тяжелую, мозолистую руку, видя лишь внѣшніе пріемы его дѣятельности, слыша объ его странномъ нравѣ, по своему объясняя его новшества и не умѣя отличить ничтожнаго отъ великаго, узко личнаго отъ громаднаго по объему мысли и сферѣ практическаго приложенія. Слышитъ читатель—много толкуютъ въ народѣ о Петрѣ, какъ о поругателѣ старины и древняго благочестія, и среди темной суевѣрной массы облекается въ новую форму древній миѳъ объ антихристѣ; толкуютъ темные, но объятые мистическимъ страхомъ грядущихъ событій людишки о „звѣриномъ числѣ“, о близкомъ концѣ міра и времени пришествія антихриста,—и ослѣпленная фанатизмомъ и безсильной злобой мысль связываетъ въ народной молвѣ образъ лютѣйшаго врага Христова съ образомъ Петра... Слышитъ читатель темные, недобрые слухи о томъ, какъ царь мучитъ народъ, тѣснитъ налогами, губитъ въ непрерывныхъ походахъ да въ нелѣпыхъ затѣяхъ, вродѣ постройки столицы на болотѣ, у края студенаго моря,—и самъ, поддаваясь увлекательности разсказа, проникается жалостью и болью за народное горе и жуткимъ недоумѣніемъ по поводу всего, что онъ слышитъ отъ царя и о царѣ. И еслибы г. Мережковскій удержалъ читателя на этой позиціи, въ его пріемѣ можно было бы усмотрѣть по-

слѣдовательный и тонкій художническій разсчетъ. Но г. Мережковскій повелъ своего читателя гораздо дальше, куда не проникали люди изъ толпы, современники Петра: г. Мережковскій попытался раскрыть предъ читателемъ и сердце, и сокровеннѣйшія думы Петра, и не только дать почувствовать, но и объяснить страшную драму, разыгравшуюся въ его душѣ. Могъ ли художникъ брать на себя эту задачу? Безспорно, но здѣсь онъ уже неминуемо становился на другую точку зрѣнія и долженъ былъ пускать въ дѣло иные пріемы. Въ первой половинѣ своей задачи художественный анализъ сосредоточивался на томъ впечатлѣніи, какое производилъ Петръ на своихъ современниковъ, на разнообразіи ихъ мнѣній, на всевозможныхъ комбинаціяхъ сужденій, взглядовъ, предположеній; передъ художникомъ былъ неистощимый матеріалъ, изъ котораго онъ могъ свободно черпать необходимыя черты. Вторая задача была неизмѣримо сложнѣе и глубже: необходимо было заглянуть въ душу *подлиннаго* Петра, того Петра, какимъ, по крайней мѣрѣ, его знаютъ историки. Передъ историками, если отбросить роль историческаго воображенія, образъ Петра распадается на громадное количество большихъ и малыхъ обрывковъ, окаменѣлыхъ мыслей, застывшихъ чувствъ, замершихъ движеній воли; какъ личность, Петръ для историковъ,—прежде всего то, что онъ самъ писалъ, а затѣмъ, что о немъ писали современники и ближайшіе потомки. Чтобы возсоздать изъ всѣхъ этихъ фрагментовъ живой и цѣльный образъ, надлежало неподвижные памятники превратить въ біеніе сердца, порывы мысли, звучащія слова, надлежало взять духъ изъ мертвой груды письменъ и одухотворить имъ неподвижный образъ такъ, чтобы онъ весь загорѣлся жизнью, загорѣлся чувствами и волей—и ожилъ...

Этого г. Мережковскому не удалось сдѣлать. Насколько образъ Петра живъ и ярокъ въ тѣхъ сценахъ, гдѣ художникъ его наблюдаетъ *со стороны*, настолько онъ является безжизненнымъ и скучноблѣднымъ тамъ, гдѣ г. Мережковскій берется изображать внутренній міръ Петра, такъ сказать, съ натуры и заставляетъ его говорить языкомъ писемъ и указовъ. Дневники, подлинные документы, пространныя выписки—все это представляется въ романѣ грудой историческихъ прозаизмовъ, среди которыхъ расплываются многія поистинѣ великолѣпныя сцены. Эти сцены впадаютъ въ непримиримое внутреннее противорѣчіе съ „историческими матеріалами“. Послѣднее лишаетъ романъ его архитектурной стройности, а первыя не даютъ ему сдѣлаться исторической хроникой,—отчего мѣстами получается впечатлѣніе чего-то непроработаннаго, спѣшно нагроможденнаго, полусырого...

Душевная драма Петра, нароставшая и развивавшаяся многіе

годы, представлена въ романѣ слишкомъ схематично. Алексѣй становится жертвой служенія Петра отдаленному идеалу преобразованной, сильной и славной Россіи. Г. Мережковскій изображаетъ сцену, которая не очень вяжется съ его же образомъ нечестиваго, даже богохульнаго Петра, гдѣ царь, борясь и рѣшая участь сына, падаетъ ницъ передъ иконой и взываетъ молитвенно: „да падетъ сія кровь на меня одного! Казни меня, Боже,—помилуй Россію!“ Умѣстныя въ какомъ-нибудь приказѣ, отданномъ войскамъ передъ битвой, слова эти отзываются здѣсь мелодрамой. Техникъ государственной структуры, Петръ менѣе всего былъ теоретикомъ-идеалистомъ, и, судя по всему, что извѣстно объ отношеніяхъ отца и сына, нельзя допустить, чтобы этотъ мотивъ государственнаго служенія не уравновѣшивался элементомъ застарѣлаго личнаго раздраженія и ненависти, усилившихся съ годами. Эта личная сторона, составлявшая по-истинѣ нечеловѣческую драму въ душѣ Петра, недостаточно раскрыта въ романѣ, и художникъ относитъ слишкомъ много на долю загадочности натуры Петра, оставляя скрытыми внутреннія перипетіи борьбы. Вообще, это сюжетъ титаническій, достойный Шекспировой кисти.

Сгущая краски въ изображеніи Петра и окружая его атмосферой тяжелыхъ и мрачныхъ предчувствій, въ которыхъ принимаетъ участіе сама природа, г. Мережковскій допускаетъ извѣстную степень идеализаціи по отношенію къ царевичу Алексѣю. Образъ его очерченъ во многихъ отношеніяхъ съ большимъ искусствомъ и, еслибы не общая растянутость романа, могъ бы произвести впечатлѣніе цѣлостное и яркое. Царевичъ Алексѣй, въ изображеніи г. Мережковскаго, человѣкъ отъ природы кроткій и далеко не глупый, а въ извѣстныхъ случаяхъ проницательный и самоотверженный, только уродливое воспитаніе и неумѣренная и суровая, не считавшаяся съ особенностями натуры царевича, требовательность отца къ дѣламъ воинскимъ и государственнымъ, наложили на него тяжелую печать, озлобили и вызвали тупое, пассивное упорство. Въ то время, какъ Петръ прозрѣвалъ широкія государственныя перспективы, требовавшія неустанныхъ трудовъ и великой рѣшимости и зоркости отъ тѣхъ, кому предстояло продолжать его дѣло, царевичъ Алексѣй тупымъ и враждебнымъ взглядомъ смотрѣлъ на работу отца и не возвышался въ ея оцѣнкѣ надъ суевѣрными толками злорадныхъ поповъ, юродивыхъ да разной придворной челяди. Слабый, обычно полупьяный, онъ, подъ бредни старухъ и суевѣрныя причитанья ослѣпленныхъ фанатиковъ, рисовалъ себѣ идеалъ царствованія въ видѣ тихаго и мирнаго усадебнаго житія, въ которомъ ни онъ не посягалъ бы на вѣками установившійся укладъ народной жизни, ни самъ не испытывалъ бы на себѣ бремени обязанностей, подъ тяжестью которыхъ гнулась и же-

лѣзная натура Петра. Картины, въ которыхъ изображаются дѣтство и воспитаніе царевича и позднѣйшій строй его жизни, когда въ отсутствіе батюшки онъ жилъ по своей волѣ, полны настроеніемъ невозмутимаго покоя, доморощенной помѣщичьей нѣги, библейской мечтательностью, дремотой и застоемъ мысли. Онѣ принадлежатъ къ лучшимъ въ романѣ, какъ и картины старой Москвы, заброшенной Петромъ и представлявшей послѣ пожаровъ „мерзость запустѣнія". Царевичъ ясно сознавалъ свои связи со старой, косной, но, какъ ему казалось, благочестивой Москвой; ко всему, на чемъ лежалъ отпечатокъ новизны и критической мысли, онъ относился растерянно и боязливо; въ романѣ есть превосходное сравненіе: слышитъ царевичъ разсказы о теоріяхъ, порожденныхъ въ Европѣ ученіями Коперника, Ньютона, Лейбница,—„и ему казалось, что въ этой бесѣдѣ происходитъ съ мыслями то же, что со снѣгомъ во время петербургской оттепели: все расползается, таетъ, тлѣетъ, превращается въ слякоть и грязь, подъ вѣяніемъ гнилого западнаго вѣтра". Такъ реагировалъ Алексѣй на животрепещущіе вопросы просвѣщенія и науки въ то время, какъ Петръ прорубалъ окно въ Европу. Конфликтъ былъ неизбѣженъ, но въ этомъ конфликтѣ царевичъ игралъ, по роману, не столько роль фатальной стороны, которой недаромъ боялся Петръ, сколько роль несчастной, загнанной жертвы, павшей подъ вліяніемъ безумной страсти къ „дворовой дѣвкѣ Афроськѣ". Эта Афроська очерчена жизненно и мѣтко, какъ и Петръ Андреевичъ Толстой", который такъ и встаетъ передъ читателемъ. Нельзя того же сказать о раскольничьемъ элементѣ, искусственно введенномъ въ романъ и мало связанномъ съ нимъ внутреннимъ соотношеніемъ. Интересныя сами по себѣ въ бытовомъ отношеніи, картины изъ раскольничьей жизни проникнуты особымъ мистическимъ колоритомъ, который заставляетъ вести разсказъ въ приподнятомъ тонѣ и недостаточно вяжется съ глубокимъ жизненнымъ реализмомъ драмы между отцомъ и сыномъ.

Мы не касаемся здѣсь значенія романа, какъ заключительной части „трилогіи",—объ этомъ пришлось бы говорить особо. Но и взятое само по себѣ, новое произведеніе Д. С. Мережковскаго исполнено большого интереса и представляетъ во всякомъ случаѣ выдающееся литературное явленіе послѣдняго времени.

IV.

— Дерюжинскій, В. Ѳ. — Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи. Спб. 1906.

Въ этой книгѣ авторъ собралъ свои статьи, напечатанныя въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ и въ „Вѣстникѣ Европы". „Написанные въ мрачный періодъ расцвѣта реакціонной политики, задержавшей и извратившей спокойный ходъ нашего общественнаго развитія, очерки эти, — говоритъ г. Дерюжинскій, — при всемъ разнообразіи ихъ темъ и предметовъ, проникнуты единствомъ мысли и стремленій. Авторъ исходилъ изъ твердаго убѣжденія въ томъ, — продолжаетъ г. Дерюжинскій, — что знакомство съ политическою исторіею другихъ народовъ составляетъ одну изъ главныхъ потребностей русскаго общества и что изъ области политической исторіи заслуживаетъ развитіе политической свободы въ ея различныхъ видахъ и проявленіяхъ".

Однѣ изъ этихъ статей уже значительно устарѣли, но другія могутъ быть прочитаны не безъ интереса. Такъ, весьма своевременно перечитать напечатанную въ 1893 году на страницахъ нашего журнала статью — „Публичные митинги въ Англіи". Авторъ приводитъ исторію митинговъ и выясняетъ ихъ значеніе въ политической жизни Англіи. Это значеніе образовалось не сразу, но въ концѣ концовъ правительство убѣдилось, что — „свободное обсужденіе, изъ котораго познается истина, есть право народа. Ему (авторъ цитируетъ Джефсона — The Platform; its Rise and Progress, London, 1892) принадлежитъ право собираться. Если у него есть неудовольствія, онъ имѣетъ право заявить о нихъ, чтобы они сдѣлались извѣстными и могли быть устранены. Если же нѣтъ достаточныхъ поводовъ къ недовольству, здравый смыслъ не замедлитъ явиться на выручку и положитъ конецъ такимъ митингамъ. Правительствамъ нечего опасаться свободнаго обсужденія, нечего бояться открытаго выраженія общественнаго мнѣнія; бояться приходится тогда, когда люди вынуждаются къ тайнымъ соединеніямъ, — вотъ гдѣ лежитъ опасность, а не въ свободномъ обсужденіи. Статья представляетъ собой преимущественно изложеніе упомянутой книги.

Можетъ имѣть значеніе и справка о свободѣ печати и судѣ присяжныхъ въ Англіи, хотя въ послѣднее время было уже много писано на эту тему. Останавливаясь на основныхъ чертахъ, характеризующихъ положеніе печати въ Англіи, авторъ истинной основой свободы печати въ этой странѣ считаетъ судъ присяжныхъ. Онъ приво-

дитъ мнѣніе лорда Кеніона о томъ, что сущность свободы печати очень проста: всякій можетъ огласить въ печати все, что двѣнадцать его согражданъ не считаютъ предосудительнымъ, но съ другой стороны — подлежитъ наказанію всякій за оглашеніе того, что въ глазахъ присяжныхъ является предосудительнымъ. „Наивно было бы думать,—говоритъ г. Дерюжинскій,—что это убѣжденіе явилось результатомъ спокойнаго и ровнаго развитія, безсознательнаго роста учрежденій. Нѣтъ, оно явилось результатомъ долгой борьбы, оно завоевано было трудами и усиліями нѣсколькихъ поколѣній". Авторъ и беретъ на себя задачу прослѣдить въ краткомъ очеркѣ важнѣйшіе моменты этой борьбы и указать на роль суда присяжныхъ въ исторіи развитія свободы печати въ Англіи. „Со времени изданія Libel Act'a 1792 года, если не считать короткаго періода реакціи въ эпоху французской революціи, — говоритъ г. Дерюжинскій въ заключительныхъ словахъ своего очерка,—англійская печать пользуется самою широкою свободою, которая, однако, не исключаетъ возможности преслѣдованія злоупотребленій этою свободою. На стражѣ какъ этой свободы, такъ и уклоненій отъ справедливаго и законнаго пользованія ею превыше всего стоитъ судъ присяжныхъ, безпристрастный и независимый, одинаково заинтересованный какъ въ охраненіи свободы печати отъ покушеній на нее, такъ и въ обереганіи чести, доброй нравственности и общественнаго порядка отъ людей, рѣшающихся употребить во зло великое орудіе печатнаго слова".

Кромѣ отмѣченныхъ въ книгѣ помѣщены очерки: „Верхняя палата во Франціи", „Печать во Франціи при Наполеонѣ I" (на основаніи книги Вельшингера—La censure sous le premier Empire, avec documents inédits), „Конституція третьей Республики", „Парнель и Ирландія", „Буланже и буланжизмъ", „Клемансо" и др.—Евг. Л.

V.

— Н. Н. Черненковъ. Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства. Выпускъ I-ый. Москва. 1905.

Эта небольшая, но весьма содержательная книжка составлена изъ статей, помѣщенныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ періодическомъ изданіи: „Саратовская Земская Недѣля". Цѣлью разсматриваемаго труда является изученіе крестьянскаго „двора" въ его двойственномъ характерѣ — семьи и хозяйства, — причемъ для выясненія даннаго предмета Н. Н. Черненковъ примѣнилъ новый пріемъ, заключающійся въ изученіи перемѣнъ, коимъ подвергаются однѣ и тѣ же конкретныя

крестьянскія семьи въ теченіе промежутка времени, отдѣляющаго одно изслѣдованіе этихъ семей отъ другого. Въ примѣненіи этого пріема нельзя, впрочемъ, не видѣть продолженія того стремленія къ болѣе глубокому уразумѣнію процессовъ экономической жизни Россіи, которое такъ ярко проявляется въ исторіи мѣстныхъ изслѣдованій крестьянскаго хозяйства. Первоначально мѣстныя изслѣдованія деревни ограничивались почти исключительно констатированіемъ различныхъ явленій, которыми характеризуется данная территорія, какъ цѣлая единица. Затѣмъ, изслѣдованія стали проникать въ глубь деревенской жизни, и подъ итогами и средними числами показали намъ живыхъ людей, хотя бы объединенныхъ въ группы по какому-либо важному семейно-хозяйственному признаку. Такія крупныя и пока еще очень слабо опредѣленныя экономическія группы домохозяевъ стали потомъ разбиваться на болѣе мелкія, характеризуемыя уже со многихъ сторонъ, и задача территоріальнаго изученія крестьянскаго хозяйства вообще осложнялась болѣе и болѣе изслѣдованіемъ конкретныхъ типическихъ хозяйственныхъ группъ населенія. Если позволительно примѣнить сюда аналогію съ явленіями развитія естественныхъ наукъ, то можно бы сказать, что, какъ анатомія и физіологія начали изученіе подлежащихъ явленій съ организма животнаго, какъ цѣлаго, и потомъ проникли до мельчайшихъ микроскопическихъ элементовъ, сочетаніемъ коихъ созидаются строеніе и жизнь цѣлаго,—такъ и развитіе экономической науки привело въ концѣ концовъ къ изученію того элементарнаго экономическаго организма, семьи - хозяйства, которое образуетъ основную ячейку, какъ бы гистологическій элементъ ткани общества. Всѣ эти групповыя и комбинаціонныя таблицы земской статистики имѣютъ задачей возможное приближеніе изслѣдованія къ такимъ основнымъ ячейкамъ общественнаго организма.

Но данная группировка матеріаловъ подворныхъ переписей открываетъ средства изученія гистологическихъ, такъ сказать, элементовъ общества лишь въ одинъ, опредѣленный моментъ ихъ существованія. Когда же подворныя изслѣдованія крестьянскаго хозяйства стали повторяться и открыта была возможность наблюденій того, какія измѣненія претерпѣваетъ народная жизнь и въ какомъ направленіи совершается ея эволюція—земскіе статистики не могли удовольствоваться тѣмъ освѣщеніемъ этихъ вопросовъ, какое можно было сдѣлать, сравнивая состояніе крестьянскаго быта, цѣлой территоріи, въ два момента изслѣдованій. Такое сравненіе знакомитъ насъ лишь съ признаками и поверхностными результатами происходящей эволюціи, но не съ тѣми процессами, которые совершаются въ глубинѣ народной жизни и которые привели къ данному результату. Процессы эти заключаются въ метаморфозѣ тѣхъ основныхъ ячеекъ, семей-хозяйствъ,

которыя составляютъ какъ бы гистологическіе элементы тканей общественнаго организма. Раньше или позже, мѣстные изслѣдователи должны были обратиться къ изученію этихъ метаморфозъ; по отдѣльнымъ вопросамъ кое-когда они даже примѣняли этотъ пріемъ; но честь перваго проведенія этого пріема по всѣмъ вопросамъ подворнаго изслѣдованія принадлежитъ саратовскому земскому статистику, Н. Н. Черненкову. Тотъ же пріемъ былъ примѣненъ затѣмъ при повторныхъ переписяхъ крестьянскаго хозяйства въ вятской губерніи. Примѣненіе даннаго метода требуетъ, какъ это само собой разумѣется, наблюденія за судьбой каждаго хозяйства данной территоріи, дополеннаго изученіемъ новыхъ хозяйствъ, появившихся въ этомъ районѣ. Попытка такого наблюденія была сдѣлана Н. Н. Черненковымъ при переписи въ 1897 г. шести волостей петровскаго уѣзда, саратовской губерніи. Такъ какъ за три года до этого данный районъ былъ уже подвергнутъ подворному описанію, и въ рукахъ г. Черненкова находились карточки отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ переписи 1894 года, то земскимъ статистикамъ не составило затрудненія собрать свѣдѣнія о томъ, что представляли изъ себя эти семьи въ 1897 г., и получить такимъ образомъ матеріалъ, рисующій ихъ положеніе въ два момента времени. Изученіе этого матеріала показало, что, несмотря на краткій срокъ (три года), отдѣлявшій одну перепись отъ другой,—въ жизни семей даннаго района произошли очень крупныя измѣненія, о которыхъ нельзя получить никакого понятія, сравнивая лишь конечные итоги двухъ изслѣдованій. Такое сравненіе, напр., показываетъ, что число наличныхъ домохозяйствъ (7019 въ 1894 г.) возросло къ 1897 г. на 183. А если прослѣдить тѣ процессы, результатомъ коихъ было это приращеніе числа семей, то окажется, что они коснулись 811 семей 1894 г. Процессы эти заключались въ полномъ исчезновеніи 173 домохозяйствъ, въ удаленіи съ мѣста жительства 175 семействъ, въ раздѣленіи 463-хъ семей на 954, въ удаленіи на сторону 68-ми изъ этихъ раздѣлившихся семей, и, наконецъ, въ возвращеніи на родину 108 семей, жившихъ на сторонѣ. Массовыя наблюденія тѣхъ перемѣнъ, какія происходятъ въ конкретныхъ семьяхъ - хозяйствахъ, открываютъ, такимъ образомъ, новую главу въ изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства.

Первый выпускъ разсматриваемаго нами труда посвященъ вопросу о крестьянской семьѣ - хозяйствѣ, при чемъ на основаніи земскихъ переписей авторъ изслѣдуетъ вопросъ о численномъ составѣ крестьянскихъ семей и о предполагаемой тенденціи крестьянской семьи къ измельчанію, а затѣмъ, пользуясь данными военно-конскихъ переписей, онъ приступитъ къ разсмотрѣнію вопроса о такъ называемомъ разслоеніи крестьянства, столь запутаннаго новѣйшими трактованіями этого пред-

мета съ предвзятыхъ точекъ зрѣнія. Было время, когда, при отсутствіи точныхъ свѣдѣній о положеніи народа, крестьянская масса рисовалась намъ болѣе или менѣе однороднымъ слоемъ, надъ которымъ выдѣлялись отдѣльные кулаки и міроѣды, ее эксплоатировавшіе. Болѣе точныя наблюденія, однако, разрушили это понятіе и показали, что крестьянская масса состоитъ изъ группъ очень различныхъ въ хозяйственномъ отношеніи. Эта разнородность крестьянской массы первоначально принималась просто какъ фактъ; но въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ широкое распространеніе въ нашей литературѣ „получило представленіе о постепенной дифференціаціи деревни и о значительной ея внутренней неоднородности, какъ результатѣ такой дифференціаціи“ (стр. 114). Несмотря на опредѣленность этого заключенія,—новое направленіе нашей общественной мысли, извѣстное подъ именемъ неомарксизма, проявилось въ литературѣ,—прежде всего рѣзкой критикой прежнихъ теченій за ихъ, будто бы, отрицаніе дифференціаціи въ крестьянской средѣ, и стало развивать идею о томъ, что эта дифференціація есть процессъ капиталистическаго разслоенія крестьянства, ведущій къ раздѣленію нѣкогда приблизительно однородной массы земледѣльцевъ на два враждебныхъ класса—сельской буржуазіи и сельскаго пролетаріата,—съ выпаденіемъ типа средняго крестьянина. Это рѣшительное заключеніе относительно *процесса* экономической эволюціи Россіи основывалось, однако, на наблюденіи того, что̀ представляло изъ себя крестьянство въ одинъ опредѣленный моментъ времени. Между тѣмъ какъ, очевидно, что для фактическаго изслѣдованія процесса развитія необходимо имѣть данныя, относящіяся къ различнымъ моментамъ. Заключенія неомарксистовъ о характерѣ разслоенія русскаго крестьянства слѣдуетъ, поэтому, считать не болѣе, какъ освѣщеніемъ даннаго положенія съ точки зрѣнія предвзятой теоріи, освѣщенія, подлежащаго фактической провѣркѣ. Говоря иначе, вопросъ о неоднородности состава крестьянскихъ хозяйствъ ждетъ еще изслѣдователей, которые должны выяснить статику и динамику этого явленія. Авторъ разсматриваемаго нами труда включилъ этотъ вопросъ въ рамки своего изслѣдованія и въ первомъ выпускѣ своей работы,—пользуясь данными военно-конскихъ переписей, — распредѣлилъ 300 уѣздовъ Россійской имперіи на группы, характеризующіяся различными отношеніями между числомъ малолошадныхъ и многолошадныхъ домохозяевъ. Здѣсь не мѣсто говорить подробно о содержаніи даннаго изслѣдованія, и мы ограничимся замѣчаніемъ, что, въ общемъ, авторъ не только не усмотрѣлъ параллельнаго распространенія въ крестьянскомъ быту высшихъ и низшихъ (по степени обезпеченности рабочимъ скотомъ) группъ домохозяевъ, характеризующаго то, что̀ называется дифференціацией,

но замѣтилъ какъ разъ обратное явленіе: „бо̀льшая численность высшихъ группъ сопровождается въ большинствѣ случаевъ меньшей численностью низшихъ, и наоборотъ, что крайнія группы до извѣстной степени какъ бы исключаютъ другъ друга“ (стр. 136). Въ данномъ выпускѣ авторъ ограничился констатированіемъ различныхъ географическихъ районовъ,—районовъ съ тѣми или иными отношеніями между высшими и низшими группами домохозяевъ; изученіе же причинъ такого распредѣленія районовъ, равно какъ и изслѣдованіе динамики крестьянскаго хозяйства, составитъ предметъ дальнѣйшей работы Н. Н. Черненкова.—Выражая искреннее желаніе скорѣйшаго продолженія интереснаго изслѣдованія, мы, въ заключеніе, напомнимъ, что многія, высказанныя авторомъ, соображенія и примѣненіе его пріемовъ изслѣдованія даннаго явленія можно найти въ одной старой журнальной работѣ („Изъ области крестьянскаго хозяйства“ въ журналѣ „Наблюдатель“, 1885 г., №№ 7—10).—В. В.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Бергъ, Л.—Высыхаетъ ли Средняя Азія? Спб. 905.

Благовидовъ, Ѳ. В. — Къ работѣ общественной мысли по вопросу о церковной реформѣ. Каз. 905. Ц. 50 к.

Богаевскій, П.—Красный Крестъ въ развитіи международнаго права. Ч. I: Національныя общества Краснаго Креста и Женевская конвенція 22 августа 1864 года. М. 906. Ц. 3 р.

Борисякъ, А.—Геологическій очеркъ Изюмскаго уѣзда и прилежащей полосы Павлоградскаго и Зміевскаго уѣздовъ. Съ картой. Спб. 905. Ц. 5 р.

Бородаевскій, С. В.—Учрежденіе мелкаго кредита въ 1903 году. Спб. 905. Цѣна 10 к.

Бухъ-Полтесъ.—Механико-экономическая перепись. Харьк. 905. Ц. 30 к.

Бушъ, Н. А.—По скаламъ Андійскаго Дагестана. Спб. 905.

Введенскій, Дмитрій.—Тайна смерти малютокъ. Въ утѣшеніе родительской скорби. Св.-Тр. Серг. Лавра. 906. Ц. 30 к.

Ганкебушъ, М. М.—Воскресающій Лазарь. Русско-польскій недугъ. М. 906. Цѣна 1 р.

— Дашковъ, Дм. Дм., какъ общественный дѣятель. Спб. 905. Ц. 35 к.

Де-Волланъ, Григ.—Въ странѣ Восходящаго Солнца. Очерки и замѣтки о Японіи. Съ рис. 2-е изд., исправл. и дополн. Спб. 906.

Дерюжинскій, В. Ѳ. — Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи. Спб. 906. Ц. 2 р.

Дружининъ, Н. П.—Избиратели и народные представители. Общедоступный очеркъ конституціоннаго права, съ изложеніемъ предположеній о реформѣ въ Россіи, и закона о Государственной Думѣ. М. 906. Ц. 1 р.

Задёра, Г. П.—Самостоятельная дѣятельность фельдшеровъ. Спб. 905.

Зибертъ, Фр.—Книга для родителей. I. Матерямъ подростающихъ дочерей. Съ нѣм. д-ръ М. Ліонъ. Спб. 905. Ц. 40 к.

Карѣева, С.—Школьный историческій словарь. Составл. п. р. Н. И. Карѣева. Спб. 906. Ц. 2 р.

Книповичъ, Н.—Очеркъ работъ каспійской экспедиціи 1904 г. Спб. 905.

Коваленко, I. А.—Врачи и общество. Спб. 905. Ц. 40 к.

Кондратьевъ, А. И. — Краткій курсъ военной гигіены, со включеніемъ правилъ подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и на полѣ сраженія. Съ 167 рис. Изд. 2-е. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Лоріа, А.—Рабочее движеніе. Происхожденіе—Формы—Развитіе. Спб. 905. Цѣна 1 р. 50 к.

Матисенъ, А. А. — Путешествіе въ Персію въ 1904 г. и опись пути отъ Кермана до Бендеръ-Абаса. Спб. 905.

Новикъ, И. Д.—Современная конституція и Положеніе о Государственной Думѣ. М. 906. Ц. 2 р.

Новомбергскій, Н.—Освобожденіе печати во Франціи, Германіи, Англіи и Россіи. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Пири, Р. Е. — По большому льду къ сѣверу. Съ 8 карт. и 357 рис. Съ англ., п. р. Беркоса. Спб. 906. Ц. 3 р.

Поповъ, А. И.—Отечественная война 1812 года. Т. I: Сношенія Россіи съ иностранными державами предъ войною 1812 года. М. 905. Ц. 4 р.

Пуришкевичъ, В. Т.—Русская печать на зарѣ обновленія. Спб. 905.

Розановъ, В.—Около церковныхъ стѣнъ. Въ 2 том. Т. I. Спб. 906. Ц. 2 р.

Рудановскій, А.—Конституція истинной свободы. М. 905. Ц. 20 к.

Рудольфъ, Н. Ѳ.—Значеніе начальной школы въ распространеніи доступнаго промышленнаго образованія. Спб. 905.

Скальковскій, К.—Воспоминанія молодости. По морю житейскому. 1843—1869 гг. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, гр. Л. Л.—Драматическія сочиненія. Т. I. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Тотоміанцъ, В. Ѳ. — Сводъ свѣдѣній о дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи вообще и за 1903 годъ въ частности. Спб. 905. Ц. 50 к.

Фоссъ, М.—Морская война. Съ чертежами. Перев. П. Гельмерсенъ. Спб. 906. Ц. 2 р.

Черненковъ, Н. Н.—Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства. Вып. I. М. 905. Ц. 80 к.

Чернышевскій, Н. Г.—Полное собраніе сочиненій въ 10 томахъ съ 4 портретами. Т. VII: „Современникъ" 1860—1861 г. Основанія политической экономіи Д. С. Милля. Перев. съ примѣч. Спб. 905. Подписная цѣна—15 рублей.

Чеховъ, М. П.—Сироты. Повѣсть. Спб. 905. Ц. 20 к.

Шевыревъ, Ив.—Борьба съ короѣдами. 1. Загадка короѣдовъ. Спб. 905.

Шереметевъ, гр. Павелъ.—Замѣтки. 1900—1905. М. 906. Ц. 50 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Richard Dehmel. Ausgewählte Gedichte. Berlin, 1905 (Schuster u. Loeffler Verlag).

Поэтъ Рихардъ Демель стоитъ во главѣ современной нѣмецкой лирики, не примыкая, однако, вполнѣ ни къ одному изъ многочисленныхъ направленій современной нѣмецкой поэзіи. Онъ скорѣе объединяетъ то, что породило столь большую разрозненность, и переходитъ отъ лирики оттѣнковъ, отъ дифференціаціи ощущеній къ цѣлостной, синтетической поэзіи міровыхъ чувствъ. Въ лирикѣ Демеля сильно и ярко воплощенъ „послѣдовательный натурализмъ", представленный, кромѣ него, Арно Гольцемъ и Іоаннесомъ Шлафомъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ Демель создалъ лучшіе образцы современнаго нѣмецкаго нео-импрессіонизма, символизма и оргіазма, т.-е. всего славословящаго человѣка и жизнь. Онъ пользуется большой извѣстностью, какъ пѣвецъ на соціальныя темы, созерцающій съ глубокой скорбью, какъ угнетенъ трудъ среди людей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ воспѣваетъ гордое самочувствіе духа, утверждающаго себя, идущаго по пути саморазвитія, совершающаго свой законъ совершенствующейся личности для себя, а не для непосредственнаго блага другихъ.

Вышедшій недавно сборникъ избранныхъ стихотвореній Демеля даетъ ясное представленіе о сложномъ и въ то же время цѣльномъ творчествѣ поэта, и выясняетъ миссію, съ которой онъ идетъ къ людямъ. Всякій глубокій поэтъ возвѣщаетъ свою правду, и „правда" Демеля выдѣляетъ его изъ рядовъ его нѣмецкихъ современниковъ. Теперь въ Германіи много поэтовъ, но дифференціація въ искусствѣ такъ велика, что каждый замыкается въ опредѣленныхъ настроеніяхъ, видя уголки бытія, а не гармонію цѣлаго. Есть изысканные эстеты, какъ Стефанъ Жоржъ, есть изступленные поэты голоднаго пролетаріата, какъ Людвигъ Шарфъ со своими „Proletarienlieder",—но какъ поэтъ гармоніи бытія, соединенія индивидуализма съ стихійной цѣлью міра, Демель занимаетъ исключительное положеніе и по содержанію, и по законченности формъ.

Біографія Демеля, разсказанная имъ самимъ, не представляетъ никакихъ яркихъ внѣшнихъ переживаній, но, быть можетъ, именно пріобщеніе къ судьбѣ средняго человѣчества, сумма перемѣнныхъ удачъ и неудачъ сдѣлали поэта такимъ вдумчивымъ и чуткимъ къ

страданіямъ и мучительнымъ контрастамъ жизни. Рихардъ Демель родился въ 1863 году въ маленькомъ мѣстечкѣ Бранденбургской марки, учился сначала въ Берлинѣ, но ссорился съ начальствомъ, такъ какъ съ дѣтства отличался мятежнымъ нравомъ, и кончилъ курсъ гимназіи въ Данцигѣ. Студенческіе годы—онъ изучалъ философію и естественныя науки—онъ въ значительной степени долженъ былъ посвятить исканію средствъ къ жизни, редактировалъ, ради заработка, мелкую провинціальную газету и охотничью газету—въ Берлинѣ. Въ 1887 году онъ получилъ докторское званіе, написавъ диссертацію о страхованіи, и послѣ этого, въ теченіе семи лѣтъ, до 1895 года, служилъ секретаремъ въ одномъ страховомъ обществѣ; по его словамъ, сухая канцелярская служба пошла ему на пользу, научивъ его владѣть собой. „Со мной было то, что бываетъ съ пѣвчими птицами,—говоритъ онъ,—которыя, большей частью, только въ клѣткѣ вполнѣ развиваютъ свой голосъ“. За годы службы Демель издалъ свои первые три лирическихъ сборника, „Erlösungen“, „Aber die Liebe“, „Lebensblätter“, и тогда только, чувствуя себя на высотѣ своего художественнаго призванія, пройдя чрезъ искусъ самообладанія, онъ уступилъ охватившей его жаждѣ свободы—глубочайшему стимулу всякаго искусства, пѣнія птицы въ томъ числѣ, какъ онъ самъ говоритъ. Съ тѣхъ поръ онъ занимается исключительно литературой, написалъ нѣсколько сборниковъ стиховъ, двѣ драмы, писалъ дѣтскіе стихи въ сотрудничествѣ со своей первой женой, талантливой поэтессой Паулой Демель. Въ 1899 году онъ съ ней разошелся и женился вторично. Вопросъ о семьѣ, о соотношеніи любви и свободы, игралъ большую роль въ его личной судьбѣ, и потому такъ рѣзко выдвинутъ въ его поэзіи. Со своей второй женой Демель много путешествовалъ. Крупнѣйшее его произведеніе въ послѣдніе годы—романъ въ стихахъ „Zwei Menschen“, въ которомъ онъ стремится создать новую форму эпоса.

Въ поэзіи Демеля ясно намѣчены два, казалось бы, противоположныхъ основныхъ настроенія. Онъ чувствуетъ съ большой напряженностью то, что отдѣляетъ человѣка отъ человѣка, субъективность ощущеній, права души на полноту своихъ индивидуальныхъ переживаній, чувствуетъ таинственный смыслъ подвига, совершаемаго не для другихъ, а для того, чтобы вознестись въ духѣ, чтобы пріобщиться къ цѣли, лежащей внѣ осязательныхъ, осуществимыхъ въ явленіяхъ благъ. Но въ то же время душа его открыта для всего, что соединяетъ людей другъ съ другомъ. Онъ живо чувствуетъ всѣ формы единенія: чувство солидарности, которое возстаетъ противъ соціальной несправедливости, чувство, влекущее на служеніе людямъ—и всѣ другія нити, связующія человѣка съ человѣкомъ. Паѳосъ Демеля состоитъ въ томъ, что онъ стремится объединить субъективное съ человѣч-

нымъ и міровымъ. Путь отъ субъективнаго къ міровому онъ считаетъ путемъ блаженства, составляющаго цѣль человѣческаго существованія. Именно то, что онъ обхватываетъ контрасты духа, жажду отдѣльности и жажду сліянія, Демель и становится оргіастическимъ утвердителемъ жизни, пѣвцомъ блаженства жизни. Въ этихъ аккордахъ, въ паѳосѣ его исканій гармоніи между „я“ и міромъ, создается мелодія, включающая всю полноту жизненной силы, отзвуки наиболѣе разно звучащихъ струнъ. Высшимъ проявленіемъ этой жажды или этого провидѣнія гармоничной, блаженной человѣческой жизни является отношеніе Демеля къ любви. Его, пѣвца угнетеннаго трудящагося человѣчества, причисляютъ также къ самымъ крайнимъ декадентамъ, ставя ему въ упрекъ пламенный эротизмъ его пѣсенъ любви. Но основа его славословій любви—не „декадентская“: для эстета цѣль заключается въ самомъ ощущеніи, въ новыхъ оттѣнкахъ чувствъ, въ цѣнности самыхъ переживаній; для Демеля же тайна любви, соединяющей два существа,—самое совершенное воплощеніе міровой гармоніи, символъ пути отъ субъективнаго счастья къ блаженству единенія съ міровой жизнью.

„Пѣсни о другихъ“, въ которыхъ Демель воплощаетъ свою жажду земной справедливости, представляютъ собой по преимуществу картины яркихъ контрастовъ богатства и нищеты. Одно изъ наиболѣе характерныхъ стихотвореній въ этомъ родѣ носитъ названіе „Будущее“ и поражаетъ сочетаніемъ идиллическаго и мятежнаго мотивовъ. Это стихотвореніе ясно показываетъ, какъ поэтъ идеалистическихъ и оргіастическихъ настроеній относится къ рабочему вопросу, волнующему теперь міръ:

„Богатая женщина, благородная женщина, ты носишь подъ сердцемъ надежду и хотѣла бы радоваться, но боишься. Я вижу, какъ ты страдаешь, сидя при свѣтѣ благоуханныхъ свѣчей и вышивая шолковое покрывало для колыбели. Ты считаешь нити, серебристо-сѣрыя, черныя и красныя какъ кровь, и въ твоемъ воображеніи мелькаютъ тысячи рукъ, прядущихъ пряжу, тысячи сѣрыхъ материнскихъ рукъ. Онѣ прядутъ, прядутъ безъ конца. Я вижу, какъ ты мрачно киваешь головой и обводишь комнату темнымъ взглядомъ. Тысячи дѣтей проходятъ передъ твоимъ внутреннимъ взоромъ: они тихо крутятъ веревку, рано состарившись отъ голода и хрупкости. Ты видишь, какъ поднимаются отцы, видишь всѣхъ, которые должны жить въ уродствѣ для того, чтобы осуществилась красота; они нападаютъ на твое разукрашенное гнѣздышко. А знаешь ли, кто соткалъ эту кровавую нить? Ты бы среди смертельныхъ мукъ возрадовалась, еслибы могла видѣть, какъ, готовясь къ кровавому пиру, грязная рука рабочаго сжимаетъ твою бѣлую шею“.

Таково грозное возмездіе, которое рисуется поэту, когда ему становится страшно передъ зрѣлищемъ борьбы интересовъ, и когда онъ чувствуетъ, что справедливость должна быть возстановлена—хотя бы она и явилась подъ маской грознаго, гнѣвнаго насилія. И въ другихъ стихотвореніяхъ Демель становится глашатаемъ неправедно обойденнаго въ жизни рабочаго и выдвигаетъ самое вопіющее въ отношеніяхъ людей труда и тѣхъ праздныхъ людей, для которыхъ они трудятся. Стихотвореніе „Рабочій" написано отъ лица труженика: у него есть кровъ, есть семья, есть работа; онъ можетъ радоваться солнцу на небѣ—но для того, чтобы свободно, какъ птица, наслаждаться этимъ, ему недостаетъ одного—досуга. Чтобы быть прекрасными какъ птицы, которыхъ онъ видитъ на поляхъ въ воскресенье, ему и его женѣ недостаетъ только—всего того, что создается ихъ руками для другихъ. И въ этомъ стихотвореніи отражается такимъ образомъ жажда справедливости. Въ другихъ, пророчащихъ грядущую гармонію пѣсняхъ Демель свѣтло говоритъ о времени, когда „ни одинъ человѣкъ не будетъ кричать, что онъ голоденъ".

Правда общественнаго зла, нарушенія гармоніи неправеднымъ распредѣленіемъ благъ, не застилаетъ, однако, отъ взоровъ поэта внутреннюю трагедію жизни, трагедію личности, ея духовной жажды, несоизмѣримой съ требованіями и дарами жизни. Демель, поэтъ обездоленнаго рабочаго,—въ то же время поэтъ свободной личности, исполняющей свой внутренній законъ. Побѣдить трагизмъ жизни—не въ рукахъ человѣческихъ, ибо тутъ сталкиваются вѣчно непримиримыя начала: коренная неосуществимость желаній, неискоренимыхъ въ душѣ человѣческой. Самыя глубокія стихотворенія Демеля относятся къ этимъ мотивамъ—къ трагедіи героическаго духа, тщетно рвущагося къ высотамъ. Свое пониманіе таинственной гармоніи между свѣтлой тайной міра и мракомъ индивидуальныхъ и общественныхъ страданій Демель воплощаетъ наиболѣе поэтично и глубоко въ стихотвореніи „Трагическое видѣніе". Въ немъ воспѣвается красота безполезнаго, въ утилитарномъ смыслѣ, подвига, который однако нуженъ міру, какъ знакъ идеальнаго самоотверженія. Стихотвореніе написано свободнымъ стихомъ, безъ риѳмъ, но внутренняя мелодія преисполнена паѳоса и художественной красоты:

„Въ пустынѣ лежало множество людей. Они изнемогали отъ жажды и стонали. Только одна прекрасная дѣвушка съ безпомощными карими глазами переносила муки беззвучно; больше чѣмъ жажда, ее жгла жалость. Вдругъ, выростая на пламенномъ горизонтѣ, появился передъ толпой чужой человѣкъ. Онъ поднялъ вверхъ указательный палецъ. Изъ поднятаго дрожащаго кончика пальца вытекла большая капля крови; она текла, повисла и упала—упала въ песокъ.

Съ изумленіемъ взглянулъ народъ на чужого человѣка. Онъ долго стоялъ, и капля за каплей падала изъ его пальца въ песокъ. И каждый разъ, когда изливался кровавый источникъ, онъ содрогался и блѣднѣлъ. Они же изумлялись, и нѣкоторые взывали со стономъ: „Онъ смѣется надъ нами!“ Онъ же громко вскрикнулъ въ послѣднемъ огненномъ порывѣ: „Приходите же, пейте! Для васъ я истекаю кровью“. Но дѣвушка сказала, въ то время какъ онъ угасалъ: „Имъ нужна вода“.

И хотя людямъ нужна вода, поэта все же зоветъ духъ человѣческій на тѣ вершины самопознанія, когда въ пониманіи своей силы онъ обрѣтаетъ побѣду. Очень характеренъ и высоко настроенъ его „Горный псаломъ“, въ которомъ противополагается въ рѣзкихъ образныхъ контрастахъ скорбь духа, обращеннаго на „вѣчное и далекое“, и осязательныя страданія массъ: гармонію поэтъ находитъ не въ подчиненіи одного начала другому, а въ признаніи ихъ равнаго мірового значенія: поэтъ стоитъ на горной вершинѣ въ бурю, слышитъ свистъ вѣтра, и со своей одинокой высоты смотритъ внизъ, на свою далекую родину, и вверхъ, на тучи. И родина, и тучи одинаково влекутъ его къ себѣ: ему хотѣлось бы умчаться вмѣстѣ съ тучами, чтобы утолить въ бурѣ свои безмѣрныя, неясныя влеченія, но манятъ его къ себѣ также серебристое сверканіе рѣки и голубоватая дымка деревьевъ,— а изъ волшебнаго лѣса дѣтскихъ воспоминаній ясно зовутъ его взоръ и голосъ матери. Поэту кажется, что слишкомъ громкимъ становится призывъ земной родины, и что нельзя отдаваться своимъ смутнымъ влеченіямъ, когда цѣлый народъ стонетъ, взывая о ясности — дико и рѣзко. „На твои мечты о чистотѣ падаетъ насмѣшка труда: онъ борется, разъѣдаемый грязью“. И на этотъ роковой вопросъ о нравственныхъ правахъ индивидуализма, противопоставленнаго реальному долгу передъ человѣчествомъ, отвѣтъ поэта гласитъ: „Прояви *силу*, которая дана тебѣ, и ты будешь свободенъ отъ гнета вины“. Сила эта — сила любви; она „преображаетъ чашу пота и обвиваетъ цвѣтами крестъ труда“. Въ любви—единеніе каждаго въ отдѣльности съ цѣлымъ. Любовь „течетъ какъ кровь Спасителя“. „Духъ, стремись ввысь! Сердце, опустись внизъ, къ людямъ!“—восклицаетъ онъ, видя въ этомъ сочетаніи гармонію жизни.

Мѣняя образы, Демель часто возвращается къ двойственности души и признаетъ равноцѣнность обоихъ началъ. Въ стихотвореніи „Bastard“ сердце человѣческое кажется ему полу-чудовищнымъ дѣтищемъ вампира въ образѣ прекрасной юной женщины и бога солнца— исчадія тьмы и бога свѣта. Женщина-вампиръ проклинаетъ объятья бога солнца и, родивъ на свѣтъ человѣческую душу, шлетъ ей проклятье, которое звучитъ, однако, и благословеніемъ: „Твое сердце, человѣкъ, будетъ томиться желаніями, какъ томится сѣрая ночь,

ожидая перваго проблеска солнца. Въ твоихъ страстяхъ ты будешь жаждать чистоты душевной, какъ крови, — и сердце твое будетъ всегда рваться отъ тупой страсти къ свѣтлому пламени".

Въ лирикѣ Демеля, вмѣстѣ съ отраженіемъ антиномій жизни, есть много свѣтлыхъ пѣсенъ, посвященныхъ гармоніи бытія. Онъ пламенно вѣритъ въ жизнь и принимаетъ ее въ ея полнотѣ—со всѣмъ, что̀ возбуждаетъ гнѣвъ, и со всѣмъ, что̀ порождаетъ радость. Прекрасны его стихи, отражающіе тихость и проникновенность мирныхъ зрѣлищъ жизни. Таково стихотвореніе „Тихій городъ":

Въ долинѣ лежитъ городъ. Проходитъ блѣдный день. Еще недолго—и на небѣ не будетъ ни мѣсяца, ни звѣздъ—а одна только ночь.—Со всѣхъ горъ спускаются туманы и давятъ своей тяжестью на городъ. Ни кровель, ни домовъ не видно въ туманѣ. Ни одинъ звукъ не проходитъ сквозь облака,—едва-едва видны башни и мосты. Но когда путнику стало страшно, въ глубинѣ засвѣтился огонь. И сквозь дымъ и туманъ прозвучало тихое славословіе изъ устъ ребенка. Эта „нота-утѣшеніе" въ мысли о дѣтяхъ очень часто звучитъ у Демеля. Его дѣтскія пѣсни чрезвычайно поэтичны сами по себѣ—и въ его міропониманіи онѣ имѣютъ глубокое значеніе: ребенокъ со своимъ безсознательнымъ душевнымъ равновѣсіемъ является залогомъ міровой гармоніи и связанной съ нею красоты.

Въ поэзіи Демеля мощно звучитъ эротическій мотивъ—прославленіе любви и страсти. Превознося святость всего сущаго, оправдывая человѣка въ его стремленіи къ духовному самоусовершенствованію, также какъ возглашая о правахъ массъ на справедливость, поэтъ видитъ величайшій знакъ единенія человѣческой души съ міровою въ любви, соединяющей инстинктъ индивидуализма съ жаждой найти себя въ другомъ существѣ. Его отношеніе къ любви—не слѣпо чувственное, какъ въ поэзіи французскихъ эротиковъ: оно поднято на высоту космическаго чувства, проникнуто религіозностью. Въ любви поэтъ видитъ путь къ самопознаванію, путь къ свободѣ, соединяющей личное съ общимъ,—и путь къ пониманію міровового блаженства, отраженнаго въ счастьѣ двухъ любящихъ существъ. Въ связи съ любовью Демель выдвигаетъ вопросъ о семьѣ, о дѣтяхъ, объ отношеніяхъ, создаваемыхъ узами крови. И во всѣхъ отвѣтахъ на коренные вопросы Демель провозглашаетъ свободу—во имя грядущаго. Дѣти правы передъ отцами: въ своемъ стихотвореніи къ сыну, поэтъ учитъ его быть свободнымъ („Будь собой, будь собой!"... не слушайся стараго отца). И каждый человѣкъ долженъ возлюбить свободу и превозмочь все вчерашнее во имя вѣчнаго „завтра". Жажда свободы для Демеля священна, потому что въ ней—залогъ побѣды надъ вчерашнимъ и сегодняшнимъ во имя завтрашняго. Въ

этомъ влеченіи къ далекому есть, конечно, сильное вліяніе Ницше съ его проповѣдью „преодолѣванія себя“, во имя грядущаго совершенства.

Глубже всего Демель подходитъ къ проблемѣ эротизма въ „Zwei Menschen“, романѣ въ стихахъ. Три части этого обширнаго поэтическаго произведенія состоятъ каждая изъ тридцати-шести канцонъ, въ тридцать-шесть стиховъ; но, несмотря на эту намѣренную скованность формы, поэма очень поэтична и глубока по замыслу. Основная мысль поэта—воспѣть блаженство на землѣ, которое приводитъ къ блаженству космическому—къ погруженію въ гармонію мірозданія.

II.

H. G. Wells. A modern Utopia (Tauchnitz edition, vol. 3821). Leipzig, 1905.

Творческая мысль идетъ впереди жизни, и въ значительной степени опредѣляетъ ее. Нѣтъ поэтому противорѣчія—какъ полагаютъ близорукіе критики явленій и людей—между „любовью къ далекому“, исканіемъ цѣли бытія, созиданіемъ философіи жизни, и устроеніемъ реальной дѣйствительности, т.-е. воплощеніемъ въ области воли того, что уже существуетъ для мысли, какъ идеальная реальность.

Есть литературная область, въ которой провидящая мысль особенно ясно соприкасается съ реальной дѣйствительностью, — это обширная область такъ называемыхъ утопій. Между утопіей и идеаломъ есть, конечно, коренное различіе. Утопія—картина далекаго, но осуществимаго строя жизни; идеалъ—нескончаемый путь къ вѣчно желанной, вѣчно уходящей вдаль цѣли. Идеализмъ опредѣляетъ атмосферу жизни; онъ мѣняетъ не цѣли жизни (онъ, слѣдовательно, не отвлекаетъ отъ осуществленія непосредственныхъ реальныхъ задачъ), а отношеніе къ этимъ цѣлямъ, побуждаетъ мыслить высшее и далекое, живя реальнымъ и близкимъ. Утопизмъ же—опредѣленныя мысли о возможномъ усовершенствованіи формъ жизни. Утопическая литература поэтому составляетъ переходную ступень между реалистическимъ и идеалистическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности: она ведетъ впередъ и открываетъ далекія перспективы, хотя перспективы эти только далекія, а не безконечныя, и открываются онѣ только въ области воли.

Въ исторіи человѣчества утопіи играютъ значительную роль, какъ показатели желаннаго въ различные періоды исторіи. Многія утопіи имѣютъ опредѣленную теоретическую цѣнность, какъ, напр., та, заглавіе которой сдѣлалось нарицательнымъ для всего этого рода лите-

ратуры, т.-е. „Утопія“ Томаса Мура, предвозвѣстника соціализма въ XVI вѣкѣ. Наиболѣе извѣстныя утопіи послѣдующаго времени, вплоть до нашего, основываются на экономическихъ ученіяхъ, показывая, какъ проводить на практикѣ принципы, признаваемые правильными въ теоріи. Но, помимо научнаго или полу-научнаго значенія утопій, въ нихъ интересна психологическая сторона. Нѣтъ завѣтнѣе для человѣка мысли, чѣмъ мечта о возможномъ совершенствѣ жизни; и разъ ему въ области фантазіи предоставлена свобода осуществлять идеалы на землѣ, то въ его картинахъ должно сказываться пониманіе должнаго и желаннаго. Въ утопіи человѣкъ становится на мѣсто творца, устраняетъ все, что не удовлетворяетъ его въ міроздании, какъ оно есть, устраиваетъ жизнь на началахъ, отвѣчающихъ его требованіямъ и понятіямъ, и любопытно наблюдать, каковъ міръ, сотворяемый руками человѣческими.

Послѣдовательный рядъ утопій отъ древности до нашихъ дней—краснорѣчивая исторія мѣняющихся желаній человѣчества. Во всѣхъ утопіяхъ есть нѣсколько общихъ предпосылокъ. Главнѣйшая изъ нихъ—та, что счастье человѣчества относится къ области достижимаго, что источникъ его—въ условіяхъ жизни, создаваемыхъ самими же людьми, а не въ духовныхъ и душевныхъ переживаніяхъ, не подлежащихъ контролю воли. Вопросъ о счастьи приводитъ всѣхъ созидателей утопій къ основной задачѣ: къ стремленію объединить потребности, стремленія и цѣли отдѣльной личности—съ потребностями, стремленіями и цѣлями общества—или человѣчества какъ цѣлаго. Вопросъ этотъ каждое время рѣшаетъ по своему—и въ наше время переоцѣнка его опять на очереди. Мы переживаемъ яркій волевой моментъ исторіи, и въ литературѣ онъ долженъ создать новое отношеніе къ вопросу о томъ, какъ надо жить, чтобы „стоило жить“, по выраженію американскаго писателя Уэльса, автора новѣйшей „Современной Утопіи“.

Мысли Уэльса о желанномъ—и возможномъ—новомъ строѣ жизни очень характерны не столько по практичности или пріемлемости исповѣдуемыхъ имъ экономическихъ теорій, какъ по новизнѣ его желаній, соотвѣтствующихъ психологіи современности. Основной вопросъ для Уэльса—тотъ же, какъ и для авторовъ прежнихъ утопій,—соотношеніе между интересами личности и интересами общественности. Отсюда для него, какъ и для его предшественниковъ, вытекаетъ вопросъ о достижимости счастья. Но на этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ по иному, освѣщая внутреннее содержаніе жизни болѣе вдумчиво, чѣмъ прежніе строители идеальныхъ формъ жизни. Уэльсъ болѣе искушенъ сложностью современныхъ духовныхъ переживаній, и вотъ почему его утопія представляетъ особый интересъ. Прежняя утопическая литература

была позитивна по духу: вопросъ о внутреннемъ содержанiи жизни устранялся; правильное функцiонированiе государства казалось отвѣтомъ на всѣ запросы духа. Кромѣ того, изображая рай на землѣ, авторы прежнихъ утопiй отнимали у человѣчества основной стимулъ жизни—стремленiе впередъ, жажду совершенствованiя, болѣе драгоцѣнную, чѣмъ все уже осуществленное. Утопiя Уэльса болѣе идеалистична—что не мѣшаетъ ей быть жизненной, рѣшать задачи реальной дѣйствительности, направлять волю къ наилучшему—и въ утилитарномъ, и въ этическомъ смыслѣ—устройству индивидуальной и общественной жизни. Идеализмъ и въ этомъ случаѣ не отвлекаетъ отъ жизни, а только углубляетъ мысли о ней тѣмъ, что въ достижимомъ совершенствѣ каждаго даннаго момента видитъ не конечную цѣль, а только отраженiе цѣли—несоизмѣримой ни съ какимъ опредѣленнымъ моментомъ. Утопiи прежняго времени—картины остановившагося блаженства, непроизводительнаго самолюбованiя безъ творческихъ желанiй; Уэльсъ же видитъ цѣль своего утопическаго государства въ развитiи творческихъ силъ человѣка, — а пограничныхъ столбовъ стремленiямъ онъ не ставитъ. Онъ воображаетъ человѣчество не въ состоянiи застывшаго блаженства, а въ вѣчномъ поступательномъ движенiи, среди непрекращающихся подвиговъ воли, сосредоточенной на любви къ далекому совершенству. Уэльсъ самъ называетъ свою утопiю кинетической, т.-е. находящейся въ непрерывномъ движенiи, въ противоположность статическимъ — остановившимся — прежнимъ утопiямъ. Но по отношенiю къ вопросу о цѣляхъ и о содержанiи жизни его утопiя можетъ быть названа идеалистической.

Первый вопросъ для Уэльса, также какъ для авторовъ прежнихъ утопiй, заключается въ соотношенiи личности и общества. Рѣшенiе этого вопроса наиболѣе характерно для психологiи каждой эпохи. Для Платона въ его „Государствѣ“ и въ „Законахъ“ не было никакихъ колебанiй. Личность абсолютно поглощалась государствомъ. Это ясно выражено въ описанiи „стражей“, нужныхъ государству для военной охраны. Путемъ искусственнаго подбора брачущихся и, затѣмъ, путемъ особой системы воспитанiя, вырабатываются по теорiи Платона нѣчто вродѣ дрессированныхъ сторожевыхъ псовъ, выполняющихъ свое государственное назначенiе, но лишенныхъ всякой самобытной цѣли существованiя. „Утопiя“ Томаса Мура—тоже коммунистическая, причемъ блаженство обитателей счастливаго острова основано на отсутствiи въ нихъ всякихъ сепаративныхъ стремленiй. Уничтоженiе денегъ и частной собственности, полное подчиненiе труда государственнымъ надобностямъ, строго урегулированная жизнь на уровнѣ удовлетворенiя насущныхъ потребностей—всѣ эти мечты любопытны, какъ предвидѣнiе нѣкоторыхъ экономическихъ нормъ, которымъ суждено было

осуществиться черезъ многіе вѣка. Но отрицаніе правъ личности—категорическое. Источникомъ зла признается индивидуализмъ помысловъ; торжествомъ правды—не слитность частныхъ и общихъ интересовъ, а исчезновеніе самобытнаго инстинкта личности. Идеальное государство предполагаетъ духовно и нравственно идеальныхъ людей, т.-е., въ пониманіи утописта, людей съ отчужденной волей, безъ иниціативы. Она и не нужна тамъ, гдѣ идеалъ достигнутъ и никакое движеніе впередъ не предполагается болѣе.

Застывшее блаженство разъ навсегда установленнаго коммунистическаго строя лежитъ въ основѣ и другихъ знаменитыхъ утопій, какъ, напр., „Солнечнаго государства" (Civitas Solis) аббата Кампанеллы. Онъ уничтожаетъ частную собственность, семью, подчиняетъ государственной регламентаціи весь строй жизни, вплоть до количества рождаемыхъ дѣтей. При этомъ, конечно, предполагается, что всѣ будутъ съ радостью трудиться и исполнять все возложенное на нихъ государствомъ, т.-е., что изъ человѣческой психологіи исчезнетъ пагубный инстинктъ личности. Всѣ эти утописты исходили изъ принципа цѣлесообразности, считая коммунистическій строй единственнымъ средствомъ противъ преступности, губящей общество. Утописты XVIII вѣка, въ особенности главнѣйшіе изъ нихъ, Морелли и Кабе, тоже проповѣдывали коммунизмъ. Въ своемъ „Путешествіи въ Икарію" Кабе настаивалъ на уничтоженіи частной собственности, на полномъ уравненіи правъ и обязанностей всѣхъ членовъ общины, подчиняющихся даже въ выборѣ профессій государственной власти. Но онъ руководствовался при этомъ не цѣлесообразностью, а идеей равенства, передъ которой должны исчезнуть всѣ различія между индивидуальностями отдѣльныхъ гражданъ.

Въ XIX вѣкѣ измѣнились взгляды на соотношенія личности и общества; тѣ утопіи, которыя написаны были въ концѣ минувшаго вѣка, проникнуты принципами соціализма: орудія производства сосредоточены въ рукахъ государства, причемъ, однако, признается частная собственность, допускается владѣніе предметами. Самая знаменитая изъ этихъ утопій, „Взглядъ назадъ" Беллами, тоже, однако, изображаетъ людей будущаго рая на землѣ какими-то математическими формулами, а не дифференцированными существами. Болѣе индивидуаленъ Моррисъ въ своихъ „Вѣстяхъ ни откуда"; но его утопія—мечта о жизни, въ которой внутреннее содержаніе сводится къ декоративной красотѣ жизненныхъ рамокъ, къ эстетическимъ радостямъ на основѣ справедливаго распредѣленія труда и свободнаго пользованія предметами, изготовляемыми въ достаточномъ для всѣхъ желающихъ количествѣ. Въ книгѣ Морриса интересно только пророчество о томъ, какъ произойдетъ смѣна стараго строя новымъ—путемъ всеобщихъ забастовокъ.

Особенность „Современной Утопіи" Уэльса заключается въ томъ, что онъ рисуетъ страну своихъ мечтаній не какъ міръ совершенныхъ существъ, живущихъ среди идеальныхъ условій; люди у него—такіе же, какъ мы, съ родственной намъ психологіей,—но жизнь ихъ неизмѣримо богаче нашей, потому что они живутъ въ условіяхъ, способствующихъ проявленію всѣхъ силъ человѣческаго разума и человѣческой воли. Разсказчикъ, отъ имени котораго ведется повѣствованіе, вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ ботаникомъ, очень ординарнымъ человѣкомъ, занятымъ мелкими мыслями о личномъ счастьи, находятся въ Люцернѣ. Оттуда они переселяются „путемъ воображенія" (этотъ способъ передвиженія они никакъ не могутъ разъяснить людямъ того міра, въ который они попали) въ Люцернъ параллельнаго земному, преобразованнаго утопическаго міра. Тамъ они видятъ людей, подобныхъ людямъ на землѣ (они встрѣчаютъ и своихъ собственныхъ двойниковъ), но строй всей жизни—совершенно иной, предоставляющій индивидуальной волѣ всѣ мыслимыя возможности проявлять себя. Подчиненіе личности общему благу—основу всѣхъ прежнихъ утопій—Уэльсъ замѣняетъ новымъ закономъ жизни, соотвѣтствующимъ современной психологіи: закономъ свободной индивидуальной иниціативы, и проповѣдуетъ этотъ законъ тоже во имя общаго блага, т.-е. обогащенія всей жизни. Утопическій міръ Уэльса построенъ на безпредѣльномъ развитіи иниціативы отдѣльныхъ людей. Первое благо, которымъ пользуются обитатели преображенной земной планеты (Уэльсъ настаиваетъ именно на преобразованіи всей земли, вмѣсто созиданія счастливаго островка среди уродства остального міра)—это свобода, и нравственная, и матеріальная. Люди послушны только своей волѣ, а матеріальная свобода знаменуется легкостью способовъ передвиженія, усовершенствованныхъ до неузнаваемости въ мірѣ, гдѣ творчество человѣческаго ума будетъ развиваться вполнѣ безпрепятственно. Новый міръ представляется Уэльсу вселенскимъ государствомъ, въ которомъ исчезли всѣ границы, мѣшающія свободѣ жизни.

Разработанная во всѣхъ деталяхъ экономическая сторона этого государственнаго строя основана на соціалистическихъ принципахъ сосредоточенія орудій производства въ рукахъ центральныхъ управленій; они же гарантируютъ каждому необходимое для жизни. Отсюда свобода для воли; она не парализуется, какъ на землѣ, борьбой за пропитаніе, обезпечиваемое минимумомъ труда—столь разнообразнаго, что всякій можетъ найти себѣ подходящую работу въ государственныхъ учрежденіяхъ. Но все дальнѣйшее устройство жизни предоставляется свободной иниціативѣ населенія. Задача государства заключается только въ наилучшемъ примѣненіи къ нуждамъ человѣчества того огромнаго, все увеличивающагося количества матеріаль-

ной энергіи, которая создается индивидуальнымъ творчествомъ, расширяющимъ область знаній, открытій и изобрѣтеній.

Съ этой цѣлью государство и предоставляетъ каждому максимумъ свободы, беретъ на себя обязательство обезпечить каждому удовлетвореніе его насущныхъ потребностей;—этотъ минимумъ, обезпеченный для каждаго, конечно все возрастаетъ при общемъ ростѣ благосостоянія, а все дальнѣйшее остается въ прежнихъ условіяхъ человѣческой психологіи съ ея жаждой соревнованія. Она только облагораживается общимъ характеромъ жизни, изъ которой отсутствіе нужды постепенно искореняетъ и злобныя чувства. Уэльсъ допускаетъ существованіе денегъ, предпочитая, однако, замѣну ихъ инымъ обмѣннымъ знакомъ—единицами энергіи, расходуемой въ каждомъ мѣстѣ въ опредѣленный промежутокъ времени. Но во всякомъ случаѣ каждый можетъ пріобрѣтать въ частное владѣніе все, что увеличиваетъ удобства жизни, обезпечиваетъ возможность отдыха, потому что обладаніе бо̀льшими благами соотвѣтствуетъ проявленію большей иниціативы. Государство же только въ этомъ и видитъ свою цѣль,— оно существуетъ для содѣйствія творческой дѣятельности человѣка. Соотношенія такимъ образомъ мѣняются вполнѣ. Государство беретъ въ свои руки все, что не требуетъ проявленія индивидуальной иниціативы, исполняетъ всѣ функціи, дѣлающія жизнь удобной и легкой. Но и устроенная наилучшимъ образомъ—для каждаго даннаго момента—жизнь не признается завершенной; напротивъ того, она считается удобной ареной для непрерывныхъ экспериментовъ и перемѣнъ. Міръ существуетъ для свободы иниціативы, т.-е. для творческой воли человѣка. Дѣло индивидуальной воли — разбивать законъ предшествующаго момента, нарушать общія формулы и положенія и давать новое направленіе, новые исходы силамъ. Такимъ образомъ, функціи государства и личности и взаимныя ихъ отношенія вполнѣ опредѣленны: государство существуетъ для содѣйствія индивидуальному волевому творчеству, законъ существуетъ для обезпеченія свободы, а міръ существуетъ для непрерывности новыхъ починовъ. Таковъ фундаментъ утопіи Уэльса.

Широтой схемы и сочетаніемъ свободы личности и общихъ интересовъ утопія Уэльса удовлетворяетъ гораздо больше предшествующихъ. У Уэльса нѣтъ насилія надъ человѣческой психологіей. Напротивъ того, онъ, какъ современный человѣкъ, прежде всего вѣритъ въ индивидуальную силу и въ творчество жизни, которое должно безконечно расти, если уничтожить всѣ преграды, стѣсняющія творческую волю на землѣ. Въ дѣйствительности, напримѣръ, погоня за матеріальнымъ обогащеніемъ зловредна, потому что обладаніе благами жизни обозначаетъ несправедливую власть однихъ надъ другими,

стѣсненіе чьей-то свободы. Но если—какъ въ утопіи Уэльса—всѣ обезпечены и всѣ могутъ увеличивать удобства жизни проявленіемъ иниціативы,—если съ обладаніемъ пріобрѣтенными благами не сопряжена власть, то обогащеніе въ смыслѣ увеличенныхъ пріятностей жизни, соотвѣтствующихъ болѣе развитымъ требованіямъ, никого не можетъ смущать. Уэльсъ рисуетъ очень привлекательную картину жизни въ преобразованномъ утопическомъ мірѣ; матеріальный трудъ сведенъ до минимума, вся трудная работа производится машинами и механическими приспособленіями, и освобожденная отъ тяжелаго физическаго труда человѣческая воля изощряется въ обогащеніи жизни невообразимыми теперь матеріальными богатствами, удобствами, красотой и всякаго рода благами. Утопическое человѣчество Уэльса—не осѣдлое, а часто мѣняющее мѣсто пребыванія, что тоже развиваетъ и обогащаетъ жизнь. Способы передвиженія, конечно, не идутъ въ сравненіе съ нашими. Дымъ и копоть паровозовъ неизвѣстны—электрическіе поѣзда дѣлаютъ по триста верстъ въ часъ, и переѣзды въ поѣздахъ, ничѣмъ не отличающихся отъ теперешнихъ самыхъ роскошныхъ клубовъ, не представляютъ никакихъ трудностей,—тѣмъ болѣе, что они открыты для всеобщаго пользованія. Жизнь въ общихъ помѣщеніяхъ—клубахъ или отдѣльныхъ домахъ — устроена на тѣхъ же основаніяхъ избавленія отъ лишняго механическаго труда. Подробности разныхъ функцій общественной жизни—отношеніе къ преступникамъ, къ больнымъ, затѣмъ устройство семей, воспитаніе дѣтей (его беретъ на себя государство) опредѣляется Уэльсомъ тѣмъ же сочетаніемъ соціалистическихъ принциповъ съ условіями наибольшей свободы индивидуальной воли. Въ устроеніи семьи Уэльсъ впадаетъ, однако, въ ошибку большинства прежнихъ утопистовъ,—онъ слишкомъ регламентируетъ. Во имя интересовъ государства, озабоченнаго рожденіемъ здоровыхъ членовъ общества, онъ не допускаетъ насилія надъ индивидуальной волей. Но его основная точка зрѣнія заключается именно въ невозможности придумать совершенный строй. Утопія его сознательно несовершенна, такъ что ему нельзя дѣлать упрековъ относительно деталей устройства. Важенъ основной принципъ—культъ свободной воли, творческой иниціативы и вѣра въ созидательность освобожденной человѣческой воли.

Въ противоположность прежнимъ авторамъ утопій, Уэльсъ не только вѣритъ въ творческую волю человѣка, но считаетъ основой жизни—высшую напряженность духовныхъ стремленій, волю къ благамъ, превышающимъ все достижимое на землѣ. Если его вселенское государство функціонируетъ такъ стройно, если его обитатели окрылены неустаннымъ стремленіемъ къ творческому труду, то все это находится въ зависимости отъ особаго класса людей, стоящихъ во главѣ

всѣхъ государственныхъ учрежденій. Это—самураи, „добровольная знать", люди, добровольно избравшіе суровый образъ жизни, подвижники съ яснымъ умомъ и свѣтлой душой. Они живутъ часть года въ пустынѣ, въ созерцаніи, въ общеніи съ тайной міра—и возвращаются, готовые служить цѣлямъ жизни съ высоко настроенной душой. У нихъ нѣтъ опредѣленныхъ религіозныхъ вѣрованій, но они—мистики. Этихъ служителей жизни, озабоченныхъ не однимъ только матеріальнымъ процвѣтаніемъ жизни, но и ея духовнымъ содержаніемъ, цѣлями, превышающими непосредственныя жизненныя надобности, Уэльсъ противопоставляетъ Платоновскимъ „стражамъ", оплоту позитивно-коммунистическаго государства. „Современная Утопія" созидаетъ общественную жизнь на принципахъ соціалистическихъ ученій, но расширяетъ значеніе жизни, включая въ нее чисто духовные помыслы о далекомъ.—З. В.

ЗАМѢТКА.

— По поводу книги: „Das Alter der wirtschaftlichen Kultur, von Ed. Hahn. Ein Rückblick und ein Ausblick". Heidelberg, 1905.

Исторія хозяйственной культуры является наукой сравнительно новой, но уже пріобрѣтающей большое значеніе. Въ качествѣ научнаго знанія, она и не могла появиться раньше, такъ какъ главнѣйшія отрасли ея—изученіе прирученныхъ животныхъ и, затѣмъ, культурныхъ растеній—не могли быть обоснованы прежде, чѣмъ былъ поставленъ вопросъ объ измѣняемости видовъ, т.-е. до открытій Дарвина. Благодаря послѣднимъ, явилась возможность прослѣдить исторію многихъ домашнихъ животныхъ, вплоть до ихъ палеонтологическихъ родичей, точно такъ же, какъ и исторію воздѣлываемыхъ растеній. Результаты, добытые этими, казалось бы на первый взглядъ, частными изслѣдованіями, приводятъ, однако, къ болѣе общимъ и весьма важнымъ заключеніямъ въ области исторіи и культуры. Такъ, они помогаютъ прослѣдить во многихъ отношеніяхъ связи, сношенія и колонизацію различныхъ народовъ въ такія эпохи, о которыхъ не осталось у насъ никакихъ свѣдѣній. Смѣна міросозерцаній и идеаловъ въ различныя эпохи находитъ свое объясненіе въ сложномъ ходѣ послѣдовательныхъ измѣненій, открываемыхъ исторіей развивающихся хозяйствъ у разныхъ народовъ; она же даетъ ключъ и къ объясненію многихъ обычаевъ и обрядовъ. Въ этомъ отношеніи изученіе хозяйственнаго быта уже дало немало положительныхъ результатовъ, но вопросы, выдвигаемые имъ, требуютъ большой осторожности; не всѣ изслѣдователи могутъ удержаться отъ соблазна придать имъ видъ стройной системы или построить въ видѣ схемы, предназначаемой для урегулированія разнообразныхъ отношеній въ современномъ обществѣ.

Въ этомъ смыслѣ книга Гана представляетъ собой любопытное явленіе, на которомъ стоитъ остановить вниманіе читателя, тѣмъ болѣе, что его взгляды могутъ получить извѣстное распространеніе и у насъ, въ Россіи. Любопытна книга прежде всего кругомъ вопросовъ, только начинающихъ еще входить въ оборотъ интересовъ средняго читателя.

Авторъ извѣстенъ своей работой о домашнихъ животныхъ и ихъ значеніи для хозяйственной культуры. Въ этомъ же трудѣ онъ сдѣлалъ довольно интересный опытъ культурно-хозяйственной географіи. Онъ обнаружилъ при этомъ большую, но неравномѣрную освѣдомленность

въ различныхъ деталяхъ вопросовъ, затронутыхъ имъ. Такъ, говоря о прирученіи лошади, онъ довольно смѣло коснулся вопроса о лошади Пржевальскаго, и безъ всякихъ основаній рѣшилъ, что она ближе гораздо къ ослу, чѣмъ къ лошади: этимъ онъ обнаружилъ свое полное незнакомство съ дѣломъ, такъ какъ этотъ видъ equid'овъ, несомнѣнно, самый близкій родичъ, хотя, вѣроятно, не прямой, родоначальнику домашнихъ лошадей. Затѣмъ, обнаружилось въ авторѣ и небрежное отношеніе къ источникамъ. Несомнѣнно для всякаго, читавшаго книгу, что авторъ достаточно пользовался трудами о лошади французскаго ученаго Пьетремона; но онъ не цитируетъ ихъ и только вскользь упоминаетъ источникъ. Къ сожалѣнію, не одинъ Ганъ, но и многіе другіе молодые и талантливые писатели, какъ Фиркандъ и Шурцъ, отстаютъ отъ прекрасной старой манеры нѣмецкихъ ученыхъ —аккуратности въ ссылкахъ на источники. Несмотря на эти недостатки, книга Гана встрѣтила хорошій пріемъ, что сдѣлало автора нѣсколько самоувѣреннымъ и дало поводъ въ разбираемой нами книгѣ не одинъ разъ заявить, что онъ ниспровергъ старую теорію трехъ стадій развитія человѣчества, которая начало культуры видитъ въ звѣроловствѣ и завершеніе— въ земледѣліи, съ промежуточной ступенью кочевого скотоводства. Критика Гана этой схемы встрѣтила сочувственное отношеніе въ Германіи, и у насъ проф. Денъ цѣликомъ примыкаетъ къ этимъ воззрѣніямъ Гана. Эта солидарность г. Дена производитъ тѣмъ болѣе странное впечатлѣніе, что именно Россія— одна изъ немногихъ странъ, гдѣ имѣются на лицо примѣры всѣхъ переходныхъ формъ хозяйства, и несостоятельность критики нѣмецкаго автора можетъ быть прослѣжена на многихъ примѣрахъ. По мнѣнію Гана, кочевники—просто одичавшіе земледѣльцы, и въ дѣлѣ прирученія животныхъ они не сдѣлали ничего. Всѣхъ нынѣшнихъ домашнихъ животныхъ приручили земледѣльцы; охотники только истребляли, а не приручали дикихъ животныхъ.

Если имѣть въ виду культурно-историческое значеніе теоріи трехъ стадій развитія, то универсальное приложеніе ея подорвано уже тѣмъ, что весь западный континентъ является живымъ протестомъ противъ этой схемы. Русское земледѣліе, „заступная культура“, было распространено въ Новомъ Свѣтѣ довольно значительно; Мексика, Перу, обитатели плоскогорья Тигуанако достигли высокой культуры, не имѣвъ другого домашняго животнаго, кромѣ ламы, хозяйственное значеніе которой было ничтожно, а въ Мексикѣ и ламы не было. Воздѣлываніе съѣдобныхъ растеній, ихъ корней и плодовъ, какъ мы видимъ на многихъ примѣрахъ, совмѣстимо съ самой низкой культурой. Оно возможно на той ступени развитія, которую нѣмецкіе систематики обозначаютъ терминомъ Sämmler—собиратели. Въ средней Европѣ чело-

вѣкъ вышелъ изъ этого состоянія уже въ концѣ палеолитическаго періода. Въ настоящее время можно считать абсолютно доказаннымъ, что начало воздѣлыванію растеній положили женщины. Это и должно было быть по естественному порядку вещей. Охота за звѣремъ и птицей, длинныя экскурсіи для выслѣживанія звѣря, опасность борьбы, лишенія въ пути—были не подъ силу женщинамъ. Какъ ни выносливы дикарки, не могли же онѣ, во время ношенія плода, въ періодъ кормленія грудью, странствовать вмѣстѣ съ молодежью по дѣвственнымъ лѣсамъ, горнымъ дебрямъ и степямъ. Женщинамъ нужно было чѣмъ-нибудь кормиться. Птицы, питавшіяся плодами и сѣменами растеній, звѣри, выкапывавшіе коренья, указали имъ на пригодные для питанія растительные продукты. Первой ступенью земледѣлія была охрана такихъ растеній, борьба съ четвероногими и крылатыми сотрапезниками.

Переходъ людей отъ охраны дикорастущихъ растеній къ разведенію и воздѣлыванію ихъ могъ произойти различными путями. Ганъ исключительно настаиваетъ на аналогіи возращенія растеній съ процессомъ зачатія. Заступъ или колъ параллелизируются съ фаллусомъ. Онъ долженъ вскрыть утробу матери-земли, и тогда только она приметъ въ себя сѣмя и возроститъ его. У индусовъ, напримѣръ, существуетъ такое представленіе, что женщина—поле, мужчина—пахарь. Если въ теченіе извѣстнаго времени поле остается безплоднымъ, пахарь можетъ забросить его. Рядомъ съ этимъ стоитъ и другое объясненіе, имѣющее многое за себя въ миѳахъ различныхъ народовъ. Какъ только начали погребать или убирать покойниковъ, ихъ стали снабжать пищей и необходимой утварью. Пищевые продукты и вещи умирали вмѣстѣ съ покойникомъ, чтобы начать снова жить, и если не орудія и утварь, то растительные продукты, сѣмена, плоды, клубни, дѣйствительно, оживали, проростали и давали плодъ. Обѣ эти гипотезы, связанныя съ самыми примитивными религіозными представленіями, указываютъ на древность первобытнаго земледѣлія. Долгій періодъ оно было только подсобнымъ и по преимуществу женскимъ занятіемъ. Такіе первобытные полуземледѣльцы-полузвѣроловы могли, конечно, приручать звѣрей и птицъ, даже пресмыкающихся, ради забавы, въ цѣляхъ тотэмическихъ. Есть свѣдѣнія о томъ, что у караибовъ женщины брали щенятъ для отсасыванія молока, такъ какъ собственныя дѣти не могли потребить всего молока, которое вырабатывалось грудными железами матери; но такое прирученіе не могло имѣть большого хозяйственнаго значенія. Переломъ въ хозяйственной жизни народовъ могъ начаться только съ прирученія травоядныхъ и понынѣ имѣющихъ преобладающее значеніе въ нашихъ хозяйствахъ. Прирученіе такихъ животныхъ было бы только лишнимъ бременемъ

для первобытнаго земледѣльца. Новые члены общества сами знали толкъ въ растительной пищѣ. Отъ нихъ надобно было бы охранять посѣвы и посадки. Прирученіе животныхъ травоядныхъ, а можетъ быть и собаки, очевидно шло инымъ путемъ. Не для земледѣльца, а для охотниковъ оно было нужно. Извѣстенъ всѣмъ охотничій пріемъ привлекать самца на самку. У сѣверныхъ охотниковъ были прирученные олени, которыхъ русскіе называли „маньщиками"; охотникъ прятался за оленя и незамѣтно подходилъ къ стаду на выстрѣлъ. Только охотникъ, близко знающій повадки и образъ жизни дикихъ животныхъ, могъ овладѣть ими.

Охотники, а не земледѣльцы, имѣли возможность ловить живьемъ молодыхъ животныхъ, какъ для пищи, такъ и для выработки изъ нихъ „маньщиковъ". Трудно представить себѣ, чтобы съ самаго начала травоядныя приручались настолько, какъ коровы или лошади въ нашихъ деревняхъ, и этого мы не видимъ нигдѣ тамъ, гдѣ существуетъ кочевое скотоводство. Поселившіеся въ степяхъ люди заняли, конечно, лучшія пастбищныя мѣста и водопои, необходимые для животныхъ. Хотя человѣкъ и ловилъ и билъ этихъ звѣрей, но за то истреблялъ и хищниковъ, которые охотились за травоядными. Звѣрь инстинктивно держался около тѣхъ мѣстъ, гдѣ было меньше опасности. Могучимъ средствомъ для сближенія и симбіоза, такъ сказать, должна была служить ловля молодыхъ сосуновъ. Мать шла къ своему дѣтенышу, чтобы покормить его. До сихъ поръ корова у кочевника не доится, не даетъ молока, пока къ ней не подведутъ ея теленка. Если мы примемъ во вниманіе, насколько дики до сихъ поръ стада рогатаго скота, табуны лошадей, верблюдовъ и овецъ, насколько они и до сихъ поръ мало покорены, то мы должны будемъ признать, что здѣсь-то мы и видимъ первую стадію прирученія. Широкія степныя равнины, горные хребты, гдѣ держится большинство травоядныхъ, были мѣстами крайне неудобными для ручного земледѣлія, благодаря сухости почвы; но это была обѣтованная страна для охотника. Цѣлыя стада травоядныхъ бродили тамъ, какъ иногда бизоны по преріямъ Америки. Озера, болота и рѣки кишѣли птицами, главнымъ образомъ, стадными. Еще до прирученія травоядныхъ, человѣкъ уже былъ примитивнымъ кочевникомъ, кочевникомъ-собирателемъ (Sammler), передвигаясь, сообразно сезону, вмѣстѣ съ ищущими новыхъ пастбищъ травоядными, и постепенно изъ цѣлой серіи промысловыхъ животныхъ выдѣлялись наиболѣе важныя для жизни и наиболѣе сподручныя для лова. Нѣкогда и обитатель Стараго Свѣта былъ на той же ступени, на которой нашли европейцы американскаго краснокожаго. Жизненные интересы ихъ были связаны тѣсно съ существованіемъ извѣстнаго вида животныхъ, какъ у кочевниковъ сѣвера съ оленемъ, у красно-

кожаго съ бизономъ; но старый континентъ пошелъ въ этомъ отношеніи дальше, онъ сумѣлъ взять нужныхъ ему животныхъ подъ свой контроль, чего не могъ сдѣлать американецъ. Ганъ объясняетъ это тѣмъ, что вообще у нѣкоторыхъ народовъ существуетъ инстинктивное отвращеніе къ молоку, какъ къ болѣзненному, ненормальному выдѣленію; но вѣдь и кромѣ молока полуприрученное дикое животное доставляетъ массу громадныхъ выгодъ. Проще объяснить это явленіе въ данномъ случаѣ дикостью бизона. Это во многихъ отношеніяхъ крайне полезное животное не сумѣла сохранить и современная зоотехнія въ Америкѣ; точно также изъ разныхъ породъ бовидовъ только потомки bovis primi genii вынесли прирученіе, а съ зубрами, напримѣръ, и до сихъ поръ ничего не могутъ подѣлать. Кафры—отличные скотоводы, однако не сумѣли приручить гну. Точно также и изъ рода cervus, только cervus tarandus сталъ домашнимъ животнымъ. Если его не приручили въ Америкѣ, то удивляться этому нечего. Америка вообще отсталый во всѣхъ отношеніяхъ континентъ. Самые культурные народы ея, въ эпоху прибытія европейцевъ, стояли на гораздо низшей ступени развитія, чѣмъ культурныя страны стараго континента въ глубокой древности. Въ своихъ „Hausthiere" Ганъ безъ обиняковъ утверждаетъ, что кочевой бытъ не могъ развиться самостоятельно потому, что кочевникъ не можетъ обходиться безъ растительной пищи. Въ разбираемой нами книгѣ онъ оговаривается уже, что изъ чистыхъ охотниковъ, жившихъ одной охотой, не могли развиться кочевники.

Эта поправка, однакоже, ничего не исправляетъ. Дѣленіе людей на звѣролововъ, кочевниковъ и земледѣльцевъ, какъ и всякая схема, искусственна. Она характеризуетъ только преобладающій родъ занятій, задающихъ тонъ жизни, но не исключаетъ и другихъ подсобныхъ занятій. Гдѣ, напримѣръ, эти „чистые" охотники на свѣтѣ, питающіеся одной животной пищей? Если растительная пища безусловно нужна для человѣка, а ея негдѣ достать, кромѣ какъ у земледѣльцевъ, то, значитъ, и охотники, подобно кочевникамъ,—только выродившіеся земледѣльцы. И охотнику, и кочевнику, не заказаны были поля, и луга, и рощи. И онъ могъ собирать съѣдобные коренья, ягоды, плоды, рвать на пищу лукъ, щавель и ревень. Морскіе охотники полярныхъ странъ—и тѣ умѣютъ находить растительную пищу въ видѣ водорослей, находимыхъ ими въ желудкахъ убитыхъ морскихъ звѣрей. И теперь еще въ тундрахъ нашего сѣверовостока, можно найти людей, не имѣющихъ понятія о мучной пищѣ. Настоящій кочевникъ, имѣющій молочные продукты, очень мало нуждается въ растительной пищѣ. Къ ней обращается онъ только въ крайности, во время зимы, когда скотъ не даетъ молока. На старомъ

континентѣ, очевидно, съ незапамятныхъ временъ развитіе хозяйства въ зависимости отъ природныхъ условій пошло разными дорогами. Съ одной стороны, на тучной и влажной почвѣ мало-по-малу воздѣлываніе растеній становилось все болѣе и болѣе преобладающимъ источникомъ жизни, съ другой—на открытыхъ степныхъ мѣстахъ, обладающихъ сухой, твердой почвой, но богатой травоядными, возымѣло преобладаніе животноводства.

Исторія намъ достаточно доказала, насколько стойка эта форма быта. Вычеркните изъ нея кочевыя племена, и въ ней многое останется совершенно непонятнымъ. Въ концѣ концовъ, какъ мы уже и сказали вначалѣ, переходъ къ осѣдлости и земледѣлію отъ первобытнаго звѣроловнаго быта черезъ кочевой не составляетъ общаго правила. Покойный Ядринцевъ, въ своемъ интересномъ этюдѣ: „Лѣса, какъ начало осѣдлости", съ большимъ остроуміемъ и знаніемъ дѣла доказалъ, что лѣсныя племена охотнѣе и скорѣе переходятъ къ земледѣлію и прикрѣпляются къ мѣсту, нежели кочевники; но, несмотря на это, нужно все-таки помнить, что въ Европѣ во многихъ мѣстахъ путь развитія былъ таковъ,—и послѣ классическихъ работъ Мейтцена въ этомъ и сомнѣваться невозможно. Для насъ же, русскихъ, и Мейтцена не нужно: по статистическимъ работамъ на югѣ Сибири мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить этотъ процессъ осѣданія, начиная съ таборнаго кочеванія до полной деревенской осѣдлости съ передѣлами земли. Факты говорятъ намъ, что если теорія трехъ стадій развитія не охватываетъ всѣхъ видовъ эволюціи, то она все-таки приложима ко многимъ случаямъ. Что же касается до ея схематическаго значенія, то, по нашему мнѣнію, эта схема все-таки стоитъ на вѣрномъ пути. Она не фальшива, но недостаточна: недостатокъ ея въ томъ, что она пытается всѣ формы быта свести къ тремъ типамъ, — правда, очень крупнымъ и широко распространеннымъ, но далеко не охватывающимъ даже основныхъ формъ. Среди нихъ почти нѣтъ мѣста для обработывающей промышленности. Самыя крупныя поселенія давно уже перестали заниматься земледѣліемъ. Населеніе промышленныхъ городовъ уже въ средніе вѣка выработало типъ цехового ремесленника, теперь уже вымирающій, который замѣняется типомъ заводско-фабричнаго рабочаго и т. д. Вообще классификація по занятіямъ и по профессіямъ никогда не можетъ потерять своего значенія, такъ какъ каждая профессія представляетъ собою типъ, имѣющій свои особенности, свою этнографію и даже антропологію.

Итакъ, хотя главныя ученыя заслуги, по признанію самого Гана—заключающіяся въ уничтоженіи схемы трехъ стадій развитія—являются

довольно сомнительными, но его трудъ о домашнихъ животныхъ полонъ интересныхъ фактовъ,—ими можно пользоваться, книга читается съ удовольствіемъ и не безъ пользы. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о разбираемой нами книгѣ. Еслибы Ганъ собралъ только фактическій матеріалъ о развитіи хозяйственной культуры въ разныя эпохи, и это было бы заслугой, особенно въ виду того, что авторъ предназначаетъ книгу для широкой публики, которая не имѣетъ возможности знакомиться съ вопросомъ по спеціальнымъ изслѣдованіямъ; но этого нѣтъ!

О культурѣ временъ свайныхъ построекъ Ганъ ничего не говоритъ, а изслѣдованія объ этой эпохѣ, правильнѣе—объ этихъ эпохахъ, составляютъ одно изъ прекраснѣйшихъ завоеваній доисторической археологіи. Перечисляя древнѣйшія культурныя растенія, авторъ, любитель смѣлыхъ гипотезъ, не приводитъ никакихъ соображеній на этотъ счетъ, не даетъ и фактовъ, служащихъ опорой его выводовъ. Несмотря на свою смѣлость, онъ останавливается передъ вопросомъ о происхожденіи обработки земли съ помощью животныхъ (Pflugkultur). Онъ предполагаетъ, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ, что сперва было изобрѣтено колесо, потомъ телѣга и послѣ нея уже плугъ. Непонятно, почему это плугу должно было предшествовать изобрѣтеніе колеса? Если въ древнѣйшихъ культурахъ авторъ не находитъ прямого перехода отъ заступа къ плугу, то сравнительный методъ могъ бы помочь усмотрѣть недостающія переходныя звенья. Если плугъ, по собственной же діаграммѣ автора, является обороченной мотыкой, то при чемъ тутъ колесо и телѣга? Плугъ съ запряжкой—одинъ изъ видовъ примѣненія животныхъ для тяги. Чтобы составить себѣ понятіе о происхожденіи плуга, надобно было указать способы перевозки тяжести при помощи животныхъ. Первоначальный способъ, конечно, былъ вьюкъ, человѣкъ самъ носилъ тяжести на спинѣ. При бездорожьи первобытныхъ временъ, онъ и былъ единственно возможнымъ; отъ вьюка непосредственъ переходъ къ тягѣ: перевозка длинныхъ жердей—уже переходъ къ тягѣ; оттуда сама собой получается волокуша, затѣмъ волокуша съ загнутыми полозьями и т. д. Не плугомъ, конечно, пахали землю вначалѣ, прототипомъ была соха, а она и теперь во многихъ мѣстахъ представляетъ собою просто кривой сукъ, у котораго одинъ конецъ заостренъ.

Авторъ крайне недоволенъ нашими оріенталистами,—они мало интересуются, мало даютъ матеріала для исторіи хозяйства. Вѣроятно, это и уполномочило его вторгнуться въ область оріенталистики и измышлять свои собственныя объясненія историческихъ событій. По его домыслу, извѣстный народъ Хунну (у нѣкоторыхъ авторовъ Геонг-ну, у покойнаго Васильева Сюнну), громившій западный Китай во время

династій старшихъ Ханей, покинулъ степи нынѣшней Монголіи и Ордоса и перебрался на западъ оттого, что Китай огородилъ себя стѣной, черезъ которую не могли перелѣзть кочевники. Не могли, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлали то, чего дѣлать не могли. И послѣ Хунну цѣлый рядъ кочевыхъ народовъ одни за другими громили Китай и основывали въ немъ свои династіи. Несмотря на эти крупные недочеты, книга Гана все-таки производила бы большее значеніе, еслибы авторъ не впутывалъ въ изложеніе разсужденій, совершенно не подходящихъ къ предмету изслѣдованій и... крайне неудачныхъ. Уже на девятой страницѣ встрѣчаемъ мы, неизвѣстно по какому поводу, начальническій разносъ Жанъ-Жака Руссо, грозные окрики по адресу „пошлаго раціонализма невѣжественнаго XVIII в. и французской революціи". Особенную непріязнь авторъ питаетъ къ равенству, „невозможность котораго въ природѣ доказана Дарвиномъ". Конечно, очень жаль, что члены конвента не читали Дарвина и слишкомъ поспѣшили своимъ появленіемъ на свѣтъ; но можно навѣрное сказать, что явись Дарвинъ въ XVIII столѣтіи, его современники, вѣроятно, поняли бы его такъ, какъ его и слѣдуетъ понимать. Идея политическаго равенства вовсѣ не требуетъ того, чтобы люди были похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Для этого достаточно равноправія, вытекающаго изъ сознанія, что каждый человѣкъ, обладающій здравымъ умомъ, имѣетъ одинаковое право съ другими устраивать свою жизнь, и что ранги и положенія не создаютъ ни геніевъ, ни ограниченныхъ людей. Чтобы узнать, какъ смотрѣлъ самъ Дарвинъ на политическое равенство, достаточно вспомнить только немногія строки изъ описанія его путешествія на кораблѣ „Бигль", гдѣ онъ говоритъ о рабствѣ негровъ. Въ нихъ и душевная скорбь доброй души, и негодованіе человѣка за судьбу своихъ угнетаемыхъ собратій, и стыдъ за варварство націй, стоящихъ во главѣ цивилизаціи. Ганъ враждебно смотритъ и на либерализмъ, и на крупную промышленность, и на развитіе международнаго обмѣна товаровъ. По его мнѣнію, надобно бы вернуться къ старой домашней промышленности, которая кормитъ главнымъ образомъ только производителя и только излишки пускаетъ въ обмѣнъ. Совѣтъ можетъ быть и хорошъ, но только онъ запоздалъ на три столѣтія слишкомъ; для выполненія его надобно перевести стрѣлку часовъ исторіи съ цифры XX на XVI. Не стѣсняясь въ своихъ отзывахъ о людяхъ и мысляхъ, высказанныхъ столѣтіе тому назадъ, нашъ авторъ еще развязнѣе по отношенію къ современникамъ. Нѣмецкая соціальдемократія кажется ему скопищемъ глупцовъ. Слова Thorheit, Unsinn—сыплются у него, какъ изъ рога изобилія. Конечно, соціальдемократическая доктрина, какъ и всякая другая, подлежитъ критикѣ,—но подъ условіемъ пониманія кри-

тикуемаго и знакомства съ дѣломъ; но это авторъ нашъ во многихъ случаяхъ считаетъ излишнимъ. Онъ, напримѣръ, вполнѣ увѣренъ, что, по мнѣнію соціальдемократовъ, при осуществленіи идеи Volkstaat'а наступитъ на землѣ рай. Это заключеніе достойно уличнаго листка, но не серьезной, хотя и популярной книги. Никто изъ писателей этой партіи не думалъ и не думаетъ, что съ Volkstaat'омъ закончится всякій прогрессъ. Всѣ они, наоборотъ, думаютъ, что при новой формѣ государства движеніе пойдетъ быстрѣе и глаже, что при этихъ условіяхъ будетъ болѣе возможно развитіе всего индивидуальнаго и оригинальнаго. Надобно было опровергнуть эту мысль; но автору некогда заниматься такими пустяками. Онъ имѣетъ свою программу для будущаго. Онъ тоже изъ недовольныхъ существующимъ порядкомъ. О его ненависти къ индустріализму и международному хозяйству мы уже говорили; но онъ недоволенъ и положеніемъ рабочихъ и—horribile dictu!—протестантской религіей и многимъ другимъ. Доволенъ онъ только современнымъ прусскимъ государственнымъ устройствомъ. Мы, однакоже, не рискнемъ излагать здѣсь мысли автора о спасеніи человѣчества. Мы только пожалѣемъ о томъ, что нашъ авторъ испортилъ свою книгу своими экскурсами въ область политики. Авторъ обѣщаетъ дать намъ въ будущемъ новый трудъ о культурныхъ растеніяхъ. Будемъ надѣяться, что онъ въ немъ постарается избѣжать неумѣстныхъ экскурсовъ въ сторону политики и останется на той почвѣ, которая ему болѣе знакома.

Дм. Клеменцъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1905.

Ноябрьскія забастовки.—Забастовка почты и телеграфа.—Равноправны ли чиновники съ обывателями?—„Революціонное“ движеніе въ средней школѣ.—Событія въ арміи и во флотѣ.—Земскій и крестьянскій съѣзды въ Москвѣ.—Циркуляры и законность.—Курьезы изъ газетъ.—И. М. Сѣченовъ, В. В. Лесевичъ и А. Л. Шанявскій †.

Русская революція растетъ неудержимо. Растетъ вширь и вглубь. Революція захватила такіе слои, которые всегда были несокрушимымъ оплотомъ павшаго, 17-го октября, режима. Она захватила чиновниковъ—и не чиновниковъ либеральнаго новаго суда, даже не акцизныхъ, а почтово-телеграфныхъ. Революціонерами стали не судьи, не инженеры, не врачи. Ими стали классическіе почтмейстеры и иного ранга чиновники телеграфа и почты, коллежскіе регистраторы, секретари и ассесоры, гордившіеся „благородіемъ“, мундиромъ, орденами въ петличкахъ и медалями. Двадцать лѣтъ назадъ, когда отъ чиновниковъ были отняты погоны (потомъ они снова были даны), въ губернскихъ и уѣздныхъ захолустьяхъ чувствовалось, что вотъ-вотъ поколеблются устои. На этотъ разъ не боязнь потерять погоны, чины или мундиръ и другія привилегіи создала въ чиновникахъ революціонное настроеніе, нѣтъ—они примкнули къ активному освободительному движенію... Чиновники полиціи еще не бастовали. Но среди околоточныхъ и городовыхъ уже кое-гдѣ образуются союзы, они собираются на митинги, пишутъ резолюціи и предъявляютъ требованія.

Начало ноября ознаменовалось въ Петербургѣ попыткой повторить всероссійскую политическую забастовку. Съ 2-го по 7-ое бастовали заводы и фабрики, желѣзныя дороги и газеты. Но того успѣха, какой имѣла забастовка въ октябрѣ, ноябрьская не получила. Она не была общей—Москва, напримѣръ, къ ней вовсе не примкнула—и сочувствія широкихъ слоевъ публики на сторонѣ бастовавшихъ не было. Причинъ неудачи—сказать точнѣе, неполной удачи—много. Главная изъ нихъ—частный характеръ мотивовъ. Ихъ было два: протестъ противъ введенія военнаго положенія въ царствѣ польскомъ и оказаніе поддержки кронштадтскимъ матросамъ, дабы не допустить примѣненія къ нимъ смертной казни. Забастовкѣ предшествовали невѣроятные слухи, повторявшіеся въ газетахъ, что будто бы сотни матросовъ уже приговорены къ разстрѣлянію; наканунѣ говорили даже, что они уже разстрѣлены.

Во всякомъ случаѣ, снова не горѣли фонари на улицахъ и элек-

тричество въ домахъ, не дѣйствовали телефоны, газетчики продавали одинъ „Правительственный Вѣстникъ". Снова люди голодали. Снова одни отсиживались въ Лугѣ, во Псковѣ, въ Нарвѣ, другіе не могли двинуться изъ Петербурга. Намъ лично пришлось испытать своеобразный способъ путешествія въ Москву. Первый поѣздъ послѣ перерыва былъ отправленъ 4-го ноября. На другой день отошло три—утромъ, днемъ и вечеромъ. Дневной поѣздъ, составленный изъ восемнадцати пассажирскихъ вагоновъ, шелъ до Колпина четыре часа и затѣмъ разорвался; часть пассажировъ изъ оторвавшихся заднихъ вагоновъ вынуждена была пересѣсть въ передніе, часть возвратилась обратно. Вечернему поѣзду болѣе посчастливилось: онъ не разрывался, но шелъ до Москвы двадцать часовъ и останавливался на станціяхъ какъ-то такъ, что приходилось до платформы долго идти по шпаламъ. Отъѣздъ изъ Петербурга совершался поворовски. На вокзалъ впускали черезъ узенькую дверь изъ-подъ воротъ—и поѣзда отходили не отъ обычнаго мѣста отправленія. Сопровождала поѣздъ, въ которомъ мы ѣхали, постоянная кондукторская бригада. Почему она согласилась нарушить забастовку—мы не знаемъ, но ясно было, что она это сдѣлала не безъ смущенія и боязни за судьбу. Главный кондукторъ въ сильномъ волненіи говорилъ, что его только-что записали. На вопросъ: „кто, за что?"—онъ отвѣчалъ: „не знаю, какіе-то люди подошли, спросили фамилію и записали".

Мелочь—чрезвычайно характерная. Власть, безъ которой государственное общеніе не можетъ существовать ни одного часа, перемѣстилась. „Какіе-то люди", особенно страшные своей личной неизвѣстностью, а еще болѣе анонимностью стоящаго за ними чего-то огромнаго и сильнаго, въ сознаніи и въ глазахъ низшихъ служащихъ заняли то самое мѣсто, на которомъ они привыкли видѣть оффиціальное начальство. Это начальство пріучило ихъ къ произвольности распоряженій и къ безпрекословности исполненія. Тѣмъ легче оказалось возможнымъ направлять ихъ мысли и дѣйствія „какимъ-то людямъ"... Нѣсколько дней спустя, намъ случайно довелось присутствовать и видѣть въ Москвѣ, какъ „закрывали" ресторанъ и „снимали" оффиціантовъ въ одной изъ самыхъ большихъ гостинницъ. Въ швейцарскую вошли двое молодыхъ людей и потребовали, чтобы къ нимъ вышли оффиціанты. Управляющій самолично побѣжалъ наверхъ. Черезъ минуту съ нимъ спустились нѣсколько оффиціантовъ. Молодые люди имъ сказали: „закрыть" ресторанъ. Моментально было потушено электричество, вся прислуга ушла, двери въ обѣденную залу были заперты. Не раздалось ни одного протеста, ни со стороны прислуги, обрекавшейся на лишеніе на неопредѣленное время заработка, ни со стороны управляющаго гостинницей, которая обрекалась на громад-

ные убытки... Столь же покорно отнеслись къ своей участи—потихоньку обѣдать въ душныхъ номерахъ—постояльцы. Организаторы забастовокъ сумѣли вкоренить въ массы сознаніе ихъ властнаго авторитета—и въ этомъ ихъ сила.

Но если такъ, то организаторы забастовокъ должны сами проникнуться сознаніемъ отвѣтственности за совершаемое и строго взвѣшивать цѣль и средства прежде, чѣмъ рѣшаться на забастовку. Съ этой точки зрѣнія обращаетъ на себя особенное вниманіе начавшаяся 15-го ноября забастовка почты и телеграфа. Поводомъ для нея послужилъ отказъ графа Витте принять депутацію и отмѣнить распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, воспрепятствовавшаго образованію союза почтово-телеграфныхъ служащихъ, воспретившаго делегатамъ ихъ собраться въ Москвѣ и уволившаго нѣсколькихъ чиновниковъ. Причины болѣе глубокія, какъ онѣ формулированы въ цѣломъ рядѣ воззваній и обращеній бастующихъ, заключаются въ безправномъ положеніи служащихъ почтово-телеграфнаго вѣдомства, въ нищенскомъ жалованьи и въ томъ, что „бываетъ предѣлъ всякому терпѣнію“. „Мы терпѣли—говорится въ обращеніи, напечатанномъ въ газетахъ 20-го ноября,—мы просили, мы ходатайствовали, всѣ наши голоса глохли гдѣ-то въ министерскихъ канцеляріяхъ“. Допустимъ, что отказъ перваго министра принять депутацію отъ почтово-телеграфныхъ служащихъ дѣйствительно былъ „вызовомъ“ и что въ немъ выразилась солидарность гр. Витте съ П. Н. Дурново; допустимъ, что распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ были неправильны, а увольненіе чиновниковъ незаконно и несправедливо; допустимъ, что чиновники въ осуществленіи права союзовъ и собраній не должны ничѣмъ отличаться отъ обывателей; не допустимъ, а признаемъ, какъ несомнѣнный фактъ, что положеніе почтово-телеграфныхъ служащихъ безправно и что ихъ оклады содержанія ограждаютъ лишь отъ голодной смерти. Согласимся, наконецъ, что „истинный“ виновникъ забастовки не служащіе, а правительство, какъ это сказано въ томъ же обращеніи. Но что же изъ всего этого слѣдуетъ? Неужели можно оправдать возвращеніе, хотя бы на нѣсколько дней, современной общественной и государственной жизни къ условіямъ глубокой древности? Неужели причина равноцѣнна принятой мѣрѣ? Современная лихорадочная жизнь требуетъ непрерывныхъ сношеній. На быстротѣ и педантичной точности почты и телеграфа основана вся торговля, управленіе государствомъ, управленіе каждымъ дѣломъ. Прямо или косвенно, но въ непрерывности почтово-телеграфныхъ сношеній заинтересовано все населеніе. Каждый день забастовки причиняетъ ему неисчислимый ущербъ матеріальный и моральный. Такая забастовка разрушаетъ благосостояніе страны на многіе годы.

Представимъ себѣ, что цѣль забастовки будетъ достигнута. Представимъ себѣ, что министръ внутреннихъ дѣлъ будетъ уволенъ, а уволенные имъ чиновники будутъ возвращены на службу, что безпрепятственно образуется союзъ почтово-телеграфныхъ служащихъ и что содержаніе ихъ будетъ увеличено. Развѣ это искупитъ тѣ жертвы, которыя понесла страна въ лицѣ всего населенія? Развѣ это искупитъ утрату довѣрія и кредита на международномъ рынкѣ? Что̀ значатъ четыре-пять чиновниковъ, что̀ значитъ министръ, что̀ значитъ улучшеніе быта служащихъ въ одномъ изъ вѣдомствъ—сравнительно съ насущными и реальными интересами необъятной страны и сто-милліоннаго населенія? Только въ состояніи психическаго гипноза возможно до такой степени потерять масштабъ. Отправляясь отъ интереса общественнаго, наша революція, въ практическомъ примѣненіи идеаловъ, выдвинула интересъ частный, если не личный, то групповой, и на алтарь этого группового интереса безжалостно несетъ общій, всенародный. Пониманіе мѣры исчезло. Получилось нѣчто подобное тому, когда человѣкъ срубаетъ вѣковую сосну, чтобы воспользоваться шишкой, висящей на вершинѣ, или устраиваетъ крушеніе поѣзда, чтобы похитить товару на нѣсколько рублей. Какъ бы человѣкъ ни былъ обиженъ судьбой, несправедливыми дѣйствіями начальства, какъ бы глубоко ни было нарушено его правосознаніе, но если онъ начнетъ жечь городъ и добиваться возстановленія своихъ правъ путемъ разоренія и разрушенія моральныхъ интересовъ жителей, кто не скажетъ, что онъ или преступникъ, или душевно-больной?.. Въ одной типографіи, когда наборщики потребовали платы за забастовочные дни, и хозяинъ сказалъ имъ, что онъ этого сдѣлать не можетъ, и вынужденъ будетъ типографію закрыть, наборщики ему отвѣтили: „это насъ не касается, мы для себя работу найдемъ“. Такъ отвѣтили и могли отвѣтить лица, противопоставлявшія два частныхъ интереса. А имѣли ли хотя крупицу нравственнаго права чиновники почты и телеграфа сказать забастовкою всему населенію Россіи: „это насъ не касается, всякому терпѣнію бываетъ предѣлъ“. И сказать, когда—наканунѣ реализаціи обновленія государственнаго строя.

Мы допускали выше, что чиновники въ осуществленіи права союзовъ и собраній не должны ничѣмъ отличаться отъ обывателей. Мы это сдѣлали потому, что для хода дальнѣйшаго разсужденія было безразлично, должны ли они быть равноправны съ обывателями или нѣтъ. Но въ сущности этотъ тезисъ вызываетъ большія сомнѣнія. Между чиновниками и гражданами государства—огромная разница. Чиновникъ, какъ бы скромно ни было его служебное положеніе, есть

органъ власти. Въ гигантскомъ деревѣ системы управленія государствомъ всѣ вѣтви, вѣточки, отростки и листья находятся въ неразрывной преемственной связи, и въ силу того—въ неразрывномъ же и преемственномъ соподчиненіи. Отъ центра на периферію передается власть. Отъ периферіи къ центру должно идти повиновеніе. Подчиненіе низшаго чиновника высшему вытекаетъ не изъ договора, какъ подчиненіе приказчика хозяину, а изъ того сложнаго понятія, которое обозначается малоопредѣленнымъ терминомъ служебнаго долга. И гражданинъ обязанъ повиновеніемъ власти, но между его повиновеніемъ и повиновеніемъ служебнымъ нѣтъ ничего общаго. Служба создаетъ для чиновника право на власть, и отсюда вытекаютъ ограниченія его правъ, какъ гражданина. Въ частности—ограниченіе, по цѣли и задачамъ, права союзовъ и собраній.

Было бы неправильно полагать, что государственная служба, въ идейномъ о ней представленіи, убиваетъ въ чиновникѣ гражданина. Отнюдь нѣтъ. А потому, поскольку то или иное дѣйствіе чиновникъ совершаетъ какъ гражданинъ, никакія ограниченія въ отношеніи его не должны имѣть мѣста. Онъ можетъ входить во всякаго рода общественныя или политическія организаціи и партіи, участвовать въ соотвѣтствующихъ его политическому міросозерцанію союзахъ и собраніяхъ и т. д. Но какъ чиновникъ, онъ, во имя своей власти, долженъ подлежать ограниченіямъ. Въ благоустроенномъ государствѣ вполнѣ мыслима твердая профессіональная группировка сапожниковъ, писателей, наборщиковъ, фабрикантовъ. Для нея есть логическое основаніе—экономическая борьба въ области отношеній, обусловливаемыхъ свободною взаимностью услугъ. Для профессіональной же группировки чиновниковъ казначейства, почты и телеграфа, акцизныхъ или вообще любого вѣдомства—такого основанія нѣтъ. Ихъ борьба за увеличеніе жалованья есть борьба съ государствомъ, а не соціально-экономическая. Ихъ борьба, на почвѣ силы вмѣсто закона, съ начальствомъ—съ государственно-правовой точки зрѣнія, составляетъ явленіе нетерпимое. Если сапожникъ отказываетъ мнѣ сшить сапоги, я могу обратиться къ другому мастеру, или попробовать такъ или иначе обойтись безъ сапогъ. Но когда казначей отказываетъ выдать слѣдуемыя мнѣ изъ казны деньги, или нотаріусъ отказываетъ засвидѣтельствовать довѣренность, или телеграфистъ не принимаетъ отъ меня депеши, и когда всѣ они ссылаются на несправедливость ихъ начальства или на недостаточный размѣръ получаемаго ими содержанія, для меня нѣтъ выбора. Неужели я, какъ гражданинъ, не вправѣ сказать: „ваши счеты съ тѣми, кто поставилъ васъ управлять обывательскими интересами, меня не касаются“? Гражданинъ для чиновника—не работодатель, и чиновникъ для гражданина—не рабочій. Между

ними не можетъ существовать экономической борьбы. Забастовка же чиновниковъ причиняетъ вредъ прежде всего и главнымъ образомъ гражданамъ. И такой вредъ, сравнительно съ которымъ забастовки на фабрикахъ и заводахъ имѣютъ ничтожное значенiе.

Только крайней степенью раздраженiя противъ отжившаго, но еще не погребеннаго режима можно объяснить сочувственное отношенiе къ почтово-телеграфной забастовкѣ тѣхъ слоевъ общества, для которыхъ анархiя не составляетъ цѣли стремленiй. Перенесемся мысленно въ будущее и перемѣнимъ роли... Образовалась Дума. Большинство—радикальное. Энергичное министерство изъ большинства. Дума приняла законъ объ отмѣнѣ чиновъ и орденовъ и о сокращенiи штатовъ людей „двадцатаго числа". Крѣпко сплоченный союзъ полицiи, земскихъ начальниковъ и губернаторовъ рѣшилъ противодѣйствовать закону и объявилъ забастовку, пока не будетъ свергнуто министерство и не будетъ распущена Дума. Среди чиновниковъ почты и телеграфа произошелъ поворотъ настроенiя. Они примкнули къ забастовкѣ. Какъ къ ней отнесется радикально настроенное общество?..

Въ воззванiи, опубликованномъ 22 ноября, почтово-телеграфные чиновники, протестуя противъ добровольцевъ, ставшихъ на работу въ почтамтѣ, говорятъ: „Они идутъ на помощь правительству, они поддерживаютъ гнилое зданiе самодержавiя, они становятся въ ряды черной сотни! Что дѣлать съ этими преступниками, такъ какъ они совершаютъ политическое преступленiе противъ *народа, борющагося за свои основныя гражданскiя права.* Общество должно дать отпоръ этимъ людямъ, не знающимъ чувства порядочности и нравственности. На свѣтъ ихъ!" Въ томъ-то и дѣло, что чиновники выступили въ данномъ случаѣ не какъ народъ, не какъ граждане, а именно какъ чиновники, въ защиту своихъ служебно-вѣдомственныхъ интересовъ. Въ письмѣ на имя графа Витте „отъ депутатовъ перваго всероссiйскаго делегатскаго съѣзда почтово-телеграфныхъ работниковъ" высказано рѣшенiе „продолжать забастовку до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены слѣдующiя наши требованiя: 1) отмѣна всякихъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ въ цѣляхъ противодѣйствiя организацiи и дѣятельности нашего союза и съѣзда, и 2) прекращенiе всякихъ репрессивныхъ мѣръ по отношенiю къ отдѣльнымъ членамъ союза и немедленное возвращенiе товарищей, уволенныхъ за принадлежность къ союзу". Газеты сообщали, что среди гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства также возникла мысль объ объединенiи на почвѣ различныхъ требованiй. Между прочимъ, на требованiи, кромѣ увеличенiя жалованья и образованiя корпоративнаго суда и т. п., уравненiя ихъ въ правахъ съ офицерами. Военные чиновники желаютъ, чтобы нижнiе чины отдавали имъ честь, какъ офицерамъ, и чтобы за оскорбленiе

ихъ несли тѣ же невѣроятно суровыя кары, какъ за оскорбленіе офицеровъ. Что это—также элементъ борьбы народа за „свои основныя гражданскія права"?..

Еще раньше, чѣмъ чиновниковъ, революція захватила среднія учебныя заведенія. Выразилась она въ ученическихъ сходкахъ, резолюціяхъ и забастовкахъ. Кое-гдѣ иниціатива прекращенія занятій принадлежала преподавателямъ. Во всякомъ случаѣ, и дѣти оказались вовлеченными въ политическое движеніе.

Явленіе—глубоко печальное. Его корни несомнѣнно въ ужасномъ, по своей ненормальности, строѣ и положеніи средней школы. Тридцать лѣтъ не только игнорировалась азбука педагогики, но все дѣлалось прямо вопреки ея аксіомамъ. Политику ввело въ школу само правительство. Реформа печальной памяти гр. Д. А. Толстого имѣла главной цѣлью оградить гимназистовъ отъ всего свѣжаго, живого, ибо она несла съ собой „тлетворное" вліяніе и „вольный духъ". Не принято было во вниманіе лишь немногое: безсиліе грамматическихъ упражненій въ борьбѣ съ дѣйствительной жизнью и съ внѣшкольными впечатлѣніями. Эти впечатлѣнія стремились регулировать очерками исторіи Иловайскаго, гдѣ безталанно и грубо выдавалась за правду нелѣпая ложь, гдѣ походя опорочивались судъ присяжныхъ, земство и лучшіе авторы, гдѣ историческіе факты оцѣнивались подъ угломъ зрѣнія передовицъ „Московскихъ Вѣдомостей". Система развитія квасного патріотизма называлась „воспитаніемъ въ духѣ истинныхъ русскихъ началъ". Между школой и жизнью естественно произошелъ разладъ, и жизнь столь же естественно, въ сознаніи даже дѣтей, побѣдила школу. Первый проблескъ революціоннаго взрыва пробудилъ даже въ дѣтяхъ желаніе свергнуть ненавистный своей безсмысленностью школьный режимъ. Скачки послѣднихъ лѣтъ, отъ строгаго классицизма къ фактическому упраздненію изученія древнихъ языковъ и обратно, отъ внѣшней распущенности къ солдатской дисциплинѣ и тоже обратно, внесли въ режимъ полный сумбуръ, окончательно отучили учащихся отъ труда и усилили тонъ ихъ отрицательнаго отношенія къ школѣ.

Развившееся на этой почвѣ движеніе воспитанниковъ, имѣя за собою фонъ общаго освободительнаго движенія, вылилось въ самыя сложныя формы, въ которыхъ дѣтское перемѣшалось съ недѣтскимъ, серьезное съ вызывающимъ грустную улыбку. Изъ гимназій раздались требованія (!!) свободы сходокъ и немедленнаго созыва народныхъ представителей всеобщей, равной и т. д. подачей голосовъ, неприкосновенности личности и увольненія такого-то учителя, отмѣны положенія усиленной охраны и разрѣшенія носить гимназистамъ неформенное платье, политической амнистіи и предоставленія старостамъ-ученикамъ

контролировать оцѣнку преподавателями знанія заданнаго урока. Раздалось: „впредь до удовлетворенія нашихъ требованій, мы не считаемъ возможнымъ“ и т. д. Растерявшееся начальство стало обращаться къ полиціи!..

Какъ относятся къ ученическому движенію тѣ, кого оно всего больнѣе затрагиваетъ—родители? Въ газетахъ писали, что одни родительскія собранія приняли сторону протестующихъ дѣтей, другія—наоборотъ. То собраніе, на которомъ намъ лично случилось присутствовать, принадлежало къ числу послѣднихъ. На приглашеніе обсудить, совмѣстно съ преподавательскимъ персоналомъ, положеніе, создавшееся въ закрытой болѣе недѣли гимназіи, отозвалось свыше двухсотъ отцовъ и матерей, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества. Были и чиновники, и торговцы, крупные и мелкіе, и священники, и лица, такъ называемыхъ, свободныхъ профессій. Сыновья, зная о родительскомъ собраніи, пришли просить, чтобы были допущены и выслушаны ихъ депутаты. Когда директоръ объ этомъ сообщилъ, въ отвѣтъ послѣдовало негодующее и шумное: „не пускать, не надо“. Немногимъ отдѣльнымъ лицамъ и въ числѣ ихъ нѣкоторымъ педагогамъ, пытавшимся поддержать просьбу воспитанниковъ, не давали говорить. При баллотировкѣ подавляющее большинство просьбу отвергло. Затѣмъ приступили къ обсужденію вопроса по существу. Общій характеръ рѣчей былъ чрезвычайно суровый: дѣти должны учиться и не смѣютъ вмѣшиваться въ политику; язва, которая завелась въ гимназіи, должна быть съ корнемъ вырвана, а для этого надо немедленно исключить бунтовщиковъ. Указанія на то, что причина явленія лежитъ слишкомъ глубоко, чтобы возможно было бороться съ нимъ исключеніемъ воспитанниковъ, звучали слабо и не вызывали сочувствія. Рѣшеніе педагогическаго совѣта возобновить занятія съ предоставленіемъ ученикамъ старшихъ четырехъ классовъ собираться на сходки—во внѣклассное время, безъ допуска постороннихъ и подъ наблюденіемъ преподавателей, было принято съ одобреніемъ только половиной собранія. Со стороны другой половины и эта скромная уступка встрѣтила рѣзкое осужденіе.

Мы далеки отъ мысли обобщать личныя впечатлѣнія, вынесенныя изъ одного родительскаго собранія. Мы отмѣчаемъ ихъ, какъ фактъ. Родители—люди эгоистичные, не склонные отрѣшаться отъ непосредственныхъ интересовъ ихъ собственныхъ дѣтей. Въ словахъ наиболѣе горячихъ ораторовъ слышалась нота личнаго недовольства и раздраженія: „я“, отдалъ сына въ гимназію, „я“ плачу деньги, „мой“ сынъ примѣрный мальчикъ, какіе-то невѣдомые бунтари, которыхъ „я“ не знаю и знать не хочу, мѣшаютъ ему учиться и готовятъ изъ него такого же бунтаря. Выводъ ясный и простой: бунтарей

выгнать. А гдѣ же отцы этихъ бунтарей? Ихъ не было. Они навѣрное въ залѣ были, и весьма вѣроятно, что именно изъ ихъ устъ выходили наиболѣе энергичныя и прямолинейныя требованія. Они только не знали, что ихъ „примѣрные мальчики" дома—въ гимназіи имѣютъ совсѣмъ иную репутацію. Разладъ у дѣтей произошелъ не съ одной школой, но и съ семьей—и въ этомъ трагизмъ положенія. Повторилась старая исторія: въ сутолокѣ жизни отцы проглядѣли сыновей... Но мы не хотѣли бы обобщать и этого впечатлѣнія. Многіе отцы, очевидно, имѣли въ виду такихъ сыновей, которые по возрасту не могутъ быть активными бунтарями, и ихъ горячее желаніе оставить дѣтей, въ буквальномъ смыслѣ слова, въ сторонѣ отъ политическаго движенія нельзя не признать совершенно основательнымъ. Дѣйствительно, гимназія объединяетъ десятилѣтнихъ мальчиковъ и болѣе взрослыхъ дѣтей. Объединяетъ единствомъ режима, системы преподаванія и воспитанія, единствомъ помѣщенія. Классы распредѣляются по корридорамъ случайно: восьмой рядомъ со вторымъ, седьмой рядомъ съ первымъ. Въ перерывахъ между уроками въ одной залѣ гуляютъ воспитанники восьмого класса и второго, а воспитанники седьмого и перваго гуляютъ въ другомъ концѣ зданія. Въ билетахъ, съ напечатанными на нихъ правилами, выдаваемыхъ десятилѣтнимъ дѣтямъ, говорится, что имъ воспрещается носить бороду и усы и курить. Ясно, что все это—ненужный и легко устранимый вздоръ, порождающій, однако, далеко не вздорные результаты. Какъ послѣ этого не устроить сходки дѣтямъ перваго или второго класса, не выбрать старостъ, не сдѣлать скандала учителю, когда на ихъ глазахъ, рядомъ, за стѣной, обсуждаютъ свои нужды, въ связи съ нуждами народа и государства?! Запретное особенно манитъ къ себѣ.

Практическое слѣдствіе движенія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—перерывы занятій, то на три дня, то на недѣлю, то на двѣ недѣли. Полугодіе для воспитанниковъ потеряно. Они провели его въ праздности. Многіе десятки дѣтей узнали казацкія нагайки. Для многихъ завершеніе образованія надолго отсрочено, для иныхъ прекращено навсегда. Грустно и печально!..

Не менѣе печально непрерывное продолженіе занятій въ одномъ изъ привилегированныхъ заведеній — въ училищѣ правовѣдѣнія, купленное цѣною увольненія, по иниціативѣ товарищей, около двадцати воспитанниковъ и ухода нѣскольких лучшихъ профессоровъ. Товарищи потребовали, чтобы „либеральные" воспитанники оставили училище, и начальство восхвалило ихъ за это требованіе. Частный самъ по себѣ эпизодъ, но характерный. Неужели начальство думаетъ, что оно сдѣлало благо для вѣрныхъ „долгу" и „традиціямъ училища" воспитанниковъ, удовлетворивъ ихъ анти-товарищеское требованіе?

Въ послѣднихъ числахъ октября произошли волненія среди матросовъ и сухопутныхъ солдатъ въ Кронштадтѣ, потомъ былъ бунтъ запасныхъ во Владивостокѣ, затѣмъ разыгрались событія въ Севастополѣ, окончившіяся бомбардировкой города, обстрѣливаніемъ съ батарей стоявшихъ на рейдѣ судовъ и береговыхъ казармъ, атакой въ штыки и штурмомъ. Затѣмъ происходила осада воронежскаго дисциплинарнаго баталіона, зданія котораго заключенные, прежде чѣмъ сдаться, сожгли. Наконецъ, послѣднее извѣстіе изъ Кіева: „17-го ноября вновь сформированная при пятомъ понтонномъ баталіонѣ рота отказалась заступать караулъ и, несмотря на принятыя командиромъ баталіона мѣры, утромъ 18 ноября вышла, разобравъ ружья, на улицу. Къ взбунтовавшейся ротѣ вскорѣ присоединились и другія части саперной бригады. Бунтовщики направились въ городъ съ цѣлью присоединить къ себѣ и другія части войскъ, квартирующихъ въ городѣ, и поддерживать забастовавшихъ рабочихъ мѣстныхъ заводовъ и желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Противъ взбунтовавшихся командъ были высланы наряды казаковъ, которые были встрѣчены огнемъ. Около казармъ 45-го азовскаго пѣхотнаго полка бунтовщики были встрѣчены залпомъ 168 пѣхотнаго миргородскаго полка, выставленнаго для преграждения имъ пути; залпомъ убито нѣсколько десятковъ нижнихъ чиновъ, число раненыхъ неизвѣстно“. Мы перечислили только самые крупные факты и не коснулись менѣе важныхъ, въ числѣ которыхъ есть, впрочемъ, и такіе, какъ арестованіе свыше двухсотъ нижнихъ чиновъ военной электротехнической школы въ Петербургѣ.

Соціалъ-демократическіе и соціалъ-революціонные органы печати нѣсколько переоцѣниваютъ значеніе развившагося движенія въ войскахъ. Кромѣ того, стремясь усилить впечатлѣніе, они печатаютъ непровѣренные слухи, которые потомъ оказываются сплошнымъ вымысломъ. Такъ, напримѣръ, не имѣли подъ собой никакихъ фактическихъ данныхъ сообщенія объ отказѣ нести службу двухъ полевыхъ батарей въ г. Гродно, о массовыхъ арестахъ въ частяхъ войскъ, расположенныхъ въ Царскомъ-Селѣ, и т. п. Но, во всякомъ случаѣ, происходящее въ войскахъ движеніе составляетъ явленіе, приковывающее къ себѣ вниманіе. Что оно означаетъ? Къ сожалѣнію, почтово-телеграфная забастовка лишила общество возможности знать подробности главнѣйшихъ событій— имѣвшихъ мѣсто въ Севастополѣ, и судить о нихъ приходится на основаніи оффиціальныхъ телеграммъ, заключающихъ въ себѣ болѣе словъ, чѣмъ фактовъ.

По нашему мнѣнію, необходимо раздѣльно оцѣнивать движеніе во флотѣ и въ сухопутной арміи. Во флотѣ оно несомнѣнно пустило глубокіе корни. Флота, въ смыслѣ войска, въ Россіи не существуетъ— это надо признать. Не существуетъ ни въ отношеніи плавучихъ и

боевыхъ средствъ, ни въ отношеніи личнаго состава нижнихъ чиновъ. Это доказали Портъ-Артуръ, Цусима, прошлогоднія волненія въ Либавѣ, „Потемкинъ", Кронштадтъ и Севастополь. Гдѣ только есть болѣе или менѣе значительное скопленіе матросовъ—вездѣ были безпорядки. Флотъ расплатился за морской цензъ, за педантично скрывавшіяся злоупотребленія начальства, за дворянскія традиціи корпуса офицеровъ, за своеобразное пониманіе дисциплины, за полное обособленіе отъ сухопутныхъ войскъ—и исчезъ. Силою въ рукахъ правящей власти онъ болѣе не будетъ, ни въ морѣ, ни на берегу. Станетъ ли силою въ рукахъ революціи—думаемъ, что тоже нѣтъ. Въ командахъ флотскихъ нижнихъ чиновъ произошло внутреннее разложеніе. Онѣ не способны къ повиновенію; онѣ утратили цементъ, склеивающій вооруженную массу въ компактное цѣлое, могущее служить реальной силой. Нѣкоторыя изъ предъявляемыхъ матросами требованій въ этомъ отношеніи весьма характерны: не отдавать чести офицерамъ, курить на улицѣ, свободно выходить изъ казармъ и ночевать на частныхъ квартирахъ. Это—требованія распущенности. Ея они хотятъ, къ ней стремятся и изъ-за нея борются рука объ руку съ революціонными элементами. Но когда революція потребуетъ отъ нихъ дѣла, стойкости, повиновенія—они отвѣтятъ тѣми же волненіями, безпорядочной стрѣльбой, грабежомъ и разгуломъ, какіе видѣлъ и испыталъ Кронштадтъ.

Въ оцѣнкѣ фактовъ, касающихся сухопутной арміи, также надо проводить нѣсколько различій. Во-первыхъ, надо выдѣлить событія въ Воронежѣ. Дисциплинарный баталіонъ—не войско, а мѣсто отбытія наказанія, закрытая казарма, полутюрьма. Заключенные, хотя и занимаются воинскими упражненіями, но они болѣе арестанты, чѣмъ солдаты. Они и сожгли, какъ арестанты, свои казармы-острогъ. Во-вторыхъ, нельзя строить никакихъ выводовъ и заключеній изъ того, что въ Кронштадтѣ и въ Севастополѣ нѣкоторые отдѣльные нижніе чины и мелкія войсковыя соединенія дѣйствовали вмѣстѣ съ матросами, ибо на соединенія крупныя движеніе не распространялось. Въ-третьихъ, надо рѣзко различать волненія запасныхъ и состоящихъ на срочной службѣ. Запасные имѣютъ совершенно особый обликъ и не ими опредѣляется физіономія арміи. Война окончилась, они рвутся домой, а ихъ увольненіе замедливается—вотъ доминирующая причина ихъ недовольства. Считая виновникомъ неувольненія начальство, запасные готовы на самыя рѣзкія противъ него дѣйствія. Если же они увидятъ виновника въ бастующихъ рабочихъ, то направятъ свою силу на нихъ. Въ началѣ ноября, въ Самарѣ, пришлось экстренно демобилизовать восемь тысячъ запасныхъ, дабы предотвратить еврейскій погромъ и избіеніе рабочихъ и студентовъ. Запаснымъ почему-то

пришло въ голову, что ихъ не отпускаютъ вслѣдствіе того, что готовится погромъ со стороны черной сотни, и что ихъ оставляютъ на службѣ для защиты студентовъ, рабочихъ и евреевъ. Тогда они собрались, рѣшили уничтожить виновниковъ своего неувольненія и назначили для того день. Въ-четвертыхъ, слѣдуетъ имѣть въ виду отличіе строевыхъ воинскихъ командъ и частей отъ нестроевыхъ и исключительность нѣкоторыхъ изъ нихъ, главнымъ образомъ, по комплектованію. Къ числу такихъ исключительныхъ частей относится и рота военной электротехнической школы, сплошь пополняемая слесарями, монтерами и техниками различныхъ спеціальностей.

Если принять въ соображеніе всѣ приведенныя оговорки, то окажется, что въ сухопутныхъ войскахъ общаго типа крупныхъ случаевъ проявленія революціоннаго настроенія еще не было. Исключеніе, быть можетъ, составляетъ событіе 17-го ноября въ Кіевѣ, но судить о немъ по одной телеграммѣ было бы рискованно. Мы отнюдь не отвергаемъ возможности развитія и бурнаго проявленія революціи въ сухопутныхъ войскахъ; мы только констатируемъ фактъ. И не скроемъ, что констатируемъ его съ чувствомъ удовлетворенія, ибо войско, захваченное въ водоворотъ революціи, столь же опасно для нея самой, сколь опасно оно для строя, на ниспроверженіе котораго революція направляетъ свои усилія. Всякая государственная организація и всякое право, въ концѣ концовъ, опираются на матеріальную силу. Эту конечную силу въ государствѣ представляетъ войско, которое потому должно быть построено на началахъ, соотвѣтствующихъ условіямъ успѣшнаго дѣйствія матеріальныхъ силъ вообще. Войско должно управляться и опредѣляться къ дѣйствію волею, внѣ его стоящею и отъ него независимою. Функція войска есть исключительно служебная. Войско самоопредѣляющееся не только составляетъ теоретическій абсурдъ, но оно немыслимо ни при какомъ строѣ—ни при самодержавіи монарха, ни при самодержавіи народа, ни при любой смѣшанной формѣ. Способъ комплектованія арміи тутъ не играетъ никакой роли. Смыслъ милиціи, также точно какъ и постоянной регулярной арміи, въ томъ, что она—сила. Пока эта сила послушна управляющей ею волѣ, она—положительный факторъ въ государствѣ. Съ того же момента, когда она вступила на путь самоопредѣленія, она становится факторомъ отрицательнымъ. Государство теряетъ опору. Опора обращается въ самодовлѣющій организмъ. Получается государство въ государствѣ. И кто побѣдитъ: организованная ли сила, или лишенное силы право—сомнѣній быть не можетъ. И куда направитъ судьбы государства диктатура войска—исторія говоритъ краснорѣчиво. Войску свойственны принципы абсолютизма, подавленія личности и свободы; ему, какъ грубой фактической силѣ, свойственъ произволъ. Горе тому

народу, который путемъ военныхъ возстаній мечтаетъ добиться свободы, равенства и права. Гораздо легче снять узду съ сильной и своенравной лошади, нежели ее снова взнуздать...

Съ 6-го по 13-ое ноября происходили въ Москвѣ засѣданія шестого съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей. День открытія съѣзда совпалъ съ годовщиной начала занятій въ Петербургѣ частнаго совѣщанія предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и нѣкоторыхъ земскихъ гласныхъ.

Мы живо помнимъ 6-ое ноября прошлаго года. Послѣ долгихъ переговоровъ съ княземъ Святополкъ-Мирскимъ, Д. Н. Шипову удалось получить не разрѣшеніе собраться въ частной квартирѣ, безъ допуска публики и представителей печати, а обѣщаніе, что если земцы соберутся, то полиція ихъ не разгонитъ. Къ назначенному часу въ квартиру И. А. Корсакова стали собираться другъ другу мало извѣстные случайные представители земскихъ губерній. Каждый торопился отпустить извозчика, чтобы не обратить на себя вниманія и незамѣтно войти въ подъѣздъ. Д. Н. Шиповъ открылъ совѣщаніе и, будучи избранъ предсѣдателемъ, изложилъ цѣль созыва и исторію образованія совѣщанія. Собраніе приступило къ обсужденію проекта получившихъ затѣмъ такую широкую извѣстность резолюцій. Резолюціи обсуждались три дня—каждый день въ разныхъ помѣщеніяхъ, дабы не обнаружить существованіе совѣщанія. 8-го ноября резолюціи были подписаны въ квартирѣ В. Д. Набокова ста двумя лицами. Въ преніяхъ шла рѣчь о гражданской свободѣ, о равноправности сословій и національностей, о правовой основѣ государственнаго бытія или этико-соціальной. Слово „конституція", если и употреблялось, то вскользь; ораторы предпочитали его замѣнять описательными выраженіями. Словъ „республика", „революція" и въ поминѣ не было. Принятыя резолюціи были разосланы по земствамъ въ рукописныхъ копіяхъ; одна-двѣ типографіи ихъ отпечатали, тщательно скрывъ мѣсто печатанія...

Прошелъ всего годъ—и какъ мы безконечно далеки отъ этой картины! Она рисуется, какъ что-то давнымъ-давно прошлое, какъ что-то, чему свидѣтелями были не мы сами, а наши отцы и дѣды. О созывѣ съѣзда на 6-ое ноября 1905 г. было извѣстно задолго до его открытія не только всей Россіи, но Европѣ и Америкѣ. Его ждалъ и въ немъ желалъ найти поддержку предсѣдатель совѣта министровъ. За протекшій годъ съѣздъ изъ земскаго преобразился въ земско-городской. Многіе земства и города имѣли въ немъ оффиціально, въ законныхъ засѣданіяхъ, выбранныхъ представителей. Царство поль-

ское прислало делегатовъ отъ политическихъ партій. Представлены были западныя губерніи, области казачьихъ войскъ, Кавказъ и Сибирь. Присутствовавшей въ засѣданіяхъ публики было больше, чѣмъ членовъ съѣзда. Едва ли не всѣ большія газеты и телеграфныя агентства имѣли спеціальныхъ корреспондентовъ, разсылавшихъ по телеграфу и телефону отчеты о преніяхъ и воспроизводившихъ даже отдѣльныя рѣчи. Главный предметъ сужденій составляли опредѣленіе отношенія съѣзда къ министерству графа Витте и къ манифесту 17-го октября, вопросъ объ учредительномъ собраніи и объ автономіи Польши. Оспаривалась конституціонная монархія. Говорили, не скрывая: „я соціалъ-демократъ“, „я республиканецъ“.

На содержаніи рѣшеній съѣзда отразилась, съ одной стороны, неопредѣленность положенія, занятаго правительствомъ, съ другой—невыясненность степени развитія активной революціи. Всѣ рѣшенія полны поэтому условныхъ оговорокъ и не исключаютъ различныхъ толкованій. Какъ отнестись къ растущему аграрному и черносотенному движенію — осталось безъ отвѣта. Въ немъ желали скорѣе видѣть искусственную руку реакціи, поддержанной мѣстной администраціей, чѣмъ признаки контръ-революціи. Вступить на путь дѣйствій съѣздъ не рискнулъ.

Одновременно съ земско-городскимъ, въ Москвѣ же засѣдалъ съѣздъ крестьянскій. Объ образованіи всероссійскаго союза крестьянъ, кое-какія свѣдѣнія проникали въ печать еще съ лѣта. Но цензурныя условія препятствовали полнотѣ свѣдѣній, и что̀ это за союзъ — дѣйствительно ли обще-крестьянскій, или партійно-политическій—оставалось загадкой.

Между тѣмъ, естественно, что крестьянство — его настроеніе и идеалы — всего болѣе интересуетъ въ переживаемый моментъ мыслящее общество. Крестьянъ болѣе 80% населенія Россіи. Какіе бы выборы въ Думу ни были, они представятъ собою наибольшую численную силу, и, слѣдовательно, прямо или косвенно опредѣленіе судебъ Россіи конституціонной будетъ принадлежать именно имъ. А кто они—общество не знаетъ. Партіи, занимающія самые крайніе полюсы, видятъ въ нихъ своихъ союзниковъ и одинаково утверждаютъ, что идутъ съ крестьянствомъ и во имя его идеаловъ. Такъ говорятъ сторонники трехчленной формулы: православіе, самодержавіе и народность—и такъ же точно говорятъ соціалисты-революціонеры. Иниціатива созыва ноябрьскаго съѣзда принадлежала послѣднимъ и выработанныя съѣздомъ постановленія весьма близки къ ихъ партійной программѣ. Высказать, однако, о крестьянскомъ союзѣ наше окончательное сужденіе мы пока воздерживаемся.

Нелегко будетъ русскому обществу перейти къ правовому порядку и проникнуться чувствомъ законности.

Не такъ давно, въ одной мѣстной коллегіи смѣшаннаго состава возникъ споръ о соотношеніи между данной коллегіей и другой, вѣдающей тѣ же дѣла, только въ иномъ порядкѣ и въ иномъ объемѣ. Въ засѣданіи участвовалъ свѣжій человѣкъ, впервые вступившій въ число членовъ коллегіи. Онъ раскрылъ соотвѣтственный законъ и прочелъ двѣ-три статьи, исключающія всякую возможность возникновенія спора. Онъ недоумѣвалъ, почему люди спорятъ, какъ могутъ опытные въ дѣлѣ чиновники не знать закона. Оказалось, что присутствовавшіе много разъ законъ читали и отлично его знаютъ, но...

— Этотъ законъ не дѣйствуетъ, отмѣненъ, — уничтожающе отрѣзалъ уѣздный авторитетъ. Въ тонѣ голоса слышалось глубокое презрѣніе къ мнящему себя юристомъ профану.

— Когда, кѣмъ?

— Уже годъ назадъ, циркуляромъ его превосходительства такого-то.

И профану показали длинную и, какъ всегда бываетъ, туманную бумагу. Прямо въ ней не говорилось ни да, ни нѣтъ. Но изъ-за красотъ канцелярскаго слога ясно сквозило желаніе, чтобы законъ не дѣйствовалъ.

Эпизодъ весьма характерный. Дебри нашего права, за время вѣкового неограниченнаго господства бюрократіи, обросли дремучимъ лѣсомъ явныхъ, а еще болѣе тайныхъ инструкцій, циркуляровъ, толкованій, разъясненій и т. д. Судья не вдумывается въ законъ. Когда онъ рѣшаетъ казусный случай, то обращается въ ищейку и часами роется въ своей памяти, въ справочныхъ изданіяхъ и въ ворохахъ кассаціонныхъ рѣшеній, въ надеждѣ найти подходящій нумерокъ—опубликованный или неопубликованный. Администраторъ, главная задача котораго нюхать воздухъ, дабы дѣйствовать сообразно поминутно мѣняющимся и трудно осязаемымъ „видамъ правительства"—этотъ уже прямо боится закона. Нарушишь законъ, но исполнишь волю начальства — начальство заступится и еще въ утѣшеніе за непріятности отъ какого-нибудь кляузника представитъ къ наградѣ. Нарушишь волю начальства или сдѣлаешь вопреки „видамъ правительства", хотя бы и на точномъ основаніи закона—не жди ни наградъ, ни повышеній. Еще самъ прослывешь кляузникомъ. „Я вамъ дѣло говорю, а вы мнѣ на законъ тычете"—было любимой фразой одного умершаго нѣсколько лѣтъ назадъ администратора, своей безпримѣрно блестящей служебной карьерой доказавшаго житейскую непреложность непонятнаго для иностранца афоризма.

Отвлеченную теоретичность законодательныхъ опредѣленій позналъ и обыватель. Въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ очень

трудно бываетъ доказать правоту своего сужденія ссылкою на законъ или его логическимъ разборомъ. У слушателей всегда копошится сомнѣніе: а нѣтъ ли сенатскихъ рѣшеній, не было ли министерскаго циркуляра. И чрезвычайно рѣдко, при конфликтѣ закона съ разъясненіемъ, постановленіе выносится на основаніи закона, а не на основаніи циркуляра или рѣшенія. Развѣ только по крупнымъ принципіальнымъ вопросамъ, когда земство или городская дума впередъ отваживаются идти на многолѣтнюю волокиту протестовъ и обжалованій.

Единственная цѣль инструкціи или циркуляра изъяснять, въ порядкѣ подчиненнаго управленія, условія примѣненія закона. Единственное оправданіе — въ неясности законодательнаго текста. Бюрократія же въ циркулярахъ и инструкціяхъ нашла легкій и вѣрный способъ, подъ флагомъ „изъясненія", законъ измѣнять. Любопытный примѣръ изъ времени управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Д. С. Сипягина. Министерство входило съ представленіемъ въ государственный совѣтъ о томъ, чтобы уѣздныя земскія собранія оканчивали свои очередныя сессіи до 1 октября, а губернскія—до 1 декабря. Государственный совѣтъ представленіе видоизмѣнилъ, и въ 1901 году послѣдовало изданіе закона, Высочайшей властью утвержденнаго, согласно коему сессіи уѣздныхъ собраній должны начинаться не позже 1 октября, а губернскихъ — не позже 1 декабря. Казалось бы, что̀ можетъ быть яснѣе? Министерство же, почти одновременно съ опубликованіемъ новаго закона, сочло нужнымъ „въ изъясненіе" его циркулярно предложить губернаторамъ принять мѣры къ тому, чтобы уѣздныя собранія оканчивали сессіи до 1 октября и губернскія до 1 декабря. Комментировать циркуляръ излишне. Что̀ страннаго, если въ глазахъ уѣзднаго чиновничества циркуляръ начальства всегда съ успѣхомъ конкуррируетъ съ опредѣленіями свода законовъ!

Излюбленнымъ дѣтищемъ администраціи вотъ уже 15 лѣтъ неизмѣнно являются земскіе начальники. За это время перемѣнилось шесть министровъ. И хотя всѣ они болѣе или менѣе одинаково любовно относились къ давящему „деревню" институту, но каждый обязательно вкладывалъ свое „я" въ обезпеченіе его неприкосновенности и въ упорядоченіе дѣятельности мѣстныхъ судей-администраторовъ. Естественно, что циркуляровъ о земскихъ начальникахъ и для земскихъ начальниковъ накопилось неисчислимое множество. Тощее „Положеніе" 1889 г., въ изданіи частныхъ предпринимателей, снабдившихъ его подстатейными разъясненіями, обратилось въ огромный, увѣсистый томъ.

Но пока, все-таки, былъ только одинъ томъ. А теперь положено начало второму. Изданъ наказъ земскимъ начальникамъ, заключающій

въ себѣ сотни статей. И не успѣлъ еще никто наказа хорошенько прочесть, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ распубликовалъ циркуляръ (отъ 31 августа 1905 г., № 30) губернаторамъ „о введеніи въ дѣйствіе наказа“. Получилась инструкція объ инструкціи, циркуляръ о циркулярѣ. Яснѣе ли отъ того сталъ законъ?

Циркуляръ, между прочимъ, пытается ввести въ границы произволъ земскихъ начальниковъ. Отправною точкою для разсужденій по этому предмету служитъ „признаніе ихъ властью правительственною“. „Изъ этого начала непосредственно вытекаетъ обязанность земскихъ начальниковъ слѣдовать въ своихъ дѣйствіяхъ общему порядку и цѣлямъ правительственной дѣятельности, не поставляя, вмѣсто нихъ, ни собственнаго, хотя бы и благожелательнаго, усмотрѣнія, ни безотчетнаго и постоянно мѣняющагося способа дѣйствій“.

Поэтому,—продолжаетъ циркуляръ,—какъ внѣшнія процессуальныя формы дѣятельности земскихъ начальниковъ, „такъ и внутреннее ея содержаніе“, должны быть повсемѣстно однородны, „не завися отъ личныхъ соображеній отдѣльныхъ исполнителей“. „Такому положенію отнюдь не противорѣчатъ предоставленныя земскимъ начальникамъ, согласно дѣйствующему закону, нѣкоторыя дискреціонныя полномочія. Подобнаго рода полномочія являются вообще непремѣнной принадлежностью административной дѣятельности, которая состоитъ, въ извѣстной части, въ приложеніи административныхъ полномочій къ непрерывно мѣняющимся янленіямъ, ускользающимъ по своему свойству отъ точной регламентаціи закона. Примѣненіе такихъ полномочій, однако, только тогда можетъ быть почитаемо законнымъ, когда оно происходитъ въ опредѣленныхъ, указанныхъ закономъ, рамкахъ и цѣляхъ“.

Что представляютъ собой приведенныя слова? Правила для руководства, или теоретическое разсужденіе въ категорической формѣ о болѣе чѣмъ спорныхъ положеніяхъ?

Создать внѣшнія однородныя процессуальныя условія дѣятельности нетрудно, и наказъ это дѣлаетъ. Но какъ сдѣлать, чтобы была однородна дѣятельность земскихъ начальниковъ „и по внутреннему содержанію“, когда опредѣляющимъ его началомъ служитъ не законъ, а „общій порядокъ и цѣли правительственной дѣятельности“, нигдѣ и никѣмъ не формулированныя — остается такой же неразрѣшимой загадкой, какой были и до циркуляра всѣ соображенія объ ограниченіи произвола земскихъ начальниковъ.

Съ другой стороны, циркуляръ несомнѣнно отступаетъ отъ буквы и духа „Положенія“ 1889 года. „Собственное благожелательное усмотрѣніе“ неразрывно связано съ той степенью дискреціонныхъ полномочій, какими снабжены земскіе начальники. Циркуляръ заблуждается,

прилагая къ земскимъ начальникамъ общія нормы административной дѣятельности. Будучи властными „попечителями“ крестьянъ и обладая дисциплинарными правами надъ лицами, не состоящими на службѣ, они занимаютъ совершенно обособленное положеніе, не допускающее ни сопоставленій, ни обобщеній.

Тотъ же циркуляръ констатируетъ многіе давно извѣстные неприглядные факты дѣятельности земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ. Послѣдніе, значится въ циркулярѣ, обратились въ учрежденія, огульно утверждающія постановленія земскихъ начальниковъ и огульно же оставляющія безъ уваженія приносимыя на нихъ жалобы. И въ этомъ отношеніи соображенія циркуляра суть отвлеченныя разсужденія. Причина явленія лежитъ слишкомъ глубоко: въ принципахъ, на которыхъ покоятся основы образованія уѣздныхъ съѣздовъ.

То обстоятельство, что циркуляръ отъ 31 августа проникнутъ лучшими желаніями измѣнить законъ 1889 г., въ смыслѣ ограниченія висящаго надъ несчастной „деревней“ произвола, отнюдь не располагаетъ въ его пользу. Ближайшимъ его слѣдствіемъ будетъ еще бо̀льшая путаница и рознь въ дѣйствіяхъ земскихъ начальниковъ. Дефекты закона можно исправлять только закономъ же. Особенно это приложимо къ институту земскихъ начальниковъ. Его исправлять нельзя, его необходимо упразднить. Манифестъ 17 октября рѣшилъ судьбу земскихъ начальниковъ безповоротно.

Два курьеза изъ газетъ.

Одна газета занесла на свои страницы слѣдующую сценку, происходившую на Садовой улицѣ, 27 октября:

„Вокругъ посыльнаго собралась толпа хулигановъ, оживленно о чемъ-то бесѣдовавшихъ. По временамъ изъ толпы раздавался голосъ посыльнаго:

— Господа православные, соединяйтесь, организуйтесь и тому подобное, объединяйтесь, кто какъ можетъ, ибо необходимо вырѣзать всѣхъ студентовъ, курсистокъ и жидовъ. Въ противномъ случаѣ они захватятъ власть и устранятъ православную вѣру.

Объ ораторскихъ талантахъ посыльнаго однимъ изъ свидѣтелей доведено до свѣдѣнія прокурора с.-петербургскаго окружного суда“.

Какъ назвала бы газета свидѣтеля и его поступокъ, если бы посыльный говорилъ наоборотъ?

Въ другой газетѣ, отъ 16 ноября, на первой страницѣ (не въ отдѣлѣ объявленій) было напечатано крупнымъ шрифтомъ: „Группа сознательныхъ матросовъ всѣхъ экипажей, расположенныхъ въ С.-Петербургѣ, объявляетъ бойкотъ кондуктору Шарову“. На слѣдующій

день газета сообщила, что кондукторъ Шаровъ состоитъ рулевымъ на какомъ-то военномъ суднѣ.

Итакъ, читатель, знайте: есть на свѣтѣ кондукторъ Шаровъ (немного больше матроса и много меньше мичмана) и помните, что онъ долженъ почитаться „яко же умре"—группа „сознательныхъ" матросовъ этого отъ васъ требуетъ... Изъ всего серьезнаго можно сдѣлать смѣшное!

Въ истекшемъ мѣсяцѣ скончались И. М. Сѣченовъ, В. В. Лесевичъ и А. Л. Шанявскій.

И. М. Сѣченовъ былъ въ одно и то же время и ученымъ, двигающимъ впередъ свою науку, и популяризаторомъ, знакомящимъ съ нею широкіе общественные круги [1]). Какъ профессоръ, онъ не разъ встрѣчалъ преграды, заставлявшія его переходить изъ одной высшей школы въ другую. Не свободной отъ препятствій была и его литературная дѣятельность. Его статья: „Попытка ввести физіологическія основы въ психологическіе процессы", написанная въ 1863 году, не была допущена къ печати въ „Современникѣ"; цензурное вѣдомство нашло возможнымъ только помѣщеніе ея въ медицинскомъ или другомъ спеціальномъ журналѣ, и то не иначе, какъ подъ условіемъ измѣненій и сокращеній. Неудобнымъ было найдено, между прочимъ, самое заглавіе статьи, какъ слишкомъ ясно указывающее на конечные ея выводы. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда вступилъ въ дѣйствіе новый законъ о печати, эта статья, слегка измѣненная, была напечатана въ видѣ книги, подъ заглавіемъ: „Рефлексы головного мозга". Министерство внутреннихъ дѣлъ распорядилось арестованіемъ этой книги и сообщило прокуратурѣ о возбужденіи противъ автора судебнаго преслѣдованія. Прокуроръ с.-петербургской судебной палаты не нашелъ въ книгѣ Сѣченова ничего противозаконнаго; его поддержалъ министръ юстиціи, и въ концѣ концовъ пересталъ настаивать на преслѣдованіи и министръ внутреннихъ дѣлъ. „Рефлексы головного мозга" вышли въ свѣтъ послѣ ареста книги, продолжавшагося болѣе года. Нѣсколько лѣтъ спустя ихъ постигла бы, безъ сомнѣнія, иная участь: при дѣйствіи закона 1872-го года они были бы уничтожены комитетомъ министровъ.

---

[1]) Въ „Вѣстникѣ Европы" напечатаны слѣдующія статьи И. М. Сѣченова: 1) Физіологія растительныхъ процессовъ (1870, окт., нояб. и дек.). 2) Замѣчанія на книгу г. Кавелина: „Вопросы психологіи" (1872, нояб.). 3) Кому и какъ разрабатывать психологію (1873, апр.). 4) Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на „Письма г. Кавелина" (1874, іюль). 5) Элементы мысли (1878, мартъ, апр.). 6) Ученіе о несвободѣ воли, съ практической стороны (1881, янв.). 7) Научная дѣятельность русскихъ университетовъ по естествознанію (1883, нояб.). 8) Впечатлѣнія и дѣйствительность (1890, май).

В. В. Лесевичъ, какъ и И. М. Сѣченовъ, оставилъ военную службу, чтобы предаться научнымъ занятіямъ, а сначала, пока это было для него возможно—и общественной дѣятельности. Много лѣтъ сряду онъ провелъ въ вынужденныхъ переѣздахъ изъ одного города въ другой, уменьшившихъ сумму его труда, но не повліявшихъ на его направленіе. Онъ много сдѣлалъ для ознакомленія русскаго общества съ тѣми теченіями западно-европейской мысли, которыя могутъ быть объединены подъ именемъ научной философіи. Его уважали и цѣнили даже такіе теоретическіе его противники, какъ Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ.

Имя А. Л. Шанявскаго, мало извѣстное при его жизни, займетъ видное мѣсто въ исторіи народнаго образованія въ Россіи. Много сдѣлавъ для сибирскихъ школъ и для женскаго медицинскаго института, онъ закончилъ свою дѣятельность крупнымъ пожертвованіемъ въ пользу свободнаго университета, открытіе котораго, благодаря ему, предстоитъ въ близкомъ будущемъ. На это же дѣло завѣщано имъ и все остальное его состояніе, за исключеніемъ пожизненнаго обезпеченія близкихъ ему людей.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

въ 1905 году.

Въ 1905-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

		экз.			экз.			экз.
1.	Харьковск..	217	23.	Волынская .	59	45.	Обл. В. Дон.	48
2.	Кіевская. .	184	24.	Московская.	59	46.	Кубанск. об.	46
3.	Херсонск. .	182	25.	Тульская. .	58	47.	Терская об.	46
4.	Екатериносл.	132	26.	Воронежск..	58	48.	Казанская .	46
5.	Саратовск. .	109	27.	Бакинская .	56	49.	Минская. .	46
6.	Тифлисская.	109	28.	Закасп. об.	56	50.	Симбирская.	44
7.	Варшавск. .	108	29.	Рязанская .	56	51.	Тобольская.	44
8.	Черниговск.	99	30.	Томская . .	54	52.	Кутаисская.	42
9.	Таврическ..	98	31.	Гродненская	52	53.	Псковская .	42
10.	Полтавская.	93	32.	Самарская .	52	54.	Ковенская .	42
11.	Тамбовская.	80	33.	Владимірск.	52	55.	Астраханск.	41
12.	Курская. .	78	34.	Вятская. .	52	56.	Сыръ-Д. об.	40
13.	Бессарабск.	70	35.	Лифляндск.	52	57.	Оренбургск.	40
14.	Иркутская .	69	36.	Пред. Китая.	52	58.	Виленская .	40
15.	Смоленская.	64	37.	Костромская	49	59.	Уфимская .	38
16.	Подольская.	63	38.	Ярославская	49	60.	Пензенская.	36
17.	Орловская .	63	39.	Калужская.	49	61.	Ломжинская.	36
18.	Тверская. .	63	40.	Витебская .	49	62.	Енисейская.	35
19.	Новгородск.	63	41.	Амурск. об.	49	63.	Эстляндская.	30
20.	Забайк. об.	62	42.	Нижегород.	49	64.	Вологодская.	30
21.	Пермская. .	62	43.	Примор. об.	48	65.	Акмол. об.	28
22.	С.-Петерб. .	62	44.	Могилевск..	48	66.	Карсская об.	27

67.	Люблинская	26	78.	Семирѣч. об.	18	89.	Кѣлецкая.	12
68.	Архангельск.	24	79.	Сѣдлецкая .	18	90.	Якутск. об.	11
69.	Елисаветпол.	23	80.	Олонецкая .	18	91.	Вазаская .	10
70.	Эриванская.	22	81.	Радомская .	18	92.	Тургайск. об.	8
71.	Курляндск.	22	82.	Черном. окр.	17	93.	С.-Михельск.	8
72.	Плоцкая .	21	83.	Семипал. об.	16	94.	Тавастгусск.	8
73.	Самарк. об.	21	84.	Ферган. об.	16	95.	Або-Бьернеб.	3
74.	Ставропольск.	20	85.	Выборгская.	16			
75.	Петроковск.	20	86.	Уральск. об.	15			4.630
76.	Сувалкская.	20	87.	Нюляндская.	14			
77.	Дагест. обл.	18	88.	Калишская.	12			

II. Въ С.-Петербургѣ	1.090
III. Въ Москвѣ.	524
IV. За границей	148
Всего: экз.	6.392

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ 1905 году.

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Январь (стр. 352):—Именной Высочайшій указъ 12-го декабря.—„Правительственное сообщеніе". — Записка С. Ю. Витте по крестьянскому вопросу.—Тревога, возбужденная ею въ нѣкоторыхъ органахъ печати.—„Духъ сословности" и мнимо-сословная льгота. — Проектъ сельскаго устава о наслѣдованіи.—Реформа губернскаго управленія.—Письмо къ редактору Н. А. Зиновьева. — А. А. Книримъ †.— Февраль (стр. 808): — Правительственныя сообщенія о событіяхъ 9-го и 10-го января. — Учрежденіе с.-петербургскаго генералъ-губернаторства. — Объявленіе министра финансовъ и спб. генералъ-губернатора.—Пріемъ Государемъ Императоромъ рабочихъ въ Царскомъ Селѣ.—Телеграммы „Agence latine". — Неразрѣшенныя недоумѣнія. — Комитетъ министровъ объ усиленной охранѣ.—Рабочій вопросъ, какъ часть общаго вопроса о будущемъ Россіи.—Порядокъ осуществленія указа 12-го декабря.—Земскія и дворянскія собранія.—Отставка кн. Святополкъ-Мирскаго.—Мартъ (стр. 353):— Высочайшій манифестъ 4-го февраля.— „Политика довѣрія" и „политика порядка". —Газетный призывъ къ репрессіямъ и казнямъ. — Мнимыя послѣдствія „уступокъ".—Мнимо-счастливая эпоха.—Идея земскаго собора; ея несвоевременность или своевременность, неосуществимость или осуществимость. — Положенія комитета министровъ по вопросамъ о земскомъ и городскомъ самоуправленіи, о печати, о вѣротерпимости. — Коммиссія Н. В. Шидловскаго.—Записки по рабочему вопросу. — Апрѣль (стр. 795):— Главный вопросъ дня.—Составъ и задача совѣщанія, образованнаго на основаніи Высочайшаго рескрипта 18-го февраля.— Различные взгляды на способъ организаціи перваго представительнаго собранія: проекты барона П. Л. Корфа, г. Н. З. и В. Д. Кузьмина-Караваева.—Переходный порядокъ или сразу всеобщая, равная и прямая подача голосовъ?—Будущая судьба фабричной инспекціи.—Законопроекты по рабочему вопросу. — Май (стр. 341):— Упраздненіе Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско - хозяйственной промышленности. —Историческая параллель. — Совѣщаніе И. Л. Горемыкина и вѣроятная судьба крестьянскаго вопроса. — Оригинальная децентрализація.—Новые проекты организаціи народнаго представительства. — Можно ли считать всеобщую и прямую подачу голосовъ политическою панацеей? —Необходимость безотлагательнаго осуществленія Высочайшаго рескрипта 18-го февраля.—Іюнь (стр. 772): — Перемѣна къ лучшему въ положеніи польско-литовскаго населенія Западнаго края.—Упраздненіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.—Совѣщаніе по аграрнымъ вопросамъ. — Мнѣніе М. М. Ковалевскаго о прямыхъ выборахъ и объ ограниченіяхъ избирательнаго права.— Профессоръ Ивановскій о всеобщей подачѣ голосовъ.—Псковское чрезвычайное губернское земское собраніе и совѣщаніе гофмейстера Булыгина.—Странныя противорѣчія.—Іюль (стр. 332): — Историческій день 6-го іюня. — Рѣчь кн. С. Н. Трубецкого и комментаріи къ ней.—Рефератъ П. А. Некрасова о „Новой Палатѣ".—Финляндія и государственная дума.—Министерство полиціи.—Характерное дѣло.—„Московская Недѣля" и тульская брошюра.—Послѣднія положенія комитета министровъ. — Августъ (стр. 748):—Высочайшіе пріемы 18-го и 21-го іюня.—Рѣчи членовъ „отечественнаго союза": „бытовыя группы" и „преобладающій голосъ". — Основныя черты офиціально проектируемой Государственной Думы.— Абсентеизмъ или участіе въ выборахъ?— Военное положеніе и „законный терроръ".— Законъ, охраняющій законность. —Заявленіе польскихъ націоналъ-демократическихъ группъ въ совѣтъ министровъ. — Сентябрь (стр. 343):—Государственные акты 6-го августа.—Главныя различія между учрежденіемъ Государственной Думы и первоначальнымъ его проектомъ. — Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу; недостаточное число выборщиковъ, обособленность выборщиковъ-крестьянъ.—Условія, безъ которыхъ невозможно правильное производство выборовъ.—Необходимость скорѣйшаго пополненія пробѣловъ, оставшихся въ положеніи о выборахъ.—Отмѣна указа, даннаго 18-го февраля правительствующему сенату. — Неурожай въ тульской губерніи. — Вопросъ о смертной казни несовершеннолѣтнихъ. — Октябрь (стр.

745):—Положеніе русскаго крестьянства по даннымъ оффиціальной „Коммиссіи о центрѣ". — **Д. Рихтера.** — Ноябрь (стр. 360):—Высочайшій манифестъ 17-го октября.—Почему онъ не положилъ конецъ тревожному настроенію?—Возможное отношеніе къ Государственной Думѣ. —Значеніе учредительнаго собранія. — „Либеральные элементы" и пролетаріатъ. —Трагизмъ переживаемой минуты.- Программа конституціонно-демократической партіи.—Положеніе о совѣтѣ министровъ. —Амнистія.—Правила о публичныхъ собраніяхъ. — Кн. С. Н. Трубецкой †.— Post-scriptum. — Декабрь (стр. 782):— Быстрая смѣна тревожныхъ событій.— Инструкція генералъ-адъютантамъ, посланнымъ въ волнующіяся губерніи.—Манифестъ 3-го ноября. — Необходимость широкой аграрной реформы. — Военное положеніе въ царствѣ польскомъ.—Резолюціи ноябрьскаго общеземскаго съѣзда. —Новыя формы гнета и нетерпимости.

II. Иностранное Обозрѣніе. — Январь (стр. 371):—Политическія событія истекшаго года.—Русско-японская война. —Ходъ военныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ.—Печальная судьба нашего флота. —Балтійская эскадра и патріотическія разъясненія капитана Кладо.—Настроеніе въ Японіи и японскій парламентъ.—Политическія дѣла въ западной Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ.— Февраль (стр. 834): — Паденіе Портъ-Артура и шансы дальнѣйшей кампаніи.—Причины и условія японскихъ успѣховъ.—Вопросъ о возможномъ мирѣ на Дальнемъ Востокѣ.— Трудное международное положеніе Россіи. —Стачка горнорабочихъ въ Вестфаліи.— Русско-германскій торговый договоръ.— Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи и во Франціи. — Пренія французской палаты депутатовъ и франко-русскія демонстраціи. — Мартъ (стр. 375): — Вопросъ о мирѣ и военныя дѣйствія. — Положеніе дѣлъ на театрѣ войны.—Международная коммиссія по поводу инцидента въ Сѣверномъ морѣ и ея заключительные выводы. — Странныя газетныя сообщенія.— Засѣданія британскаго парламента.—Торговые договоры и русско-германскій протекціонизмъ.—Апрѣль (стр. 829):—Мукденская катастрофа и ея значеніе.—Дѣятельность генерала Куропаткина и его штаба.—Вопросъ о продолженіи войны.— Особенности газетнаго патріотизма.—Сообщенія относительно предпріятій на р. Ялу. — Недоумѣнія и вопросы. — Наши финансы и заграничные кредиторы. — Предложеніе издателю „Times". — Май, (стр. 359):—Прусскіе и германскіе политическіе порядки, сравнительно съ нашими.—Вильгельмъ II, какъ „ограниченный" правитель.—Марокскій вопросъ и неожиданно новая его постановка.— Вліяніе русскихъ неудачъ на общую политику въ Европѣ.—Внутреннія дѣла во Франціи. — Іюнь (стр. 792): — Отзывы Вильгельма II о причинахъ нашихъ неудачъ.—Разсужденія полковника Гедке.— Недоумѣнія иностранной печати при оцѣнкѣ русскихъ дѣлъ.—Патріотическія фантазіи и ихъ послѣдствія. — Печальная судьба балтійской эскадры.—Вопросъ объ отвѣтственности и толки о будущемъ мирѣ. —Іюль (стр. 350:)—Значеніе и послѣдствія цусимскаго боя.—Запоздалое крейсерство.—Газетные толки о войнѣ и мирѣ. —Паденіе франко-русскаго союза и марокскій конфликтъ.—Политическіе кризисы въ Скандинавіи и Венгріи.— Августъ (стр. 782):—Переговоры о мирѣ. — Новые представители нашей дипломатіи: Н. В. Муравьевъ и С. Ю. Витте. —Вопросъ объ окончаніи войны и о возможныхъ условіяхъ мира.—Воинственныя консервативно-патріотическія заявленія. — Международная дѣятельность Вильгельма II.—Внутреннія дѣла въ Англіи и во Франціи. — Сентябрь (стр. 315):— Заключеніе мира съ Японіею. — Ходъ переговоровъ въ Портсмутѣ. — Спорные вопросы объ условіяхъ мира.—Правительственное сообщеніе.—Особенности японской дипломатіи и причины нашего успѣха. — Роль президента Рузевельта и заслуга статсъ-секретаря Витте.—Политическія перспективы на Дальнемъ Востокѣ. —Октябрь (стр. 780):—Новый союзный договоръ между Англіею и Японіею.— Общіе результаты мира. — Дипломатическіе успѣхи статсъ-секретаря С. Ю. Витте. —Старые грѣхи нашей международной политики.—Ноябрь (стр. 375):—Портсмутскій мирный договоръ. — „Заслуги" графа Ламздорфа. — Разоблаченія военныхъ порядковъ.—Значеніе войны для нашихъ внутреннихъ дѣлъ.—Международныя послѣдствія нашей мирной революціи.— Политика Вильгельма II.—Новая попытка оправданія манчжурской затѣи. — Декабрь (стр. 796): — Военныя дѣйствія внутри страны и возможное обсужденіе ихъ на Гаагской конференціи.—Несвоевременная дипломатическая кампанія противъ Турціи.—Политическія реформы и событія въ Австро-Венгріи.—Французскія дѣла.—Новый король.

III. Литературное Обозрѣніе.—Январь (стр. 389):—I. Н. Гаринъ, Корейскія сказки.—G. Ducrocq, Pauvre et douce Corée.—**А. П.**—II. А. В. Никитенко, Записки и Дневникъ. — III. В. Стоюнинъ, О преподаваніи русской литературы.—

IV. С. К. Буличъ, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. — V. П. И. Щукинъ, Щукинскій Сборникъ и пр.—VI. Л. Шепелевичъ, Историко-литературные этюды. —VII. На вичну пам'ять Котляревському. —**Евг. Л.** — VIII. С. Н. Прокоповичъ, Мѣстные люди о нуждахъ Россіи. — IX. В. А. Косинскій, Къ вопросу о мѣрахъ къ развитію производительныхъ силъ Россіи. — X. Очерки по крестьянскому вопросу, п. р. проф. А. Мануилова, вып. II.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры.— Февраль (стр. 850):—I. Лекціи по русской исторіи проф. С. Платонова. — II. Василенко, Н. П., О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи. — III. Дневникъ Елиз. Дьяконовой на высшихъ женскихъ курсахъ; Дневникъ русской женщины, ея же. — IV. Чюмина, О. Н., Драматическія сочиненія и переводы.— V. Зеленый Сборникъ стиховъ и прозы. —**Евг. Л.** — VI. Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.—**В. В.**— Новыя книги и брошюры.—Мартъ (стр. 390): — I. Богдановичъ, Т., Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи.—II. Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ, В. Розенберга и В. Якушкина.—III. Л. Сулержицкій, Въ Америку съ духоборами. — IV. А. Пановъ, Сахалинъ, какъ колонія. — V. Вс. Чешихинъ, Гамерлингъ, характеристика.—**Евг. Л.**— VI. И. Озеровъ, Экономическая Россія. —VII. Сочиненія К. Родбертусъ-Ягецова, вып. I.—**В. В.**—VIII. Проф. М. Грушевскій, Очеркъ исторіи украинскаго народа. —**И. Житецкаго.**—Новыя книги и брошюры.—Апрѣль (стр. 843):—Н. П. Загоскинъ, Исторія Имп. Казанскаго Университета, въ 3 том. 1804—1904 г.г. — Его же, За сто лѣтъ. Біограф. Словарь профессоровъ Казан. Университета. 1804 —1904 г.г.— II. Д. Нагуевскій, Профессоръ Францъ Броннеръ.—III. Въ защиту слова. Сборникъ. — IV. Сборникъ Товарищества „Знаніе", кн. III. — V. Сенатскій Архивъ, т. XI. — VI. Александра Ефименко, Южная Русь, т. I.—VII. Статьи по славяновѣдѣнію, вып. 1.— **Евг. Л.**— VIII. Война и наши финансы, П. П. Мигулина.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры. —Май (стр. 389): — I. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIX. —II. Русскіе портреты XVIII и XIX ст., т. I, вып. 1.—III. В. В. Стасовъ, Н. Н. Ге, его жизнь, произведенія и переписка. —IV. Зин. Венгерова, Литературныя характеристики.—V. Нижегородскій Сборникъ.—**Евг. Л.**—VI. Русскій музей имп. Александра III, сост. бар. Н. Врангель, два тома.—**W.**—VII. Кустарное дѣло въ Россіи, состав. кн. Ѳ. Голицынъ, т. I, ч. 1. — VIII. Историческій очеркъ дѣятельности херсонскаго губернскаго земства.—IX. В. Норовъ, Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики.—**В. В.** —Новыя книги и брошюры.—Іюнь (стр. 802):—I. Сочиненія Н. Г. Чернышевскаго: 1) Романъ „Что дѣлать?". 2) Статьи по крестьянскому вопросу. — II. Сборникъ товарищества „Знаніе" за 1904 г., кн. IV и V. — III. Сочиненія Чокана Валиханова.—IV. „Душа Японіи", японскіе разсказы, повѣсти и т. д. Перев. п. р. Н. Н. Азбелева.—V. Бар. Н. В. Дризенъ, Матеріалы по исторіи русскаго театра. — **Евг. Л.**—VI. Е. Д. Максимовъ, Городскія общественныя управленія въ дѣлѣ помощи бѣднымъ. — VII. Ф. И. Карповъ, Инспекція труда и охрана рабочихъ на Западѣ, ч. I.—VIII. В. Зомбартъ, Современный капитализмъ, т. II, перев. п. р. М. Курчинскаго. — **В. В.** — IX. „Къ вопросу объ организаціи указанія труда въ Россіи" и „Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею". — **А. К.**—Новыя книги и брошюры. — Іюль (стр. 365):— I. Проблемы психологіи. Ложь и свидѣтельскія показанія, вып. I, подъ ред. О. Б. Гольдовскаго, В. П. Потемкина и И. Н. Холчева.—II. Изъ жизни идей, научно-популярныя статьи проф. Ѳ. Зѣлинскаго. —III. П. А. Берлинъ, Пасынки цивилизаціи и ихъ просвѣтители. — IV. Ежегодникъ Русскаго Антропологическаго Общества при Имп. Спб. Университетѣ, изд. подъ ред. Б. Ф. Адлера.—V. Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. Денисюкъ.—VI. Сергѣй Маковскій, Собраніе стиховъ, кн. 1-я. —VII. П. Соловьева (Allegro). Иней, рисунки и стихи.—**Евг. Л.**—VIII. Крестьянскій строй, т. I.—IX. А. А. Корниловъ, Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи.— X. С. Н. Прокоповичъ. Къ рабочему вопросу въ Россіи.—**В. В.** — Новыя книги и брошюры. — Августъ (стр. 797): — I. Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка, т. I, составили В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Щеголевъ.—II. Записки И. Д. Якушкина.—III. Антонъ Менгеръ, Новое ученіе о государствѣ. — IV. На сибирскія темы, подъ ред. М. Н. Соболева.—V. Изъ украинской старины, проф. Н. Ѳ. Сумцова. —VI. Сборникъ тов. „Знаніе", книга VI. —VII. С. Подъячевъ, Мытарства. 1. Московскій работный домъ. 2. По этапу.— —VIII. Ежегодникъ министерства финансовъ, вып. 1904 г. — IX. Современные вопросы русскаго сельскаго хозяйства.— X. П. И. Мельгуновъ, Очерки по исторіи русской торговли IX — XVIII в. — XI. Н. Карышевъ, Изъ литературы во-

проса о крупномъ и мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры.—Сентябрь (стр. 378): — I. Андреевичъ, Опытъ философіи русской литературы. — II. А. А. Корниловъ, Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи. — III. Л. Шепелевичъ, Историко-литературные этюды. — IV. Александръ Новиковъ, Записки городского головы.—V. М. Арцыбашевъ, Разсказы, томъ I.—**Евг. Л.**—Новыя книги и брошюры.—Октябрь (стр. 795): —I. Бельтовъ, За двадцать лѣтъ.—II. Послѣднія сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. II.—III. I. Табурно, Правда о войнѣ.—IV. Танъ, Стихотворенія.—V. Оптимистъ, Въ ожиданіи. — VI. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.—**Евг. Л.**—VII. Ремесла и промыслы Херсонской губерніи.—VIII. А. А. Кауфманъ, Переселеніе и колонизація. — IX. А. Кофодъ, Крестьянскіе хутора на надѣльной землѣ. — X. Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ.—А. Ф. Волковъ, Секретаріаты рабочихъ и палаты труда въ Западной Европѣ.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры.—Ноябрь (стр. 393):—I. Россіевъ, П., „Общіе знакомые" и „Безъ героевъ".—**Z.**—II. Луначарскій, А., Этюды критическіе и полемическіе.—III. Овсянико-Куликовскій, Д. Н., Л. Н. Толстой какъ художникъ. — IV. „Сибирскіе Вопросы, періодическій сборникъ.—V. Горленко, В., Отблески.—VI. Подъячевъ, С., Среди рабочихъ.—**Евг. Л.**—VII. Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи, Н. Тройницкаго.—Распредѣленіе рабочихъ и прислуги по группамъ занятій и мѣсту рожденія.—VIII. В. Норовъ, Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры.—Декабрь (стр. 810): - I. Дмитріевъ-Мамоновъ, Декабристы въ Западной Сибири.—II. Луговой, А., „Цѣль вашей жизни?"; пов. и разсказы. — III. Петръ и Алексѣй, Д. С. Мережковскаго. —IV. Дерюжинскій, В. Ѳ., Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи.—**Евг. Л.** — V. Черненковъ, Н. Н., Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры.

IV. Новости Иностранной Литературы. — Январь (стр. 430):—I. Die Herzogin v. Padua, O. Wilde. — C. Hagemann, O. Wilde.—II. H. Bahr. „Theater". Ein Wiener Roman.—**З. В.**—Февраль (стр. 883): — I. Arthur Eloesser, Litterärische Portraits aus dem modernen Frankreich.—II. Willy, Minne.—**З. В.**—Мартъ (стр. 426):—I. S. Lublinski, „Die Bilanz der Moderne". — II. Max Dreyer, „Die Siebzehnjährigen", Schauspiel.—**З. В.**—Апрѣль (стр. 876):—I. R. Beer-Hofmann, Der Graf v. Charolais.—**З. В.** —II. La Pologne et la crise russe: 1. Lettre d'un Polonais à un Ministre russe. 2. Observations politiques à propos de la lettre d'un Polonais à un Ministre russe.—**Л. С.**—Май (стр. 419):—I. Léon Frapié. La Maternelle. II. Anatole France. Sur la Pierre Blanche.—**З. В.** — Іюнь (стр. 840): — I. A. Kerr, Das neue deutsche Drama.—II. Myriam Harry, La Conquête de Jerusalem, rom.—**З. В.** — Іюль (стр. 404):—I. Hermann Bahr. Sanna. Schauspiel in fünf Aufzügen. — II. Feth. Gedichte; Polonskij. Gedichte. Autorisierte Verdeutschung von Fr. Fiedler.—**З. В.**—Августъ (стр. 835):—I. Anton Menger. Neue Staatslehre.—**Г. Швиттау.** — II. Gabriele d'Annunzio. La Fiaccola sotto il moggio. Tragedia. — **З. В.** — Сентябрь (стр. 400):—I. Jakob Wassermann. Alexander in Babylon. — **З. В.** — Октябрь (стр. 834): — I. Robert Dreyfus. La Vie et les prophéties du comte de Gobineau. —**З. В.**—Ноябрь (стр. 429):—I. H. Sudermann, Stein unter Steinen.—II. A. Beaunier, Le Roi Tobol.—**З. В.** — Декабрь (стр. 837): — I. Rihard Dehmel. Ausgewählte Gedichte. — II. H. G. Wells. A modern Utopia.—**З. В.**

V. Изъ Общественной Хроники.— Январь (стр. 448):—Минувшій годъ.—Сессія губернскихъ земскихъ собраній.—Странное происшествіе въ Тамбовѣ. — Идеологія и законность. — Спорный вопросъ государственнаго права.—Реакціонная печать и реформы.—Еще о положеніи политическихъ ссыльныхъ.—Изъ области цензуры и печати.—Юбилеи „Русской Мысли", Н. П. Карабчевскаго и В. И. Ламанскаго.—Е. I. Лихачева, Н. М. Коркуновъ и П. Н. Обнинскій †.—Февраль (стр. 899): — Положеніе комитета министровъ объ охраненіи силы закона, о государственномъ страхованіи, о переустройствѣ земскаго и городского общественнаго управленія. — Постановленія земскихъ и дворянскихъ собраній.—Заявленіе профессоровъ и преподавателей высшихъ школъ.—Перемѣна въ управленіи министерствомъ юстиціи. — Мартъ (стр. 439):—Высочайшіе манифестъ, рескриптъ и указъ 18-го февраля. — Ожиданія и надежды. — Журналы комитета министровъ объ „исключительныхъ законоположеніяхъ" и о вѣротерпимости.— Пріостановка занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Рабочій вопросъ въ настоящемъ и ближайшемъ прошломъ.— Н. А. Карышевъ и П. О. Бобровскій †. —Апрѣль (стр. 889):—Правительствен-

ное сообщеніе 18-го марта.—Имѣется ли на лицо periculum in mora? — Необходимость образованія политическихъ партій. — „Правый флангъ монархической партіи“, поддѣльный и настоящій.—Дальнѣйшіе оттѣнки мнѣній.—Резолюція съѣзда журналистовъ. — Уличные безпорядки въ Псковѣ.—Совѣщаніе о печати.—Царство Польское и Финляндія. - Май (стр. 433): —Великій государственный актъ 17-го апрѣля.—Вѣротерпимость теперь и прежде. —Движеніе въ средѣ православной церкви.—Дальнѣйшій ходъ организаціи политическихъ партій.—Группа Д. Н. Шипова и общеземскія совѣщанія.—Различныя толкованія указа 18-го февраля. — Подвиги газетныхъ „добровольцевъ“. — Высочайшій указъ 10-го апрѣля. — P. S. Письмо въ Редакцію г. Н. Чайковскаго. —Іюнь (стр. 866):—Проектируемая новелла о печати.—Основная причина многихъ современныхъ противорѣчій.—Кто остается и кто уходитъ? — Указъ 17-го апрѣля и реакціонная печать. — Католицизмъ и унія. — Потрясающія вѣсти съ театра военныхъ дѣйствій.—Е. И. Якушкинъ †.—Іюль (стр. 419):—Новые типы, создаваемые новыми условіями.—Группировка партій, не исключающая возможность временного союза. — „Средняя позиція“ и „расположившіеся на ней люди“. — Мнимая панацея. — Военные суды и смертная казнь.—Законъ и циркуляръ.— Тревожныя вѣсти.—Д. Л. Мордовцевъ и П. Г. Мироновъ †.—Августъ (стр. 851): —Наступающій учебный годъ. — Статьи В. И. Вернадскаго и кн. Е. Н. Трубецкого. — Вольный университетъ и высшая русская школа въ Парижѣ. — Нежеланье и неумѣнье понять значеніе переживаемой нами минуты. — Дворянство и крестьянство.—Земскіе начальники.—Надвигающаяся опасность голода.—Свобода печати и право собраній. — Сентябрь (стр. 426): — Признаніе необходимости устраненія „излишнихъ стѣсненій“ отечественной печати.—Работы Особаго Совѣщанія по проекту новаго закона о печати и одновременная съ ними старая практика въ печатномъ дѣлѣ.—Оригинальная характеристика работъ Совѣщанія однимъ изъ его членовъ.—Главнѣйшія общія начала, выработанныя Совѣщаніемъ, и обязательное для него направленіе въ его работахъ.—Мотивы къ повсемѣстной отмѣнѣ предварительной цензуры и административныхъ взысканій. — Установленіе явочнаго порядка для открытія газетъ и журналовъ.—Отмѣна 140-й статьи нынѣшняго устава о печати и предварительной цензуры для книгъ.—Спеціальныя цензуры.—Цензура иностранныхъ книгъ и духовная цензура. — Необходимость ускорить нынѣ выходъ новаго закона о печати. — Октябрь (стр. 848): — Сентябрьскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей.—Отношеніе его къ вопросу объ участіи въ избраніи Государственной Думы.— Экономическая программа съѣзда. —Автономія нѣкоторыхъ областей равносильна ли „расчлененію“ Россіи? — Нѣсколько словъ по поводу письма В. И. Герье. — Перемѣна въ положеніи нашей высшей школы. — Общеземская организація помощи голодающимъ, Красный Крестъ и союзъ врачей.—Письмо А. А. Стаховича о борьбѣ съ послѣдствіями неурожая.—Постановленіе с.-петербургскаго дворянства. — Нѣсколько печальныхъ фактовъ. — Ноябрь (стр. 443):— Подъ первыми впечатлѣніями манифеста 17-го октября.—Забастовки.—Митинги.— Какъ назвать забастовочные дни: преддверіе революціи или революція въ настоящемъ? — Опасная сторона политическихъ забастовокъ въ интересахъ освободительнаго движенія.— Что означаютъ погромы черной сотни? — Новыя задачи общества и печати. — Сорокалѣтіе дѣятельности А. Ѳ. Кони. —М. И. Драгомировъ †.—Декабрь (стр. 860):—Ноябрьскія забастовки.—Забастовка почты и телеграфа.—Равноправны ли чиновники съ обывателями? — „Революціонное“ движеніе въ средней школѣ.—Событія въ арміи и во флотѣ. — Земскій и крестьянскій съѣзды въ Москвѣ.—Циркуляры и законность.—Курьезы изъ газетъ.—И. М. Сѣченовъ, В. В. Лесевичъ и А. Л. Шанявскій †.

VI. Библіографическій Листокъ.— Январь. — Кн. В. А. Черкасскій, и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, т. I, кн. О. Трубецкой. — Памяти И. В. Мушкетова. Сборникъ статей по геологіи, изд. п. р. К. И. Богдановича и А. П. Герасимова.—Геологія, т. I, А. А. Иностранцева. — Современная международная правоспособность папства, А. Байкова. — Матеріалы къ исторіи русскаго театра, бар. Н. В. Дризена. — Былины: Вольга, изд. И. Билибина.—Февраль:— Исторія г. Москвы, ч. 1-ая, Ив. Забѣлина.—Полное собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, кн. V.—Русская живопись, В. А. Никольскаго. — Всеобщая исторія О. Іегера, вып. 1-ый.—Собраніе сочиненій Г. Ибсена, т. III, перев. съ дат. А. и П. Ганзенъ. — Мартъ: — Жизнь и труды М. П. Погодина, Николая Барсукова, кн. XIX.—Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій (1762—1825 гг.). — Кустарное дѣло въ Россіи, кн. Ѳ. С. Голицына, т. I.—Сенатскій Архивъ, т. XI.— Апрѣль:—Н. Н. Ге, его жизнь, произ-

веденія и переписка, В. В. Стасова. — Корея—„запретная" страна, В. Алова.— Система русскаго гражданскаго права, К. Анненкова.—Вопросы начальной школы, Е. Чебышевой-Дмитріевой. — Курсъ двойной бухгалтеріи, С. М. Бараца.— Справочная книга для путешественниковъ, Ю. Шокальскаго, проф. К. Богдановича и др.—Май:—Ѳ. Зѣлинскій, Изъ жизни идей. Т. II: Древній міръ и мы.— Н. Карѣевъ, Государство-городъ античнаго міра.—В. Эндрузъ, Исторія Соедин.-Шт. послѣ междоусобной войны (1861—62 гг.), съ англ. Е. Гурвичъ.— Н. Азбелевъ, „Душа Японіи". — Н. Дружининъ, Очерки крестьянской общественной жизни.—Іюнь:—Собраніе трактатовъ и конвенцій Россіи съ иностранными державами, Ф. Мартенса, т. XIV: Трактаты съ Франціею, 1807—20 г.г.—Кладо, Н. Л., Современная морская война.— Лоуэлль, А., Правительства и политич. партіи въ государствахъ зап. Европы.—Крестьянскій строй, т. I: Сборникъ статей. — Въ защиту слова. Сборникъ. I. Статьи, стихотворенія и замѣтки. – Іюль:—Дмитріевъ-Мамоновъ, В. А., Указатель дѣйств. въ Имперіи акціонерныхъ предпр. и торгов. домовъ, т. I и II. — Ежегодникъ министерства финансовъ, 1904 г.— Костомаровъ, Н., Русская исторія въ жизнеоп. ея главн. дѣятелей, т. II. — Чернышевскій, Н. Г., Сочиненія: Статьи по крестьянскому вопросу, 1857—59 г.г.—Аваловъ, З., Децентрализація и самоуправленіе во Франціи.—Головачевъ, П., Сибирь: Природа, люди и жизнь.—Саккетти, Л., Эстетика въ общедоступномъ изложеніи. — Августъ: — Генрикъ Ибсенъ, Собраніе сочиненій, т. IV, перев. А. и П. Ганзенъ. —Н. Сѣверный, Государственный и общественный строй въ Англіи, Франціи, Германіи и С.-А. Соединенныхъ Штатахъ.— Сергѣй Шараповъ, Опытъ русской исторической программы. — Г. П. Сазоновъ, Народное представительство безъ народа. —Постоянно нейтральное государство, юридическое изслѣдованіе барона Б. Э. Нольде.—Сентябрь:—П. А. Некрасовъ, Государство и Академія.—Конституціонное государство, сборникъ статей. — Н. Бельтовъ, Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. — Октябрь: — А. Ѳ. Кони, Судебныя рѣчи, изд. 4-ое. — Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, изд. В. К. Николая Михаиловича. — Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій, его жизнь, творенія, письма и статьи, изд. п. р. В. В. Стасова. — Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, книга 7-я: Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. — В. Я. Стоюнинъ, Пушкинъ, 2-е изданіе. — Ноябрь: — Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. —Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. 120-й. — Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И., Декабристы въ Западной Сибири. —Максутовъ, кн. В. Л., Исторія древняго Востока, т. II. — Симоненко, Г., Основные вопросы статистики, исторіи, соціологіи и этики.—Декабрь:—Де-Волланъ, Григ., Въ странѣ „Восходящаго Солнца".—Новомбергскій, Н., Освобожденіе печати во Франціи, Германіи, Англіи и Россіи. — Полное собраніе сочиненій Н. Г. Чернышевскаго, т. VII. — Богаевскій, П., Красный Крестъ. — Коркуновъ, Н. М., Русское государственное право, томъ II.

VII. Извѣщенія. — Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей М. И. Маляревскаго и Е. Н. Радина (янв., 468; февр., 911; нояб., 455).—Отъ Канцеляріи Женскаго Патріотическаго Общества (февр., 911). Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона (февр., 911; мартъ, 454; іюнь, 880).— Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. университета св. Владиміра (іюнь, 880; нояб., 455).

СОДЕРЖАНІЕ
ШЕСТОГО ТОМА

Ноябрь — Декабрь, 1905.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь.

Книга двѣнадцатая. — Декабрь. стр.

